

Джонатан ЛИНН, Энтони ДЖЕЙ

ДА, ГОСПОДИН МИНИСТР

*Из дневника
члена кабинета министров
достопочтенного Джеймса Хэкера,
члена парламента*

THE COMPLETE
YES
MINISTER

ff

The Diaries of a Cabinet Minister

by

the Right Hon. James Hacker MP

Edited by Jonathan Lynn and Antony Jay

Джонатан ЛИНН, Энтони ДЖЕЙ

ДА, ГОСПОДИН МИНИСТР

*Из дневника
члена кабинета министров
достопочтенного Джеймса Хэкера,
члена парламента*

Москва
Международные
отношения
1989

ББК 84.34(4 Вл)
Л59

Перевод с английского *С. В. Кибирского*

Линн Дж., Джей Э.

Л59 Да, господин министр. Из дневника члена кабинета министров почтенного Джеймса Хэкера, члена парламента: Пер. с англ. — М.: Междунар. отношения, 1989. — 496 с.

ISBN 5-7133-0181-8

Написанная в форме дневников министра Джеймса Хэкера, якобы обнаруженных в 2019 году, книга обращена в наше время. В центре событий — вымышленный образ министра административных дел. В сатирическом плане показано, как любая попытка Хэкера принять серьезное государственное решение наталкивается на жесткий отпор бюрократической машины.

Для широкого круга читателей.

ББК 84.34(4 Вл)

ISBN 5-7133-0181-8 (СССР)

© Jonathan Lynn and Antony Jay,
1985

ISBN 0-563-20323-4

© Перевод на русский язык
«Международные отношения», 1984

Косность государственных институтов, всевластие чиновников, коррупция, подкуп, несовершенство машины управления — словом, все, что входит в понятие административно-бюрократической системы, — не раз служили поводом для сатирического обличения, в частности в английской литературе.

Советский читатель, несомненно, помнит яркий политический памфлет о бюрократии Норткота Паркинсона «Закон Паркинсона», книгу Дэвида Фроста и Энтони Джея «Англия — с любовью», содержащую убийственную характеристику бюрократической машины, сатирический роман Кейта Уотерхауса «Конторские будни».

И вот — новый остросатирический памфлет Джонатана Линна и Энтони Джея «Да, господин министр». Интересно, что вначале под тем же названием появился телевизионный сериал, а затем его сценарий лег в основу книги. Книга выходила частями в 1981 — 1983 годах. За короткий срок она успела завоевать огромную популярность не только в Англии, но и в США, Канаде, Австралии, ряде других стран.

Секрет такого успеха кроется в личности авторов, хорошо известных в Англии. Энтони Джей много лет работал на телевидении, а затем целиком переключился на литературную деятельность. Его перу принадлежит несколько документальных и публицистических книг. Джонатан Линн — театральный актер и режиссер, автор многих телевизионных постановок. Но главное, конечно, — в самом содержании книги, за вымышленными персонажами которой даже неанглийскому читателю легко узнать конкретных лиц, а за вымышленными ситуациями — реальные события политической жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	7
1. Открытое правительство	11
2. Официальный визит	31
3. В погоне за экономией	56
4. «Электронное досье»	79
5. Перст судьбы	101
6. Право знать	124
7. Теплые местечки для своих парней	149
8. Общество милосердия	169
9. Список приговоренных	198
10. Раздача наград	223
11. Ярмарочный столб	243
12. Знать бы, где упадешь	267
13. Качество жизни	291
14. Проблемы лояльности	313
15. Равные возможности	336
16. Вызов	361
17. По моральным соображениям	385
18. Терновый венец	407
19. «Пьющий падре»	429
20. Маленькие слабости среднего класса	453
21. Скелет в шкафу	474

ОТ РЕДАКТОРОВ

Очевидно, читателю будет небезынтересно узнать, каким образом мы работали над публикуемым дневником, сводя миллионы слов в одну сравнительно небольшую книгу.

Джеймс Хэкер начал вести дневник со дня своего назначения министром. Пользовался он для этого кассетным магнитофоном — иногда каждый день, а чаще в конце недели, когда находился дома, в своем избирательном округе. Вначале он делал это просто, что называется, для памяти, но вскоре понял: подобный документ, детально воссоздающий картину ежедневных забот и волнений члена кабинета Ее Величества, может иметь отнюдь не сиюминутный интерес.

Прежде чем стать профессиональным политиком, Хэкер был преподавателем политехнического колледжа, а затем — издателем журнала «Реформ». Первое переложение магнитофонного материала на бумагу оказалось практически нечитабельным, поскольку дневник велся *ad lib**, в конспективной форме, не говоря уже о том, что в нем было немало различного рода погрешностей. Будучи журналистом, Хэкер не отличался особой склонностью к достоверному изложению событий.

Помимо отмеченных недостатков материал изобиловал массой утомительных повторов, без которых не обходится ни один дневник профессионального политического деятеля. Годы, отданные Хэкером большой политике, приучили его употреблять двадцать фраз там, где вполне хватило бы одной, диктовать миллион слов вместо нескольких тысяч и при этом стараться облечь свои мысли в настолько туманную форму, чтобы они были как можно менее понятны. Абсолютное смешение понятий — вожделенная мечта всех политиков, ибо в этом сокрыта их временная безопасность.

Однако природный дар Хэкера, скажем, к специфическому использованию родного языка, столь необходимый для политика,

* Произвольно, «как захочется» (*лат.*). Здесь и далее примечания, помеченные звездочками, переводчика и издательского редактора.

оказался серьезной помехой для автора будущей книги. Видимо, вначале он планировал стилистически доработать рукопись, но со временем отказался от этого намерения. По свидетельству леди Хэкер, ему вдруг стало непонятно, с какой это стати его мемуары, в отличие от прочих, должны отвечать «повышенным требованиям».

Таким образом, редактированием пришлось заниматься нам, но при расшифровке магнитофонных записей обнаружилось еще одно существенное препятствие. Дело в том, что начальные главы книги готовились еще при жизни этого великого государственного деятеля. Он лично просматривал материал и высказывал свои соображения по выбору и компоновке тех или иных эпизодов. Последние же главы были еще не обработаны, когда «прозвенел последний звонок», и тут мы обнаружили, что речь Хэкера постепенно становится все неразборчивее, туманнее... Возможно, здесь повинен диктофон, но наша задача, увы, от этого не стала легче.

И все-таки мемуары Хэкера можно смело считать уникальным вкладом в развитие наших представлений о том, как осуществлялось государственное управление в Великобритании в 80-е годы.

В процессе работы нам пришлось столкнуться с проблемами фактологического, стилистического и интерпретационного порядка.

Сначала о фактологии. В целом, несмотря на значительную путаницу в записях Хэкера, мы старались сохранить сюжетную линию повествования и поэтому доводили каждый эпизод или цепь событий до логического завершения. В таком подходе, безусловно, кроется определенная опасность искажения авторской мысли, и мы готовы к возможному возмущению читателей: раз Хэкер сам так путанно рассказывает о своей деятельности на посту министра, то не должно ли это найти отражение и в его опубликованных дневниках? На это можем только ответить, что если бы мы пошли таким путем, то описываемые Хэкером события стали бы столь же непонятны читателю, сколь непонятны они были ему самому.

Стилистика. Мы дописывали незаконченные фразы, расставляли знаки препинания, уточняли метафоры и исправляли грамматические ошибки, за исключением, конечно, тех случаев, когда сохранение оригинала представлялось нам безусловно необходимым для более точного отображения внутреннего состояния автора.

И, наконец, несколько слов о проблемах интерпретации. Как правило, мы оставляли без изменения двусмысленности подлинника, усматривая в них проявления политического искусства Хэкера. Хотя из его слов часто трудно понять суть того или иного события, в ряде случаев подобного рода туманность, безусловно, была намеренной.

Мы полагаем, что в конечном итоге книга довольно точно отражает жизненный путь и умонастроения одного из выдающихся политических деятелей страны. Если же отражение иногда

рябит, то необязательно в этом виновато зеркало. Сам Хэкер трактовал события в зависимости от ситуаций, поэтому читателю придется в каждом конкретном случае делать собственные выводы относительно того:

- а) произошло ли событие на самом деле;
- б) произошло ли оно лишь в воображении Хэкера;
- в) выдает ли автор желаемое за действительное;
- г) не стремится ли он убедить других в том, что происходило

на самом деле;

д) не хочет ли он заставить других поверить, будто и сам он верит, что данное событие действительно имело место.

Как правило, в своих мемуарах политические деятели стараются привлечь внимание к собственным успехам, а не к поражениям. Они также предпочитают рассказывать о событиях, отдаленных во времени, а не о тех, что произошли сравнительно недавно. А поскольку карьера Хэкера, как и большинства его собратьев по профессии, складывалась в основном из неудач и провалов, публикация его дневника, вероятно, не имела бы сколь-нибудь серьезного исторического значения. Однако благодаря тому, что у автора не было практической возможности внести в текст соответствующие изменения или сделать определенные изъятия, так сказать, «в свете последующих событий», нам все-таки удалось сотворить из этой мешанины документальное произведение, представляющее уникальную ценность для всех, кого интересует данный период истории Великобритании.

Книга охватывает весь период пребывания Хэкера на посту министра административных дел. Возглавляемое им министерство было создано как головная организация (наподобие министерства экономики Джорджа Брауна при правительстве Вильсона в 50-х годах) по координации и контролю административной деятельности всех правительственных учреждений. Теоретически Хэкеру давались широкие полномочия для инспектирования и принятия мер в случае административной неэффективности или неоправданных расходов государственного аппарата. Однако на практике, хотя его министерство и было создано для контроля над государственными служащими, комплектовалось оно из тех же государственных служащих. Так что читателю нетрудно представить себе неизбежный результат деятельности Хэкера на этом ответственном посту.

В процессе работы над книгой нас, редакторов, нередко удивляло, почему у Хэкера, этого большого мастера по части «напускания тумана», на посту министра возникали такие сложности в отношениях с подчиненными ему чиновниками, которые тоже в этом весьма преуспели. Наивность Хэкера в оценках мотивов и поступков его коллег по министерству порой просто трогательна.

В следующей книге, озаглавленной «Да, господин премьер-министр», рассказывается о деятельности Хэкера на Даунинг-

Стрит, 10* — столь же безуспешной — и о его политической кончине, когда его «вышибли наверх», в палату лордов (как она тогда называлась).

Готовя книгу к изданию, мы пользовались и другими источниками. Хэкер, естественно, был не в курсе целого ряда событий и бесед. Безусловно, многое бы изменилось в его восприятии, узнай он о них. В частности, после окончания срока действия Закона о государственных тайнах в наше распоряжение попала вся служебная документация сэра Хамфри Эплби. Нам сказочно повезло и в том, что, будучи первоклассным профессионалом, он свято верил в необходимость фиксировать все происходящее на бумаге. Нам удалось также познакомиться с личными дневниками сэра Хамфри, за что мы искренне признательны работникам Государственного архива и попечителям Фонда наследия сэра Хамфри Эплби.

И наконец, мы благодарны судьбе за счастливую возможность несколько раз лично беседовать с сэром Хамфри еще до того, как в силу преклонного возраста у него наметился внешне неощутимый, но уже существующий разрыв между работой мысли и речью. Хотелось бы выразить благодарность и персоналу больницы святой Димпны для престарелых, где Хэкер провел последние годы своей жизни.

Более же всего мы признательны сэру Бернарду Вули, кавалеру ордена Бани I степени, бывшему главе государственной службы, который в течение всего описываемого периода являлся личным секретарем Хэкера. Не жалея своего времени, он вносил ценные уточнения и делился с нами уникальными воспоминаниями. Вина же за возможные неточности и фактические ошибки целиком и полностью лежит на нас.

*Джонатан Линн,
Энтони Джей*

*Колледж Хэкера, Оксфорд,
сентябрь 2019 года*

* Официальная резиденция премьер-министра.

1

ОТКРЫТОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

22 октября

Точнее — раннее утро двадцать третьего. От возбуждения не нахожу себе места. Я только что переизбран в парламент от Ист-Бирмингема. После затянувшегося пребывания в оппозиции наша партия наконец-то победила на всеобщих выборах. Мы снова у власти!

После объявления результатов голосования я отправился к Споттсвуду (*председателю отделения партии в избирательном округе Хэкера. — Ред.*) отметить это событие. И там я собственными ушами услышал, как Роберт Маккензи с экрана телевизора заявил: «...Итак, Джим Хэкер вновь избран, получив еще большее количество голосов в своем неустойчивом* избирательном округе. В течение многих лет он был министром теневого кабинета и теперь вполне определенно может рассчитывать на пост министра кабинета в новом правительстве».

И хотя Робин Дей высказал на этот счет некоторые сомнения, я все-таки надеюсь, что Боб Маккензи зря говорить не будет.

23 октября

Я по-прежнему полон радужных надежд. Однако не дает покоя мысль: что же известно Робину Дею, чего не знаю я?

С утра не отхожу от телефона. Ни один потенциальный член кабинета не позволяет себе отходить от телефона дальше чем на двадцать футов в первые двадцать четыре часа после назначения нового премьер-министра. Если за это время звонка не последует, значит, мечты о министерском портфеле были тщетными.

Энни все утро поила меня горячим кофе. После обеда, когда я опять сел у телефона, попросила помочь ей приготовить брус-

* Избирательный округ, где исторически сложилось примерное равенство консервативной и лейбористской партий и результаты выборов определяются в прямом смысле несколькими сотнями голосов. Как правило, в таких округах баллотируются начинающие политические деятели, неугодные партийному руководству.

сельскую капусту на ужин, если мне «больше нечего делать». Сказал, что не могу, жду звонка.

— От кого? — Иногда Энни бывает на редкость несообразительна.

Зазвонил телефон. Я схватил трубку. Нет, это Фрэнк Визел, мой советник по политическим вопросам. Сообщил, что едет к нам. Энни это совсем не обрадовало.

— Почему бы ему не перебраться сюда насовсем? — съязвила она.

Иногда я просто не понимаю ее. Пришлось терпеливо объяснять, что Фрэнк как советник по политическим вопросам значит для меня больше, чем кто бы то ни было.

— Вот и живи с ним! — вспыхнула она. — Объявляю вас мужем и политическим советником. Кого политика соединила, да не разлучит жена!

Ей нелегко, я знаю. Довольно неблагоприятное это дело — быть женой члена парламента. Может, хоть теперь, когда я стану министром, ей наконец воздастся по заслугам.

Телефон трезвонил весь день: Спортсвуд, Совет газовых трестов, Фрэнк и прочие, и прочие... Всем не терпелось меня поздравить.

— С чем? — спросил я Энни. — Неужели они не понимают — я жду звонка?

— Можно подумать, будто министерство уже у тебя в кармане.

— Безусловно. Вопрос только в том, какое, — парировал я.

— Прекрати свои дурацкие шутки! — вдруг истерически выкрикнула Энни. И начала рвать волосы на голове.

Наверно, она слегка переутомила, подумал я. — Ты, наверно, переутомилась?

Она снова завизжала и бросилась на пол. Хотел было вызвать «скорую», но подумал: «В самый ответственный момент ЖЕНУ НОВОГО МИНИСТРА УВОЗЯТ В СМИРИТЕЛЬНОЙ РУБАШКЕ!» Как это скажется на моей карьере?

— Ты, наверно, переутомилась, — с опаской повторил я.

— Нет! — завопила она. — Нет, нет, нет! Как я могу переутомиться, ведь я жена политика! Мне по должности не положено переутомляться. Я счастливая, беззаботная жена политика!

— Тогда что же ты делаешь на полу?

— Ищу сигарету...

— Посмотри в сигаретнице, — посоветовал я, стараясь сохранить спокойствие.

— Там пусто.

— Тогда прими валиум.

— Я не знаю, где он, потому и ищу сигарету. Джим, сделай одолжение, сходи за сигаретами.

Опять пытаюсь объяснить ей, что не могу отойти от телефона. Но Энни, как всегда, не желает ничего понимать.

— Послушай, — сказала она, — если ПМ (*премьер-министр. -Ред.*) действительно намерен сделать тебя членом этого проклятого кабинета, он позвонит еще раз. Или попросит тебя позвонить.

Боюсь, Энни никогда не понять всех политических тонкостей.

(Хэкер нервничал. Он был совсем не уверен в своем назначении, потому что сравнительно недавно руководил кампанией Мартина Уолкера за лидерство в партии против нового премьер-министра. Сейчас вопрос заключался в том, чувствует ли себя ПМ достаточно сильным, чтобы проигнорировать Джима Хэкера, или же в интересах единства партии будет вынужден дать ему приличный пост. — Ред.)

К концу дня я уже знал по своим каналам, что Билл получил Европу. Бедная старушка Европа! Билл не знает ни французского, ни немецкого. Собственно, он и на родном-то языке двух слов связать не может. Мартину, как и ожидалось, достался Форин оффис*, Джеку было отдано наше здоровье, а Фреду — энергетика.

Услышав об этих назначениях, Энни поинтересовалась, не достались ли кому мозги. Очевидно, она имела в виду министерство просвещения.

24 октября

Итак, я — министр.

Сегодня состоялось мое первое знакомство с аппаратом министерства. Должен признаться, я потрясен.

Из канцелярии премьер-министра позвонили около девяти утра. Несмотря на бессонную ночь, мы с Фрэнком Визелом первым же поездом отправились в Лондон. С вокзала, схватив такси, — прямо на Даунинг-стрит, 10, где ПМ официально предложил мне возглавить министерство административных дел (*МАД.— Ред.*).

Весьма важный пост. Думаю, по меньшей мере восьмой или девятый в государственной табели о рангах. Правда, Мартин, поздравляя меня по телефону, не преминул напомнить, что МАД наряду с МВД считается чем-то вроде политической могилы и что ПМ, возможно, назначил меня туда не без мстительного умысла. Как бы там ни было, я твердо намерен у себя в министерстве поставить работу как должно и доказать премьер-министру, что меня не так просто загнать в угол.

Честно говоря, я рассчитывал на портфель министра сельского хозяйства, поскольку все семь лет пребывания в оппозиции занимался в основном этой отраслью и поднакопил достаточно интересных мыслей о ее дальнейшем развитии. Однако ПМ по каким-то необъяснимым соображениям предпочел вариант с министерством административных дел.

(В нашем распоряжении оказалась служебная записка постоянного заместителя министра сельского хозяйства сэра Эндрю

* Министерство иностранных дел и по делам Содружества (МИДДС).

Доннели, в которой он настоятельно советовал секретарю кабинета сэру Арнольду Робинсону не допускать Хэкера к сельскому хозяйству, учитывая его «чрезмерную увлеченность этими вопросами». Как видно из документов кабинета, сэру Арнольду удалось убедить премьер-министра в нецелесообразности назначения Хэкера на пост министра СХ. По словам сэра Арнольда, Хэкер «слишком много времени посвятил сельскому хозяйству и, похоже, проявляет к нему в известной мере нездоровый интерес». — Ред.)

После аудиенции на Даунинг-стрит, 10 мы с Фрэнком сели в служебный автомобиль и немедленно отправились в МАД. Там у главного входа нас встречали мой личный секретарь Бернард Вули — на первый взгляд вполне симпатичный молодой человек — и его помощник.

К моему удивлению, Бернарду уже было известно, кто такой Фрэнк Визел, хотя, когда мы вышли из машины, он назвал его Вейзелем, что всегда приводит Фрэнка в бешенство.

Пройдя по бесконечному лабиринту коридоров, мы подошли наконец к моему кабинету. Тут я заметил, что Фрэнк куда-то исчез. Меня успокоили: мол, о нем позаботятся. Ужасно милые, предупредительные люди!

Кабинет оказался довольно просторным: в глаза бросились большой письменный стол, длинный стол для совещаний со множеством стульев и небольшой кофейный столик в окружении нескольких кресел. Все достаточно безлико. Бернард сразу же направился к встроенному бару.

— Что-нибудь выпьете, господин министр?

— Джим, — сказал я, давая понять, что можно обойтись без излишних формальностей и называть друг друга по имени.

— Джин? — переспросил он, очевидно, не расслышав.

— Нет, Джим. Называйте меня просто Джим.

На что он ответил:

— Если вы не возражаете, я предпочел бы называть вас «господин министр», господин министр.

Господин министр, господин министр? Это напомнило мне Майора Майора из «Уловки-22»*.

— Значит, я вас тоже должен называть «господин личный секретарь», господин личный секретарь? — спросил я.

Бернард ответил, что я могу называть его просто Бернардом. Со временем, надеюсь, мне удастся уговорить его называть меня просто Джимом.

Вскоре в кабинет вошел сэр Хамфри Элпби, мой постоянный заместитель, руководитель аппарата министерства. Ему чуть за пятьдесят. Впрочем, он, скорее, из тех, кто не имеет возраста. Обаятелен и интеллигентен — настоящий мандарин**.

* Роман известного американского писателя-сатирика Джозефа Хеллера.

** В Великобритании мандаринами называют высших государственных чиновников.

— Вы, кажется, уже встречались, — заметил Бернад. Во второй раз я отметил, насколько хорошо информирован этот молодой человек.

— Да, — улыбнулся сэр Хамфри, — нам действительно доведется скрестить мечи в Парламентском комитете по бюджетным расходам, когда господин министр устроил мне допрос по проекту государственного бюджета по расходам. Помнится, он задавал именно такие вопросы, которые, как я надеялся, мне никто не задаст.

Великолепно! Сэр Хамфри явно восхищается мною.

— Что ж, — я примирительно развел руками, — оппозиция на то и существует, чтобы задавать неудобные вопросы...

— А правительство — чтобы на них не отвечать, — закончил сэр Хамфри.

Я был удивлен.

— Но, насколько мне помнится, вы тогда ответили на все мои вопросы.

— Рад, что вам так показалось, господин министр.

Не совсем поняв, что он этим хотел сказать, я решил перевести разговор на другую тему и поинтересовался остальным персоналом министерства.

— В общих чертах, сэр, наша структура такова: я заместитель министра, известный как постоянный заместитель министра*, Бернад Вули — ваш главный личный секретарь. У меня также имеется главный личный секретарь, то есть главный личный секретарь постоянного заместителя министра. В моем непосредственном подчинении находятся десять заместителей, восемьдесят семь заместителей заместителей и двести девятнадцать помощников заместителей. В непосредственном подчинении у главных личных секретарей находятся просто личные секретари. Кроме того, двух парламентских заместителей министра назначает премьер-министр и одного личного парламентского секретаря назначите вы.

— Надеюсь, все они умеют печатать? — пошутил я.

— Никто из нас не умеет печатать, господин министр, — бесстрастно ответил сэр Хамфри. — Печатает миссис Маккей. Она ваш секретарь.

Не могу сказать, шутил он или нет, однако рискнул продолжить:

— Какая жалость. Мы могли бы открыть машбюро.

Сэр Хамфри и Бернад улыбнулись.

— Очень остроумно, сэр, — сказал сэр Хамфри.

— Очень мило, сэр, — сказал Бернад.

* Непосредственный руководитель деятельностью аппарата министерства. В отличие от министра кабинета, при смене правительства сохраняет свой пост.

Интересно, они действительно оценили мое остроумие или снизошли из вежливости?

— Наверно, так говорят все новые министры, — на всякий случай добавил я.

Сэр Хамфри рассеял мои сомнения:

— Конечно, нет, господин министр. Далеко не все.

Надо, не откладывая, брать бразды правления в свои руки, решил я. Подошел к столу и сел, к своему ужасу, во вращающееся кресло. Я ненавижу вращающиеся кресла. Но Бернард поспешил заверить меня, что в этом кабинете все: интерьер, мебель, картины и даже заведенный порядок работы — абсолютно все можно поменять в зависимости от моего желания. Здесь я полновластный хозяин. Он еще добавил, что на складе имеется два типа сидений для двух типов министров: одни — «быстро складывающиеся», — другие — «ходят кругами». Это что — шутка?

Удобный момент прямо сказать им, что я обо всем этом думаю.

— Так вот, друзья, говоря откровенно, я намерен понастоящему перетряхнуть замшелую бюрократию Уайтхолла. Нужна новая метла. Надо открыть окна и проветрить помещение. Пришло время положить конец крючкотворству, волоките и смазать наконец эту старую, скрипучую бюрократическую колымагу. Мы должны избавиться от бездельников, слишком много у нас развелось горе-работников, которые только штаны просиживают за своими столами...

Тут я, правда, сообразил, что и сам сижу за столом, но, надеюсь, они прекрасно поняли, что я, конечно же, не себя имел в виду.

Пояснил, что прежде всего необходимо избавиться от тех, кто сам ничего не делает и только загружает ненужной работой других. Сэр Хамфри понял все с полуслова и высказал предположение, что, очевидно, я имею в виду определенные кадровые перестановки. Совершенно верно. Кадровые перестановки. Именно это я имел в виду. Непомерно раздутый чиновничий аппарат, безусловно, требует основательной чистки, хотя, честно говоря, лично мне совсем не хотелось брать на себя ответственность за лишение сограждан работы.

Тем более что, говоря о «новой метле», я имел в виду более открытое правительство. На этот счет мы давали предвыборные обещания. И я твердо решил выполнять их. Мы должны заслужить доверие народа. Все это я довел до сведения Хамфри и Бернарда, которые, как ни странно, с пониманием и даже с энтузиазмом восприняли мою программу действий.

Более того, Хамфри тут же процитировал несколько моих выступлений на эту тему в палате общин. Упомянул также мою статью в «Обсервер», интервью в «Дейли мейл» и наш манифест. Поразительно, как много он обо мне знает. А когда он вынул

из папки готовый проект моих предложений для Белой книги*, я был совершенно потрясен. Вот это оперативность! По словам Хамфри, они как раз планировали выпустить Белую книгу под названием «Открытое правительство».

Подумать только: спустя всего тридцать шесть часов после избрания нового правительства и буквально в считанные минуты после моего появления в министерстве мне на стол кладут готовый проект моих предложений! Да еще в последний день недели. Молодцы! Я полюбостествовал, кто это так здорово поработал.

— Да старая, скрипучая бюрократическая колымага, — с улыбкой ответил сэръ Хамфри. — Серьезно, господин министр, мы полностью осознаем необходимость кардинальных изменений и готовы предпринять конкретные шаги.

— Откровенно говоря, у меня были опасения, что с вами придется воевать по каждому пустяку, — признался я.

На это сэръ Хамфри заметил, что, к сожалению, многие еще находятся в плену нелепых представлений о государственных служащих.

— Наша главная задача — оказывать всемерную помощь в формулировании и претворении в жизнь ваших решений, — добавил он.

Похоже, он совершенно искренен.

Сегодня вечером, когда я знакомился с деталями проекта на своей лондонской квартире, мое внимание привлек раздел «Предложения по оптимизации процесса утверждения проектной документации». Отлично! Сэру Хамфри удалось процитировать в нем даже забавный вопрос, который я задал в прошлом году в палате общин:

«Известно ли господину министру, что утверждение проектной документации на строительство бунгало в двадцатом веке занимает больше времени, чем возведение храма в двенадцатом? (Смех со стороны оппозиции, возгласы «Позор!» со стороны представителей правительства.)»

(На самом деле они выкрикивали «Дешевка!», «Дерьмо!» — Ред.)

Поскольку сегодня суббота, решили вплотную заняться делами в понедельник с утра. Но при этом мне вручили — на выходные — шесть красных кейсов** с документами. Четыре я оставил на вечер, два — на воскресенье. По словам Бернарда, мой предшест-

* Официальный правительственный документ, представляемый палате общин. В виде «белых книг» публикуются тексты международных договоров и соглашений, участницей которых является Великобритания, доклады королевских комиссий или специальных комитетов министерств по каким-либо конкретным вопросам и т. п.

** Кейсы красного цвета с замком-шифром предназначены для переноски важных и секретных государственных документов.

венник не слишком утруждал себя бумажной работой, особенно во время предвыборной кампании.

Ну уж про меня такого не скажут! Я, как настоящий министр, буду читать все, абсолютно все, что мне дадут.

26 октября

За выходные просмотрел все бумаги. На это ушло около девяти часов. В 7.15 утра сел на лондонский поезд, на Юстонском вокзале меня ждал служебный автомобиль, так что в 9.20 я уже был в своем кабинете.

На первый взгляд проект предложений по «открытому правительству» производит солидное впечатление, однако кому, как не мне, знать: государственная служба весьма искусна в тактике проволочек. Я не преминул это отметить в разговоре с сэром Хамфри. Кажется, он начинает понимать, кто здесь хозяин.

Но лучше все по порядку. Рабочий день начался с просмотра делового календаря. К удивлению, увидел несколько запланированных на сегодня встреч. Каким образом? Откуда? Разве могли они знать, кто победит на выборах?

— Но мы ведь знали, что не останемся без министра, господин министр, — объяснил Бернارد.

А сэр Хамфри добавил:

— По словам Ее Величества, жизнь государства должна продолжаться и в отсутствие политических деятелей.

— Неужели это возможно? — искренне удивился я.

— Мм... и да, и нет... — уклонился от прямого ответа сэр Хамфри.

Лично мне трудно представить, как можно управлять страной без политиков. Боюсь, мой постоянный заместитель страдает манией величия.

Количество намеченных встреч было просто устрашающим. В четверг утром — заседание кабинета. В течение недели — девять заседаний различных комитетов и подкомитетов кабинета. Во вторник вечером — выступление в Институте права; во вторник утром — встреча с представителями Британской компьютерной ассоциации; в среду утром — ленч с вице-канцлерами университетов (еще одно выступление); в пятницу утром — торжественное открытие национальной конференции предпринимателей государственного сектора (еще одно выступление) и т. д., и т. п.

Однако, как я заметил, все записи в календаре были сделаны карандашом. Значит, многое, видимо, можно изменить. Сказал Бернardu, что у меня имеются и другие обязательства.

Его это явно озадачило.

— Какие? — удивленно спросил он.

— Ну... например, я являюсь членом четырех партийных комиссий по выработке политических направлений...

— Уверен, вы не собираетесь ставить интересы партии выше интересов страны, — заметил сэр Хамфри.

Странно, мне такое и в голову не приходило. Конечно, он абсолютно прав.

Между прочим, они собирались вручить мне на вечер еще три красных кейса. Когда же я выказал некоторое неудовольствие, сэра Хамфри объяснил, что министерству приходится ежедневно принимать множество важных решений и делать множество ответственных заявлений. Правда, затем он попытался обвести меня вокруг пальца.

— Впрочем, мы вполне могли бы сократить до минимума такого рода материалы и давать только то, что необходимо для выработки позиции по принципиальным, политическим вопросам.

Я сразу же раскусил его хитрость и категорически заявил, что буду принимать все решения и читать все соответствующие документы.

В результате я отправился домой с пятью красными кейсами.

27 октября

Надо что-то решить с Фрэнком Визелом. Сегодня вторник, и я вдруг вспомнил, что не видел его с тех пор, как мы вместе прибыли в министерство в субботу утром.

Если быть откровенным до конца, то я вспомнил о Фрэнке, только когда он ворвался в мой кабинет с криками, чтобы его немедленно пропустили, что он с позавчерашнего дня сидит в приемной. (Полагаю, воскресенье он все-таки провел дома.)

Бернард попытался объяснить ему, что у нас закрытое совещание, но я прервал его и потребовал, чтобы Фрэнку как моему политическому советнику был предоставлен рабочий кабинет в МАДе.

Сэр Хамфри хотел было замять этот вопрос: теперь, мол, мне будет советовать все министерство. Но я твердо стоял на своем.

— Ну что ж, — уступил сэр Хамфри, — полагаю, у нас найдется свободное помещение в Уолтхэмстоу, как вы считаете, Бернард?

— Уолтхэмстоу? — ужаснулся Фрэнк.

— Да, Уолтхэмстоу, — подтвердил сэр Хамфри. — Пусть это вас не удивляет. Здания Уайтхолла разбросаны по всему Лондону.

— Но я не хочу сидеть в Уолтхэмстоу! — взвизгнул Фрэнк.

— Но это в лучшем квартале Уолтхэмстоу, — попытался успокоить его Бернард.

— А чем вам, собственно, не нравится Уолтхэмстоу, по-моему, совсем неплохое местечко, — добавил сэр Хамфри.

Мы с Фрэнком переглянулись. Если бы не обаяние и не манеры, приличествующие джентльменам, можно было бы подумать, что Хамфри и Бернард просто хотят вывести Фрэнка из игры.

— Мне нужен кабинет здесь, в этом здании, — непреклонно и очень громко потребовал Фрэнк.

Я согласно кивнул. Сэр Хамфри тут же капитулировал и попросил Бернарда немедленно подыскать подходящее помещение. А чтобы окончательно расставить точки над «i», я попросил направлять Фрэнку копии всех предназначенных для меня документов.

— Всех? — удивился Бернард.

— Всех без исключения, — подтвердил я.

Сэр Хамфри согласился без малейших возражений.

— Будет исполнено, господин министр. Все соответствующие документы.

Мне кажется, с этими государственными служащими совсем нетрудно найти общий язык. Они по большей части с готовностью идут на сотрудничество, а если иногда и сопротивляются, то только до тех пор, пока не почувствуют твердую руку. Помоему, я уже кое-чего добился.

28 октября

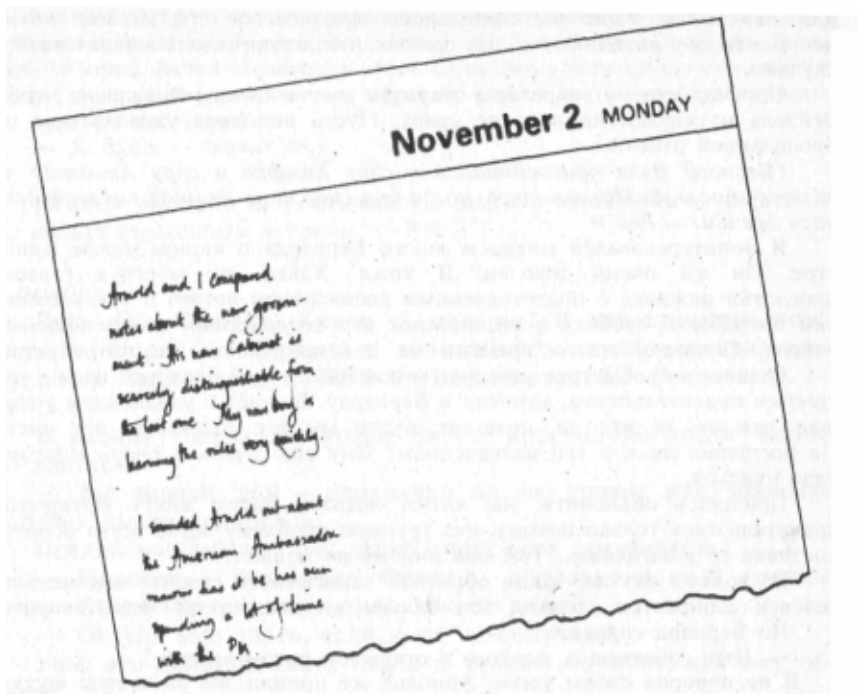
После четырех лихорадочных дней наконец-то выбрал время поразмышлять — для потомков — о своих первых шагах на новом посту.

Меня поражает, во-первых, исключительная компетентность государственных служащих во всех деловых вопросах и, во-вторых, их готовность сотрудничать, хотя и не без нажима с моей стороны, с Фрэнком Визелом.

Вместе с тем, как это ни огорчительно, приходится констатировать, что я во многом завишу от этих чиновников. Впрочем, это понятно. Мы слишком долго находились в оппозиции, поэтому практически все члены нового кабинета (всего трое, включая премьер-министра, ранее занимали государственные посты) знакомы с деятельностью Уайтхолла только понаслышке. Лично мне, например, до моего назначения ни разу не довелось заглянуть в красный кейс или обсудить деловые вопросы с заместителем министра, так что о практическом функционировании государственной машины я имел довольно смутное представление. *(Вана-логичной ситуации оказалось лейбористское правительство в 1964 году: премьер-министр Гарольд Вильсон был тогда единственным из состава своего кабинета, кто до избрания занимал пост министра. — Ред.)* Таким образом, наша зависимость от чиновников вполне объяснима. Слава богу, они ведут себя благо-родно.

(В понедельник сэр Хамфри Элби встретился с секретарем кабинета сэром Арнольдом Робинсоном в клубе «Реформ» на Пэлл-Мэлл-стрит и затем сделал соответствующую запись в своем дневнике.

Любопытная деталь: государственные служащие высших рангов, возможно, в силу многолетней привычки делать заметки на полях служебных записок, докладных и тому подобных документов всегда пишут только на полях, даже если на странице ничего не написано. — Ред.)

«Обменялись с Арнольдом впечатлениями о новом правительстве. Его нынешний кабинет мало чем отличается от предыдущего. А мой новый «парнишка» очень быстро привыкает к правилам игры.

Процупал Арнольда насчет американского посла. По слухам, в последнее время он слишком часто встречается с ПМ.

Арнольд подтвердил сам факт, но умолчал, чем вызваны эти встречи — оборонными или торговыми соображениями. Его очень беспокоит возможность утечки информации, поэтому делается все, чтобы члены кабинета пока об этом не знали.

Я пришел к выводу — уверен, правильному, — что речь идет и об обороне, и о торговле, то есть о закупках новых аэрокосмических систем.

Такой контракт значительно укрепит позиции ПМ — еще бы, всего две недели спустя после избрания! Конечно, переговоры велись многие месяцы, однако лавры, очевидно, достанутся новому премьер-министру. За контрактом стоят четыре с половиной миллиарда долларов и немало новых рабочих мест в Мидлендсе и на северо-западе. К тому же в неустойчивых избирательных округах — какое совпадение!

Исключительно ценная информация! Из слов Арнольда я понял, что ПМ было бы крайне неприятно, если бы какой-нибудь гипотетический министр ненароком «раскачал англо-американскую лодку». Человек за бортом! Фактически крах карьеры еще одного министра. Причем весьма стремительный.

Именно поэтому я уже позаботился, чтобы Вейзель (*Фрэнк Визел. — Ред.*) получил копию счета на закупку в США новых компьютеров

для Уайтхолла. Конечно, официально получить он его не мог: такие документы не рассылаются. Но сейчас, полагаю, надо воспользоваться случаем.

Поручил своему секретарю засунуть счет в бумаги подальше, чтобы Вейзель наткнулся на него не сразу. Пусть испытает удовольствие от проделанной работы.

(Бернард Вули присоединился к сэру Хамфри и сэру Арнольду на чашечку послеобеденного кофе, когда они сидели за рюмкой послеобеденного бренди. — Ред.)

Я поинтересовался мнением юного Бернарда о нашем новом министре. Он им очень доволен. Я тоже. Хэкер, не моргнув глазом, проглотил наживку с подготовленным расписанием встреч и как миленький проработал субботу и воскресенье над содержимым шести красных кейсов. Полагаю, много времени на его приручение не потребуется.

Главное — побыстрее отвадить министра от этой бредовой идеи с открытым правительством, заметил я Бернарду. В ответ с удивлением услышал, что он, видите ли, полагает, будто мы все ратеем за эту идею. Не поспешил ли я с его назначением? Ему еще очень и очень многому надо учиться.

Пришлось объяснить: мы хотим назвать Белую книгу «Открытое правительство» только потому, что трудную проблему легче всего обойти, поставив ее в заголовок. Там она никому не мешает.

Во всяком случае, закон обратной зависимости гласит: чем меньше человек собирается сделать, тем больше он должен об этом говорить!

Но Бернард спросил:

— Что, собственно, плохого в открытом правительстве?

Я не поверил своим ушам. Арнольд же принял это за милую шутку. Иногда я сомневаюсь, нашего ли он полета птица. Может, лучше подыскать ему что-нибудь попроще, вроде Комиссии по армейским захоронениям?

Арнольд с присущей ему четкостью формулировок указал Бернарду на явное противоречие в самом словосочетании «открытое правительство».

Однако Бернард продолжал упорно твердить, что граждане демократического общества имеют право знать.

В сущности, они имеют право и не знать, разъяснили мы ему. Знание влечет за собой ненужные сложности и чувство вины. В незнании же кроется некое достоинство.

— Господин министр требует открытого правительства, — помолчав, заявил он.

Временами у меня создается впечатление, будто годы учения прошли для него даром.

Я заметил, что не всегда можно давать людям то, чего они требуют. К примеру, виски — алкоголику.

Арнольд же совершенно справедливо добавил, что, когда люди не знают, что делается, они не знают, что делается неправильно.

Дело тут даже не столько в защитном механизме функционеров. Бернарду следовало бы уже понять: помогая своему министру очутиться в глупом положении, он оказывает ему дурную услугу. Собственно, уже через две-три недели после назначения любой из наших министров превратился бы во всеобщее посмешище, если бы не наше умение сохранять в абсолютной тайне все его намерения.

Бернард — личный секретарь министра. Разве само слово «секретарь» не говорит о человеке, который умеет хранить секреты?!

Затем Бернард, спросив разрешения, поинтересовался моими ближайшими планами. Естественно, я не сказал ему, что Вейзеля ожидает большой сюрприз. Зачем подвергать столь серьезному испытанию его преданность Хэкеру? Вместо этого я спросил, умеет ли он хранить секреты. Он ответил, что умеет.

— Я тоже, — сказал я».

(Хэкер, конечно же, оставался в полном неведении относительно вышеизложенной встречи. — Ред.)

5 ноября

День Гая Фокса*. Какое совпадение! В министерстве тоже запахло порохом. Отличная возможность продемонстрировать мудрость парламента и ПЕВ (*правительства Ее Величества. — Ред.*).

В кабинет ворвался Фрэнк Визел, яростно потрясая каким-то листком.

— Вы видели это! — прокричал он на уровне как минимум четырех тысяч децибелов.

Прекрасно! Значит, ему дают копии всех документов.

— Не всех, — скривился Фрэнк, — а только всякой ерунды.

— Какие именно документы вам не дают?

— Откуда мне знать, если я их не получаю?

Увы, это действительно так, и я толком не знаю, как ему помочь.

(Производственники называют такие случаи «синдромом света в холодильнике»: горит ли он, когда дверца закрыта? Проверить можно, только открыв дверцу, но и это не дает ответа на поставленный вопрос, поскольку тогда холодильник уже не закрыт. — Ред.)

Но Фрэнк, как выяснилось, и не собирался обсуждать эту проблему.

— Они думают, что подсовывают мне никому не нужный хлам. Вот посмотрите, что я нашел! О-ля-ля, теперь мы схватим их за жабры! Да-да, теперь они у нас попляшут: этот сэр — чертов Хамфри и этот мистер сноб — личный, видите ли секретарь, сладкоречивый Вули! — закончил он, угрожающе потрясая листком.

Честно говоря, я не понимал, в чем дело, но страстная обличительная речь Фрэнка была прекрасна. Пожалуй, надо привлечь его к написанию проекта моего выступления на очередной партийной конференции.

Немного успокоившись, Фрэнк рассказал все по порядку. Оказывается, ему случайно попали в руки бухгалтерские счета, огла-

* «Пороховой заговор», во главе которого стоял Гай Фокс, был устроен католиками 5 ноября 1605 г. с целью убийства короля Якова I. Для этого под здание парламента, куда он должен был прибыть на заседание, подложили бочки с порохом. Заговор был раскрыт. По традиции этот день ежегодно отмечается сожжением пугала и фейерверками.

шение которых может иметь колоссальный политический резонанс. Из них явствует, что МАД закупил тысячу иностранных компьютерных видеотерминалов по десять тысяч фунтов за каждый. Десять миллионов фунтов из кармана английских налогоплательщиков. А сделаны они в США, в Питтсбурге!

Дело пахнет крупным скандалом. Хамфри молчит, как в рот воды набрал. Впрочем, меня это несколько не удивляет: ведь компьютерные терминалы производятся и в моем избирательном округе — Ист-Бирмингеме. Там, как лавина, растет безработица, а министерство административных дел игнорирует британские товары. Возмутительно!

Я немедленно послал за Хамфри, но он весь день был на каких-то совещаниях. Завтра мы предъявим ему этот счет. Я очень признателен Фрэнку. Моего постоянного заместителя ожидает премильенький сюрприз.

6 ноября

Разговор с Хамфри закончился моим полным триумфом. Я показал ему счет на компьютерные терминалы, и он не посмел отрицать, что МАД закупил эту партию для Уайтхолла.

— Но ведь они не британского производства, — заметил я.

— К сожалению, нет, — пробормотал сэр Хамфри и как-то стыдливо отвел глаза.

— Точно такие же мы делаем в Ист-Бирмингеме.

— Но не такого качества.

Скорее всего, он прав, но признавать это, естественно, не в моих интересах.

— Они лучшего качества. Их делают в моем избирательном округе, — решительно сказал я и потребовал, чтобы он аннулировал контракт.

Хамфри ответил, что аннулировать контракт не в его силах, что это — прерогатива казначейства и что подобная практика, особенно в отношении зарубежных партнеров, в принципе означала бы серьезное изменение государственной политики.

Он даже предложил мне (не без дерзости, на мой взгляд) поднять этот вопрос на заседании кабинета. Возможно, мол, ради конторских терминалов они отложат обсуждение проблем Ближнего Востока или ядерного разоружения...

Понимая, что об этом не может быть и речи, я оказался перед неразрешимой дилеммой. Если контракт нельзя аннулировать, то что мне говорить своим избирателям?

— А зачем им говорить? — удивился Хамфри. — Зачем вообще кому-либо знать об этом? Надо сохранить все в тайне. И никаких проблем.

Я был потрясен. Неужели мой постоянный заместитель не понимает, что подобное замалчивание полностью противоречит нашей новой политике, политике „открытого правительства“, которую он должен проводить столь же ревностно, как и я?!

Наш спор разрешил Фрэнк.

— Если контракт нельзя аннулировать, его надо сделать достоинством гласности.

— Почему? — поинтересовался Хамфри.

Я не сразу нашелся, что и ответить. Зато Фрэнк мгновенно внес ясность.

— По двум причинам. Во-первых, мы выполним наши предвыборные обещания. Во-вторых, благодаря этому бывший министр будет выглядеть предателем.

Гениально! Две причины, не требующие объяснений. Я искренне признателен Фрэнку. Молодец! Он действительно загоняет их в угол. Может, сэр Хамфри Эплби не так умен, как казалось вначале?

Предложение моего помощника пришлось Хамфри явно не по душе.

— Надеюсь, — произнес он, обращаясь к Фрэнку, — вы не предлагаете господину министру упомянуть об этой совершенно секретной сделке в публичном выступлении?

— В выступлении? — повторил Фрэнк и на секунду задумался. — Ну конечно же! Именно в публичном выступлении. Отличная идея!

Гениально! Мое выступление перед членами Союза конторских служащих будет целиком и полностью посвящено этой скандальной сделке. Естественно, с предварительным сообщением в прессе.

— Вот-вот, — торжествуя добавил Фрэнк, — пусть все узнают, кто сейчас управляет страной!

По-моему, его ликование по-детски наивно, но вполне объяснимо.

Сэр Хамфри мое решение, судя по всему, не на шутку обеспокоило. Я все-таки спросил его мнение, хотя и не сомневался в ответе.

— Не пришлось бы нам пожалеть, если мы огорчим американцев...

Смешно. Правда, иного ответа от него и нельзя было ожидать. Я со всей определенностью заявил, что торговой вседозволенности американцев давно пора положить конец. Мы должны думать об интересах английских бедняков, а не американских богачей!

— Господин министр, — тут же сориентировался Хамфри, — если это ваше твердое решение, МАД безусловно поддержит вас... полностью и до конца!

Сэр Хамфри умеет быть лояльным, надо отдать ему должное.

Я, естественно, подтвердил твердость своих намерений. А Бернард сказал, что, как только речь будет написана, он немедленно передаст ее «для согласования».

Согласование? Это что-то новое. Впервые слышу. Опять какая-то бюрократическая возня, бессмысленное бумагомарание. Ведь данный вопрос касается только министерства административных

дел. Если же у любого другого ведомства возникнут возражения, оно может публично их высказать. Собственно, в этом и заключается идея «открытого правительства».

Хамфри настоятельно (если не сказать «умоляюще») попросил меня не возражать против «согласования», хотя бы в целях «осуществления взаимных консультаций». Я сопротивлялся, но он выдвинул, на мой взгляд, весьма убедительный аргумент: информировать наших коллег в кабинете и наших друзей на Флит-стрит* вполне в духе открытого правительства.

Я попросил Хамфри лично проследить, чтобы текст моего выступления был незамедлительно передан прессе.

— Господин министр, — сказал он, вставая, — заботиться о соблюдении ваших интересов — наш прямой долг.

Безусловная победа (моя и Фрэнка) в деле защиты принципов открытого правительства!

(Текст выступления Хэкера на встрече с представителями Союза конторских служащих — с комментариями Фрэнка Визела, а также пометками самого автора — нам удалось обнаружить в архивах МАДа. — Ред.)

«Вы, конечно, знаете, что в своей политике мы обещали руководствоваться принципами «открытого правительства». Скажу сразу: мы твердо намерены претворять обещание в жизнь. Наш народ имеет право знать то, что знает его министр. А мне стало известно, что не далее как месяц назад предыдущее правительство подписало контракт на импорт из Соединенных Штатов конторского оборудования на сумму десять миллионов фунтов для нужд государственного аппарата (бюрократического. — Уточнение Фрэнка).

Вместе с тем такое же оборудование — только лучшего качества — производится в Британии. Британскими рабочими! На британских предприятиях! Пройдохи-ловкачи из Питсбурга навязывают нам второсортный американский хлам, тогда как британские заводы бездействуют, а британские рабочие стоят в очередях за пособием по безработице...»

9 ноября

Ужасный день. События разворачивались, как в кошмарном сне. Работа над текстом выступления была закончена. Сидел и читал сводку новостей, когда в кабинет ворвался Бернард с распоряжением из канцелярии ПМ.

Кстати, я уже успел понять, что распоряжения, служебные, докладные и памятные записки, а также вхождения и прошения означают практически одно и то же, только министры направляют распоряжения и все виды записок друг другу и чиновникам, в то время как последние направляют друг другу все виды записок, а министрам — только вхождения и прошения.

(Объясняется это тем, что в распоряжениях содержится указа-

* Улица в Лондоне, на которой находятся редакции крупнейших газет. В переносном смысле — пресса и мир журналистики.

чие к действию, а в служебных записках — своего рода аргументация «за» и/или «против». Таким образом, государственные служащие и политики могут обмениваться друг с другом и служебными записками, и распоряжениями. Чиновникам же не положено упреждать министров, как им поступать, потому они направляют им вхождения или прошения, само название которых призвано символизировать смирение и чиновничество. Памятные записки могут также являть собой протоколы заседаний. Это и породило известную в МАДе шутку: «Государственные служащие в считанные минуты вносят в протокол то, о чем политики говорят часами». — Ред.)

Из распоряжения, которое принес Бернард, стало ясно, что всем министерствам и ведомствам в течение ближайших недель следует проявлять по отношению к янки чрезвычайную любезность. А мне стало ясно, что худшего момента для своего выступления — а оно уже было передано в газеты — я выбрать не мог.

«ВСЕМ МИНИСТЕРСТВАМ И ВЕДОМСТВАМ

В следующем месяце господин премьер-министр планирует официальный визит в Вашингтон с целью заключения важного торгового соглашения между Великобританией и США, значение которого трудно переоценить...»

Ужасно! И дело не только в моем невезении. Как могло случиться, что я, член кабинета Ее Величества, ничего не знал о предстоящем заключении соглашения с американцами?! А как же принцип коллективной ответственности, о котором нам столько твердили в ЛЭШе*?

В кабинет с озабоченным, даже несколько растерянным видом торопливо вошел сэр Хамфри.

— Простите за вторжение, господин министр, но Номер Десять в панике. Там только что ознакомились с текстом вашего выступления и спрашивают, почему мы не представили его для «согласования».

— Что вы им ответили? — нетерпеливо спросил я.

— Сказал, что мы действуем в духе открытого правительства. Кажется, это только подлило масла в огонь. ПМ срочно требует вас к себе.

Все это может иметь для меня самые печальные последствия. Спросил Хамфри о возможном развитии событий. Он только плечами пожал.

— Премьер-министр дал, премьер-министр взял.

Ноги у меня вдруг стали как ватные, во рту появилось противное ощущение горечи. Выходя из кабинета, я услышал, как сэр Хамфри вполголоса произнес: «Да будет благословенно имя премьер-министра!» Или мне только так показалось?

* Лондонская экономическая школа — один из колледжей Лондонского университета; основан в 1895 году.

Мы втроем — Хамфри, Фрэнк и я — быстро шли по Уайтхоллу. Мимо Сенотафа* (как символично!). Прямо в парламент. Там за креслом спикера должна была состояться моя встреча с ПМ.

*(Собственно, «за креслом спикера» не следует понимать буквально. На самом деле это помещение палаты, где премьер-министр и лидер оппозиции, оба главных Кнута**, лидер палаты общин и прочие встречаются, так сказать, на «нейтральной территории» для решения текущих вопросов. Там же расположен и кабинет ПМ. — Ред.)*

Нам пришлось подождать несколько минут у кабинета ПМ. Затем появился Вик Гульд, наш главный Кнут.

— Послушайте, Хэкер, — вместо приветствия обратился он ко мне. — Знаете, кто вы? Колючка в заднице! (Вик искренне гордится своими ужасными манерами.) — ПМ лезет от ярости на стену, готов лбом потолок прошибить. Кто вас тянул за язык?

— У нас открытое правительство... — начал было Фрэнк.

— Заткнитесь, Вейзель, вас-то кто спрашивает? — оборвал его Вик.

Хам! Типичный главный Кнут!

— Визел! — с достоинством поправил его Фрэнк.

— Он прав, Вик, — вступился я. — У нас открытое правительство. Это наше предвыборное обещание избирателям. Один из главных козырей. ПМ тоже за открытое правительство...

— Открытое, но не зияющее! — отрезал Вик (по-моему, не очень остроумно) и добавил без всяких церемоний: — Пора бы уж научиться дипломатическим тонкостям и такту, олух вы этакий.

Боюсь, кое в чем он прав. Чувствовал себя как побитый пес, тем более что меня отчитали в присутствии Хамфри и Фрэнка.

— Кстати, сколько вы уже ходите в министрих? — неожиданно поинтересовался Вик.

Нелепый, идиотский вопрос. Он отлично знает. Зачем спрашивает? Наверное, для большего эффекта.

— Полторы недели.

— Тогда не исключено, что вы попадете в «Книгу рекордов Гиннеса». Воображаю заголовки в газетах: «РАСКОЛ В КАБИНЕТЕ ПО ВОПРОСУ О ТОРГОВЛЕ С США! ХЭКЕР ВОЗГЛАВИЛ БУНТ ПРОТИВ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА!» Вы ведь этого добиваетесь, не так ли? — Он резко повернулся и ушел, не простившись.

Затем из кабинета ПМ вышел сэр Арнольд Робинсон, секретарь кабинета. Сэр Хамфри спросил, есть ли новости.

* Обелиск в Лондоне, воздвигнут в честь погибших во время первой мировой войны в 1920 году.

** Парламентский партийный организатор, в функции которого входит следить за партийной дисциплиной в парламентской фракции, обеспечивать присутствие членов своей партии на заседаниях парламента и их участие в голосовании.

Сэр Арнольд повторил то же, что и Вик, только на языке Уайтхолла:

— Ваше выступление немного огорчило господина премьер-министра. Он интересуется, действительно ли оно уже передано в печать.

Я объяснил, что дал указание отослать текст ровно в полдень. Сэр Арнольд сердито сдвинул брови и подчеркнуто ледяным тоном обратился к сэру Хамфри:

— А ваше поведение просто необъяснимо! (Я за всю свою жизнь не слышал, чтобы один государственный служащий столь резко обращался к другому.) Как вы могли допустить, чтобы ваш министр предпринял такой серьезный шаг, не согласовав его прежде в соответствующих инстанциях?

— Господин министр и я, — начал Хамфри, поворачиваясь ко мне как бы за поддержкой, — верим в открытое правительство. Мы хотим распахнуть окна пошире для свежего ветра перемен, так ведь, господин министр?

Я молча кивнул не в силах вымолвить и слова. Тогда сэр Арнольд впервые за все это время обратился непосредственно ко мне:

— Послушайте, господин министр, все это хорошие партийные слова. Однако вы ставите премьер-министра в весьма затруднительное положение.

Более угрожающую фразу на языке сэра Арнольда трудно себе вообразить.

— Но... как же с лозунгом «Открытое правительство»? — нерешительно спросил я.

— Полагаю, вопрос об открытом правительстве на данный момент закрыт, — последовал сухой ответ.

Тут сэр Хамфри высказал мои наихудшие опасения, тихо пробормотав:

— Может, имеет смысл набросать прошение об отставке? На всякий случай, разумеется.

Хамфри по-своему пытается помочь мне, я понимаю, но моральной поддержки, столь необходимой в критической ситуации, от него ждать не приходится. Оставалось только одно. И я решил.

— А нельзя ли все это... замять?

Сэр Хамфри, надо отдать ему должное, был просто ошеломлен. Он даже не сразу понял, что я имею в виду. Странно, но иногда чиновники поразительно наивны.

— Замять? — переспросил он.

— Да, замять.

— Вы хотите сказать, — наконец-то догадался он, — не дать делу ход?

Фраза «не дать делу ход» в общем-то не вызвала у меня особого восторга, но, следует признать, именно это в конечном итоге я и имел в виду.

Затем Хамфри сказал что-то вроде: «По вашему мнению, нам

следует принять более гибкое решение в рамках изложенных вами основных принципов „открытого правительства“».

Эти государственные служащие обладают поразительной способностью выражать самую простую мысль таким образом, чтобы она казалась невероятно сложной.

Это настоящее искусство, которым мне обязательно надо овладеть. Вот ведь Хамфри сформулировал мою мысль так, что создается впечатление, будто я и не думал изменять свое решение!

В это время на горизонте неожиданно показалась спасительная конница в лице мчащегося во весь опор Бернарда Вули.

— Важное сообщение, — запыхавшись, произнес он. — В силу некоторых обстоятельств, возможно, придется пересмотреть наши позиции...

Из его торопливых слов следовало, что... без межведомственного «согласования» обойтись все-таки не удалось, поскольку автоматически сработал цензорский надзор. А это значило, что все в порядке!

Короче говоря, текст моего выступления в печать передан так и не был. Благодаря счастливому для меня стечению обстоятельств его переслали только в канцелярию премьер-министра. Режимный отдел МАДа не получил специальных инструкций на его отправку без согласования с ПМ и МИДДСом и поэтому действовал в соответствии с последним распоряжением о заигрывании с американцами.

Конечно, Хамфри невдомек, какое облегчение я испытал. А он еще и извинялся:

— Виноват во всем я, господин министр. Система цензорского надзора была введена еще до эры «открытого правительства». И я, не понятно почему, забыл о ней. Остается только надеяться, что вы простите мне эту оплошность.

Понимая, что в данной ситуации чем меньше слов, тем лучше, я решил быть великодушным.

— С кем не бывает, Хамфри, — сказал я. — В конце концов, никто из нас не застрахован от ошибок.

— Да, господин министр, увы, — согласился сэр Хамфри.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ВИЗИТ

10 ноября

Постепенно убеждаюсь, что справиться со всем этим просто невозможно. Дни насыщены до предела. Бесконечные речи, которые надо готовить и произносить. Вечером неизменные красные кейсы, набитые документами, докладными и служебными записками, распоряжениями, прошениями и письмами. Все нужно внимательно прочитать. И это лишь часть моих каждодневных обязанностей!

Собственно, здесь, в министерстве, я пытаюсь выполнять функции своего рода директора очень крупного и важного предприятия. Правда, в отличие от него, я не обладаю ни навыками управления, ни опытом подобной работы. Карьера политика — плохая школа для практического руководства.

И в довершение ко всему, как будто управлять гигантской корпорацией — пустяковое дело, я уделяю этому сложнейшему и ответственнейшему процессу совсем немного своего рабочего времени — в перерывах между бесконечными дебатами в парламенте, голосованиями, партийными совещаниями, заседаниями кабинета и его комитетов и т. д. А когда же делать главное дело — руководить своим министерством? Я просто в отчаянии.

Действительно, может ли нормальный человек представить, что президент крупной корпорации каждый раз, заслышав звонок, выкакивает, как дервиш, с совещания у себя в кабинете — причем независимо от времени дня — и со скоростью Стива Оветта* мчится в соседнее здание, а затем летит назад, чтобы продолжить прерванное совещание? А ведь именно это я должен проделывать каждый раз, когда раздается парламентский звонок, — иногда по шесть-семь раз за день! Как вы думаете, имею ли я хоть малейшее представление, за что или против чего голосую? Конечно же, нет. Откуда?

* Рекордсмен мира в беге на спринтерские дистанции.

Сегодня утром не успел войти в кабинет, как меня сразу же поверг в уныние вид переполненной корзины «для входящих». Вторая — «для исходящих» — была абсолютно пуста.

Бернард терпеливо ждал моего прихода, чтобы показать очередную галиматью, которую он откопал в ответ на мой вопрос: «Каковы мои реальные полномочия в отдаленных частях королевства, таких как Шотландия и Северная Ирландия?»

Он с гордостью протянул мне документ, гласивший: «Невзирая на положения, содержащиеся в подразделе 3 раздела А пункта 214 Акта об административных процедурах (Шотландия) 1978 года, и в соответствии с достигнутой договоренностью практическое урегулирование спорных и/или вызывающих сомнение вопросов между министерствами подпадает под компетенцию министра административных дел».

Я, наверное, целую вечность тупо смотрел на этот шедевр канцелярского искусства. В голове образовалась странная пустота, как нередко случалось со мной в школьные годы, когда приходилось отвечать на уроке про галльские войны Цезаря или решать математические уравнения. Меня тут же потянуло ко сну. Но было всего 9. 15 утра. Попросил Бернарда объяснить, что, собственно, имеется в виду. Вопрос его явно озадачил.

— Здесь, господин министр, — начал он, глядя в документ, — имеется в виду, что, невзирая на положения, содержащиеся в подразделе три раздела А пункта двести четырнадцать Акта об административных процедурах...

— Не надо мне *это* читать, — перебил я его. — Я только что сам *это* прочитал. Что все *это* значит?

Он недоуменно взглянул на меня.

— То, что здесь написано, господин министр.

Нет, он не издевался. Я понял: документы Уайтхолла написаны обычным рабочим языком чиновников Уайтхолла и абсолютно недоступны пониманию тех, кто говорит на нормальном английском языке.

Видя, что я больше ничего не хочу добавить, Бернард выскочил в секретариат и принес календарь запланированных на сегодня встреч.

(Секретариат примыкает непосредственно к кабинету министра. Там расположены столы личного секретаря и четырех его помощников, включая помощника по составлению делового календаря — кстати, работа на полную ставку. Рядом с секретариатом — личная канцелярия министра, где 12 исполнительных секретарей составляют документы, готовят ответы на парламентские запросы, письма и т. п.)

Поскольку в кабинет министра можно попасть только через секретариат, там весь день толкуются люди: работники министерства, посетители, просители и т. п. В этом смысле отказать секретариату в демократичности, пожалуй, нельзя. — Ред.)

— Позвольте напомнить, господин министр, что через пят-

надцать минут у вас встреча с делегацией БКТ*, затем — с представителями КБП**, а ровно в полдень — с СДГП***.

— Что им всем от меня надо? — спросил я, не в силах скрыть нарастающее раздражение. — Хотя бы в двух словах.

— Их интересует механизм инфляции, дефляции и рефляции, то есть, проще говоря, проблемы вздутия цен.

Невероятно! Кто я, по их мнению, — министр кабинета Ее Величества или насос?

— А когда мне читать все это? — обреченно произнес я, указывая на корзину «для входящих».

— Господин министр, вам совершенно необязательно заниматься всем этим, — последовал неожиданный ответ.

Для меня это новость, и довольно приятная.

— Если хотите, мы сами набросаем официальный ответ на каждое письмо.

— Что такое «официальный ответ»? — поинтересовался я.

— Вначале мы пишем, что господин министр поручил нам поблагодарить за письмо, — объяснил мне Бернард, — а затем в зависимости от нашего понимания ситуации отвечаем либо «дело передано на рассмотрение», либо «дело рассматривается».

— Какая разница между «передано на рассмотрение» и «рассматривается»?

— «Передано на рассмотрение» означает, что мы потеряли «дело». «Рассматривается» — пытаемся его найти.

Полагаю, это одна из шуточек Бернарда, хотя не уверен. Ему явно не терпелось облегчить мне бремя работы с корреспонденцией.

— Господин министр, вы просто перекладывайте письма из одной корзины в другую, — посоветовал он. — Если возникнет желание ознакомиться с ответом на какое-нибудь из них, сделайте пометку на полях. Если нет — попросту забудьте о нем.

Я был потрясен. Оказывается, достаточно переложить письма из одной корзины в другую — и дело в шляпе. И это на полном серьезе советует мне мой личный секретарь!

— А для чего же тогда министр? — спросил я.

— Для принятия генеральных решений, — не задумываясь, ответил Бернард. — Вы принимаете генеральные решения, а мы претворяем их в жизнь.

Все-таки мне кажется, если я последую его совету, то не буду получать достаточной информации и в результате количество так называемых «генеральных решений» постепенно сведется к нулю.

Хуже того: не зная, какие именно генеральные решения необходимо принять, я буду полностью зависеть в этом от своих подчиненных. В таком случае, боюсь, мне вообще нечего будет принимать.

* Британский конгресс тред-юнионов.

** Конфедерация британской промышленности.

*** Совет по делам государственных предприятий.

Поэтому я спросил Бернарда:

— Как часто возникает потребность в таких решениях?

— Э-э... время от времени, господин министр, — дипломатично ответил он.

По-моему, никогда не поздношний раз показать, кто здесь хозяин. И чем раньше, тем лучше.

— Бернард, — обратился я к нему тоном, не допускающим возражений, — наше правительство, в отличие от предшествующих, намерено править, а не царствовать! Когда страна катится по наклонной, надо, чтобы кто-то сел за руль и нажал на газ...

— Очевидно, вы хотели сказать «на тормоз», господин министр, — поправил меня Бернард.

Никак не пойму, для чего, собственно, здесь этот серьезный молодой человек — помогать мне или постоянно ставить в тупик?.

11 ноября

Сегодня снова встретился с сэром Хамфри Эплби. Последние дни практически совсем его не видел.

В моем кабинете состоялось совещание: обсуждали официальный визит президента Буранды в Великобританию. Честно говоря, даже не подозревал о существовании такой страны.

Вчера вечером Бернард дал мне все необходимые материалы. Я нашел их в третьем красном кейсе, но не успел как следует изучить. Пришлось попросить Хамфри рассказать мне о Буранде — где, хотя бы, она находится?

— Это в известной степени новое государство, господин министр, раньше оно называлось Британской Экваториальной Африкой. На карте — несколькими дюймами ниже Средиземного моря.

Какое отношение Буранда имеет к нашему министерству, никак в толк не возьму. Это же по линии МИДДСа. Мне объяснили, что существует и чисто административная проблема: ко времени прибытия президента Ее Величество будет в Балморале* и ее придется перевозить в Лондон.

Удивительно! Мне всегда казалось, что государственные визиты готовятся за годы вперед. О чем я и сказал сэру Хамфри.

— Это не государственный визит, — объяснил он, — а визит на уровне глав правительств.

— А разве президент Буранды не является главой государства? — удивился я.

— Да, конечно, — ответил сэр Хамфри, — но и главой правительства.

Тогда не понятно, почему принимать его должна королева. Ведь он наносит визит только в качестве главы правительства. По словам Хамфри, это потому, что она является главой государства. Не вижу здесь логики. Хамфри утверждает, что глава госу-

* Замок в графстве Абердиншир. С 1852 года официальная резиденция английских королей в Шотландии.

дарства должен принимать главу государства, даже если этот глава государства приезжает не в качестве главы государства, а только как глава правительства.

— Господин министр, здесь все дело в шляпе, — попробовал расшеять мое недоумение Бернард.

— В шляпе?

— Вот именно. Он наносит визит в шляпе главы правительства. Но он также глава государства, и хотя этот визит не является государственным, поскольку на нем нет шляпы главы государства, протокол требует, чтобы его принимала... (Бернард отчаянно старался выпутаться из собственных метафор и закончить изысканное стилистическое построение.) коронованная особа, — торжественно произнес он, наконец-то придумав определение для главной шляпы.

Я сказал, что, так или иначе, не имею о Буранде ни малейшего представления и не понимаю, почему, собственно, мы должны так суетиться из-за визита главы какой-то крошечной африканской страны-попрошайки?

Сэр Хамфри Эплби и Бернард Вули смертельно побледнели. Казалось, они застыли от ужаса.

— Господин министр, — понизив голос, произнес Хамфри, — ради всего святого, не называйте Буранду попрошайкой. Она — МРС.

МРС? Опять что-то новое. Похоже, Буранда из тех стран, которые раньше назывались «слаборазвитыми», а затем, после того как этот термин, по-видимому, сочли оскорбительным, — «развивающимися». Когда же и это определение показалось каким-то снисходительным, они стали называться менее развитыми странами, или МРС.

Сэр Хамфри настоятельно рекомендует мне быть предельно точным в употреблении африканской терминологии, иначе, по его словам, я могу нанести «непоправимый ущерб».

Судя по всему, определение «менее развитые страны» пока еще никому не кажется обидным. Впрочем, если вдруг покажется, мы в любой момент готовы заменить его на СИЧР, то есть «страны, изобилующие человеческими ресурсами». Иными словами, они сильно перенаселены и постоянно клянчат деньги. Однако Буранда — не СИЧР; не относится она также к «имуществам» или «неимуществам» странам, хотя эти термины давно вышли из употребления — мы теперь предпочитаем говорить о диалоге Север — Юг. Скорее всего, ее можно назвать страной, которая «будет иметь», если бы, конечно, такое определение существовало и не показалось оскорбительным нашим братьям из афро-азиатского, или третьего, или неприсоединившегося мира.

— Через пару лет Буранда будет иметь колоссальные запасы нефти, — доверительно сообщил мне сэр Хамфри.

— Вот как? Это меняет дело. Тогда она совсем не КАСП.

Мои слова повергли сэра Хамфри в явное недоумение, и мне

доставило искреннее удовольствие увидеть его в таком состоянии.

— КАСП? — осторожно переспросил он.

— Крошечная африканская страна-попрошайка, — охотно разъяснил я.

Сэр Хамфри и Бернард подскочили, как ужаленные. Они были потрясены, нервно озирались по сторонам, как бы опасаясь, что мои слова кто-нибудь услышит. Какая нелепость даже думать, что в моем кабинете могут быть подслушивающие устройства!

(А почему бы и нет? — Ред.)

12 ноября

Сегодня утром по дороге на работу меня осенила блестящая идея.

Вчера мы решили, что вся организация по доставке королевы из Балморала в Лондон для встречи с президентом Буранды возлагается лично на сэра Хамфри. Но сегодня я вспомнил, что нам предстоят дополнительные выборы в трех неустойчивых избирательных округах Шотландии. В одном из них — из-за смерти депутата, которого настолько поразило известие о переизбрании на новый срок — хотя о его продажности и бесчестности ходили легенды, — что у него случился сердечный приступ и он скоропостижно скончался. В двух других — в связи с назначением их депутатов в палату лордов после избрания нового правительства.

(Звание пэра и / или инфаркт — вот два наиболее распространенных вида вознаграждения за политическую деятельность, основанную на продажности и бесчестии. — Ред.)

Вызвал Хамфри к себе в кабинет.

— Королеве, — объявил я, — нет никакой необходимости выезжать из Балморала.

Последовала короткая пауза.

— Вы предлагаете, чтобы Ее Величество и господин президент обменялись официальными приветствиями по телефону? — холодно осведомился он.

— Нет.

— Тогда вы, очевидно, хотите, чтобы они просто очень громко кричали, — еще холоднее сказал он.

— Нет, не угадали! — бодро воскликнул я. — Мы проведем официальный визит в Шотландии. Во дворце Холируд*.

Сэр Хамфри был краток и категоричен.

— Исключено!

— Хамфри, — спросил я, — вы уверены, что основательно проработали данный вопрос?

— Это не входит в компетенцию нашего министерства. Такие вопросы решает МИДДС.

* Старинный дворец в Эдинбурге. Официальная резиденция английских королей в Шотландии.

Ну уж теперь-то я был во всеоружии. Еще бы, ведь я потратил вчера весь вечер на изучение этого чертова документа.

— У меня другое мнение, — сказал я, небрежным жестом открывая досье. — «Невзирая на... бла-бла-бла... урегулирование... бла-бла-бла... в компетенцию министра административных дел»... - Я откинулся на спинку стула и с усмешкой взглянул на него.

Мой постоянный заместитель был явно озадачен.

— Да, но... а зачем вам это надо? — неожиданно спросил он.

— Это избавит Ее Величество от бессмысленной поездки. И к тому же нам предстоят дополнительные выборы в Шотландии. Мы проведем их сразу же после окончания визита...

Лицо сэра Хамфри словно окаменело.

— Господин министр, — процедил он, — главы государств приглашаются с официальными визитами исходя из государственных интересов, а не для улаживания партийных дел.

Он прав. Здесь я допустил небольшую промашку, хотя мне удалось найти достойное оправдание.

— Да, но мой вариант даст возможность наглядно продемонстрировать, что Шотландия — полноправный член Соединенного Королевства. Ее Величество ведь одновременно и королева Шотландии. К тому же там полно неустой... э-э... я хотел сказать экономически отсталых районов.

Однако у сэра Хамфри мой гениальный план вызвал явную враждебность.

— Господин министр, — надменно произнес он, — мне представляется совершенно недопустимым вовлекать Ее Величество в — извините за резкость — недостойную погоню за головами.

Лично я ничего недостойного в погоне за голосами не нахожу. Я — демократ и горжусь этим. Собственно, а в чем еще должна заключаться истинная демократия? Но в данном случае мне, пожалуй, придется найти причину повесомей (хотя бы для чиновников МАДа), иначе, боюсь, мой план так и не удастся претворить в жизнь. Поэтому я спросил Хамфри, зачем приезжает президент.

— Для обмена мнениями по вопросам, представляющим взаимный интерес, — ответил он.

Не могу понять, почему ему так нравится изъясняться на языке официальных коммюнике. Или он просто не может иначе?

— Хамфри, не могли бы вы мне сказать, зачем приезжает президент? — Я готов был терпеливо повторять вопрос до тех пор, пока не получу четкого ответа.

— Он хочет договориться с британским правительством о закупке большой партии морского бурового оборудования.

Идеально! Мой удар будет неотразим.

— А где ему смогут показать такое оборудование? Вот именно: в Абердине, Клайдсайте!

— Да, но...

— Сколько буровых вышек, по-вашему, имеется в Хейлзмире*, Хамфри?

Этот вопрос ему, конечно же, не понравился.

— Но организационные проблемы...

— Организационные проблемы, Хамфри, должны быть решены. Собственно, для этого и создано наше министерство. Уверен, вы справитесь с этим, Хамфри.

— Но Шотландия так далеко...

Он уже хнычет! Я знал, что загоню его в угол.

— Не так уж и далеко, — заметил я, кивнув на стену, где висела карта Великобритании. — Вот та розовая полоска всего на пару футов выше Поттерс-бара.

Сэр Хамфри вовсе не пришел в восторг от моей шутки.

— Очень остроумно, господин министр, — кисло заметил он, но даже это не задело меня.

— Итак, встреча на высшем уровне состоится в Шотландии. Я принял решение. Ведь я здесь именно для этого, не так ли, Бернард?

Бернард явно не желал принимать ничью сторону — ни мою, ни Хамфри — и потому пробурчал что-то нечленораздельное.

Я отпустил Хамфри, поручив ему немедленно заняться необходимыми приготовлениями. Он с недовольным видом вышел из кабинета. Взгляд Бернарда, казалось, навеки прилип к полу.

Бернард — мой личный секретарь и, безусловно, должен быть на моей стороне. Однако, поскольку все его будущее неразрывно связано с государственной службой, он также должен быть и на стороне Хамфри. Не представляю, как он будет выходить из положения. А ведь продолжить свое стремительное восхождение по служебной лестнице он сможет, только если сумеет успешно решить эту заведомо неразрешимую задачу. Что ж, посмотрим. Заодно надо хорошенько подумать, можно ли ему доверять.

13 ноября

По дороге из Кардиффа, где я выступал на конференции муниципальных казначеев и мэров, немного поболтали с Бернардом.

Он предупредил меня, что следующим шагом Хамфри в «шотландском деле» будет, очевидно, создание межведомственного комитета «для изучения вопроса».

Готов держать пари: это — очередная уловка загнанного в угол бюрократа. Они всегда так поступают: не имея убедительных аргументов против того, что им, не по душе, они создают межведомственные комитеты и заводят дело в тупик. Медленно, но верно. Бернард придерживается того же мнения.

* Город в графстве Сюррей, прославившийся семейной фирмой мастеров, изготавливающих клавесины, клавикорды и другие старинные музыкальные инструменты.

— Аналогичным образом действуют политики, создавая королевские комиссии, — добавил он.

Постепенно прихожу к выводу, что этот серьезный молодой человек «далеко пойдет».

Решил заодно спросить его, в чем кроется истинная причина столь упорного нежелания Хамфри принять мой вариант.

— Дело в том, — с готовностью объяснил он, — что, как только мы окажемся в Шотландии, вся организация визита перейдет в ведение министра по делам Шотландии.

По-моему, такой поворот событий должен вполне устраивать сэра Хамфри. Меньше забот. Однако Бернард поспешил разубедить меня. Оказывается, сэр Хамфри Эплби обожает бывать во дворце — при полном параде, во фраке, во всем блеске наград и знаков отличия. А в Шотландии все будет намного проще и скромнее. Меньше приемов и обедов (во всяком случае, для сэра Хамфри). Его, возможно, даже не пригласят на прощальный обед — размеры консульства Буранды в Эдинбурге более чем скромные.

Лично я никогда не придавал значения такого рода церемониям, а для постоянных заместителей, по словам Бернарда, вся эта парадная мишура ужасно важна. Тогда я любопытствовал, много ли наград у сэра Хамфри.

— Хватает, — ответил Бернард. — В рыцари* его посвятили давным-давно. Он — кавалер ордена Бани II степени и, говорят, в ближайшее время получит орден Бани I степени.

— Откуда вам все это известно? — удивился я, искренне полагая, что дела, связанные с государственными наградами, окутаны непроницаемой завесой таинственности.

— Из неофициальных источников, — уклончиво ответил Бернард.

(Вскоре после этой беседы сэр Хамфри Эплби прислал Бернарду Вули проект программы официального визита президента Буранды, на полях которого было написано следующее:

«Встречался с постоянным заместителем министра иностранных дел по вопросу о проведении официального визита в Шотландию.

К сожалению, наш министр уже разговаривал об этом с его министром. Вероятно, они старые приятели.

Похоже, кабинет единодушен в своем решении. Они уже разослали рескрипты о проведении дополнительных выборов в трех неустойчивых округах в день официального визита.

Говорят, бурандийское консульство — это небольшое бунгало, поэтому на прощальном обеде я, очевидно, присутствовать не смогу. Лично меня это искренне радует.

Заместитель министра иностранных дел намекнул мне, что в МВД ходят беспокойные слухи. Наш человек в Манговилле ожидает серьезных событий, вплоть до переворота.

* Личное дворянское звание; присваивается за особые заслуги видным политическим деятелям, крупным бизнесменам, высшим чиновникам. Перед именем рыцаря ставится титул «сэр», перед фамилией его жены — «леди».

Не исключено, что некая дружественная африканская страна, тяготеющая к Содружеству, вот-вот превратится во враждебную МРС про-кубинской ориентации. Если это произойдет, все разрешится наилучшим образом».

Под фразой «все разрешится наилучшим образом» сэра Хамфри, надо полагать, имел в виду отмену упомянутого официального визита, а не возможность обращения еще одной центрально-африканской страны в коммунистическую веру. — Ред.)

18 ноября

Последние несколько дней было не до дневника. Субботу с воскресеньем полностью отняли скучнейшие партийные документы. Остальное время — лавина не менее скучной министерской рутины.

Создается впечатление, что настоящие дела до меня просто не доходят. Не то чтобы мне нечем было заняться, нет. Работы хватает: мой стол забит разными ненужными бумажками, словом — одной ерундой.

А вчера «пустой» оказалась вообще вся вторая половина дня. Ни одной встречи, ни одного заседания. Бернард даже посоветовал сходить в палату общин, чтобы «быть в курсе ведущихся там дебатов». Более нелепого совета мне еще никто не давал!

Сегодня после обеда, просматривая окончательный вариант программы предстоящего официального визита, включил телевизор. Лучше бы я этого не делал. В «Новостях» передали сообщение о государственном перевороте в Буранде. По мнению комментатора, переворот марксистского толка. Мировое сообщество, говорилось в сообщении, весьма обеспокоено создавшейся ситуацией в связи с бурандийской нефтью. Новым президентом провозглашен некий Селим Мохаммед, полковник, главнокомандующий вооруженными силами страны. Или, что более вероятно, он сам себя провозгласил таковым. Судьба свергнутого президента пока неизвестна.

Совершенно потрясенный, я попросил Бернарда немедленно соединить меня с министром иностранных дел.

— Будем каблировать? — деловито осведомился он.

— Куда? — спросил я, как дурак.

Впрочем, затем до меня дошло. Очередное нелепое предложение моего личного секретаря. Какой смысл шифровать телефонный разговор о том, что минуту назад передавали в программе новостей?!

Бернард наконец-то соединил меня с Мартином.

Невероятно, но Мартин, оказывается, не имел ни малейшего понятия о перевороте в Буранде.

— Откуда тебе это известно? — спросил он.

— Из теленовостей. Неужели ты ничего не знаешь? Кто из нас министр иностранных дел, черт побери?

— Я, — сказал Мартин, — но у меня не работает телевизор. Я не поверил своим ушам.

— У тебя не работает телевизор? Вы что, не получаете экспресс-информацию?

— Конечно же, получаем, но она, как правило, приходит позже. Обычно через два-три дня. Я всегда узнаю о международных событиях по телевизору.

Он что, шутит? Похоже, нет. Сказал ему, что официальный визит должен состояться в любом случае. От этого зависит исход дополнительных выборов в трех избирательных округах. Мартин согласен с этим.

Прощаясь, попросил его держать меня в курсе дел.

— Нет уж, это ты меня держи в курсе, — отозвался он. — Телевизор-то работает у тебя.

19 ноября

С утра первым делом встретился с сэром Хамфри. Он в прекрасном расположении духа, так и сияет.

— Вы уже слышаны о печальных новостях, господин министр? — начал он, улыбаясь во весь рот.

Я молча кивнул.

— Впрочем, для нас это всего лишь небольшое неудобство, — продолжил он. — Машина, правда, запущена, — он покрутил в воздухе рукой, — но отменить приготовления к визиту в принципе не составит особого труда...

— Исключено! — твердо сказал я.

— Но, господин министр, у нас ведь нет выбора...

— Есть. Я уже переговорил с министром иностранных дел. — Мне показалось, что у Хамфри чуть дернулось левое веко. — Мы возобновляем наше приглашение новому президенту.

— Новому президенту? — ошеломленно переспросил Хамфри. — Но ведь мы еще даже не признали его правительство!

Я тоже улыбнулся и тоже покрутил рукой в воздухе.

— Машина запущена...

— Но мы понятия не имеем, кто он такой, — не сдавался Хамфри.

— Некто Мохаммед, — сообщил я.

— Но... Этого мало! Что он из себя представляет?

Я заметил — по-моему, довольно остроумно, — что мы не собираемся принимать его в члены «Атенеума»*. Нам наплевать на то, что он из себя представляет.

Сэр Хамфри попытался было надавить на меня.

— Господин министр, в Буранде хаос, неразбериха. Мы даже не знаем, кто стоит за новым президентом. Советы? Или Мохам-

* Лондонский клуб преимущественно для ученых и писателей. Основан в 1824 году.

мед просто еще один неистовый бурандец. Мы не имеем права подвергать такому риску наше дипломатическое реноме.

— У правительства нет выбора, — ответил я.

Тогда Хамфри избрал другую тактику.

— Учтите, господин министр, мы не успеем подготовить необходимую документацию!

На подобную чепуху я вообще не намерен обращать внимание. Подготовка документации — настоящая мания государственного аппарата. Мне вдруг отчетливо представилось, как сэр Хамфри Элби, лежа на смертном одре в окружении удостоверений, страховых полисов и прочих справок, приподнимает голову и слабеющим голосом возвещает: «Господи, я не могу предстать пред тобой, у меня не готова необходимая документация!»

Сэр Хамфри не унимался:

— Дворец категорически настаивает, чтобы Ее Величество была исчерпывающе проинформирована по данному вопросу. А без необходимой документации это не представляется возможным.

— Ее Величество будет на высоте! — сказал я, вставая. — Она не подведет.

Какой ход, а? Пусть теперь попробует критиковать Ее Величество!

Сэр Хамфри, надо отдать ему должное, вышел из затруднительного положения достойно. Он тоже поднялся.

— Об этом не может быть и речи, — ответил он. — Мы ничего о нем не знаем. Вдруг он дурно воспитан? Вдруг он будет груб с королевой? Он ведь может... позволить себе вольности! — Хамфри изворачивался, как мог. — По протоколу он должен сфотографироваться вместе с Ее Величеством... Что если он окажется еще одним Иди Амином? Последствия могут быть ужасными.

Должен признаться, последнее замечание Хамфри меня несколько встревожило, но... не настолько, чтобы пожертвовать выборами в трех неустойчивых округах.

— В силу определенных государственных соображений, — возразил я, — данный визит представляется исключительно важным. Буранда — в перспективе сказочно богатая страна. Она испытывает острую нужду в морском буровом оборудовании, а у нас бездействуют верфи на Клайде. Кроме того, Буранда занимает стратегическое положение в африканской политике нашего правительства.

— Наше правительство никогда не проводило какой-то особой африканской политики, — заметил сэр Хамфри.

— Теперь проводит, — отрезал я. — А если за новым президентом стоят марксисты, кто лучше Ее Величества сможет перетянуть его на нашу сторону? Кроме того, народу Шотландии обещано важное мероприятие государственного значения, и мы просто не можем, не имеем права нарушить слово.

— Не говоря уж о выборах в трех неустойчивых округах... — сухо добавил сэр Хамфри.

— Которые не имеют к этому ни малейшего отношения, — окончил я, испепелив его взглядом.

— Конечно же, нет, господин министр, — поспешно согласился мой постоянный заместитель, но я почему-то не уверен в искренности его ответа.

Зазвонил телефон. Бернард снял трубку. Звонили из МИДДСа, от Мартина.

Закончив разговор, Бернард сообщил нам, что новый президент Буранды объявил о своем намерении нанести официальный визит в Великобританию. В соответствии с договоренностью своего прешественника.

Отлично! Значит, МИДДС наконец-то начал получать срочную информацию. Спросил Бернарда, откуда к министру поступило это сообщение. Из Манговилла?

— Не совсем так, — ответил он. — Его шофер узнал об этом из радионовостей.

Теперь отменить визит может только премьер-министр... по рекомендации Мартина или моей. А я твердо решил, что визит должен состояться при любых условиях. Еще одно генеральное решение. В конце концов, не так уж мало. Прекрасно!

26 ноября

Сегодня первый день долгожданного визита. Прибытие президента Мохаммеда транслировалось по телевидению. Мы с Бернардом наблюдали встречу в аэропорту, сидя у меня в кабинете. Должен сознаться, я слегка нервничал: не окажется ли новый президент действительно «чуть диковатым»?

Вот реактивный лайнер с яркой надписью по борту «БУРАНДАН ЭРУЭЙЗ» мягко приземлился на посадочную полосу. Я был потрясен. Наша «Бритиш эруэйз» вынуждена закладывать свои «конкорды», а крошечное африканское государство имеет собственную авиакомпанию, «джамбо-джеты»* и все такое прочее.

Поинтересовался, сколько самолетов у этой «Бурандан эруэйз».

— Ни одного, — ответил Бернард.

— Не морочьте мне голову. Вы что, слепой?

— Да нет же, господин министр. Самолет принадлежит Фреди Лейкеру. Они зафрахтовали его на прошлой неделе и перекрасили в свои национальные цвета...

Похоже, большинство «неимущих» стран, то есть МРС, действуют подобным образом. Накануне открытия Генеральной Ассамблеи ООН аэропорт Кеннеди буквально забит фальшивыми флагманами небесного океана.

— ...Известен даже случай, — ухмыльнулся Бернард, — когда одна «семьсотсороксемерка» на протяжении месяца принадлежала

* Самолет-гигант, бытовое название пассажирского самолета «Боинг-747» по кличке африканского слона Джамбо, жившего в Лондонском зоопарке во второй половине XIX века.

по очереди девяти различным «авиакомпаниям». Они называли ее «мамбо-джамбо».

Тем временем на экране телевизора не происходило ничего особенного, за исключением того, что «мамбо-джамбо» вырвали к центральному зданию аэропорта, а королева, похоже, слегка продрогла. Бернард ознакомил меня с программой дня и объяснил, что до Эдинбурга мне придется добираться ночным экспрессом (билет уже заказан), поскольку из-за вечернего голосования в палате общин я не успею на последний самолет.

Но вот комментатор особым, чуть приглушенным голосом - как это они умеют на Би-би-си, когда речь заходит об особе королевской крови, — благоговейно объявил, что через несколько секунд мы наконец-то сможем лицезреть президента Селима.

А из самолета вышел... Чарли. Мой старый друг Чарли Умтали. Мы учились с ним вместе в ЛЭШе. Никакой не Селим Мохаммед, а Чарли!

Бернард спросил, не обознался ли я. Глупейший вопрос! Разве можно забыть такого человека, как Чарли Умтали?!

Я тут же послал за сэром Хамфри, который, узнав, в чем дело, ужасно обрадовался.

— Слава богу, теперь мы хоть что-то знаем о новом президенте.

В официальном досье — почти ничего: полковник Селим Мохаммед принял ислам несколько лет назад, его настоящее имя неизвестно, поэтому сведений о его прошлом собрать не удалось. Поразительно! Поразительно, как мало удастся МИДДСу! Наверно, они рассчитывали выудить информацию из автомобильного приемника.

Зато мне не составило большого труда исчерпывающе проинформировать сэра Хамфри и Бернарда о прошлом Чарли. Очень интересный человек. Страстно увлекался политической экономией. Ни в чем не терпит соперничества.

— Тогда все в порядке, — облегченно вздохнул Бернард.

— Почему «тогда»? — поинтересовался я.

— Мне кажется, Бернард хотел сказать, — пришел ему на помощь сэр Хамфри, — что господин президент должен уметь себя вести, раз он учился в английском университете... пусть даже и в ЛЭШе...

Никак не пойму, намеренно он меня оскорбляет?

—...Да, кстати, господин министр, — продолжил он. — Вы сказали «интересный», надеюсь, не в политическом смысле?

- И в политическом тоже. С Чарли нельзя предугадать, как все обернется. Он из тех, кто входит в турникет последним, а выходит из него первым.

- Нет твердых убеждений? — уточнил сэр Хамфри.

- Конечно, нет! Чарли по-настоящему предан только одному человеку — самому Чарли.

- А-а... понятно. Политик.

Полагаю, это была шутка. Иначе Хамфри никогда бы не позволил себе подобную грубость. Впрочем, иногда он, по-моему, говорит вполне серьезно, хотя и утверждает, что пошутил. На этот раз мне удалось поставить его на место, прибегнув к его же собственной коронной фразе.

— Очень остроумно, Хамфри, — язвительно произнес я. — К тому же, поскольку Чарли пробудет у нас всего два дня, он вряд ли сможет причинить много вреда.

Однако сэра Хамфри мое объяснение почему-то не успокоило.

— Не забудьте, господин министр, — заявил он, — настаивали на его приглашении вы, а не я.

— Извините, Хамфри, мне еще надо поработать с корреспонденцией, — сказал я, изо всех сил стараясь скрыть внезапное раздражение.

— С вашего позволения, господин министр, — не унимался он, — я был бы вам крайне признателен, если бы вы прежде ознакомились со справкой по нашей африканской политике. — Он протянул мне увесистое досье.

— Нет уж, благодарю. Не вижу в этом никакой необходимости, — сказал я.

— Прекрасно, — обрадовался он. — По-моему, было бы крайне досадно, если бы незначительная путаница в африканской терминологии привела к нарушению и без того шаткого баланса сил между, скажем, ФРОЛИНА и ФРЕТИЛИН, вы согласны? — Понимая, что здесь он меня подловил, Хамфри продолжал развивать успех. — Я имею в виду, что если новый президент больше тяготеет к ЗАПУ, чем к ЗАНУ, то КАРЕКОМ и КОРЕПЕР, возможно, потребуют вовлечения ГРАПО, а это неизбежно возродит старую склоку с ЭКОСОС и ЮНИДО, что, в свою очередь, приведет к новой вспышке противоречий между МБРР и ОЭСР... И как в таком случае прикажете поступать ПЕВ?

(ФРОЛИНА — французский акроним Фронта национального освобождения Чада; ФРЕТИЛИН — Революционный фронт за независимость Восточного Тимора; ЗАПУ — Союз африканского народа Зимбабве; ЗАНУ — Африканский национальный союз Зимбабве; КАРЕКОМ — Средиземноморский общий рынок; КОРЕПЕР — Комитет постоянных представителей Европейского сообщества; ЭКОСОС — Экономический и Социальный Совет ООН; ЮНИДО — Организация Объединенных Наций по промышленному развитию; МБРР — Международный банк реконструкции и развития; ОЭСР — Организация экономического сотрудничества и развития. ГРАПО вряд ли имеет прямое отношение к теме обсуждения, поскольку это испанский акроним антифашистской революционной группы «Первое октября».)

Не исключено, что сэр Хамфри намеренно пытался запутать своего министра. — Ред.)

Единственное, что я понял из его шифровки, — это ПЕВ (правительство Ее Величества. — Ред.). Расчет Хамфри был

точен. Нарочито небрежным тоном, как бы делая ему одолжение, я сказал, что в таком случае мне, возможно, удастся выкроить время на ознакомление с досье.

— До встречи в поезде, — откланялся он и гордо удалился.

Боюсь, этот раунд он выиграл по всем очкам.

Затем Бернард напомнил мне, что я опаздываю на заседание парламента. Но корреспонденция в корзинке «для входящих», казалось, перешла на самовоспроизводство.

— Ну а это? — беспомощно развел я руками. — Что мне делать с этим?

— Господин министр... — сказал он и выразительно стрельнул глазами на корзину «для исходящих».

Поняв, что иного выхода все равно нет, я поднял всю кипу писем из одной корзины и торжественно переложил ее в другую.

При этом мною овладело странное чувство — вины и облегчения одновременно.

Судя по всему, Бернард одобрил мой поступок. Во всяком случае, он понимающе улыбнулся.

— Верное решение, господин министр... Как говорится, и с плеч долой.

27 ноября

То, что произошло вчера вечером, иначе, как кошмаром, не назовешь.

Кризис! Острейший кризис, который необходимо сегодня же разрешить. И во всем виноват я один. Что делать? — ума не приложу. Боже, помоги мне!

Пишу эти строки в купе ночного экспресса, с ужасом думая о предстоящем.

Но лучше все по порядку.

Сразу после голосования в парламенте Рой отвез меня на вокзал Кингз-кросс. Времени оставалось предостаточно. Я, не торопясь, нашел свой вагон, удобно расположился, заказал проводнику чай с бисквитами и уже начал стаскивать брюки, как кто-то нервно забарабанил в дверь.

— Кто там? — крикнул я.

— Бернард, — послышался голос Бернарда.

Я открыл дверь: действительно — Бернард. От волнения он тяжело дышал и непрестанно вытирал пот с лица. Таким я его еще не видел. Собственно, мне вообще никогда не доводилось видеть в подобном состоянии ни одного государственного служащего. Они всегда так удручающе невозмутимы, так безукоризненно выдержанны, что, как ни странно, ты невольно чувствуешь себя намного уверенней, когда они хоть изредка впадают в панику, как самые обыкновенные люди. Но уж если это вдруг случается, они начинают мельтешить хуже безмозглых цыплят.

Бернард крепко прижимал к груди пачку плотных коричневых конвертов.

— Входите, Бернард, — пригласил я его в купе, — что у вас там стряслось?

— Прочтите, пожалуйста, вот это, господин министр, - трагическим тоном произнес он, тыча мне в грудь одним из конвертов.

Не могу передать вам мое раздражение! Бернард без конца подсовывает мне какие-то бумаги. На сегодня с меня хватит и четырех красных кейсов, рядом выстроившихся на полу.

Я оттолкнул от себя конверт.

— И не подумаяю.

- Но вы должны! — Он снова ткнул конвертом мне в грудь. - Дело не терпит отлагательства.

- Вы всегда так говорите, — заметил я, продолжая стаскивать брюки.

Тогда Бернард, тревожно понизив голос, сказал, что в конверте — завтрашняя (уже сегодняшняя, о боже!) речь президента Селима, которую передало нам бурандийское посольство.

Сообщение Бернарда не вызвало у меня ни малейшего интереса. Все они на один манер: счастлив посетить вашу страну, искренне признателен за радушный прием, связи между нашими странами, полезность совместного опыта, взаимовыгодное и плодотворное сотрудничество и тому подобная окоlesiца.

— Конечно, господин министр, этой белиберды там хватает, - согласился Бернард. — И все же вам необходимо ознакомиться хотя бы с наиболее важными фразами, которые я отметил красным карандашом. (Какая предусмотрительность!) Я уже обошел вагоны и раздал всем копии, — добавил он.

Обошел вагоны? Раздал копии? Он, наверное, чокнулся, подумал я. Но Бернард объяснил, что этим же поездом кроме меня и сэра Хамфри едет ряд высокопоставленных лиц, включая министра иностранных дел, его постоянного заместителя и пресс-секретаря. Кто бы мог подумать?

Я нехотя открыл конверт, и... меня прошиб холодный пот: эта речь ни в коем случае не должна быть произнесена!

«...Бурандийцы испытывают чувство особой близости и понимания чаяний кельтских народов в их борьбе за свободу. Нам также пришлось вести нелегкую борьбу за освобождение от оков британского колониализма. Вспомните свое былое величие, вспомните Уильяма Уоллеса, Роберта Брюса, Баннокберн* и Каллоден**! Народ Буранды призывает шотландцев и ирландцев восстать против британского гнета, сбросить с себя ярмо империализма и присоединиться к братству свободных наций...»

* Битва при Баннокберне в 1314 году, когда войска под командованием короля Шотландии Роберта Брюса разгромили английскую армию короля Эдуарда II в войне за независимость Шотландии.

** Каллоденская битва (1746 г.) — разгром якобитского восстания в Шотландии.

В это время в купе, постучавшись, вошел сэра Хамфри. Между прочим, в великолепном шелковом халате золотистого цвета, с красным китайским драконом на спине. Вот уж не мог даже представить своего постоянного заместителя в подобном одеянии. Рядом с ним я, наверно, выглядел не очень-то презентабельно в одной рубашке и носках.

Бернард, извинившись, вышел.

— Итак, господин министр, — без предисловий начал Хамфри, — похоже, нас застали врасплох.

Я невольно бросил взгляд на свои голые ноги, а он неумолимо продолжал: ему, мол, неприятно напоминать, что он предупреждал меня, но ведь он предупреждал...

— Как вы полагаете, нам здорово намылят шею? — перебил я.

— Не шею, господин министр, — вежливо уточнил он, — скорее наше империалистическое ярмо.

Я заметил, что сейчас не время для плоских острот. Лично я в сложившейся ситуации не вижу ничего смешного.

Надо немедленно что-то предпринять. На карту поставлены результаты дополнительных выборов в трех шотландских округах! Не говоря уже о возможных последствиях для Ольстера!

— Это катастрофа! — прошептал я.

Сэр Хамфри и не пытался хоть как-то разрядить обстановку.

— Безусловно, — замогильным тоном подтвердил он. — Катастрофа. Трагедия. Катаклизм. Чудовищное, неотвратимое бедствие! — Он перевел дух и бесцеремонно добавил: — Ваших рук дело.

— Хамфри, — с упреком сказал я ему, — вам же платят за то, чтобы вы давали мне советы. Так посоветуйте что-нибудь.

— Собственно говоря, это все равно, что давать советы капитану «Титаника» после того, как он напоролся на айсберг, — заявил сэра Хамфри.

— Да будет вам, — не сдержался я. — Безвыходных положений не бывает. Что-то ведь можно сделать?

— Можно спеть «Герпи со мной».

Раздался стук в дверь, и в купе просунул голову Бернард.

— С вами хотел бы переговорить господин министр иностранных дел.

Вошел Мартин.

— О, господин министр! — Сэр Хамфри был теперь сама учтивость.

— Да, это я, — подтвердил Мартин. — Читали речь?

Не успел я ответить, что читал, как меня опередил сэра Хамфри:

— Да, и моего министра очень беспокоит, что правительству намылят шею... Предположительно, шотландским мылом.

Глупые шуточки Хамфри начинают меня утомлять. Я спросил Мартина, чем он объясняет демарш Селима Мохаммеда. По его мнению, речь рассчитана на «внутреннее потребление»: президент

жаждет показать себя ярким антиколониалистом перед остальными африканцами.

Бернард снова просунул голову в купе и предложил нам подготовить проект официального заявления в ответ на речь. Прекрасная идея.

— Я пригласил Билла Причарда, нашего пресс-секретаря, — добавил он.

Билл Причард оказался рослым детиной мощного телосложения форварда-регбиста.

— Найдется ли местечко для маленького? — игриво спросил он, втискиваясь в и без того переполненное купе. В результате Хамфри полетел на диван.

Я спросил своего постоянного заместителя, как он относится к идее с заявлением.

— Дело в том, господин министр, — осторожно начал Хамфри, поднявшись на ноги (настоящий мандарин, несмотря даже на падение и на нелепый халат), — что в данном случае мы, как всегда, имеем шесть возможных решений. Первое — ничего не предпринимать. Второе — опубликовать в прессе заявление, осуждающее речь президента. Третье — направить официальный протест. Четвертое — прекратить экономическую помощь. Пятое — разорвать дипломатические отношения. Шестое — объявить войну.

Значит, выбор все-таки есть... и довольно богатый. Это хорошо. Я спросил Хамфри, что же именно нам следует предпринять.

— Давайте рассмотрим все варианты по порядку, — предложил он. — Первый: если мы ничего не предпримем, мы тем самым косвенно выразим согласие с содержанием упомянутой речи. Второй: выступив в прессе, мы сами себя высечем. Третий: если мы направим официальный протест, его просто-напросто проигнорируют. Четвертый: прекратить экономическую помощь мы не можем, поскольку мы им никакой помощи и не оказываем. Пятый: если мы разорвем дипломатические отношения, мы не сможем вести переговоры о продаже нефтяного оборудования. Шестой: в случае объявления войны может сложиться впечатление о неадекватности нашей реакции... Конечно, в старые добрые времена мы просто направили бы туда канонерку, — после небольшой паузы закончил он.

Мною снова овладело отчаяние.

— А теперь... исключено?

Все с недоумением уставились на меня. Безусловно, это исключено.

Бернард, которого где-то носило, пока Хамфри перечислял возможные решения проблемы, снова втиснулся в купе.

— Сюда идет постоянный заместитель господина министра иностранных дел и по делам Содружества, — сообщил он.

— Великолепно, — пробормотал Билл Причард. Сейчас здесь станет, как в «черной дыре» Калькутты.

Скоро я понял, что он имел в виду. Сэр Фредерик Стюарт,

прозванный в кругу близких друзей Джамбо*, распахнул дверь. От удара Бернард отлетел к стене, Мартин повалился на умывальник, а Хамфри — снова на диван.

— Можно войти, господин министр? — спросил он неожиданно по писклявым голосом.

— Попробуйте, — ответил я.

— Вас-то нам и не хватало, — простонал Билл Причард, когда колышущаяся гора мяса — иначе не скажешь — с трудом втиснулась в крошечное купе, придавив Билла к зеркалу, а меня — к окну. Теперь мы все стояли, плотно прижавшись друг к другу.

— Добро пожаловать в наш стоячий комитет, — пошутил сэр Хамфри, непонятно как сохраняя горделивую осанку.

— Что нам делать с этой мерзостью?.. Этой мерзопакостной речью, — торопливо добавил я, чтобы Джамбо не обиделся. Его лысая голова ярко блестела, отражая свет лампы.

- Дело ясное, — пропищал он. — По-моему, мы все догадываемся, что за этим кроется, не так ли, Хампи**?

Хампи? Это его прозвище? Я с удивлением взглянул на своего постоянного заместителя, а он, очевидно, подумал, что я жду от него ответа.

- Э-э... полагаю, сэр Фредерик имеет в виду, что оскорбительные фразы в упомянутой речи, возможно, вставлены намеренно, с целью, скажем, получения определенных выгод...

- Ход в игре, — заметил Джамбо.

- Первый выстрел в сражении, — уточнил Хамфри.

- Разведка боем, — подхватил Бернард.

Эти государственные служащие — непревзойденные мастера штатпов. Они могут сыпать ими до бесконечности, пока их не остановишь. Что я и сделал, весьма проницательно заметив:

- Вы хотите сказать, он чего-то добивается?

Слава богу, хоть кто-то способен разобраться в ситуации.

- Если бы не добивался, то какой смысл заранее знакомить нас с текстом речи? — пожал плечами Джамбо. (Сильный аргумент!) — Но, к сожалению, мы все равно ничего не сможем предпринять, поскольку персонал бурандийского посольства недавно полностью сменился, да и саму речь мы только что получили. К тому же мы практически ничего не знаем о новом президенте...

Сэр Хамфри бросил на меня многозначительный взгляд.

- Я знаю, — без особого энтузиазма признался я.

Мартин был крайне изумлен. У Джамбо отвисла челюсть.

- Они вместе учились в колледже. — Хамфри повернулся ко мне. — Студенческое братство, не так ли?

Интересно, это вопрос или намек? Такой поворот событий меня совсем не устраивал. В конце концов, я не виделся с Чарли

* Jumbo (англ.) — гора, слон. ** Humry (англ.) — сердитый, нервный.

почти двадцать пять лет, он, возможно, и не узнает меня. Вряд ли от этого что-нибудь получится.

- Мне кажется, целесообразнее будет, если с ним встретитесь вы, сэр Фредерик, — сказал я.

- А по-моему, вы для него куда весомей, господин министр, — возразил Стюарт. (Похоже, ему и невдомек, насколько нелепо прозвучали его слова.)

Последовала пауза, во время которой Билл Причард безуспешно пытался "скрыть хихиканье под видом кашля.

- Итак, мы все едины в том, — констатировал сэр Хамфри, — что гора должна идти к Магомету.

- Не гора, а Джим, — поправил Мартин, сделав вид, будто не замечает ни выразительного взгляда своего постоянного за местителя, ни нового приступа «кашля» у нашего пресс-секретаря.

— Ну что ж, — согласился я, видя, что путь к отступлению отрезан. — Но вы пойдете со мной, — добавил я, повернувшись к Хамфри.

— Ясное дело, — ответил он. — Вас одного я бы и не отпустил.

Что это: очередное оскорбление или я просто брежу?

Позднее в тот же день

Чарли Умтали — пожалуй, теперь мне лучше называть его господином президентом Селимом — принял нас в люксе отеля «Каледония» ровно в 10 утра.

— Кого я вижу, Джим! — Он встал с кресла и, радушно улыбаясь, пошел нам навстречу. — Входите, входите, я искренне рад.

Столь теплый прием настолько взволновал меня, что я напрочь забыл, как великолепно он говорит по-английски.

— Чарли, — сказал я, пожимая ему руку, — давным-давно друг друга не видеть...

— Со мной совсем не обязательно говорить на пиджин-инглиш*, — заметил он и, повернувшись к своему помощнику, велел подать кофе.

Я представил сэра Хамфри. Затем мы сели за небольшой круглый столик.

— Знаете, мне всегда казалось, что в титуле «постоянный заместитель» есть нечто унижительное, — начал разговор Чарли.

Брови сэра Хамфри поползли вверх.

- Простите?

— По-моему, он вызывает невольные ассоциации с помощником машинистки или с чем-то в этом роде, — любезно улыбнулся Чарли, и брови моего постоянного заместителя исчезли где-то

* Английский язык, в котором английская лексика, морфологически и фонетически измененная, соединяется с элементами китайской грамматики. Активно используется в странах Дальнего Востока, Океании и Западной Африки.

под волосами. — Хотя на деле от вас зависит все, абсолютно все, не так ли?

Да, Чарли ничуть не изменился.

Брови сэра Хамфри вернулись на место.

— Ну... не то чтобы все... — ответил он, вновь обретая уверенность.

Я тепло поздравил Чарли с назначением его главой государства.

- Спасибо, — отозвался он. — Впрочем, это было совсем не трудно. В отличие от вас, мне не пришлось заниматься разными малоприятными делами вроде выборов... — Он выдержал паузу. — Или дополнительных выборов. — Чарли ввернул это как бы нарочком и одарил нас самой обаятельной из улыбок.

Неужели это намек? На всякий случай я решил промолчать. Не дождавшись ответа, Чарли продолжал:

- Джим, конечно, я очень рад тебя видеть, но скажи: ты просто пришел повидаться или хочешь обсудить какой-нибудь конкретный вопрос? Дело в том, что мне еще надо кое-что подработать в своей официальной речи.

Опять намек?

Сообщил ему, что мы ознакомились с нею. Он поинтересовался, как она нам понравилась. Тогда я спросил, могу ли на правах старого друга говорить откровенно. Он молча кивнул.

Я попытался втолковать ему, что его высказывания о колониальном гнете несколько — да что там! — абсолютно неприемлемы. Было бы желательно вообще обойтись без ссылок на шотландцев и ирландцев.

Внимательно меня выслушав, Чарли сказал:

— Но, по моему глубочайшему убеждению, дело обстоит именно так. Неужели британцы одобряют замалчивание правды?

Ловкий выпад.

Тут вступил сэр Хамфри.

- Интересно, — задумчиво произнес он как бы про себя, — существуют ли такие доводы, которые могли бы убедить господина президента в возможности перефразировать отдельные предложения в его речи с целью перенесения акцента с частных примеров на общую концепцию, конечно, не нарушая при этом логической целостности всего выступления?

Тоже мне поддержка!

Я с глубокомысленным видом отхлебнул кофе. Держу пари, даже Чарли мало что понял, так как после довольно продолжительной паузы он вдруг повернулся ко мне.

— Кстати, Джим, могу я посоветоваться с тобой относительно предложения, которое собираюсь сделать вашему премьер-министру в ходе переговоров?

Естественно, я сказал: да, конечно.

Из слов Чарли следовало, что «несущественные» изменения, произошедшие в правительстве Буранды, встревожили некоторых

западных инвесторов нефтяной промышленности страны. По его мнению, совершенно необоснованно. Однако, чтобы успокоить их, хорошо бы подкрепить это соответствующими английскими капиталовложениями.

Вот это деловой разговор. Давно бы так.

Я спросил сколько. «Пятьдесят миллионов фунтов», — ответил он.

Сэр Хамфри озабоченно сдвинул брови и черкнул мне на листке бумаги: «Спросите, на каких условиях». Я спросил.

— Начало выплаты — не ранее чем через десять лет. В течение этого срока — без процентов, — ответил Чарли.

Лично мне было все равно, однако сэр Хамфри чуть не поперхнулся своим кофе. Поэтому я заметил, что пятьдесят миллионов — очень большие деньги.

— Что ж, в таком случае... — произнес Чарли, давая нам понять, что аудиенция окончена.

— Но почему бы не обсудить этот вопрос спокойно, без гоготки? — поспешно вставил я.

Сэр Хамфри нацарапал мне еще одно послание, в котором объяснял, что если процентная ставка составляет в среднем 10 %, а ссуда будет беспроцентной в течение десяти лет, то, по существу, господин президент требует подарить Буранде пятьдесят миллионов.

Я в деликатной форме довел это до сведения Чарли. Он объяснил, что мы, мол, только выгадаем, поскольку правительство Буранды намерено потратить полученную ссуду на закупку нефтебуровых вышек на реке Клайд.

На мой взгляд, вполне резонно. Однако от Хамфри тут же последовала возмущенная записка, в которой он предупреждал меня, что они намерены получить от нас пятьдесят миллионов фунтов на покупку *наших* нефтебуровых вышек на *наши* деньги (выделено не мной, а сэром Хамфри).

Перебрасываться записками, словно шкодливые ученики, становилось неприлично, и мы перешли на приглушенное бормотание.

- По-моему, предложение вполне разумное, — прошептал я.

- Вы шутите! — прошипел Хамфри.

- Рабочие места, сотни новых рабочих мест, — парировал я и, повернувшись к Чарли, напрямую спросил, сделает ли он необходимые изменения в речи, если мы согласимся на его предложение.

Хватит играть в прятки. Карты на стол.

Чарли изобразил неподдельное удивление, однако признал, что теоретически это возможно. Но наше решение мы должны сообщить ему немедленно.

— Шантаж! — Сэр Хамфри перешел на сценический шепот, который можно было услышать на улице.

- Что вы имеете в виду? — вежливо осведомился Чарли.

Я поспешил заверить его в том, что мой постоянный замести-

тель ничего не имеет в виду, а затем повернулся к Хамфри и решительным тоном сказал, что, на мой взгляд, предложение господина президента нас вполне устраивает. Тем более прецеденты уже были.

(Хэкер, очевидно, имел в виду соглашение с польскими судостроителями во время пребывания у власти правительства Каллагэна, когда полякам была предоставлена беспроцентная ссуда, с тем чтобы они могли на наши деньги закупить у нас танкеры, которые впоследствии составили бы конкуренцию нашему торговому флоту. Строить эти танкеры предполагалось на верфях Тайнсайда — неустойчивого избирательного округа лейбористов с высоким уровнем безработицы. И хотя в той ситуации сам собой напрашивался вывод, что лейбористское правительство использовало общественные деньги на покупку голосов избирателей, вслух его никто не сделал: видимо (по аналогии с бактериологической войной), никто не решился прибегнуть к неуправляемому оружию, которое со временем может обернуться и против того, кто первым пустит его в ход. — Ред.)

Тут сэра Хамфри заявил, что ему необходимо сказать мне несколько слов конфиденциально, и мы вышли из номера.

Упрямство Хамфри мне попросту непонятно. Ведь Чарли предлагал нам выход из положения...

В коридоре он торопливо зашептал, что, поскольку этих денег нам не видать, как собственных ушей, он не может рекомендовать такую сделку казначейству, которое, в свою очередь, и не подумает рекомендовать ее кабинету.

— Фактически вы предлагаете выбросить на ветер пятьдесят миллионов фунтов народных денег, — нагло заявил он, — с единственной целью — выпутаться из очередной политической передышки.

— Это называется «большая дипломатия», — пояснил я.

— Это называется «политическая спекуляция», — отрезал он.

Тогда я чуть слышно произнес:

— Орден Бани I степени.

Последовала долгая пауза.

— Что вы сказали, господин министр?

— Ничего.

Хамфри задумался.

— Но, с другой стороны, — неожиданно сказал он, — было бы еще хуже, если бы в экономику Буранды начали вкладывать деньги Советы. Разве это в наших интересах?

Я отрицательно качнул головой.

— Да-да, мне понятна ваша мысль, — пробормотал он.

— Именно так они и поступят, если мы откажемся, — сказал я, подыгрывая ему.

Теперь Хамфри искал аргументы в мою пользу. — Полагаю, мы могли бы доказать, что, являясь участницей

диалога Север — Юг, Великобритания имеет определенные обязательства перед...

- КАСПами? — подсказал я.

Пропустив мимо ушей мою остроу, он невозмутимо продолжал:

— Разумеется. И если нам удастся настоять хотя бы на одном проценте годовых с началом выплаты через десять лет... Да, в целом, думаю, мы могли бы представить убедительные доводы в свете наших обязательств по отношению к «третьему миру», задействовав и МИДДС, и... экономически отсталые районы с высокой безработицей. Тем самым мы привлечем министерство занятости и министерство по делам Шотландии, а затем, когда начнется строительство буровых вышек, мобилизуем министерства торговли и промышленности... Да-да, уверен, нам удастся убедить казначейство, что в целом наш платежный баланс не пострадает.

Я был уверен, что рано или поздно он придет к такому выводу. Мы вернулись в апартаменты Чарли.

— Господин президент, — торжественно объявил сэр Хамфри, — кажется, мы все-таки сможем договориться !

— Моя цена вам известна, — сказал Чарли.

— Моя тоже, — сказала я и, улыбнувшись Хамфри, добавил: - У каждого своя цена, не так ли?

Сэр Хамфри, как всегда, был невозмутим. Наверное, поэтому их называют мандаринами.

— Да, господин министр, — согласно кивнул он.

3

В ПОГОНЕ ЗА ЭКОНОМИЕЙ

7 декабря

Возвращаясь домой лондонским поездом после утомительного уик-энда в своем избирательном округе, я развернул «Дейли мейл» и сразу же наткнулся на большую статью с яростными нападками на... Дж. Хэкера, то есть на меня.

Украдкой огляделся вокруг. Обычно в вагоне первого класса полно людей, читающих «Тайме», «Телеграф» или «Файнэншл тайме». Сегодня же, казалось, все читали исключительно «Дейли мейл».

«ПОРА ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ДЖИМА ХЭКЕРА

*Джон Пилгрим, специальный
корреспондент*

В свое время достопочтенный Джим Хэкер, член парламента, торжественно заверил избирателей, что выполнит обещание правительства: сократит непроизводительные административные расходы и положит конец назойливому вмешательству чиновников в деловую жизнь страны. Однако знаете ли вы, что в действительности бюрократический аппарат Уайтхолла разбухает подобно чудовищу Франкенштейна?!

По имеющимся данным, как минимум четыре министерства контролируют поставки армейского обмундирования. Министерство обороны следит за выполнением заказов армии. Министерство торговли и промышленности заботится о том, чтобы поставки велись в соответствии с установленными нормами. Министерство занятости осуществляет контроль за использованием трудовых ресурсов, а за всем этим бдит шайка Джима Хэкера.

Наиболее ярким примером раздутых штатов Уайтхолла является прежде всего сам Джим Хэкер. Так не пора ли нам избавиться от него и для начала сэкономить хоть одну ставку?!»

Не успел я войти в свой кабинет, как Бернард протянул мне газету и поинтересовался, читал ли я эту статью. Ответил: да, читал. Тогда он сообщил, что Фрэнк тоже ее читал и очень хотел бы переговорить со мной. Я молча кивнул. Фрэнк с порога спросил, читал ли я эту статью. Ответил: да, читал.

Фрэнк почему-то принялся читать ее вслух. Зачем? Я же ясно сказал, что читал. Чтение вслух, по-видимому, улучшает ему настроение. Мне же наоборот.

— Интересно, сколько экземпляров ежедневно поступает в продажу? Два миллиона, три?.. — спросил я у Бернарда.

— Ну что вы, господин министр! — ответил он таким тоном, будто мои предположения — неслыханное преувеличение.

— Так сколько же?

— Э-э... четыре миллиона, — выдал он, — так что... э-э... ее прочитали всего двенадцать миллионов человек. Двенадцать или пятнадцать, не больше. К тому же многие из подписчиков «Дейли мейл» вряд ли умеют читать.

А между тем поведение Фрэнка становится просто невыносимым. Он все время нас перебивает: «Вот послушайте!» — и с выражением зачитывает какую-нибудь оскорбительную фразу. Например: «Знаете ли вы, что в Управлении налоговых сборов занято больше людей, чем во всем королевском военном флоте?» Я удивился, но Бернард подтвердил, что так оно и есть.

— «Может быть, — не унимался Фрэнк, — правительство считает налогообложение лучшим видом обороны?»

Бернард захихикал, однако, взглянув на меня, тут же попытался изобразить приступ кашля.

Затем Фрэнк счел необходимым довести до моего сведения — будто это не было ясно и без его слов, — что статья в «Дейли мейл» может нанести нам непоправимый политический ущерб и что в связи с этим вопрос о сокращении государственного аппарата должен стать приоритетным для МАДа. Он абсолютно прав, но как это осуществить?

— Знаете что? Они вас уже приручили! — сердито произнес он. Я не снизошел до ответа. Кроме того, мне, как назло, ничего не приходило в голову.

(«Приручить» на языке чиновника означает заставить нового министра смотреть глазами государственного служащего. Когда же «прирученный министр» начинает автоматически, бездумно подходить ко всему с точки зрения Уайтхолла, его зачислят в категорию «натурализованных министров». — Ред.)

В кабинет стремительно вошел сэр Хамфри.

— Вы читали это? — прямо с порога спросил он, потрясая газетой.

Терпение мое лопнуло.

— Да, да, да!!! Я читал эту паршивую газету! Мы все, черт побери, ее читали! Я ясно выразился?

— Более чем, господин министр, — холодно произнес сэр Хамфри после неловкой паузы.

Взяв себя в руки, я сказал:

— Хамфри, мы должны сократить управленческий аппарат. У нас просто нет иного выхода. Сколько, к примеру, человек в нашем министерстве?

— В нашем министерстве? — переспросил он. — Э-э... сравнительно немного...

— «Немного» — это сколько? Две тысячи?.. Три? — В душе я надеялся, что цифра окажется гораздо меньше.

— Полагаю, около двадцати трех тысяч, господин министр. Невероятно! Двадцать три тысячи человек! В одном только министерстве административных дел! Двадцать три тысячи чиновников для контроля над другими чиновниками?

— Необходимо срочно провести АСЭФО (*анализ структуры и эффективности функционирования организации. — Ред.*) и определить, без кого мы можем обойтись! — решительно заявил я.

— Последний АСЭФО проводился не далее как в прошлом году, — вежливо возразил сэр Хамфри. — В соответствии с содержащимися в нем рекомендациями нам следует набрать еще пятьсот человек... Впрочем, господин министр, если подумать, то мы вполне могли бы обойтись без вашего КНК.

(Контрольно-наблюдательный комитет — оригинальное нововведение Хэкера. По его замыслу, предполагалось, что рядовые граждане будут сообщать в КНК о конкретных случаях бюрократической волокиты, растрат и т. п. фактах, с которыми им лично пришлось столкнуться. КНК просуществовал около четырех месяцев. — Ред.)

Ничего другого я и не ожидал. Насколько мне известно, Хамфри спит и видит, как бы избавиться от КНК. Но этого я не допускаю. Во-первых, КНК по душе избирателям. А во-вторых, это пока мое единственное нововведение на министерском посту.

— Благодаря КНК рядовой гражданин получил наконец практическую возможность подсказать нам, как уменьшить разбазаривание государственных средств.

— Общественность не имеет ни малейшего понятия о разбазаривании общественных средств, — высокомерно заметил сэр Хамфри. — Разбираемся в этом только мы.

Я ухмыльнулся.

— Вы готовы подтвердить это в письменном виде?

— Вы прекрасно понимаете, что я совсем не это имел в виду, — раздраженно сказал он. — Ваш КНК нужен только кляузникам...

— И тем не менее его мы трогать не будем.

Мы обменялись ледяными взглядами. После напряженной паузы сэр Хамфри сказал:

— Честно говоря, иных путей к сокращению штатов я пока не вижу.

— Это же абсурд! Неужели вы всерьез хотите убедить меня, что нам так-таки некого сократить?

Он пожал плечами.

— Почему же? Думаю, мы вполне могли бы пожертвовать одной-двумя официантками.

Я снова взорвался: попросил его не острить. Нужны не рассуждения, а цифры, конкретные ответы на конкретные вопросы.

В частности:

1. Сколько человек в штате МАДа?
2. Чем все они заняты?
3. Сколько у нас зданий?
4. Кто и что находится в этих зданиях?

Изложив все это, я еще раз потребовал немедленного и самого тщательного АСЭФО. Сначала наведем порядок в собственном доме. Потом займемся остальным Уайтхоллом. Детальное изучение вопроса, не сомневаюсь, поможет нам определить, где и как можно урезать расходы, сократить персонал и упразднить бюрократические процедуры.

Пока я говорил, сэр Хамфри нетерпеливо топтался на месте.

— Государственная служба, господин министр, — назидательно произнес он, как только я остановился, чтобы перевести дух, — существует прежде всего и в основном для претворения в жизнь законопроектов парламента. Чем больше парламент издает законов, регламентирующих жизнедеятельность общества, тем больше должна расти государственная служба.

— Ха! — презрительно воскликнул Фрэнк.

Сэр Хамфри высокомерно взглянул на него.

— Надо понимать, господин Визел со мной не согласен?

— Ха! — повторил Фрэнк.

Его «ха» мне тоже действовало на нервы.

— Вот что, Фрэнк, — возмутился я, — либо смейтесь по-настоящему, либо не смейтесь вообще!

— Господин министр, — обратился ко мне Хамфри, — мне абсолютно ясно ваше требование, так что, если не возражаете, я пойду отдам необходимые распоряжения.

— Пускает пыль в глаза, — пробурчал Фрэнк, как только за сэром Хамфри закрылась дверь.

А затем доверительно сообщил мне довольно любопытную новость. Оказывается, некий ревизор сумел добиться сокращения бюджетных расходов на сумму 32 миллиона фунтов. И это только в своем северо-западном регионе, а государственная служба намеренно скрывает от всех, включая министра, то есть меня, любую информацию об этом ценном почине. Я спросил почему.

— Они же не хотят сокращений! — гневно тряхнул головой Фрэнк. — Просить сэра Хамфри сократить аппарат — это все равно, что просить алкоголика взорвать винокурню.

Я спросил Бернарда, известно ли ему об этом. Он сказал «нет», но если дело обстоит именно так, то он вполне разделяет чувства моего политического советника. Я попросил их обоих выяснить фактическую сторону вопроса. Бернард обещал «прощупать» свои источники, а Фрэнк — провести негласное расследование.

(Буквально на следующей день Бернард Вули встретился с сэром Хамфри Элби. Верный своим привычкам, сэр Хамфри детально изложил всю беседу в отчете, который мы обнаружили в архиве МАДа. — Ред.)

«Вули пришел ко мне в 17.15, чтобы обсудить вопрос о 32 миллионах фунтов, которые удалось сэкономить ревизору северо-западного региона. Я выразил по этому поводу свое искреннее возмущение.

Вули был не менее возмущен тем, что мы ничего об этом не знаем.

Иногда этот молодой человек проявляет паразитическую наивность. Меня это несколько беспокоит. Я, естественно, был в курсе всей этой истории и возмущаюсь только тем, что она выплыла наружу. Ведь теперь казначейство может урезать наши расходы на следующий год.

Я подумал, что смогу лучше понять Бернарда, если наш разговор будет носить менее официальный характер. *(Вероятно, для этого сэра Хамфри вышел из-за стола и, заметив, что уже 17.30, предложил ему рюмочку «шерри».* — Ред.) Я присел рядом с ним и поинтересовался, почему у него такой встревоженный вид. Из ответа явствовало: он искренне радуется за то, чтобы МАД сэкономил государственные деньги.

Ужасно! Бернард, безусловно, еще очень и очень далек от понимания основ нашей работы.

У государственной службы должен быть свой собственный критерий успеха. Успех БЛ, например, измеряется ее прибылями. *(«Бритиш лейланд» — так называлась автомобильная компания, в которую в 80-е годы правительство перекачало миллиарды фунтов стерлингов из карманов британских налогоплательщиков с целью добиться полной занятости в Вест-Мидлендсе. Так что правильной было бы говорить, что провал БЛ оценивается размерами ее потерь.* — Ред.) Но поскольку государственная служба не получает (а значит, и не теряет) прибылей, то — ерго! — наш успех оценивается размерами наших штатов и нашего бюджета. Согласно этой формуле, крупное министерство всегда оказывается более эффективным, чем мелкое. Остается только поражаться тому, что Вули, имея за плечами колледж госслужбы и определенный опыт практической работы, так и не уяснил себе простейшей истины: на этом принципе зиждется вся наша система.

Никто ведь не просил этого ревизора экономить 32 миллиона. А если все за это возьмутся? Представляете себе, что будет, если все начнут безответственно экономить государственные деньги?!

Однако Вули упрямо стоял на своем и даже позволил себе еще один нелепый аргумент: за экономию, дескать, выступает господин министр. Я счел себя обязанным довести до его сознания некоторые аксиомы нашего дела:

1. Министры приходят и уходят. В среднем ни один министр не задерживается на своем посту более одиннадцати месяцев. *(В течение десяти лет президенту компании «Бритиш стил» сэру Монти Финнистоу пришлось иметь дело по меньшей мере с девятнадцатью министрами про мышленности.* — Ред.)

2. Наш первейший долг — помогать министру выколачивать из казначейства деньги на нужды министерства, не обращая внимания на его панические настроения.

3. Вместе с тем не следует мешать министрам ударяться в панику по любому поводу. Политики любят паниковать: им, как воздух, нужна видимость активности, заменяющая конкретные дела.

4. Утверждение о том, что мы должны выполнять все распоряжения министра, поскольку его, видите ли, избрали «демократическим путем», по сути, выведенного яйца не стоит. Члены парламента избираются не народом — их назначает партийное отделение избирательного округа, то есть тридцать пять мужчин в засаленных плащах или тридцать пять женщин в до безобразия нелепых шляпках. Дальнейший процесс «отбо-

ра» кандидатов не менее абсурден: из трехсот примерно депутатов (минимальное количество, необходимое для получения большинства в парламенте и права на формирование правительства) сто слишком стары и/или глупы, чтобы им можно было доверить министерство, а еще сто — слишком молоды и неопытны. Таким образом, остается сто кандидатов на сто государственных постов. Вот и весь «демократический выбор»!

5. Поскольку у министров, как правило, отсутствует необходимая профессиональная подготовка, наш гражданский долг — как можно чаще «подводить» их к принятию правильных решений.

В заключение я проинструктировал Вули, как ему следует объяснить министру факт экономии 32 миллионов. Я предложил ему на выбор несколько вариантов. Например, он может сказать, что:

а) в северо-западном регионе была изменена система финансовой отчетности;

или б) были изменены географические границы региона, в силу чего финансовые показатели этого года несопоставимы с данными прошлых лет;

или в) сумма экономии была всего лишь компенсацией за непредвиденные расходы в предыдущие два года (по 16 миллионов), то есть фактически имело место простое погашение задолженности;

или г) экономия была достигнута только на бумаге, так что ее всю необходимо списать в будущем году;

или д) в регионе с опозданием вводится в строй крупный промышленный объект, поэтому в следующем году бюджет региона будет значительно превышен;

или е) в самом начале отчетного периода в целях экономии было заморожено несколько крупных проектов, на которые были выделены солидные бюджетные средства, но в использовании этих средств отпала необходимость.

По-моему, Вули все понял, хотя пробелы в его профессиональной подготовке не перестают меня беспокоить. Пожалуй, имеет смысл уделять ему побольше внимания, так как, несмотря ни на что, из него может выйти толк.

В конце беседы он доверительно сообщил мне о негласном расследовании, которое проводит политический советник Хэкера. Естественно, я выделил в распоряжение Фрэнка служебную машину».

(Предоставление служебной машины чересчур лобознательному «чужаку» — это одна из стандартных уловок Уайтхолла: для установления надзора за его действиями через шофера, которому как минимум приходится отчитываться за сожженный бензин.

Для Уайтхолла шоферы не только обслуживающий персонал, но и ценный источник информации. Их пассажиры, как правило, не задумываются над тем, что водитель тоже имеет уши, кроме того, они — особенно министры — нередко оставляют на сиденье секретные бумаги и иную важную документацию.

Информация в Уайтхолле ценится на вес золота, и шоферы охотно ею обмениваются и торгуют. — Ред.)

(В одном из досье архива МАДа мы обнаружили несколько записок, которыми в тот период обменялись сэр Хамфри Элби и сэр Фредерик Стюарт. — Ред.)

Foreign and Commonwealth Office
From the Permanent Under-Secretary of State

Dear Humphry

10/XII

I am concerned that
your minister is still trying
to economise pointlessly.

Jumbo

Дорогой Хампи!

Меня беспокоит упорное стремление вашего министра к бессмысленной экономии.

DEPARTMENT OF
ADMINISTRATIVE AFFAIRS

From the Permanent Under-Secretary of State

Dear Jumbo —

Am hoping it will be like all the other government economy drives — three days of press releases, three weeks of ministerial memos, then a crisis in the Middle East, and back to normal again.

J.

10. xii

Дорогой Джамбо!

Эта кампания, убежден, закончится так же, как и все остальные: три дня газетной трескотни, три недели министерской суеты, затем очередной ближневосточный кризис — и все вернется на круги своя.

Foreign and Commonwealth Office
From the Permanent Under-Secretary of State

11/xin

Dear Humpty,

Hope you're right, but why
take chances? I suggest another
'Operation Hairshirt'

"Economy begins at home.
Set a personal example. Can't
expect others to do what we don't
do ourselves." etc.

Jumbo.

Дорогой Хампи!

Надеюсь, ты прав, но зачем рисковать? Предлагаю повторить операцию «Власяница»: «показать личный пример», «нельзя требовать от других того, чего не делаешь сам» и т. п.

DEPARTMENT OF
ADMINISTRATIVE AFFAIRS

From the Permanent Under-Secretary of State

Jumbo —

Good idea. Will try it. Thanks.

Self-denial is probably the answer,
as always.

J.

P.S. See you at the Lord Mayor's
dinner.

11 xii

Дорогой Джамбо!

Отличная мысль! Надо попробовать. Самопожертвование это,
как всегда, выход. Спасибо.

P. S. Увидимся на обеде у лорда-мэра.

75 декабря

Сегодня наконец-то провел совещание по сокращению бюджетных расходов. Расследование Фрэнка продолжается вот уже две недели. Итоги обсуждения оказались не совсем такими, как я рассчитывал, но теперь у нас, во всяком случае, имеется конкретная программа действий, хотя лично мне она представлялась несколько иной.

На совещании присутствовали сэр Хамфри, Бернард и Фрэнк. Кстати, ему все-таки удалось добыть кое-какие поистине ошеломляющие сведения о вопиющих финансовых излишествах со стороны МАДа. Я счел необходимым предупредить сэра Хамфри, что его ожидает не очень-то приятный сюрприз: вскрытые факты послужат суровым обвинением бюрократизма и неэффективности государственного аппарата.

Вид у моего постоянного заместителя был очень озабоченный и заинтригованный. Похоже, он горит желанием во всем разобраться и наметить конкретные пути, как он выразился, «осуществления радикальной экономии».

Фрэнк предусмотрительно подготовил два досье: одно — по персоналу, другое — по зданиям. Я решил начать с последнего.

— Чедвик-хаус, — зачитал я. — На Уэст-Одли-стрит.

— Огромное здание, где работает горстка людей, — уточнил Фрэнк.

Хамфри ответил, что, по имеющимся у него сведениям, Чедвик-хаус действительно частично пустует, но там предполагается разместить новую комиссию по окружающей среде.

— Мы даже опасаемся, что оно окажется маловато, когда штат комиссии будет полностью укомплектован, — заключил он.

Что ж, вопросов нет.

— Ледисмит-билдинг, Уолтхэмстоу, — продолжал я. — Пустует несколько лет.

— Естественно, — отозвался сэр Хамфри.

Я поинтересовался, что он хочет этим сказать.

— Безопасность, господин министр. Этим все сказано.

— Вы имеете в виду МИ-6*?

Сэр Хамфри пожал плечами. Я повторил свой вопрос.

— Мы не признаем существования МИ-6, — после небольшой паузы заявил он.

Большей глупости мне еще не приходилось слышать.

— Все, абсолютно все знают, что такая служба существует!

— А мы отрицаем... К тому же не все за этим столом имеют допуск...

«Допуск» — на редкость глупое определение. Мне всегда казалось, что оно относится к станкам, болванкам...

— И к болванкам, и к ищейкам, — отрезал мой постоянный

* Секретная разведывательная служба. Сокращенное название по первым буквам Military Intelligence.

заместитель, пристально глядя на Фрэнка. — Ледисмит-билдингз — это государственная тайна.

- Интересно, — саркастически заметил я, — как это семиэтажное здание в полквартала длиной вообще может быть тайной?

- Было бы желание... — многозначительно произнес сэр Хамфри, и в его глазах промелькнула лукавая искорка (или мне только показалось?).

Несмотря на мирный, вполне джентльменский тон нашего разговора, было ясно: в присутствии Фрэнка сэр Хамфри не намерен обсуждать вопросы, даже отдаленно связанные со службой безопасности. Попросить Фрэнка удалиться значило смертельно его обидеть, поэтому я решил временно отступить и перешел к следующим двум «белым слонам»*.

- «Веллингтон-хаус, Гайд-парк-роуд. Оценочная стоимость — семь с половиной миллионов фунтов стерлингов. Вестминстер-Олд-холл, Сэвил-сквер. Оценочная стоимость — одиннадцать миллионов фунтов стерлингов. Оба здания практически пустуют...» — зачитал я.

- Позвольте... а каков источник этих «оценок»? — полюбопытствовал сэр Хамфри.

- Бюллетень текущих ставок на государственные учреждения в этом районе, — ответил Фрэнк.

- Разумеется, разумеется, — понимающе кивнул сэр Хамфри. — Но, к сожалению, ни одно из этих зданий не соответствует текущим ставкам. Например, Веллингтон-хаус не имеет пожарной лестницы и запасных выходов, а вносить изменения в его планировку не представляется возможным из-за крайней ветхости здания. Так что его, при всем желании, вряд ли можно продать под учреждение.

- Тогда как же мы используем его? — перешел в наступление Фрэнк.

Требования противопожарной безопасности не распространяются на учреждения Уайтхолла. — Почему?

- Очевидно, потому, что служащих Ее Величества не так легко зажечь.

Сэр Хамфри весело захихикал. Что это, очередная шуточка? Похоже, мой постоянный заместитель просто в восторге от собственной находчивости. Ладно, меня это ничуть не задевает.

(На самом деле правила противопожарной безопасности полностью распространяются и на правительственные учреждения, правда, за исключением аварийных выходов. — Ред.)

Поняв, что мы недалеко продвинулись в поисках экономии, я спросил, почему нельзя продать огромный корпус Вестминстер-Олд-холл.

* Король Сиамы, желая разорить кого-либо из своих подданных, дарил ему священного белого слона, содержание которого обходилось очень дорого.

— Это здание относится к категории А, — ответил Хамфри. — Мы не имеем права изменять его проектное назначение. Окружающая среда и все такое прочее-
Фрэнк, видя, что мы снова топчемся на месте, предложил продать здание 3/17 по Биконсфилд-стрит.

- В принципе, конечно, можно, — согласился Хамфри, — но в нем три бетонированных подземных этажа.

- И что же? — не понял я.

- Это на тот случай, — пояснил Хамфри.

Я ожидал, что он как-то разовьет свою мысль, однако мой постоянный заместитель, видимо, счел свой ответ исчерпывающим.

— На тот случай? — пришлось мне переспросить.

— Вы же сами понимаете, господин министр, — произнес он многозначительно. — Резервный штаб правительства на тот случай, если...

— Если что? — Я по-прежнему ничего не понимал.

— Если... Вы знаете что. — Сэр Хамфри загадочно понизил голос до шепота.

— Что?

— Ну вы и сами знаете что.

— Я не знаю, — в замешательстве пробормотал я. — Что?

— Как что? — Теперь, казалось, и Хамфри смутился.

— Что вы имеете в виду, говоря: «Если... Вы знаете что»?

Если я знаю что — что?

Хамфри наконец решился приподнять завесу таинственности.

— Господин министр, если придет время открыть карты и все погрузится во мрак и полетит в тартарары, у правительства должно быть место, откуда оно будет осуществлять управление, даже если управлять станет некем.

— А зачем? — спросил я после нескольких минут напряженного раздумья.

Хамфри, похоже, мой вопрос ошеломил. Немного придя, в себя, он с подчеркнутым спокойствием — как если бы перед ним был слабоумный — объяснил:

— Правительства не прекращают править только потому, что страна подверглась полному разрушению. Последствия такой катастрофы сами по себе слишком серьезны, чтобы усугублять их разгулом анархии.

Видно, сэр Хамфри всерьез озабочен проблемой возможного бунта пепелищ.

Как бы там ни было, здание 3/17 по Биконсфилд-стрит, судя по всему, находится в ведении министерства обороны. Тут я абсолютно бессилен.

В списке Фрэнка оставалось еще одно пустующее здание.

— Ну а как насчет Центральной регистратуры? — спросил я без особой надежды.

— Не имеем права без разрешения планирующих органов, а они

его не дадут, — ответил сэр Хамфри с милой улыбкой человека, выигравшего пять раундов подряд.

В разговор неожиданно вмешался Фрэнк.

— Откуда ему все это известно? — Он с негодованием ткнул в сэра Хамфри пальцем. — Вы знали, где я побывал!

Мне это не приходило в голову, но Фрэнк, безусловно, прав. Я хотел было пристыдить Хамфри, но он с обезоруживающей улыбкой кивнул.

— Конечно, мы знали, где побывал господин Визел. Разве он выполнял секретное поручение?

К такому выпадку я был не готов. Что и говорить — довольно щекотливое положение.

Хамфри продолжал наступать:

— Мы ведь выступаем за открытость информации, не так ли?

Возразить было нечего, поэтому я без проволочек закрыл «дело» о наведении экономии в зданиях Уайтхолла и перешел к вопросу о занятости. Уж здесь-то я ощущал под ногами твердую почву.

— Насколько мне известно, — начал я, — девяносто государственных служащих в Сандерленде заняты элементарным дублированием работы девяноста своих коллег здесь, в Уайтхолле.

— Совершенно верно, — подтвердил сэр Хамфри. — Создание новых рабочих мест на северо-востоке. Проводилось в соответствии с решением кабинета.

Наконец-то хоть в чем-то мы пришли к согласию!

— Так давайте избавимся от них, — предложил я.

— Да-да, — горячо поддержал меня Фрэнк. — Давайте одним махом избавимся от девяноста чиновников!

Слово «чиновник» он не произносит, а как бы выплевывает, вкладывая в него более уничижительный смысл, чем в слово «карманник». Если бы я был чиновником, такое откровенное презрение меня бы безусловно оскорбило, а вот сэра Хамфри, судя по всему, это несколько не задевает.

Однако за выражение «одним махом» он тут же ухватился.

(Собственно, первым его употребил Эдуард Хит применительно к обещанному снижению цен, которого, естественно, так никто и не дождался. — Ред.)

— Или, лучше сказать, одним ударом — и баста, — уточнил он.

— Что? — не понял я.

— Лично мне, господин министр, такой подход весьма импонирует. Серьезная впечатляющая экономия. Но позвольте напомнить вам, что в данном случае речь идет об экономически отсталом регионе. Ведь именно этим соображением и была продиктована необходимость создания новых рабочих мест. Массовые увольнения в неустойчивом избирательном округе потребуют от правительства изрядного политического мужества.

Некоторое время мы сидели в полном молчании. Должен заметить, Хамфри проявил известное благородство, напомнив мне, что на карту поставлено благополучие неустойчивого избирательного округа. Обычно государственные служащие даже не задумываются над такими жизненно важными политическими реалиями.

Вызывать угрозу массовой забастовки? Естественно, так рисковать я не могу. Но как тогда быть с экономией? Ума не приложу. А что если предоставить инициативу самому Хамфри?

— Послушайте, Хамфри, — сказал я, — все это очень хорошо, но... мне как-то не верится, что мы не можем найти резервы для экономии. Ведь разбазаривание государственных средств стало просто вопиющим!

— Целиком и полностью с вами согласен, господин министр, — с неожиданной готовностью отозвался он. — Возможности для экономии, безусловно, имеются...

— Так скажите мне, ради бога, где? — Я вскочил. — Где они? К еще большему моему удивлению, сэр Хамфри не стал, как обычно, ходить вокруг да около.

— Господин министр, у меня иногда тоже создается впечатление, что в Уайтхолле все поставлено на слишком широкую ногу: служебные автомобили, личный штат, приемы, копировальная техника...

Великолепно! Лучшего и не придумаешь. Именно так!

— Однако здесь есть определенные сложности, — добавил он. (Сердце у меня снова защемило, но я промолчал, ожидая, что за этим последует.) — Когда власть имущие продолжают пользоваться благами и льготами, которых они лишили своих подчиненных, это вызывает у последних чувство глубокой неприязни и недоверия, не говоря уж о неминуемых отрицательных последствиях газетной шумихи...

Он замолчал, очевидно, предвкушая мою реакцию. Должен заметить, такое уточнение меня отнюдь не вдохновило. Хамфри, ясное дело, клонит к тому, что нам надо показать личный пример: дескать, экономия начинается дома, нельзя требовать от других того, чего не делаешь сам, и тому подобное, и тому подобное.

— Неужели это даст сколь-нибудь ощутимую экономию? — с сомнением спросил я.

— Непосредственную — вряд ли, но как пример всему Уайтхоллу — просто неоценимую!

Решающий аргумент в пользу идеи Хамфри высказал Фрэнк. Тут, мол, кроются отличные возможности для саморекламы. Он даже придумал несколько впечатляющих газетных заголовков вроде: «МИНИСТР УКАЗЫВАЕТ ПУТЬ!», «БЕРЕЖЛИВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: ХЭКЕР ПОДАЕТ ЛИЧНЫЙ ПРИМЕР!» или «„В ЭКОНОМИИ НАШЕ СПАСЕНИЕ!“ — ПРИЗЫВАЕТ ДЖИМ».

В результате я дал «добро» на немедленное претворение этой идеи в жизнь. Любопытно поглядеть, чем это все обернется. Пока что я полон радужных надежд.

20 декабря

Воскресное утро. Запись делаю дома, в своем избирательном округе.

Вот уже несколько дней не имел возможности вести дневник — кампания за экономию отнимает практически все свободное время. Неважно, я по-прежнему уверен: игра стоит свеч.

В пятницу вечером с превеликим трудом выбрался из Лондона. Домой попал за полночь, и Энни уже спала.

Хотел добраться до Юстона на такси, но из-за сильной грозы они все как сквозь землю провалились. Пришлось с тремя тяжеленными красными кейсами тащиться на метро. В результате я опоздал на поезд, насквозь промок и смертельно устал.

Разбудив Энни, извинился перед ней и рассказал о своих злоключениях.

— А твоя машина? Что-нибудь случилось? — встревожилась она.

— Я отказался от машины, — гордо заявил я. — А также от шофера, от шикарной мебели, от бара и даже наполовину сократил штат своей личной канцелярии.

— Тебя уволили! — Энни обожает делать поспешные выводы и бить тревогу по любому, самому ничтожному поводу.

Спокойно объяснил, что мы ведем борьбу за экономию и что я первый подал пример, отказавшись от всех излишеств, атрибутов роскоши и прочих привилегий.

Но Энни не желала ничего понимать.

— Ты спятил, черт побери! — взорвалась она. — Двадцать лет ты прозябал в оппозиции и все время ныл, что у тебя нет возможностей, что тебе никто не помогает! А теперь, добившись своего, готов выбросить все это коту под хвост?

Я попытался объяснить ей суть проблемы, но переубеждать Энни, когда она входит в раж, — дело практически безнадежное.

— Двадцать лет ты стремился занять достойное положение! — кричала она. — К чему же все твои труды, если от них одни только лишения?!

— Надеюсь, мой поступок оценят и в будущем у меня появятся еще большие возможности...

Такой аргумент не произвел на Энни ни малейшего впечатления.

— Интересно, — язвительно заметила она, — если ты станешь премьер-министром, то будешь передвигаться автостопом?

И почему она не хочет понять?..

21 декабря

Борьба за экономию идет полным ходом.

Правда, сократив на двенадцать человек аппарат моей личной канцелярии, мы не справляемся с текущими делами и нам с Бернардом приходится задерживаться в министерстве по вечерам. Однако правильность принятого решения не вызывает сомнений:

нам не нужны все эти «штатные единицы», занятые чтением и написанием моих писем, ответами на адресованные мне телефонные звонки и подготовкой проектов моих резолюций. Фактически такая система отгораживала меня от внешнего мира. Мне этот заслон ни к чему. Я — представитель народа и должен быть доступен всем и каждому. Только так и не иначе!

Хотя желательно было бы по возможности избегать досадных накладок вроде сегодняшней, когда я на полтора часа опоздал на конференцию, которую сам же и должен был открывать. Тем более что это была конференция по вопросам управленческой эффективности.

Не говоря уж о том, что из-за отмены ночных смен в МАДе (на мой взгляд, весьма существенная экономия!) уборщица теперь пылесосит мой кабинет по утрам и нам с Бернардом минут по двадцать — тридцать приходится орать во всю глотку, обсуждая план предстоящего дня. Со временем, уверен, все эти неприятные морщины можно будет как-то разгладить.

Завтра мне предстоит исключительно важная встреча с директором Управления планирования трудовых ресурсов северо-восточного региона господином Броу по вопросу о сокращении штатов. Я с ним еще не знаком, но, по словам Бернарда, он горит желанием приступить к сокращению в любую минуту.

Пресса просто захлебывается от восторга, освещая мою роль в кампании за экономию. Взять, например, передовицу в «Экспресс». Лучше и не придумаешь.

«НЕТ — РОСКОШНЫМ ЛЕНЧАМ В НОВОМ АСКЕТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ ХЭКЕРА!»

«Экономия начинается дома!» — заявил Джим Хэкер, держа в руках бумажную тарелочку с сэндвичем и тем самым показывая личный пример огромной армии погязших в роскоши бюрократов...»

ВСПОМИНАЕТ СЭР БЕРНАРД ВУЛИ:

«Да-да, я прекрасно помню всю эту историю с кампанией Хэкера за экономию. Я уже тогда, несмотря на свою неискушенность в такого рода делах, подозревал, что сэр Хамфри Эллби намеренно создал ситуацию, чреватую самыми серьезными последствиями.

Ну скажите, мог ли я, имея в своем распоряжении всего лишь двух машинисток, как следует организовать работу личной канцелярии министра? Конечно, нет: накладки и ляпы были просто неминуемы, а за ними рано или поздно должно было последовать настоящее ЧП.

Оно и последовало, и даже раньше, чем я ожидал. 21 декабря, на следующий день после появления в прессе очередного панегирика Хэкеру, в министерство без предварительного согласования прибыл генеральный секретарь профсоюза транспортных и муниципальных работников Рон Ватсон.

Он потребовал немедленной аудиенции у министра в связи, как он выразился, «с тревожными слухами относительно предстоящих уволь-

нений, затрагивающих насущные интересы членов его союза». Основным разносчиком этих слухов, естественно, были бесчисленные газетные статьи, которыми Хэкер столь откровенно восторгался.

Я сказал Ватсону, что без предварительной договоренности встреча с министром невозможна. И вышел за какой-то надобностью в соседний кабинет: из-за острой нехватки персонала мне самому приходилось бегать за каждой ерундой. Было бы у нас достаточно людей, Ватсон никогда бы не проник дальше секретариата. Доложить министру о приходе Ватсона я поручил дежурной машинистке.

После того как я вышел из комнаты, позвонил Броу из Управления планирования трудовых ресурсов с просьбой передать министру, что он опоздал на поезд и не сможет прибыть в назначенное время. Ватсон, очевидно, слышал этот разговор, понял, что в данный момент Хэкер свободен, и, не раздумывая, прошел к нему в кабинет.

Поскольку же в пылу борьбы за экономию всех моих помощников тоже сократили, его никто не остановил и никто не предупредил министра о том, что вместо Броу к нему вошел Ватсон...»

22 декабря

Все летит в тартарары! Катастрофа! Полная и сокрушительная катастрофа!

В 15.00 я ожидал господина Броу из Управления планирования трудовых ресурсов. Когда в назначенное время в кабинет вошел человек, я, естественно, принял его за Броу.

— Господин Броу? — спросил я.

— Нет, — ответил он, — меня зовут Рон Ватсон. Господин Броу по не зависящим от него обстоятельствам прибыть не смог.

Решив, что вместо себя Броу прислал Ватсона, я поблагодарил его за то, что он нашел время встретиться со мной, пригласил сесть и сказал:

— Послушайте, господин Ватсон, прежде чем мы приступим к делу, я хотел бы обратить ваше внимание на одно исключительно важное обстоятельство. Наш разговор ни в коем случае не должен стать достоянием гласности. Узнай о нем профсоюзы — я ни за что не ручаюсь... Начнется такое...

— Ясное дело, — понимающе кивнул он.

— Конечно же, сокращать мы будем, — продолжал я. — И много. С гигантской бюрократической империей немислимо бороться, не избавляясь от лишних людей. Множества лишних людей.

Он поинтересовался, не собираюсь ли я прежде обсудить этот вопрос с профсоюзами.

По-прежнему ничего не подозревая, я беспечно продолжал копать себе могилу.

— Да, мы, как всегда, поиграем с ними в так называемые «взаимные консультации», но вы же знаете этих тред-юнионистов: упрямые и глупые, как пробки.

Как, ну как я мог сказать такое совершенно незнакомому человеку?!

— Все до единого? — вежливо осведомился он.

Его вопрос меня несколько удивил. Уж он-то должен знать, ведь ему постоянно приходится вести с ними переговоры!

— Практически все, — тем не менее ответил я. — Единственное, на что они способны, — это переманивать друг у друга активистов и заниматься саморекламой на телевидении. Короче говоря, горлопаны.

Я отчетливо помню каждое произнесенное в той беседе слово. Все они навечно запечатлены в моем сердце... а также в лежащем передо мной интервью, которое Ватсон дал корреспонденту «Стэндард» сразу же по выходе от меня.

Помню, он еще поинтересовался, как, в частности, будет решаться вопрос с шоферами и транспортными работниками.

— Их мы сократим в первую очередь, — отрезал я. — Мы тратим на них колоссальные средства. Уж им-то вообще не на что надеяться.

Вот тут-то Вйтсон и открыл мне, что никакой он не заместитель Броу, а совсем наоборот — генеральный секретарь профсоюза транспортных и муниципальных работников и пришел в надежде услышать от меня опровержение слухов о предстоящих увольнениях членов его союза.

Боже, не покинь меня!

24 декабря

В эти предрождественские дни веселья совсем не чувствуется.

Шоферы Уайтхолла объявили забастовку. Я узнал о ней из утренних газет: все как одна цитируют Рона Ватсона, в свою очередь, цитирующего меня: «Конечно же, сокращать мы будем... И много».

Я спросил у Бернарда, как он мог допустить, чтобы такое случилось. Он виновато потупился.

— Господин министр, в нормальных условиях...

Впрочем, мы оба прекрасно понимаем, как и почему это произошло.

Бернард напомнил о делах на сегодня: рождественский между собойчик в МАДе, какие-то встречи — ничего важного... В результате весь день прятался от журналистов. Хотел обсудить создавшееся положение с сэром Хамфри, однако его, как назло, нигде не могли найти.

На восемь вечера мы с Энни были приглашены на рождественский ужин во французское посольство. Попросил было Бернарда отдать распоряжение насчет моей машины, но вовремя вспомнил: шоферов все равно нет. Тогда попросил его связаться с Энни и передать ей, чтобы она заехала за мной.

Оказывается, Бернард уже позаботился об этом, но наша машина что-то забарахлила, и Энни вызвала механика. Тогда я сам позвонил ей и сказал, что механик подождет: от Уайтхолла до Кенсингтона машина нас как-нибудь доведет.

И опять я жестоко ошибся. Эта чертова машина все-таки сломалась, да не где-нибудь, а посреди Найтсбриджа*. В час пик! Под проливным дождем! Я — в смокинге! — вышел и попытался что-либо сделать. Попросил Энни дать мне зонтик. Она ответила, что он должен быть где-то у меня. Но я-то прекрасно помню: зонтик брала она. Мы наорали друг на друга. Энни выбралась из машины, громко хлопнув дверцей, и ушла, оставив меня отвечать на отборную брань и оскорбления проезжающих мимо водителей: я ведь практически полностью перекрыл подъезд к универсаму «Хэрродз»**. В час пик и в канун рождества!

До посольства добрался с опозданием часа на полтора. Наквось промокший и перепачканный машинным маслом, я первым делом принял три или четыре бокала с шампанским. Кто на моем месте поступил бы иначе? Мне это было просто необходимо!

Выходя из посольства после приема — не то чтобы пьяный, чуть навеселе, — я выронил ключи от машины, и они упали в сточный люк. Чтобы достать их, мне пришлось лечь на тротуар, и — надо же — как раз в этот момент рядом оказался какой-то подонок-журналист!

Сегодня утром пришел на работу с дикой головной болью. С похмелья чувствую себя прееотвратно. А тут еще эти газетные писаки как с цепи сорвались по поводу моего якобы беспробудного пьянства. Наша пресса полностью утратила и чувство меры, и чувство ответственности!

«БОРЕЦ ЗА ЭКОНОМИЮ ОТДЫХАЕТ В СТОЧНОЙ КАНАВЕ ПОСЛЕ УЖИНА С ШАМПАНСКИМ!»

Другой заголовок гласил:

«„ПЕРЕТРУДИВШИЙСЯ" ХЭКЕР ПОСЛЕ ПРИЕМА В ПОСОЛЬСТВЕ!»

Прочитав его вслух, сэр Хамфри тактично заметил, что он, пожалуй, лучше первого.

— Лучше? — не понял я. — Чем?

— Ну... во всяком случае, не такой...

Я поинтересовался, не было ли в прессе других определений, кроме «перетрудившийся» и «перебравший». Бернард сказал, что Уильям Хикс сравнил меня с тритоном. Меня бы это несколько не задело, если бы сэр Хамфри не добавил, очевидно, для большей ясности: «упившимся тритоном».

Хуже этого, искренне полагал я, ничего быть уже не может.

* Фешенебельный район западной части Лондона, где расположено множество дорогих магазинов, ресторанов и т. п.

** Один из самых дорогих и модных универсальных магазинов Лондона.

И снова ошибся. Бернард протянул мне сегодняшний выпуск «Дейли телеграф». В передовице, к моему вящему ужасу, утверждалось, что я, дескать, намерен еще увеличить и без того раздутый штат МАДа.

ХЭКЕР ПОД ШУМОК НАБИРАЕТ ЕЩЕ 400 БЮРОКРАТОВ!

В рамках так называемой «кампании за экономию» министр административных дел Джеймс Хэкер намерен увеличить свой бюрократический аппарат еще на 400 чиновников...

Я потребовал от сэра Хамфри объяснений. Он, конечно же, не замедлил их дать:

— Господин министр, вы сами потребовали дополнительных людей. Вы настаивали на проведении всестороннего и самого тщательного АСЭФО. Вам нужен был конкретный анализ. Кто же будет его проводить — святой дух? Больше работы — больше людей. Как диктует здравый смысл.

Не успел я прийти в себя от прямого удара в челюсть, как за ним последовал мощный апшеркот.

— А если вы и дальше будете цепляться за вашу камарилью наушников и кляузников (*КНК. — Ред.*), нам-таки придется взять в штат еще четыреста человек, — закончил он.

Я был потрясен, раздавлен. Голова раскалывалась на части, в глазах стоял красный туман. Карьера рушилась на глазах. Пресса пригвоздила меня к позорному столбу, и к тому же мне предлагают собственными руками задушить свое детище, единственную ценную инициативу, которую мне удалось осуществить на новом посту!

А ведь с первых дней моего пребывания в министерстве все эти постоянные сотрудники, казалось, только и думают, как бы помочь мне. Кто из нас полная бездарь: они или я? А может, они только делают вид, что стараются мне помочь, а сами потихоньку вставляют палки в колеса? Или они просто не в состоянии понять суть нового подхода к работе МАДа? Может, помощь в их понимании — это «подталкивание» к традиционной политике министерства? Есть ли различие между политикой министра и политикой министерства? И к чему, скажите, задавать столько вопросов, на которые не существует ответа? Как глубок океан, как высоко небо?

В кабинете воцарилось молчание. Лично у меня в голове все перемешалось. Как быть с четырьмя сотнями новых сотрудников, призванных контролировать борьбу за экономию? Что делать еще с четырьмя сотнями для КНК?.. Я просто сидел, ожидая, когда прекратится стук в висках, и надеясь, что рано или поздно у кого-нибудь возникнет хоть какая-то идея.

Первым заговорил сэр Хамфри:

— Господин министр, если бы — я подчеркиваю, если бы — мы прекратили кампанию за экономию и распустили ваш КНК, мы могли бы немедленно — подчеркиваю, немедленно — опубликовать в прессе официальное заявление о том, что вы сократили бюрократический аппарат на восемьсот единиц. — Эту идею мой постоянный заместитель, очевидно, в деталях продумал заранее, поскольку тут же протянул мне тонкую папку. — Вот, не хотите ли ознакомиться с проектом?

Потрясающая наглость! Сократить восемьсот единиц!

— Но... но ведь этих единиц не существует! — в отчаянии вскричал я. — На эти должности не взят ни один человек!

— Тем более впечатляющая экономия, — мгновенно откликнулся Хамфри. — Стало быть, мы заодно экономим и восемьсот выходных пособий.

— Да, но ведь... это обман, надувательство... бесчестное жонглирование цифрами... Это значит пускать пыль в глаза собственному народу!

— Это значит успокоить собственный народ официальным заявлением, господин министр.

В своей жизни я встречал циничных политиканов, но этим высказыванием мой постоянный заместитель заткнул их всех за пояс.

Я устало кивнул. Мне было ясно одно: чтобы избежать раздувания штата на четыреста человек для выяснения того, как ведется борьба за экономию, необходимо расстаться с таким же количеством дополнительных работников для моего любимого детища — Контрольно-наблюдательного комитета. Неизбежное в таких случаях *quid pro quo**. Ничего не поделаешь, политика — искусство возможного. (*Высказывание, обычно приписываемое Р.О. Батлеру***, хотя в действительности впервые употребленное Бисмарком в 1867 году в беседе с Мейером фон Вальдеком: «Die Politic ist die Lehre von Moglichen». — *Ред.*)

Все это хорошо, но мы так и не решили главный, самый важный вопрос, лежащий в основе всех этих перипетий.

— Послушайте, Хамфри, а нельзя все-таки как-то сократить наш бюрократический аппарат?

Последовала небольшая пауза. Затем он сказал:

— Что ж, думаю, мы могли бы пожертвовать одной-двумя официантками...

* Одно вместо другого. Здесь — «ты мне — я тебе» (лат.). **
Министр просвещения Великобритании с 1941 по 1945 год.

«ЭЛЕКТРОННОЕ ДОСЬЕ»

4 января

Рождественская неделя прошла без особых событий. Я провел ее в своем избирательном округе. «Веселился» на партийных вечеринках, посетил дом для престарелых, больницу, присутствовал на различного рода благотворительных сборищах. На мой взгляд, все прошло нормально. Мое фото раза четыре или даже пять появилось на первых страницах местных газетенок. А главное — мне удалось избежать публичных заявлений, которые меня к чему бы то ни было обязывали.

Впрочем, «за радостным фасадом» я ощутил и скрытое отчуждение, и некоторую двойственность своего положения. Местное отделение партии, избиратели, семья — безусловно, все они гордятся моим статусом члена кабинета Ее Величества. Однако все они не упускают случая напомнить мне, что я всего лишь депутат от их округа и нечего, мол, нос задирать. Они то лебезят передо мной, то покровительственно хлопают по плечу. Не знаешь, как и вести себя.

Если бы я мог хоть в общих чертах обрисовать свою жизнь в Уайтхолле, они бы поняли: ни о каком «задирании носа» не может быть и речи. Кто-кто, а сэр Хамфри Эшлби уж позаботится об этом.

Сегодня вернулся в Лондон. Нужно было дать интервью ведущему телепрограммы «На злобу дня» Роберту Маккензи. Больше всего его почему-то интересовали вопросы о Национальном электронном банке данных. Должен признаться, пришлось попотеть.

Мы встретились с ним в комнате предварительного обмена мнениями (*Маккензи называл ее «комнатой предварительного обмана мнениями» или попросту «обманкой».* — *Ред.*).

— Полагаю, разговор пойдет о правительственных излишествах и тому подобных вещах, — начал я. Впрочем, тут же сообразил, что сформулировал свою мысль довольно неудачно.

Мой вопрос Боба явно позабавил.

— Хотите поговорить об излишествах Уайтхолла? — спросил он, и в глазах его мелькнул хищный огонек.

— Не столько о самих излишествах, сколько о том, как мы намерены избавляться от них, — уточнил я.

— Мы непременно займемся этим, если останется время после «электронного досье», — пообещал он.

(Имеется в виду Национальный электронный банк данных - НЭБД, — в который, помимо прочего, закладываются данные на граждан страны. — Ред.)

— Боб, «электронное досье» давно уже никого не интересует, это слишком тривиально, — попытался я отговорить его.

Однако Маккензи возразил. По его мнению, этот вопрос исключительно актуален, поскольку угроза надвигающегося тоталитаризма не может не беспокоить рядового гражданина. Такая, с позволения сказать, «аргументация», естественно, вызвала у меня раздражение. Я заметил, что подобный субъективистский, чисто эмоциональный подход ведет к намеренному упрощению проблемы...

— Ну и что? — перебил меня Боб. — Вы же сами только что определили ее как «слишком тривиальную».

В студии меня буквально атаковала гримерша. Не давая собраться с мыслями, она без конца тыкала мне в лицо пуховкой и твердила, что я все время краснею.

— Это ни в коем случае нельзя допустить, — игриво заметил Боб. — Что скажет «Дейли телеграф»?

Уже перед самым включением камеры я попросил Боба по возможности обойтись без набивших оскомину вопросов вроде: «Не превращаемся ли мы в полицейское государство?»

Сейчас, вспоминая об этом, думаю, не совершил ли я тогда опрометчивого шага.

(В архивах Би-би-си нам посчастливилось обнаружить полный текст интервью Роберта Маккензи с Джеймсом Хэкером. — Ред.)

БИ-БИ-СИ ТВ

Стенограмма сделана 4 января с.г. во время записи телебеседы между достопочтенным Джеймсом Хэкером, членом парламента, и Робертом Маккензи, а потому, принимая во внимание звуковые помехи и трудности идентификации голосов выступавших, Би-би-си не гарантирует абсолютной точности воспроизведения.

МАККЕНЗИ: Добрый вечер, уважаемые телезрители! Вы уверены, что за вами не следит «Большой брат»?*? Иначе говоря, знаете ли вы, что правительство ведет на всех вас досье?.. И делается это под прикрытием Национального электронного банка данных. На практике это означает, что простым нажатием кнопки любой чиновник Уайтхолла может узнать о вас буквально все: размер ваших налогов, сколько раз и по какому поводу вы обращались к врачу, какая у вас машина и квар-

* Зловещая фигура, символизирующая всевидящее око авторитарного режима

тира, допускали ли вы нарушения правил уличного движения, были ли безработным, как учатся ваши дети и так далее, и тому подобное. Более того, чиновник этот может оказаться вашим соседом по дому... В последнее время растущую озабоченность вызывает тот факт, что благодаря компьютерной революции в руках правительства оказалось мощное орудие тоталитаризма. Главной же фигурой, которая направляет это орудие, является distinguished Джеймс Хэкер, министр административных дел, член парламента... Господин министр, имеются ли основания для опасений, что наша страна превращается в полицейское государство?

ХЭКЕР: Знаете, Боб, я даже рад, что вы задали мне этот вопрос.

ПАУЗА

МАККЕНЗИ: Прекрасно. В таком случае мы с нетерпением ждем ответа.

ХЭКЕР: Разумеется, разумеется. Как уже было сказано, я рад, что вы задали этот вопрос. Потому что... э-э... потому что его сейчас задает множество людей. А почему? Да потому что... э-э... потому что они хотят знать на него ответ. И надо честно признать, без околичностей и обиняков, вопрос этот имеет исключительно важное значение и народ, безусловно, имеет право получить на него ответ...

ПАУЗА

МАККЕНЗИ: Но, господин министр, пока мы не услышали на него ответа.

ПАУЗА

ХЭКЕР: Простите, Боб, но... э-э... в чем конкретно заключается ваш вопрос?

МАККЕНЗИ: Конкретно? Допустим, мои вопросы вас очень разозлили. Могу я в этом случае быть уверен, что, вернувшись в свой кабинет, вы не нажмете кнопку, чтобы досконально познакомиться с моими доходами, моими болячками, моими конфликтами с дорожной полицией, моими...

ХЭКЕР: Да будет вам, Боб! Вы ведь не хуже меня знаете, что у нас такое не практикуется. К тому же пока это и организационно невозможно.

МАККЕНЗИ: Значит, вы, господин министр, и хотели бы, да пока, увы, не в состоянии наладить дело?

ХЭКЕР: Что значит «не в состоянии»? При желании нам было бы проще простого получить на вас все необходимые данные... то есть, я хотел сказать, на любого человека. Не на вас лично, а вообще... Но нас не интересуют люди, то есть я не имею в виду, что люди нас не интересуют, конечно же, они нас интересуют. Я хочу сказать, люди нас не интересуют в этом смысле. Надеюсь, вам понятно, что я имею в виду... э-э... то есть у нас и в мыслях нет собирать данные на... людей...

МАККЕНЗИ: А для чего же тогда «электронное досье»?

ХЭКЕР: Знаете, Боб, вопрос, конечно, интересный...

ПАУЗА

ХЭКЕР: Видите ли, все дело, по-моему, в том, что люди всполошились из-за одной-двух безответственных статей. Ведь НЭБД всего-навсего компьютер — не более того — для сбора и хранения информации в целях повышения эффективности государственной службы без существенного увеличения штата чиновников. Компьютер — это веление времени!

МАККЕНЗИ: Да, но, вводя туда информацию, вы рано или поздно захотите воспользоваться ею.

ХЭКЕР: Совсем необязательно.

МАККЕНЗИ: Значит, вы тратите двадцать пять миллионов фунтов на хранение информации, которой никогда не собираетесь пользоваться?

ХЭКЕР: Нет... да... то есть нет... понимаете... да, но только при наличии целого ряда гарантий.

МАККЕНЗИ: Таких как?..

ХЭКЕР: Э-э... мы, естественно, рассматриваем самые различные варианты... Впрочем, это очень сложный и в общем-то чисто технический вопрос.

МАККЕНЗИ: Ну что ж, в таком случае придется помочь вам. Позвольте зачитать выдержку из статьи, написанной два года назад редактором журнала «Реформ». По-моему, его звали Джим Хэкер, и статья называлась «Электронное досье и не очень государственная государственная служба». Цитирую: «...Если мы хотим оградить британского гражданина от слезки со стороны правительства, необходимо, чтобы, во-первых, ни один государственный служащий не имел доступа к информации, не относящейся непосредственно к его ведомству, без письменной санкции соответствующего министра. Во-вторых, «контрабандное» получение такой информации должно считаться уголовным преступлением. В-третьих, каждый британский гражданин должен обладать правом ознакомления со своим досье на предмет исправления допущенных неточностей и/или ошибок». Что вы скажете об этой программе, господин Хэкер? Паникерская? Неприемлемая?

ХЭКЕР: Да нет, что вы! Я по-прежнему стою за нее горой, то есть, я хочу сказать, ей должна быть дана зеленая улица, но... всему свое время.

МАККЕНЗИ: А почему не сейчас?

ХЭКЕР: Боб, вы же прекрасно знаете, что Рим строился не в один день. В настоящее время эта программа находится на рассмотрении, но... э-э... вы ведь понимаете, такие дела требуют времени...

МАККЕНЗИ: Господин Хэкер, а с кем, собственно, я сейчас разговариваю: с редактором «Реформ» или с представителем Уайтхолла?

ХЭКЕР: Да, но мы совершенно упустили из виду вопрос о гарантиях... э-э... в широком смысле слова. В частности, о моем последнем нововведении — Контрольно-надзирательном... то есть, простите, наблюдательном комитете.

МАККЕНЗИ: Господин министр, как бы нам уже в ближайшем будущем не понадобилась целая армия надзирателей. Благодарю вас.

По-моему, я наговорил лишнего. Однако Боб заверил меня, когда мы заскочили в «обманку» пропустить по рюмочке «за наступающий новый год», что я держался отлично. В свою очередь, я тоже отдал должное его изобретательности с цитированием моей статьи. Ловкий ход. Он ответил, что заслуга принадлежит не ему — одной из его помощниц, которая не поленилась раскопать этот материал, и спросил, не хочу ли я познакомиться с ней поближе. Я, естественно, уклонился от прямого ответа, сказав, что прежде мне необходимо вернуться к себе в оффис и поближе познакомиться с ее досье.

Вечером смотрел эту беседу по телевизору. Весьма впечатляющее зрелище. Надеюсь, сэр Хамфри будет мной доволен.

7 января

В министерстве мое появление на телевидении было воспринято неоднозначно. Особенно явно я это почувствовал сегодня, в 16.00, во время совещания. Присутствовали сэр Хамфри, Бернард Вули и Фрэнк.

Сэр Хамфри и Бернард наперебой расхваливали мои, как они выразились, «исполненные достоинства и высокого профессионализма» ответы. А вот Фрэнк почему-то сидел, не раскрывая рта, и это молчание на фоне бурных восторгов было красноречивей всяких слов. Когда же я поинтересовался его мнением, он только пробурчал что-то невразумительное. Попросил его перевести.

Демонстративно игнорируя мою просьбу, он обратился к сэру Хамфри:

— Поздравляю вас! Джима вы уже приручили.

Сэр Хамфри встал с явным намерением удалиться.

— С вашего позволения, господин Вейзель.

— Визел! — рявкнул Фрэнк и повернулся ко мне. — Вы хоть понимаете, что говорите и действуете в точности, как вас запрограммировали они? Вы кто — министр или механический апельсин?

Эти его шуточки! Никто даже не улыбнулся.

— Э-э... политическому советнику, должно быть, трудно в это поверить, господин Вейзель, — подчеркнуто-покровительственно произнес сэр Хамфри, — но я всего лишь преданный слуга правительства Ее Величества и по мере своих скромных возможностей стараюсь исполнить все, что повелевает мне мой министр, мой господин.

— «Его господин... преданный слуга»!.. Типичная демагогическая чушь на уровне пайныки-мальчика из привилегированной школы! — отворачиваясь, возмущенно махнул рукой Фрэнк.

Должен заметить, слова Хамфри меня тоже заинтересовали.

— А как быть, если министр — женщина? — спросил я. — Как вы ее будете называть?

Мой постоянный заместитель обожает все эти разговоры о протоколе и о хорошем тоне. Это его стихия.

— Да, весьма интересный вопрос. Мы пытались найти на него ответ еще в сорок седьмом году, когда я был главным личным секретарем, а министром — доктор Эдит Саммерскил. И мне как-то неудобно было называть ее «моя министерша».

Он сделал паузу. Для большего эффекта. Так, во всяком случае, мне показалось, поскольку я ждал продолжения. Однако я ошибся. Вскоре стало ясно: сэр Хамфри ничего добавлять не собирается.

— Ну и какой же вы нашли выход? — пришлось поинтересоваться мне.

— Увы, мы до сих пор его ищем.

- Вопрос находится на рассмотрении? — снова влез Фрэнк со своим, я бы сказал, дубоватым юмором. - Рим строился не в один день, верно, сэр Хамфри? Такие дела требуют времени...

Между прочим, Фрэнк начинает действовать мне на нервы. Его «зуб» на государственную службу растет не по дням, а по часам. Мне, честно говоря, непонятно почему. В полное его распоряжение предоставили отдельный кабинет в главном здании министерства. Его общению со мной ничто не препятствует, и, насколько мне известно, его знакомят со всей необходимой документацией. А он тем не менее кидается на всех, словно раненый бык. Даже на меня! Может, это еще с новогоднего похмелья?

Мы с Хамфри хотели закончить совещание и разойтись, но Бернарду приспичило напомнить мне о предстоящих делах. И снова пошло-поехало... Он сказал, что завтра мы встречаемся с ним в восемь утра на Паддингтонском вокзале и отправляемся в Суонси, поскольку вечером того же дня мне предстоит выступать на конференции муниципальных казначеев в центре регистрации автотранспортных средств. Фрэнк объяснил, что это абсолютно невозможно: на завтрашний вечер запланировано мое выступление перед избирателями в Ньюкасле. Бернард заметил, что совместить оба эти мероприятия, очевидно, вряд ли удастся. И я попытался втолковать это Фрэнку. Но он сказал, что дополнительные выборы для нас по-настоящему важны, а поездка в Суонси — всего-навсего чиновничья показуха. И я попытался втолковать это Бернарду. Тогда Бернард напомнил мне, что договоренность о моем выступлении на конференции была достигнута давно и меня там ждут. Я передал это Фрэнку. Тот, в свою очередь, напомнил мне, что центр (*партийный центр*. — *Ред.*) рассчитывает на мое выступление перед избирателями в Ньюкасле. Этого я уже не стал объяснять Бернарду, так как просто устал от объяснений. О чем и сообщил им обоим. Тогда Фрэнк потребовал от Бернарда объяснений, почему я оказался задействован одновременно в двух важных мероприятиях. Бернард ответил, что о Ньюкасле его никто не информировал. Я спросил Фрэнка, почему он не предупредил об этом моего личного секретаря. Фрэнк, в свою очередь, спросил, почему я не предупредил своего личного секретаря об этом. А я заметил, что не должен помнить обо всем на свете, и заявил:

— Я еду в Суонси.

— Это окончательно, господин министр? — спросил Бернард.

— Да, окончательно.

Тут-то Фрэнк, черт его дери, и выложил свой главный козырь:

— Но ПМ рассчитывает на ваше присутствие в Ньюкасле.

Идиот! Что ж он раньше молчал?! Я поинтересовался, достоверная ли у него информация. Он утвердительно кивнул.

— Бернард, по-моему, мне лучше поехать в Ньюкасл, — сказал я.

— Это окончательное решение? — спросил Фрэнк.

— Да, окончательное, — ответил я. — А сейчас я еду домой.

— И это тоже окончательное? — вступил в разговор сэр Хамфри.

Ему-то чего надо? Прояснить ситуацию или поддеть меня?

Никак не пойму его. Он всегда ставит меня в тупик. Но тут Хамфри, слава богу, добавил:

— Простите, господин министр, но, мне кажется, вы приняли неверное решение. Ваше выступление в Суонси включено в программу. О нем объявлено. Мы не можем вот так взять и проигнорировать...

Это же черт знает что такое! Они хотят, чтобы я одновременно был в двух разных местах.

— Тогда найдите какой-нибудь способ быстро перебросить меня из Суонси в Ньюкасл. Поездом, машиной, вертолетом — мне абсолютно все равно!.. А сейчас я еду домой. Это мое окончательное решение!

— Окончательно окончательное? — спросил Бернард.

Его намерения мне в равной степени неясны.

У выхода Бернард вручил моему шоферу Рою четыре красных кейса и попросил меня просмотреть бумаги сегодня же вечером, поскольку все парламентские документы и корреспонденция должны быть отправлены до конца недели.

— Будь пайнкой, получишь конфетку, — просюсюкал нам вслед Фрэнк, без особого успеха подражая безукоризненному произношению Бернарда.

Не понятно, с какой стати я должен терпеть подобные выходки своего политического советника. Допустим, от этих чертовых постоянных помощников деваться некуда, но Фрэнк-то, Фрэнк здесь исключительно благодаря моему настойчивому требованию. Боюсь, придется напомнить ему об этом. И очень скоро.

Вернувшись домой, застал Энни за укладыванием чемоданов.

— Решила наконец меня бросить? — шутливо спросил я.

В ответ услышал, что завтра годовщина нашей свадьбы и мы, оказывается, давным-давно договорились провести этот день в Париже.

Кошмар!

Я попробовал объяснить ей сложившуюся ситуацию, но Энни наотрез отказалась проводить годовщину своей свадьбы в Суонси или Ньюкасле. А о приеме в честь муниципальных казначеев в центре регистрации автотранспортных средств не желала даже говорить. Я ее понимаю. Она посоветовала мне отменить намеченные выступления. Услышав, что это не в моих силах, заявила, что поедет в Париж без меня.

Пришлось позвонить Бернарду и сообщить ему о годовщине свадьбы моей жены («И твоей тоже», — напомнила Энни.) и моей тоже. Бернард попытался было глупо пошутить насчет счастливого совпадения, но я прервал его. Сказал, что еду в Париж и это мое окончательное решение, хотя мое решение ехать в Суонси тоже было окончательным, но на этот раз уж точно окончательное — Париж. В связи с этим ему придется уладить все дела с отменой моих выступлений. Затем три минуты говорил Бернард. Когда я

положил трубку, вопрос был решен окончательно. Завтра я еду в Суонси и Ньюкасл.

Эти государственные служащие обладают удивительным даром на что угодно уговорить и от чего угодно отговорить.

Некоторое время мы с Энни, не глядя друг на друга, молча курили. Затем я все-таки решился задать ей действительно важный вопрос: смотрела ли она мое телеинтервью?

— Да, выступал кто-то, похожий на тебя.

— Что ты хочешь этим сказать?

Она ничего не ответила.

— Знаешь, Фрэнк обозвал меня механическим апельсином Уайтхолла, — пожаловался я.

— И правильно!

Я был потрясен.

— Ты что... ты с этим согласна?

— Безусловно. Ты вполне мог бы нанять вместо себя какого-нибудь безработного актера. У него это вышло бы намного лучше. Кстати, почему бы тебе заодно не приспособить для резолюций резиновый штамп или не поручить расписываться какому-нибудь помощнику твоего личного секретаря? Все равно они пишут за тебя все документы и письма.

— Помощники не пишут моих писем, — с достоинством возразил я. — Их пишут мои заместители.

— Мне нечего добавить, милорд.

— Значит, по-твоему, я стал марионеткой?

— Вот именно! Я даже думаю: не посоветовать ли им посадить вместо тебя мисс Пигги*? Она, во всяком случае, куда симпатичнее.

Должен признаться, слова Энни меня сильно задели, да что там — просто сокрушили. Тяжело вздохнув, я присел на кровать, с трудом сдерживая слезы — честное слово. Неужели такое бывает со всяким министром, вдруг подумалось мне. Или это просто я безнадежный неудачник? Что-то у меня не ладится... Но что?

— Энни, я не знаю, как мне быть, — тихо проговорил я. — Работа, словно бездонный омут, засасывает меня. Я просто в отчаянии.

— Ладно, — решительно тряхнула головой Энни, — раз уж мы не едем в Париж, давай хотя бы отметим наш праздник в тихом ресторанчике со свечами. Кстати, это совсем рядом, через дорогу.

— К сожалению, это невозможно, — вздохнул я. — Бернард сказал, что сегодня вечером я обязательно должен просмотреть все красные кейсы.

И тут Энни высказала мысль, благодаря которой вся ситуация предстала передо мной совершенно в ином свете.

— Что значит «Бернард сказал»? Когда ты издавал «Реформ», ты был совсем другим. Ты говорил им, что надо делать, ты требо-

* Персонаж популярного телевизионного кукольного представления — неприятная по внешности и характеру свинья.

вал и добивался! Что изменилось? Почему же теперь ты позволяешь командовать собой?

И тут вдруг я прозрел. А ведь она права. Именно этим и объясняется необычная агрессивность Фрэнка. И так, либо я схвачу их за глотку, либо они меня! Закон джунглей, как в кабинете.

— Вспомни, сколько написанных статей ты в те годы рвал и выбрасывал в корзину? — спросила Энни.

— Десятки.

— А сколько официальных бумаг ты выбрасываешь в корзину сейчас?

— Ни одной. Мне не разрешают.

Энни понимающе улыбнулась, и я вдруг почувствовал, что по крайней мере для нее по-прежнему остаюсь бунтарем.

— Не разрешают? — Она взяла меня за руку. — Дорогой мой, ты же министр. Ты можешь делать все, что считаешь нужным.

Она, безусловно, права. Я действительно министр, я все могу, но они непонятно каким образом «приручили» меня. Теперь я это ясно вижу. Я искренне признателен Энни. Благодаря ее здравому смыслу я окончательно прозрел. Ну что ж, их всех ожидает большой сюрприз. Странно, мне почему-то не терпится поскорее оказаться в министерстве. Взять бразды правления в свои руки — вот мое первое генеральное решение в новом году!

11 января

Дела идут на лад.

Хотя и не так быстро, как хотелось. Себя мне упрекнуть вроде бы не в чем. Хамфри, похоже, придерживается иного мнения.

Вызвал сэра Хамфри в свой кабинет — хотя, по-моему, ему очень не нравится, когда его вызывают, — и сообщил, что Фрэнк (да и Маккензи тоже) абсолютно прав: функции НЭБДа необходимо пересмотреть.

К моему удивлению, он ничего не возразил.

- Да, господин министр.

- Мы должны обеспечить гражданам все необходимые гарантии, — продолжил я.

- Да, господин министр...

- И немедленно, — добавил я.

Это требование явно застигло его врасплох.

— Э-э... А что конкретно вы имеете в виду под словом «немедленно»?

- Я имею в виду — немедленно.

- Так, понятно, значит, вы имеете в виду не медленно, господин министр.

- Вот-вот, Хамфри, не медля, одним махом.

Пока все идет, как надо. Однако, согласившись с необходимостью радикальных изменений, сэр Хамфри, судя по всему, решил взять меня измором.

— Все это, конечно, так, — начал он, — но я считаю своим

долгом напомнить вам, господин министр, что новое правительство практически только-только приступило к работе и ему предстоит...

— Хамфри, — перебил я его, — никаких «но». Будем менять правила пользования банком данных. Немедленно!

— Но, господин министр, вы не можете...

— Могу, — снова оборвал я его, вспомнив вчерашний разговор с Энни. — Я здесь министр!

Ну и реакция у сэра Хамфри! Позавидовать можно.

— Конечно же, вы — министр, господин министр, — с милой улыбкой произнес он, мгновенно меняя тактику, — и притом отличный министр, если вас интересует мое мнение.

— Compliments тут ни при чем, Хамфри. Я хочу, чтобы каждый гражданин нашей страны имел право доступа к своему досье. Я хочу, чтобы был принят закон, квалифицирующий несанкционированное использование информации «электронного досье» как уголовное преступление со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Очень хорошо, — сказал сэр Хамфри. — Будет исполнено, господин министр,

От его неожиданной покладистости мой пыл несколько угас.

— Вот так. Теперь вперед. Полным ходом, — неуверенно закончил я, теряясь в догадках, нет ли тут подвоха.

Предчувствие не обмануло меня: подвох-таки был. Не без видимого удовольствия сэр Хамфри подробнейшим образом объяснил, что, прежде чем действовать, необходимо получить согласие кабинета, тогда можно будет передать дело на рассмотрение сначала ведомственного, а затем межведомственного комитета. Ну а уж после этого, конечно, прямым ходом в комитет кабинета. И наконец, в сам кабинет... Я заметил, что с кабинета мы начали.

Только для получения принципиального согласия, господин министр. А на этой стадии кабинет рассмотрит конкретные предложения.

Я неохотно уступил, выразив надежду, что, во всяком случае, после кабинета мы сможем полным ходом двинуться вперед. Сэр Хамфри согласился, но с оговоркой, что если у членов кабинета возникнут какие-либо сомнения — а они обязательно возникнут, — то наши предложения снова пойдут по кругу: ведомственный комитет — межведомственный комитет — комитет кабинета — кабинет...

— Все это мне хорошо известно, — довольно резко перебил я. — Полагаю, у членов кабинета не будет возражений.

Сэр Хамфри удивленно поднял брови, но от комментариев воздержался.

Честно говоря, мне это было совсем неизвестно: постичь сложнейший механизм прохождения законопроектов, находясь в оппозиции или на задних скамьях парламента, практически невозможно.

— Значит, получив согласие, мы можем двинуть дело полным ходом?

— Разумеется... к председателю комитета палаты общин, а затем в парламент, естественно, через соответствующий парламентский комитет...

Щелк! — что-то сработало в мозгу. Вдруг стало ясно: он намеренно запугивает ситуацию. С моих глаз, как по волшебству, спала пелена..

— Хамфри, — сказал я, — мы же говорим о разных вещах. Вы — об изменениях в законодательстве, а я — об административных и процедурных изменениях.

Мой постоянный заместитель снисходительно улыбнулся.

— Если вы хотите, чтобы люди имели право действовать законно, необходимо законодательство, а это не так просто.

— А разве требуется какое-либо специальное законодательство для того, чтобы гражданин страны ознакомился со своим собственным досье?

Сэр Хамфри задумался.

— Пожалуй, н-е-е-т.

— Значит, мы можем действовать немедленно?

Кажется, один-ноль в мою пользу.

Впрочем, сэр Хамфри и не думал сдаваться.

— Господин министр, мы, конечно, можем несколько ускорить ход дела, однако не следует забывать, что на нашем пути встанет и немало административных проблем...

— Послушайте, Хамфри, — перебил я, — а ведь наверняка эти вопросы поднимались и раньше. НЭБД появился на свет не вчера, он существует много лет и...

— Да, безусловно.

— Ну и какие же выводы были сделаны?

Сэр Хамфри промолчал. Вначале я подумал, он размышляет над ответом, затем — что он просто не расслышал вопроса.

— Так какие же выводы? — повторил я, на всякий случай чуть повысив голос.

Никакого ответа. Может, ему нездоровится?

— Хамфри, вы меня слышите?

— Да, господин министр, но мои уста скреплены печатью молчания, — наконец-то ответил он, очевидно, их распечатав.

Естественно, я поинтересовался почему.

— Я не считаю себя вправе обсуждать планы и намерения предыдущего правительства, — заявил он.

— Почему?

— Господин министр, положи руку на сердце, хотели бы вы, чтобы все происходящее в тиши этого кабинета впоследствии стало известно кому-либо из ваших политических противников? Я никогда над этим не задумывался. Конечно, нет! Упаси боже! Я бы сошел с ума! Надо мной ежеминутно висела бы страшная угроза! Я боялся бы и рот раскрыть в собственном кабинете!

Почувствовав, что попал в «десятку», сэра Хамфри воодушевленно продолжал:

- Мы не имеем морального права вкладывать оружие в руки ваших оппонентов... и наоборот.

Безусловно, он прав. Я целиком и полностью с ним согласен, хотя в данном случае имеется одно небольшое, но важное обстоятельство, о котором я, естественно, тут же сообщил сэру Хамфри. Дело в том, что моим предшественником был Том Сарджент, а он — отличный парень и вряд ли будет возражать. В конце концов, эта проблема не является предметом политических разногласий. Более того, в данном вопросе представители всех партий на редкость едины.

Однако сэра Хамфри мои доводы ничуть не поколебали.

- Это вопрос принципа, господин министр. В противном случае мы нарушили бы правила игры.

Еще один неотразимый аргумент. Надо отдать Хамфри должное. Конечно же, я не хочу, чтобы меня упрекнули, будто я играю не по правилам. Боюсь, мне никогда не узнать, что происходило в моем кабинете до того, как я тут появился.

Итак, к чему же мы пришли? Установили, что, хотя нам не нужен новый закон, позволяющий гражданам знакомиться с их собственными досье, для практической реализации уже существующих положений все равно необходимо преодолеть густой частокोल различных административных препятствий.

Далее, по словам Бернарда, из-за негативной (*на самом деле он сказал «недостаточно позитивной»*. — *Ред.*) реакции прессы на мое интервью в программе «На злобу дня» другая телекомпания хочет, чтобы я выступил на ту же тему в ее программе «Мир в фокусе». Смешно: когда делаешь по-настоящему важное сообщение, телевидению до тебя нет никакого дела, но стоит только сорваться на какой-нибудь ерунде, они начинают осаждать тебя телефонными звонками. Сначала я хотел отказаться, но Бернард сказал, что беседу они проведут и без меня, но тогда уж мне это припомнят — никто доброго слова про меня не скажет.

Наш разговор явно зашел в тупик, поэтому я спросил у сэра Хамфри, что мне говорить об «электронном досье».

- Очевидно, имеет смысл напомнить им, что Рим строился не в один день, господин министр.

Хорош совет!

Сейчас, когда пишу эти строки и вспоминаю события минувшего дня, я отчетливо понимаю, что пока практически ничего не добился. Но ведь есть же, черт побери, какой-то способ заставить сэра Хамфри и его помощников в министерстве делать то, что я считаю нужным!

(В свете печального опыта Хэкера имеет смысл напомнить, что, если эти так называемые временные комитеты вовремя не упразднить, они будут продолжать работать до бесконечности. Совершенно не исключено, что у нас до сих пор имеет-

ся Комитет по Крыму, или Комитет по нормам выдачи продуктов, или Комитет по удостоверениям личности. — Ред.)

12 января

Благодаря счастливой случайности сегодня мне удалось узнать нечто исключительно важное для моих отношений с сэром Хамфри.

В курительной палаты общин я наткнулся на Тома Сарджента и предложил составить ему компанию. Он сказал, что будет только рад.

— Ну и как вам в оппозиции? — шутливо спросил я.

Он, как настоящий политик, ответил вопросом на вопрос:

— А как вам в правительстве?

Не видя необходимости ходить вокруг да около, я честно признался, что мои радужные надежды, мягко говоря, не оправдались.

— Хамфри подмял-таки вас? — сочувственно усмехнулся он.

Я уклонился от прямого ответа и сказал, что самое трудное — заставить чиновников проводить в жизнь мои решения. Он понимающе кивнул. И тогда я напрямую спросил:

— А вам это удавалось?

— Практически нет, — бодро, чуть ли не весело ответил Том. — Я более-менее разобрался в их хитростях только через год-другой, ну а там подоспели выборы и...

Из дальнейшей беседы выяснилось, что под «хитростями» имеется в виду тактика оттяжек и проволочек, к которой сэр Хамфри прибегает, чтобы завести дело в тупик.

По словам Тома, она включает в себя пять этапов. На всякий случай я все подробно записал.

Этап 1. Хамфри заявляет, что правительство только-только приступило к работе: у него слишком много других, по-настоящему важных дел. (Том знает, что говорит. Именно этот аргумент, слово в слово, совсем недавно привел Хамфри, пытаясь отговорить меня от реорганизации НЭБДа.)

Этап 2. Если я буду упорствовать и не соглашусь с этим доводом, Хамфри скажет, что вполне разделяет мои намерения — «конечно же, нельзя сидеть сложа руки», — но усомнится, правильный ли мы выбрали путь.

Этап 3. Если я по-прежнему буду настаивать, он переведет разговор с того, как надо действовать, на то, когда надо действовать: «Господин министр, по целому ряду серьезных причин сейчас этого делать не следует».

Этап 4. Большинство министров, считает Том, «ломаются» уже на третьем этапе. Но если и находятся стойкие, Хамфри заявляет, что предложения сталкиваются с серьезными трудностями политического, административного, экономического и/или законодательного характера (последние даже предпочтительнее,

поскольку в них практически невозможно толком разобраться и к тому же они могут тянуться до бесконечности).

Этап 5. Наконец, поскольку предыдущие этапы отняли около трех лет, он будет настаивать на том, что пришло время подготовки к всеобщим выборам, а значит, «к сожалению, мы уже вряд ли успеем провести данное решение в жизнь».

Растянуть все эти этапы на три года Хамфри не составит особого труда. Он и пальцем не пошевелит до тех пор, пока министр его не заставит. К тому же он совершенно справедливо полагает, что у министра и без того хватает забот.

(Этот последовательный процесс именуется в кругу чиновников Уайтхолла «созидательной инерцией». — Ред.)

Затем Том поинтересовался, что конкретно я пытаюсь «протолкнуть» в настоящее время. Узнав, что речь идет об «электронном досье», он оглушительно расхохотался.

— Он, случайно, не выдает это за нечто совершенно новое? Я молча кивнул.

— Хитер, старый лис, ох, хитер. Мы потратили на это годы и уже готовы были опубликовать Белую книгу, но не успели — началась предвыборная кампания. Я лично занимался всем этим.

Чудеса, да и только!

— А как же административные проблемы? — спросил я.

— Их не существует. Давно решены, — ответил Том и добавил: — Держу пари: на все ваши попытки выяснить, поднимался ли данный вопрос раньше, Хамфри отвечал таинственным молчанием. Хитер, ох, хитер, старый лис — умеет замечать следы!

Что ж, рано или поздно тайное становится явным. Теперь сэра Хамфри мне не так уж и страшен.

Том посоветовал не распространяться... чтобы, как он выразился, «не испортить себе удовольствия», а также предупредил о «трех видах молчания» государственной службы — к одному из них, без сомнения, прибегнет сэра Хамфри, если окажется загнанным в угол.

1. *Молчание сдержанности* — когда они хотят скрыть конкретные факты.

2. *Молчание упрямства* — когда они не желают предпринимать никаких шагов.

3. *Молчание мужества* — когда их ловят с поличным, они недвусмысленно дают понять, что, конечно, могли бы полностью оправдаться, но не делают этого из благородных побуждений, не желая «подставлять» других.

Затем Том спросил, сколько красных кейсов я получил от них сегодня: три? четыре?

— Пять, — не без стыда признался я.

— Пять?!

По выражению его лица я понял, что он был обо мне лучшего мнения.

— И, конечно же, они «по-дружески» дали вам понять, что содержимым пятого можно особенно не интересоваться?

Я снова кивнул.

— Так вот, бьюсь об заклад, что где-нибудь на дне пятого кейса — может, даже внутри совершенно другого документа — лежит докладная записка, детально объясняющая, почему вопрос о банке данных следует отложить на неопределенное время. Если вы этот документ не найдете или по какой-либо причине не прочтете, они палец о палец не ударят, а месяцев через шесть с чистой совестью заявят, что в свое время вы были полностью информированы.

Том был настолько любезен, что я решился задать ему еще один вопрос:

— Вы столько лет провели на различных государственных постах, что, наверное, знаете все уловки Уайтхолла?..

— Далеко не все, — ухмыльнулся он. — Всего каких-нибудь несколько сотен.

— Тогда скажите, пожалуйста, как с ними бороться? Как заставить их делать то, чего они не хотят делать?

Том грустно улыбнулся и покачал головой.

— Мой дорогой друг, если б я это знал, я не был бы сейчас в оппозиции.

13 января

Вчера просидел над кейсами до поздней ночи, поэтому рассказываю о своих открытиях только день спустя.

Том оказал мне неоценимую услугу. За ужином я поведал о нашем разговоре Энни. Подобная благожелательность со стороны представителя оппозиции показалась ей странной.

Пришлось объяснить, что в этой оппозиции, по сути, ничего оппозиционного — одно название. Собственно, они — оппозиция не у дел, а вот государственная служба — это оппозиция... у власти.

Сразу после ужина занялся кейсами и действительно на самом дне пятого нашел докладную по Национальному банку данных. Причем не просто на дне — каким-то образом она оказалась в середине пространныго (страниц на восемьдесят) доклада о благотворительных мероприятиях.

Кстати, Том одолжил мне свои личные записи по «электронному досье». Он их забрал, уходя из МАДа. На редкость ценный материал.

Докладная, как и следовало ожидать, изобиловала канцеляризмами, рассчитанными на бесконечное оттягивание дела: «...вопрос находится на рассмотрении... во избежание скороспелых решений... ввиду отсутствия контрпредложений целесообразно подождать дальнейшего развития событий...» и т. д., и т. п.

Энни предложила позвонить Хамфри и высказать ему свое

мнение об этом, а позволения сказать, «документе». Я возразил, что как-то неловко будить человека в два часа ночи.

- А почему, собственно, он должен спать, когда ты работаешь? — возмутилась она. — Он уже три месяца не дает тебе ни сна, ни отдыха. Теперь твой черед.

- Да, но все же это как-то... — замялся я.

Энни так на меня взглянула, что моя рука сама потянулась к телефону.

- Какой у него номер?

- В конце концов, докладная была только в пятом кейсе, и раньше ты ее просто не мог найти.

Весьма логично.

- Алло? — сонно промычал в трубку сэр Хамфри. Судя по голосу, он действительно сладко спал.

- Простите за поздний звонок, — бодро произнес я. — Надеюсь, не оторвал вас от ужина?

- Нет, — слегка растерянно отозвался он. — Мы отужинали... э-э... несколько раньше. А который час?

- Два.

- Боже милосердный! — Похоже, он окончательно проснул ся. — Что стряслось?

- Ничего особенного. Просто я до сих пор корплю над красными кейсами. А вас, как я знаю, очень интересуют проблемы «электронного досье».

- Да, конечно, — ответил он, с трудом подавляя зевок. — Только этим и заняты.

- Так вот, я только что добрался до записки по НЭБДу...

- А-а... вы все-таки нашли... прочитали ее? — мгновенно поправился он.

Я напрямик сказал ему, что мне все это очень не нравится. Думаю, он будет только рад возможности поработать над другим вариантом, и надеюсь, он не в обиде за столь поздний звонок.

- Всегда рад слышать вас, господин министр, — ответил он и, как мне показалось, что было силы грохнул трубку.

Услышав частые гудки, я вдруг вспомнил, что надо попросить его зайти ко мне с самого утра, переговорить обо всем этом до заседания кабинета. Хотел было снова набрать его номер, но Энни остановила меня:

- Не надо, не тревожь его сейчас.

Подобной деликатности от своей жены по отношению к Хамфри я не ожидал, но тут же согласился:

- Да, не стоит. Все же время позднее.

Энни улыбнулась.

- Вот именно. Дай ему еще десять минут...

14 января

Сегодня утром я добился хоть и небольшого, но вполне определенного успеха в борьбе с Хамфри за право управлять вверен-

ным мне министерством. Правда, главные сражения еще впереди. Заранее положив перед собой блокнот, где были отмечены основные моменты моей недавней беседы с Томом Сарджентом, я обратился к сэру Хамфри с вопросом, подготовил ли он рекомендации по реорганизации банка данных.

Сэр Хамфри (в точности, как предсказывал Том) сразу же пустил в ход свою хваленую тактику.

— Господин министр, — начал он, — я безусловно ценю ваши намерения и полностью согласен с необходимостью обеспечения определенных гарантий, однако давайте подумаем, правильный ли путь мы выбрали для достижения...

— Правильный или неправильный — это мой путь, — отрезал я, зачеркивая «второе возражение» в своем блокноте (первое Хамфри почему-то пропустил). — И мое решение!

Хамфри был крайне удивлен. Наверное, впервые его возражения отметили вот так сразу. Обычно если это и случалось, то после пространного обсуждения вопроса. Видимо, от растерянности он сразу перешел к третьему этапу.

— Безусловно, господин министр, однако есть целый ряд причин, по которым сейчас не время...

Зачеркивая «третье возражение», я ответил:

— Наоборот, Хамфри, сейчас самое время! Ведь гарантии должны обеспечиваться наряду с системой, а не помимо нее. Этого требует здравый смысл.

Сэр Хамфри нахмурился. Ему ничего не оставалось, как перейти к четвертому этапу. Что ни говори, а его тактику Том изучил досконально.

— К сожалению, господин министр, мы уже пробовали это осуществить... э-э... в прошлом и... э-э... столкнулись с массой различных трудностей.

Я зачеркнул четвертый пункт. Хамфри попытался было заглянуть в блокнот, но я вовремя прикрыл его ладонью.

— Какими именно трудностями?

— Ну... техническими, например.

— Техническими? — радостно переспросил я. (Спасибо Тому, у меня есть на это готовый ответ.) — Но ведь таковых вообще не существует! Я специально интересовался этим вопросом. Мы можем взять на вооружение базовую программу, которой пользуются госдепартамент США и министерство внутренних дел Швеции. Нет проблем.

Сэр Хамфри явно занервничал, но сдаваться, видимо, не собирался.

— Но вы забываете о серьезнейших административных проблемах. Нам придется задействовать все министерства, создать межведомственный комитет...

Я прервал его на полуслове.

— В этом нет никакой необходимости. Если вы повнимательнее изучите все материалы, то наверняка убедитесь: существующие

административные процедуры вполне отвечают существующим требованиям. Еще что-нибудь?

Хамфри глядел на меня, не скрывая изумления. Он никак не мог понять, откуда вдруг такая осведомленность — может, я просто случайно попал в «десятку»? Видя его замешательство, я решил прийти ему на помощь.

— Вероятно, законодательные проблемы, так ведь, Хамфри?

— Да, господин министр, — с готовностью согласился он, думая, что уж тут-то загонит меня в угол. Юридические тонкости всегда были его коньком.

Я довольно хмыкнул и зачеркнул последний пункт в моем списке. Хамфри снова безуспешно попытался заглянуть туда.

— Э-э... — осторожно начал он, — по-прежнему остается открытым вопрос, имеем ли мы юридическое право...

— Сейчас я закрою его, — великодушно пообещал я. — Имеем.

Он взглянул на меня, как на пришельца с другой планеты. А я продолжал:

— Весь персонал, задействованный в НЭБДе, связан подпиской о неразглашении государственной тайны.

Аргумент был убийственный, и сэру Хамфри пришлось ухватиться за соломинку.

— Но, господин министр, ведь нам придется нанимать дополнительных работников и... Кстати, вы уверены, что сумеете провести это через кабинет, не говоря уж о парламенте?

— Вне всяких сомнений. Что-нибудь еще? — Я заглянул в блокнот. — Нет, пожалуй, больше ничего. Ну что ж, тогда вперед?

Хамфри промолчал. Интересно, подумал я, какое это молчание: сдержанности, упрямства или мужества? Наверно, все-таки упрямства.

— Вы что-то сегодня на редкость молчаливы, Хамфри, — после небольшой паузы заметил я. (Никакого ответа.) — Можно узнать, почему вы молчите?

Поняв, что дальнейшее молчание будет выглядеть просто глупо, Хамфри раздраженно буркнул:

— Господин министр, мне кажется, вы не отдаете себе отчета, какую лавину лишней работы все это неизбежно повлечет за собой.

Тогда я как бы ненароком поинтересовался, не приходилось ли ему прежде заниматься этим конкретным вопросом, возможно, при другом правительстве. Ведь, если мне не изменяет память, тема «электронного досье» мелькала в старых парламентских отчетах.

Его ответ прозвучал приблизительно так:

«Господин министр, во-первых, мы договорились играть по правилам. Во-вторых, если бы когда-либо и проводилась подобного рода работа, о которой — проводилась она или не проводилась — я, естественно, не считаю себя вправе говорить, то в таком случае была бы создана специальная исследовательская группа,

которая, если бы она существовала, о чем я, естественно, не намерен распространяться, была бы к настоящему времени уже расформирована — при условии, конечно, что она существовала, — и ее члены были бы возвращены на прежние рабочие места, если бы, конечно, таковые на самом деле существовали...» Или что-то в этом духе.

Я терпеливо переждал, пока поток этих бессмысленных фраз иссякнет, а затем предъявил свой ультиматум. Система гарантий при пользовании «электронным досье» должна быть введена в действие немедленно. Хамфри заявил, что это невозможно. Я ответил, что вполне возможно. Он повторил — невозможно, я — возможно. Пронзая друг друга взглядами и яростно жестикулируя, мы, как трехлетние дети, перебрасывались этими «возможно - невозможно» до тех пор, пока в кабинет не вошел Бернард.

В мои планы совершенно не входило говорить о том, что, по сведениям, которые я получил от Тома Сарджента, материалы по «электронному досье» давно готовы и только и ждут, когда их пустят в ход, — иначе я лишился бы своего главного козыря.

Пока я мучительно размышлял, как быть дальше, Бернард, извинившись, напомнил о мероприятиях на сегодняшний день: заседание кабинета в 10.00, выступление на обеде Англо-американского общества в 13.00, интервью для телепередачи «Мир в фокусе» в 20.30. Я спросил Бернарда, может ли он избавить меня хотя бы от выступления на обеде.

— Вряд ли это возможно, господин министр, — ответил он. — О вашем участии уже объявлено, оно внесено в программу...

Щелк! — в голове опять что-то сработало. Родилась потрясающая идея — идея века!

Прощаясь с сэром Хамфри и Бернардом, я настоятельно рекомендовал им посмотреть сегодня вечером «Мир в фокусе».

(Ниже приводится запись интервью Хэкера на телевидении, свидетельствующая о его первой значительной победе над чиновниками МАДа. — Ред.)

НЕПРАВЛЕННАЯ СТЕНОГРАММА. ТИРАЖИРОВАТЬ ТОЛЬКО С РАЗРЕШЕНИЯ КОНТРОЛЬНОГО РЕДАКТОРА ПРОГРАММЫ

«МИР В ФОКУСЕ» — 14 ЯНВАРЯ — ИНТЕРВЬЮ ХЭКЕРА

ВЕДУЩИЙ: ...Сегодня у нас в гостях distinguished Джеймс Хэкер, министр административных дел — ключевая фигура в нашумевшей дискуссии о «Большом брате» и «электронном досье». Беседу с ним ведет наш комментатор Годфри Финн.

ФИНЧ: Господин министр, как вам хорошо известно, в последнее время общественность весьма обеспокоена тем фактом, что бюрократы Уайтхолла, судя по всему, намерены приступить к планомерному составлению досье на каждого гражданина нашей страны. Говорят, вы лично против этого и даже хотели бы ввести систему гарантий против возмож-

ных злоупотреблений банком данных. Но государственная служба постоянно ставит вам палки в колеса.

ХЭКЕР: Видите ли, Годфри, о госслужбе, к сожалению, сочиняют слишком много небылиц. На самом деле это прекрасная, в высшей степени профессиональная и эффективная организация, способная самоотверженно и с потрясающей оперативностью решать сложнейшие задачи современного общества. В ней хватает талантливых, преданных делу работников, не жалеющих сил и времени на претворение в жизнь решений правительства...

ФИНЧ: Отменная реклама, господин министр, но давайте перейдем к делу.

ХЭКЕР: Так вот, между мной и аппаратом министерства в данное вопросе нет ни малейших разногласий. Более того, мы готовы опубликовать наши предложения уже в самое ближайшее время.

Мне доставляет искреннее удовольствие сообщить вам, что с первого марта сего года каждый гражданин Королевства будет иметь абсолютное право доступа к своему досье с целью проверки любой содержащейся там информации, которую он или она когда-либо предоставляли в распоряжение государственных учреждений.

Далее. Ни одному государственному служащему не будет позволено пользоваться личными досье, если таковые находятся в ведении других учреждений. Доступ к таким досье они получают только с письменного разрешения соответствующего министра. На будущей неделе я намерен представить в палату законопроект, позволяющий гражданам обращаться в суд с жалобой на чиновника, который, так сказать, «без спроса» ознакомился с «чужим» досье.

ФИНЧ: Вот как? Э-э... Ну что ж... э-э... ваши слова, господин министр, звучат весьма и весьма обнадеживающе. Почему же вы молчали об этом раньше, заставляя общественность напрасно волноваться?

ХЭКЕР: Честно говоря, Годфри, я не верил, что аппарат МАДа сумеет уложиться в намеченные сроки. Однако мои подчиненные убедили меня в обратном. В частности, мой постоянный заместитель сэр Хамфри Эплби считает это делом своей чести и ручается за него собственной репутацией. В противном случае полетят головы!

ВСПОМИНАЕТ СЭР БЕРНАРД ВУЛИ:

«Джим Хэкер всегда считал, что именно я подал ему идею того мастерского трюка с телевидением, поскольку сказанные мной тогда слова «... объявлено... включено в программу» имели якобы двойной смысл.

Хотя, мне кажется, Хэкера скорее вдохновил знаменитый маневр Эдуарда Хита, который, будучи премьер-министром, из-за упорного сопротивления Уайтхолла долгое время не мог провести в жизнь свое решение о так называемой «рождественской надбавке» в десять фунтов престарелым пенсионерам. В конце концов он просто выступил в телепередаче «Панорама» и объявил об этом как о *fait accompli**. И факт свершился. С большим опозданием, но все-таки свершился.

Я хорошо помню выражение лица сэра Хамфри Эплби во время выступления Хэкера в «Мире в фокусе», особенно когда Джим заявил, что его постоянный заместитель «ручается собственной репутацией».

* Свершившемся факте (франц.).

Сэр Хамфри повернулся ко мне и растерянно произнес: «Но это же невозможно». Я промолчал, а он спросил меня: «Ну и что вы на это скажете, Бернард?»

Я был вынужден ответить, что, по-моему, это нокаут».

15 января

Сегодня самый счастливый для меня день с того времени, как я стал министром.

— Надеюсь, вы видели мое выступление по «ящику» вчера вечером? — бодро спросил я сэра Хамфри, когда он с похоронным видом вошел в мой кабинет.

— Разумеется, — процедил он.

Собственно, видел он или не видел — не имело ровно никакого значения, так как мое интервью с Годфри Финчем было подробнейшим образом изложено и прокомментировано во всех утренних газетах.

— Ну и как? Здорово, правда? — с невинным видом продолжал я.

— Чисто сработано, если можно так выразиться, господин министр, — ответил он, всячески стараясь подчеркнуть двусмысленность этих слов.

— Можно, можно, — улыбнулся я, не замечая его стараний.

Хамфри перешел на официальный тон.

— Господин министр, нам пришлось поработать всю ночь, но зато я имею удовольствие доложить вам, что мы подготовили окончательный проект предложений, который позволит выполнить поставленные задачи в объявленные вами сроки.

Другими словами, он потратил пять минут на то, чтобы взять из архива папку с предложениями, подготовленными в прошлом году, когда МАД возглавлял Том Сарджент.

— Чисто сработано, Хамфри, — одобрительно заметил я. — Значит, я не ошибся, заверив страну, что вы — прекрасный работник. Признаться, я в ваших способностях несколько не сомневался.

— Рад это слышать, господин министр, — стиснув зубы, произнес он и протянул тонкую папку.

— Это ваши предложения?

— Да.

— Отлично. А вот мои. — Я тоже протянул ему папку.

— Как, и у вас? — удивился он.

Я предложил Хамфри по очереди зачитать наши варианты, а затем сравнить их.

— Первое, — начал он, — персоналии: гарантии обеспечивают ся исходя из...

Не в силах больше сдерживаться, я открыл свою папку, и... мы в унисон продолжили:

«...двух основных критериев — необходимости знать и праве знать. Пункт 1 (а). Необходимость знать: таковая признается

только для тех чиновников, которым *prima facie** была предоставлена данная информация...»

Мы посмотрели друг на друга.

— Похоже, мы мыслим совершенно одинаково, вы не находите, Хамфри? — заметил я.

— Откуда у вас эти материалы?! — вскричал он и, не дождав-шись ответа, повторил: — Откуда у вас эти материалы, господин министр?

— Хамфри, — укоризненно произнес я, — мои уста скреплены печатью молчания.

* При отсутствии доказательств в пользу противного (*лат.*).

5

ПЕРСТ СУДЬБЫ

18 января

Дружеская услуга, которую оказал мне Том Сарджент в деле с «электронным досье», может показаться несколько странной людям, далеким от своеобразного мира профессиональной политики. Им, естественно, трудно даже представить такое. Ведь практически ежедневно они читают в газетах, как видные представители двух основных политических партий страны обвиняют друг друга в некомпетентности, бесчестности, патологической тупости, эгоизме, экстремизме и т. д., и т. п. И тем не менее дружеские отношения между политическими противниками далеко не редкость. Более того, порой гораздо легче и приятнее дружить с представителем оппозиционной партии, нежели своей собственной, поскольку борьба с «чужаками», как правило, не носит личного характера и не сопряжена с ожесточенной конкуренцией за конкретное «место под солнцем».

Раньше, находясь в оппозиции к правительству, и я, и мои теперешние коллеги по кабинету, само собой разумеется, вели беспощадную борьбу друг с другом за будущие портфели. Но сейчас (особенно последние три месяца) мы настолько заняты борьбой с настоящей оппозицией — государственной службой, что фактически забыли про «междоусобную вражду». Правда, в последнее время в кабинете, похоже, снова затевается какая-то крупная политическая интрига.

В конце минувшей недели я получил наконец возможность спокойно поразмыслить над рядом вопросов, касающихся лично меня. Я давно понял (если быть точным, то сразу после своего назначения): идея открытого правительства чревата множеством серьезных проблем. И я все больше убеждаюсь в том, что, играя в открытую, политики теряют реальную власть.

Любопытный парадокс: правительство тем более открыто, чем менее оно открыто. Открытое правительство — тот же театр: публика ждет представления, и она его получает. Но, как и в театре, каждому спектаклю предшествует большая скрытая подготовительная работа. В ходе репетиций многое меняется, добавляется

или выбрасывается, чтобы найти и показать зрителям нечто нужное.

Логически напрашивается вопрос: скрывает ли государственная служба что-нибудь от министров? Чиновники, естественно, это отрицают, однако я абсолютно уверен: они просто-напросто лицемерят. По причинам, изложенным выше, лично я не считаю нужным все предавать гласности, но привилегия решать, что и когда скрывать от людей, должна принадлежать мне, избранному представителю народа. Государственная же служба не имеет никакого права скрывать что-либо от меня.

К сожалению, внушить это чиновникам Уайтхолла практически невозможно.

Я также сделал для себя несколько поучительных выводов, так сказать, общего характера. Во-первых, никогда не следует верить (и менее всего — сэру Хамфри) свои надежды или опасения, в особенности связанные с партийными делами. Стоит только показать свою политическую уязвимость — и тебя сотрут в порошок. Пусть лучше теряются в вечных догадках. Во-вторых, надо всегда вынуждать их делать первый ход. Надо говорить не «я думаю...», а «как вы думаете?..» В-третьих, я наконец-то уяснил, что «нет» при желании можно обратить в «да», но не наоборот. Кроме того, когда необходимо сказать «нет» — пусть это делают помощники, а положительное решение следует немедленно сообщать самому. Тогда им будут доставаться тумачи, а мне — пряники.

Кстати, исключительно важное значение имеет вопрос о телефонных переговорах. По сути, вся система построена на том, чтобы не давать нам ничего делать самим. С точки зрения госслужбы, было бы идеально, если бы министр сам вообще никому не звонил и не решал ни одного вопроса. Горе тому министру, который по собственной инициативе снимет трубку и выразит согласие (или несогласие) по поводу заключения какой-либо, ну, скажем, внешнеторговой сделки. На него тут же со всех сторон набросятся чиновники всех мастей, сотрясая воздух угрозами вроде: «Это прерогатива МИДДСа... соответствующие каналы... политика поставлена под удар... а если что не так?.., во всем будете виноваты вы, господин министр!..» и т. д., и т. п.

Все это крайне угнетающе действует на психику ответственного работника (такого, например, как я). И если он не проявит бдительности, его могут довести до состояния, когда он будет бояться позвонить даже в Поттерс-бар*.

В довершение ко всему государственные служащие неусыпно следят за каждым нашим шагом, не допуская ни малейших откло-

* Бар, расположенный напротив здания парламента, где в «неофициальной обстановке» проводятся встречи парламентариев с представителями общественности и друзьями. Удобен тем, что оборудован звонком, возвещающим о начале очередного голосования в палате общин.

нений от «принятых правил». Бернард, например, прослушивает все мои разговоры, за исключением тех, которые я веду со своего личного телефона. Предполагается, что тем самым он более полно информирован о моих намерениях и в состоянии делать полезные для меня выводы. Все было бы прекрасно, если б не одно маленькое «но»: информация, как известно, — палка о двух концах!

(По-видимому, не случайно наиболее ответственные и влиятельные посты в мире так или иначе связаны с названием «секретарь»: государственный секретарь, исполнительный секретарь, генеральный секретарь и т. д., то есть человек, владеющий секретами или, иначе говоря, информацией, мало кому известной, кроме него и его избранного окружения. — Ред.)

Впрочем, у меня в данной ситуации есть существенное преимущество. Зная, что Бернард внимательнейшим образом слушает каждое произнесенное мною слово, я могу сколько угодно критиковать по телефону своих подчиненных!

Сегодня вечером в одном из красных кейсов я нашел третий вариант нашего отчета «мозговому тресту» о проблеме лишних рабочих мест в государственном аппарате. (*«Мозговой трест» - общепринятое название Совета по рассмотрению основных направлений деятельности государственных учреждений**. — Ред.) Что-то мне в нем определенно не нравится. Боюсь, сэру Хамфри придется завтра изрядно попотеть, отвечая на мои вопросы.

19 января

Сегодня утром провели совещание по отчету «мозговому тресту». Сказал Хамфри, что в таком виде отчет меня не устраивает. Он с готовностью предложил переделать его.

Я заметил, что, насколько мне известно, отчет переделывали уже три раза.

— Это не совсем так, господин министр, — возразил Бернард.

Сказал, что еще не разучился считать. Этот — уже третий.

— Верно, — согласился он, — но отчет был один раз сделан и два раза переделан.

Типичный образец нудного бюрократического педантизма. Доведенная до абсурда точность формулировок — один из пунктов Бернарда. Счастье, что он не политик!

Посоветовал Бернарду не мудрить. А Хамфри примирительно сказал, что будет счастлив переделать отчет в третий раз. Еще бы! И в четвертый, и в пятый, и в шестой... Кто сомневается?

— Все равно в нем будет сказано не то, что хочу сказать я, а то, что хотите сказать вы! Я же хочу, чтобы в нем было сказано то, что хочу сказать я!

— А что в нем должно быть сказано? — спросил Бернард.

* Совет был создан при правительстве Э. Хита и упразднен М. Тэтчер. В его функции входила подготовка предложений по совершенствованию структуры и функциональной направленности правительственных организаций. В состав совета входили крупнейшие ученые, политики, общественные деятели.

— Мы ведь тоже хотим, чтобы в нем было сказано все то, что хотите сказать вы, господин министр, — попытался успокоить меня Хамфри.

— Господин министр, — тут же подхватил Бернард, — аппарат министерства, я уверен, совсем не хочет, чтобы вы сказали то, что вы не хотите сказать.

Тяжело вздохнув, я снова (вот уже в четвертый раз за четыре недели) начал объяснять им реальное положение вещей.

— Послушайте, полтора месяца назад «мозговой трест» попросил нас предоставить данные о наличии лишних рабочих мест в государственном аппарате. Трижды я буквально по слогам объяснял вашим, то есть нашим, работникам, что надо сделать. И каждый раз получал абсолютную бессмыслицу, в которой говорилось прямо противоположное.

— При всем уважении к вам, господин министр, — парировал сэр Хамфри (лицемер!), — позвольте спросить, откуда вам известно, что там «говорилось прямо противоположное», если это «абсолютная бессмыслица»?

Что и говорить, мой постоянный заместитель большой мастер отвечать вопросом на вопрос!

— Я только хочу сказать, — отмахнулся я, — что наш аппарат непомерно раздут и поэтому его необходимо сократить.

— Но ведь и мы все к этому стремимся, — солгал мой постоянный заместитель. — Именно об этом и говорится в отчете.

— Нет, не говорится!

— Нет, говорится!

Мы еще раза три перебросились этими «нет, не говорится! — нет, говорится!», а затем я процитировал ему несколько фраз из отчета. Например: «Поэтапное сокращение ста тысяч чиновников не в интересах общества» (перевод: в интересах общества, но не в интересах государственной службы). Или: «Общественное мнение к такому шагу еще не готово» (перевод: общественное мнение готово, а государственная служба — нет). Или: «Актуальность проблемы требует создания специальной королевской комиссии» (перевод: проблема выеденного яйца не стоит, и мы надеемся, что к тому времени, когда года через четыре королевская комиссия подготовит свой отчет, все об этом уже забудут, а если нет — найдем козла отпущения).

(Как видно, Хэкер уже начал постигать специфику языка Уайтхолла. Приводим для ясности несколько примеров:

«Полагаю, нам следует проявить осторожность...» Перевод: мы не собираемся этого делать.

«Вы приняли во внимание все возможные последствия?» Перевод: этого делать нельзя!

«Несколько странное решение». Перевод: идиотское!

«Не совсем верный шаг». Перевод: преступный!

«При всем уважении к вам, господин министр...» Перевод: глупее не придумаешь! — Ред.)

Однако мой постоянный заместитель упорно не желал искать выход из тупика.

— Господин министр, единственное, что я могу предложить в данной ситуации, — это переделать отчет.

Великолепно!

— Хамфри, — взорвался я, — получу я наконец прямой ответ на прямой вопрос?

Мой «прямой вопрос», похоже, застал его врасплох. Он долго думал, а затем с предельно искренней интонацией произнес уклончивую тираду:

— Если вы не потребуете от меня вульгарной тривиализации или грубых обобщений вроде примитивных «да — нет», я, можете не сомневаться, постараюсь удовлетворить ваше пожелание.

— Так, значит, да?

На лице сэра Хамфри отразилась ожесточенная внутренняя борьба.

— М-м, да, — выдавил он наконец.

— Отлично, — сказал я. — Вот мой прямой вопрос.

Лицо у него вытянулось.

— Но я полагал, что уже ответил...

— Хамфри, — продолжил я, — вы согласны с тем, что штат государственной службы непомерно раздут? Да или нет? Я жду прямого ответа.

Можно ли было сформулировать вопрос проще и яснее? Думаю, вряд ли. Вот что я услышал в ответ:

— Господин министр, будучи вынужден дать прямой ответ на прямой вопрос, хочу сказать, что, насколько мы можем судить, естественно, беря проблему в целом и принимая во внимание все ее компоненты, с точки зрения усредненного министерства, в конечном счете допустимо предположение, что, говоря, естественно, в наиболее общем плане и не углубляясь в излишнюю детализацию, в ней так или иначе вряд ли содержится что-либо особое.

Пока я тщетно пытался переварить услышанное, сэр Хамфри добавил (безусловно, для большей ясности):

— Конечно, в той мере, в какой вообще допустимо делать какие-либо выводы, исходя из реального положения дел на данный момент.

— Так все-таки что это означает: «да» или «нет»? — спросил я уже без особой надежды услышать что-либо вразумительное.

— И да, и нет.

— Ну а предположим, вас не вынуждали бы отвечать прямо, как бы вы поступили?

— О, — моментально оживился он, — я бы постарался потянуть время, господин министр.

Боюсь, он безнадежен. Мне, во всяком случае, переделать его не удастся. Да, вряд ли можно сказать, что я продвигаюсь вперед семимильными шагами, а если честно — просто топчусь на месте. В заключение сэр Хамфри предложил мне еще денька два по-

сидеть над отчетом, и тогда, мол, я, без сомнения, сам увижу, что в нем говорится именно то, что я хочу сказать. Идиотское предложение — пустая трата времени. Он просто хочет взять меня измором.

— А если я все-таки не обнаружу в нем того, что хочу сказать?

— Тогда, — ободряюще улыбнулся мой постоянный заместитель, — мы с удовольствием переделаем его для вас, господин министр.

Сказка про белого бычка.

20 января

Тщательно обдумал вчерашний разговор с Хамфри и решил: обойдусь без помощи министерства. Сам напишу отчет и вручу им его только тогда, когда будет уже поздно что-либо менять.

Придя на работу, первым делом вызвал Бернарда и посоветовался с ним. Его эта идея привела в восторг. Надеюсь, ему можно полностью доверять.

(Хэкер и не предполагал, что государственная служба способна оказывать на своих людей давление. Несколько раз поинтересовавшись у Бернарда Вули о состоянии дел с отчетом и уловив в его ответах какую-то скованность, сэр Хамфри пригласил его на «дружеский коктейль» в свой клуб на Пэлл-Мэлл. Запись беседы, имевшей место в ходе встречи, мы обнаружили в личном архиве сэра Хамфри. — Ред.)

«...Я спросил у Б. В., как обстоят дела с отчетом «мозговому тресту».

«Вы имеете в виду отчет господина министра?» — переспросил он. Весьма существенное уточнение.

В ответ на мой следующий вопрос, почему мы до сих пор не получили отчета на переделку, он предложил мне узнать об этом у самого Хэкера. Такой ответ нас, безусловно, не может удовлетворить.

Я заметил, что предпочитаю узнать об этом у него. Он промолчал. Тогда я поинтересовался, как понимать его упорное молчание — как нежелание говорить на эту тему?

«И да, и нет», — сказал он, по-видимому, хорошо зная, что это один из моих любимых ответов.

Я счел себя просто обязанным указать ему на недопустимость подобной дерзости.

В ходе беседы Б. В. неоднократно подчеркивал, что министр исключительно добросовестно работает с красными кейсами, однако упорно избегал каких-либо объяснений по поводу задержки отчета, неизменно сводя разговор к тому, что он (Б. В.) является личным секретарем министра.

Б. В. заметно нервничал. Видимо, был связан определенными обязательствами перед министром, который, похоже, доверительно поделился с ним какой-то важной информацией. Я решил усилить это беспокойство, чтобы он был вынужден либо найти путь, удовлетворяющий и меня, и министра, тем самым доказав, что достоин считаться «птицей высокого

полета» (так называют молодых, подающих большие надежды чиновников. — *Ред.*), либо принять чью-либо сторону и тем самым продемонстрировать отсутствие столь важного для государственной службы умения «ходить по проволоке в любую погоду».

В связи с этим я порекомендовал ему не забывать, что он является штатным работником МАДа. И, конечно, должен соблюдать лояльность по отношению к своему министру, но при этом учитывать, что министры находятся у власти в среднем не более одиннадцати месяцев, в то время как он (Б. В.), не сомневаюсь, надеется благополучно продвигаться вверх по служебной лестнице как минимум лет до шестидесяти.

Б. В., надо признать, весьма умело вышел из положения. Прибегнул к методу гипотетических предположений, что всегда свидетельствует о гибкости ума.

Он спросил: а если бы некий чисто гипотетический министр был недоволен проектом отчета, подготовленным его ведомством для некоего комитета, и если бы этот гипотетический министр пожелал заменить его другим гипотетическим отчетом, подготовленным его политическими советниками в партийном центре, и представил бы его только тогда, когда что-либо менять было бы уже поздно, и если бы чисто гипотетическому личному секретарю этого гипотетического министра была доверительно сообщена такая гипотетическая информация, то мог бы этот гипотетический личный секретарь считать себя вправе делиться ею с постоянным заместителем министра указанного гипотетического ведомства?

Прекрасный вопрос! Конечно же, я ответил, что никакому личному секретарю даже в голову не придет делиться с кем-либо информацией, полученной в доверительной беседе.

Должен признать, я недооценил Б. В.»

1 февраля

Вот уже почти две недели, как я решил взять подготовку отчета «мозговому тресту» в свои руки. Дело идет полным ходом. Фрэнк и его парни работают не покладая рук. Я тоже, по-моему, не зря жгу ночами электричество. Все это, похоже, приводит сэра Хамфри в бешенство, видеть которое доставляет мне истинное удовольствие.

Сегодня он в очередной раз спросил меня:

— Господин министр, как обстоят дела с отчетом Совету?

— Вы имеете в виду «мозговой трест»? — спросил я, чтобы выиграть время.

— Да, господин министр.

— А зачем вам этот отчет?

— Чтобы успеть переделать его.

— Думаю, в этом не возникнет необходимости.

— Боюсь, что возникнет, господин министр.

— Хамфри, — твердо сказал я, — подготовка отчетов не является монополией государственной службы.

— Подготовка отчетов, — заявил он, — требует особого умения и навыков, которыми мало кто владеет, кроме специально подготовленных работников аппарата.

— Чепуха! — возразил я. — Нет ничего проще. В такие игры может играть любой... как в шашки...

— И постоянно фукать, — заметил он.

Остроумно, ничего не скажешь.

Усмехнувшись, я попытался сменить тему разговора. Но не тут-то было.

— Господин министр, так я могу получить проект нашего отчета? — настойчиво продолжал он.

Вот пиявка!

— Безусловно, — улыбнулся я.

Он молча ждал продолжения. Напрасно.

— Когда, господин министр? — Мой постоянный заместитель также попытался изобразить улыбку.

— Чуть позже.

— А точнее? — прорычал он, не снимая улыбки с лица.

— Хамфри, вы же сами всегда говорите: не надо торопить события, — раздражаясь, ответил я.

Тогда он потребовал от меня... прямого ответа. Какая наглость! Ну что ж, раз он счел возможным прибегнуть к моей лексике, я прибегну к его.

— В свое время, — сказал я, не скрывая удовольствия, — когда назреет необходимость... в соответствующий момент... по завершении всех формальностей... ничего не следует делать наспех, вы согласны?

Сэр Хамфри уже не улыбался.

— Но, господин министр, вопрос не терпит отлагательства!

Он уже еле сдерживается.

Великолепно! Значит, моя тактика работает, и работает хорошо.

— Не терпит отлагательства? Вы, кажется, решили пополнить свой лексикон, Хамфри.

За всю жизнь я, по-моему, еще ни над кем так не издевался, но настроение у меня было отличное. Надо почаще проводить такие эксперименты.

— Надеюсь, вы меня простите, господин министр, — процедил сэр Хамфри, — однако я начинаю подозревать, что вы от меня что-то скрываете.

— Хамфри! — воскликнул я тоном оскорбленной добродетели, изобразив недоумение, удивление, возмущение и прочие лицемерные чувства. — Разве у нас с вами могут быть секреты друг от друга?

— К моему величайшему сожалению, господин министр, иногда приходится сталкиваться с тем, что дела ведутся таким путем, который, если не углубляться в излишнюю детализацию, но принять во внимание сопутствующие обстоятельства и трезво оценить реальное положение вещей, при всем желании трудно назвать по-настоящему прямым.

Это были самые крепкие словечки, какие сэр Хамфри мог себе позволить, не выходя за рамки приличий в критической ситуации. «Трудно назвать по-настоящему прямым!» Естественно, Уайтхолл

следует тем же принципам, что и палата общин, где не принято открыто называть кого-либо лжецом.

Хватит играть в прятки, подумал я и сказал, что сам переделал отчет, что он меня вполне устраивает и я не вижу смысла переделывать его еще раз.

— Но...

— Никаких «но»! — отрезал я. — Мне надоела ваша тактика бесконечных оттяжек и проволочек.

— Я бы не стал называть «тактикой» отдельные случаи медлительности аппарата, господин министр, — вкрадчиво заметил он. — Так ведь недолго даже летаргию принять за стратегию.

Тогда я поинтересовался, функционирует ли уже специальный комитет, созданный для изучения причин задержек по вине государственного аппарата. Он молча покачал головой.

— А отчего, позвольте узнать?

— Да так, — он пожал плечами, как бы подчеркивая тривиальность вопроса, — просто они еще не собрались.

— Почему? — не отступал я.

— Э-э... очевидно, какая-то задержка.

Я считаю делом чрезвычайной важности заставить Хамфри осознать абсолютную необходимость радикальной реформы. В качестве примера напомнил ему об успешной деятельности основанного мной межпартийного комитета по проблемам административного управления.

Пожалуй, это было ошибкой. Хамфри тут же поинтересовался, чего конкретно добился мой комитет. Я был вынужден признать, что пока ничего особенного, но зато партия им очень довольна.

— Вот как? — ухмыльнулся он. — А чем именно?

— Ну хотя бы почти целой полосой в «Дейли мейл» за прошлый понедельник, — не без гордости ответил я.

— Понятно. Судя по всему, ваше правительство намерено измерять свои успехи количеством газетных полос.

— И да, и нет, — с улыбкой отпарировал я.

Тем не менее сэр Хамфри был полон решимости довести дело с отчетом до конца.

— Господин министр, — заявил он, меняя тон, — выводы, которые вы собираетесь представить «мозговому тресту», не только неверны, но — что гораздо серьезнее — не дальновидны.

Так... Один из его коронных аргументов, насколько мне помнится: *«Расширение государственной службы объясняется растущим потоком парламентских законопроектов, а не стремлением Уайтхолла к созданию бюрократической империи»*. Я начинаю думать, что сэр Хамфри искренне верит в это.

— Значит, по-вашему, когда придет время отвечать на подобного рода запрос*, я должен заявить в палате, что это по ее

* С понедельника по четверг (с 14.45 до 15.30) в палате общин премьер-министр и министры отвечают на вопросы членов парламента.

вине управленческий аппарат растет как на дрожжах? — язвительно спросил я.

— Увы, это истина, господин министр.

Похоже, он категорически не желает понимать, что мне не нужна истина, мне нужно то, что я могу сказать в парламенте! Приведаю ему свои аргументы, я напрямик спросил его:

— Хамфри, вы, мой постоянный заместитель, будете поддерживать меня в этом вопросе?

— Мы всегда готовы поддерживать вас, господин министр, но только как ваши знаменосцы, а не как... гробonosцы.

Уловив в его высказывании скрытую угрозу, я потребовал от него объяснений. И заметил: чем больше я распаляюсь, тем хладнокровнее становится он.

— Полагаю, — бесстрастно произнес он, чеканя каждый звук (ни дать ни взять леди Брэкнелл* в исполнении Эдит Эванс), — что я выразился предельно ясно. Нельзя передавать такой отчет лицам, чьи рекомендации подлежат опубликованию.

Как всегда, Хамфри совершенно не понял сути проблемы. Пришлось объяснить ему: я намерен передать отчет «мозговому тресту» именно потому, что за этим последует публикация! Судить о том, что и когда сохранить в тайне от народа, надлежит мне, министру, а не моим помощникам в МАДе.

Моя вспышка, похоже, лишила сэра Хамфри дара речи. Только после долгой паузы, очевидно, хорошенько подумав, он попросил разрешения дать мне еще один добрый совет.

— Только в том случае, если он будет на нормальном английском, — согласился я.

— Господин министр, — сказал он, — если вам так хочется совершить очередную нелепость, не совершайте ее хотя бы таким нелепым образом.

2 февраля

Сегодня утром по дороге на Даунинг-стрит, 10 Бернард ознакомил меня с повесткой заседания кабинета. К своему ужасу, я узнал, что одним из пунктов стояло обсуждение моего (так, во всяком случае, было написано) предложения распустить земельный кадастр (*Управление по регистрации землевладений. — Ред.*). Идея, как объяснил мне в машине Бернард, заключается в том, чтобы передать функции земельного кадастра Агентству по продаже недвижимого имущества и тем самым хоть как-то сократить количество автономных государственных учреждений, рост которых составил в последнее время $9\frac{3}{4}$ %. По словам Бернарда, на документе стоит моя подпись. Но когда я его подписал? Убей бог, не помню! Наверно, он затесался среди бумаг какого-нибудь красного кейса. Но ведь как минимум всю последнюю неделю я ра-

* Персонаж комедии Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным».

ботал только над отчетом «мозговому тресту». Больше ни над чем. И вообще я не в состоянии упомянуть каждую галиматью, над которой ломаю голову в час или два ночи! Существующая система работы с документацией, безусловно, требует серьезных изменений.

Впрочем, Бернард убедил меня, что в принципе мне нет особой необходимости вдаваться в детали моего предложения: через свои каналы он получил достоверную информацию, что оно пройдет на ура.

(Ничего необыкновенного, как может показаться читателю, в этой ситуации, к сожалению, нет. Из-за недостатка времени и исключительной сложности большинства законодательных документов министры на самом деле нередко вынуждены были выносить на рассмотрение кабинета предложения, которые они либо не читали, либо читали, но ничего не поняли. Отсюда и различие между политикой министра, то есть решениями, которые он сам хочет или публично обязался провести в жизнь, и политикой министерства, то есть политикой в ее истинном значении. — Ред.)

3 февраля

Сегодня — самый черный день в моей жизни. Самый черный не только с тех пор, как я стал министром, но, возможно, за всю мою политическую карьеру.

Чувствую себя глубоко несчастным и безмерно усталым.

Однако, сознавая свой долг перед будущим, решил все-таки запечатлеть случившееся. Расскажу все по порядку.

Утром сэр Хамфри побывал на еженедельной встрече постоянных заместителей. И там, по-видимому, получил взбучку от своих коллег, открыв им, что позволил мне самому подготовить отчет «мозговому тресту».

Хамфри пожаловался Бернарду, а тот (похоже, единственный, кому я могу полностью доверять) сообщил об этом мне. По словам Бернарда, сэр Фредерик Стюарт, постоянный заместитель министра иностранных дел, заявил сэру Хамфри что-то вроде: «Достаточно позволить министру хотя бы раз самому написать проект отчета — и он захочет проводить собственную политику».

Потрясающе!

Конечно же, Стюарт прав. Выигрывает тот, кто готовит документы. В этом я убедился.

(Исходя из этих соображений, обычной практикой государственной службы в то время было готовить стенограммы заседаний до заседаний. В результате: а) председатель или секретарь получали практически гарантированную возможность обеспечивать ход обсуждений в точном соответствии с заранее согласованным сценарием; и б) поскольку политики, как правило, плохо запоминают решения, принятые на заседаниях, представляется исключительно удобным, да и полезным, изложить их заранее в письменном виде. Какие-либо изменения в готовой

стенограмме допустимы, только если она радикально противоречит решениям, принятым на заседании. Таким образом, исход заседаний, за редким исключением, определяют заранее подготовленные стенограммы, а отнюдь не те, кто фактически на этих заседаниях присутствовал или выступал. — Ред.)

Сэр Фредерик Стюарт и сэр Хамфри обсуждали проект сэра Хамфри (заметьте: не мой!) по сокращению автономных государственных учреждений, когда к ним присоединился доктор Дональд Хьюз (доктор Дональд Хьюз являлся старшим политическим советником премьер-министра: жесткий, умный и опытный человек, не скрывающий своей неприязни к высокопоставленным чиновникам. — Ред.), случайно услышавший их разговор.

Он сообщил им, что «мозговой трест» одобрил эту идею и рекомендовал ее к немедленному претворению в жизнь. Известие повергло сэра Хамфри в состояние, близкое к шоку, поскольку «мозговой трест» откровенно проигнорировал аргументацию ряда министерств, в частности нашего!

Хотя рекомендации, по словам доктора Хьюза, были даны в неофициальном порядке, теперь их не изменить, что бы мы ни говорили. Он также добавил, что члены Совета в любом случае вряд ли пожелают забывать свои возвышенные умы такой чепухой, как поправки каких-то там министров.

Собственно, вначале известие доктора Хьюза вызвало у Хамфри даже определенный оптимизм. Предложение о сокращении ассоциировалось у этого умудренного опытом администратора со значительным расширением штата подчиненных ему чиновников «для изучения вопроса о предстоящих сокращениях».

Но, как оказалось впоследствии, речь шла совершенно о другом. На утреннем заседании, срочно созванном в девять утра (*тавтология*. — Ред.), сэр Хамфри изложил нам основные аргументы доктора Хьюза:

1. Джим Хэкер всегда стремился к сокращению непомерно раздутого аппарата.

2. На сей раз, похоже, ему удастся добиться своего.

3. В целях ускорения этого позитивного начинания казначейство, МВД и Управление по делам государственной службы выдвинули совместное предложение об упразднении министерства административных дел.

4. ПМ встретил это предложение с улыбкой.

Кошмар! На карту поставлен мой пост!

Скорее всего, ПМ действительно в восторге от этой идеи, потому что она проста, необременительна, радикальна и способна снискать ему политическое признание.

Функции же МАДа предполагается разбросать между другими ведомствами.

А что будет со мной? Очевидно, прессе и общественности объявят, что, «проявив гражданское мужество и готовность к самопожертвованию», я добился проведения в жизнь столь нужной

стране реформы и тем самым, бесспорно, заслужил высокую честь быть «вышибленным» наверх, к лордам.

По утверждению Хамфри, доктор Хьюз, что называется, посыпал солью на раны — назвал это «назначением, повышением и кастрацией одновременно». Говорят, он даже предложил присвоить мне титул «лорд Хэкер-камикадзе».

По всей видимости, этот план доставляет Хьюзу массу удовольствий, поскольку он сам в течение ряда лет ратовал за организацию «крестового похода» против расточительности бюрократии и административной неэффективности. Ирония судьбы: в этом я полностью с ним солидарен. Однако за мой счет? Благодарю покорно.

Это только подтверждает мои прогнозы о неизбежном обострении политической борьбы в кабинете, и борьбы, судя по всему, не на жизнь, а на смерть. В погоне за еще большей властью и влиянием на нас ополчились высшие государственные служащие из казначейства, МВД и Управления по делам государственной службы. То же самое можно сказать и про моих коллег в кабинете, ведающих этими организациями. Естественно, для меня никогда не было большим секретом, что МАД — политическое кладбище и что ПМ, возможно, поднес мне чашу с отравленным вином. Ведь я в свое время руководил кампанией Мартина против ПМ. А девизом ПМ, как известно, является: «После поражения — коварство, после победы — месть!»

Доктор Хьюз, надо отдать ему должное, намекнул сэру Хамфри, что ему тоже придется подыскивать себе новую работу.

— Бюро по трудоустройству находится на Хорсферри-роуд, — не без юмора сообщил он. — Туда ходит девятнадцатый автобус.

Действительно смешно. По-моему, сэр Хамфри не ездил на автобусе с тех пор, как вышел из стен Оксфорда.

Итак, узнав обо всем этом от Хамфри сегодня утром, я пришел в ужас. Вначале я просто не поверил своим ушам, а затем прямо сказал ему, что я в ужасе.

— Вы в ужасе? — мрачно переспросил он. — Нет, это я в ужасе.

Бернард заявил, что он тоже в ужасе.

Впрочем, ничего удивительного — ситуация действительно ужасающая.

Сомневаться не приходится: она такова, как представил ее сэр Хамфри, которому, в свою очередь, представил ее Дональд Хьюз. Так оно и есть. К тому же вчера Хамфри своими глазами видел проект совместного предложения казначейства, МВД и Управления по делам государственной службы. А Хьюз довольно близок к ПМ и, без сомнения, знает, что говорит.

Спросил у Хамфри, «вышибут» ли меня в палату лордов, если МАД все-таки упразднят. Кстати, я твердо намерен отказаться от пэрства, даже если мне его предложат.

— Ходят слухи о новой должности министра по обеспечению промышленно-трудовой гармонии, — угрожно отозвался он.

Этого еще не хватало! Промышленно-трудова́я гармония! Иными словами — забастовки!

(Надо отдать должное проницательности Хэкера. По тому же эвфемистическому принципу военное министерство было названо министерством обороны, а министерство, фактически отвечающее за безработицу, превратилось в министерство по вопросам занятости. — Ред.)

Значит, именно я буду отвечать за любую забастовку в Великобритании. Великолепно!

Мои невеселые размышления прервал сэ́р Хамфри. Он спросил замогильным голосом:

— А вы подумали, что будет со мной, господин министр? Полагаю, отправят в министерство сельского хозяйства и рыболовства. Подумать только! Завершить свою карьеру дебатами по поводу тресковой квоты!

Бернард позволил себе слегка улыбнуться, и Хамфри гневно сдвинул брови.

— Что же касается вас, молодой человек, то конец господина министра будет означать и конец вашему блистательному восхождению. И окажетесь вы, скорее всего, где-нибудь в центре по регистрации автотранспортных средств в Суонси.

— Боже мой! — чуть слышно прошептал Бернард.

Мы долго сидели в гробовом молчании. Каждый обдумывал свою трагическую судьбу. Я тяжело вздохнул. За мной — Хамфри. За ним — Бернард.

Конечно же, во всем виноват мой постоянный заместитель. Предложение о сокращении числа автономных государственных учреждений иначе, как идиотизмом, не назовешь. Это на руку только нашим врагам. Он возразил, что всему виной мои предложения «мозговому тресту» о постоянном сокращении государственного аппарата.

Я отвел его обвинение как смехотворное, поскольку «мозговой трест» еще даже не получил моего доклада.

— Да, но ваш партийный центр поторопился направить его премьер-министру «в целях ознакомления», — не остался в долгу сэ́р Хамфри.

Выходит, мы оба приложили к этому руку. Спорить теперь было бессмысленно. Я спросил у Хамфри, что будем делать.

Последовало еще несколько минут унылого молчания.

— Мы могли бы... э-э... подготовить соответствующий документ... — неуверенно предложил он.

— Соответствующий чему? — спросил я.

Тогда Хамфри поинтересовался, имеются ли какие-нибудь предложения у меня. «Нет, не имеются», — ответил я, и мы, как по команде, повернулись к Бернарду.

- А что по этому поводу думаете вы, Бернард?

- Я думаю, все это ужасно.

Очень ценное замечание!

— Давайте проработаем этот вопрос вместе, — предложил вдруг сэр Хаффри.

Это что-то новое! А я-то полагал: работать вместе со мной - его прямая обязанность. Но, видимо, совместная работа в понимании Хаффри — это когда он говорит, а я делаю.

И вот к чему все это привело!

Тем не менее спросил его, что конкретно он имеет в виду.

— При всем уважении к вам, господин министр... — начал мой постоянный заместитель.

Ну, это уж слишком! Я категорически потребовал, чтобы он никогда больше не позволял себе подобного обращения ко мне. Ведь скрытый смысл этой оскорбительной фразы предельно ясен: «Что бы вы ни сказали по данному вопросу — все будет полной чепухой».

Однако Хаффри поспешил заверить меня, что на этот раз он действительно имел в виду совместную работу.

— Вы нужны мне, — заявил он.

Я был почти тронут. Ну а когда он предложил позвать и Фрэнка Визела, моему изумлению просто не было предела.

Хаффри исправляется прямо на глазах. Весьма отрадно, хотя и слишком поздно, чтобы иметь какое-либо значение.

— Понимаете, господин министр, когда за решением стоит сам ПМ, одному Уайтхоллу его не заблокировать. Министры — другое дело. Перекрыть кислород их решению... то есть скорректировать его, — тут же поправился он, — не составит особого труда.

Короче говоря, сэр Хаффри считает, что мы должны действовать одновременно и в Вестминстере (*парламенте*. — *Ред.*), и в Уайтхолле (*правительстве*. — *Ред.*). Фрэнк, по его расчетам, мог бы оказать нам известную помощь, организовав поддержку задне-скамеечников.

Я предложил также подключить Флит-стрит, где у Фрэнка имелись достаточно хорошие связи. Хаффри, нервно сглотнув, побледнел, но (отдаю должное его самообладанию) все-таки согласился.

— Ну что ж, если нет иного выхода... даже Флит-стрит... — невнятно пробормотал он.

4 февраля

Найти Фрэнка вчера не удалось. Встретились с ним сегодня утром.

Сообщили ему о случившемся и с нетерпением ждали реакции. Впервые, сколько я знаю Фрэнка, он, казалось, лишился дара речи и только растерянно покачивал головой. На мой вопрос, есть ли у него идеи, он лишь непонимающе взглянул на нас. - Я ни о чем не могу думать... Я в ужасе!

Мы все согласились, что ситуация действительно ужасная.

«Пора брать бразды правления в свои руки», — подумал я и решительно сказал:

— Хватит ныть и кудахтать, словно мокрые курицы! Надо что-то делать, а не ждать, пока с нами расправятся. Фрэнк, займитесь заднескамеечниками и партийным центром. Мы должны остановить машину, пока она не закрутилась...

— Ради бога, простите за формализм, господин министр, но в принципе нельзя что-либо остановить, пока оно не закрутилось, — перебил меня Бернард.

Вот зануда! Предводитель мокрых куриц! В кризисной ситуации от него никакого проку.

По мнению Фрэнка, моя идея с заднескамеечниками не пройдет, поскольку предложение о ликвидации МАДа, скорее всего, придется им по душе. Я счел себя обязанным внести ясность, заметив, что идея, собственно, принадлежит сэру Хамфри, а не мне.

А Бернард пришел к выводу — по его словам, в результате мучительных раздумий, — что нам необходимо развернуть в прессе широкую кампанию в защиту министерства. Он даже предложил несколько броских заголовков вроде: «СПАСЕНИЕ НАЦИИ — В АДМИНИСТРАЦИИ!» или «БЕЗ БЮРОКРАТОВ ЖИЗНЬ СТАНЕТ СКУЧНЕЕ!»

Сэр Хамфри досадливо поморщился. Я тоже. Тогда Бернард предложил другой вариант: «БЮРОКРАТИЗМ — ЭТО ЕДИНСТВО СТРАНЫ!»

Иногда он просто приводит меня в отчаяние.

Последовала еще одна долгая пауза, после которой сэр Хамфри обреченно произнес:

— Да, это перст судьбы. Выхода нет.

Ни у кого из нас не осталось ни капли надежды. Неужели мы действительно обречены? Ужасно!

5 февраля

Жизнь не должна останавливаться даже под угрозой дамоклова меча.

Сегодня мы обсуждали вопрос о еврокарточке. Это нечто совершенно новое. Впервые слышу. Соответствующая информация, вероятно, содержалась в одном из вчерашних или позавчерашних красных кейсов, но я был слишком подавлен и, наверное, не воспринимал то, что читал.

Оказывается, еврокарточка — это что-то вроде единого для всей Европы удостоверения личности, которое надлежит иметь при себе всем гражданам ЕЭС. По словам Хамфри, МИДДС поддерживает эту идею в качестве приемлемой компенсации за масляные горы, винные озера, молочные океаны, «баранью войну» и тресковую вонь.

Почетную обязанность выдвинуть соответствующий билль ПМ намерен возложить на меня.

Ничего, кроме содрогания, такая перспектива у меня не вызывает.

Сэра Хамфри моя реакция удивила. Я, как известно, имею репутацию убежденного проевропейца, и к тому же еврокарточка, он надеется, со временем значительно упрощит административные проблемы.

Я с помощью Фрэнка попытался объяснить ему и Бернарду, что для меня подобная «инициатива» равносильна политическому самоубийству. Англичане категорически не желают иметь при себе обязательные удостоверения личности. Меня обвинят в стремлении насадить у нас полицейские порядки. А ведь я еще далеко не полностью оправился от «электронного досье». Мне, как наяву, слышатся гневные возгласы заднескамеечников: «Разве для этого мы сражались в двух мировых войнах?!»

Europass		
RG	002367812-089	DM
		
		
Left thumb	Right thumb	
NAME	SMITH J.	
SIGNATURE	J. Smith	
DATE OF BIRTH	23/8/47	
COUNTRY OF ORIGIN	U.K.	
SEX: MALE	☒ FEMALE	☐ OTHER
RACE	Caucasian	
HEIGHT	1.74m	
WEIGHT	73kg	
COLOUR OF EYES	Hazel	
COLOUR OF HAIR	Black	
SPECIAL PECULIARITIES	Scar on right knee	
OCCUPATION	House Painter	
POLICE RECORD	YES/NO	
To be carried at all times. Failure to comply with this regulation carries a fine of £250.00.		

— Но ведь это что-то вроде водительского удостоверения, не более, — возразил Хамфри.

— Это последний гвоздь в мой гроб! — отрезал я.

— А что если назвать карточку «Евроклуб-экспресс», — предложил Бернард. — По-моему, это решение проблемы.

Я вежливо попросил его заткнуться или выйти вон.

— А почему, собственно, инициаторами должны выступать мы, а не МИДДС? — поинтересовался Фрэнк.

Вполне резонный вопрос.

— Насколько мне известно, — пояснил сэр Хамфри, — первоначально премьер-министр хотел поручить еврокарточку МИДДСу, однако министр иностранных дел убедил его, что она относится скорее к компетенции МВД. Тогда министр внутренних дел, в свою очередь, заявил, что это прежде всего административный вопрос. И ПМ согласился.

— Трусливое отфутболивание! — негодуя хмыкнул Фрэнк. Зря он так. Можно ли обвинять человека в трусости, если он слышит, как тикает мина замедленного действия?

А сэр Хамфри уныло добавил, что законопроект о еврокарточке будет, очевидно, последним делом нашего ведомства. А мы с Фрэнком по-прежнему искренне недоумевали, как такое предложение может приниматься всерьез министерством иностранных дел. Ведь младенцу ясно: этим они льют воду на мельницу антиевропейцев. Я спросил у Хамфри, осознают ли в МИДДСе, какой невосполнимый ущерб это нанесет европейскому идеалу.

— Конечно же, осознают, господин министр, — не колеблясь, ответил он. — Именно поэтому и поддерживают эту идею.

Странно. У меня всегда было ощущение, что МИДДС настроен исключительно проевропейски.

— Так они «про» или «анти»?

— И «про», и «анти», — отозвался Хамфри. (Другого ответа я от него и не ожидал.) — Простите невольный каламбур, господин министр, но МИДДС за Европу, потому что на самом деле он против Европы. Например, в свое время государственная служба была твердо намерена не допустить нормального функционирования Общего рынка, и, чтобы добиться этого, мы поддержали идею о вступлении в него.

Очевидно, увидев на моем лице абсолютное недоумение, сэр Хамфри попытался разъяснить свою мысль приблизительно следующим образом: «На протяжении по крайней мере пяти последних столетий Великобритания последовательно проводит в жизнь одну и ту же внешнеполитическую линию — не допустить объединения Европы. Для достижения этой цели мы сражались вместе с голландцами против испанцев, с немцами против французов, с французами и итальянцами против немцев, а затем с французами против немцев и итальянцев. (*Восстание голландцев против испанского короля Филиппа II, наполеоновские войны, первая и вторая мировые войны.* — Ред.)

Иными словами, разделяй и властвуй. И министерство иностранных дел, естественно, не видит никаких оснований отказываться от принципа, который вот уже несколько веков надежно служит интересам страны.

Конечно, я сознавал, что так оно и есть, но при этом искренне полагал: все это из области истории. По словам же Хамфри, принцип «разделяй и властвуй» по-прежнему лежит в основе нашей внешней политики. Нам необходимо было «взорвать» Общий рынок, объяснил он, и для этого пришлось в него вступить, так как

все попытки развалить его снаружи оказались безуспешными. (Имеется в виду кратковременное и бесплодное пребывание Англии в Европейской ассоциации свободной торговли, созданной в 1960 году. — Ред.) Теперь же, действуя изнутри, мы можем заварить там такую кашу... Мы уже настроили немцев против французов, французов против итальянцев, итальянцев против голландцев. МИДДС на седьмом небе от счастья. Все идет, как в старые добрые времена.

Я был потрясен. Мне казалось, что публично декларировать свои симпатии к Европейскому сообществу можно, только искренне веря в европейский идеал. Сэр Хамфри снисходительно усмехнулся.

Тогда я спросил его:

— Если мы не верим в идеал Европейского сообщества, то почему же ратуем за рост его членства?

— По той же причине, — последовал ответ. — Тут — как в ООН: чем больше членов, тем больше противоречий и тем более тщетна и бесплодна деятельность самой организации.

На мой взгляд, все это отдает неприкрытым цинизмом. О чем я не преминул заметить своему постоянному заместителю. Он самодовольно улыбнулся.

— Да, господин министр, мы называем это дипломатией. И знаете, именно она сделала Британию великой.

Однако Фрэнк, подобно упрямому терьеру (каким, на мой взгляд, он и является), не собирался менять тему разговора и уходит от большого вопроса о еврокарточке.

— А как относятся к идее обязательных удостоверений личности в других странах ЕЭС? Они что, тоже будут возражать? — спросил он.

— Вряд ли, — сказал сэр Хамфри. — Немцы воспримут еврокарточку с восторгом, французы просто проигнорируют, а итальянцы и ирландцы слишком неорганизованны, чтобы ввести ее на практике. Против будут только британцы.

Конечно же, он прав.

Замечу, что во всем этом я начинаю подозревать некий заговор с целью избавиться от меня. Фрэнк не разделяет моих опасений, полагая, что в заговоре нет никакой необходимости. От меня избавятся в любом случае, поскольку упраздняется мое министерство.

Я возразил, что ПМ, должно быть, хочет играть наперняка. Фрэнк посоветовал мне не превращаться в параноика. Хотел бы я посмотреть на него, если бы жертвой интриг и заговоров стал он сам.

— Мы на вашей стороне, господин министр, — ободряюще сказал сэр Хамфри.

Жизнь полна сюрпризов!

Стоп! У меня родилась идея. Я внезапно понял, что на моей стороне должен быть и Мартин. И как только я не додумался до

этого раньше? Он — министр иностранных дел и, насколько мне известно, искренне верит в европейский идеал. (Хамфри считает его «наивным».) К тому же именно я руководил его кампанией против ПМ, и он только проиграет, если им удастся избавиться от меня.

Мы договорились встретиться с Мартином в понедельник в палате общин. Пока мне не совсем ясно, чем именно он сможет помочь мне, но, уверен, вдвоем мы что-нибудь да придумаем.

8 февраля

Ура! Мы победили! Немного политического оппортунизма (искусство, которым я искренне горжусь), чуть-чуть везения — и МАД, а также наша с Хамфри карьера спасены.

Мы все, словно настоящие заговорщики, уединились в кабинете Мартина. Он, как обычно, сыпал довольно плоскими остротами.

— По-моему, ты уподобился библейскому Самсону, Джим.

Я изобразил удивление и непонимание.

— Ты хотел сократить госаппарат, и ты добился своего. Но тем самым ты нарушил всю структуру и оказался погребенным под ее обломками.

Интересно, чего он ожидал от меня: веселой улыбки, комплимента по поводу его остроумия или, может, оправданий?

Сэр Хамфри, конечно, тоже не упустил случая блеснуть исторической аналогией.

— Пиррова победа! — скорбно произнес он, вероятно, больше для того, чтобы напомнить о своем классическом образовании.

— Какие будут соображения? — обратился я к Мартину. Соображений никаких не было. Последовала очередная тягостная пауза.

Все это время Фрэнк, оказывается, продолжал ломать голову над загадкой, почему премьер-министр так жаждет введения еврокарточки.

— Не понимаю. Это же какая-то бессмыслица. Неужели ПМ не видит, насколько пагубна она для нынешнего правительства?

Я согласился с ним и добавил, что еврокарточка станет худшей из бед, выпавших на долю нашего правительства с тех пор, как меня назначили членом кабинета. (*Вряд ли Хэкер действительно имел в виду то, что сказал. — Ред.*)

Мартина же, наоборот, проблема еврокарточки, казалось, совсем не волновала.

— Все знают, что это никогда не произойдет, — сказал он.

Кого он имеет в виду под «всеми»? Лично я этого не знаю... Впрочем, до вчерашнего дня я даже не знал, что это может произойти.

— ПМ нужно поиграть с еврокарточкой до присуждения премии Наполеона, — продолжил Мартин.

Из его объяснений я понял, что премией Наполеона НАТО

каждые пять лет награждает государственного деятеля, внесшего самый крупный вклад в объединение Европы со времен Наполеона. *(Если не считать Гитлера. — Ред.)* Золотая медаль, пышная церемония в Брюсселе и сто тысяч фунтов. Сейчас ПМ является главным претендентом.

— Комитет по наполеоновским премиям созывается через шесть недель, и ПМ, естественно, не хочет «раскачивать лодку», пока она не будет у него в кармане, — добавил Мартин.

По-моему, Бернард пробормотал: дескать, лодки не кладут в карманы, — но я мог и ошибиться. Впрочем, его упорное молчание в ответ на мою просьбу повторить, что он сказал, подтверждает: я все-таки не ослышался.

— Ну а когда ПМ получит премию, он тут же и думать забудет про еврокарточку, — заключил Мартин.

Идея! У меня родилась еще одна великолепная идея! Я не мог пока выразить ее словами, но она уже зрела где-то в подсознании. Надо только кое-что прояснить.

— Мартин, — спросил я, — кто еще знает о кандидате номер один на премию Наполеона?

— Никто, — ответил он. — Это совершенно секретная информация.

Естественно, я был разочарован. «Совершенно секретная информация» означает, что ее знают все.

Но Мартин тут же успокоил меня, заверив, что на этот раз «совершенно секретно» — действительно совершенно секретно.

Я пришел в такое возбуждение, что был не в состоянии связно высказать свою гениальную идею.

— Поймите... заднескамеечники... утечка информации...

Сэр Хамфри с крайне озадаченным видом спросил меня, не имею ли я в виду Уэльскую национальную партию.

И в этот момент — сам господь бог был теперь на моей стороне — дверь кабинета неожиданно открылась и на пороге появился не кто иной, как доктор Дональд Хьюз собственной персоной. Увидев Мартина в нашем обществе, он извинился и хотел было уйти, но я остановил его, сказав, что мне необходимо с ним посоветоваться.

Хьюз изобразил полнейшую готовность помочь мне. Но сразу же предупредил: если это тот случай, когда машут кулаками после драки, даже он бессилен что-либо сделать.

— Уверен, вы себя недооцениваете, — польстил я ему и добавил, что в данный момент стою перед серьезной моральной дилеммой.

Дилемма, продолжал я, заключается в следующем: как мне случайно стало известно, некий заднескамеечник собирается задать премьер-министру вопрос, намерено британское правительство вводить еврокарточку или нет...

— Какой еще заднескамеечник? Еврокарточка — государственная тайна! — засуетился Хьюз.

— А наиболее вероятный претендент на премию Наполеона — тоже тайна? — с невинным видом поинтересовался я.

Он пристально посмотрел на меня. Я несколько смешался, но неожиданно мне на выручку пришел Бернард.

— Я думаю, господин министр имеет в виду чисто гипотетического заднескамеечника.

Мой добрый верный Бернард!

Хьюз недовольно поморщился.

- Э-э... подобный вопрос был бы крайне неуместен...

Я, как будто не замечая его досады, продолжал развивать свою гипотезу. В таком случае возможны два варианта. Если ПМ скажет «да» — пострадает престиж правительства в стране. Если же «нет» — еще хуже — в Европе. Причем не только престиж правительства, но и самого ПМ... особенно в связи с премией Наполеона.

Хьюз молча кивнул.

— Ну а предположим, — сказал я, — некий гипотетический министр случайно узнал о намерении этого гипотетического заднескамеечника. Как бы вы посоветовали ему поступить?

— Я бы посоветовал ему сделать все возможное, чтобы не допустить такого вопроса. — Он тщательно подбирая слова. — Только так должен поступить верный своему правительству министр. По-моему, это очевидно.

— Но попытка воспрепятствовать запросу члена парламента чревата весьма серьезными последствиями, — возразил я. (Конечно же, мы оба прекрасно понимали, что ни заднескамеечника, ни его вопроса вообще не существовало, но ведь при желании они могли появиться...) — Другое дело — убедить его вместо этого вопроса обратиться к ПМ с просьбой пресечь ложные слухи о роспуске министерства административных дел.

Итак, карты на стол. Я предложил свои условия сделки. Открыто и честно. Хьюз на мгновение погрузился в раздумье, но потом, надо отдать ему должное, блестяще разрешил возникшую проблему.

— Ну конечно же... я абсолютно убежден... неужели вы поверили? Безусловная поддержка обеспечена...

Окончательно добил Хьюза сэра Хамфри, наконец-то сообразивший, в чем дело.

— Но ведь вы сами несколько дней назад заявили о существовании плана расформирования МАДа, равно как и о том, что ПМ отнесся к нему с одобрением...

— С улыбкой! — спокойно возразил Дональд Хьюз. — С насмешкой, а не с одобрением. Сама мысль об этом выглядела нелепой, смехотворной, абсолютно неприемлемой. Шутка, не более чем шутка.

Великолепно разыграно! Снимаю перед ним шляпу.

Тогда я высказал пожелание, чтобы канцелярия премьер-министра в течение двадцати четырех часов направила во все

ведомства циркулярное письмо, опровергающее указанные слухи. Чтобы мы все вместе посмеялись над этой шуткой.

— Вы в самом деле считаете это необходимым? — спросил он

— Да! — в один голос ответили Хамфри, Бернард, Фрэнк, Мартин и я.

При виде такого единодушия Хьюз заявил, что это, безусловно, можно устроить. Поблагодарил нас за «исключительно приятную и полезную беседу» и, вежливо откланявшись, ушел. Предположительно, напрямик на Даунинг-стрит, 10.

Вот так: шах и мат! Одна из моих наиболее блистательных партий. Я очень доволен собой.

Когда за Дональдом Хьюзом закрылась дверь, Бернард высказал сомнение, сможет ли Хьюз выполнить обещание.

— Разве у премьер-министров нет собственного мнения? — спросил он.

— Конечно, есть, — ответил я. — Но, говоря словами Чака Колсона, специального советника президента Никсона, «когда их берут за жабры, собственному мнению деваться некуда».

ПРАВО ЗНАТЬ

9 февраля

Сегодня вплотную занимался вопросами охраны окружающей среды. Группа представителей общественности из нескольких человек вручила мне петицию — шесть толстых тетрадей с подписями. Тысячи, если не десятки тысяч, подписей!

Они протестуют против выдвинутого мной законопроекта, предусматривающего упорядочение нынешней системы охраны окружающей среды. Собственно, ее и системой-то назвать трудно — сплошная неразбериха, кавардак: местные власти, туристические общества, национальные парки, Комиссия по вопросам использования и охраны природы, Совет защиты деревенской Англии — все они бесконечно злословят, интригуют, валят с больной головы на здоровую. В результате никто ничего не знает и никто ничего не делает. Единственная цель нового законодательства — ликвидировать существующую путаницу и заставить эти жалкие подобия организаций работать сообща.

Именно это я и постарался довести до сведения депутации.

— Вы же знаете, чем занимаются подобные комитеты, — сказал я. — Разводят склоки, тянут kota за хвост и только отнимают у всех время...

— Мы тоже комитет, господин министр! — тоном оскорбленной добродетели заявила одна малосимпатичная особа неопределенного возраста, но с явными признаками принадлежности к высшим слоям хампстедских* буржуа. И негодующе поправила очки.

Я объяснил, что имел в виду другие комитеты. Мой законопроект преследует единственную цель — создать единый орган и упростить существующие процедуры. А это значительно сэкономит общественные средства. По-моему, такой подход должен всячески приветствоваться.

Но этих хампстедских буржуа волновали не общественные

* Хэмпстед — фешенебельный район на севере Лондона; частично сохраняет ландшафт живописной деревни.

средства, а судьба исключительно одного местечка — лесопарка Хейуард-Спинни, который собирались лишить статуса государственного заповедника, поскольку содержать его в должном порядке стало экономически бесперспективно.

Они же, эти чокнутые любители природы, считают Хейуард-Спинни «неотъемлемой частью британского наследия».

— Там веками обитали барсуки! — брызжа слюной, залопотал престарелый социалист из патрициев типа Майкла Фуа.

— Откуда вам это известно? — полюбопытствовал я.

— Так утверждает «Гардиан», — влез в разговор нервный молодой человек в тяжелых, подбитых гвоздями ботинках и ткнул мне в грудь газетой.

Нашел кому верить! Нормальному человеку хватит и недели, чтобы усомниться, способны ли наши газеты сообщить даже точную дату своего выпуска.

Тем не менее я просмотрел статью, обведенную красным карандашом. Вот что там было написано: «...Наш округ издавна славился «барсучьими норами...» А буквально несколькими строчками ниже обывателей призывали покончить с традиционной социальной апатией, активнее развивать чувство гражданственности жителей графства...

Я прочитал фразу вслух и громко рассмеялся, однако меня никто не поддержал. С юмором у них было туговато. Вместо этого пожилая дама в юбке из коричневого твида, плотно облегающей ее мощные бедра, угрожающе спросила:

— А как вам понравится, если десятки гигантских барсуков заблокируют все подходы к министерству?

«Десятки гигантских барсуков»? Я с трудом удержался от улыбки, представив себе картину в духе Монти Питонеска, но этих чудачков такая перспектива, казалось, вдохновляла.

— Человек ничего особенного из себя не представляет, господин Хэкер, — менторским тоном обратился ко мне один из них. — Мы не над природой, мы — ее составная часть. Люди — тоже животные, поймите.

Что-что, а уж это мне объяснять не надо: полчаса назад я вернулся из палаты общин.

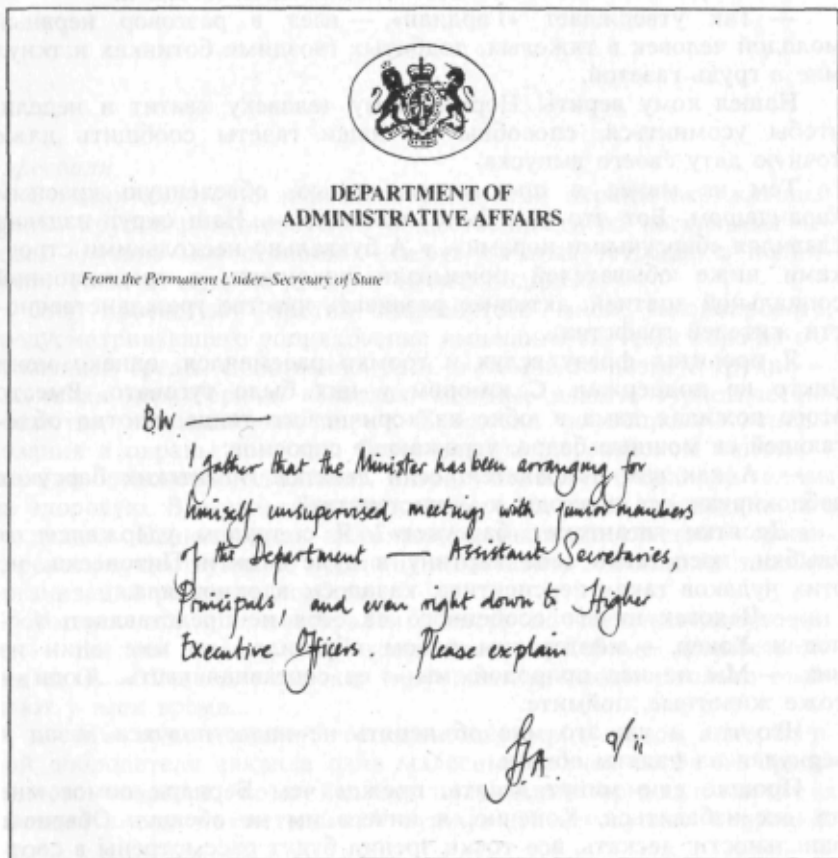
Прошло еще минут десять, прежде чем Бернард помог мне от них избавиться. Конечно, я ничего им не обещал. Обычные банальности: дескать, все точки зрения будут рассмотрены в соответствующее время и должным образом. Однако вот что меня немного беспокоит: никто в министерстве даже не предупредил меня, что упорядочение администрации на местах повлечет за собой лишение этих треклятых барсуков их охранного статуса. Не то чтобы меня волновали сами барсуки, но ведь я уже заверил и парламент, и прессу, что предлагаемые нововведения не причинят никакого ущерба местной экологии и достопримечательностям!

Завтра надо обязательно переговорить с Хамфри!

Необходимо также выяснить, почему я должен тратить свое

драгоценное время на подобные вопросы, когда оно мне так нужно для деловых встреч с младшим персоналом МАДа, чтобы лучше понять специфику его работы и вместе искать пути повышения эффективности вверенного мне министерства.

(Мы обнаружили в архиве несколько интересных записок, которыми в течение недели обменялись между собой сэр Хамфри Элби и Бернард Вули. — Ред.)

Б. В.!

Мне стало известно, что министр намерен провести ряд несогласованных встреч с младшим административным персоналом МАДа — помощниками личных секретарей, заведующими отделами и даже помощниками постоянных заместителей.

Прошу разъяснений.

DEPARTMENT OF
ADMINISTRATIVE AFFAIRS

From the Private Secretary

Sir Humphrey

The Minister wishes to
get to know members
of the Department at
all levels, and to under-
stand what they do and
why. B.W. Feb 9th

Сэр Хамфри!

Господин министр намерен поближе познакомиться с работниками министерства на всех уровнях.

Он хочет понять, что они делают и для чего.

DEPARTMENT OF
ADMINISTRATIVE AFFAIRS

From the Permanent Under-Secretary of State

B.W. ———

These meetings must be stopped at once.
If the Minister talks to underlings he
may learn things that we do not know
ourselves. Our whole position could be
undermined.

J.A. 10/ii

Б. В.!

Таких встреч допускать нельзя. Министр может узнать такое, чего не знаем даже мы с вами. А это сильно подрывает наши позиции.

DEPARTMENT OF
ADMINISTRATIVE AFFAIRS

From the Private Secretary

Sir Humphrey

The Minister feels that such meetings increase our knowledge. He also has expressed a wish to run the Department better, as things are now going pretty well.

B.W. Feb. 10th

Сэр Хамфри!

Господин министр уверен, что подобные беседы повысят уровень наших знаний.

Он также выразил пожелание взяться за повышение эффективности управления министерством, тем более что сейчас, по его мнению, дела идут достаточно хорошо.

DEPARTMENT OF
ADMINISTRATIVE AFFAIRS

From the Permanent Under-Secretary of State

B.W. —

I think you ought to be very careful. I am puzzled by your recent memos and am wondering if the Minutes is being entirely straightforward. I am bound to say that you should give urgent and active consideration to this matter, and ask yourself if you have considered all the implications. Ministerial activities in this area are liable to have consequences which could be unfortunate, or even regrettable.

Stt.

11/ii.

Б. В.!

По-моему, Вам следует быть более осторожным и проницательным. Ваши последние записки меня, честно говоря,

весьма озадачивают. К тому же у меня появились некоторые сомнения: а не ведет ли наш министр двойную игру?

Считаю обязанным посоветовать вам обратить на это самое серьезное внимание, а также задуматься над всеми возможными последствиями, ибо дело может иметь самый неприятный, даже плачевный исход.

(«Задуматься над всеми возможными последствиями» означает: «Вы неверно понимаете свои служебные обязанности». «Дело может иметь самый неприятный, даже плачевный исход» означает: «Вам вполне реально грозит перевод в Комиссию по армейским захоронениям». — Ред.)

DEPARTMENT OF
ADMINISTRATIVE AFFAIRS

From the Private Secretary

Sir Humphrey

I should be grateful
for further advice
in this matter.

B.W. Feb 11th

Сэр Хамфри!

Я был бы вам крайне признателен за дальнейшую помощь в этом сложном деле.

DEPARTMENT OF
ADMINISTRATIVE AFFAIRS

From the Permanent Under-Secretary of State

- B.W. — Please note the following points:
1. You refer to increased knowledge. Desirable and worthy though this ambition is, please remember that it is folly to increase your knowledge at the expense of your authority.
 2. When a Minister actually starts to run his Department, things are not going pretty well. They are going pretty badly. It is not the Minister's job to run the Department. It is my job, for which I have had twenty-five years' training and practice.
 3. If the Minister were allowed to run the Department we should have:
 - (i) chaos
 - (ii) innovations
 - (iii) public debate
 - (iv) outside scrutiny.
 4. A Minister has three functions:
 - (i) He is an Ambassador. He makes the Department's actions seem plausible to Parliament and the public.
 - (ii) He is Our Man in Westminster, steering our legislation through parliament. (N.B. Ours, not his)
 - (iii) He is our Breadwinner. His duty is to fight in Cabinet for the money we need to do our job.
- PLEASE NOTE: It is not his function to review departmental procedures and practices with Principals and Higher Executive Officers.

JFA . 12/ii

Б. В.!

Советую вам принять во внимание следующее: 1. Относительно повышения уровня наших знаний: каким бы достойным и похвальным ни было это честолюбивое стрем-

ление, пожалуйста, не забывайте, что оно оборачивается глупостью, если рост знаний достигается ценой нашей власти.

2. Когда министр на деле берет бразды правления в собственные руки, дела не могут идти «достаточно хорошо», ибо они могут идти только из рук вон плохо. Управлять министерством надлежит не министру, а мне, человеку, за спиной которого 25 лет специальной подготовки и практического опыта работы.

3. Если бы нашему министру было позволено самому управлять министерством, мы бы сейчас имели:

- а) хаос;
- б) нововведения;
- в) публичные обсуждения;
- г) внешний контроль.

4. Министр должен выполнять три основные функции:

- а) нашего адвоката: он отстаивает интересы министерства в парламенте и доводит их до сознания общественности;
- б) нашего человека в Вестминстере: он проталкивает наши решения в парламенте (NB. Наши, а не свои);
- в) нашего кормильца: он добивается в кабинете выделения денег, необходимых нам для выполнения нашей работы.

Особо отметьте: в его функции не входит ознакомление с министерскими процедурами или с работой заведующих отделами, не говоря уж о старших клерках.

ВСПОМИНАЕТ СЭР БЕРНАРД ВУЛИ:

«Я был в то время довольно молод и совсем неопытен и не понимал, как претворить совет сэра Хамфри в жизнь: ведь министр лично назначил эти встречи и вообще взял все в свои руки.

Я встретился с сэром Хамфри и стал убеждать его: заставить министра не делать того, что он считает нужным, если у него есть на это время, практически невозможно!

Мои доводы вызвали у сэра Хамфри яростную вспышку гнева. Он отчитал меня, как мальчишку: «А почему у министра оказалось свободное время? Ваша прямая обязанность заботиться о том, чтобы у него никогда не было свободного времени... Если оно появляется, это только ваша вина...» То есть ему надо создавать работу. Министр должен произносить речи, выступать в провинциальных городках и на приемах иностранных гостей, принимать делегации, прорабатывать горы документов из красных кейсов; он должен постоянно улаживать конфликты, оказываться в кризисных ситуациях и искать из них выход.

Если в рабочем календаре министра появляются пропуски, мне, по словам сэра Хамфри, надлежит тут же заполнять их, а также заботиться, чтобы он поменьше путался у нас под ногами и, следовательно, основное свое время проводил, например, в палате общин, где он не может причинить большого вреда.

Впрочем, мне все-таки удалось несколько смягчить его гнев — это я хорошо помню, — когда я сообщил сэру Хамфри, что в момент нашей беседы министр как раз занят обсуждением проблемы выживания барсуков в Уорвикшире.

Мое известие его настолько воодушевило, что я даже решился предложить поискать еще каких-нибудь особей, которым грозит уничтожение. На что сэр Хамфри ответил, что далеко ходить не надо такими особями бесспорно являются личные секретари, которые не в состоянии занять своих министров».

10 февраля

Сегодня утром вызвал Хамфри и поднял вопрос об охранном статусе пушных зверьков, а также о том, почему меня не удержали от опрометчивого заявления в парламенте, будто местной экологии и достопримечательностям не будет нанесен ущерб.

Сэр Хамфри возразил, что ничего подобного я в парламенте не заявлял: в моем выступлении были слова «...не будет нанесен значительный ущерб». По-моему, это одно и то же, хотя Хамфри придерживается иного мнения.

— Наоборот, господин министр, разница колоссальная, как между небом и землей. Практически все что угодно можно квалифицировать как нанесение ущерба и в то же время практически все оправдать как не наносящее значительного ущерба. Не следует недооценивать значения слова «значительный».

Я заметил, что шесть толстых тетрадей с подписями вряд ли можно считать незначительными. Сэр Хамфри предложил мне заглянуть в них. Я последовал его совету и, к своему глубочайшему изумлению, увидел, что в каждой из них не более пятнадцати подписей — всего около сотни. Ловко задумано, ничего не скажешь: петиция в шести толстых тетрадах впечатляет куда больше нескольких листков с кучкой имен.

Шумиха вокруг этих барсуков принесет нам немало хлопот.

Мой постоянный заместитель, оказывается, уже распорядился подготовить специальный пресс-выпуск, в котором говорится, что упомянутой рожице практически ничего не угрожает — просто проводится обычная перерегистрация, что барсуки в избытке распространены по всему Урвикширу, что между барсуками и бруцеллезом обнаружена определенная взаимосвязь и что, как уже было официально заявлено общественности, местной экологии и достопримечательностям не будет нанесен «значительный ущерб».

Мы вызвали нашего пресс-секретаря, и он согласился с сэром Хамфри, что этот вопрос вряд ли вызовет интерес «большой прессы», за исключением разве только «Гардиан». Да и та, скорее всего, даст буквально несколько строк. Мы все пришли к единодушному выводу: за сохранность сельского пейзажа ратуют в основном городские интеллектуалы из среднего класса. Еще бы, им ведь там не жить. О деревенском пейзаже они предпочитают читать. По мнению Бернарда, их протест исходит не столько от

Тора*, сколько от приверженности к Торо**. Честно говоря, его каламбуры начинают меня утомлять.

Итак, мы, к взаимному удовлетворению, решили проблему животного мира. И я собрался поднять действительно принципиальный вопрос: почему мне не сообщили всех имеющих отношение к делу фактов до того, как я выступил в парламенте?

Объяснение сэра Хамфри меня, попросту говоря, ошеломило.

— Господин министр, — вкрадчиво начал он, — есть мнение, причем, на мой взгляд, весьма логичное, что иногда министру лучше не знать некоторых вещей...

Я не поверил своим ушам. Но, оказывается, это было еще не все.

— Господин министр, — ележным голосом продолжил он, — ваши ответы в парламенте и на пресс-конференции превзошли все ожидания. Вы были сами убеждены в своей правоте, и потому слова ваши звучали на редкость убедительно. А теперь скажите откровенно: могли бы вы говорить с той же страстностью и убежденностью, если бы эти чокнутые экологи травили вас, как барсука?

Столь беспардонное выражение своего права держать меня, народного избранника, в неведении (не говоря уж об этом ужасном каламбуре с барсучьей травлей, который — допускаю — мог быть и непреднамеренным, хотя Хамфри никогда не упустит случая показать свое остроумие) глубоко меня потрясло.

— Это чудовищно! — заявил я ему.

Но он настаивал на том, что делается это исключительно в моих интересах (лицемернее довода я в жизни своей не слышал!). Я категорически указал ему на абсолютную недопустимость подобных действий и потребовал, чтобы они больше никогда не повторялись.

Причем я твердо намерен проследить за этим.

16 февраля

Всю минувшую неделю мы с Фрэнком Визелом работали над планом реорганизации министерства. Одним из ключевых элементов реорганизации должна быть регулярная отчетность служащих всех рангов непосредственно министру, то есть мне.

Сегодня я попытался объяснить суть новой системы сэру Хамфри, но тот и слушать не пожелал.

Перебив меня, он заявил, что хочет высказать кое-какие соображения «по существу», но, возможно, они не совсем придутся мне по вкусу. Нашел чем удивить!

* Тор — в древнескандинавской мифологии бог грома и молнии, покровитель земледельцев.

** Торо Генри Дэйвид (1817—1862) — известный американский писатель, мыслитель. Философская проза «Уолден, или Жизнь в лесу» — романтическая робинзоида о жизни человека в мире природы как возможности спасения личности от современного «общества потребления».

По чистой случайности я забыл выключить диктофон, так что «выступление» сэра Хамфри оказалось записанным на пленку — для потомков. Вот что он сказал, слово в слово:

«Господин министр, распределение служебных обязанностей в нашем ведомстве традиционно сложилось таким образом, чтобы освободить нашего повелителя от мелочных забот, поручив их тем, кто специально подготовлен для исполнения этих второстепенных обязанностей, давая возможность ему, политическому владыке, заниматься вопросами глобальной теории и погружаться в глубины истинного созидания, неотъемлемого от его возвышенного положения».

Ну и почему это должно быть мне не по вкусу? Если Хамфри ожидал, что его выпренная тирада меня расстроит, то он ошибся. Как можно расстроиться, не поняв из сказанного ни слова?

Я снова, вот уже в который раз, попросил его повторить то же самое на нормальном английском. Он снова, вот уже в который раз, искренне удивился моей просьбе, будучи вполне убежден, что излагает свои мысли предельно ясно.

Тем не менее он призадумался, а затем, очевидно, решил высказать свою мысль одной фразой:

— Вы здесь не для того, чтобы управлять министерством.

Вначале я опешил. Затем, собравшись с мыслями, ответил, что и я, и проголосовавшая за меня общественность думаем иначе.

— При всем уважении к вам, господин министр, — начал он, и я с трудом удержался, чтобы не съездить ему по зубам, — и вы, и общественность заблуждаетесь.

Из его дальнейших объяснений следовало, что управлять министерством должен он, а мое дело — заниматься политическими вопросами, проводить законопроекты через парламент и — что самое главное — добиваться в кабинете неуклонного увеличения бюджета министерства.

— Хамфри, иногда у меня складывается впечатление, что, кроме бюджета, вас ничего не интересует, — сказал я ему.

— Бюджет, господин министр, — вещь достаточно важная, — не без язвительности ответил он. — Если о нем не заботиться, то в конце концов можно остаться с таким маленьким министерством, которым смог бы управлять и министр.

Наглец! Да как он смеет!

Впрочем, честно говоря, меня его слова не очень-то задели. На этот раз я убежден в своей правоте.

— Хамфри, — сурово произнес я, — следует ли мне понимать ваши слова как свидетельство принципиальных расхождений между нами в вопросе об основах демократии?

Он тут же пошел на попятную, как, впрочем, бывает всегда, когда по нему бьют из главного калибра.

— Ну что вы, господин министр, — елейным голосом (ни

дать ни взять диккенсовский Урия Гип) возразил он, — мы всего лишь определяем позиции. Я только хотел сказать, что серая рутина управления министерством вас недостойна. Вы созданы для более великих свершений.

Его лесть, само собой разумеется, не произвела на меня никакого впечатления. Я потребовал не слов, а дел, энергичных и немедленных действий. В конце концов Хамфри согласился просмотреть мой проект реорганизации министерства. Обещал даже сделать все возможное для его скорейшего претворения в жизнь. Намерен был создать авторитетную комиссию для тщательного изучения вопроса, чтобы в дальнейшем мы могли принимать правильные решения, основанные на долгосрочных программах. Сэр Хамфри считал, что такой подход и солидней, и перспективней, чем скоропалительные действия, которые к тому же могут иметь непредсказуемые последствия. Ну что ж, меня это вполне устраивает: он согласился с необходимостью широкомасштабных перемен. Теперь проблема только в том, как разумнее их осуществить.

На прощание я еще раз четко и недвусмысленно дал ему понять, что больше никогда не желаю слышать фразу: «Есть вещи, которые министру лучше не знать».

20 февраля

Сегодня суббота, и я провел ее дома, в своем избирательном округе.

Меня очень беспокоит Люси (*восемнадцатилетняя дочь Хэкера. — Ред.*). Ее выходы временами переходят все допустимые границы. Очевидно, здесь есть доля и моей вины. Из-за страшной занятости я последние несколько лет не имел возможности уделять ей достаточно внимания. Наверное, совсем не случайно у моих преуспевающих коллег по парламенту крайне редко все благополучно в семьях, не говоря уж об отношениях со взрослыми детьми, от которых только и жди очередного фортеля...

Но не могу же я быть виноватым во всем один! Какая-то доля вины лежит и на ней самой! Несомненно!

Домой Люси вернулась только под утро, поэтому к завтраку спустилась, когда мы с Энни уже садились обедать. Увидев на столе развернутую «Мейл», она скорчила гримасу отвращения — уверен, только потому, что это не «Социалистический рабочий» или «Правда».

Я еще утром просмотрел все газеты. К немалому своему огорчению, на второй странице «Гардиан» наткнулся на отвратительный заголовок: «ХЭКЕР — БАРСУЧИЙ ПАЛАЧ!»

«...Хэкер признал, что лишение Хейуард-Спинни охранного статуса может означать конец местной колонии барсуков.

По словам представителя Общества охраны британской фауны, "Хэкер подписал барсукам смертный приговор"».

Тенденциозная, злонамеренная статейка в духе слезливых либералов. Впрочем, ничего удивительного: каждая газета потакает вкусам своих подписчиков.

Я тактично удержался от слов «добрый день», когда Люси подошла к столу, равно как от шутки о лежащей забастовке, услышав от нее, что она «немножко проспала».

Однако все-таки поинтересовался, почему она заявила домой только под утро. И знаете, какой последовал ответ?

— Есть вещи, которые отцу лучше не знать!

— Замолчи сейчас же! — стукнул я кулаком по столу, чем, кажется, очень ее озадачил.

Люси объяснила, что задержалась из-за троцов. Я забеспокоился и даже хотел порекомендовать ей обратиться к врачу, как вдруг понял: она имела в виду троцкистов. До меня не сразу дошло, так как я не знал, что она теперь троцкистка. В последний раз, когда мы беседовали, она была маоисткой.

— Питер тоже троц, — заявила она.

— Питер? — Это имя ничего мне не говорило.

— Естественно, ты и видел-то его всего раз пятнадцать, — произнесла она ядовито. Такой тон восемнадцатилетние девушки специально прибегают для своих отцов.

После обеда Энни, хотя и видела, что я собираюсь заняться красными кейсами, попросила меня сходить с ней в универсам, а затем прочистить засорившуюся кухонную раковину и подстричь газон. Не без некоторого раздражения попытался объяснить ей про кейсы, но она безапелляционно заявила, что они могут и подождать.

— Энни, — с упреком сказал я, — надеюсь, ты еще не забыла, что твой муж — министр Ее Величества... член кабинета Ее Величества... и что он занимается довольно важными делами...

Как ни странно, мои доводы не оказали на Энни никакого воздействия. По ее словам, в моем распоряжении двадцать три тысячи подчиненных, в то время как у нее ни одного.

— Ты можешь поиграть со своими бумажками попозже, — заявила она, — а раковину надо прочистить сейчас.

Я не успел ничего ответить, так как в этот момент Люси, потянувшись через стол за мармеладом, уронила его с ножа... прямо на мои бумаги. Я попытался соскрести его, но в результате размазал по всем листам.

Попросил Люси побыстрее сходить за тряпкой — достаточно необременительная просьба — и... был просто шокирован последовавшим за этим взрывом.

— Сходи сам! — прорычала она, сжав кулачки. — Не забывай, ты не в Уайтхолле... «Да, господин министр... Слушаюсь, господин министр... Позвольте мне вылизать вам башмаки, господин министр...»

Я лишился дара речи. Энни встала на мою защиту, хотя и не так решительно, как я был вправе от нее ожидать.

- Люси, дорогая, — произнесла она с легким упреком, — ты не справедлива. Эти государственные служащие только делают вид, будто готовы ходить перед нашим папочкой на задних лапках, а вообще-то они не обращают на него никакого внимания.

Ну, это уж слишком! Я объяснил Энни, что не далее как два дня назад я одержал значительную победу над своими подчиненными, и в доказательство многозначительно кивнул на пять набигих доверху кейсов.

Странно, ее это почему-то не убедило.

- Какое-то время ты действительно был хозяином положения, но сейчас сэр Хамфри и компания снова задавили тебя, — этрезала она.

— Ты не понимаешь самого главного, — возразил я. — Хамфри изо всех сил старается убедить меня, что «есть вещи, которые министру лучше не знать». Это означает, что он, скорее всего, скрывает или хочет скрыть от меня информацию. Возможно, очень важную. Теперь же, по моему настоянию, я буду получать детальную информацию обо всем, что происходит в моем министерстве.

Однако ее ответ заставил меня взглянуть на ситуацию другими глазами. Улыбнувшись своей доброй, полной сочувствия и желания помочь улыбкой, она сказала:

— И как только тебя сделали министром? Не понимаю. Ты ведь такой дурашка.

Я снова раскрыл рот от изумления. А она продолжала:

— Неужели ты не видишь, что играешь им на руку? Он должен плясать от радости. Ты позволил ему затопить себя потоком бесполезной, второстепенной ерунды!

Неужели она права? «Энни зря говорить не будет», — молнией мелькнула в голове мысль. Я бросился к красным кейсам. Точно! Прогнозы, техническая документация, стенограммы различных заседаний, заявки на канцелярские товары... Бумажный хлам!

Все, как в «Уловке-22». Мерзавцы! Они либо дают мало информации и из нее не выудишь никаких фактов, либо заваливают ею настолько, что их там просто невозможно найти.

Бороться с ними бесполезно. Мы приходим и уходим, а они остаются.

21 февраля

Существует точка зрения, что резкие перепады в каждодневной жизни министра Ее Величества помогают ему тверже стоять на грешной земле и постоянно ощущать свою связь с народом. Лично меня эти перепады делают психом.

В течение рабочей недели меня оберегают, холят и лелеют. Любое мое пожелание сопровождается соответствующим распоряжением (конечно, не в отношении действительно важных, серьезных вопросов, а в смысле множества рутинных, будничных мело-

чей). За меня отвечают на деловые письма и телефонные звонки, мое мнение спрашивают по любому поводу, меня везде возят на служебном лимузине, обслуживают и прислуживают и вообще носятся со мной как дурень с писаной торбой.

Увы, все это происходит только в служебное время и касается только моих министерских обязанностей. Для партийных или, скажем, общественных дел в министерстве палец о палец не ударят. Если мне надо побывать на партийном митинге, добираюсь я туда своим ходом, на рейсовом автобусе. Если еду в свой округ на встречу с избирателями, меня не сопровождает ни один из моих многочисленных помощников. Написав выступление для партийного центра, я никогда не могу найти машинистку. Иными словами, пять дней в неделю меня оберегают, как бесценную антикварную вазу, а в субботу и воскресенье я вынужден перестраиваться: стирать белье, прочищать засорившуюся раковину, подстригать газоны и т. д., и т. п.

Вот и в эту пятницу я, как всегда, добрался до дома вечерним поездом, а пять красных кейсов в субботу утром доставили на служебной машине!

Ночью практически не сомкнул глаз. Из головы не выходили слова Энни. Утром совершенно разбитый спустился к завтраку и, к удивлению, увидел за столом свою дочь (это в такую-то рань!), с воинственным видом читавшую статью о барсуках во вчерашней «Гардиан».

Оказывается, Люси поджидала именно меня.

— Тут о тебе написано, папочка, — язвительно заметила она. Я ответил, что знаю, но она все равно с выражением прочитала: «Хэкер — барсучий палач!»

— Папа ее уже видел, дорогая, — поддержала меня Энни.

Но Люси, пропустив замечание матери мимо ушей, громко зачитала мне всю статью, от первого до последнего слова. Я сказал, что все это чепуха. Выеденного яйца не стоит. Она не поверила. Тогда я решил все ей растолковать.

— Во-первых, я не барсучий палач. Во-вторых, барсукам абсолютно не грозит вымирание. В-третьих, отсутствие охранного статуса отнюдь не означает, что барсуков будут истреблять. В-четвертых, если ради тотального плана спасения экологического наследия Англии требуется пожертвовать несколькими барсуками -какой может быть разговор!

Увы, я не учел того обстоятельства, что словосочетание «тотальный план» почти всегда плохо воспринимается, особенно поколением, выросшим на послевоенных фильмах.

— Тоталь план, майн фюрер! — Моя дорогая дочка вскинула руку в нацистском приветствии. — Конешный цел оправдывайт средства!

Люси, по-моему, делает из мухи слона, не говоря уже о том, что в устах ярой поклонницы «чокнутых леваков» откровенно абсурдно звучат обвинения в чьем-либо еще пристрастии к тезису

«цель оправдывает средства» (в который я лично не верю, во всяком случае, не на сто процентов).

— Еще бы, у барсуков ведь нет права голоса!

Что это за многозначительные высказывания? Я не совсем понял, куда она клонит.

— Очень просто. Если бы барсуки пользовались избирательным правом, ты бы и не подумал их истреблять. Упаси боже! Ты бы месяцами не вылезал из Хейуард-Спинни, пожимал бы им лапы и облизывал их барсучат. Ха! Уж ты-то умеешь втереться в доверие.

Втереться в доверие к собственной дочери мне, надо полагать, не удалось.

— Люси, — снова вмешалась Энни, но, на мой взгляд, без должной строгости, — так с отцом не говорят!

— Но это же правда! — не уступала Люси.

— Да-а, правда, но... видишь ли, наш папочка занимается политикой. Ему по статусу положено втираться в доверие.

Благодарю покорно.

— Этому надо положить конец! — заявила Люси.

Новое дело: сперва обвинила, а теперь еще будет меня учить!

— Опоздала, дорогая, — не без злорадства ухмыльнулся я. — Решение принято.

— Я его отменю, — отрезала она.

Вот глупышка!

— Отлично, — сказал я. — Это совсем нетрудно: добейся своего выдвижения в кандидаты, победи на всеобщих выборах, завоей авторитет как заднескамеечник, пусть тебя назначат министром и... отменишь закон. Только и всего. Никаких проблем. Правда, барсукам придется немного подождать...

Она пулей вылетела из дома и вернулась, слава богу, только вечером.

(Тем временем Бернарда Вули все больше мучили угрызения совести: ему было неловко скрывать факты от своего министра. Он никак не мог приучить себя к мысли, что фраза «есть вещи, которых министру лучше не знать» является основной гарантией для безопасности государственной службы. Кончилось тем, что он направил сэру Хамфри записку с просьбой объяснить, почему господину министру не следует знать то, что он хочет знать. Ничего не приводит ответ сэра Хамфри. — Ред.)

«Б. В.!

Этой страной управляют министры, принимающие решения на основе альтернативных предложений, подготовленных для них нами. Располагая полной информацией, они могли бы придумывать новые варианты, причем далеко не все из них соответствовали бы интересам общества. Более того, им, чего доброго, взбредет в голову выдвигать собственные планы, а не выбирать из двух-трех, предлагаемых нами. До тех пор, пока этим занимается государственная служба, мы имеем

возможность подводить министров к правильным решениям. Мы не настолько глупы или наивны, чтобы поверить в существование одного-единственного правильного решения какой-либо проблемы. Поэтому подводить министра к тому, что у нас принято считать «здоровым смыслом», — наш гражданский долг. Эффективность нашей работы зависит от умелого использования ряда ключевых слов, благодаря которым предлагаемая альтернатива выглядит намного привлекательней.

Министры, как правило, принимают предложения, в которых употребляются слова «простой», «быстрый», «популярный» и «не требующий затрат».

Министры, как правило, отвергают предложения, содержащие слова «сложный», «длительный», «дорогостоящий» и «противоречивый».

Кроме того, если вы хотите, чтобы министр наверняка отверг ваше предложение, употребите слово «дерзновенный».

Запомните: только благодаря такому подходу к взаимоотношениям государственной службы с министрами Британия и стала тем, что она есть.

Х. Э.»

(По нашему мнению, особое внимание в приведенной инструкции сэра Хамфри следует обратить на лексический отбор. Например, словосочетание «здоровый смысл», по-видимому, означает линию поведения, которой государственная служба могла придерживаться, не вызывая чрезмерного недовольства политической партии, находящейся у власти в данный момент. Слово «дерзновенный» употреблено в более неприемлемом смысле, чем «противоречивый»: последнее надо понимать только как «вы потеряете часть голосов», в то время как первое — «вы проиграете на выборах». — Ред.)

22 февраля

«Дорогой папочка!

Завтра мы с Питером, моим соучеником и любовником, проведем 24-часовую демонстрацию протеста в Хейуард-Спинни под девизом «Спасите барсуков!»

Демонстрация будет проводиться в голом виде.

Если до пяти часов завтрашнего дня мы не получим достаточно надежного заверения в том, что барсукам будет возвращен охранный статус, мы проинформируем о нашей акции представителей прессы.

Намеченная на 18.00 пресс-конференция будет также проводиться в голом виде.

Люси Хэкер».

(Это письмо Бернард Вули обнаружил утром 22 февраля, когда разбирал почту Хэкера. На конверте было написано «Папочке». Однако в соответствии с действующими правилами личные секретари вскрывают любые письма, вплоть до совершенно секретных, кроме тех, на которых имеется надпись «Лично». Такой надписи на письме не было. — Ред.)

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

Вторая половина дня сегодня, казалось, будет тянуться вечно. Честно говоря, я полагал, что в общем и целом мне удалось преодолеть крутые зигзаги капризной фортуны. Но сегодня мне пришлось пережить один из самых мрачных эпизодов моей полигической карьеры. Впрочем, лучше изложить все по порядку. Вначале мне испортила настроение нелепая карикатура в «Стэн-дарт».

ХЭКЕР — БАРСУЧИЙ ПАЛАЧ!

Затем, едва я вернулся с заседания кабинета, ко мне как-то неуверенно вошли сэр Хамфри и Бернارد. Вид у них был крайне озабоченный.

— Случилось что-нибудь из ряда вон выходящее? — поинтересовался я.

— Э-э... легкое недоразумение, — уклончиво ответил сэр Хамфри.

— Насколько легкое?

Он, как всегда, пустился в пространные объяснения. Дескать, он не хотел бы сеять ненужные страхи и рисовать картину в более мрачных тонах, чем она того заслуживает, но вместе с тем...

и так далее, и тому подобное. Я попросил его не тянуть и добавил, что готов грудью встретить любую опасность...

— Боюсь, не самое удачное словосочетание в данной ситуации, — загадочно пробормотал сэр Хамфри.

Я по-прежнему не имел ни малейшего представления, о чем пойдет разговор, а Хамфри проявлял какую-то странную нерешительность. Наконец он выдавил из себя, что одна студентка и ее приятель намерены устроить в Хейуард-Спинни 24-часовую демонстрацию протеста. Я не нашел в этом сообщении ничего угрожающего: подумаешь, два молодых шалопаи пытаются — уверен, без малейшего шанса на успех — привлечь к себе внимание!

Не только не нашел, но и, как последний идиот, сказал об этом! (Если я чему и научился сегодня, так это не стрелять влет. Надо выждать, пока прояснится картина, а уж потом бить наверняка.)

Но в тот момент меня, как назло, обуял приступ словесного недержания.

— Кого это волнует?! — взял я с места в карьер. — Эти студенты всем уже надоели. Им просто хочется выставить себя напоказ...

— В данном случае, — заметил сэр Хамфри, наконец-то открывая завесу таинственности, — похоже, им есть что выставить: демонстрация будет проводиться в голом виде.

В голом виде? Это меняет дело. Такая акция безусловно привлечет к себе внимание и почти наверняка попадет на первые страницы бульварных газетенок. Но поскольку сэр Хамфри — теперь остается только сожалеть — описал мне не всю картину, я продолжал в том же духе, каждым словом ставя себя в еще более дурацкое положение.

— В этих студентов словно вселился какой-то бес. Ужасно! Ни стыда, ни совести! И в этом виноваты прежде всего их родители. Не занимаются воспитанием, позволяют им шалопайничать, вбивают в голову всякую обывательскую дребедень о несовершенстве существующего строя...

Заодно я не упустил возможности подчеркнуть, что падение нравов и рост анархических настроений среди современной молодежи — прямое обвинение родительской беспечности и нежеланию всерьез заниматься собственными детьми.

Только тогда Хамфри соизволил открыть мне, что упомянутую студентку зовут мисс Хэкер. На мгновение я растерялся. Подумал: простое совпадение. Однако вскоре до меня дошел смысл сказанного. Должен сознаться, большим дураком я себя не чувствовал за всю свою жизнь. Уверен (почти уверен), Хамфри не хотел уж так меня унижить. И тем не менее преуспел в этом. Когда-нибудь он мне заплатит сполна!

С трудом выйдя из тяжелого нокдауна, я выразил надежду, что, возможно, из-за такого пустяка представители прессы не

помчатся сломя голову в богом забытый Уорвикшир. Но, даже не закончив мысли, понял, что говорю абсолютную глупость. Ради такого случая газетчики понесутся сломя голову даже на Южный полюс.

Сэр Хамфри и Бернард — в их глазах читалось искреннее сочувствие — вручили мне письмо.

Я сразу же отметил: Люси намерена пригласить прессу на пять часов. Профессиональный ход. Информация не поспевает в вечерние газеты, которые все равно никто не читает, зато попадает в утренние и дневные! Все-таки быть дочерью политика что-нибудь да значит.

Затем Бернард счел своим долгом предупредить меня, что через десять минут Люси будет звонить из автомата.

Я спросил, нельзя ли как-нибудь уладить это дело. Ответом было гробовое молчание.

— Ну предложите же что-нибудь! — не выдержав, потребовал я.

— Может, применить немножко отцовской власти? — посоветовал мой постоянный заместитель.

На что я посоветовал ему не говорить глупостей.

— А если убедить ее прислушаться к голосу разума? — с надеждой спросил мой личный секретарь.

Объяснил ему, что Люси — будущий социолог.

— А-а, понятно, — погрустнел он.

Последовала очередная долгая пауза. Затем я предложил прибегнуть к помощи полиции.

Хамфри покачал головой и тут же сочинил неизбежный газетный заголовок: «МИНИСТР НАТРАВЛИВАЕТ ПОЛИЦИЮ НА СВОЮ ГОЛУЮ ДОЧЬ!»

— Я не уверен, что это лучший способ уладить дело, господин министр, — добавил он.

Мы погрузились в трагическое молчание, изредка прерываемое печальными вздохами. Вдруг Хамфри встрепенулся.

— А что если...

— Что? — с надеждой откликнулся я.

— А что если повнимательней взглянуть на досье?

Я до сих пор со стыдом вспоминаю, как, потеряв над собой контроль, закричал:

— Великолепно! Великолепно, черт побери! И за это вы получаете больше тридцати тысяч в год?! Моя дочь вот-вот появится, в чем мать родила, на первой полосе «Сан» и тому подобных газетенки, а вы только и думаете о своих паршивых досье! Потрясающе!

— И все же... — сказал Хамфри, выждав, пока я закончу.

— Досье там.

Бернард кивнул в сторону своего кабинета, и Хамфри решительно направился туда, уже не слушая моих воплей. Мы с Бернардом растерянно взглянули друг на друга.

— Интересно, какой план предпочтут они во всем этом деле, — как бы про себя произнес я.

— Надо полагать, самый широкий... О, простите, господин министр, я не сразу понял, что вы имеете в виду, — поспешил извиниться Бернард, видя, что я снова готов взорваться.

В тот момент я мог думать только о насмешках и издевках со стороны оппозиции, когда опять настанет мой черед отвечать на вопросы в парламенте: «Не желает ли гордый отец сделать заявление?», «Не слишком ли выставляют себя напоказ члены семьи господина министра?», «Не пытался ли господин министр как-то замазать скандал, устроенный его дочерью?» или даже: «Руководит ли господин министр вверенным ему ведомством с тем же успехом, как воспитанием своего потомства?»

Последний вопрос — моя ахиллесова пята. Я поделился своими страхами с Бернардом. И не без горечи добавил: теперь он, вероятно, посоветует мне поведать миру и парламенту, что министерством руковожу не я, а сэр Хамфри.

Бернарда, как мне показалось, подобное предположение возмутило.

— Что вы, господин министр! — с жаром воскликнул он. — Ведь я ваш личный секретарь!

— Вы хотите сказать, — недоверчиво спросил я, — что, когда настанет время гасить свечи, вы примете мою сторону, а не сэра Хамфри?

— Господин министр, моя работа в том и заключается, чтобы свечи не надо было гасить, — просто ответил Бернард.

(Довольно точное определение основной функции личного секретаря. — Ред.)

В этот момент зазвонил телефон. Люси! Я схватил трубку и попытался было все обратить в шутку:

— Получил твое письмоцо и, знаешь, чуть не купился... По думал: ты это серьезно...

Я заранее понимал тщетность этой жалкой потуги.

— Это более чем серьезно, — отчеканила она. — После разговора с тобой мы с Питером звоним в «Эксчейндж телеграф» и «Пресс ассошиэйшн». Затем сразу же отправляемся в Спинни.

Тогда я стал бить на дочерние чувства. Умолял подумать о возможных последствиях для меня. Но Люси холодно возразила, что под угрозой истребления находятся барсуки, а не я.

Вот тут она ошибается. Под угрозой — моя блестящая карьера!

Так или иначе, ясно было одно: Люси не откажется от своей дурацкой затеи. В этот момент в кабинет с папкой в руках вбежал — именно вбежал (кстати, я и не предполагал, что он умеет бегать) — сэр Хамфри и, бормоча что-то о новых данных, попросил разрешения поговорить с Люси.

Он взял трубку, открыл досье и сказал:

— Мисс Хэкер, мне только что передали последний отчет

Государственной инспекции по заповедникам, и, если верить ему, вся эта история предстает совершенно в ином свете...

Из объяснений сэра Хамфри следовало, что в Хейуард-Спинни вообще нет никакой колонии барсуков. В отчете черным по белому написано: «Последние свидетельства обитания барсуков — помет, свежеврытые норки и тому подобное — были зарегистрированы в лесопарке одиннадцать лет назад...»

Ошеломленная Люси — мы с Бернардом были поражены не меньше — спросила, почему же тогда газета утверждает, что они там есть. Сэр Хамфри объяснил, что, по-видимому, утечку информации о бедных барсуках организовал один предприимчивый земельный спекулянт.

Без колебаний поверив моему постоянному заместителю (что, впрочем, не удивительно, ибо все троцкисты непоколебимо убеждены: земельные спекулянты являются наместниками сатаны на земле), Люси пожелала узнать подробности.

— Местные власти собираются построить в Спинни колледж, а упомянутый спекулянт хочет скупить лесопарк под учреждения и роскошные особняки.

— Но ведь он не сможет этого сделать, если у Спинни останется охранный статус, — резонно заметила Люси.

— Да, не сможет, — согласился сэр Хамфри. — Но он прекрасно знает, что Совету в таком случае придется потратить выделенные средства на другой проект. Спекулянт же подождет годик или чуть больше, потом докажет, что барсуков там нет, добьется снятия охранный статуса и преспокойно получит Спинни под свои особняки.

Продолжительное молчание в трубке свидетельствовало о том, что Люси потрясена. А сэр Хамфри невозмутимо продолжал:

— Обычная практика. Отвратительно, не правда ли?

Вот уж не думал, что мой постоянный заместитель так не любит земельных спекулянтов. Мне даже казалось, он относится к ним с известной долей симпатии.

Затем Люси спросила, имеется ли в Хейуард-Спинни хоть какая-нибудь фауна.

— Есть кое-кто, — ответил сэр Хамфри, заглянув в досье. — Судя по документам, там расположена городская свалка, а значит, в изобилии водятся крысы.

— Крысы... — внезапно осипшим голосом повторила Люси. (Моя дочь до ужаса боится крыс.)

— Да, десятки тысяч крыс, — подтвердил сэр Хамфри и великодушно добавил: — Ведь они в своем роде тоже фауна... — Он сделал многозначительную паузу и, как бы советуясь, спросил: — Было бы обидно ненароком сыграть на руку этому спекулянту, как вы думаете?

— Я думаю, да, — растерянно согласилась она. И я понял: демонстрация под лозунгом «Спасите барсуков!» отменяется.

В заключение сэр Хамфри задушевнейшим голосом (лицемер!) произнес:

— Вместе с тем позвольте мне выразить свое искреннее уважение вашим взглядам и готовности отстаивать их до конца.

Она не выразила никакого желая поговорить со мной — просто попрощалась с сэром Хамфри и повесила трубку. Кризис миновал так же внезапно, как и возник. Демонстрация в голом виде перед крысами (не говоря уж о журналистах) явно Люси уже не привлекала.

Я был безгранично признателен сэру Хамфри.

— Я тут ни при чем, — скромно ответил он. — Это все досье. Заинтересовавшись личностью этого предприимчивого земельного спекулянта — каков хитрец! — я попросил Хамфри показать мне досье.

К моему удивлению, он отвел взгляд и в своей излюбленной уклончивой манере ответил, что вряд ли мне будет это интересно. Но я настаивал. Тогда он спрятал папку за спину, словно провинившийся школяр.

Будто по наитию, я спросил, насколько правдива история, которую он рассказал моей дочери. Хамфри сделал вид, что не понимает вопроса. Я повторил его.

Он пристально посмотрел мне в глаза и, тщательно подбирая слова, сказал:

— Господин министр, вы действительно хотите, чтобы я ответил? Только, ради бога, не спешите говорить «да».

Это был хороший вопрос. Очень хороший вопрос. Даже если мои подозрения на сто процентов верны, знание правды мне не сулило никаких выгод, в то время как потери были бы колоссальны. Мне поневоле пришлось бы лгать собственной дочери, а этого я никогда не делал и делать не намерен.

— Нет, — ответил я, хорошенько подумав. — Э-э... Хамфри, пожалуйста, не затрудняйте себя ответом.

— Я так и предполагал, — самодовольно отозвался он. — Позвольте мне только еще раз заметить вам, что все-таки есть вещи, которых министру лучше не знать.

ТЕПЛЫЕ МЕСТЕЧКИ ДЛЯ СВОИХ ПАРНЕЙ

(В самом начале марта Джим Хэкер оказался на волосок от скандала, который мог бы серьезно пошатнуть положение правительства и означал бы бесславный и преждевременный конец политической карьеры самого Хэкера. По иронии судьбы, ему как министру пришлось бы нести всю тяжесть ответственности за происшедшие события, хотя он не имел к ним ни прямого, ни косвенного отношения. — Ред.)

2 марта

В офис приехал сегодня в прекрасном настроении. Дома проработал все красные кейсы — чувствую, что наконец полностью овладеваю ситуацией. Вчера уверенно отвечал на парламентские вопросы. Вечером на приеме произнес блестящую речь. А завтра готовлюсь выступить по радио. Великолепная реклама! Благодаря принципиальной позиции, которую я занимаю в последнее время, меня, похоже, начинают ценить.

Спросил Бернарда о теме предстоящего выступления. Оказалось — партнерство в промышленности. А я думал — что-то связанное с НАТО. Впрочем, это ведь тоже партнерство.

В обсуждении, как всегда, примут участие один политический деятель, один предприниматель и один тред-юнионист.

Я обратил внимание на то, что от профсоюзов будет выступать Джо Морган, ранее представлявший БКТ (*Британский конгресс тред-юнионов. — Ред.*) на переговорах по «Солихаллу». Отлично! Значит, можно будет поподробней рассказать избирателям об этом проекте.

Как ни странно, но мое намерение, казавшееся мне бесспорным, вызвало серьезную озабоченность сэра Хамфри.

— Господин министр, вы действительно собираетесь говорить о «Солихалле»? — спросил он.

— Естественно! — воскликнул я. — «Солихалл» — блестящий пример успешного сотрудничества правительства и частного капитала!

— Почему вы так считаете? — поинтересовался он.

Сначала я не знал, что ответить. Затем вспомнил.

— Потому что вы сами так говорили. Вы что, изменили свое мнение?

— Нет, не изменил, — с расстановкой произнес он. — Но... было бы... э-э... целесообразнее, если бы вы постарались избежать каких-либо ссылок на «Солихалл» в своем выступлении по национальному радиовещанию...

— Но отчего?

Он считал это преждевременным. Как так? Работа над проектом началась шесть месяцев назад, и вряд ли его можно назвать преждевременным.

— Точнее, устаревшим, — поправился он.

Впрочем, мой постоянный заместитель тут же исправил эту нелепость. Оказывается, он хотел сказать «несвоевременным».

— Почему? — снова спросил я.

— По-моему... э-э... вам не кажется, что широкой публике это будет просто неинтересно?

Вот еще! «Солихалл» — блестящая иллюстрация реального партнерства в промышленности. Причем именно сейчас. Наоборот, исключительно интересно! Так я ему и сказал.

Хамфри занервничал.

— Совершенно верно, господин министр, — неожиданно согласился он. — Но все это настолько интересно, что может увести в сторону от главной мысли вашего выступления.

— А в чем состоит моя главная мысль? — Я, как ни странно, почему-то напрочь о ней забыл.

Оказалось, Хамфри тоже не имеет об этом ни малейшего представления.

— В чем состоит главная мысль господина министра? — повернулся он к Бернаруду.

— В том, что государственные средства повышают степень социальной ответственности частного сектора, а частные инвестиции — эффективность государственных предприятий, — с готовностью напомнил нам Бернард.

Точно. Именно эту мысль я и хотел донести до сограждан. И ссылка на «Солихалл», без сомнения, прекрасно ее проиллюстрирует. Хамфри — просто занудливый скептик. Сам ни во что не верит и других расхолаживает.

Я не ошибся. Хамфри остался непоколебим.

— Господин министр, — он упорно стоял на своем, — я серьезнейшим образом рекомендую вам не упоминать о «Солихалле» в завтрашнем выступлении.

Я снова спросил почему. Он снова ушел от прямого ответа. Впрочем, я уже догадался.

— Уж не собираетесь ли вы присвоить себе лавры за этот проект на ближайшей Европейской конференции государственных служащих? — холодно поинтересовался я. — Она состоится, если мне не изменяет память, через месяц?

- Простите? — вопросительно наморщил лоб сэр Хамфри. Иными словами, он и не отрицал этого! Нет, так это оставлять нельзя. Хамфри надо поставить на место!

- Ваше выступление на конференции получит широкое освещение, не так ли, Хамфри? Так вот, позвольте мне раскрыть вам глаза на кое-какие бесспорные вещи. Ответственность перед страной в конечном счете всегда несут политические деятели. Это нам принадлежит честь пожинать лавры, нам, а не государственным служащим!

Хамфри прервал меня заверениями, что он будет только рад, если все лавры достанутся мне, но... только не завтра. Лицемер! Я не поддался на его уловку.

- Хамфри, вам не удастся меня провести. «Солихалл» - вещь стоящая, я это чувствую нутром. И не намерен делиться политическим капиталом с кем бы то ни было.

(Хэкер глубоко заблуждался. У сэра Хамфри Элби были все основания желать, чтобы проект «Солихалл» вообще нигде не упоминался. В тот же вечер Бернард Вули, в отличие от Хэкера почувствовавший в создавшейся ситуации какую-то заковыку, встретился с сэром Хамфри. — Ред.)

ВСПОМИНАЕТ СЭР БЕРНАРД ВУЛИ:

«...Мне было ясно: сэр Хамфри кого-то покрывает. Я настаивал на своем праве иметь исчерпывающую информацию, поскольку мне казалась абсурдной сама мысль о том, что проект строительства стоимостью семьдесят четыре миллиона фунтов стерлингов, ведущегося на площади девять акров в центре одного из крупнейших городов страны, можно скрыть, как мусор в углу. Даже если метла находится в руках самого Хамфри Элби!

Сэр Хамфри сообщил мне о своем намерении прибегнуть к закону о государственных тайнах. Но мне возможность держать в тайне такой огромный проект представлялась сомнительной.

«Чем больше проект, тем больше тайна», — загадочно ответил сэр Хамфри.

Мне было все-таки непонятно, каким образом «Солихалл» можно подвести под действие закона о государственных тайнах, если о нем знает буквально каждый. Я был молод и неопытен и не понимал простой истины: закон этот нужен для защиты не столько государственных тайн, сколько государственных служащих.

Далее сэр Хамфри объяснил мне: «Поскольку господин министр не интересовался подробностями проекта, значит, он и не хотел о них знать».

Действительно, никогда не обременять министра информацией, о которой он специально не спрашивает, — заведенный порядок государственной службы.

Собрав в кулак все свое мужество, я выпалил, что мне, видно, придется наекнуть господину министру о скандальной подоплеке «Солихалла». Одновременно дал понять сэру Хамфри: будь у меня более полная информация, в этом, возможно, и не было бы необходимости.

Сэру Хамфри, несмотря на явное нежелание, пришлось открыть карты.

Я узнал, что инициатором проекта «Солихалл» являлся не кто иной, как.., сэр Хамфри, выступавший от имени министерства в партнерстве с компанией «Слоан энтерпрайз», интересы которой представлял некий Майкл Брэдди. Произошло это задолго до моего назначения на должность личного секретаря министра.

Через некоторое время по проекту был подготовлен предварительный отчет. В одном из его разделов высказывались сомнения относительно финансовой состоятельности компании «Слоан энтерпрайз» и самого Майкла Брэдди. (*«Сомнения относительно финансовой состоятельности» означает, что Брэдди, скорее всего, был на грани банкротства. — Ред.*) Однако к этому моменту деловые отношения между сэром Хамфри и мистером Брэдди зашли уже так далеко, что об аннулировании проекта не могло быть и речи.

Итак, узнав все, я оказался как бы между двух огней. С одной стороны, я, естественно, не мог сообщить господину министру сведения, доверенные мне в частном порядке господином постоянным заместителем министра. С другой — чувство долга обязывало меня сделать все возможное, чтобы министр не оказался втянутым в эту скандальную историю. В создавшейся ситуации, как мне казалось, единственно правильным решением было попытаться убедить сэра Хамфри.

Я постарался доказать ему, что, если бы господин министр был в курсе истинного положения вещей, у него, безусловно, хватило бы ума не упоминать о «Солихалле» в своем выступлении по радио.

Однако сэр Хамфри, руководствуясь принципиальными соображениями, настаивал, что министрам, как и секретным агентам, никогда не следует знать больше того, что им следует знать. Поскольку их могут захватить в плен и подвергнуть пыткам...

— Террористы? — удивленно спросил я.

— Би-Би-Си, — разъяснил он.

По его мнению, все не так уж безнадежно. Банк еще не принял окончательного решения — объявлять о своем банкротстве или нет, — так что катастрофы может и не быть. На неделе сэр Хамфри должен был встретиться с президентом банка сэром Десмондом Глейзбруком, но до тех пор ни в прессе, ни по радио о «Солихалле» упоминать нельзя.

Меня не на шутку обеспокоила перспектива стать невольным участником явной аферы, и я поделился своими опасениями с сэром Хамфри. Он возразил, что это вовсе не афера, а всего лишь разумная мера предотвращения утечки информации о важнейших деловых операциях, которые пока необходимо хранить в тайне, иначе можно серьезным образом подорвать общественное доверие.

Все обстояло даже хуже, чем я предполагал. Похоже, на нас надвигается что-то вроде Уотергейта. Но сэр Хамфри объяснил, что Уотергейт — это совсем другое дело. Уотергейт произошел в Америке».

4 марта

В сегодняшнем выступлении по радио я с воодушевлением говорил о «Солихалле», но почему-то на душе не совсем спокойно.

По дороге в СЗ (*студия звукозаписи. — Ред.*) поинтересовался у Б. В. (*Бернард Вули. — Ред.*), прав ли я в своих догадках об истинных мотивах упорного нежелания сэра Хамфри услышать в моем выступлении ссылки на «Солихалл». На лице моего личного

секретаря появилась страдальческая мина, и он лишь обреченно покачал головой.

Тогда я спросил его напрямик:

— Почему сэр Хамфри так настойчиво возражает против публичного упоминания о проекте?

Бернард предпочел ответить на вопрос вопросом, то есть не отвечать на него.

— Господин министр, вы не находите, что он привел по меньшей мере шесть весьма убедительных доводов?

— Нет, — ответил я. — А вы находите?

Бернард обошел и этот вопрос.

— Я уверен, сэр Хамфри знает, что делает.

Он-то знает, я в этом не сомневаюсь. Однако неплохо бы и мне знать, что делает сэр Хамфри!

Решил прощупать Бернарда с другой стороны. Зная, что он считает своим долгом сохранять по отношению ко мне лояльность — по-моему, я в этом не ошибаюсь, — попросил его дать мне совет, как поступить в сложившейся ситуации.

В глазах его мелькнуло что-то похожее на ужас.

— Э-э... не мне давать вам советы, господин министр, но если вы настаиваете, то... э-э... посоветовал бы следовать совету сэра Хамфри.

— Почему?

— Видите ли... дело в том, что... э-э... есть некоторые аспекты, которые... при условии достаточно... э-э... трезвого подхода... то есть разумной степени сдержанности, когда того требуют обстоятельства... в силу отсутствия доказательств в пользу противного... если все идет нормально... конечно, учитывая необходимость разумного компромисса... в свое время... э-э... когда настанет нужный момент... э-э...

— Бернард, — перебил я его, — вы порете чепуху.

— Да, господин министр, — согласился он, и вид у него при этом был довольно жалкий.

— Почему вы порете чепуху, Бернард?

— Потому что... это моя работа, — ответил он, опуская глаза.

Он явно что-то от меня скрывает. Что? Глупо, но меня обуял дух противоречия, и я окончательно решил рассказать о «Солихалле», к чему бы это ни привело!

Но сейчас меня почему-то гложут сомнения: не попал ли я впросак?

Итак, в студии Би-би-си беседа, в которой я с энтузиазмом говорил о «Солихалле», была записана на пленку.

(Нам удалось раздобыть стенографическую запись этой беседы. Ее наиболее интересные моменты приводятся на нижеследующей странице. В передаче кроме Хэкера принимали участие Джо Морган — генеральный секретарь профсоюза административных работников и сэр Джордж Конвей — председатель компании «Интернэшнл констракшн лимитед». — Ред.)

ХЭКЕР: ... Я бы только хотел отметить, что уже имеется блестящий пример того, чего можно достигнуть разумным сочетанием государственных и частных инвестиций. Это — «Солихалл»...

МОРГАН: Пустая болтовня!

ХЭКЕР: Ну нет, это... э-э... простите, Джо, но для меня «Солихалл» символизирует все, к чему стремится нынешнее правительство. Я лично проявляю большой интерес к этому проекту.

КОНВЕЙ: Слова!

ХЭКЕР: Нет, не только слова, но и кирпичи, и цемент... Железобетонные, если так можно выразиться, доказательство того, что наша политика реализуется в конкретных делах. К тому же...

ВЕДУЩИЙ: Благодарю вас, господин министр. Хотите что-нибудь сказать в заключение, сэр Джордж?

КОНВЕЙ: Хотел бы повторить. Сама по себе идея партнерства хороша, но только при условии, что в наши решения не будут вмешиваться ни государство, ни рабочие.

ВЕДУЩИЙ: Благодарю вас, сэр Джордж. Джо Морган?

МОРГАН: Боже милосердный! По-моему, всем ясно, что сэр Джордж Конвей занимается набившей оскомину капиталистической трепологией. Если партнерство что-нибудь и значит, то прежде всего — равноправное участие профсоюзов, правительства и промышленности. В таком и только таком порядке!

ВЕДУЩИЙ: Господин министр, ваше заключительное слово?

ХЭКЕР: Да, конечно. Мне кажется, мы все пришли к единому мнению в главном, не так ли? Мы в равной степени осознаем, что, работая вместе, сможем вылепить новое общество, новую Англию. Я искренне рад предоставленной мне возможности обсудить этот вопрос с двумя ведущими лепила... э-э... то есть ведущими участниками этого процесса.

ВЕДУЩИЙ: Благодарю вас. Уважаемые радиослушатели, в нашей беседе принимали участие distinguished Джеймс Хэкер — министр административных дел, сэр Джордж Конвей — председатель компании «Интернэшнл констракшн лимитед» и Джо Морган — генеральный секретарь профсоюза административных работников.

После записи у меня не было времени даже заскочить в бар, *но* на выходе из студии меня поймал Джо Морган.

— О, мистер Хэкер! — воскликнул он, всем своим видом пока зывая, что чрезвычайно рад «случайной» встрече. — У меня к вам маленькая просьба. Не могли бы вы замолвить словечко за специальную субсидию для членов моего профсоюза в Бирмингеме?

Естественно, я объяснил ему, что, во-первых, студия Би-би-си — не место для деловых переговоров, а во-вторых, этот вопрос — в компетенции министерства занятости.

— Видите ли, — многозначительно произнес он, пристально посмотрев на меня, — мне почему-то показалось, что после нашего интервью всем захочется побольше узнать о «Солихалле». Вы меня понимаете?

- Конечно, захочется, — подтвердил я. — Именно на это я и рассчитываю...

— Но, как известно, — он вдруг подмигнул, — бывают такие вещи... — он опять подмигнул, — о которых лучше не знать. — Тут Джо ухмыльнулся, с заговорщическим видом подергал себя за ухо и снова подмигнул. — Не сомневаюсь, мы прекрасно понимаем друг друга.

«Он явно пытается что-то сказать», — мелькнула в голове смутная мысль. Но что? А может, осенило меня, может, он что-то знает и думает, что я тоже знаю? — Но ведь я-то не имею об этом ни малейшего понятия!

Пока я терялся в догадках, он снова подмигнул. Я участливо посоветовал ему протереть глаза.

- Зачем? — удивился он. — Все, что надо, я и так вижу.

Джо, глядя на мое непроницаемое лицо, наверняка решил, что я блефую, как профессиональный игрок в покер.

— Ладно, Хэкер, карты на стол, мы вас зацепили. Да и прошу-то я совсем немного — на десять процентов меньше, чем Лондон. Нам хватит и тридцати. Заранее снимаю перед вами шляпу. Здорово вы нас обошли!

— Никакой субсидии не будет, — рассеянно произнес я, лихо радочно стараясь понять, что происходит. — И советую больше к нам с этим не обращаться. Так или иначе, вам выйдет отставка.

— Не знаю, не знаю... Если кому и выйдет, то уж наверняка не мне, — со значением произнес Морган.

Не ему? А кому же?

— Что вы хотите этим сказать? — спросил я.

— Как что? А «Солихалл»? Я ушам своим не поверил, когда услышал, как вы на всю страну объявили о своей личной ответственности за этот проект. Смелый, просто отчаянный поступок! И что вас дернуло?

Отчаянный поступок? Что за нелепость! А Морган только усугубил мою растерянность, бодро продекламировал:

«Справа рвутся снаряды!
Слева грохочет ветер! В
долину Смерти бесстрашно
Держит путь славный
Хэкер!»

Все эти странные намеки, шуточки, подмигивания меня не на шутку встревожили.

(Сэр Хамфри Элби встретился с сэром Десмондом Глейзбруком за ленчем в клубе на Пэлл-Мэлл в день записи выступления Хэкера на радио. Как ни удивительно, но сэр Хамфри не оставил никаких записей этой беседы. Такое отступление от профессиональной привычки, выработанной за годы пребывания в Уайтхолле, свидетельствует о том, что сэр Хамфри не хотел и даже боялся предавать гласности обсуждавшиеся в ходе встречи проблемы.)

И все же, по счастливой случайности, много лет спустя мы раздобыли письмо, написанное сэром Десмондом 5 марта, то есть на следующий день, своей жене, отдыхавшей на Барбадосских островах. — Ред.)

«Дорогая Снукамс! (Леди Глейзбрук. — Ред.)

Надеюсь, ты прекрасно проводишь время, загораешь, хорошеешь и не слишком злоупотребляешь ромовым пуншем.

Мои дела идут хорошо. Вчера обедал со стариной Хамфри Эпльби, постоянным заместителем министра административных дел, и сделал еще один шаг к получению парочки отличных КВАНПО после выхода на пенсию. (КВАНПО — акроним, означающий «квазиавтономная неправительственная организация». — Ред.)

Хамфри сейчас в затруднительном положении — связался с одним пройдохой-финансистом по имени Брэдли. Похоже, этот ловкач прикарманил общие денежки и смыслы, предоставив старине Хампи выпутываться самому. Из-за обилия бордо на столе я не до конца уяснил все детали, но суть дела, по-моему, такова: поскольку этот Брэдли не в состоянии уплатить по счетам, Хамфри хотел бы передать контракт нашему банку. Он, конечно, долго морочил мне голову насчет того, что правительство Ее Величества, дескать, намерено превратить «Солихалл» в исключительно эффективное и доходное предприятие. Очевидно, он просто запамятовал, что я не вчера появился на свет. С каких это пор, позвольте спросить, правительство участвует в эффективных и доходных предприятиях?

Я бы с радостью помог старине Хампи выкарабкаться из этой передраги. Мне это ровным счетом ничего не стоит — ведь через год я выхожу на пенсию. Однако сказал ему, что такие вопросы решает Совет банка, а там никогда не знаешь, как дело обернется. Он вроде бы сообразил, что к чему, или, во всяком случае, сделал вид, что сообразил. Я для верности намекнул: мол, жду от него добрых вестей о комиссии по партнерству, создающейся при его министерстве. Я совсем не возражал бы стать ее председателем. Восемь тысяч фунтов в год — неплохая прибавка к моей жалкой пенсии, ты согласишься, Снукамс?

К моему глубочайшему изумлению, он заявил, что мое имя внесено в список претендентов на вакантные КВАНПО. Обрати внимание, дорогая, — в список кандидатов! Это же черт знает что! КВАНПО не могут ни с того ни с сего стать дефицитом, поскольку, сокращая их, любое правительство немедленно создает вместо них другие. (К тому времени министрами ПЕВ было утверждено около восьми тысяч высокооплачиваемых, должностей в различного рода КВАНПО, что обходилось налогоплательщикам в пять миллионов фунтов стерлингов в год. — Ред.)

Старина Хампи, как мог, дал мне понять, насколько трудное это дело — найти для меня подходящую КВАНПО, а я, в свою очередь, убеждал его, насколько это трудное дело — уговорить Совет банка дать ему деньги.

Причем ход его мысли был на редкость замысловат. Сначала он упомянул о каком-то Консультативном комитете по стоматологическим учреждениям и спросил, понимаю ли я что-нибудь в зубах. Пришлось напомнить ему, что я — банкир. Тогда он почему-то исключил и Совет по сбыту молочных продуктов. Какая между ними взаимосвязь, я так и не понял.

Потом разговор зашел о Комитете по проблемам загрязнения морской среды, и он поинтересовался, далеко ли от моря расположен мой дом. Узнав, что далеко, он сразу решил, что на Совет по проблемам очистки вод Клайда мне также нечего рассчитывать.

Обед продолжался. Каждое блюдо рождало у Хамфри новую идею. Телечья вырезка — Совет по сбыту мясных продуктов. Но, так как в мясе я разбираюсь только за обеденным столом, этот вариант отпал сам собой. Палтус по-дуврски — Управление по добыче белой рыбы; овощной салат — Совет по сбыту картофеля, Национальный исследовательский центр овощеводства и Национальное бюро биологических стандартов.

Бордо ассоциировалось у него с Советом подготовки специалистов для ликерно-водочной промышленности. Когда я попросил передать мне горчицу, вместе с ней он предложил мне Комитет пищевых добавок. Заметив, как за соседним столиком кто-то поливает бифштекс острым соусом, он предоставил мне выбирать между Советом повышения квалификации пожарных, Всебританским советом производственного травматизма и службой «скорой помощи» при больнице Святого Иоанна.

Разумеется, Хампи преследовал единственную цель — придать нашей беседе видимость *quid pro quo*. Причем вел он себя довольно бестактно, а в конце задал прямо-таки оскорбительный для меня вопрос (мне, как выяснилось, недостает познаний, необходимых для всех перечисленных им КВАНПО): а что я вообще знаю? Пришлось еще раз объяснить ему: я — банкир, поэтому специальные познания мне не требуются.

Затем он почему-то поинтересовался, не принадлежу ли я к какому-нибудь меньшинству. «Да, принадлежу, — ответил я. — Ведь мы, банкиры, безусловно, в меньшинстве». Боюсь, мой ответ его не слишком удовлетворил.

В конечном итоге вся эта болтовня свелась к тому, что он предложил мне возглавить комиссию по партнерству при МАДе, поскольку это назначение зависит непосредственно от его министра.

Для меня это идеальный вариант. Правда, много бумаг, но старина Хамфри ясно дал понять, что читать их совсем необязательно. Более того, он «был бы только рад», если бы я не увлекался ими, а то, чего доброго, наговорю лишнего на ежемесечных заседаниях Совета комиссии.

Итак, услуга за услугу. Я переговорю с Советом банка, а он замолвит за меня словечко своему министру.

До скорой встречи на пляже.

Любящий тебя

Деси-пух».

5 марта

Сегодня побеседовал с Роем, моим шофером, и не на шутку встревожился. После записи на студии я его не видел, так как вчера меня отвезли на сменной машине.

Рой спросил, как прошла запись.

— Отлично! — заявил я. — Разговор шел о перспективах партнерства между правительством и частным сектором в области промышленности. В качестве наглядного примера я привел один в высшей степени интересный проект, который уже сейчас воплощается в жизнь в Мидлендсе.

Мне и в голову не приходило, что Рой имеет хоть малейшее представление об этом. Как выяснилось, я заблуждался.

- Вы имеете в виду «Солихалл», сэр? — к моему удивлению, произнес Рой.

- Да. А вы что-нибудь о нем слышали?

Рой усмехнулся.

- Чему вы усмежаетесь? — для приличия выдержав паузу, спросил я.

— Просто так, сэр.

Точно. Он что-то знает.

- Выкладывайте-ка все, что знаете, Рой!

- Да ничего особенного. В самом деле, ничего, сэр.

В зеркальце я увидел его лицо. Он ухмылялся во весь рот. Мне это не понравилось.

Безусловно, он что-то знает. Но что?.. Как бы там ни было, я должен защитить «Солихалл». От кого — от собственного шофера? Какая нелепость! И все же я не удержался:

— Мы считаем, что «Солихалл» открывает блестящие перспективы для сотрудничества между правительством и частными предпринимателями.

Рой снова усмехнулся. Это начинало действовать на нервы.

— Что тут смешного, Рой? Что вам известно о «Солихалле»? — напрямик спросил я.

— А что можно узнать за тридцать ездов из МАДа в контору мистера Брэдли на Фаррингдон-стрит, 44, оттуда в «Солихалл» на Бирмингем-роуд, 129 и обратно?

— Тридцать ездов? — поразился я. — С кем?

— Да с вашим предшественником и сэром Хамфри, с кем же еще? — с ухмылкой ответил Рой.

За эту ухмылку я был готов убить его. И чего он все время ухмыляется?

— Сперва они были очень жизнерадостны, сэр, только и говорили, что о блестящих перспективах для сотрудничества, ну и все в том же духе. А затем... — Рой сделал эффектную паузу, — сразу как-то приуныли. Вы меня понимаете, сэр?

Приуныли? Нет, черт побери, не понимаю!

- Как это приуныли?

- Ну... не то чтобы приуныли... — задумчиво произнес Рой (у меня отлегло от сердца — ненадолго, правда), — а пришли в отчаяние, сэр. Это будет точнее.

- В отчаяние?! — Я, пожалуй, тоже был близок к нему.

— Да, сэр. Вам-то уж должно быть доподлинно известно, почему так вышло...

- Разумеется! — подтвердил я.

Видимо, этот хитрюга Рой не почувствовал в моем голосе уверенности, поскольку снова ухмыльнулся.

- Э-э... вы имеете в виду... э-э... некоторые аспекты?.. — осторожно спросил я. Не знаю, насколько мне удалось держаться

непринужденно при том смятении, что царило у меня в душе. - Нет, — твердо ответил Рой. — Какие там аспекты? Когда дело нечисто, оно все нечисто, целиком. И тут уж неважно, откуда вонь идет...

Нечисто? Вонь? Он явно не договаривает.

— А что нечисто?

— Вообще-то я толком не знаю. Мне ведь не докладывают. (Может, все это только слухи, подумал я.) Ясно только одно: что бы там сэр Хамфри ни говорил о Брэдли — этот в полном порядке. Но вам, сэр, наверняка известно не хуже моего. Я же простой шофер.

Да, подумал я с горечью. Как же, известно! Я же, черт побери, простой министр!

7 марта

Выходные дни провел в тяжелых раздумьях: как выудить из Роя побольше сведений? известно ли ему еще что-нибудь или он сказал мне все? И потом, он ведь может добыть интересующую меня информацию у других шоферов. Она у них — как валюта: ею обмениваются при каждом удобном случае. А вдруг он даст всем понять, что я ничего не знаю о «Солихалле»? Не навредит ли мне это еще больше?

Первым делом надо деликатно, не теряя достоинства (вернее — больше не теряя), выяснить, что конкретно знает Рой. Говорят, шоферу можно заткнуть рот, пообещав медаль Британской империи. Интересно, а может она развязать ему язык?

Глупые мысли — от отчаяния. Сначала я должен добиться правды от своего постоянного заместителя. Затем — от личного секретаря. И только потом думать о шофере.

Все проблемы, с которыми мне пришлось столкнуться за последние шесть месяцев, неизбежно приводили меня к выводу: до тех пор, пока подбор административного аппарата целиком и полностью во власти самого аппарата, хорошим министром не станешь! Ладно, пусть они подбирают чиновников по своему образу и подобию, с этим уж ничего не поделаешь. Но мы, политические деятели, должны постараться сделать все возможное, чтобы этот аппарат хотя бы не рос, как чудовище Франкенштейна!

Эта таинственная история вокруг «Солихалла» (до которой я все-таки намерен докопаться) еще раз доказала, как мало я осведомлен о работе собственного министерства. Ведь мы, политики, толком не знаем, скрывается от нас какая-либо информация или нет, поскольку скрывается даже сам факт сокрытия. Нам предлагают только определенный набор решений, приемлемых для чиновной элиты, не говоря уж о том, что эти решения нам навязывают, подобно тому как фокусник предлагает публике «выбрать» нужную карту: «Выбирайте любую карту, выбирайте!» Но почему-то мы всегда выбираем именно ту, которая нужна фокуснику! Как ни странно, нам никогда не удается претворить в жизнь

решение, если оно не устраивает аппарат. Не потому ли, что нам некогда самим готовить документы? Ибо в конечном итоге выигрывает тот, кто готовит документ!

Чем больше я думаю об этом, тем яснее понимаю: министерство — как айсберг. Большая часть его сокрыта в глубине — таинственная, неведомая, грозная. А я-то трачу силы, пытаюсь навести глянец на торчащую верхушку.

Перед моим министерством стоит великая задача — избавиться от формализма, бюрократизма и волокиты. А чиновники делают все, чтобы МАД оказался как можно дальше от поставленной цели.

К сожалению, большинство наших государственных учреждений добивается целей, прямо противоположных тем, для которых их создавали. Министерство по делам Содружества ухитрилось лишить нас Содружества. Министерство промышленности способствует сокращению производства. Министерство транспорта в свое время привело к развалу нашей системы общественного транспорта. Казначейство с завидным постоянством растрчивает государственные деньги... Перечень можно продолжать до бесконечности.

Главная же беда министерских чиновников в том, что они напрочь лишены моральных основ. Эти так называемые «слуги народа» нисколько не обременены прозой жизни. Закон для них не писан, им нипочем инфляция, не грозит безработица, а награды и почести так и сыплются на них золотым дождем...

Управленческий аппарат никогда не сокращается — уменьшаться может лишь количество планируемых мест. Насколько мне известно, в законе 1975 года об обязательном 5-процентном повышении подоходного налога исключение делалось только для государственных служащих и определенной категории лиц свободных профессий: для первых — потому, что благодаря этому повышается их реальная заработная плата, а для вторых — из-за настоятельного требования парламентского совета, то есть в конечном итоге юристов, непосредственно готовивших это законодательство. Иначе новый закон вообще не был бы подготовлен.

Каков же итог моего почти полугодового пребывания на посту министра? Пожалуй, практическое бессилие перед могущественной и безликой бюрократической машиной. Хотя отрадно уже то, что я это понимаю. Значит, им не удалось приручить меня. В противном случае я бы и сейчас был уверен, что: а) обладаю всей полнотой власти и б) мои подчиненные всего лишь выполняют мои указания.

Итак, надежда не потеряна. Завтра я не уйду из министерства до тех пор, пока не докопаюсь до истоков этой странной таинственности вокруг «Солихалла».

Должен быть хоть какой-нибудь способ узнать, что происходит?!

8 марта

Сегодня — день прозрения!

Пригласив Хамфри специально, чтобы поговорить о «Солихалле», сообщил ему, что, несмотря на оптимистическое выступление по радио, у меня появились некоторые сомнения.

— Что-нибудь определенное, господин министр? — вежливо спросил он.

Я не стал ходить вокруг да около.

— Скажите, Хамфри, с «Солихаллом» все в порядке?

— Насколько мне известно, строительные работы ведутся вполне удовлетворительно, господин министр, — спокойно ответил он.

Пришлось запастись терпением.

— Я не это имею в виду. Что там происходит, Хамфри?

— Строительство, господин министр...

— Знаю, — с трудом сдерживаясь, перебил я его, — но... там что-то творится... понимаете?

— Конечно, — отозвался он.

Слава богу, лед тронулся, подумал я, немного успокоившись.

— Что?

— Первый этаж, а за ним — второй.

— Прошу вас, Хамфри! — Я уже не скрывал раздражения. — Поговорим о главном, об основании, так сказать...

— Ах, вот оно что, — с серьезным видом кивнул мой постоянный заместитель, — понятно.

— Что вы можете сказать по этому поводу?

— Э-э... насколько я понимаю, господин министр... (Вот она, правда, подумал я. Наконец-то!) интересующее вас основание состоит из смеси цемента и гравия на шести футах первосортного строительного камня...

Он что, принимает меня за полного идиота?

— Хамфри, — сказал я жестко, — вы, надеюсь, понимаете, что речь идет о финансах.

В ответ он вылил на меня целый поток скучных, сугубо технических деталей нашего контракта со строительной фирмой, каких-то поэтапных выплат и тому подобной чепухи. Пришлось снова его перебить.

— Однако, Хамфри, я чего-то не знаю...

Он снова уклонился от прямого ответа.

— Что конкретно вы имеете в виду?

— Это я от вас хочу услышать! Я знаю, есть что-то, чего я не знаю... потому и не знаю, о чем спрашивать. Так чего я не знаю, Хамфри?

— Господин министр, — строя из себя невинность, продолжал он, — я не знаю, чего вы не знаете. Ведь это может быть все, что угодно.

— Вы от меня что-то скрываете, не отпирайтесь!

Он кивнул.

- Что?..

Во мне все кипело. Снисходительно улыбаясь, он объяснил: одна из важнейших функций аппарата как раз и состоит в том, чтобы ограждать министра от ненужной информации, изо дня в день буквально затопляющей министерство.

Такой ответ меня не устраивал. Я в последний раз попытался втолковать ему суть моих опасений — на случай, если он все-таки не до конца меня понял.

- Послушайте, Хамфри, я знаю, что с «Солихаллом» происходит что-то, чего я не знаю. Но я знаю: знаете вы, знает Бернард, знает Джо Морган и — кто бы мог подумать?! — даже мой шофер. Только вашему покорному слуге ничего не ведомо, хотя именно ему придется расхлебывать эту кашу и отвечать перед английским народом!

Никакого ответа. Хамфри смотрел на меня и молчал.

— Хамфри! — воззвал я к нему, с трудом подавляя желание вцепиться ему в волосы. Или себе. — Ответьте, пожалуйста, на один простой вопрос.

— С удовольствием, господин министр. На какой?

— Не знаю! — завопил я. — Скажите вы мне, и я его задам!

10 марта

Этот день, казалось, никогда не кончится. Чувствую приближение неминуемой катастрофы. Особенно после очередной встречи с Хамфри, прошедшей в атмосфере ледяной вежливости. Присутствовал на ней и Фрэнк Визел — он пришел обсудить свой проект реорганизации системы КВАНПО.

У меня не было ни малейшего желания обсуждать этот проект именно сегодня. На мой взгляд, он не имел непосредственного отношения к интересующим меня проблемам, хотя и пестрел звонкими выражениями вроде «скандальная практика министерского патронажа», «теплые местечки для своих парней» и тому подобного. Хамфри заметил, что в проекте видны оригинальность и полет фантазии. А Фрэнк по простоте душевной счел это за комплимент. Он, видимо, не в курсе: «оригинальность» и «фантазия» в устах сэра Хамфри — самые последние ругательства.

По замыслу Фрэнка, все назначения в КВАНПО должны быть переданы в ведение специального парламентского комитета.

- С тем чтобы на эти места назначались по-настоящему достойные люди, а не старые дружки или партийные боссы. Пора поставить заслон прогнившему принципу «ты мне — я тебе», — пояснил он, улыбаясь, сэру Хамфри.

Такой подход к делу показался мне правильным, и я предложил рекомендовать его для подготовки к представлению в палату общин.

- Предложение, безусловно, смелое, — вставил сэр Хамфри («смелое предложение» — еще один убийственный «комплимент»

своего постоянного заместителя). — Но вместе с тем вряд ли имеет смысл ломать существующую систему, если она хорошо отлажена. «Хорошо отлажена»? Чуть! Не далее как сегодня утром мне надо было утвердить председателя нашей новой КВАНПО — Комиссии по партнерству в промышленности. И кто же, вы думаете, был кандидатом на этот почетный пост? Сэр Десмонд Глейзбрук! Уму непостижимо!

— Он никогда не работал в промышленности! — возмутился я. — Никогда не имел дела с профсоюзами! И к тому же позволил себе немало оскорбительных выпадов в адрес нынешнего правительства. Неужели такая кандидатура — это все, на что способна «хорошо отлаженная система»?

— Из него вышел бы отличный председатель, — возразил сэр Хамфри.

— Безграмотный фигляр!

— И тем не менее! — последовал ответ.

Я сказал Хамфри, что вычеркиваю Глейзбрука из списка. Он будет утвержден только через мой труп!

На некоторое время в кабинете воцарилось томительное молчание. Сэр Хамфри нарушил его:

— Господин министр, прежде чем вы примете окончательное решение, мне бы хотелось ознакомить вас вот с этим документом.

Он положил на стол папку, на которой было крупными буквами написано: «"СОЛИХАЛЛ" — СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО». Почему совершенно секретно? Я открыл ее и понял почему. Наш партнер Брэдли, профукав семь с половиной миллионов, оказался на грани банкротства и поставил под угрозу весь проект.

Я пришел в ужас. И, естественно, спросил сэра Хамфри, почему меня своевременно не поставили в известность. Он невразумительно пробормотал что-то насчет нежелания меня беспокоить и бремени моих забот... Как будто своим молчанием он не сделал это время еще тяжелее!

— Если об этом пронюхают газетчики, разразится страшный скандал... катастрофа! — в страхе выдохнул я.

— Это ужасно! — подтвердил Бернارد. (Он умеет утешить!)

— Минутку, — неожиданно вмешался Фрэнк. — Обратите внимание на дату. Это произошло до выборов. Вы абсолютно чисты, Джим.

Увы, сэр Хамфри моментально развеял забрезжившие было надежды.

— К сожалению, в соответствии с существующей традицией министерской ответственности преемник принимает на себя...

— Но тогда пусть хотя бы все знают, что Джим здесь ни при чем, — перебил его Фрэнк.

— Да-да, конечно! — Сэр Хамфри сочувственно покачал головой. — Что поделаешь, если принцип демократической преемственности время от времени требует жертв! Вспомните дело Кричела Дауна. *(Дело Кричела Дауна в 1954 году можно было считать*

последним примером того, как министр принял на себя полную ответственность за скандальное дело, к которому он не был и не мог быть причастен. Сэр Томас Дагдейл, являвшийся тогда министром сельского хозяйства и рыболовства, официально заявил, что, как министр, он обязан нести ответственность перед парламентом за действия своих подчиненных, даже если он и не отдавал соответствующих распоряжений. В результате ему пришлось подать в отставку, «вылететь наверх», в палату лордов, и на этом его блестящая карьера закончилась. С тех пор в Англии не было таких совестливых или — все зависит от точки зрения — таких глупых министров. — Ред.)

Когда стая жаждет крови, она должна ее получить, не так ли, господин министр?

Я лишился дара речи.

— Но ведь ему достаточно только назвать дату! — не унимался Фрэнк.

— О да! — вздохнул сэр Хамфри (ханжа!). — Менее заметный человек, возможно, и попытался бы как-нибудь выкрутиться, но в данном случае есть только один достойный путь. И господину министру он прекрасно известен...

У меня было такое чувство, будто я присутствую на собственных похоронах.

— Мне все-таки кажется, что над предложением Фрэнка стоит поразмыслить, — сказал я, хватаясь за соломинку.

— Однако, — заметил Бернард, — если вспомнить, что в своем выступлении по радио, которое будет передано...

— Сегодня, — внезапно осипшим голосом произнес я.

— Да, сегодня, — подтвердил он, — вы публично заявили, что причастны к успеху этого проекта. Кстати, трансляция начнется с минуты на минуту.

Мы переглянулись. Бернард бросился за приемником.

— Бернард, немедленно свяжитесь с Би-би-си и остановите передачу! — закричал я ему вслед.

— Я от души желаю вам удачи, господин министр, — сказал сэр Хамфри, — но ведь вы не хуже меня знаете, что такое Би-би-си.

— Конечно, знаю, — согласился я, — но у нас случай особый, скандал, можно сказать...

— Вот-вот, — закивал мой постоянный заместитель, — только скажите им об этом — они тут же передвинут ваше выступление на самое удобное для слушателей время, повторят его на следующий день и вдобавок отснимут фильм для «Панорамы»*.

— Я наложу запрет!

— **МИНИСТР ОКАЗЫВАЕТ ДАВЛЕНИЕ НА БИ-БИ-СИ!** — с выражением произнес сэр Хамфри.

Я и сам понимал, что он прав: с Би-би-си не поспоришь.

* Еженедельная политическая телепередача Би-би-си. Обыкновенно посвящается наиболее важным текущим вопросам внутренней и внешней политики.

«Может, попросить их по-хорошему», — подумал я и даже хотел посоветоваться с Хамфри, но тут в кабинет вбежал Бернارد с транзистором в руках. И мы услышали мои нелепейшие заявления зщгосударственных и частных капиталовложениях, о реальном партнерстве, о том, что я лично заинтересован в этом проекте, ибо он символизирует все, к чему стремится нынешнее правительство. Конкретный, «железобетонный» пример единства наших слов и дел...

Я выключил радио. Слушать это было выше моих сил. В кабинете снова воцарилась гнетущая тишина.

Никто не решался заговорить первым. Пришлось это сделать мне.

- Хамфри, — подчеркнуто-спокойно обратился я к нему. - Ну как вы допустили, чтобы я сказал такое?

— Господин министр, — смиренно отозвался этот «смиранный слуга правительства». — Я не вправе вам указывать, я могу лишь давать советы. И я советовал. Настоятельно советовал. Но если советы какого-то там государственного служащего не принимаются во внимание...

Конечно, скрыл от меня крайне важную информацию, а теперь прикидывается овечкой!

— Ну хорошо, посоветуйте мне сейчас, — холодно бросил я.

— С удовольствием, господин министр. — Он на секунду задумался. — Например, можно обратиться в банк «Бартлетс» с предложением стать нашим партнером вместо «Слоан энтерпрайз». Если они согласятся, мне кажется, дело будет улажено.

Банк! Мне это и в голову не пришло! Слишком уж заманчиво, чтобы быть правдой.

— Однако... — продолжал сэр Хамфри.

(Да, действительно это слишком заманчиво.)

— ...банк может и отказать... Впрочем, есть одна интересная деталь: его генеральный директор в будущем году выходит на пенсию и, естественно, подумывает о достойном назначении. Скажем, председателем какой-нибудь приличной КВАНПО.

И только-то?

— Так предложите ему, — немедленноотреагировал я, — предложите ему вакансию, которую хотели отдать этому придурку Глейзбруку. Кстати, а кто он, этот директор?

— Десмонд Глейзбрук.

Теперь все встало на свои места.

Я почувствовал, что необходимо сделать хоть небольшую паузу, прежде чем сказать, что Десмонд вообще-то не такой уж плохой парень.

А вот до Фрэнка дошло не сразу.

- Но он постоянно нападает на наше правительство! — негодуяще воскликнул он.

Я терпеливо объяснил ему, что, назначая время от времени на руководящие посты наших политических оппонентов, мы толь-

ко повышаем наши акции. Это демократично, пример государственного мышления.

Но этот упрямец все спорил и спорил, пока я не попросил его заткнуться.

Затем я поинтересовался, кто еще в курсе этой скандальной истории. Оказалось, Джо Морган. То-то он с такой наглостью требовал субсидию для Бирмингема. Шантажист!

И тут мне очень кстати пришла в голову мысль, что сэру Десмонду Глейзбруку наверняка потребуется толковый заместитель. Предпочтительно профсоюзный деятель. Я поделился этой идеей с сэром Хамфри. Она ему настолько понравилась, что он, не раздумывая, предложил Джо Моргану. По-моему, на редкость удачный вариант.

- Одной КВАНПО — двух зайцев, господин министр, — улыбнулся сэр Хамфри, и мы тут же связались с ними по телефону.

Фрэнк молча слушал, как мы по очереди мило беседовали с Десмондом, потом с Джо, и вдруг взорвался.

- Вот-вот, именно об этом я и говорил! — заорал он во всю глотку. — Вот в чем порочность нашей системы! Теплые местечки для своих парней! Дашь на дашь! Ты мне — я тебе! Коррупция!

Я не поверил собственным ушам. Фрэнк обвиняет меня в коррупции? Он что, рехнулся?

- А что будет с моим проектом упразднения КВАНПО, хотел бы я знать?! — вопил он, багровея от гнева.

- Очень хороший проект, Фрэнк, мы все так считаем, — примирительно заметил я. — В нем видна оригинальность, полет фантазии...

- Смелость, — добавил сэр Хамфри.

Однако, несмотря на такие, казалось бы, лестные отзывы, Фрэнк продолжал бушевать. Он, дескать, не позволит упрятать проект под сукно. Да как он мог даже подумать, будто я способен на такое! Положить документ под сукно? Немыслимо! Я — демократ, я верю в открытое правительство... У моего политического советника, очевидно, не все в порядке с головой.

- Имейте в виду, я все равно передам его в кабинет! Найдутся люди! — грозно прохрипел он. — Я добьюсь, чтобы проект сделали неотъемлемой частью нашей партийной политики! Вот увидите!

Он решительно направился к двери, но на полпути остановился и обернулся. На лице его играла блаженная улыбка. Мне это не понравилось. Когда Фрэнк улыбается, хорошего не жди.

- Пресса, — сказал он почти с нежностью. — Если пресса обо всем этом узнает...

И тут меня осенило.

- Фрэнк, — задумчиво произнес я, — знаете, о чем я вдруг подумал? Конечно, это не имеет прямого отношения к теме нашего разговора, но... не хотели бы и вы потрудиться для дела КВАНПО?

— Ну нет! — криво усмехнулся Фрэнк. — Меня вам купить не удастся.

Я принялся внушать ему, что ни о каком подкупе нет и речи. Может быть, целесообразнее не упразднить систему КВАНПО, а, наоборот, заставить ее работать с полной отдачей. Что если создать авторитетную комиссию для изучения проблемы и для контроля за составом, структурой и деятельностью всех без исключения КВАНПО? Тогда можно было бы направить этот процесс в нужное русло. В состав комиссии вошли бы известные люди, в основном тайные советники*. (Мне известна давняя и тщательно скрываемая мечта Фрэнка стать на одну ногу с тайными советниками.)

— И здесь, — продолжал я, — безусловно, не обойтись без способных, знающих людей, которые занимались бы вопросами КВАНПО и изучили бы как их достоинства, так и слабые места. Учитывая ваши познания в данной области и ваше стремление бескорыстно служить общественному благу, сэр Хамфри счел возможным предложить именно вашу кандидатуру.

— Тайные советники? — как завороченный, повторил Фрэнк.

— Дело ваше, конечно, — добавил я, — но, по-моему, на этом поприще вы могли бы отлично послужить обществу. Или я не прав?

— Но вам не удастся заставить меня изменить моим убеждениям... и не надейтесь, — рассеянно произнес Фрэнк. — Существует такое понятие, как принципы...

Мы с Хамфри поспешили заверить его, что глубоко уважаем принципиальных людей. Более того, подчеркнули мы, именно принципиальность делает его кандидатуру столь подходящей для работы в новой КВАНПО.

— Причем, — многозначительно поднял палец сэр Хамфри, уже подметивший в характере моего политического советника, с одной стороны, подспудное чувство вины, требующей постоянного искупления, а с другой — глубокую приверженность пуританской морали в служебных вопросах, — работа предстоит нелегкая. Лично я не сомневаюсь, что работа в этой супер-КВАНПО будет сопряжена с частыми и утомительными командировками за границу. Ведь необходимо проследить, как аналогичные проблемы решаются в других государственных центрах — в Японии, Австралии, Калифорнии, Вест-Индии...

— На Таити, — поддакнул я.

— Да, и на Таити, — кивнул сэр Хамфри.

* Члены Тайного совета назначаются пожизненно монархом. Кроме принцев крови, высшей аристократии, высших судебных чиновников, высшего духовенства и т. д. в него входят члены кабинета, видные политические и государственные деятели. Тайный совет был создан в средние века и являлся совещательным органом при монархе. В настоящее время утратил свое значение, по существу, выполняет номинальные функции и служит главным образом для придания юридической силы королевским указам в совете.

— Что ж! — На лице Фрэнка отразились глубочайшие душевные муки. — Это будет изнуряющий труд, не так ли?

— Крайне изнуряющий, — хором подтвердили мы. — Крайне!

— И он нужен всему обществу, правда? — с надеждой в голосе спросил Фрэнк.

— Безусловно! — дружно заверили мы его.

— А как же с моим проектом? — вдруг вспомнил Фрэнк.

Я посоветовал взять его с собой. Такой бесценный документ, без сомнения, пригодится ему в новой работе.

А один экземпляр Хамфри предложил подшить в дело — вместе с отчетом по «Солихаллу».

ОБЩЕСТВО МИЛОСЕРДИЯ

13 марта

Успешно избежав кошмарного скандала, назревавшего в связи с «Солихаллом», и пойдя на сделку с Фрэнком Визелом в вопросе об изменениях в системе КВАНПО (такова была плата за избавление от катастрофы, которую чуть было не навлек на меня сэр Хамфри Эплби), я решил посвятить субботу и воскресенье обдумыванию своих дальнейших планов.

С Фрэнком, конечно, придется расстаться — это понятно. Во времена оппозиции он был незаменим. Однако теперь я увидел, как много в нем грубой прямолинейности, как ему недостает гибкости и такта, отличающих моих профессиональных советников в МАДе.

Позавчера отправил «непогрешимого», «неподкупного» Фрэнка исполнять свой нелегкий долг по сбору фактического материала — в Калифорнии, на Ямайке и Таити — и уже сегодня чувствую, будто с плеч моих свалилось тяжкое бремя: исчез постоянный источник напряженности. Впервые за последние пять месяцев мне по-настоящему хорошо и спокойно.

В принципе сейчас уже можно сделать некоторые выводы относительно государственной службы в целом и моего постоянного заместителя сэра Хамфри в частности. Как это ни удивительно, но элита Уайтхолла (*800 высших чиновников, начиная с постоянного заместителя министра. — Ред.*) насчитывает в своих рядах так много блестящих умов, что в известном смысле по праву считает себя «мозговым центром» страны. Однако, поскольку чиновники любого ранга являются лишь исполнителями воли политических деятелей, их высокий интеллектуальный потенциал направлен в основном на то, чтобы избежать ошибок.

Каждые три года государственных служащих перемещают на новые должности — теоретически с целью их «универсализации», без чего невозможно продвижение вверх по служебной лестнице. А на деле — для того, чтобы у них не появился личный интерес к воплощению той или иной стратегической линии. Осуществление любой сколь-нибудь значительной инициативы требует, как прави-

ло, не менее трех лет, так что чиновник либо выходит из игры, либо включается в нее лишь на полдороге. Поэтому практически невозможно возложить вину за провал на кого-либо в отделимости. Человек, отвечающий за данное дело, в момент его неудачного завершения всегда скажет, что оно неправильно велось с самого начала, а тот, кто его начинал, — что ошибка была допущена в конце.

Подобная система вполне устраивает Уайтхолл, вовсе не желающий, чтобы его сотрудники связывали себя с успехом или провалом конкретных политических решений. Политические решения — дело министров. От их практического воплощения выигрывают или проигрывают только правительства и министры. Поэтому государственные служащие считают себя добросовестными и беспристрастными советниками, в интересах общества обеспечивающими проведение любой политики, которую определяют на данный момент правительство или министр.

Но вот в чем парадокс: именно этой своей функции чиновники как раз и не выполняют.

К примеру, каждый постоянный заместитель побуждает своего министра — к какой бы партии тот ни принадлежал — трудиться в интересах «общего блага». *(Иными словами, государственная служба стремится проводить неизменную политику, независимо от того, какая партия находится у власти. — Ред.)*

Любопытный вопрос: если главная задача государственных служащих — не допускать ошибок, то почему же они так много их допускают?

14 марта

Практически все воскресенье ушло на красные кейсы и подготовку к завтрашним ПВ (*парламентским вопросам. — Ред.*).

Я очень серьезно отношусь к ПВ. Как и все министры, у кого есть голова на плечах. Хотя пресса и телевидение знакомят избирателей с самыми разными аспектами деятельности министра, свою реальную власть и влияние он может показать только через парламент. Ни один министр не может позволить себе роскошь выглядеть идиотом во время ПВ и вряд ли удержится на своем посту, если не научится правильно вести себя в палате общин.

Каждый из нас без исключения раз в месяц проходит через эту «мясорубку». ПВ можно смело уподобить средневековым казням, когда христиан бросали в клетку на растерзание львам или заставляли гладиаторов биться до последнего вздоха. Завтра мне предстоят ПВ первого порядка, а другому министру — второго порядка. Через месяц — наоборот.

(Во время ПВ первого порядка даются устные ответы; второй порядок также предусматривает устные ответы, но с последующим представлением их палате в письменном виде. Имеются и ПВ третьего порядка, но, поскольку дело до них практически никогда не доходит, никто толком не знает, что это такое. — Ред.)

Лично для меня воскресенье и понедельник перед ПВ — самые кошмарные дни. Полагаю, для моих советников в МАДе тоже. Один из помощников Бернарда только тем и занимается, что готовит ответы на всевозможные вопросы. А сколько чиновников Уайтхолла живут в постоянном страхе и напряжении, мучительно пытаюсь предугадать вопросы, которыми заднескамеечники будут «обстреливать» их министров, трудно себе даже представить. Что же касается политического подтекста ПВ, в этом я, естественно, разбираюсь несравненно лучше своих подчиненных.

В день решительных испытаний палата общин обычно заполнена до отказа. ПВ проводится сразу после обеда, многие приходят просто поразвлечься: ведь министр может в любой момент оказаться в унижительном положении.

Впрочем, сегодня я относительно спокоен. Мне нечего бояться. Я основательно подготовлен к предстоящему испытанию. Пусть сэр Хамфри несколько лучше меня разбирается в административных тонкостях (*явное свидетельство того, что Хэкер начинает понимать реальное положение вещей. — Ред.*), зато я смело могу гордиться умением достойно представить себя в парламенте.

15 марта

Невероятно! До сих пор не могу прийти в себя. Кошмар! Сегодняшние ПВ обернулись для меня непредвиденной катастрофой! Хотя мне и удалось урвать нечто вроде пирровой победы, но я понимаю, что удержался на краю по чистой случайности.

Я специально приехал в парламент пораньше и еще раз тщательно проработал в уме ответы на все возможные — так мне казалось! — вопросы. Не говоря уж о том, что вместо обеда Бернард устроил мне основательную проверку.

Первым встал Джим Лоуфорд от Саут-Вест-Бирмингема. Его интересовало, как выполняется обещание правительства сократить административный персонал в системе здравоохранения.

Я выдал заготовленный ответ, в котором, естественно, была дана высокая оценка огромных усилий (не моих, конечно, а чиновников, сформулировавших ответ!).

(Ниже приводим выдержки из стенограммы этого заседания. — Ред.)

МИНИСТР АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ (Г-Н ДЖЕЙМС ХЭКЕР): Правительство не только сократило на 11,3 процента упомянутый административно-управленческий аппарат, но и продолжает изыскивать пути дальнейшей экономии ресурсов. Однако, учитывая низкую заработную плату, отсутствие действенных материальных и моральных стимулов, равно как и тот факт, что медицинский административный персонал зачастую подвергается незаслуженным нападкам, я, со своей стороны, хотел бы воспользоваться предоставленной мне возможностью и особо отметить его существенный вклад в нормальное функционирование системы здравоохранения.

Г-Н ЛОУФОРД: Не сомневаюсь, палата отдаст должное господину

министру. Заявление, без сомнения, написано для него самими администраторами, однако зачитал он его просто великолепно. *(Смех на скамье оппозиции.)* Но не объяснит ли господин министр, как следует понимать его заверения в свете вот этого документа, подготовленного в его собственном министерстве. Цитирую: «Мы серьезно обеспокоены ростом административно-управленческого аппарата на 7 процентов. Однако если сотрудников, занятых обработкой информации, провести по категории «технический персонал» *(Шум в зале.)*, если клерков в больницах считать «вспомогательным составом» *(Шум усиливается.)*, а за основу статистического отчета взять не финансовый, а календарный год, то в результате мы получим сокращение на 11,3 процента». Не возьмет ли господин министр на себя труд прокомментировать этот низкий обман? ВОЗГЛАСЫ С МЕСТ: Ответ! Требуем ответа!

Предатели! Чертова докладная непонятно каким образом оказалась в руках у Лоуфорда, и теперь он яростно потрясал ею, а заодно и своими жирными щеками. «Ответ! Требуем ответа!» — загудела палата. Очевидно, Хамфри (или кто-нибудь еще?) снова принялся за старое: выдал фактическое увеличение числа чиновников за сокращение, попросту назвав их иначе. Но, как говорил Вордсворт, «роза всегда останется розой, как ее ни назови». *(В действительности это сказал Шекспир: «Что имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет». Но ведь Хэкер — бывший журналист и к тому же лектор политехнического колледжа. — Ред.)* Да, политической вони тут, похоже, будет предостаточно. А вонь есть вонь, как ее ни назови. Не докопайся они до этой треклятой бумажонки, и тогда изменение категорий было бы поистине великолепным маневром, однако, став достоянием гласности, оно моментально превратилось в «низкий обман». Более того — в неудавшийся обман, что еще хуже.

И все-таки, думаю, мне удалось выпутаться из создавшейся ситуации.

ВОЗГЛАСЫ С МЕСТ: Ответ! Требуем ответа!

Г-Н ДЖЕЙМС ХЭКЕР: Мне не известен документ, предъявленный достопочтенным членом палаты. *(Шум на скамье оппозиции, восклицания: «Как это так?!»)*

Г-Н ЛОУФОРД: Я охотно сообщу господину министру дату и номер документа в обмен на его обещание провести беспристрастное расследование. *(Приветственные возгласы со стороны оппозиции.)*

Г-Н ДЖЕЙМС ХЭКЕР: Я лично займусь этим вопросом. *(Выкрики со скамьи оппозиции: «Хотите замять? Не выйдет!», «В отставку!»)*

Меня здорово выручил Джерри Чандлер (мой добрый, верный Джерри!), спросивший, не могу ли я также пообещать своим друзьям, что расследование будет проводиться не моим министерством, а третьей комиссией, состав которой будет одобрен палатой. Я охотно пообещал. А что мне оставалось?

В общем и целом я сумел успокоить достопочтенных членов палаты. Однако завтра необходимо серьезно побеседовать обо всем

этом с сэром Хамфри и Бернардом. Бог с ним, с обманом, но выставлять меня на посмешище во время ПВ — это уж слишком! Разве в их интересах, чтобы я оказался не в силах защитить собственное министерство?!

16 марта

Нынешнее утро также не предвещало ничего хорошего.

Рой (*шофер Хэкера и один из наиболее информированных людей в Уайтхолле. — Ред.*) заехал за мной в обычное время — около 8.30 — и повез прямо в министерство, где я намеревался вплотную заняться проблемой медицинского административного персонала.

Едва я сел в машину, он тут же подпустил мне шпильку:

— Тут по радио только что говорили... мол, вся проблема с медициной, образованием и транспортом состоит в том, что большие люди в правительстве лечатся в частных клиниках, посылают своих детей в частные школы...

Я попытался отшутиться, но, боюсь, не очень удачно:

— Остроумно. Это что, юмористическая передача?

(При всей их наивности эти эгалитарные разговорчики довольно опасны и не известно чем обернутся, если их недооценить.)

— К тому же их возят на работу в служебных машинах, — продолжал Рой.

Ну уж на это я не намерен был отвечать.

— По-моему, в этом что-то есть, а, господин министр? Ну вот, к примеру, если бы вы и сэр Хамфри Эплби ездили на работу двадцать седьмым автобусом...

— По меньшей мере неразумно, — перебил я. — Терять час драгоценного рабочего времени на ожидание автобуса...

— Да, с автобусами надо бы навести порядок, это точно.

— Обязательно наведем, — пообещал я, лишь бы поскорее сменить тему разговора.

— Вот-вот, то же самое и с медициной, — не унимался Рой.

Ему-то, черт побери, какое до всего этого дело, возмутился я про себя, но сдержался и, как ни в чем не бывало, спросил, не передают ли сейчас по радио чего-нибудь интересного.

— По-моему, «Вчера в парламенте», сэр, — сказал он, протягивая руку к приемнику.

— Нет-нет-нет, не надо, пожалуйста, не стоит! — в отчаянии попытался я его остановить, но было уже поздно.

Рой включил приемник, и в машине зазвучал мой голос.

Мой шофер прослушал передачу с огромным интересом и выключил приемник, только когда начались ПВ второго порядка. Наступило неловкое молчание.

— Им не удалось загнать меня в угол, верно? — с надеждой спросил я.

Рой ухмыльнулся.

— Вам здорово повезло, сэр, что не пришлось отвечать на вопрос о новой больнице Сент-Эдвардс.

— Почему?

— Как почему? Уж скоро полтора года, как ее построили... и до сих пор ни одного пациента!

— Очевидно, у министерства здравоохранения и социального обеспечения не хватает средств на комплектование персонала, — предположил я.

— Не-е, — весело протянул Рой. — Персонал есть — пятьсот чиновников. Пациентов нету.

Неужели это правда? Трудно поверить.

— Кто вам сказал? — осторожно поинтересовался я.

— Проныра.

— Проныра?

(На жаргоне шоферов Уайтхолла «проныра» — наиболее информированный человек. — Ред.)

— Приятель мой Чарли, — пояснил он. — Кто же еще? Он возит министра здравоохранения.

В МАДе я первым делом вызвал Хамфри и без обиняков заявил ему, что возмущен вчерашними дебатами.

— Я тоже, господин министр.

Удивительно — он даже не пытается оправдываться.

— Глупость... некомпетентность... — продолжал я.

— Вот именно, — подтвердил он. — Не могу понять, что это на вас нашло.

Я вытаращил глаза.

— Не понимаю вас!

— Дать согласие на третейскую комиссию!..

Так вот, значит, в чем дело!

— Я не об этом, Хамфри, — сурово произнес я.

Мой постоянный заместитель озадаченно нахмурился.

— Но ведь вы сами только что признали глупость и некомпетентность...

- Вашу, Хамфри! — вспыхнул я. — Вашу!

— Мою? — Казалось, он не верил собственным ушам.

— Да-да, вашу! Ведь это вы меня так подставили!

Справедливости ради надо заметить, что подставил меня не он лично, а его драгоценный аппарат. Впрочем, Хамфри, похоже, вообще никакой вины за собой не чувствовал.

— Ну, небольшой недосмотр, — пожал он плечами. — Всякое бывает. Но согласиться на третейскую комиссию!..

Нет, это уж слишком!

— Как вы понимаете, мне тоже не очень нужна эта комиссия! Но если утопающему протягивают соломинку, ему ничего не остается, как ухватиться за нее.

— Это не соломинка, а петля, — холодно поправил сэр Хамфри. — Вы обязаны были встать на защиту своего министерства. Иначе для чего же вы здесь?..

Он думает, что я здесь только для этого! Хорошо, хоть не считает, что я не нужен вообще. Однако, если его не остановить, он, чего доброго, примется читать мне лекцию об ответственности руководителя.

К принципу Уайтхолла об ответственности руководителя государственная служба прибегает каждый раз, когда ей требуется гкнуть министра носом, а самой остаться чистенькой. На практике это означает следующее: аппарат ведет все дела и принимает все решения, а случись какая неувязка или прокол — пусть отвечает министр!

— Нет, Хамфри, этот номер у вас не пройдет, — решительно заявил я, не давая ему возможности сесть на своего конька. — Вчера я отлично подготовился к ПВ. Проработал все ответы, чуть не наизусть выучил десятки справок. Просидел над ними почти всю ночь... Не пошел даже обедать... Словом, отлично подготовился, отлично! Не придерешься! Но ни в одной из справок не было и малейшего намека на ваши махинации с процентами, из-за чего я чуть было не ввел в заблуждение достопочтенных членов палаты.

— Господин министр, — тоном оскорбленной добродетели произнес Хамфри, — разве не вы сами выразили пожелание сократить показатель численности административного аппарата?

— Да, выразил, и что из этого?

— Вот мы его и сократили.

До меня постепенно начал доходить смысл его слов. Так вы что... сократили только показатель?

— Естественно.

— Должен вам заметить, Хамфри, я имел в виду совсем другое, — подчеркнуто-спокойно сказал я.

— Помилуйте, господин министр, — страдальчески скривился он, — мы же не телепаты! Вы потребовали сократить показатель, мы его и сократили.

Обычная отговорка! Он, конечно же, прекрасно понимал, что я имею в виду, но, как всегда, предпочел истолковать мое указание буквально. Из-за такой вот чиновничьей тупости и равнодушия наша страна буквально истекает кровью.

(Мы надеемся, что под «буквально» Хэкер не имел в виду буквально. — Ред.)

- Ну а как об этом узнал Лоуфорд? Очередная утечка? Не министерство, а дуршлаг какой-то! (Лично мне это сравнение понравилось, но Хамфри его, конечно, проигнорировал.) Можем ли мы со всей ответственностью управлять страной, если в распоряжение заднекамеечников будет предоставляться вся фактическая информация?

Хамфри упорно молчал. Да и вопрос, в общем-то, был чисто риторический.

— Во всяком случае, — заключил я, — предстоящее расследование даст нам время...

— Но с таким человеком надо постоянно опасаться, что все выплывет наружу?

Сэр Хамфри озадаченно нахмурил лоб.

— Исключено! Как раз такой человек и поймет, что от него требуется. Ему безразличны возможные последствия. Он сознательно и с ответственностью подойдет ко всем аспектам порученного ему дела.

Все-таки мой постоянный заместитель предлагает фальсификацию, только в завуалированном виде.

— Значит, «абсолютно надежный» в вашем понимании — это склонный к...

— Что вы, что вы! — перебил он меня с горячностью. — Я хочу сказать, что человек широких взглядов...

Я решил свести к минимуму теоретические словопрения и внес в разговор конкретную нотку.

— В таком случае что вы скажете об отставном политике?

— ...и кристально чистой репутации... — продолжил свою мысль сэр Хамфри.

— Так, ясно. — Я на секунду задумался. — Ну а как насчет ученого или бизнесмена?

Мой постоянный заместитель отрицательно покачал головой.

— Ладно, — махнул я рукой, догадавшись, что у него уже кто-то есть на примете. — Выкладывайте. Кто?

— Э-э... господин министр, я подумал, может... государственный служащий в отставке?

— Логично, Хамфри. Ну а кто именно?

— Думаю, сэр Морис Уильяме, господин министр.

Я совсем не был в этом уверен.

— А вы не боитесь, что он чересчур независим? — спросил я.

— Он рассчитывает на палату лордов, — возразил Хамфри и снисходительно улыбнулся, будто достал припрятанного до времени козырного туза.

— Разве таким образом он попадет туда? — удивился я.

— Естественно, нет, но правильные выводы комиссии дадут ему еще несколько очков... ну, как у брауни-гайдов*.

Очки? Как у брауни-гайдов? Что-то новое. По словам Хамфри, набирается определённая сумма очков, а затем выдается значок. В этом уже был какой-то смысл.

— Ладно, — решил я. — Уильяме так Уильяме.

Слава богу, принимать решения для меня теперь не проблема.

— Благодарю тебя, Коричневая Сова**, — галантно поклонился сэр Хамфри и, не переставая улыбаться, вышел из кабинета.

Когда моему постоянному заместителю удастся настоять на своем, милее нет человека. К тому же благодаря его идее мы, возможно, сумеем избежать того, что третьейская комиссия доко-

* Детская организация типа бойскаутов.

** Командир отряда брауни-гайдов.

пается до нежелательных фактов. Например, обнаружит что-то, чего мы не знали сами, хотя и должны были бы знать, или что-то, о чем были прекрасно осведомлены, но не хотели бы, чтобы другие знали, что мы знаем.

Потом я понял: есть и третий, более вероятный вариант. Комиссия обнаружит то, о чем знал Хамфри, но не знал я. То есть в результате я снова окажусь в идиотском положении.

Вроде того, в каком оказался вчера.

И все-таки у меня сейчас нет иного выхода, как последовать его совету и жить в ожидании счастливого дня, когда я буду знать то, чего не знает он.

17 марта

Сегодня долго беседовал с Бернардом Вули.

Его волнует вопрос о кубинских беженцах. Меня он, конечно, тоже беспокоит. В палате и прессе назревает скандал по поводу нежелания правительства оказать им помощь.

Но разве наша вина, что казначейство не дает нам на это денег?

Я не могу бороться с казначейством. Никто не может бороться с казначейством!

Ну, а раз сделать все равно ничего нельзя, то нечего об этом и думать, решил я и перевел разговор на больницу Сент-Эдвардс, вспомнив о вчерашних намеках Роя. Вернее, первым о ней заговорил Бернард.

— Господин министр, — обратился он ко мне. — Вы просили разузнать об этой якобы пустующей больнице в северной части Лондона?

Я кивнул.

— Так вот, как я и предупреждал, шоферы — не самый надежный источник информации. Рой ввел вас в заблуждение.

Облегченно вздохнув, я, естественно, поинтересовался, из какого источника почерпнул эти добрые вести сам Бернард.

— От личных секретарей, господин министр.

Да, это внушало доверие. Неофициальная информация от личных секретарей доходит чуть медленнее, чем от шоферов, зато она намного надежней. В принципе ей можно верить на все сто процентов.

— Ну и как там в действительности обстоят дела?

Оказывается, в больнице насчитывается всего 342 администратора. Остальные 170 — гардеробщики, вахтеры, уборщицы, садовники, повара и прочие.

На мой взгляд, вполне нормальное соотношение.

— А сколько там медицинских работников? — спросил я.

— Ни одного, — ответил Бернард таким тоном, будто это само собой разумеется.

Я подумал, что ослышался, и осторожно переспросил:

— Ни одного?

— Ни одного.

Я все же решил кое-что уточнить.

— Мы ведь говорим о больнице Сент-Эдвардс, верно?

— Конечно, о ней, — бодро ответил он и добавил: — Новехонькая. Просто загляденье!

Как будто это что-то объясняло.

— Совсем новая?

Бернард смутился.

— Э-э... не совсем. Вообще-то уже восемь месяцев, как ее построили и укомплектовали. Но, к сожалению, в то время правильно как раз сократило ассигнования на здравоохранение и на медицинский персонал денег не хватило.

Час от часу не легче!

— Новая современная больница, — тихо повторил я, словно убеждая себя, что не ослышался, — в которой свыше пятисот администраторов и ни одного пациента!

Некоторое время сидел молча, собираясь с мыслями.

Бернард попытался мне помочь:

— Господин министр, а ведь там есть пациент!

— Один?

— Да, один. Заместитель главного администратора упал с лесов и сломал ногу.

— Боже мой! — почти шепотом произнес я. — Если бы меня спросили об этом в палате?!

Бернард съежился, словно побитая собачонка.

— Почему я только сейчас узнаю об этом? Почему вы меня не предупредили?

— Э-э... я тоже ничего не знал, господин министр, — растерянно пролепетал он.

— А кто должен знать? Как случилось, что все это не выплыло наружу?

Из путаных объяснений Бернарда я понял, что об этой ситуации знало только несколько сотрудников министерства здравоохранения. Впрочем, они не усматривали в ней ничего странного. По их словам, в Англии таких больниц полно.

— Как правило, они специально не убирают следов строительства — ну, знаете, леса, бетономешалки и тому подобное, — чтобы люди не думали, будто больница давно готова. Нормальное явление, — добавил он.

— Нормальное явление? — не мог я вымолвить и слова. *(Оказывается, мог. — Ред.)*

— Думаю... — я снова был полон решимости, — думаю, мне следует поехать туда и убедиться самому, прежде чем обо всем пронохает оппозиция.

— Да, конечно, — согласился Бернард. — Просто удивительно, что пресса еще не докопалась...

— Удивляться тут нечему. Большинство наших газетчиков на-

столько непрофессиональны, что не способны выяснить даже то, что сегодня четверг.

— Сегодня среда, господин министр, — поправил меня Бернард. Я молча указал ему на дверь.

(В следующую пятницу сэр Хамфри Элби встретился с постоянным заместителем министра здравоохранения сэром Йеном Уитчерчем в клубе «Реформ» на Пэлл-Мэлл-стрит, чтобы обсудить запрос о больнице Сент-Эдвардс. На наше счастье, сэр Хамфри по обыкновению сделал соответствующую запись в своем дневнике. —

«Внезапный интерес Хэкера к больнице Сент-Эдвардс серьезно беспокоил Йена. Что ж, понять его легко.

(Из последней фразы можно сделать логический вывод, что Бернард Вули — в соответствии со своим тогдашним положением — поделился с сэром Хамфри мыслями относительно упомянутой проблемы, хотя в ответ на наш вопрос сэр Бернард — в соответствии с нынешним своим положением — сказал, что не припоминает такого. — Ред.)

Я объяснил ему, что мой министр беспокоится из-за отсутствия в больнице пациентов. Нас обоих это позабавило. Может ли больница принимать пациентов, если в ней еще нет медицинского персонала? Министр опять рискует оказаться в глупом положении.

Йен совершенно справедливо отметил, что министерство здравоохранения обладает большим опытом по подготовке к эксплуатации новых больниц. По его убеждению, главное в этом деле — постепенность и поэтапность, а пациенты только путаются под ногами. Поэтому он посоветовал сообщить Хэкеру, что в данный момент больница Сент-Эдвардс находится на заключительном этапе введения в строй — так сказать, на финишной прямой.

Однако, предвидя неминуемый накал страстей в политических кругах, я счел необходимым задать ему один вопрос: «Сколько времени понадобится на преодоление этой финишной прямой?» А чтобы он не понял меня превратно, напомнил ему о бездумном согласии моего министра на создание третьей комиссии.

Йен горестно покачал головой. По его словам, он был просто в шоке, когда впервые услышал о комиссии. Нет ни малейших сомнений, что такие же чувства разделяет сейчас весь Уайтхолл.

Мне все-таки хотелось иметь более четкое представление о сроках, поэтому я поинтересовался, можно ли реально надеяться, что в больнице Сент-Эдвардс когда-нибудь появятся пациенты.

Можно, подтвердил сэр Йен, как только появится такая возможность. По его расчетам, больница, скорее всего, примет первых пациентов где-то через пару лет, когда улучшится финансовая ситуация.

Благоразумно, ничего не скажешь. Действительно, не может же он открыть сорок новых палат в Сент-Эдвардсе, если в других больницах они закрываются. Этого не потерпят ни канцелярия, ни кабинет.

Но, насколько я знаю своего министра, он вполне способен закрыть всю больницу просто потому, что в ней нет пациентов!

Сэр Йен категорически заявил, что это исключено: профсоюзы не допустят.

Я высказал опасение, что профсоюз в больнице Сент-Эдвардс еще слишком слаб. Но Йен успокоил меня, напомнив о Билли Фрезере, этом оголтелом агитаторе из больницы «Саутуорк». Кошмарный тип! Правда, теперь он может оказаться полезен.

По-моему, Йен намерен прибегнуть к его услугам».

(Вероятно, не лишне будет заметить, что о вышеприведенной беседе Хэкер, естественно, не должен был знать. — Ред.)

22 марта

Сегодня со всей решительностью поговорил с Хамфри о проблеме медицинских администраторов.

По моей просьбе в нашем партийном центре провели специальные исследования и подготовили обширный статистический материал. А вот в собственном министерстве мне такие данные получить не удалось. Позор!

Подчиненные Хамфри из года в год меняют основу статистических подсчетов, тем самым делая практически невозможным сравнительный анализ роста численности бюрократического аппарата.

— Хамфри, наша система национального здравоохранения является собой разительный пример галопирующей бюрократии, — убежденно сказал я, на этот раз вооруженный фактами и цифрами.

Мои слова, казалось, не произвели на него никакого впечатления.

— Ну что вы! — безмятежно отозвался мой постоянный заместитель. — Так уж и галопирующей. В лучшем случае — двигающейся трусцой.

Я спросил его, знает ли он, что в министерство ежедневно поступает множество жалоб на бюрократический идиотизм.

— От кого?

— От членов парламента, от избирателей, от врачей, медсестер... словом, от общественности.

— Смутьяны! — презрительно отмахнулся сэр Хамфри.

Я был потрясен.

— Кто? Представители общественности?

— Да, в первую очередь они.

«Пора ознакомить его с некоторыми из моих находок», — подумал я и для начала показал копию официального документа одной из лондонских больниц.

(Благодаря тому что Хэкер сохранил копии всех документов, на которые он ссылается в своем дневнике, у нас имеется блестящая возможность проследить, как функционировала система национального здравоохранения Великобритании в 80-е годы. — Ред.)

Royal United Hospital

STETHOSCOPE REQUISITION

Because of the current supply situation it is not possible to issue you with the extra stethoscopes you have applied for.

We are, however, in a position to supply you with longer tubes for your existing stethoscopes.

Purchasing Dept

Удовлетворить вашу заявку на стетоскопы в настоящее время не представляется возможным в силу сложностей с поставками.

Взамен мы готовы предоставить вам определенное количество более длинных трубок для уже имеющихся у вас стетоскопов.

Отдел материально-технического снабжения

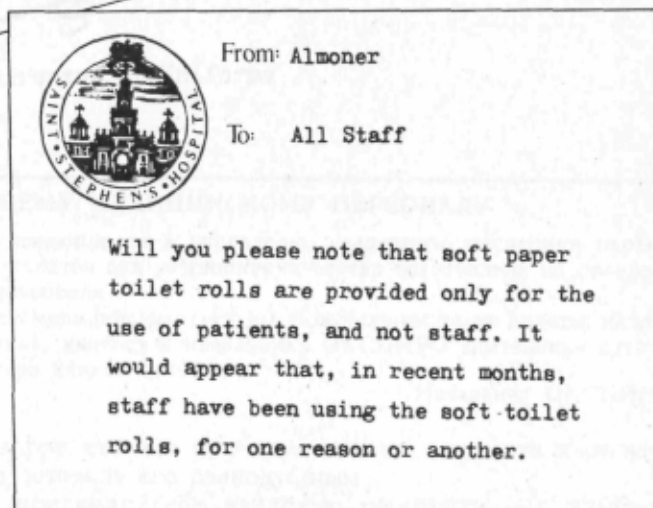
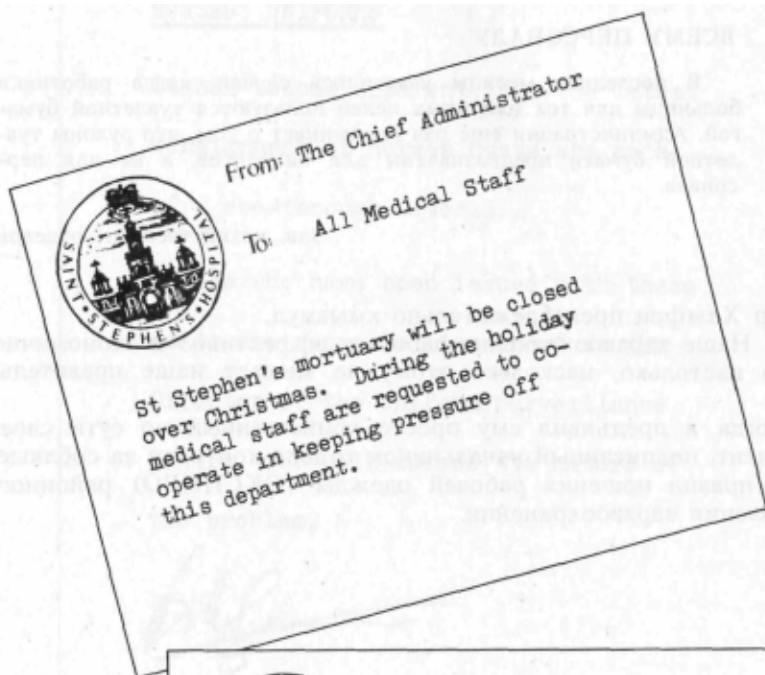
К моему удивлению сэр, Хамфри не усмотрел в документе ничего странного и даже заметил, что коль скоро такие трубки имеются в наличии, то предлагать их не только можно, но и нужно.

А Бернارد, в свою очередь, высказал предположение (надо же

до такого додуматься!), что это избавит врачей от многих неудобств: пользуясь удлиненными трубками, они, мол, смогут, не сходя с места, прослушивать пациентов по всей палате.

Надеюсь, он все-таки пошутил. Иначе...

Затем я ознакомил своего постоянного заместителя с распоряжениями, касающимися морга и туалетной бумаги, которые были отданы в больнице Сент-Стефан.

ВСЕМУ МЕДИЦИНСКОМУ ПЕРСОНАЛУ

В связи с закрытием морга на рождественские каникулы администрация больницы убедительно просит медицинский персонал не загружать работой данное подразделение в указанный период.

Главный администратор

ВСЕМУ ПЕРСОНАЛУ

В последние месяцы участились случаи, когда работники больницы для тех или иных целей пользуются туалетной бумагой. Администрация еще раз напоминает о том, что рулоны туалетной бумаги предназначены для пациентов, а не для персонала.

Зав. хозяйственным отделом

Сэр Хамфри пренебрежительно хмыкнул.

— Наше здравоохранение работает эффективно и экономично ровно настолько, насколько этому не мешает наше правительство.

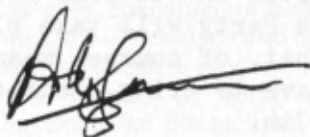
Тогда я предъявил ему просто убийственный по сути своей документ, подписанный начальником отдела контроля за соблюдением правил ношения рабочей одежды (ОКСПНРО) районного управления здравоохранения.

Regional Health Authority

NURSES' UNIFORMS

It has become apparent that the latest consignment of nurses coats are made of a see-through material.

Nurses who have been issued with these coats are requested to report to the Director of the Uniform Surveillance Centre, who will assess the nature of the problem.

Director of Uniforms

СРЕДНЕМУ МЕДИЦИНСКОМУ ПЕРСОНАЛУ

По имеющимся в управлении сведениям, последняя партия белых халатов для медицинских сестер изготовлена из прозрачного материала.

Всем медицинским сестрам, получившим такие халаты, надлежит лично явиться к начальнику ОКСПНРО для оценки сути и характера данной проблемы.

Начальник ОКСПНРО

У сэра Хамфри хватило мужества признать, что эта несусветная чепуха не оставила его равнодушным.

— Кто-то придумал себе неплохую работенку, — с улыбкой сказал он.

Свой главный козырь — распоряжение об изменениях в работе кухни в больнице имени Флоренс Найтингейл — я, как положено, оставил напоследок.

FLORENCE NIGHTINGALE INFIRMARY

KITCHEN RE-ORGANISATION December 13

Festive arrangements

Please note that Tuesday's sweet will be served as first course on Friday and Friday's first course will be served as main course on Thursday. The Christmas Dinner will be served on New Year's Eve and the New Year's Party will take place on Boxing Day. That, of course, means that staff will have to bring their own lunch on January 7th.

Good Friday this year will be held on Tuesday April 13th.

Chief of Catering

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'M. J. ...' with a long horizontal stroke extending to the right.

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В РАБОТЕ КУХНИ НА ПЕРИОД РОЖДЕСТВЕНСКИХ КАНИКУЛ

Администрация доводит до сведения всех сотрудников больницы, что запланированный на вторник десерт будет подан вмес-

то первого блюда в пятницу, так как последнее будет подано вместо второго блюда в четверг. Рождественский обед состоится в канун Нового года, а новогодний вечер будет проведен в День рождественских подарков*. Из вышесказанного следует, что 7 января сотрудникам рекомендуется принести обед с собой.

Великая пятница** в этом году будет отмечаться во вторник, 13 апреля.

Шеф-повар

У сэра Хамфри не хватило духу отрицать, что «система действительно функционирует не совсем нормально», если ее руководители могут тратить свое рабочее время и государственные деньги на сочинение подобной галиматии. К тому же (мне стало известно об этом только сегодня утром) за последние десять лет количество чиновников в национальном здравоохранении возросло на сорок тысяч человек, в то время как количество больничных коек сократилось на шестьдесят тысяч. Эти цифры говорят сами за себя.

Я еще не упомянул о том факте, что годовой бюджет министерства здравоохранения вырос на полтора миллиарда фунтов!

Странно, но моему постоянному заместителю эти цифры почему-то доставили удовольствие.

— Вот это рост! — радостно воскликнул он. — Если бы такого могла добиться британская промышленность...

— Рост? — ошеломленно переспросил я. — Это вы называете ростом? Вы считаете нормальным, когда утвержденные парламентом деньги из кармана налогоплательщиков идут на увеличение штата чиновников за счет сокращения количества пациентов?

— Да, считаю, — невозмутимо ответил он.

Я попытался объяснить ему, что парламент выделяет эти средства на больных. Однако, к моему глубочайшему удивлению, сэр Хамфри решительно не согласился с этим бесспорным утверждением.

— Напротив, господин министр, они выделяются для всех без исключения, с тем чтобы государство могло продемонстрировать степень своей заботы и сострадания. Направляя деньги в здравоохранение и социальные услуги, члены парламента испытывают чувство очищения, всепрощения, возвышения, самопожертвования!

Софистика чистейшей воды!

— Но ведь выделенные деньги должны расходоваться на лечение больных!

Сэр Хамфри, сочтя мои слова недостойными его внимания, продолжил свою идиотскую тираду:

— После жертвоприношения никому и в голову не придет интересоваться судьбою жертвы.

* Второй день рождества (26 декабря), официальный выходной день. В этот день принято дарить подарки.

** Пятница на страстной неделе, официальный выходной день. В этот день по традиции едят горячие «крестовые» булочки (сдобная, с корицей, наверху крест из теста или сахарной глазури).

Он не прав, тысячу раз не прав! По-моему, страну очень даже волнует судьба впустую растрачиваемых денег, и я, избранник народа, должен следить, чтобы этого не происходило.

- При всем уважении к вам, господин министр (одно из любимых оскорблений сэра Хамфри), позволю себе заметить, что люди начинают проявлять беспокойство только тогда, когда узнают о растрачивании впустую общественных средств.

Я отказался принять такой аргумент и напомнил о массовых волнениях в связи со скандальными разоблачениями в наших психиатрических клиниках.

Сэр Хамфри со свойственным ему цинизмом заметил, что подобные волнения только подтверждают его точку зрения.

- Все эти злоупотребления преспокойно продолжались десятилетиями. И никого даже отдаленно не волновало, как расходуются деньги налогоплательщиков, — собственно, в этом и заключалось самопожертвование. А привело их в бешенство то, что им об этом сказали.

Поняв, что мой постоянный заместитель намеренно создает дымовую завесу из демагогических рассуждений, я решил задать ему прямой вопрос:

- Хамфри, вы согласны, что бессмысленно содержать больницу только для обслуживающего персонала?

Как всегда, сэр Хамфри уклонился от прямого ответа.

- Господин министр, — заявил он, — я бы сформулировал вопрос иначе.

И замолчал.

Я заметил, что меня устраивает именно такая формулировка.

- Безусловно, — согласился он.

И снова замолчал.

Было ясно: Хамфри не намерен отвечать на мой вопрос до тех пор, пока он не будет сформулирован так, как хотелось бы ему.

В конце концов я сдался.

- Ладно, ну и как бы вы его сформулировали?

- Господин министр, — довольный одержанной победой, начал он, — в конечном итоге лечение пациентов является лишь одной из основных функций любой больницы...

- Одной? — перебил я. — Всего лишь одной! А какие могут быть еще?

Хамфри сделал вид, будто его никто не перебивал, и невозмутимо продолжил:

- Однако к выполнению этой функции невозможно приступить раньше, чем будут выделены средства на соответствующий медицинский и вспомогательный персонал. В данном конкретном случае — года через полтора...

- Через полтора года?! — ужаснулся я.

- Да, к тому времени мы, возможно, уже будем в состоянии открыть одно или даже два отделения.

Явная абсурдность его доводов придала мне решимости. И я настоятельно потребовал, чтобы он отдал распоряжение немедленно открыть несколько отделений в больнице Сент-Эдвардс — не одно-два, а несколько.

Такой оборот дела сэра Хамфри, очевидно, не устраивал, поскольку он тут же предложил создать межведомственную комиссию для изучения вопроса о возможности досрочного открытия больницы.

Я поинтересовался, много ли времени понадобится комиссии для подготовки рекомендаций.

— Немного, господин министр, — ответил он.

— Сколько?

Я догадался, каким будет ответ, прежде чем сэр Хамфри открыл рот.

— Полтора года, — в один голос сказали мы.

— Лучше не придумашь! — саркастически добавил я.

— Благодарю вас, — скромно потупился мой постоянный заместитель, приняв мои слова за чистую монету.

Видя, что спорить с ним — дело безнадежное, я счел своим долгом внести контрпредложение — уволить бездействующий административный персонал больницы, а на высвободившиеся средства открыть отделения, которые по тем или иным причинам были закрыты, в других больницах города.

(Как и предсказывал сэр Хамфри, Хэкер готов был закрыть всю больницу, — Ред.)

— Ну а со временем, — едко добавил я, — когда мы сможем это себе позволить, мы укомплектуем больницу Сент-Эдвардс всем необходимым медицинским персоналом и откроем ее.

Хамфри тотчас же возразил, что если мы закроем больницу сейчас, то открытие ее для пациентов отодвинется на долгие годы.

— Господин министр, вы рассуждаете так, будто без пациентов персоналу нечего делать.

— И что же они делают?

Хамфри, как я и ожидал, был готов к этому вопросу. Он мгновенно протянул мне перечень административных подразделений больницы Сент-Эдвардс и их функций вне зависимости, есть там пациенты или нет. Поразительно!

ПЕРЕЧЕНЬ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ И ИХ ФУНКЦИЙ

(составлен в целях координации и повышения степени взаимодействия всех подразделений)

1. *Отдел планирования мер обеспечения безопасности в чрезвычайных ситуациях*

Планирует меры обеспечения безопасности в случаях забастовок, воздушных налетов, ядерной войны, массовых пожаров, отравления продо-

вольственных запасов, воды и т. д., когда районные больницы становятся главными центрами выживания.

2. Отдел статистического учета

Ведет всесторонний демографический учет в микрорайоне с целью определения количественного соотношения (в динамике роста) мужчин и женщин, а также перспективных потребностей населения в акушерско-гинекологическом обслуживании.

3. Бухгалтерия

Отвечает за плановую отчетность, балансовые сметы, учет денежных поступлений и расходов в зависимости от степени загруженности персонала, темпов роста инфляции, объемов местного и национального финансирования и т. п.

4. Отдел снабжения

Осуществляет материально-техническое снабжение больницы, подготовку конъюнктурных обзоров текущих и перспективных цен, экономической анализ положения на рынке сбыта медицинской продукции и оборудования.

5. Технический отдел

Ведет постоянную работу по оценке экономической эффективности закупаемого оборудования.

6. Отдел капитального строительства

Занят подготовкой планов третьего этапа строительства больницы, включая составление смет, архитектурные привязки, а также все прочие виды работ, необходимых для завершения комплекса к 1994 году.

7. Ремонтная служба

Осуществляет содержание и текущий ремонт как здания больницы, так и находящегося в ней сложного дорогостоящего оборудования; в целях повышения рентабельности в данное подразделение входит также служба уборки помещений.

8. Кухня

Функции данного подразделения вытекают из его названия.

9. Отдел по работе с кадрами

Исключительно загруженное подразделение, ведающее вопросами отпусков, страхования здоровья и оплаты труда. В его состав, естественно, входит определенное число страховых агентов, необходимое для охвата более чем 500 штатных работников больницы.

10. Административно-хозяйственный отдел

Распределяет пишущие машинки, письменные столы, канцелярские принадлежности, кабинетную мебель; осуществляет связь между отделами и унификацию канцелярских процедур.

Прочитав перечень в первый раз, я подумал (кстати, не разуверился в этом и сейчас, когда пишу эти строки!), что Хамфри меня попросту разыгрывает. Например, отдел номер десять целиком состоит из администраторов, осуществляющих административный контроль над остальными администраторами!

Я внимательно перечитал бумагу, затем испытующе посмотрел на сэра Хамфри. Он был абсолютно серьезен.

— Хамфри, — медленно выговорил я. — В этой больнице нет

ни одного пациента, хотя она для них и существует! Для пациентов! Для больных! Для их излечения!

— Безусловно, господин министр, — не моргнув глазом, согласился мой постоянный заместитель, — однако перечисленные здесь функции должны неукоснительно выполняться независимо от наличия или отсутствия пациентов.

— Зачем? — спросил я.

— Зачем?

— Да, зачем?

— Простите, я вас не понимаю.

— Я спрашиваю: зачем? — повторил я, не зная, как можно сформулировать вопрос иначе.

— Господин министр, скажите, разве распускают армию только потому, что нет войны? — вопросом на вопрос ответил он.

Что за аналогия! На мой взгляд, чистая демагогия. Он попросил меня дать определение слову «демагогия». Я отмахнулся и сказал, что больницы — совсем другое дело. Работа больниц должна приносить конкретные результаты.

Похоже, удар достиг цели. Сэр Хамфри был ошеломлен. Во всяком случае, от его обычного самодовольства не осталось и следа.

— Господин министр, — озабоченно сказал он, — мы измеряем степень успеха не результатами, а деятельностью. А она в данном случае более чем заметна... И продуктивна. Каждый из этих пятисот администраторов занят выше головы... В идеале там должны работать шестьсот пятьдесят человек. — Он открыл свой «дипломат» и достал толстую пачку бумаг. — Позвольте вас ознакомить с документацией, которую мы получаем из Сент-Эдвардса.

«Ну уж нет, только этого мне не хватало», — подумал я и твердо произнес:

— Нет, позвольте вам не позволить. Мне все ясно. Немедленно увольте их... всех до одного, Хамфри.

Он наотрез отказался. Заявил, что это невозможно. И снова повторил, что если мы уволим администраторов, то больница Сент-Эдвардс вообще никогда не откроется. Тогда я предложил уволить только вспомогательный персонал. Он ответил, что с этим не согласится профсоюз.

Подумав, я решил пойти на компромисс и распорядился уволить половину администраторов и половину вспомогательного персонала, а взамен нанять медицинских работников и открыть два-три отделения. Это, сказал я, мое последнее слово.

Сэр Хамфри попытался было возразить, но я дал понять, что продолжать беседу не намерен. Крыть ему было нечем!

И все же меня несколько тревожит, что он слишком уж спокойно воспринял свое поражение. Более того, выходя из кабинета, он пообещал переговорить с профсоюзом и попытаться убедить его руководство в целесообразности моего решения.

У меня возникает ощущение, будто я — Алиса в стране чудес.

(В конце недели сэр Хамфри Элби встретился с генеральным секретарем Конфедерации профсоюзов административных работников Брайаном Бейкером. Встреча, судя по всему, носила неофициальный характер и проходила в кабинете сэра Хамфри за рюмкой «шерри». Как ни странно, мы не нашли никаких записей о ней даже в личном дневнике сэра Хамфри. Можно сделать вывод, что он считал ее содержание для себя потенциально очень опасным. Но нам повезло: Брайан Бейкер сослался на нее во время ближайшего заседания исполнительного комитета своей конфедерации. Из стенограммы мы и узнали, о чем они говорили. — Ред.)

Прочее:

Господин Бейкер проинформировал присутствовавших о том, что имел в высшей степени конфиденциальную беседу с сэром Хамфри Элби, постоянным заместителем министра административных дел. В ходе беседы сэр Хамфри поднял вопрос о больнице Сент-Эдварде, и господин Бейкер выразил готовность пойти на компромисс, понимая необоснованность требований в защиту вспомогательного персонала бездействующей больницы.

Сэр Хамфри обвинил господина Бейкера в пораженчестве и порекомендовал ему более решительно защищать интересы членов своего профсоюза. По словам господина Бейкера, подобное предложение из уст сэра Хамфри немало его удивило. Однако тот немедленно разъяснил, что администраторам больницы надо кем-то управлять — иначе они тоже окажутся безработными.

Господина Бейкера поистине озадачил намек сэра Хамфри на то, что ему, возможно, придется согласиться на увольнение части государственных служащих. «Мы живем в странное и тревожное время», — заявил он.

На вопрос господина Бейкера, может ли конфедерация рассчитывать на поддержку сэра Хамфри в случае проведения политической акции (*забастовки*. — Ред.), тот ответил, что, поскольку на него возложена ответственность за нормальное функционирование государственного механизма, он вряд ли сможет открыто выразить свою солидарность.

Вместе с тем сэр Хамфри недвусмысленно дал понять, что не будет принимать административных мер «против наших товарищей, если они решатся на широкомасштабные и эффективные действия».

Когда господин Бейкер попросил проинформировать его о позиции, которую занимает в данном вопросе господин Хэкер, сэр Хамфри ответил, что министр «не в состоянии отличить СУПТОА* от ААРНМУ**».

Господин Бейкер тем не менее настаивал на оказании ему активной поддержки для успешного проведения упомянутой акции. Он объяснил это тем, что длительное пребывание в бездействующей больнице без каких-либо надежд на ее открытие в течение полутора лет по меньшей мере разлагающе действует на членов профсоюза, лишает их боевитости.

Сэр Хамфри полюбопытствовал, не лишился ли боевитости Билли Фрейзер. Господин Бейкер напомнил сэру Хамфри, что Билли Фрейзер числится совсем в другой больнице — сауторкской. Но сэр Хамфри сооб-

* Совет по урегулированию промышленно-трудовых отношений и арбитражу.

** Ассоциация административных работников национальных и местных учреждений.

цил, что Билли в ближайшее время, возможно, будет переведен в больницу Сент-Эдвардс.

По мнению помощника генерального секретаря, господин Бейкер «принес хорошие вести». «Мы многого сможем добиться в деле повышения заработной платы и условий труда наших товарищей в больнице Сент-Эдвардс, если сумеем поднять их боевой дух», — сказал он.

В заключение господин Бейкер рассказал о том, как сэр Хамфри проводил его до самых дверей кабинета, просил передать его наилучшие пожелания всем «соратникам по профсоюзу» и даже пропел две строчки из «Мы преодолеем»*.

Члены исполкома поручили господину Бейкеру в ходе будущих встреч присмотреться к сэру Хамфри повнимательнее: он либо готов изменить собственному классу, либо ведет двойную игру.

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

25 марта

Сегодня я наконец-то лично посетил больницу Сент-Эдвардс. И, должен заметить, сделал для себя немало открытий.

«Группа приветствия» — употребляю этот термин в самом широком значении, так как менее приветливых людей трудно себе представить, — встретила нас к Бернардом на ступеньках главного входа.

Нас познакомили с главным администратором больницы госпожой Роджерс и кошмарным типом по имени Билли Фрейзер, который отрекомендовался как представитель объединенного комитета шоп-стюардов**. Госпожа Роджерс — красивая, аристократического вида дама лет сорока пяти, очень худая, темноволосая, с пикантной седой прядью — говорит так, будто во рту у нее каша.

— Очень рад познакомиться с вами, — сказал я Фрейзеру, первым протягивая руку.

— Свежо предание! — огрызнулся он.

Нам показали несколько пустующих отделений, а затем административные кабинеты, где царил атмосфера бурной деятельности, и, наконец, огромную операционную, в которой все было покрыто слоем пыли в палец толщиной. На мой вопрос о стоимости оборудования операционной госпожа Роджерс сообщила, что вместе с аппаратами радио- и интенсивной терапии все обошлось в два с четвертью миллиона фунтов.

Я поинтересовался, как она себя чувствует при мысли, что оснащенный по последнему слову комплекс бездействует вот уже больше года.

— Прекрасно! — бодро откликнулась она. — Здесь есть свои преимущества: продлевается срок службы оборудования, экономятся расходы на текущее обслуживание...

* Песня негритянских борцов (на Юге США) за гражданские права. В настоящее время превратилась в гимн леволиберальных и демократических сил англоязычных стран.

** Цеховые старосты, руководители профсоюзных ячеек, отстаивающие интересы членов профсоюза на данном предприятии.

— Но ведь пациентов-то нет, — напомнил я.

— Нет, — радостно подтвердила госпожа Роджерс и добавила, что выполнение главной функции больницы не должно зависеть от наличия или отсутствия пациентов.

— Мне всегда казалось, что главная функция любой больницы — лечить больных, — заметил я.

— Управлять штатом в пятьсот человек — серьезное дело, господин министр. — В голосе госпожи Роджерс явственно зазвучали нотки обиды и раздражения.

— Да-да, конечно, но... что бы изменилось, если бы их здесь не было?

— Как что?

Она упорно отказывалась понимать меня. Это что, природная тупость?..

«Хватит с ними миндальничать», — решил я и прямо заявил ей о недопустимости подобной ситуации. Либо она открывает больницу для пациентов, либо я ее закрываю!

— Ну конечно же, господин министр, — поняв, что я не шучу, засуетилась она, — со временем, я уверена...

— Не со временем, а немедленно! — отрубил я. — Мы уволим триста ваших администраторов, а на их место возьмем врачей и медсестер, чтобы они начали лечить больных.

Тут в разговор вмешался Билли Фрейзер:

— Если вы пойдете на это, больница не сможет функционировать вообще.

— А сейчас она, по-вашему, функционирует?

— Это лучшая больница во всей стране! — срывающимся голосом выкрикнула госпожа Роджерс. — Ее выдвигают на премию Флоренс Найтингейл!

Я попросил объяснить мне, что это такое.

— Премия Найтингейл присуждается самой гигиеничной больнице района, — гордо заявила она.

Я мысленно попросил господ бога даровать мне терпение. А затем твердо повторил, что мое решение окончательно и бесповоротно: триста администраторов должны быть уволены, их места займут медицинские работники, и больница откроется для пациентов.

— Вы что, хотите сократить триста рабочих мест? — наконец-то дошло до пронизательного Фрейзера.

До госпожи Роджерс это тоже дошло — и даже раньше. Но, по ее глубококому убеждению, пациенты для больницы — далеко не самое главное.

— Господин министр, ведь с таким количеством медицинских работников мы все равно не сможем делать серьезные хирургические операции.

Я ответил ей, что мне в высшей степени безразлично, какой хирургией они будут здесь заниматься. Пусть оперируют варикозное расширение вен, грыжу, аппендицит — лишь бы хоть что-то делали!

— Значит, вы намерены сократить триста рабочих мест? — с вызовом повторил Билли Фрейзер, видимо, все еще пытаюсь уяснить для себя то, что остальные поняли десять минут назад.

- Да, намерен, — подтвердил я. — Больницы, господин Фрейзер, существуют не для трудоустройства членов профсоюза, а для лечения больных!

От злости он побагровел. Его пороссячи глазки засверкали классовой ненавистью. Он весь затрясся и, оплевывая свою клочковатую бородавку, заорал:

- Мерзавцы! Для моих товарищей это источник существования, а вы хотите лишить их работы! И еще имеете наглость твердить о каком-то обществе милосердия!

Скажу без ложной скромности: я сохранил полное спокойствие.

— Да. И в данном случае я склонен проявлять милосердие к больным, а не к членам вашего профсоюза.

— Мы объявим забастовку! — бушевал он.

Я не поверил своим глазам... или ушам? Его угроза показалась мне настолько нелепой, что я рассмеялся ему в лицо.

- Прекрасно! Объявляйте. Хуже от нее никому не станет. Объявляйте свою забастовку, сделайте милость. И чем скорее, тем лучше. Только не забудьте вовлечь в нее всех этих чиновников. — Я кивнул в сторону уважаемой госпожи Роджерс. — Тогда по крайней мере не придется им платить.

Мне кажется, мы с Бернардом ушли с поля боя бесспорными победителями.

В большой политике очень редко кому удается нокаутировать своих оппонентов, но уж если удается... Ни с чем не сравнимое чувство.

26 марта

Оказывается, я их отнюдь не нокаутировал. Как ни странно, фортуна очень быстро повернулась ко мне спиной.

Мы с Бернардом сидели у меня в кабинете и весело обсуждали наш вчерашний успех. Помнится, я еще заметил — весьма опрометчиво, — что угроза Билли Фрейзера насчет забастовки сыграла нам на руку.

Решили послушать новости. Бернард включил телевизор. Вначале шел разговор о том, как американцы снова давят на английское правительство с целью заставить его принять еще одну партию кубинских беженцев. А затем... Затем взорвалась бомба! На экране появилась мерзопакостная физиономия Билли Фрейзера, крикливо грозившего начать сегодня в полночь всеобщую забастовку работников лондонских больниц, если мы не отменим решения об увольнении части персонала больницы Сент-Эдвардс. Я был потрясен.

(Нам удалось получить копию стенограммы упомянутой передачи, отрывок из которой приводится ниже. — Ред.)

ВЕДУЩИЙ: ...Сегодня в полночь работники всех государственных больниц Большого Лондона начинают забастовку в знак протеста против решения об увольнении ста семидесяти вспомогательных работников больницы Сент-Эдвардс... У нас в студии профсоюзный активист Билли Фрейзер.

БИЛЛИ ФРЕЙЗЕР: Наша акция направлена против безработицы... Мы перекроем лондонским больницам кислород... Мы их полностью парализуем. Никаких переливаний крови, никаких операций — ничего! Все замрет до тех пор, пока обществу не вернут утраченное милосердие. Истинное милосердие!

КОРРЕСПОНДЕНТ: Но как же вы можете допустить такое по отношению к больным?

БИЛЛИ ФРЕЙЗЕР: Это допускаем не мы, это допускает господин Хэжер!

КОРРЕСПОНДЕНТ: Вам не кажется, что следовало бы хорошенько подумать, прежде чем столь жестоко наказывать ни в чем не повинных сограждан?

БИЛЛИ ФРЕЙЗЕР: Пользуясь предоставленной мне возможностью, хотел бы заверить вас и общественность страны, что мы не пожалеем усилий в поисках разумного решения вопроса...

В этот момент в кабинет вошел сэр Хамфри.

— О, вы смотрите! — вместо приветствия сказал он.

— Как видите, — процедил я. — Хамфри, вы же обещали договориться с профсоюзами.

— Я говорил с ними, но... — Он бессильно развел руками. — Что я могу?

Конечно же, он сделал все возможное, в этом нет сомнений, но толку-то ровным счетом никакого.

— И как же нам теперь быть? Посоветуйте, — потребовал я.

Однако, как выяснилось, мой постоянный заместитель пришел совершенно по другому поводу, причем столь же безотлагательному. Он принес еще одну бомбу, готовую в любой момент взорваться!

— Похоже, третейская комиссия во главе с сэром Морисом приходит к неблагоприятным для нас выводам, — сообщил он.

Кошмар! Но ведь, по словам Хамфри, сэр Морис — надежный, добросовестный человек. И к тому же хочет стать пэром.

— К сожалению, — пробормотал Хамфри, смущенно потупив взор, — он зарабатывает себе место в палате лордов и как председатель Объединенного комитета по размещению беженцев.

— Неужели беженцы дают больше очков, чем правительственные комиссии?

Он кивнул.

Я стал говорить, что на размещение новой партии беженцев у нас просто нет денег... Но в это время зазвонил телефон. Бомба номер три? Я снял трубку.

Увы, дурное предчувствие меня не обмануло. Старший советник премьер-министра в довольно резкой форме сообщил мне, что Номер

Десять видел выступление Билли Фрейзера по телевидению (под Номером Десять он, естественно, имел в виду самого ПМ) и очень надеется на скорейшее разрешение конфликта мирными средствами. Я тоскливо размышлял над возможными последствиями этой недвусмысленной угрозы. А мой постоянный заместитель тем временем продолжал бормотать что-то о набившей оскомину проблеме кубинских беженцев.

— Сэр Морис был бы полностью удовлетворен, если бы мы смогли разместить хотя бы тысячу человек, — донеслось до моего слуха.

Я собирался в очередной раз объяснить ему, что на поиски или строительство гостиницы на тысячу мест у нас нет ни времени, ни денег. Как вдруг... Эврика!

Тысяча беженцев, которым некуда податься. Тысяча мест. Полностью укомплектована больница. Нет, господь все-таки не оставил меня!

Сэр Хамфри, конечно же, сразу понял мой гениальный замысел, однако сделал вид, будто он ему не по душе.

— Господин министр, — напыжился он, — в больнице Сент-Эдвардс установлено самое современное оборудование, стоящее миллионы фунтов. Она строилась для больных англичан, а не для здоровых иностранцев! Список наших сограждан, ожидающих очереди в больницу, растет не по дням, а по часам... С финансовой точки зрения было бы крайне безответственно использовать вложенные средства подобным образом...

Я прервал поток этой лицемерной, ура-патриотической чепухи:

— Да, но как в таком случае быть с третьей комиссией? Разве вы сами не сказали, что благоприятных выводов от сэра Мориса ждать не приходится?

Сэр Хамфри на секунду задумался.

— Пожалуй, вы правы, господин министр.

Я распорядился немедленно отменить решение об увольнении вспомогательных работников больницы Сент-Эдвардс, сообщить сэру Морису о нашей готовности передать совершенно новую больницу на тысячу мест его беженцам и довести мое решение до сведения средств массовой информации. Полагаю, теперь все будут счастливы!

Бернард спросил меня, не хочу ли я сам составить текст пресс-выпуска. Правильное и своевременное напоминание.

— Пишите, — я начал диктовать. — «По мнению господина Хэкера, это нелегкое решение, но оно необходимо, если мы, британцы, хотим заслужить право называться... обществом милосердия».

Закончив диктовать, я спросил, разделяет ли сэр Хамфри мою точку зрения.

— Да, господин министр, — ответил он.

Мне в его голосе даже почудилось восхищение.

9 СПИСОК ПРИГОВОРЕННЫХ

28 марта

Воскресный вечер — обычное время для неспешных раздумий. Так, нынче вечером я окончательно пришел к выводу, что Рой (мой шофер) осведомлен в делах Уайтхолла куда больше, чем мне казалось.

Уайтхолл по праву считают самой загадочной квадратной милей на всем земном шаре. Навязчивое стремление не допускать ошибок (для чего, собственно, и существует государственная служба) оборачивается не менее сакраментальным стремлением не допускать огласки всего, что происходит в этих пределах.

Говорят, несколько месяцев назад сэръ Арнольд заявил буквально следующее: «Если никто не знает, что вы делаете, стало быть, никто и не знает, что вы делаете не так».

(Не потому ли отчеты, циркуляры и иная документация государственной службы с таким трудом поддаются расшифровке? Ведь их главная задача — защитить чиновника, который их составляет. — Ред.)

Следовательно, способ сообщения информации или ее сокрытия — ключ к безупречному функционированию государственной машины.

Стремление не допустить ошибок неизбежно влечет за собой потребность фиксировать все на бумаге: государственные служащие копируют все без исключения документы и рассылают копии всем своим коллегам. (Это вызвано еще и тем, что «парни не хотят утаивать что-либо от своих собратьев по профессии», как-то объяснил мне Бернард.) К примеру, до изобретения ксерокса канцелярия работало значительно эффективнее, так как чиновникам не приходилось читать столько «взаимодополняющих», «взаимоисключающих» документов и в голове у них не возникало такой путаницы.

Страсть государственных служащих к бумаготворчеству иначе, чем всепоглощающей, не назовешь. Они буквально горят желанием получать и распространять самую немислимую информацию. Где же тут найти время для других дел? Если таковые у них вообще имеются.

Не менее поразительно и то, что до сведения общественности доводится лишь малая толика всей этой информационной лавины — беспспорное свидетельство конспиративных способностей Уайтхолла. Как правило, государственные служащие руководствуются незыблемым принципом: политическим «хозяевам» информация должна предоставляться лишь в случае крайней необходимости, а общественности — только если этого никак нельзя избежать.

Я все больше убеждаюсь, что из их методов можно и нужно извлекать для себя полезные уроки. Для начала — уделить побольше внимания Бернарду и Рою. В частности, надо отбросить ложную гордость и честно признать, что мой шофер информирован лучше меня. Завтра же, когда он встретит меня у Юстонского вокзала, попрошу его поделиться со мной всеми новостями и заодно посоветую не думать, что министру известно больше, чем ему.

Впрочем, зачем говорить? Он и сам это прекрасно знает!

Кстати, о неофициальных источниках информации личных секретарей: на прошлой неделе я с большим интересом узнал, что сэр Хамфри получил взбучку от сэра Арнольда и очень переживает по этому поводу, так как превыше всего ценит мнение своих коллег.

Если у кого и существует более эффективная система распространения неофициальной информации, чем у шоферов и личных секретарей, так это у постоянных заместителей. У членов кабинета такой системы, естественно, нет и быть не может. Они крайне редко бывают дружны между собой и мало что друг о друге знают, встречаются только на заседаниях кабинета или в лобби для голосования*.

Взбучка, полагаю, может значительно ухудшить шансы сэра Хамфри на назначение секретарем кабинета после ухода на пенсию сэра Арнольда или на получение тепленького местечка в Брюсселе.

Слава богу, меня эта проблема не касается. К тому же, когда я упомянул о ней своим верным информаторам, и Бернард, и Рой единодушно и независимо друг от друга высказали мнение, что сэр Хамфри в любом случае за бортом не останется. Не говоря о солидной пенсии, бывшие постоянные заместители при желании всегда могут рассчитывать на хорошую должность в каком-нибудь Совете по каналам и водным путям или на что-нибудь в этом роде.

Что касается Бернарда, то в последнее время я не раз имел возможность убедиться в его абсолютной лояльности по отношению ко мне. Он искренне (я убежден в этом) и с чувством ответственности помогает мне во всех делах, порой даже рискуя поставить под удар собственную карьеру. Иногда меня несколько беспо-

* Один из двух коридоров в палате общин. Правое от спикера лобби предназначается для голосующих «за», левое — для голосующих «против». При выходе из палаты счетчики голосов отмечают число проголосовавших членов парламента.

коит, что между нами установились такие доверительные, по-настоящему доброжелательные отношения: если так пойдет и дальше, его, без сомнения, переведут на другое место. Рано или поздно наступит момент, когда Уайтхолл неизбежно осознает: чем полезнее Бернад для меня, тем вреднее — для него.

29 марта

Сегодня во второй половине дня, когда я просматривал почту, в кабинет робко, пряча руки за спиной, вошел Бернад.

— Извините, господин министр, — смущенно, переминаясь с ноги на ногу, произнес он и достал из-за спины какую-то ксерокопию, — тут... э-э... кое-что про вас...

— Про меня? Ну что ж, давайте. О себе почитать всегда приятно.

— Да, но... — Бернад нервно сглотнул. — Боюсь... в общем, это из «Прайвит ай»*, — промямлил он, протягивая мне листок.

У меня засосало под ложечкой. Я с опаской, будто гремучую змею, взял двумя пальцами этот пасквильный листок. Обычно копии посвященных мне статей приносит наш пресс-секретарь. Раз он предоставил это Бернаду, значит, надо ожидать чего-то из ряда вон выходящего. Причем нетрудно догадаться, какого рода, если источник — «Прайвит ай».

— Они там... э-э... кое-что вспоминают, господин министр, — нерешительно намекнул Бернад.

В голове сразу же закружился хоровод панических предположений — одно страшнее другого. В миг передо мной пронеслась вся моя жизнь. Что? Что они откопали?

Испугавшись, что Бернад прочитает мои мысли, я поспешил принять бодрый вид.

— Ну, и что они там напридумывали про меня в этом мерзопакостном листке?

— Пожалуй, вам лучше прочесть это самому, господин министр.

Так я и сделал.

Удар был силен, ничего не скажешь!

«Сага о деяниях органов национальной безопасности, иначе говоря, совершенно секретный документ под названием «Доклад Гатри», о существовании которого мы поведали нашим читателям на прошлой неделе, продолжает лихорадить элиту Уайтхолла. Как выяснилось, одной из жертв злобной химеры подозрительности, насаждаемой органами безопасности, в свое время стал не кто иной, как «истый Джим» — член нынешнего кабинета Джеймс Хэкер, министр административных дел, чьей главной задачей является управление 23 тысячами администраторов страны. Когда он находился в оппозиции, в его квартире были установ-

* Сатирический журнал, публикующий материалы (нередко сенсационного характера) об английских политических деятелях, бизнесменах и т. д. Издается в Лондоне с 1962 года.

лены подслушивающие устройства и за ней велось круглосуточное наблюдение. А сейчас, по иронии судьбы, именно ведомство «истого Джима» отвечает за поставки всех видов электронного подслушивающего оборудования. Что, очевидно, дает право считать достопочтенного министра главным бациллоносителем этой заразы».

Я немедленно послал за Хамфри. Необходимо установить, правда ли то, о чем говорится в заметке.

Меня особенно заинтриговало одно определение в этом пасквиле.

— «Истый Джим»... Что они имеют в виду? — спросил я Бернарда.

— Думаю, «выдающийся»... э-э... в том или ином плане.

Что ж, если так, я не возражаю. Хотя с чего бы это «Прайвит ай» стал меня хвалить? Не мешает проверить.

Наконец явился Хамфри, прочел статью вслух и весьма бестактно рассмеялся, когда дошел до «бациллоносителя заразы».

— Это правда? — в упор спросил я.

— Конечно, нет, господин министр.

У меня отлегло от сердца, но... всего лишь на миг, пока он не продолжил:

— Это очередная шуточка. Вряд ли кто всерьез полагает, что вы баци... то есть... э-э...

— Хамфри! — взорвался я. — При чем тут эта пошлая «шуточка»?! Меня интересует, правда ли, что в свое время я находился под наблюдением и что сейчас я отвечаю за подслушивающую аппаратуру.

Верный себе, сэр Хамфри попытался уйти от прямого ответа.

— Как бы там ни было, господин министр, вы же не собираетесь верить тому, что написано в этом клеветническом листке?

Я снова спросил его, соответствуют ли действительности приведенные в журнале факты.

И вновь получил уклончивый ответ:

— По-моему, не стоит принимать это так близко к сердцу, господин министр.

Его сочувственный тон привел меня в ярость. Я заявил, что рассматриваю данный пасквиль как возмутительное, недопустимое вмешательство в мою частную жизнь. И если он не находит в этом ничего предосудительного, то я другого мнения. Шутка сказать — за мной, свободным гражданином, более того, членом парламента, была установлена тотальная слежка! Сознает ли он, что это нарушение всех демократических устоев и противоречит европейской Конвенции по правам человека?

На Хамфри мои слова, казалось, не произвели никакого впечатления.

— Негласное наблюдение, — невозмутимо констатировал он, — является незаменимым оружием в борьбе против организованной преступности.

Невероятно! Неужели это может служить оправданием для

установки подслушивающих устройств у меня, политического деятеля?

— Хамфри, вы что, политиков тоже причисляете к организованному преступному миру?

— Хм... И к неорганизованному тоже, — отшутился он, но, глядев на меня, понял, что переборщил, — Если серьезно, господин министр...

Я резко оборвал его, напомнив об одном факте моей биографии.

— Будучи редактором журнала «Реформ», я написал передовицу, в которой резко осудил подобное вмешательство в частную жизнь свободных граждан. К тому же я был инициатором общенациональной петиции, требовавшей запретить чиновникам совать нос в чужие дела. И что я узнаю теперь — заметьте, не от вас, а от «Прайвита ай»? Оказывается, ответственность за технические аспекты этой порочной практики несут именно я!

Сэр Хамфри ограничился кивком.

— Почему же вы не информировали меня об этом? (Мой извечный вопрос.)

— А вы не спрашивали. (Его извечный ответ.)

— Что ж, да здравствует свободная пресса! Слава богу, в нашей стране нашелся один смелый и честный журнал!

Бернард принялся было лепетать, что, дескать, пять минут назад я говорил совсем другое. Посоветовал ему (в довольно резкой форме) оттачивать политическое чутье. Надо уметь гибко реагировать на малейшие изменения в ситуации.

Надеюсь, он меня понял.

— Теперь предстоит выяснить еще один важный момент — о магнитофонных записях и/или стенограммах моих подслушанных разговоров. Где они?

— Очевидно, их приложили к отчетам, — беззаботно, будто дело выеденного яйца не стоит, сообщил Хамфри.

— И у кого эти отчеты?

— Видимо, их получает... получал министр внутренних дел, — почти без запинки ответил сэр Хамфри.

— Получает?! — взвился я. — Вы хотите сказать, это продолжается и поныне?

— Нет-нет, господин министр, лично вы можете быть спокойны. Теперь ему направляют отчеты о деятельности членов оппозиции.

Слабое утешение.

— Хорошо. Ну а кто готовит эти отчеты для министра внутренних дел?

Он пожал плечами.

— Полагаю, МИ-5*.

* Служба безопасности, контрразведка. Сокращенное название по первым буквам Military Intelligence.

— Меня поражает ваше спокойствие, Хамфри.

Он снисходительно, с чувством собственного превосходства усмехнулся. Этот самодовольный... *(Дальнейшее опускается из соображений чистоты языка. — Ред.)*

Я, в отличие от своего постоянного заместителя, не мог оставаться спокойным. Категорически, не стесняясь в выражениях, я осудил позорную практику слежки и подслушивания.

— Это чудовищно! Честный британский гражданин, а в случае со мной — заслуженный британский гражданин, отдает всего себя родине и ее народу, а какие-то бездарные, безликие чинуши подслушивают каждое его слово! Все его звонки! Ссоры с женой! Скандалы с дочерью! Его деловые переговоры с собственным банкиром! (Не слишком ли много я себе позволяю? А вдруг мой кабинет прослушивается?) И дело совсем не в том, что я стыжусь какой-либо страницы своего прошлого: моя жизнь — открытая книга!

— Конечно, конечно! — в один голос подтвердили Хамфри и Бернارد.

— Дело в принципе!

Я замолчал и испытующе поглядел на Хамфри — его ход. Что-то ведь он должен ответить? Однако ни объяснений, ни тем более оправданий не последовало.

Сэр Хамфри просто сидел, чуть склонив голову набок, словно психоаналитик, который сочувственно и понимающе выслушивает бредовые жалобы очередного пациента-неврастеника.

Пауза несколько затянулась. Очевидно, мой постоянный заместитель и не догадывается, что я жду ответа.

— Так в чем же дело?

Сэр Хамфри встрепенулся и устремил на меня недоумевающий взор.

— Простите, господин министр, вы имеете в виду слежку или себя?

— И то и другое.

— В любом случае, господин министр, ответ один и тот же. Я даже затрясся от возмущения.

— Тогда зачем вы делаете это разграничение?

Последовала новая долгая пауза.

(Сэр Хамфри явно не желал рисковать, отвечая на вопрос, который Хэкер не задавал. — Ред.)

Затем он все-таки снизошел до объяснения.

— Но ведь это очевидно, господин министр, — произнес он свою излюбленную фразу. — Еще до выборов прошел слух, что вас, возможно, назначат министром обороны. В связи с этим необходимо было успокоить МИ-5, документально доказав, что без опасности страны ничто не грозит...

— Однако при этом вторглись в мою частную жизнь! — не унимался я.

Сэр Хамфри улыбнулся самой обаятельной из своих улыбок.

— Это все-таки лучше, чем вторжение в нашу страну, господин министр.

Веский аргумент, ничего не скажешь.

У меня почему-то было такое чувство, что Хамфри никогда не случалось бывать в подобных ситуациях. Поэтому вряд ли ему когда приходило в голову, что подлинная демократия означает уважение чувств и прав каждой отдельной личности — именно это в первую очередь отличает ее от диктатуры!

— Хамфри, — спросил я, — а вы когда-нибудь находились под наблюдением?

— Я? — Он был потрясен.

— Да-да, вы. Вы, Хамфри.

На его лице появилось обиженное выражение.

— Я — государственный служащий! — надменно произнес он, как будто это говорило само за себя.

— Так же, как Бэрджес, Маклин и Филби*, — заметил я.

Мое сравнение ему явно не понравилось и даже несколько выбило из колеи, однако он тут же нашел контраргумент.

— Но они никогда не были постоянными заместителями! Чтобы стать постоянным заместителем, человек должен жизнью доказать свою надежность, стойкость и честность. В результате жесточайшего естественного отбора эта должность достается самым высоконравственным, самым благородным и самым сдержанным государственным служащим.

Слово «сдержанным» он произнес с особым выражением, тем самым открыто подтверждая пристрастие Уайтхолла ко всякого рода секретности. А еще я отметил, что моделью для идеального портрета постоянного заместителя, очевидно, служил он сам.

Однако, даже если предположить, что постоянные заместители вне подозрений, не понятно, почему Хамфри так уверен, что никогда не попадал под наблюдение? Ведь не всегда же он был постоянным заместителем!

Ну раз уж сэр Хамфри столь красноречиво охарактеризовал постоянных заместителей, не худо бы услышать его мнение и о министрах. Услышал я, в общем, то, что и ожидал:

— Министры, как правило, обладают рядом ценнейших качеств, в том числе... э-э... способностью к быстрой интеллектуальной адаптации и... э-э... высокой моральной гибкостью.

Я потребовал разъяснений.

— Короче говоря, министрам нельзя доверять, — нагло заявил он и, на мой взгляд, без всякой нужды добавил: — Я говорю вполне откровенно. (Я бы назвал это возмутительной дерзостью!) Я не хочу сказать, что нельзя доверять лично вам, господин министр. Вам, конечно, можно. Но в общем, согласитесь, назначение министров, в отличие от государственных служащих, всегда несет

* Занимали ответственные посты в государственном аппарате послевоенной Великобритании. Являлись агентами советской разведки.

в себе элемент случайности, нередко целиком и полностью зависит от прихоти премьер-министра, который раздаёт портфели либо в награду за услуги... э-э... сомнительного характера, либо чтобы оттереть действительно достойного человека, вероятного конкурента — нет-нет, конечно же, не вас, господин министр. Вам, безусловно, доверять можно. Почти что как государственному служащему.

(По всей вероятности, сэр Хамфри хотел сделать своему министру в известном смысле редкий комплимент. И Хэкер, не разглядев за этой щедростью очередного этапа своего «приручения», к сожалению, попался на удочку. — Ред.)

Последние слова сэра Хамфри, не скрою, были мне приятны, и я позволил ему продолжать.

— Господин министр, положив руку на сердце можете вы поручиться хоть за одного из своих коллег по кабинету, можете гарантировать, что уж тут-то ни в коем случае не будет утечки секретной информации?

Естественно, я не мог честно ответить на его вопрос, не проявив определенной нелояльности по отношению к своим коллегам по кабинету.

— А за лидеров оппозиции? — не дожидаясь ответа, осведомился он.

— Ну, этим вообще доверять нельзя! — не задумываясь, воскликнул я.

— Безусловно, — подтвердил сэр Хамфри и с довольной улыбкой объявил мне мат: — Так вот, господин министр, в то время вы были одним из лидеров оппозиции!

С моим постоянным заместителем трудно спорить. Однако для него главное — победить в споре, а для меня — сделать правильный вывод.

Поэтому я прервал нашу дискуссию и вынес свое решение: немедленно прекратить практику негласного наблюдения. Это дело принципа!

Он возразил, что такие решения чаще всего не входят в нашу компетенцию — это прерогатива министерства внутренних дел.

Ну и что? Меня вопрос о прерогативах меньше всего беспокоит. Я знаю, что просто обязан помешать дальнейшему распространению злокачественной опухоли. Раз уж я отвечаю за подслушивающую аппаратуру, почему бы мне заодно не взять на себя ответственность и за создание надежного защитного механизма от злоупотребления ею (разумеется, до того, как эта аппаратура будет пущена в ход).

— Господин министр, следует ли понимать вас в том смысле, что, прежде чем «поставить кого-либо на контроль», у него или у нее необходимо испросить письменное согласие? — не без сарказма заметил Хамфри.

Отвечать ему в том же тоне я счел ниже своего достоинства, поэтому мягко, но решительно возразил:

— Нет, я предлагаю создать специальную комиссию из представителей обеих палат под председательством лорда-судьи, и пусть она принимает решение в каждом конкретном случае. При чем санкция на подслушивание должна подтверждаться комиссией — и только ею — не реже чем каждые две недели.

После чего я потребовал, чтобы он незамедлительно «запустил машину в действие».

Сэр Хамфри больше спорить не стал, но попросился со мной весьма прохладно.

Сегодня у меня плодотворный день. Сразу же после ухода Хамфри дал указание Бернарду подготовить и разослать соответствующую информацию всем членам кабинета. А еще мне в голову пришла любопытная идея «организовать» запрос министру внутренних дел от какого-нибудь заднескамеечника. Что-то вроде: «Может ли господин министр заверить палату, что ни один из членов нынешнего кабинета Ее Величества никогда не подвергался негласному наблюдению?» Это собьет с них спесь и придаст делу необходимую огласку. Еще посмотрим, замыкается ли все на министерстве внутренних дел. Я лично сомневаюсь.

И наконец, я попросил Бернарда условиться о встрече с Уолтером Фаулером из «Экспресс» в неофициальной обстановке, скажем, в баре «У Энни» (*один из тринадцати баров Вестминстерского дворца. — Ред.*) ближе к концу недели.

— С какой целью? — поинтересовался Бернард, приготовив блокнот.

— Первый закон политической «несдержанности» гласит: «Прежде чем проговориться, выпей», — назидательно ответил я.

(Уолтер Фаулер был парламентским корреспондентом «Экспресс». А это означало, что он являлся либо ведущим политическим обозревателем, либо даже шефом отдела политических новостей этой популярной тогда газеты и соответственно имел доступ в парламентское лобби — это уникальное порождение британской системы власти, к тому же прекрасно зарекомендовавшее себя во всех демократиях западного мира как наиболее эффективное средство «приручения» и «обуздания» свободной прессы. Когда пресса желает быть свободной, на нее очень трудно накинуть узду, но если она сама извъявляет готовность пожертвовать свободой — нет ничего проще.

В 80-х годах в Англии насчитывалось 150 корреспондентов, входивших в лобби и соответственно пользовавшихся привилегией общения с депутатами обеих палат и членами кабинета. Разумеется, им разрешалось далеко не все. В частности, они не имели права садиться на обитые кожей скамьи в палате общин и предавать огласке все, что удавалось подслушать или увидеть, например как один депутат ударил другого.

Вы спросите: «А кто определил, что можно, а что нельзя делать? Кто ввел все эти ограничения?» Ответ: сами парламентские корреспонденты!

В качестве платы за доступ к министрам и членам парламента они подвергли себя удивительной по сути и замысловатой по форме самоцензуре.

Ежедневно на Даунинг-стрит, 10 пресс-секретарь премьер-министра проводил брифинг для входящих в лобби, а еженедельно аналогичные брифинги устраивали в парламенте лидер палаты общин и лидер оппозиции. Разумеется, с условием, что полученная информация будет использована «без ссылок на источники».

По признанию самих парламентских корреспондентов, в обмен на добровольную самоцензуру они получили уникальную возможность детально ознакомиться с планами правительства и их обоснованиями. Профессиональные политики буквально обожали систему лобби, поскольку могли, ничем не рискуя, допускать утечку любой устаревшей чепухи, которая, как правило, заглатывалась целиком и без остатка. Получая информацию конфиденциально, газетчики были искренне убеждены в ее абсолютной правдивости.

Как показывает ретроспективный анализ, лобби — лишь единственный пример методов борьбы британского истеблишмента с опасными критиканами и инакомыслящими: блестящее решение проблемы — задушить их в собственных объятиях.

Лобби, безусловно, отучило парламентских корреспондентов от активного поиска материалов, поскольку единственное, что для этого требовалось, — сидеть в баре «У Энни» и ждать очередной утечки от великих мира сего.

И наконец, несколько слов об утечках как таковых. Из-за отсутствия открытого доступа к информации она просачивалась в Уайтхолле из всех дыр. Иного способа заставить «колеса крутиться» просто не существовало.

Но, с другой стороны, все единодушны в том, что утечка — это «недостойный ход», «нечестная игра», «запрещенный удар» и тому подобное. Ведь политическая сдержанность в Уайтхолле ценится превыше всего. Даже выше надежности. А точнее говоря, сдержанность можно считать главным показателем надежности!

В случае обнаружения очередной утечки Уайтхолл буквально содрогается от негодующих воплей и премьер-министр немедленно создает комиссию по расследованию. Хотя результаты таких расследований крайне редко становятся достоянием гласности — ведь чаще всего источником утечек является сам Номер Десять — эвфемизм, — а в области бюджетной политики — Номер Одиннадцать — еще один эвфемизм — резиденция министерства финансов. — *Ред.*)

30 марта

Сегодня в конце дня я встретился с Уолтером Фаулером, как и было условлено, в баре «У Энни» и в ходе беседы «проговорился» о своем намерении положить конец незаконной практике слежки за согражданами.

Уолтер был настроен скептически. Он отметил благородство

моих побуждений, однако выразил сомнение, что мне удастся превратить их в жизнь. Недоверие лишь укрепило мою решимость бороться до конца. «Со временем мы доберемся и до министерства внутренних дел», — пообещал я. А затем поинтересовался, представляет ли это интерес для серьезной прессы. (В том, что представляет, я, конечно, не сомневался, но журналисты — особенно парламентские корреспонденты — обожают, когда их просят высказать свое мнение.)

— Пожалуй, — подтвердил Уолтер. — Можно будет сделать достаточно громкую статью: «МИНИСТР БОРЕТСЯ ПРОТИВ СЛЕЖКИ ЗА СОГРАЖДАНАМИ!» Да, в этом что-то есть. Он шумно выдохнул и залпом осушил кружку пива. Я спросил, где ее поместят. «Скорее всего, в разделе внутренней хроники», — последовал ответ. Я был слегка разочарован.

— Не на первой полосе?

— М-м... — с сомнением протянул он, — вот если бы мы могли пустить ее под заголовком «МИНИСТР РАЗОБЛАЧАЕТ!..»

Я категорически отмел этот вариант.

— Ну а откуда в таком случае ко мне попала информация? — недоуменно пожал плечами Уолтер. — Полагаю, было бы попросту нелепо ссылаться на «официальные источники» или на «представителя правительства»?

— Верно, — согласился я.

Несколько минут мы молча перебирали в уме варианты.

— Может, «источники, близкие к МАДу»? — предположил Уолтер.

— Не годится, — отверг я. — Все тут же поймут, что вы узнали это от меня. Послушайте, а вам не подойдет что-нибудь вроде «В Вестминстере ходят слухи...»?

— Слабовато. — Уолтер покачал головой и снова с шумом выдохнул. Как старый аккордеон.

Затем своими пухлыми, словно сардельки, пальцами с черной каймой под ногтями вытащил из громадного кармана чудовищных размеров трубку и набил ее дешевым табаком.

— Ну а если просто «из неофициальных источников»? — предложил я, раньше чем меня окутали первые клубы удушливого дыма.

— Не пройдет. Нельзя же пользоваться ими трижды в течение одной недели, — отозвался Уолтер и с видимым удовольствием принялся отравлять никотином «мозговой центр» Лондона.

Действительно, на этой неделе он уже дважды ссылался на «неофициальные источники», я это заметил.

— Кабинет течет, как дырявое решето, вы не находите, Уолтер?

Он кивнул и подсыпал табаку в темное жерло своей трубки.

— Да... а кстати, не приписать ли это «видному представителю решета»? — поймав мой взгляд, он тут же поправился: — Э-э... кабинета.

Я многозначительно промолчал.

Тогда он, как бы размышляя вслух, заметил:

- В принципе вас, конечно, можно было бы сделать «информированным источником»...

Действительно, а почему бы нет? Неплохая мысль. Ведь я вот уже несколько недель не был информированным источником.

- Отлично, Уолтер! Читайте меня информированным источником.

Уолтер неожиданно захихикал.

- Ладно, но вообще-то это очень смешно.

- Что? — не понял я.

- Называть «информированным источником» человека, чьим постоянным заместителем является сэр Хамфри Эпльби.

Он ощерил в ухмылке свои желтые зубы. Я не стал улыбаться в ответ — просто показал зубы и все.

31 марта

Сегодня в Лондон приехала Энни, и я ей рассказал, что мы находились под негласным наблюдением. Честно говоря, я ожидал вспышки гнева. К моему удивлению, она отнеслась к новости довольно спокойно, чтобы не сказать — равнодушно.

Я начал говорить о чудовищном произволе, допущенном по отношению к нам.

- Каждое слово по телефону, каждая фраза друг другу — все, буквально все записывалось на пленку, прослушивалось, вносилось в досье... Это же унижительно!

- Да, конечно, — задумчиво произнесла она. — В том, что кому-то из МИ-5 стало известно, насколько скучна и однообразна наша жизнь, есть действительно что-то унижительное.

- Что?..

- Теперь все будут знать... вернее, уже знают: дома ты говоришь то же, что и на работе, — о валовом национальном продукте, о необходимости субсидировать государственный сектор, о повестке предстоящей партийной конференции...

Я объяснил ей, что имел в виду совсем другое. Сам факт подслушивания наших семейных разговоров.

- Вот как? Я об этом и не подумала... «Ключи от машины у тебя?..» — «Нет, я думала, они у тебя...» — «Да нет же, я отдал их тебе...» О господи, это точно приведет к падению правительства!

Я начал сердиться.

- Энни, ты слишком легкомысленно к этому относишься.

- Ты так считаешь?

- Неужели тебе до сих пор не ясно? Они вторглись в нашу личную жизнь! Ведь они... они, возможно, прослушивали наши разговоры... даже в постели!

- Ну и что из этого? — спросила она с притворным удивлением. — У тебя что, храп зашифрованный?

Кажется, она на что-то намекает. Не далее как на прошлой неделе она уже поставила меня в неловкое положение своим

интервью какому-то женскому журналу. На вопрос, не сотрясается ли мир, когда она ложится со мной в постель, Энни ответила: «Нет, и даже кровать не сотрясается».

По-моему, это начало семейной кампании против меня.

Я не ошибся, так как ровно через минуту она сказала:

— Послушай, Джим, скоро пасха. Почему бы нам не устроить себе небольшие каникулы... Денька на два-три? Помнишь, как бывало?

Вначале подумал, что вряд ли смогу, а потом: «Почему бы и нет?» И не нашел против этого довода никаких возражений. В конце концов, государственным деятелям тоже нужно отдыхать!

— Давай съездим в Кингсбери-даун, — предложила она.

— Отлично! Где это?

Она с удивлением посмотрела на меня.

— Как где? Там, где мы провели свой медовый месяц, дорогой.

Странно, название начисто стерлось в памяти. Я попытался представить себе, как выглядит то местечко.

— Там ты мне впервые объяснил закон о воздействии темпов оборота на чистую прибыль... Помнишь?

— Ну конечно же! Теперь я все вспомнил.

Энни наклонилась к настольной лампе.

— Записали, ребята? — пробормотала она, выключая свет.

(На следующий день случилось нечто из ряда вон выходящее.

Спецслужба проинформировала сэра Хамфри Эплби и Бернарда, что ею был обнаружен список лиц, приговоренных террористами к смерти, и Джеймс Хэкер в их числе.*

По имеющимся данным, список был составлен известной террористической группой, называвшей себя «Всемирная армия освобождения». — Ред.)

ВСПОМИНАЕТ СЭР БЕРНАРД ВУЛИ:

«Мы и представить себе не могли, что кому-то придет в голову покушаться на жизнь нашего министра — он ведь абсолютно никому не мешал.

И тем не менее мы с сэром Хамфри Эплби пришли к единодушному решению: мы не имеем права рисковать жизнью министра, поэтому необходимо срочно принять надлежащие меры безопасности».

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

2 апреля

Сегодня утром Бернард, встретив меня в министерстве, принялся кудахтать, словно наседка, заботливо расспрашивая о моем самочувствии.

— Хуже некуда, — буркнул я, полагая, что его интерес вызван моим опозданием на работу. — До утра не мог заснуть.

* Отдел Департамента уголовного розыска, осуществляющий функции политической полиции, а также охраняющий членов королевской семьи, английских и иностранных государственных деятелей.

- Их работа... — трагически прошептал Бернард сэру Хамфри. Тогда я не понял этой загадочной фразы, но теперь... теперь считаю ее верхом бестактности.

А ведь в целом настроение у меня было превосходное. Утечка сработала, и в «Экспресс» уже появилась статья «от нашего парламентского корреспондента» под заголовком «ХЭКЕР ТВЕРДО НАМЕРЕН ПОЛОЖИТЬ КОНЕЦ ПРОСЛУШИВАНИЮ ТЕЛЕФОНОВ!» Как мы и договорились, Уолтер сослался на «информированный источник».

Не обращаясь ни к кому в отдельности, но вопросительно взглянув на меня, сэра Хамфри поинтересовался, откуда у них эта информация. Естественно, я и не подумал признаваться.

(В те времена у чиновников Уайтхолла было популярно изречение: «Сверху дает течь лишь корабль государственной власти». — Ред.)

— Как бы там ни было, — заявил я, — эта утечка еще больше укрепляет мою решимость довести дело до конца.

Хамфри спросил, хорошо ли я подумал о возможных последствиях. *(На языке Уайтхолла это означает: «Понимаете ли вы, что мелете вздор?» — Ред.)* В данном случае, как вскоре выяснилось, о последствиях я и не подумал.

- Граждане свободной страны имеют право на личную жизнь. Абсолютное право! — ответил я. И как мне пришло в голову сказать такое?! Но тогда я еще не знал — ведь эти негодяи просто не сочли нужным своевременно поставить меня в известность!

— Ну а предположим, МИ-5 имеет основание подозревать, что некоторые из этих «свободных граждан» намерены совершить политическое убийство, скажем... э-э... министра Ее Величества? — предположил Хамфри.

И тут меня понесло. Я произнес высокопарную речь о свободе британских граждан, о том, что она несравненно важнее, чем жизнь отдельных министров.

— Свободу ничем не заменишь, — изрек я, — тогда как министров можно и заменить. Государственные деятели должны свыкнуться с мыслью о возможности стать мишенью для всякого рода безумцев и фанатиков. Долг любого министра Ее Величества — не думая о собственной шкуре, грудью встретить грозящую опасность, не искать трусливо убежища за потайными микрофонами и прочими чудовищными атрибутами полицейского государства, а встать и гордо бросить им вызов: «Вот он я, делайте свое черное дело!»

О боже, почему ты не укоротил мой длинный, глупый язык?!

Сэр Хамфри многозначительно взглянул на Бернарда. Он явно порывался что-то объяснить, но я дал ему понять, что не желаю слушать никаких возражений.

— С меня довольно, Хамфри! Вы постоянно вилаете или говорите загадками. Политический деятель свободной страны дол-

жен быть поборником свободы и правды, я убежден в этом. И не нуждаюсь в набивших оскомину доводах в пользу негласного контроля. Если они мне понадобятся, я обращусь к мемуарам Сталина...

— Между прочим, — вставил Бернارد, — Сталин никогда не писал мемуаров. Он был слишком мнителен и боялся, что люди когда-нибудь их прочитают...

— Господин министр, — перебил нас Хамфри, — я убедительно прошу вас позволить мне высказаться еще по одному аспекту данной проблемы.

Я нехотя согласился, но предупредил, чтобы он выразил свою мысль как можно короче — одной, в крайнем случае двумя фразами.

— Спецслужба обнаружила ваше имя в списке приговоренных к смерти.

— Что? — переспросил я, решив, что не расслышал.

— Спецслужба обнаружила ваше имя в списке приговоренных к смерти, — повторил он.

Список приговоренных?.. Чуть ли какая-то! А при чем здесь я?
— Список приговоренных к смерти? Что вы имеете в виду, Хамфри?

- Список лиц, которых собираются убить.

Временами он поразительно глуп.

— Я знаю, что такое «список приговоренных к смерти», но... что вы имеете в виду, Хамфри?

Мой постоянный заместитель развел руками.

— Простите, господин министр, но я не понимаю, как можно выразиться яснее.

Господи, ну как ему объяснить? Я хочу знать, что это за список, откуда он взялся и почему в нем значится мое имя. Однако я, видимо, был так ошарашен необычным известием, что не мог связно излагать свои мысли.

Но до сэра Хамфри, слава богу, дошло.

— Если говорить со всей прямоотой, господин министр, то суть дела заключается в следующем. В результате негласных исследований стало известно о существовании неких документов. Источник их пока не установлен, но содержание позволяет предполагать, что они нацелены на создание вакансий в кабинете и проведение внеочередных дополнительных выборов.

Я потребовал более подробных разъяснений.

— Вы в списке приговоренных к смерти, господин министр. Мы ходили по замкнутому кругу.

— Но кто?.. — сорвался я. — Что за...

Он понимающе кивнул.

— Это В АО — Всемирная армия освобождения. Судя по всему, новая группа городских экстремистов.

У меня засосало под ложечкой, ладони мгновенно покрылись липким потом.

— Но что... что они имеют против меня? — внезапно осипшим голосом спросил я.

По мнению Бернарда, одним из мотивов могли стать недавние слухи о возможных перестановках в кабинете и моем переходе в министерство обороны.

На мой вопрос, кто они такие, эти городские экстремисты, сэр Хамфри и Бернард только пожалы плечами,

— Трудно сказать, господин министр, — начал Хамфри. — Может, отколовшаяся ирландская группировка. Может, «Черный сентябрь», а может, и наши доморожденные леваки — анархисты или маоисты. А вполне возможно, и иранцы или итальянская «Красная бригада»... Кто угодно.

— В любом случае, — добавил Бернард, — все они связаны между собой. Хотя не исключено, что это новая группа независимых убийц. Спецслужба в замешательстве: не знает, где искать.

Весьма утешительная информация! Меня неприятно поразило, как спокойно, деловито, даже равнодушно говорили они о маньяках, вознамерившихся лишить меня жизни.

Как и все утопающие, я попытался ухватиться за соломинку.

— Но ведь речь идет о списке? Вы упомянули слово «список», не так ли? Значит, не я один?

— Совершенно верно, господин министр, — успокоил меня Хамфри.

Я выразил робкую надежду, что в нем, должно быть, сотни имен...

— Нет, господин министр, — возразил мой постоянный заместитель. — Всего три.

— Три?

Эта новость повергла меня в состояние, близкое к шоку... или прострации... или того и другого одновременно. В горле пересохло, я тупо смотрел на них не в состоянии ни думать, ни произнести хоть слово.

Когда же я в конце концов обрел способность думать и говорить, звонил телефон. Бернард снял трубку: некий командер Форест из спецслужбы прибыл, чтобы проинструктировать меня.

Бернард отправился его встречать. У дверей он обернулся и с искренним сочувствием сказал:

— С другой стороны, господин министр, быть одним из немногих всегда приятно. По крайней мере всем известно, кто вы такой.

Я бросил на него уничтожающий взгляд, и он выскочил из кабинета.

Воспользовавшись паузой, сэр Хамфри сообщил мне, что министр внутренних дел уже проинформирован о списке (ну еще бы !) и любезно предложил выделить нескольких детективов для моей защиты.

Не понимаю, как они могут защитить меня. Как детективы могут защитить меня от пули убийцы? Никто не может. Это известно всем.

Я поделился своими сомнениями с сэром Хамфри, надеясь, что он их рассеет. Так нет.

— Попытайтесь взглянуть на дело иначе, — посоветовал он. — Пусть детективы и не смогут защитить своего подопечного от пули, но они нужны хотя бы для того, чтобы поймать убийцу и передать его в руки правосудия. После преступления.

Ну, спасибо!

Бернард ввел командера Фореста — худощего, как жердь, субъекта со смертельно бледным лицом и нервно подергивающимся правым веком. Честно говоря, особой уверенности вид его не вселял.

Нельзя раскисать, нельзя показывать собственную слабость, решил я. Пусть видит, как я собран, как бесстрашно смотрю в глаза опасности и все такое прочее. Я много говорил о долге и самопожертвовании. Теперь пришло время доказать им — и себе тоже, — что это были не просто слова.

Я бодро улыбнулся командиру, как бы приглашая его приступить к инструктажу о типичных опасностях и стандартных мерах предосторожности.

— Полагаю, ко всему этому не стоит относиться слишком серьезно, как вы считаете?

— Э-э... трудно сказать, сэр, это, естественно, ваше дело, однако мы настоятельно рекомендуем...

— Послушайте, — самонадеянно перебил я, — кто-то в такой ситуации, допускаю, здорово бы перетрусил, но ведь риск — это часть нашей работы, так сказать, вариант нормы.

Командер Форест как-то странно посмотрел на меня.

— Ваше мужество достойно восхищения, сэр, — произнес он таким тоном, будто на самом деле считал меня кретином.

Решив, что «бесстрашный взгляд в глаза опасности» достиг своей цели, я позволил ему продолжать.

Он протянул мне ксерокопию какого-то документа.

— Прежде всего, сэр, ознакомьтесь вот с этим. Здесь все, что вам необходимо знать. Внимательно прочтите, постарайтесь выучить наизусть и постоянно носите при себе.

(Копия врученного Хэкеру документа, озаглавленного «Типичные опасности и стандартные меры предосторожности», была любезно предоставлена в наше распоряжение дирекцией Музея полиции в Нью-Скот лэнд-Ярде. Содержание его вряд ли требует комментариев. — Ред.)

ТИПИЧНЫЕ ОПАСНОСТИ И СТАНДАРТНЫЕ МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ

Способы убийств подразделяются на четыре категории:

1. ВЫСТРЕЛ.
2. ВЗРЫВ.
3. ОТРАВЛЕНИЕ.

4. Так называемый «НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ».
Убийства могут также совершаться посредством удушения, ножевых ранений, утопления и ритуального расчленения, однако эти способы относительно нетипичны для Соединенного Королевства.

1. ВЫСТРЕЛ

Снайперы могут находиться в следующих местах:

- а) в высоких зданиях;
- б) в обгоняющей жертву автомашине;
- в) у дверей дома жертвы;
- г) в припаркованной автомашине;
- д) и т.д., и т.п.

Меры предосторожности

Необходимо;

- а) не подходить к окнам (дома и на работе следует завесить окна пуленепробиваемыми шторами);
- б) не открывать окна и двери автомашины во время езды;
- в) не открывать двери дома незнакомым посетителям;
- г) и т.д., и т.п.

Примечание. На начальном этапе спецслужба обеспечивает присутствие в доме жертвы своих сотрудников, а также иные меры безопасности, включая установку сигнальных и подслушивающих устройств, секретных замков, круглосуточное патрулирование микрорайона силами местной полиции и т.д., и т.п.

2. ВЗРЫВ

а) мины в автомашинах
С помощью стандартного зеркала с удлиненной ручкой тщательно осматривать днище автомашины каждое утро и после того, как она на некоторое время оставалась без присмотра.

- б) взрывающиеся письма/посылки
Никогда не вскрывать самому.

Примечание. В течение определенного времени вся корреспонденция жертвы будет переадресовываться в соответствующую службу.

3. ОТРАВЛЕНИЕ

а) перед употреблением тщательно проверять любые подарки в виде продуктов питания, напитков, сладостей и т.д., и т.п.;

б) внимательно осматривать крышки молочных бутылок на предмет наличия в них следов тонкой медицинской иглы;

в) обходить незнакомых людей с зонтиками (метод — укол в икру или бедро).

4. НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

- а) падение

Избегать хождения по внешней стороне: — тротуаров;
- набережных;
- пристаней и/или причалов;
- железнодорожных платформ.

Примечание. Не рекомендуется ездить в метро: скопление народа облегчает задачу убийце.

- б) удар током

С предельной осторожностью пользоваться:

- телевизором;
- электрочайником;
- тостером;
- радиоприемником.

Примечание. Электроодеяла и бытовые предметы могут также использоваться в качестве детонационных устройств для так называемых минушек.

в) в случае *насильственного выбрасывания* из окна высокого здания лучше падать головой вниз — так быстрее...

Прочитав документ до конца, я пришел к печальному выводу: шансов на выживание — практически никаких. Однако нельзя поддаваться отчаянию, надо во что бы то ни стало сохранять бодрый, уверенный вид.

После ухода командера Фореста я спросил у Хамфри, может ли полиция добраться до террористов прежде, чем они доберутся до меня. Похоже, это моя единственная надежда.

По его мнению, проще всего поймать этих мерзавцев было бы, прибегнув к прослушиванию телефонов и электронной слежке за всеми подозрительными лицами.

- Но, — осторожно добавил он, — такие шаги повлекли бы за собой недопустимое вторжение в частную жизнь свободных граждан.

Я задумался. Затем принял решение. Несколько иное, чем раньше, хотя, возможно, мои предыдущие высказывания были просто неверно истолкованы.

Моя новая точка зрения в общем и целом формулировалась так: основная цель демократически избранного народного представителя — представлять интересы избравшего его народа, следовательно, любое покушение на данного представителя само по себе является покушением на свободу и демократию. Думаю, излишне объяснять: подобные акции наносят сокрушительный удар по неотъемлемому демократическому праву народа избирать свое правительство. Вывод: безопасность членов правительства должна обеспечиваться всеми необходимыми средствами, сколь ни мучительно осознание вынужденности этих мер.

Выслушав мой новый теоретический постулат, сэр Хамфри целиком и полностью с ним согласился.

- Великолепная аргументация, господин министр! — одобри тельно заметил он. — Только так и должно быть, иначе — крах.

5 апреля

День начался не совсем удачно.

Рано утром в министерство доставили мою петицию. Петицию против электронной слежки и прослушивания телефонов. Я стоял у истоков этого движения полтора года назад, будучи в оппозиции и являясь редактором журнала «Реформ». И вот Бернард вкатил в мой кабинет здоровенную тележку, доверху нагруженную толстыми и тонкими тетрадами, альбомами, перевязанными стопками бумаг... Петиция уже насчитывала два с четвертью миллиона подписей. Настоящий триумф гражданской сознательности и общественной активности! Ну и что же мне, черт побери, со всем этим делать?

Теперь-то мне ясно — теперь, когда стали известны определенные факты, которые невозможно знать, находясь в оппозиции, — что

в борьбе против организованной преступности и политического гангстеризма без слежки и тому подобных мер просто не обойтись.

Смышленный Бернارد сразу все понял и предложил отправить петицию в архив.

Но я не был до конца уверен, что это лучший выход из положения. К тому же у меня появилась другая мысль. Раз мы приняли ее от официальной делегации, значит, никому не придет в голову проверять ее сохранность. Более того, все будут уверены, что она в надежных руках, поскольку идея-то принадлежала мне.

— Петицию надо уничтожить, порвать в клочья, сжечь дотла, Бернارد, — сказал я ему. — Мы должны быть уверены, что ее больше никто и никогда не увидит.

— В таком случае, господин министр, лучше архива, пожалуй, ничего не придумать.

11 апреля

Таких ужасных пасхальных каникул у меня еще не было.

Мы с Энни по обыкновению провели их в небольшом, относительно безлюдном местечке — вдали от городской суеты.

Впрочем, «по обыкновению» — не совсем точно. В этот раз нас сопровождала дюжина молодых из спецслужбы.

Когда на следующий день после приезда мы отправились погулять в тиши леса, вокруг все буквально кишело детективами.

Они не отпускали нас ни на шаг, хотя вели себя предельно тактично. Мы чувствовали себя в полной безопасности, но ни о чем, кроме как о погоде, говорить не могли. Они всячески избегали смотреть в нашу сторону, однако — спешу внести ясность — не из соображений деликатности, а чтобы вовремя заметить и пресечь неожиданное нападение злоумышленника.

Проголодавшись, мы зашли в очаровательный местный ресторанчик, и... мне показалось, что вместе с нами там очутился весь Скотланд-Ярд.

— Сколько человек будет обедать? — вежливо осведомился метрдотель.

— Девять, — отрезала Энни.

День явно складывался не так, как ей хотелось. Нам отвели уютный столик на двоих у самого окна. Однако, по мнению сержанта, в этом месте было небезопасно.

— Мы выбрали для мишени вон тот столик, — повернувшись к своему коллеге, объяснил он.

Для мишени!

Нас с Энни усадили за колченогий стол в углу рядом с кухонной дверью, которая непрерывно открывалась и закрывалась.

Затем старший группы, как положено, детально проинструктировал меня:

- Вы сядете здесь, сэр. Сержант Росс — вон там, чтобы иметь возможность наблюдать за входом из кухни. Кстати, запомните: в случае прямой опасности бегите именно туда. Вообще-то мы не

думаем, что убийцу успели внедрить в персонал кухни, поскольку мы приехали сюда только вчера вечером. Я расположусь у окна. Если услышите стрельбу — ныряйте под стол, остальное — не ваша забота.

Без сомнения, он хотел меня успокоить.

Я, в свою очередь, успокоил его, сказав, что нисколько не боюсь. И напрасно, потому что как раз в этот момент раздался громкий выстрел — и я мгновенно очутился под столом.

Ужасно нелепая, где-то даже унижительная ситуация. Когда через несколько секунд я высунул голову, оказалось, за соседним столиком открыли бутылку шампанского. Пришлось сделать вид, будто я просто решил потренироваться.

После всех этих разговоров о поварах-убийцах, стрельбы и ныряния под стол мне совершенно расхотелось есть. Энни тоже.

А тем временем за соседним столиком один из наших телохранителей со знанием дела заказал спагетти по-болонски, бифштекс на косточке с бобами, цветной капустой и жареным картофелем и... бутылку «Шато барон Филипп Ротшильд» 1961 года — ни больше ни меньше!

Поймав наши удивленные взгляды, он широко улыбнулся и не без удовольствия объяснил, что «эта работа его полностью вымотала».

Так продолжалось почти два дня. В субботу вечером мы сходили в кино. Однако это «развлечение» еще больше вывело Энни из себя. Она хотела посмотреть «Клетку для безумцев» Эдуарде Молинару, но вместо этого нам пришлось пойти на Джеймса Бонда. Сотрудники спецслужб, как правило, не любят иностранных фильмов, и я счел бестактным тащить их за собой на французскую картину с субтитрами.

Энни позеленела от ярости, услышав о моем решении. Фильм только взвинтил нервы. Там все время пытались кого-то убить. Смотреть на это было выше моих сил.

Телохранители тоже были крайне недовольны, когда мы с Энни посреди сеанса вышли из зала...

Позднее, лежа без сна в постели гостиничного номера (когда ты лишен возможности без сопровождения сходить в туалет и знаешь, что на заметку берется каждое твое слово, каждый шаг, — какой уж тут сон!), мы услышали за дверью спальни приглушенный разговор телохранителей.

- Они не собираются больше выходить?
- Нет, вроде легли спать.
- Мишень на месте?
- Ага... там... со своей женой.
- Похоже, им не очень-то здесь нравится.
- Похоже. С чего бы?

Мы решили без промедления вернуться домой. Думаете, нам удалось дома обрести покой? Ошибаетесь. Когда в половине второго ночи мы добрались наконец до Бирмингема.

во дворе нас встретила внушительная толпа «синих»*. И каждый горел желанием показать, что не зря ест свой хлеб. Вытопганные цветочные клумбы, слепящий свет прожекторов, ощеренные пасти огромных овчарок... Кошмар!

И вот мы лежим в собственной постели, и по-прежнему лишены возможности без сопровождения сходить в туалет, и вынуждены мириться с бесцеремонным стуком в дверь: «Я хотел бы проверить окно, сэр», — не говоря уж о дополнительных удовольствиях вроде оглушительного лая собак и ярких вспышек прожекторов, освещающих спальню каждые двадцать секунд.

Пытаясь приободрить Энни, я с наигранным оптимизмом сказал, что скоро она привыкнет к роли знаменитости. Она ничего не ответила. Боюсь, как бы она не предпочла роль вдовы знаменитости.

Слава богу, хоть скрытые камеры не установлены!

(По окончании срока действия Закона о публикации архивных документов 1994 года Нью-Скотланд-Ярд любезно предоставил нам секретную фотографию. На ней были изображены мистер и миссис Хэкер в постели. Снимок был сделан 12 апреля. — Ред.)

13 апреля

Проспал весь пасхальный понедельник, так как ночью мы с Энни, естественно, не сомкнули глаз.

Сегодня утром не успел войти в свой кабинет, как на меня напал этот ужасный Уолтер Фаулер, неизвестно каким образом пронюхавший про петицию. Ему, видите ли, трудно себе представить, как я мог «положить под сукно» петицию, за которую сам так ратовал всего год назад или чуть больше. Его удивление вполне понятно: он ведь ничего не знал об изменившихся обстоятельствах, заставивших меня по-новому, более глубоко и осмысленно взглянуть на проблему электронной слежки.

— Что-то здесь не так, — недоверчиво прищурился Фаулер. — Вы заявляете о своем твердом намерении положить конец незаконному прослушиванию телефонов, получаете больше двух миллионов подписей под вашей петицией — ведь это лучшее подтверждение тому, что ваше дело правое, — и ни звука!..

Главное — набрать в рот воды, подумал я, а то еще не известно, как он все это преподнесет. Прессе никогда нельзя доверять.

— Так как же насчет обещания провести в жизнь хотя бы основные требования петиции?

Я понял, что иного выхода нет — обет молчания придется нарушить.

— Понимаете, Уолтер, — глубокомысленно начал я, — все не так просто...

— В каком смысле? — удивился он.

— В смысле безопасности.

* Прозвище английских полицейских (по цвету формы).

— Ах, это... Но ведь вы сами утверждали, что ссылки на безопасность — последняя надежда отчаявшегося бюрократа, не так ли, господин министр?

Чтоб ты провалился! Я снова решил молчать.

Не дождавшись ответа, Уолтер угрожающе сказал:

- Хорошо, раз так, я сделаю по-другому. Я опубликую статью под заглавием «МИНИСТР ОТВЕРГАЕТ СОБСТВЕННУЮ ПЕТИЦИЮ!» Будет еще острее!

Пришлось снова нарушить обет.

- Успокойтесь, Уолтер, не порите горячку.

- Что вы намерены делать — поддержать или отвергнуть петицию? — в лоб спросил он.

- Нет, — мудро ответил я.

- Да, кстати, господин министр, мой шеф интересуется, не повлиял ли на вашу точку зрения список приговоренных армией освобождения.

Конечно, повлиял! А как же иначе? Я же не кретин.

- Конечно, нет! — возмутился я. — Что за нелепая мысль?

Похоже, он мне не поверил, однако доказать обратное был не в состоянии, поэтому продолжал атаковать:

- А как тогда прикажете понимать столь резкую смену декораций?

Честно говоря, ситуация становилась безнадежной. Но тут, слава богу, раздался стук в дверь и вошел Бернارد. Он меня очень выручил, сообщив, что у сэра Хамфри ко мне срочное дело.

Однако упрямый Уолтер сидел до тех пор, пока я не спросил его, не возражает ли он... Даже после этого у него хватило наглости заявить, что он не прощается и зайдет, как только я освобожусь.

Хамфри — сама любезность — справился, хорошо ли мы с Энни провели пасхальные каникулы. Садист! Уж он-то наверняка представлял себе этот отдых в обществе топтунов из спецслужбы со «смит-и-вессонами» под мышкой.

Он сочувственно кивнул.

Долги наши!..

— Так больше продолжаться не может! — заявил я весьма нехстати и чересчур категорично. И кто меня за язык тянул?!

- Рад, что вы об этом сами заговорили, господин министр, — тут же откликнулся он, — поскольку продолжения и не будет.

Как не будет? У меня отвисла челюсть.

А мой постоянный заместитель, как ни в чем не бывало, объяснил:

- Спецслужба только что проинформировала нас о прекращении операции по вашей охране.

Прекращение операции по моей охране? Кошмар! Может, он неверно меня понял? Я спросил, чем вызвано такое решение.

- Большой потерей полицейского состава.

«Господи, неужели кто-нибудь пострадал из-за меня!» — чуть было не сорвалось с языка, однако я тут же сообразил,

что под потерей он имеет в виду нехватку полицейских. Значит, только оттого, что им не хватает полицейских, они готовы отдать меня на заклание? Чудовищно!

- В настоящее время им представляется более целесообразным обеспечить безопасность советского премьера во время завтрашних переговоров в Чекерсе*.

Более целесообразным? Для кого? Для него? Может быть. Поразительная близорукость и полное отсутствие патриотизма. Он им дороже, чем я.

- Не забывайте, он — русский, а я — англичанин!

— Я помню, господин министр, но, по мнению спецслужбы, реальная угроза вашей жизни существенно уменьшилась.

Откуда, черт побери, такая уверенность?

— Электронная слежка, господин министр. Им удалось подслушать один телефонный разговор, — сообщил сэр Хамфри и умолк, видимо, не желая вдаваться в подробности.

Нет уж, пусть выкладывает все. В конце концов, это мое право! Он кивнул и, как всегда, понес околесицу. Бог свидетель, понять это было выше моих сил.

ВСПОМИНАЕТ СЭР БЕРНАРД ВУЛИ:

«Я прекрасно помню, что тогда говорил сэр Хамфри, поскольку мне было поручено вести стенограмму.

Он объяснил, что ввиду сомнительного характера прегрешений Хэкера, а также незначительного, чтобы не сказать — периферийного, влияния его на принятие магистральных политических решений террористические круги решили несколько сместить акценты, в результате чего вопрос о ликвидации Хэкера был снят с повестки дня».

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

С трудом сдерживая раздражение, я попросил его повторить то же самое на нормальном английском. Он ничуть не обиделся и с готовностью расшифровал, что, по имеющимся данным, руководство армии освобождения потеряло интерес к моей персоне, поскольку у них на примете «птицы поважнее».

Мой постоянный заместитель старался выразиться как можно деликатнее — я это оценил, — но все равно мне стало немного обидно. Не потому, конечно, что меня не хотят убивать, — нет! — тем самым они невольно задели мое самолюбие.

Я спросил Хамфри, что он думает по поводу такого поворота событий.

— Я не разделяю их точку зрения, — ответил он.

— То есть вы хотите сказать, что меня-таки следовало убить?

— Что вы, что вы...

— Значит, по-вашему, я «невелика птица»?

* Официальная загородная резиденция премьер-министра.

— Да... то есть нет. Птица велика, но убивать вас все равно не следует, — вывернулся он.

Ладно, главное — я вне опасности. Все, что ни делается, к лучшему. Лучше живой осел, чем мертвый лев. Но, с другой стороны, если даже чокнутые террористы не считают, что я играю в правительстве достаточно важную роль, значит, надо срочно выправлять положение. Иными словами, не жалея времени и сил, повышать свой авторитет.

— Господин министр, в приемной ждет Фаулер, — напомнил Бернард. — Вы собираетесь продолжать разговор?

Разумеется! С превеликим удовольствием.

Уолтер был приглашен в кабинет, и я немедленно приступил к делу, попросив Бернарда привезти тележку с петицией.

— Петицию? — удивился мой личный секретарь. — Но вы же сами...

— Вот именно, — поспешно перебил я. — И, пожалуйста, по быстрее.

На лице его было написано явное непонимание, и я тактично напомнил ему о политическом чутье. Наконец до него дошло.

— Ах, да, конечно, господин министр. Вы имеете в виду петицию, о которой вы столь лестно отозвались нынче утром?

Молодец! Наука идет ему впрок.

Затем я предложил Уолтеру присесть и объявил, что намерен всецело поддержать петицию.

— Два миллиона подписей — это не шутка, — сказал я. — Их за пазуху не спрячешь. Что же касается списка приговоренных... По моему глубочайшему убеждению, министрами можно пожертвовать, свободой — никогда! Вы согласны со мной, Хамфри?

— Да, господин министр, — широко улыбаясь, ответил мой постоянный заместитель.

РАЗДАЧА НАГРАД

23 апреля

Сегодняшнее совещание с руководителями различных подразделений министерства оставило у меня неприятное впечатление.

На все мои вопросы, принимаются ли какие-нибудь меры по экономии средств при эксплуатации служебных помещений, закупке конторского оборудования, управлении лесопарками и заповедниками, а также при расчете бюджета на образование, они, как всегда, уклончиво или лицемерно-извиняющимся тоном отвечали что-то вроде: «Нет, господин министр», «Боюсь, что нет, господин министр», «Не представляется возможным, господин министр», «Мы делали все, что могли, господин министр, но увы...» — и так далее, и тому подобное.

Размышляя вслух, я заметил, что теперь по крайней мере университеты будут обходиться нам дешевле, поскольку иностранные студенты должны будут полностью оплачивать свое обучение у нас.

— Если только вы не согласитесь пойти на уступки, — перебил меня чей-то голос.

Из них никто не идет на уступки, подумал я, с какой стати это делать мне?

— Поскольку на данный момент иных реальных мер экономии, судя по всему, не существует, — подчеркнул я, — нам ничего не остается, как довести до логического завершения хотя бы эту.

Сразу же после совещания Бернард напомнил мне, что секретарь по наградным делам интересуется, утвердил ли я список лиц, рекомендованных МАДом к награждению.

Странно. Бернард напоминает мне об этом вот уже восьмой раз. Не без сарказма спросил его, неужели у нашего министерства нет более важных дел.

Очевидно, не заметив в моих словах насмешки, Бернард ответил, что для тех, кто внесен в наградной список, важнее сейчас нет ничего на свете.

— Они обрывают мне телефон! — с пафосом заявил он. — Некоторые от волнения уже ночами не спят.

От волнения? Почему? Разве все это не простая формальность?
— Ведь министры никогда не налагают вето на награды, не так ли, Бернард?

— Практически никогда. Но теоретически это не исключено, потому их так и беспокоит задержка.

Я вдруг вспомнил: ведь Бернард сказал, что они знали о своем выдвижении. Откуда? Список идет под грифом «Строго секретно». Он загадочно улыбнулся и покачал головой.

— Ах, господин министр!..

Я устыдился собственной наивности. И все же в голове не укладывалось, как можно тратить столько нервной энергии на какие-то там награды! Если бы они хоть часть ее употребили на сокращение расходов!..

— Как вы думаете, Бернард, нельзя ли заставить наших руководителей добиваться экономии с той же страстью, с какой они добиваются ордена Британской империи, ордена Бани и тому подобной мишуры?

В глазах моего личного секретаря мелькнул лукавый огонек, какого я у него прежде не замечал.

- Э-э... в общем, у меня имеются кое-какие соображения, но...

— Какие же?

— Нет-нет, пожалуй, лучше не...

— Что значит «лучше не»?

— Пустяки, господин министр.

«Лучше не...», «пустяки» — меня это заинтриговало. Что у него на уме?

— Ну ладно, Бернард, хватит играть в прятки, выкладывайте.

Ничего он, конечно, не выложил. Зато принялся долго, витиевато излагать: дескать, это не его компетенция, и он никогда бы не осмелился предлагать мне такое, поскольку не считает для себя возможным давать мне рекомендации. Хотя, с другой стороны... если бы я отказался утверждать награды тем руководителям министерства, которые не обеспечивают ежегодного сокращения своих бюджетных расходов, скажем, на пять процентов...

— Бернард!

Он тут же спрятал голову под крыло.

— Простите, ради бога, простите, господин министр. Я знал, что мне не следовало...

- Вы меня не так поняли, — поспешил я его успокоить. (У Бернарда иногда появляются интересные мысли, но ему не хватает уверенности в себе. Его надо время от времени подбадривать.) — Прекрасная мысль!

Идея действительно хоть куда. Неужели я нашел наконец управу на государственных служащих? Министр не может остановить рост их заработной платы, не может повлиять на их продвижение по служебной лестнице, не пишет на них характеристик.

Иными словами, министр не обладает, по существу, никакой дисциплинарной властью. Но Бернард прав, тысячу раз прав: я могу лишить их наград! Это просто здорово!

Я искренне поздравил его и, не жалея слов, выразил свою благодарность.

- Да за что же, господин министр, — скромно отозвался он. — Вы сами до этого додумались.

- Нет, Бернард, идея полностью принадлежит вам.

- Нет, вам, — со значением произнес он. — Прошу вас!

Тут я понял его намек и, улыбаясь, кивнул.

А у него на лице мелькнуло беспокойство.

(Несколько дней спустя сэр Хамфри Элби получил приглашение на званый обед в свою alma mater — Бейли-колледж, Оксфорд. Свои впечатления он, как всегда, подробно изложил в дневнике. — Ред.)

«...Присутствовал в Бейли на великолепном обеде, после которого в непринужденной обстановке за бокалом вина побеседовал с мастером* и казначеем. Они серьезно обеспокоены предстоящими бюджетными сокращениями. Сэр Уильям (сэр *Уильям Гатри — мастер Бейли-колледжа. — Ред.*) выглядел неважно даже после своего любимого портвейна. Лицо красное, весь седой, хотя взгляд умных голубых глаз по-прежнему полон живости и проницательности. В целом вид весьма патриотичный. А вот над Кристофером (*Кристофер Венебл — казначей Бейли-колледжа. — Ред.*) время, похоже, совсем не властно. Все такой же подтянутый офицер ВВС, с уверенными движениями и четкой манерой речи — каким он был много лет назад, до того как попал в Оксфорд.

«Я чувствую, что очень постарел», — сказал мастер, когда я справился о его самочувствии. И, улыбнувшись, добавил: «Я — уже аномалия, которая скоро превратится в анахронизм. Несправедливо, верно? Но мы еще повоюем».

Старик не теряет остроумия!

Гатри и Венебл прежде всего сообщили мне о своем намерении продать запасы «фонсеки» урожая 1927 года (этот великолепный марочный портвейн мы и пили). У них осталось еще две бочки, и, по словам казначая, за них можно выручить хорошие деньги. Я был озадачен: никак не мог уловить, к чему они клонят. (Кстати, превосходная тактика — привести собеседника в недоумение.) Затем они объяснили, что, продав все картины, вино и серебро, они смогли бы полностью выкупить отданные под залог новые здания колледжа.

Они считают (или хотят мне внушить), что Бейли-колледж на грани банкротства.

Постепенно картина прояснилась. Их финансовые страхи вызваны намерением правительства взимать полную плату за обучение с иностранных студентов, процент которых в Бейли традиционно очень высок.

Казначей уверяет, что требовать с иностранных студентов четыре тысячи в год просто бессмысленно: вряд ли кто заплатит.

А он-то где только не побывал! Исколесил всю Америку, «выколачивая» фонды и «продавая» (его собственное определение) идею о бесцен-

* Титул главы некоторых колледжей в Оксфордском и Кембриджском университетах.

ности оксфордского образования для обитателей Подунка (штат Индиана) и Седар-Рэпидса (штат Айова).

А конкуренция! Жесточайшая, беспощадная конкуренция! Создается впечатление, будто Африка кишмя кишит британскими профессорами, которые буквально из кожи вон лезут, чтобы прочитать туземцам лекции по социологии. Равно как и Индия. Или Ближний Восток.

Я предложил им сделать то, что мне представлялось очевидным, то есть на освободившиеся места взять англичан.

Однако предложение мое было встречено более чем прохладно. «Не самая удачная шутка, Хамфри», — неодобрительно заметил мастер.

Впрочем, он тут же объяснил мне, почему «своих» студентов следует избегать любой ценой. («Все, кто угодно, только не свои!»)

Дело в том, что за каждого англичанина Бейли получает от казначейства всего 500 фунтов в год.

Таким образом, вместо пятидесяти иностранцев ему придется зачислить четыреста граждан Соединенного Королевства. Соответственно количество студентов возрастет в четыре раза, а соотношение «преподаватель — студент» изменится от одного к десяти до одного к тридцати четырем.

Что ж, тревога мастера и казначея мне понятна. Решение правительства может означать конец цивилизации (как мы ее себе представляем) и почти наверняка конец Бейли (как мы его себе представляем). В нем появятся общезнания! Аудитории! Его будет невозможно отличить от Уормвуд-Скрабз* или от Сассекского университета**!

И изменить это, то есть вернуть все на круги своя, во власти только моего министра — Хэкера, поскольку — как это я сразу не сообразил! — претворять в жизнь решение, принятое министерством образования и науки, надлежит именно нашему министерству.

(Собственно говоря, количество студентов в Оксфорде ограничено фондом университетских стипендий. Скорее всего, Бейли мог бы увеличить число студентов-англичан, только забрав их «места» из других колледжей, но те никогда бы на это не согласились, поскольку тогда сами оказались бы в трудном положении.)

Хотя ответственность за осуществление упомянутых мер возлагалась на сэра Хамфри и Джеймса Хэкера, весьма примечательно, что министерство образования и науки даже не подумало поставить в известность о своем намерении другие заинтересованные ведомства, такие как МИДС, министерство здравоохранения и социального обеспечения или, на худой конец, министерство административных дел. — Ред.)

Надо доказать Хэкеру особое, уникальное значение Бейли, решил я. Почему бы, скажем, не пригласить его сюда на званый обед? Здесь будет легче ему все растолковать.

Я уехал из Оксфорда, окончательно убедившись в необходимости любой ценой добиться признания особого статуса Бейли ввиду исключительной деятельности, проводящейся в его стенах*.

(Поскольку данный эпизод из жизни Хэкера в основном связан с наградами — заслуженными или незаслуженными, распределяемыми по достоинству или по знакомству, — мы сочли целесообразным ознакомить читателей с титулами, наградами и почетными

* Лондонская тюрьма, куда помещают после первой судимости.

** Один из семи так называемых «стеклянных университетов», созданных по инициативе правительства в 60-е годы в связи с возросшей потребностью в научно-технических кадрах. Здания современного вида с окнами из зеркала стекла.

званиями, обладателями коих являются главные герои нашего повествования.

Сэр Уильям Гагры — кавалер ордена «За услуги», член Королевского общества, доктор философии, кавалер ордена «Военный крест», магистр искусств (Оксфорд).

Кристофер Венебл (капитан ВВС в отставке) — кавалер ордена «За боевые заслуги», магистр искусств.

Сэр Хамфри Эпльби — кавалер ордена Бани II степени, кавалер ордена Королевы Виктории IV степени, магистр искусств (Оксфорд).

Бернард Вули — магистр искусств (Кембридж).

Достопочтенный Джеймс Хэкер — член Тайного совета, член парламента, бакалавр наук (экон.).

Сэр Арнольд Робинсон — кавалер ордена св. Михаила и св. Георгия I степени, кавалер ордена Королевы Виктории III степени, магистр искусств (Оксфорд). — Ред.)

28 апреля

Сегодня утром Хамфри снова пристал ко мне, как репей.

— Два срочных дела, господин министр, — вместо приветствия начал он, едва войдя в кабинет. — Во-первых, наградной список...

Услышав, что я намерен вернуться к этому вопросу позже, он как-то сразу задергался (мне стоило большого труда не показать, как это меня забавляет) и возбужденно застрекотал: «Дело не терпит... скоро пять недель...»

(Обычно кандидатам официально сообщается об их выдвижении не менее чем за пять недель до принятия решения. Теоретически это делается для того, чтобы у них было время отказаться. Но такое случается крайне редко. Собственно, известен только один случай. В 1496 году государственный служащий отказался от рыцарского звания, поскольку... уже имел его. — Ред.)

Такая настойчивость нисколько не поколебала моей решимости не спешить с подписанием документа, так как в результате проведенного мной исследования (Хэкер, очевидно, имел в виду, что исследование провел один из функционеров партийного центра и представил ему соответствующие материалы. — Ред.) выявились очень интересные факты. Оказывается, на долю государственных служащих приходится двадцать процентов всех наград! Остальные граждане нашей страны могут заслужить награду, только совершив что-то экстраординарное, что-то выходящее далеко за рамки обычных служебных обязанностей, за выполнение которых они получают заработную плату. Вам или мне придется совершить подвиг! Скажем, в течение двадцати семи лет шесть вечеров в неделю на общественных началах работать с умственно отсталыми детьми — тогда, возможно, мы удостоимся чести быть представленными к медали Британской империи. А государственным служащим рыцарские звания и награды достаются в качестве естественного дополнения к должности!

Да и вообще многие из ныне существующих почетных титулов и наград нелепы и превратились в анахронизм. Возьмем тот же орден Британской империи: неужели никто в Уайтхолле до сих пор не заметил, что империи давно уже нет?

Государственные служащие из года в год улучшают свое и без того неплохое положение. И если раньше (во время оно) их награждали в порядке компенсации за многолетний преданный труд на благо общества, за который они получали относительно небольшое жалованье, скромную пенсию и в целом незначительные привилегии, то теперь их материальное положение сравнимо с доходами менеджеров процветающих частных компаний. (Этгли в бытность свою премьер-министром получал пять тысяч фунтов в год, а секретарь кабинета — ровно в два раза меньше. Сейчас же секретарь кабинета получает больше премьер-министра. Почему?) Они ездят на государственных машинах, в конце службы их ждет солидная, не зависящая от инфляции пенсия, и... на них по-прежнему сыплется золотой дождь почестей и наград!

(Хэкер был прав. Государственные служащие безусловно «подгоняли» систему распределения наград под свои интересы. Аналогичным образом политика доходов всегда «подгонялась» под интересы тех, кто ее готовил и формулировал. Например, в бюджете 1975 года предусматривались значительные поощрения для государственных служащих и юристов. Нужно ли говорить о том, что бюджет этот готовили государственные служащие и юристы?)

Итак: «Quis custodiet ipsos custodes?», то есть «Кто же будет сторожить самих сторожей?» — вот в чем вопрос. — Ред.)

Напрашивается риторический вопрос: способны ли государственные служащие понять трудности нашей каждодневной жизни, если над ними, в отличие от нас, не висит дамоклов меч инфляции и безработицы?

Чему они обязаны всеми этими выгодами? Умению оставаться в тени: они каким-то образом сумели убедить людей, что обсуждать этот вопрос просто неприлично — дурной тон.

Но я — стреляный воробей и верю не в слова, а в дела. Реальные дела. Поэтому я без обиняков спросил Хамфри, чем он объясняет тот факт, что на долю государственных служащих приходится двадцать процентов всех наград.

— Их преданностью долгу службы, — напыщенно ответил он.

«Такая служба стоит преданности», — мелькнула у меня мысль.

— К тому же, — продолжал Хамфри, — служащие Ее Величества всю свою жизнь трудятся за скромную плату на благо общества, а потом... потом канут в безвестность. Награды и почести — всего лишь незначительная компенсация за их верное, самоотверженное служение Ее Величеству и стране.

Прекрасные слова! Однако...

— За скромную плату? — иронически переспросил я.

- Увы!

Пришлось напомнить ему (на тот случай, если ему изменяет память), что он получает свыше тридцати тысяч в год. На семь с половиной тысяч больше меня!

Мой постоянный заместитель согласно кивнул, но тут же добавил, что эта плата все равно сравнительно невелика.

— Сравнительно с кем?

Он на секунду замешкался.

— С кем?... Ну... скажем, с Элизабет Тейлор.

Я счел своим долгом объяснить сэру Хамфри, что о сравнении с Элизабет Тейлор не может быть и речи — слишком велико различие между ними.

- Еще бы! Ведь у нее нет оксфордского диплома с отличием, — изрек он и спросил без всякого перехода: — Господин министр, вы подписали наградной список?

- Нет, Хамфри, — твердо ответил я. — Его надо пересмотреть и оставить в нем только тех, кто действительно заслужил это право. Таково мое решение.

— Что значит «заслужил»? — подчеркнул бесстрастно мой постоянный заместитель.

Я терпеливо объяснил, что «заслужил» означает «заработал», совершил нечто особенное, из ряда вон выходящее.

— Это неслыханно! — вспылил он.

— Как вам будет угодно, но в соответствии с моей новой политикой на награды могут рассчитывать только те государственные служащие, которые добились пятипроцентного сокращения бюджета в своих отделах.

Потрясенный Хамфри молчал.

Выдержав паузу, я, как ни в чем не бывало, продолжил:

— Следует ли мне расценивать ваше молчание как знак согласия, Хамфри?

К нему наконец-то вернулся дар речи.

— Нет, не следует, господин министр! — возмущенно заявил он. — Интересно, кто подал вам эту чудовищную идею?

Я бросил взгляд на Бернарда, целиком поглощенного неожиданно развязавшимся шнурком на правом ботинке.

— Никто, я сам до этого додумался.

— Нелепо!.. Немыслимо!.. Исключено! — распаялся мой постоянный заместитель, и остановить его теперь было невозможно. — Ваша идея... подрубает корни... к чему это приведет... к отмене монархии...

Я попросил его не говорить глупостей. Это привело сэра Хамфри в еще большую ярость.

- Нет никакого смысла изменять систему, которая так прекрасно зарекомендовала себя в прошлом!

- Она себя не зарекомендовала...

- Любая система требует проверки временем. Прежде всего надо быть объективным и справедливым.

На первый взгляд, вполне логично, однако не следует забывать, что орден Подвязки, например, был основан королем Эдуардом III в 1348 году. Тоже требуется проверка временем?

Тогда Хамфри попробовал зайти с другой стороны. Он заявил, что ставить награды в зависимость от экономических соображений — значит создавать опасный прецедент. Иначе говоря, правильно поступая сейчас, мы будем вынуждены правильно поступать и в будущем — вот что он имел в виду под «опасным прецедентом». Если следовать такой логике, то лучше вообще никогда и ничего не делать. *(Вносим ясность: в принципе можно делать, что угодно, но упаси боже делать что-либо впервые. — Ред.)*

Почувствовав мою непреклонность, сэр Хамфри, изменив тактику, лицемерно заверил меня, что он, дескать, полностью разделяет мои устремления и безусловно приложит все силы для скорейшего претворения их в жизнь.

На прямой вопрос, как он намерен претворить в жизнь разделяемые им устремления, мой постоянный заместитель предложил создать авторитетный межведомственный комитет. Его рекомендации, сказал он, позволят нам учесть все возможные последствия и принять решение, основанное не на сиюминутных, а на долгосрочных соображениях. *(Другими словами — никак!—Ред.)*

Мне надоело (в который раз!) выслушивать его маловразумительные, витиеватые отговорки, и я потребовал немедленных действий. Хамфри побледнел. Я добавил, что считаю награды нездоровым явлением в основе своей, что ни один здравомыслящий человек не может испытывать в них нужду, они только поощряют угодничество, снобизм, зависть.

— И с какой, собственно, стати все они достаются вам? Это несправедливо, — твердо сказал я.

Как и следовало ожидать, сэр Хамфри со мной не согласился.

— Вполне справедливо. Мы — государственные служащие! — многозначительно произнес он.

— Ну да, конечно, — ухмыльнулся я. — И потому, чтобы про извести впечатление на простачков, ставите после своих фамилий такие загадочные буквы. Знали бы они, что эти буквы означают, то-то удивились бы. КОБ!.. Кавалер ордена Бани? Потрясающе! Они бы приняли вас за водопроводчика.

Сэр Хамфри даже не улыбнулся.

— Очень остроумно! — язвительно заметил он. — Но ведь и вы, господин министр, любите букочки после собственной фамилии: ТС*, ЧП** и даже БН*** (экономических), если не ошибаюсь? — с откровенной издевкой спросил он и брезгливо сморщил свой надменный нос.

* Тайный советник.

** Член парламента.

*** Бакалавр наук — обладатель первой ученой степени в университетах, за исключением Оксфордского.

- Свою степень я по крайней мере заслужил, — парировал я. — В отличие от вашей МИ*. Говорят, в Оксфорде их дают просто так... любому.

- Не просто так, а за четыре гиней, — гордо отозвался мой постоянный заместитель.

Устав от бессмысленной перепалки (к тому же цель была достигнута — Хамфри ушел в глухую оборону), я довел до его сведения, что решение принято и не требует дальнейших обсуждений.

— Да, вы, кажется, хотели спросить меня о чем-то еще?

Сэр Хамфри был настолько потрясен моей непреклонностью и всеской аргументацией, что забыл свой второй вопрос. Впрочем, скоро вспомнил.

Оказывается, новые правила платы за обучение для иностранных студентов поставят оксфордский Бейли-колледж в крайне сложное положение.

По его словам, в Бейли были бы просто счастливы заполучить студентов-англичан (никто в этом и не сомневался!), но, поскольку в настоящее время там обучаются преимущественно иностранцы, новые правила поставят под удар факультеты тропической медицины и международного права. А факультет арабистики, возможно, придется закрыть вообще.

Их страдания вызывают у меня искреннее сочувствие, однако прецедентов здесь быть не может. Мне, например, не понятно, почему мы должны обучать иностранцев за счет британских налогоплательщиков.

- Не просто иностранцев, господин министр, — возразил сэр Хамфри. — Если нам, допустим, будет негде обучать арабистов, то можете себе представить последствия для нашей дипломатии — вплоть до произраильского министерства иностранных дел! А что будет с нашей нефтяной политикой?..

Я посоветовал посылать их обучаться куда-нибудь еще.

— Где же еще они могут изучать арабский? — недоуменно спросил он.

- В арабских странах, — предположил я.

Мой постоянный заместитель открыл рот, но не смог вымолвить и слова. Его выручил Бернард.

- Господин министр, — сказал он, — позвольте вам напомнить о блестящей репутации Бейли. Его выпускники провели немало лет в тюрьмах Британской империи.

Такая рекомендация мне мало что говорила, поэтому я попрощал Бернарда высказаться яснее.

— Как вам известно, — начал он, — в странах Содружества право называться УБ считается высшей честью...

* Магистр искусств — обладатель второй ученой степени в Оксфордском и Кембриджском университетах. Степень присваивается без экзамена при уплате определенной суммы и по истечении семилетнего срока после зачисления в университет.

— УБ ?

— Узники Британии, — с готовностью подхватил сэр Хамфри, вновь обретая дар речи. — Ганди, Нкрума, Макариос, Бен-Гурион, Кеньятта, Неру, Мугабе... Перечень УБ можно продолжать до бесконечности, и среди них немало наших выпускников. Наших выпускников? Он сказал «наших выпускников»?! Вот все и встало на свои места. Я понимающе улыбнулся.

— А вы из какого колледжа, Хамфри?

— Я? Э-э... это не имеет отношения к делу, господин министр. Да, сегодня ему явно не везет.

— А почему бы нам не обсудить и то, что не имеет отношения к делу? Иногда это полезно. Так что же вы кончали, Хамфри? Случайно, не Бейли?

— Да, Бейли, — выдавил он, — но, повторяю, это не имеет ни малейшего касательства...

Как только у него язык поворачивается говорить такое мне! Неужели он считает меня законченным идиотом?

В этот момент раздался звонок, возвещавший о начале голосования, и Хамфри был спасен от полного позора.

У дверей кабинета я вспомнил, что забыл спросить у Бернарда, как мне голосовать: «за» или «против»?

— Против, — сказал он и принялся объяснять, что речь идет о поправке оппозиции...

Но меня уже не было. Берnard ничего не смыслит в наших делах. Суть дебатов не имеет никакого значения. Я просто не хочу перепутать лобби.

*(Слухи о намерении Хэкера связать вручение наград с достигнутой экономией стремительно распространились по Уайтхоллу через шоферов и личных секретарей и уже через несколько часов дошли до секретаря кабинета сэра Арнольда Робинсона. Тот немедленно пригласил к себе сэра Хамфри, и между ними состоялась беседа, весьма поучительная не только для сэра Хамфри, но и для историков, поскольку из нее явствует, что, хотя секретарь кабинета теоретически считается *primus inter pares**, на практике он значит куда больше, чем просто *primus*. Практика также подтверждает, что «все постоянные заместители равны, но некоторые из них более равны, чем другие».*

Записи о беседе с сэром Хамфри Эплби мы обнаружили в архивах государственной службы в Уолтхэмстоу, куда получили доступ по окончании тридцатилетнего срока хранения секретной документации.

Сэр Хамфри, естественно, не имел возможности ознакомиться с записями. Это было бы нарушением правил игры. — Ред.)

* Первый среди равных (*лат.*).

«Я выразил Эплби свою обеспокоенность решением его министра по поводу наград.

Эплби сказал, что, несмотря на все его старания, министр остался при своем мнении.

Я заметил, что мы считаем создавшуюся ситуацию угрожающей, и спросил его, как он себе представляет последствия.

Эплби полностью разделял мои опасения, но затем, как ни странно, назвал план Хэкера «недопустимым и вместе с тем непреодолимым».

Такая оценка только усилила мою тревогу, и я счел нужным отметить, что пока у меня нет веских оснований в чем-либо упрекнуть его, однако я жду заверений, что план Хэкера не будет претворен в жизнь.

Услышав фразу «нет веских оснований упрекнуть», Эплби побледнел. *(По неписаным законам Уайтхолла, простое упоминание глагола «упрекать» на столь высоком уровне административной иерархии означает серьезное осуждение с далеко идущими последствиями. Иначе говоря, сэр Арнольд был настолько раздражен, что не побоялся пренебречь так называемой «теорией хорошего парня», в соответствии с которой «один хороший парень не говорит другому хорошему парню того, что хороший парень сам должен знать». Таким образом, сэр Арнольд недвусмысленно намекал, что не считает сэра Хамфри «достаточно хорошим парнем». — Ред.)*

Эплби оказался не в состоянии дать необходимые заверения. Он всего лишь «выразил надежду», что Хэкер откажется от своей опасной затеи. «Одних надежд недостаточно», — напомнил я ему. Если Хэкеру удастся реализовать свой план в МАДе, зараза может распространиться и на другие ведомства. Даже на правительство!

Затем я снова спросил Эплби, можем ли мы рассчитывать на него в этом серьезном вопросе. Он обещал сделать все возможное. И только! Мне ничего не оставалось, как предупредить его: лично я не сомневаюсь в его способности верно оценивать обстановку, но другие могут задуматься, надежный ли он человек.

Похоже, мои слова были сильным ударом для бедняги Эплби. Что ж, поделом!

В заключение я сообщил ему о звонке мастера Бейли-колледжа и выразил твердую уверенность, что Эплби сумеет убедить Хэкера по-особому отнестись к нашей alma mater.

К сожалению, Эплби и тут оказался не на высоте, хотя и поспешил уведомить меня, что уже договорился о приглашении Хэкера на благотворительный обед.

Я одобрил основательность его подхода к решению этой проблемы, но, по-моему, Эплби это не слишком воодушевило. Мне начинает казаться, что он теряет свое влияние — на Хэкера, во всяком случае.

Вряд ли Эплби можно считать достойным кандидатом на должность секретаря кабинета. Ему недостает универсализма. Пожалуй, лучше подыскать для него должность попроще — вроде председателя клирингового банка или нашего представителя в ЕЭС.

А. Р.»

(Небезынтересно, на наш взгляд, сравнить впечатление от беседы сэра Арнольда с тем, как ее воспринял сэр Хамфри. — Ред.)

«Встречался с Арнольдом в его кабинете. Как всегда, мы прекрасно поняли друг друга. Его очень беспокоит затея Хэкера с наградами, а

также будущее Бейли. В ходе беседы возникло несколько напряженных моментов, но в целом, полагаю, я сумел убедить его, что мне не составит большого труда справиться с этими проблемами».

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

4 мая

Сегодня был удостоен чести присутствовать на благотворительном обеде в Бейли-колледже. На мой взгляд, обед прошел с небывалым успехом.

Впрочем, лучше все по порядку. Еще по дороге в Оксфорд Бернард рассказал мне массу интересных вещей.

По его словам, вчера сэра Хамфри вызывал секретарь кабинета и задал ему хорошую взбучку. «От сэра Хамфри только пух и перья летели», — сказал Бернард. И все из-за гениальной идеи моего личного секретаря поставить вручение наград в зависимости от экономической эффективности!

Любопытно, Бернард упорно продолжает приписывать эту идею мне. Впрочем, в тот момент его упорство было вполне объяснимо. Разговор происходил в служебном автомобиле, и Рой напряженно вслушивался в каждое слово, чтобы впоследствии выгодно продать или обменять добытую информацию. Известие о взбучке, полученной сэром Хамфри, разумеется, найдет своего «покупателя», поэтому не сегодня-завтра на Роя наверняка так и польются интересные «утечки». Не забыть бы потом его распространить.

Меня заинтересовало, что может означать «взбучка» применительно к лицам, занимающим столь высокое положение, как, скажем, сэр Хамфри.

Бернард с удовольствием объяснил:

— Обычно это делается достаточно интеллигентно, но на этот раз сэр Арнольд оставил церемонии и прямо заявил сэру Хамфри, что «не имеет веских оснований упрекнуть его».

— Даже так?

— Более того, он высказал предположение, что кое-кто может усомниться в надежности сэра Хамфри.

Из страха пропустить хоть слово у Роя вспотел затылок.

— Чистый нокаут, — не без удовлетворения констатировал я.

Столь пристальное внимание сэра Арнольда к второстепенному (на мой взгляд) вопросу о наградах невольно наводит на мысль: а нет ли здесь личного интереса? Хотя, с другой стороны, зачем ему награды? Наверняка у него уже полный комплект.

На всякий случай спросил Бернарда, есть ли у Арнольда БК (*Большой крест — орден 1 степени. — Ред.*). Бернард молча кивнул.

(Как правило, у каждого ведомства «свои» награды: для МАДа — это орден Бани — например, сэр Хамфри в описываемое время являлся кавалером ордена Бани II степени и соответственно стремился получить БК, то есть стать кавалером ордена Бани

I степени, а для МИДДСа — орден св. Михаила и св. Георгия. — Ред.)

Однако далее Бернард пояснил: хотя у сэра Арнольда уже имеется БК, существует еще целый ряд наград, на которые он может претендовать, например пэрство, 33 (орден «За заслуги». — Ред.), КП (орден «Кавалеров почета». — Ред.), орден Подвязки, орден Чертополоха* и т. д.

— Интересно, кого они награждают Чертополохом — шотландцев или ослов? — сострил я.

— В зависимости от обстоятельств, — по обыкновению дипломатично отозвался Бернард.

— Уж не имели ли вы случайно дело с шотландскими националистами? — мгновенно отреагировал я, не обращая внимания на стоящие торчком уши Роя. — От кого они зависят, эти обстоятельства?

— От специального комитета, господин министр.

Затем я попросил его поделиться своими соображениями по поводу предстоящего визита в Бейли.

— Неужели Хамфри действительно рассчитывает, что званый обед способен заставить меня изменить политику правительства в отношении финансирования университетов?

Бернард улыбнулся и заметил, что, по слухам, Бейли славится своими приемами.

Мы добрались до Оксфорда всего за час с небольшим. М-40 — превосходная автострада. Равно как и М-4. Стоит задуматься, почему в Оксфорд хорошие дороги были проложены раньше, чем скажем, в Саутгемптон, Дувр или любой другой порт.

Бернард объясняет это двумя причинами. Во-первых, практически все постоянные заместители окончили Оксфорд, и, во-вторых, большинство оксфордских колледжей устраивает отменные обеды.

Звучит невероятно, но доля истины, очевидно, в этом есть.

— И кабинет закрыл на это глаза? — удивился я.

— Ни в коем случае! Они сразу же вмешались и категорически заявили, что чиновники Уайтхолла не будут ездить по хорошим дорогам на званые обеды в Оксфорд до тех пор, пока в распоряжение членов кабинета не предоставят хорошую дорогу в центральные графства, где они обычно охотятся. Вот почему М-1 в пятидесятых годах довели только до середины Лестершира.

Аргументация убедительная — одна только маленькая неувязка, и я немедленно указал на нее Бернарду:

— Почему же тогда М-11 закончена только недавно? Разве в Кембридже дают плохие обеды?

— Нет, отнюдь, — возразил он. — Просто в министерстве транспорта уже много лет не было постоянного заместителя из Кембриджа.

* Название по национальной эмблеме Шотландии.

(Нам представляется любопытным сравнить описание обеда самого Хэкера с рассказом о нем сэра Бернарда Вули. Начнем с версии Хэкера. — Ред.)

Превосходный обед, ничего не скажешь!

Зная о намерении мастера и казначея поговорить со мной о своих финансовых затруднениях, я решил первым открыть ящик Пандоры, выпустить кота из мешка и сдвинуть дело с мертвой точки... *(Хэкеру никогда не удавалось избавиться от пристрастия нагромождать метафоры. — Ред.)*. Поэтому, когда подали портвейн с десертом, я шутливо заметил, что для колледжа, находящегося на грани банкротства, «скромный обед» был совсем неплох. На самом деле его следовало бы назвать пиршеством: невиданные деликатесы, четыре перемены блюд, изысканные вина...

Мастер поспешил довести до моего сведения, что это традиционный обед в честь Фитццуолтера, покровителя колледжа в шестнадцатом веке, и оплачивается из специального фонда пожертвований.

А казначей добавил, что если бы я навестил их в обычный день, то, скорее всего, увидел бы на столе «Гордость матери» *(фирменный хлеб в упаковке. Разумеется, на званых обедах его не подают. — Ред.)* и обезжиренный сыр.

Я посоветовал им поискать мецената в двадцатом веке, и эта невинная ремарка вызвала целую дискуссию о различных типах университетских покровителей. Оказывается, Исаак Вольфсон — всего лишь третий человек в истории Вселенной, именем которого назван колледж в Оксбридже*. Первыми двумя были Иисус и святой Иоанн.

— Покровители университетов со временем обретают что-то вроде бессмертия, — с благоговением произнес казначей. — Их имена живут и славятся в веках. Например, сэр Уильям де Вер, чье имя выбито на кубке, в пятнадцатом веке отвел от Бейли армию баронов. Благодаря его стараниям она разместилась в колледже Святого Георгия.

Очень не хотелось показывать свое невежество, но я все-таки признался, что понятия не имею о существовании такого колледжа.

— А его и не существует, — успокоил меня казначей. — С тех самых пор.

Мы все захихикали.

Затем казначей перешел к рассказу о Генри Монктоне:

— Его именем назван учебный плац... Он не отдал Кромвелю наше серебро для уплаты солдатам его армии.

— Сказал, что в кембриджском Тринити-колледже оно более высокого качества, — добавил сэр Хамфри.

За столом снова раздалась смешки. Когда они смолкли, мастер, на мой взгляд, не без задней мысли заметил, что, как это ни при-

* Оксфордский и Кембриджский университеты.

скорбно, похоже, покровителей Бейли, достойнейших из достойных, скоро просто будет некому вспоминать. Если, конечно, не будет решена проблема иностранных студентов.

Все выжидательно посмотрели на меня. И хотя я привык к подобному рода давлению, мне тем не менее захотелось оказать им посильную помощь. Поэтому я высказался в том духе, что мы не должны давать друг друга в обиду, что я — идеалист и что политики идут в политику прежде всего из желания не давать в обиду других. А чтобы у хозяев не создалось ошибочного впечатления, будто все эти разговоры о достойнейших из достойных, равно как и о бессмертии покровителей, способны хоть как-нибудь повлиять на мое решение не дать в обиду Бейли, я обратил их внимание на свое полнейшее равнодушие к любым почестям вообще: в конце концов, не все ли равно, выбито твое имя на серебряном кубке или нет, когда над тобой шесть футов земли?

В этот момент Хамфри внезапно сменил тему разговора, спросив, когда в университете присуждаются почетные звания. Мастер ответил, что, хотя сама церемония награждения состоится еще не скоро, в июне, окончательное утверждение кандидатур сенатом* должно завершиться через две-три недели.

Мне кажется, сэр Хамфри не случайно завел об этом речь.

*(Упомянутая церемония проводится ежегодно в июне и состоит из двух частей: обильного завтрака в «Кодрингтонской библиотеке всех душ» и приема во второй половине дня. Процедура награждения проходит в Шелдоне** в полном соответствии с древними традициями, включая выступления на латинском языке. Канцлером*** университета в тот период являлся господин (как его тогда называли) Гарольд Макмиллан, впоследствии граф Стоктонский. — Ред.)*

Я без труда догадался: Хамфри, мастер и казначей недвусмысленно намекали на некую, весьма заманчивую перспективу. Должен сознаться, я всегда втайне сожалел, что не принадлежу к числу выходцев из Оксбриджа, ведь в интеллектуальном отношении мне, естественно, у них не занимать. А наверное, мало кто из питомцев ЛЭШа когда-либо удостаивался чести получить почетную степень Оксфордского университета.

Затем мастер, как бы невзначай, упомянул о наличии у них незаполненной вакансии почетного доктора права. Они, дескать, еще колеблются, присудить эту степень судье или кому-нибудь из правительства.

Я высказал мнение, что выбор, конечно же, должен пасть на политика. Хотя бы из уважения к канцлеру университета. Честно

* Руководящий орган в некоторых университетах Великобритании.

** Бывший театр Шелдона, ныне Дом совета Оксфордского университета. Там проходят торжественные собрания, концерты и т. п.

*** Номинальный глава университета; назначается пожизненно; бывает в университете лишь на торжественных церемониях один-два раза в год.

говоря, я не очень хорошо помню, как я выразился, но моя аргументация, по-видимому, была неотразимой. Иначе чем объяснить тот энтузиазм и одобрение, которые она вызвала у всех присутствовавших?

Утомленный собственным красноречием и яркими впечатлениями от приема, я крепко уснул в машине по дороге домой.

ВСПОМИНАЕТ СЭР БЕРНАРД ВУЛИ:

«Ознакомившись с рассказом Хэкера о приеме в Бейли, должен не без сожаления отметить, что министр, мягко говоря, не слишком точен в формулировках и грешит неоправданным самовосхвалением.

К тому времени, когда мы перешли к портвейну и десерту, Хэкер, что называется, еле ворочал языком.

Мастер, сэр Хамфри и казначей пытались внушить ему мысль, что он может прямо-таки обессмертить свое имя, став покровителем колледжа — иными словами, сделав исключение для Бейли в вопросе об иностранных студентах. Типичный оксфордский подход: услуга за услугу.

В его интерпретации разговора о колледжах Вольфсона и Иисуса пропущены некоторые существенные детали. В частности, услышав, что помимо Иисуса и святого Иоанна Вольфсон является единственным человеком, имя которого присвоено колледжу, он осоловело посмотрел на нас и тупо переспросил: «Иисуса»? Казначей счел необходимым внести ясность: «Иисуса Христа».

Свою тираду насчет того, чтобы не давать в обиду других, Хэкер выдал, подливая себе портвейна. Произнес он, как сейчас помню, буквально следующее: «Да, никогда нельзя давать себя в обиду... э-э... я имею в виду, не давать в обиду своих друзей... то есть колледж... не за звания, конечно...» Ясное некуда!

Мастер и казначей, как положено, разразились дежурными фразами вроде: «Ну, разумеется, не за звания», «Никому и в голову не придет» — и так далее в том же духе.

В ответ Хэкер понес всякую ахинею, что он избрал карьеру политика специально, чтобы не давать в обиду других, как он безразличен к почестям и тому подобное. Однако едва речь зашла о возможности получить почетную степень, он пришел в невероятное возбуждение и так яростно расколол грецкий орех, что скорлупа разлетелась в разные стороны, словно шрапнель.

Затем началось такое... вспоминать неловко.

Когда был поднят вопрос, кому предпочтительнее отдать единственную вакансию на почетную степень доктора права (если она действительно была единственной) — судьбе или политику, ни у кого не осталось сомнений: ученая братия решила поиграть с Хэкером, как кошка с мышкой.

Он же был слишком пьян и, естественно, не замечал, что они просто развлекаются. Я навсегда запомнил его маловразумительный монолог: «Судья? Какой смысл делать судью доктором права? Политики — вот кто творит и создает законы, — заявил он (эта его любовь к тавтологии!) . — Если бы не политики, судьям нечего было бы судить... Как судить, если законов нет? Вы меня понимаете? Они бы все остались без работы... Все до единого. Судьи в очереди за пособием по безработице! В своих нелепых париках!..»

Мне потому этот эпизод так врезался в память, что я с большим удовольствием представил себе безработных в судейских париках. Что

может быть более абсурдным, чем судьи, отчитывающие людей за «не соответствующий внешний вид» — например, женщин в брюках, — а сами устраивающие в суде нелепый маскарад.

Как бы там ни было, Хэкер вдруг перешел на плаксивое нытье — явный признак того, что он уже дошел до положения риз.

«Судьям и без того куда легче живется. Им не надо лебезить перед телекомментаторами, не надо врать журналистам, не надо изображать симпатию к коллегам по кабинету. Хотите, я вам кое-что скажу? — Он разбил еще один орех, и осколок скорлупы едва не попал казначею в правый глаз. — Если бы судьи снюхались с некоторыми из моих коллег по кабинету, у нас уже завтра была бы введена смертная казнь... и может, оно к лучшему».

Сэр Хамфри попытался было направить беседу в другое русло, но безрезультатно. Хэкер тут же обвиняюще ткнул в него пальцем. «Более того, — объявил он, не отдавая себе отчета, что присутствующим явно не по душе его речь, — ведь я, если хотите знать, не могу посадить в тюрьму сэра Хамфри!»

От возмущения сэр Хамфри чуть не поперхнулся.

А Хэкер мутным взором обвел сидящих за столом. «Я не могу посадить в тюрьму? — удивленно повторил он, будто открыл для себя странную аномалию в законе. — А будь я судьей, мне бы ничего не стоило учечь старину Хамфри в Скрабз... проще простого... никаких проблем... раз-два и готово... до встречи через три года... за примерное поведение досрочное освобождение условно...»

Все изумленно переглянулись, когда Хэкер, тяжело сопя, отхлебнул из своего бокала и по его подбородку медленно потекла струйка «фонсеки» выдержки 1927 года. Судья по выражению лиц ученых мужей, им вряд ли приходилось когда-либо видеть политика на вечернем приеме.

(Конечно, в палате общин на поведение Хэкера никто бы и внимания не обратил. Там оно было бы воспринято как нечто вполне нормальное и, возможно, даже заслуживающее одобрения. — Ред.)

А Хэкер, осушив бокал, снова пустился в разглагольствования. Теперь его уже было не остановить.

«Но я не могу так поступить со стариной Хамфри, — заплетаящимся языком бормотал он. — Я должен... о боже!., выслушивать его наставления! — Хэкер закатил глаза к потолку. Казалось, он вот-вот зарыдает. — Знаете, его предложения длиннее, чем приговоры судьи Джеффри! — Он икнул и громко захохотал. — Нет... короче говоря, политики — более достойные люди... Нельзя давать ваши счетные птепени каким-то судьям... ни в коем случае...»

Наконец он умолк. Мастер собрался с духом и, делая над собой невероятное усилие, попытался изобразить хоть малейшее подобие дружеской улыбки, а не абсолютное отвращение. Эта героическая попытка удалась ему только наполовину.

Тем не менее у него хватило выдержки объяснить Хэкеру, что его аргументация производит большое впечатление и теперь они понимают, насколько неразумно было бы отдать почетную степень судье.

Вокруг послышались дружные возгласы одобрения. Деканы наперебой славословили Хэкера. До конца понять истинную природу угодливого раболепия можно только при виде ученого мужа, перед которым открывается перспектива больших денег. Или саморекламы.

Они, перебивая друг друга, принялись рисовать Хэкеру картину его будущего награждения: вот он, облаченный в великолепную пурпурную

мантию, стоит на возвышении в Шелдоне в окружении столь же именитых, как и он, ученых, вот... Источая винные пары, Хэкер громко рыгнул, неуклюже схватился за спинку стула, чтобы не свалиться под стол, и блаженно улыбнулся.

Тот вечер навсегда сохранится в моей памяти. Именно тогда я сделал еще один важный шаг к зрелости, поняв, что даже самые большие ученые имеют свою цену, причем не столь высокую, как можно было бы предположить».

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

5 мая

Сегодня утром встал весь разбитый, голова раскалывалась на части. Вряд ли это с похмелья — не так уж много я вчера выпил. Нет-нет, исключено. Иначе я просто не смог бы произвести такой фурор среди этой ученой братии.

На 10.30 было назначено очередное совещание по вопросу о сокращении административных расходов. Я не сомневался: исход будет таким же, как и всех предыдущих.

Хамфри заскочил ко мне на несколько минут пораньше, чтобы, как он выразился, «кое-что сообщить». Оказалось, очень приятное известие. Похоже, вчера вечером мастер попросил Хамфри «прощупать» меня, не соглашусь ли я принять почетную степень доктора права Оксфордского университета.

Я изобразил удивление. На самом деле меня это ничуть не удивило. Я же знал, какое впечатление произвел на них мой визит.

Однако Хамфри поспешил заметить, что, к сожалению, это еще не официальное предложение. По его словам, кто-то в сенате высказывает сомнение в уместности такого шага ввиду моей общеизвестной неприязни к наградам.

Ловкий удар. Эту чушь необходимо пресечь в зародыше!

— Не говорите глупостей, Хамфри. Мой случай — это совсем другое дело.

— Как сказать, господин министр, — возразил он. — В данном случае речь идет, выражаясь вашим языком, о награждении почетной степенью человека, который ничего не сделал, чтобы ее заслужить.

— Я — член кабинета Ее Величества!

— А разве вам за это не платят?

Подлый, коварный изменник! Будто я пекусь только о себе!

— Да, но... э-э... в некоторых случаях отказываться от почетной степени просто неприлично. Мне кажется, мой отказ будет однозначно воспринят всеми как пощечина МАДу... Ведь присуждение мне почетной степени является чем-то вроде вотума доверия всему министерству, поскольку я — его законный глава.

Хамфри промолчал, опять давая понять, что официального предложения еще не поступало. Значит, у него наверняка припасен вариант какой-то сделки. Раздумывая над смыслом затянувшейся паузы, я наконец сообразил, в чем дело.

— кстати, Хамфри... э-э... правда, это не имеет никакого отношения к делу, но... в общем, я намерен сделать все возможное, чтобы помочь Бейли в решении проблемы иностранных студентов...

Настала очередь Хамфри изобразить удивление.

— Вот как? Отлично, — сказал он и улыбнулся.

— Но для этого нам требуется серьезное обоснование, то есть соответствующий предлог.

Как и следовало ожидать, предлог у него был наготове.

— Насколько мне известно, Ее Величество испытывает серьезное давление со стороны ряда лидеров Содружества. Так вот, чтобы не ставить Ее Величество в неловкое положение, нам, очевидно, придется присвоить Бейли статус... ну, скажем, центра Содружества по образованию.

Не желая терять столь удачную возможность повернуть дело в свою пользу (то есть в пользу всего общества), я с наигранным недоумением спросил:

— Где взять деньги? Впрочем... если бы нам удалось воплотить мою идею о повсеместном сокращении административных расходов на пять процентов, тогда, конечно...

Я был уверен: от такого предложения он не сможет отказаться. И не ошибся.

— Э-э... господин министр, мы могли бы добиться этих сокращений. (Какой прогресс!) Я, естественно, говорю только о своем министерстве. Но... при условии, что нелепая идея о зависимости наград от экономии будет предана полному забвению.

Вот так. Двойное *quid pro quo*. Все встало на свои места.

Ровно в 10. 30 в кабинет вошли члены специальной комиссии МАДа по изысканию возможностей для сокращения административных расходов.

Стенограмма предыдущего совещания была утверждена без возражений. Затем мы перешли к текущим проблемам. Первым в повестке стоял пункт «Эксплуатация служебных помещений». Помощник постоянного заместителя — он всегда выступает по этому вопросу — собрался было приступить к докладу, но его неожиданно опередил Хамфри.

— Мне приятно сообщить собравшимся, что мы изыскали возможность сократить расходы на пять процентов, продав одно из наших старых зданий в Хай-Уикомбе.

Помощник, совсем еще молодой человек, не сумел скрыть свою растерянность. Очевидно, сэр Хамфри не успел предупредить его о «новом курсе».

Я вслух высказал свое удовлетворение, и мы, не вдаваясь в подробности, перешли ко второму пункту — «Закупка канцелярского оборудования».

Сэр Хамфри выразительно посмотрел на своего заместителя и чуть заметно кивнул. Тот попросил слова и сказал:

- Господин министр, мы разработали новую систему снабже-

ния. По нашим расчетам, она уже в этом году приведет к сокращению расходов...

— На сколько? — перебил я.

Заместитель чуть смутился, но его выручил Хамфри:

— Если мне не изменяет память, приблизительно на пять процентов, господин министр.

— Отлично, — сказал я. — Что дальше? «Заповедники и парки»?

Поднялся другой заместитель моего постоянного заместителя (этот сразу понял, куда ветер дует, — истинный профессионал государственной службы) и бодро сказал:

— Господин министр, если мы перенесем сроки ввода в строй нового компьютерного центра на следующий год, то в этом году сможем добиться заметной экономии.

— На сколько заметной?

Все уткнулись в свои бумаги, делая вид, будто хотят поточнее ответить. Затем сообразительный заместитель с надеждой в голосе предположил:

— Приблизительно на пять процентов?

Члены комиссии согласно кивнули, послышались утвердительные возгласы: «Да-да, совершенно верно», «Никак не меньше».

А Хамфри, когда голоса за столом стихли, заметил, что экономия на компьютерном центре неизбежно приведет к снижению текущих расходов на «обработку данных». Я выжидательно посмотрел на него.

— Примерно на пять процентов, — добавил он.

— Ну что ж, все это выглядит вполне обнадеживающе, Хамфри, — доброжелательно резюмировал я.

После совещания, которое завершилось бесспорным триумфом моей идеи, Хамфри отвел меня в сторону.

— Кстати, господин министр, надеюсь, вы уже подписали рекомендации для секретаря наградной комиссии?

— Естественно. У меня не возникло никаких возражений. Бернارد передаст документ вам сегодня же. Все в порядке, Хамфри?

— Да, доктор, — почтительно ответил он.

Вполне уместная дань уважения с его стороны. Я с нетерпением ожидаю церемонии в июне.

ЯРМАРОЧНЫЙ СТОЛБ

(В жизни политика бывают моменты, когда он обязан принять неверное решение. Неверное в экономическом, деловом, социальном - в любом плане, кроме одного — в политическом. Любопытный парадокс: решение, которое считается неверным со всех других точек зрения, может являться верным с точки зрения политической! При этом политически верное решение принимается не только ради погони за голосами, хотя в конечном счете так оно и есть. Нет, логическое построение политика гораздо сложнее: если данное решение приносит голоса — значит, оно принимается в интересах народа. Иначе говоря, может ли в демократическом обществе быть неверным то, за что голосует народ?)

Событие, о котором пойдет речь в этой главе, становилось достоянием гласности, так сказать, по частям. Первое упоминание о нем встречается не в дневниках Хэкера, а в «Стань как сталь» - мемуарах председателя «Бритиш кемикл корпорейшн» (БКК) — крупного промышленника и ученого сэра Уолли Макфарленда.

Макфарленд славился своим остроумием, прямолинейностью в обращении и упорным сопротивлением любому вмешательству правительства в дела его национализированной корпорации. Являясь признанным авторитетом в области химии и промышленного управления, он не без оснований полагал, что Хэкер вряд ли разбирается как в том, так и в другом. С неменьшим презрением Макфарленд отзывался и о познаниях сэра Хамфри, правда, в сфере бизнеса. Подобно многим деловым людям, он был убежден, что в торговых операциях государственная служба разбирается как свинья в апельсинах. — Ред.)

Из «Стань как сталь»

«16 апреля встречался с сэром Хамфри Эплби из министерства административных дел. Наверное, уже в сотый раз обсуждаем вопрос о производстве пропанола в Мерсисайде по лицензии, предоставленной нам итальянским правительством.

К моему удивлению, сэр Хамфри начал намекать на какие-то труд-

юсти с его министром. Правда, из-за свойственной ему туманной манеры выразаться я не уверен, что правильно его понял.

На мой вопрос, не тянет ли он kota за хвост, сэра Хамфри дал отрицательный ответ, заметив, однако, что не следует считать согласие министра как нечто само собой разумеющееся.

Позиция МАДа была и остается для меня непонятной. Итальянское правительство предлагает нам солидный контракт на производство пропанола в Мерсисайде. Контракт несет спасение крупному комбинату, который иначе придется закрыть. Дает нам возможность не увольнять, а набирать рабочих. Наконец, сулит значительные экспортные прибыли. Два года мы вели за него тяжелую борьбу с мощными германскими и американскими конкурентами. Упускать такую сделку было бы верхом идиотизма.

Элбли высказал дилетантски-наивное опасение: мол, что подумает его министр. По собственному опыту знаю: министры не думают. За десять лет на посту председателя БКК мне пришлось иметь дело с девятнадцатью различными министрами. Ни один из них не удосужился поработать мозгами, даже если они имелись (правда, далеко не у всех). Им, как правило, лень было хотя бы побеседовать со мной. Они, видите ли, предпочитают «обсуждать проблемы» с профсоюзными лидерами, пытаясь подкупить их с целью предотвращения забастовок.

Так я и заявил Элбли. Обвинение в подкупе профсоюзных лидеров ему, естественно, не понравилось. Но ведь подкуп может быть не только в чистом, так сказать, материальном виде! А как иначе назвать обещания типа: «Вы не возражали бы против рыцарского звания, Дик?», «Вас ожидает пэрство, Гарри!»?

По словам сэра Хамфри, министра беспокоит перспектива иметь дело с пропанолом. Пусть так, но почему же вопрос об этом поднимается только сейчас?

Я — возможно, несколько опрометчиво — высмеял предположение Элбли, что министр будто бы обеспокоен. Мне казалось, Хэкер никогда не проявлял особого интереса к этому проекту и наверняка ничего о нем не знал. По простоте душевной я полагал, что незнание предмета удержит его от вмешательства. К тому же министры всегда чем-то обеспокоены. Я в жизни не встречал министра, который не находился бы в состоянии вечной обеспокоенности.

Тревогу у них вызывает все, что не вписывается в привычные рамки. Все, без чего любое начинание теряет смысл, — иными словами, все необходимое для нормальной деловой жизни. Да если бы я боялся обеспокоить этих трусливых политиканов, которые только и умеют, что гоняться за голосами и целовать перед объективом чужих младенцев, БКК вылетела бы в трубу еще десять лет назад!

Как утверждает Элбли, наибольшее беспокойство у министра вызывает тот факт, что в составе пропанола присутствует метадиоксин. *(Диоксин — химическое соединение, попавшее в окружающую среду несколько лет назад в результате аварии на химическом комбинате в итальянском городке Севезо. Считается, что оно оказывает вредное воздействие на развитие плода в чреве матери. — Ред.)* Вот-вот, обычная история! Метадиоксин — совершенно иное, абсолютно безвредное соединение, прошедшее проверку в УПЛП (*Управление пищевых продуктов и лекарственных препаратов. — Ред.*) в Вашингтоне. Не говоря уж о том, что его со дня на день одобрит специальная комиссия Хендерсона.

Поскольку Элбли (по причине своей полной химической безграмотности) все твердил о беспокойстве — собственном или Хэкера, — я заме-

тил, что слово «метадиксин» в контракте не употребляется вообще. Вещество именуется пропанолом и, следовательно, безопасно с политической точки зрения.

В конце нашей встречи Эплби заверил меня, что его министр вряд ли станет особенно возражать, если к этому вопросу подойти «с пониманием и тактом». Я был готов сам пойти к Хэкеру и тактично убедить эту нежную орхидею в безрассудности препирательств по поводу такого контракта. Но Эплби отклонил мое предложение, сказав, что постарается обойтись без моего, как он выразился, «обостренного чувства такта».

Я позволил себе в этом усомниться, однако на решающее обсуждение в министерстве меня так и не пригласили.

Какой смысл нанимать высококвалифицированных специалистов, чтобы они поставили работу в национализированных отраслях промышленности на деловую ногу, если правительство сует свой нос в любое мало-мальски важное решение?»

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

4 июня

День начался с приятного известия — во всяком случае, так казалось.

Сэр Хамфри ознакомил меня с новым промышленным проектом для Мерсисайда. Вкратце его суть сводится к тому, чтобы превратить устаревший, нерентабельный комбинат в одно из наиболее прибыльных предприятий «Бритиш кемикл корпорейшн», которая, в свою очередь, будто по мановению волшебной палочки, превратится в крупнейшего производителя пропанола во всей Европе!

Ожидаемые выгоды не поддаются описанию: заказы британским заводам на капитальное оборудование, дополнительные бюджетные отчисления местным властям, новые рабочие места в Мерсисайде, валютные поступления от экспорта готовой продукции — все это слишком заманчиво, чтобы поверить.

Я поделился возникшими опасениями со своим постоянным заместителем.

— Но это правда, господин министр, — заверил меня сэр Хамфри, расплываясь в улыбке.

«Так ли?» — спросил я себя, хотя какой смысл спрашивать самого себя. И спросил Хамфри:

— Действительно, так? Может, тут подвох?

— Подвох? — переспросил он.

— Да, подвох. В чем тут подвох?

Я нутром чувствовал, что здесь должен быть какой-то подвох.

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, господин министр.

Хамфри явно тянул время. Никаких сомнений. Я постарался быть предельно четким:

— Значит, так... этот пропанол — итальянского происхождения, верно? Тогда почему же они не хотят производить его в Ита-

лии? (Хамфри промолчал, что само по себе весьма подозрительно.) С чего это итальянцы делают нам такой щедрый подарок?

— Господин министр, зря вы беспокоитесь, здесь нет ровным счетом никакого подвоха, — заговорил наконец Хамфри. — Просто отличная новость, и ничего более.

В душе я молил бога, чтобы это на самом деле оказалось просто отличной новостью — тогда лучшего и желать не надо.

— Да, — с опаской согласился я. — Новость действительно отличная. Отличная новость, как вы считаете, Бернард?

Бернард сидел справа от меня и вел стенограмму. Услышав свое имя, он бросил взгляд на Хамфри и дипломатично подтвердил:

— Да, отличная новость, господин министр. — Но убежденности в его голосе почему-то не было.

Поняв, что общие вопросы не помогут мне выяснить истинное положение дел, я попытался придумать более конкретную формулировку. Мой постоянный заместитель ни за что не осмелится мне солгать (*вернее, вместо «ни за что» лучше было бы сказать «едва ли».* — *Ред.*), если я сумею правильно сформулировать вопрос, и ответит, как надо.

— Да-а... старый добрый пропанол, — задумчиво произнес я, оттягивая время. И вдруг меня осенило: — Кстати, а что такое пропанол?

— О, это очень интересная история, — немедленно откликнулся Хамфри. — Раньше его делали из диоксида, но после взрыва в Севезо производство было остановлено. Сейчас разработано новое, химически безопасное соединение — метадиксин. Однако поскольку в Италии в настоящее время его по вполне понятным причинам делать не могут, производством предложено заняться нашей БКК.

Вон оно что. Туман начал рассеиваться.

— Кислотные дожди? — догадался я.

— Да, господин министр, — с довольным видом подтвердил мой постоянный заместитель.

— Ну а это новое вещество... оно что, действительно без опасно?

— Абсолютно!

— Хорошо, — сказал я, так и не поняв, где собака зарыта. (А может, тут-то она и зарыта?) — Хамфри, вы можете гарантировать, что это вещество не просто абсолютно безопасно, а безопасно на все сто процентов?

— Безусловно, господин министр.

Так в чем же дело? Почему меня не покидает тревога?

— Хамфри, а вы не хотели бы что-нибудь добавить? Лучше сделать это сейчас, чтобы впоследствии не пришлось жалеть.

— Да, в общем... нет, господин министр... разве что... пожалуй, я хотел бы отметить следующее: у слабого, вечно колеблющегося министра сходство названий, может, и вызвало бы определенные сомнения, но сильный, решительный глава министерства

никогда не отвергнет выгодного проекта по столь тривиальной причине.

Итак, проблема в сходстве названий. Не более того. Хамфри прав.

— Совершенно верно! Я знаю, какой тип руководителя вы имеете в виду. Медузу от политики, трусливую ящерицу, не способную принять решение из страха кого-нибудь задеть. Но ведь в конце концов любое решение кого-нибудь да задевает! Долг правительства — не гнаться за дешевой популярностью, а делать то, что необходимо, разве не так, Хамфри?

Он горячо поддержал меня.

— Господин министр, лучше выразиться не смог бы я сам. (Какая наглость!) Сейчас же дам «добро» сэру Уолли. — И он решительно направился к двери.

Реакция Хамфри показалась мне более поспешной, чем того требовала ситуация. Я пресек такую стремительность и потребовал дополнительных гарантий.

— Да, но... э-э... надеюсь, это решение будет достаточно популярным?

— Более чем, — заверил мой постоянный заместитель.

И все-таки где-то глубоко внутри червь сомнения не давал мне покоя.

— Послушайте, Хамфри, давайте кое-что уточним. Я надеюсь, это не слишком смелое решение?

Он состроил оскорбленную мину.

— Что вы, господин министр! Как можно? Даже не слишком оригинальное.

(Читатель, безусловно, помнит, что на языке Уайтхолла «оригинальное решение» означает предупреждение «вы рискуете потерять часть голосов», в то время как эпитет «смелый» является уже угрозой поражения на выборах. — Ред.)

И тем не менее надо все выяснить сейчас. Ведь, если что, отвечать придется мне одному. Поэтому я предложил на всякий случай вынести вопрос на рассмотрение кабинета.

— По-моему, — с подкупающей откровенностью заметил сэр Хамфри, — чем меньше об этом будут знать, тем лучше.

— Почему?

— Потому что, хотя метадиксин абсолютно безвреден, сходство названий может всполошить невежд и догматиков.

Я хотел было указать ему на недопустимость подобных высказываний в адрес моих коллег по кабинету (как бы справедливы они ни были), но вовремя понял, что он имеет в виду «друзей земли» и других помешанных на экологии.

7 июня

В вопросе о пропаноле до сих пор нет полной ясности. Сегодня у меня побывала Джоан Литлер, член парламента от округа Ливерпуль-Саут-Уэст.

Меня предупредили о ее визите. Я немедленно вызвал Бернарда. Он напомнил, что мисс Литлер не только ЛПС ПМ (*личный парламентский секретарь премьер-министра — первая, хотя и неоплачиваемая ступенька в иерархии правительственной власти. — Ред.*), но и представляет в парламенте округ, где планируется строительство нового комбината.

Я попросил Бернарда пригласить ее. К моему удивлению (не слишком сильному, правда), в кабинет заглянул сэр Хамфри и спросил, не буду ли я возражать, если он к нам присоединится.

Мисс Литлер оказалась очень миловидной женщиной лет тридцати пяти — сорока, однако я вскоре убедился, что за этим ангельским обликом скрываются жесткость и расчетливость штатного научника.

Она сразу же взяла агрессивный тон:

- Попрошу вас объяснить мне, Джим, что это БКК задумала в моем избирательном округе!

- Э-э... видите ли... — начал я.

Хамфри поспешно перебил меня:

- В ближайшее время, мисс Литлер, будет опубликовано сообщение об исключительно перспективном проекте, реализация которого повлечет за собой увеличение рабочих мест и значительные инвестиции.

Она кивнула и снова повернулась ко мне.

- Но об этом проекте ходят весьма тревожные слухи.

- Какие именно? — Я старался разговаривать с ней как можно благожелательнее.

— О вредных химикатах. — Она пронзила меня взглядом.

— Видите ли, — сказал я, — почти все химикаты в той или иной степени вредны...

- Господин министр хочет сказать, — снова вмешался сэр Хамфри, — что слухи эти абсолютно беспочвенны и нет никаких причин для беспокойства.

Молодец, хорошо ответил.

Однако мисс Литлер придерживалась другого мнения.

- И все же, Джим, я хотела бы получить от вас официальное заверение, что прежде все аспекты проблемы будут публично обсуждены.

На мой взгляд, разумное, вполне приемлемое требование.

- Что ж, — начал я, — хуже от этого никому не будет, наоборот...

Хамфри опять перебил меня.

- Господин министр хотел сказать, что в обсуждении нет необходимости. Вопрос детально изучен. Отчет министерства в скором времени будет опубликован.

«Он слишком много себе позволяет», — невольно мелькнула у меня мысль. Судя по всему, Джоан подумала то же самое.

— Послушайте! — вспыхнула она. — Я пришла сюда поговорить с Джимом!

- Вы с ним и говорите, — невинно улыбнулся сэр Хамфри.
— Но вместо него отвечаете вы!

Мне понятно ее раздражение. Иногда его стремление помочь приводит к обратному результату.

— У нас с господином министром единая точка зрения, — как ни в чем не бывало, отозвался мой постоянный заместитель.

— Чья точка зрения? Ваша? — возмущенно заявила мисс Литлер. — Послушайте (Это уже ко мне.), как мне стало известно из неофициальных источников, этот ваш комбинат будет производить химическое вещество, которое отравило Севезо и всю Северную Италию...

— Это заблуждение, — поспешил я ее разуверить, не давая сэру Хамфри вмешаться и сморозить очередную глупость. — Причиной катастрофы был диоксин, а мы имеем дело с метадоксином.

— А разве это не то же самое вещество — только с приставкой «мета»?

— Да, конечно, — согласился я. — Но именно в ней и состоит все различие.

— Какое? Что означает «мета»?

Поскольку вопрос оказался для меня неожиданным (если не сказать — затруднительным), пришлось прибегнуть к помощи Хамфри.

— Все очень просто, — с готовностью откликнулся он. — «Мета» — заимствование из греческого.

(Как и все постоянные заместители, сэр Хамфри получил чисто гуманитарное образование. Обычно они изучают античную литературу, историю, философию, политику, экономику, языки. Однако не следует впадать в логическую ошибку, полагая, что постоянный заместитель министра административных дел должен быть специалистом в области управления. — Ред.)

Далее он пустился в пространные объяснения по поводу греческой приставки. В данном случае она якобы может означать «из диоксида», или «с диоксином», или «вместо диоксида» — в зависимости от того, значение какого падежа выполняет приставка «мета» — родительного или винительного, который в греческом иногда используется в качестве латинского творительного.

— Как вы, конечно, помните, господин министр, в греческом творительного нет, — заметил — впервые за все время — Бернард.

Я сказал, что не помню, и он пообещал к концу дня подготовить мне справку по греческой и латинской грамматике.

Честно говоря, я надеялся, что объяснения сэра Хамфри удовлетворят Джоан Литлер и она, подобно мне, не захочет показать собственное невежество. Увы, мне не повезло.

— Я ровным счетом ничего не поняла, — обезоружила она всех своей откровенностью.

Сэр Хамфри попробовал нейтрализовать ее высокомерным обещанием.

- Ох! — вздохнул он. — Ведь это так просто! Лучше бы он этого не говорил. Ее глаза зло блеснули.

— И все же будьте любезны объяснить конкретное отличие диоксида от метадоксида.

Ничего себе вопросик! Я растерялся. Хорошо, что Хамфри опять пришел мне на помощь.

— Конкретное отличие? — переспросил он. — Элементарно — метадоксид является инертным соединением диоксида.

«Может, хоть этого будет достаточно», — с надеждой подумал я. Так нет.

Она вопросительно посмотрела на меня, я — на Хамфри.

— Э-э... Хамфри, — сказал я, краснея, — лично мне ваше объяснение кажется исчерпывающим, однако... э-э... не могли бы вы для мисс Литлер сделать его... э-э... несколько популярнее?

Он обдал меня ледяным взглядом.

-То есть, господин министр?

Неужели снова искать правильный вопрос? Вот мучение! Но Джоан Литлер опередила меня.

— Что значит «инертный»? — спросила она.

Сэр Хамфри удивленно поднял брови. И в этот критический момент я вдруг отчетливо понял: ведь он тоже не имеет ни малейшего понятия о предмете нашего разговора.

— Инертный? — переспросил он. — Э-э... это значит «безобидный»...

Все в недоумении затихли.

— И мухи не обидит, — пробормотал Бернارد.

Сделав вид, что не расслышал, я попросил его повторить, а поскольку он упорно молчал, я понял, что не ошибся.

— А что все это означает на практике? — после небольшой передышки снова ринулась в атаку Джоан Литлер.

— Вы имеете в виду прикладную химию? — спросил я. (У меня степень по экономике.)

— Вот именно, прикладную.

Я повернулся к своему постоянному заместителю. Происходящее меня начинало даже занимать.

— Что это означает в смысле прикладной химии, Хамфри?

Он, как профессиональный игрок в покер, даже глазом не повел и покровительственно заметил, что объяснить это на дилетанском уровне попросту невозможно. Решив подыграть ему, я спросил:

— Вы сами-то разбираетесь в химии, Хамфри?

— Естественно, нет, господин министр. Я кончил стипендиальный класс! — гордо ответил он.

(В любой английской государственной школе — под «государственной» следует, конечно, понимать «частную» школу — стипендиальный класс означает класс «с гуманитарным уклоном». Если же речь идет об элитарной школе, то там можно вообще обойтись без точных дисциплин. — Ред.)

— Кстати, не могли бы вы заодно объяснить мне, что такое «соединение»? — игнорируя слова сэра Хамфри, продолжала Джоан.

— Вы что, тоже химию не изучали?

— Нет, а вы?

Совершенно неожиданно ситуация из драматической превратилась в комическую. Выходило, что ни один из нас ничего не смыслит в предмете, который мы так горячо обсуждали. Смех, да и только. Джоан, Хамфри, Бернард и я пытались решить проблему государственного значения, хотя более не сведущих в данном вопросе людей, пожалуй, не сыскать во всей Великобритании!

(Примечательно, что никому из присутствовавших и в голову не пришло позвонить сэру Уолли Макфарленду. Впрочем, кто он такой? Всего лишь специалист и председатель национализированной отрасли промышленности, о которой идет речь. — Ред.)

Я смущенно, словно провинившийся школяр, улыбнулся.

— Гм, надо бы, конечно, хоть что-нибудь узнать об инертных соединениях...

Не оценив юмора, Хамфри предпринял еще одну отчаянную попытку спасти положение.

— Соединение — это... скажем, вы все наверняка знаете, что такое «сложные проценты», не так ли? (Мы с Джоан синхронно кивнули.) Процент соединяется с процентом, счет растет, и все счастливы. Собственно, в этом и заключается смысл «соединения». Предельно просто.

Я пристально посмотрел ему в глаза: неужели он надеется, что этот номер у него пройдет? Затем перевел взгляд на Джоан Литлер. Она тоже вопросительно поглядела на Хамфри. Но на этот раз не возразила.

Воспользовавшись моментом, я решил поскорее закончить тягостную беседу.

— Итак, подводя итоги, следует с удовлетворением отметить, что в принципе наши точки зрения совпадают и мы едины в своем намерении претворить упомянутый проект в жизнь...

— Я такого намерения не высказывала, — запротестовала Джоан.

Снова тупик! Ну как доказать ей, что у диоксина и метадиокси-на ничего общего, кроме сходства в названии?

Я лихорадочно пытался найти хоть какую-нибудь образную аналогию.

— Вот, к примеру, Литлер и Гитлер. Мы же не сравниваем вас с Гитлером потому только, что у вас схожие фамилии!

Я, конечно, понял, что допустил ужасную бестактность, но было уже поздно. Слово не воробей...

— Это не имеет отношения к делу! — вспыхнула она.

— А что же имеет? — обратился я к ней, заранее зная, каков будет ответ.

— То, что комбинат будет в моем избирательном округе!

В целом я понимал ее тревогу, но, если Хамфри сказал мне правду, она опасается совершенно напрасно.

— Ваш округ только выиграет, — успокоил я ее. — Новые рабочие места, заказы, деньги... Разве что эти бесноватые пошумят — из общества по охране природы. Если все взвесить, вряд ли это будет нам стоить больше каких-нибудь двухсот голосов.

— Я прошла большинством в девяносто один голос, — сухо заметила она.

Как же я упустил это из виду?! Она безусловно права. Мне совершенно ни к чему ставить под удар неустойчивый округ, особенно если в парламенте его представляет ЛПС ПМ!

— К тому же не следует забывать, — продолжала она, — что по соседству еще три избирательных округа и все неустойчивые, с большинством куда менее двухсот голосов.

Я, честно говоря, растерялся, но тут на помощь снова подоспел сэр Хамфри.

— Мисс Литлер, вы позволите?..

Она молча повернулась к нему.

— Так вот, ваше счастье, если БКК откроет в вашем округе пропаноловый комбинат, верно, господин министр?

— Конечно, счастье, — подтвердил я.

— Новые рабочие места, — воодушевленно продолжал мой постоянный заместитель, — дополнительные средства в местный бюджет, выгодные экспортные заказы...

— Экспортные заказы! — Я многозначительно поднял указательный палец.

— Более того, управление в Вашингтоне официально объявило, что метадиксин безвреден.

— Вот видите, в Вашингтоне, — сказал я.

— В ближайшее время и мы опубликуем аналогичное заявление. По мнению господина министра, проект сулит колоссальные выгоды как вашему избирательному округу, так и всей стране.

— А если метадиксин все-таки окажется вредным, — не утер пел я, — обещаю вам не допустить его производства. Но, чтобы не оказаться в глупом положении, надо подождать вердикта специалистов.

Джоан Литлер окинула меня хмурым взглядом, затем сэра Хамфри. Решительно встала и заявила, что не удовлетворена нашими объяснениями. Я ее не осуждаю. Если бы речь шла о моем избирательном округе, я бы тоже не чувствовал себя удовлетворенным. На прощание она посоветовала мне не забывать, что членом парламента я стал только благодаря нашей партии и быстренько расстанусь с министерским креслом, если на следующих выборах партия проиграет.

Тут она безусловно права.

Не говоря уж о том, что не позднее завтрашнего дня содержание нашей беседы станет известно ПМ!

Она еще не успела закрыть дверь, как Хамфри вскочил и

вопросительно посмотрел на меня, ожидая разрешения «дать делу ход». Я сказал, что хочу еще подумать, и попросил Бернарда подготовить мне всю документацию.

8 июня

Внимательнейшим образом просмотрел дома все материалы по пропанолу. По-прежнему не знаю, что делать.

В отличие от сэра Хамфри и сэра Уолли, у меня нет полной уверенности, что комиссия Хендерсона сделает положительные выводы.

Я пригласил к себе Хамфри и выразил пожелание побеседовать с председателем комиссии.

По мнению моего постоянного заместителя, в такой встрече не было практической необходимости. Кандидатуру председателя отбирали очень тщательно, к тому же профессор Хендерсон — признанный авторитет в области биохимии.

Кандидатуру-то отбирали тщательно, я не сомневаюсь. Но с какой целью? Чтобы выводы комиссии не разошлись с мнением сэра Уолли и сэра Хамфри? Они же не настолько глупы, чтобы публично заявить о безопасности метадиоксина, если на самом деле опасность существует! По-моему, я снова в замкнутом круге.

— Ну а если комиссия займет выжидательную позицию, мол, «поживем — увидим»?

— В таком случае мы положим ее отчет под сукно и опубликуем американский вариант, — бодро ответил мой постоянный заместитель.

Его оптимизм не рассеял моих сомнений. Допустим, я дам «добро», а потом произойдет авария?.. О последствиях лучше даже не думать!

— Как вы считаете, Хамфри, есть ли хоть малейшая вероятность, что комиссия выскажет сомнения в безопасности метадиоксина?

— Вероятность? — недоуменно переспросил он. — Никакой. Он абсолютно безопасен.

Странно. Он на сто процентов уверен в своей правоте и в то же время готов похоронить отчет комиссии, если она займет выжидательную позицию.

— Почему вы намерены наложить запрет на отчет Хендерсона?

— Запрет? — Казалось, он оскорблен в лучших чувствах. — Ни о каком запрете и речи быть не может! Просто не публиковать его. А это другое дело.

— Есть ли разница?

— Огромная! Запрет — орудие тоталитарных режимов. Для свободной страны такое неприемлемо. Мы демократическим путем принимаем решение — публиковать или не публиковать.

А что, его рассуждения не лишены смысла. Но как я в таком случае отобьюсь от прессы и парламента? Мы, мол, рассчитыв-

вали получить от комиссии Хендерсона подтверждение нашей позиции, а когда его не последовало, сделали вид, будто отчета не существует вовсе? Я поделился этими опасениями со своим постоянным заместителем.

- Не остроумно, господин министр.

— Хорошо, а что мне говорить, если мы решим не публиковать отчет?

— Существует хорошо отработанная практика.

— Отработанная практика? Впервые слышу. И в чем же она состоит?

— В дискредитации нежелательного документа.

— Каким образом?

Я взял ручку и открыл блокнот. Может, пригодится и для дискредитации некоторых на редкость глупых партийных документов?

Первый этап: интересы общества

1. Намекнуть на соображения безопасности.

2. Подчеркнуть, что данный материал допускает возможность неверной интерпретации... Следовательно, может быть использован для оказания негативного давления на правительство.

(Неверно интерпретировать можно буквально все... даже Нагорную проповедь. Будь она отчетом правительственной комиссии, сэр Хамфри Элби, без сомнения, доказал бы нежелательность ее публикации на том основании, что она являет собой пример безответственности. В частности, утверждение, что «кроткие наследуют мир», может нанести непоправимый ущерб нашему оборонному бюджету. — Ред.)

3. Сослаться, что целесообразнее было бы подождать результатов более широкого и детального исследования на долгосрочной основе.

4. Если такого исследования нет и в помине, тем лучше: можно создать авторитетную комиссию и выиграть еще больше времени.

Второй этап: дискредитация нежелательных для публикации материалов.

Дискредитировать такие материалы, безусловно, намного проще, чем уже опубликованные. Надо организовать для прессы несколько «утечек». Например, о том, что:

а) остается без ответа ряд важных вопросов;

б) не сделаны четкие выводы;

в) конкретная информация допускает различные толкования;

г) имеются явные противоречия;

д) некоторые кардинальные аспекты проблемы вызывают сомнение.

Пункты «а» — «г» будут верны в любом случае, ибо это можно сказать практически о всех печатных материалах — даже необязательно предварительно их читать. Вопросы, оставшиеся без ответа, всегда найдутся — хотя бы потому, что их никто не задавал. Что же касается пункта «д», то если эти кардинальные аспекты ни у кого не вызвали сомнений, вызовите их сами. Тогда они появятся и у других.

Третий этап: дискредитация рекомендаций

Данная цель легко достигается с помощью умелого употребления дежурных фраз вроде:

- а) «... не является серьезной основой для выработки долгосрочных решений...»;
- б) «... не содержит достаточной информации для глубоких оценок...»;
- в) «... не может служить основанием для радикальных изменений существующей политики...»;
- г) «... в широком смысле только подтверждает текущую практику...».

Фразы такого рода создают душевный комфорт у тех, кто не читал данного материала и кто не желает перемен, то есть практически у всех.

Четвертый этап: если и после третьего этапа остаются сомнения — дискредитируйте автора отчета

Делается это неофициально с помощью намеков и слухов о том, что он (она):

- а) предубежден против правительства;
- б) жаждет известности;
- в) выслуживается, чтобы получить рыцарское звание;
- г) выслуживается, чтобы получить руководящий пост;
- д) ранее являлся консультантом ТНК (*транснациональной корпорации*. — *Ред.*) или хочет стать консультантом какой-нибудь ТНК.

9 июня

О нашем пропаноловом комбинате говорили в вечерней программе новостей. Черт бы их всех побрал! Эти чокнутые защитники окружающей среды каким-то образом пронюхали про него и устроили в Мерсисайде настоящий скандал.

И хотя диктор ТВ прямо не называл пропанол опасным веществом, но не утверждал и обратного, прикрываясь вводными конструкциями типа «судя по всему», «предполагается», «согласно заявлению...» и т. п.

(Нам удалось раздобыть стенограмму выпуска теленовостей Би-би-си от 9 июня, которую мы приводим практически без сокращений. — Ред.)

БИ-БИ-СИ ТВ

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ: ...Как известно, пропанол содержит метадиксин, являющийся, согласно заявлению БКК, совершенно безвредным веществом. Вместе с тем оно входит в состав диоксина, выброс которого в атмосферу...

ФРАГМЕНТ КИНОРЕПОРТАЖА ОБ АВАРИИ В СЕВЕЗО

...После взрыва на химическом комбинате в итальянском городке Севезо в июле 1976 года над территорией радиусом около четырех километров образовалось ядовитое облако пыли. Установлено, что диоксин может губительно воздействовать на плод в утробе матери, а также вызывать различные серьезные заболевания. Из района поражения были эвакуированы все жители, и вернуться домой они смогли только через год.

ФРАГМЕНТ КИНОРЕПОРТАЖА О ДЕМОНСТРАЦИЯХ ПРОТЕСТА В МЕРСИСАЙДЕ

Группа женщин с плакатами: «НЕТ — КОМБИНАТУ-ОТРАВИТЕЛЮ!», «НЕТ — УБИЙЦЕ НАШИХ БУДУЩИХ ДЕТЕЙ!», «ЖИЗНЬ ДОРОЖЕ ДОХОДОВ!»

РЕПОРТЕР: Сегодня в Мерсисайде у ворот комбината состоялась еще одна демонстрация протеста против планов БКК.

ЖЕНЩИНА ИЗ ЛИВЕРПУЛЯ: Чего мы добиваемся? Я вам скажу. Пусть сэр Уолли производит свои ядовитые химикаты в другом месте. Моя дочь через три месяца собирается рожать, и я не позволю, чтобы по вине этих треклятых макаронников мой внук родился уродом!

РЕПОРТЕР: Однако, как утверждают специалисты, метадиоксин совершенно безвреден.

ЖЕНЩИНА ИЗ ЛИВЕРПУЛЯ: О да! То же самое они говорили и про талидомид. Раз он такой уж безвредный, почему макаронники не производят его у себя в Италии? Что молчите? Если б наше правительство думало о простых людях, оно никогда не пошло бы на это!

КОНЕЦ ФРАГМЕНТА

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ: По словам представителя БКК, министерство административных дел в ближайшее время намерено опубликовать отчет специальной правительственной комиссии.

(Мы спросили опытного работника отдела новостей Би-би-си, в какой форме подавался бы тот же самый репортаж в случае благоприятного отношения к пропаноловому проекту. Ниже мы приводим вариант для сравнения. — Ред.)

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ: Как известно, в пропаноле содержится метадиоксин, компонент диоксина — вещества, попавшего в атмосферу после взрыва в Севезо (Италия) в 1976 году. Но метадиоксин является инертным соединением и, как показывает химический анализ, абсолютно безвреден.

НА ЭКРАНЕ ТЕРРИТОРИЯ КОМБИНАТА И ЕГО КОРПУСОВ

РЕПОРТЕР: Жители Мерсисайда с энтузиазмом восприняли известие о предполагаемом расширении комбината. В конце года комбинат планировали закрыть, но теперь ему потребуются дополнительные рабочие руки. Как минимум еще на пять лет.

НА ЭКРАНЕ РАБОЧИЙ КОМБИНАТА

РАБОЧИЙ: Новость что- надо! Наконец-то нам будет чем заняться. Мы все воспрянули духом!

НА ЭКРАНЕ СЭР УОЛЛИ

СЭР УОЛЛИ: Мы дрались за этот контракт, не жалея сил. Ведь он означает существенный рост экспорта и много новых рабочих мест. Нам пришлось выдержать мощную конкуренцию немцев и американцев, так что

этот контракт мы воспринимаем и как безусловный восторг доверия британской химической промышленности!

РЕПОРТЕР: Можно ли считать метадиоксин потенциально опасным веществом?

СЭР УОЛЛИ: никоим образом! Это диоксин опасен. А метадиоксин так же вреден, как... э-э... блинная мука.

КОНЕЦ ФРАГМЕНТА

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ: В ближайшее время ожидается публикация отчета правительственной комиссии, который, по мнению специалистов, подтвердит данные аналогичного американского исследования об абсолютной безопасности метадиоксина.

10 июня

Сегодня утром первым делом вызвал Хамфри и заявил ему, что метадиоксин — это динамит.

— Вы ошибаетесь, господин министр, метадиоксин совершенно безвреден.

— Возможно, в химическом смысле, — возразил я, — но в политическом он просто смертелен.

— Он абсолютно безвреден, — упрямо твердил мой постоянный заместитель.

— Меня, во всяком случае, он прикончит в два счета, — не уступал я.

В это время зазвонил телефон. Политический отдел канцелярии премьер-министра. Джоан Литлер, конечно же, позаботилась, чтобы Номер Десять не пропустил вчерашнего выпуска теленовостей.

Я, как мог, объяснил: речь идет о проблеме местного значения, и пропаноловый проект сулит экспортные заказы и рабочие места. Сколько новых рабочих мест? Всего лишь девяносто, был вынужден признать я, но... хорошо оплачиваемых и к тому же в районе с высоким уровнем безработицы.

Мои аргументы не произвели большого впечатления. Со мной говорил главный политический советник, но звонил он, безусловно, по прямому указанию свыше. Понимая, что вступать в конфликт с ПМ из-за такой ерунды было бы по меньшей мере неразумно, я поспешно пробормотал в трубку (хотя наш разговор слушал сэр Хамфри и, наверное, по своему телефону — Бернارد) о своем согласии с их точкой зрения, то есть с тем, что не стоит рисковать тремя или даже четырьмя неустойчивыми округами.

Я положил трубку. Хамфри не сводил с меня возмущенного взора.

— Хамфри, — как можно мягче произнес я, — меня вдруг осенило...

— Я так и понял, — сухо заметил он.

Я пропустил его завуалированный упрек мимо ушей и привел веские доводы против авантюры с пропанолом. Например, потеря общественного доверия...

— Вы хотите сказать «голосов», — уточнил он.

Я с возмущением отверг это предположение.

— Сами по себе голоса не являются решающим аргументом. Но не считаться с волей народа? Мы живем в демократической стране. А народ высказался против проекта.

— Народ несведущ, его легко сбить с толку, — презрительно отмахнулся сэр Хамфри.

— Ну, это уж слишком! Не забывайте: народ избрал меня! Последовало красноречивое молчание. Затем сэр Хамфри примирительно сказал:

— Господин министр, через неделю эта буря в стакане воды утихнет, зато через год современный пропаноловый комбинат в Мерсисайде начнет приносить людям реальную пользу.

— В политике неделя — срок немалый, — назидательно заметил я. *(Изречение принадлежит Гарольду Вильсону. — Ред.)*

— В правительстве год — срок небольшой, — парировал мой постоянный заместитель.

Есть от чего прийти в бешенство. Это он, может быть, в правительстве, но я-то в политике и не желаю вызывать недовольство ПМ!

Затем Хамфри упрекнул меня, что я ставлю интересы партии выше интересов страны. Я посоветовал ему придумать новое клише, это уже устарело.

В разговор вмешался Бернард: он, видите ли, уловил в словосочетании «новое клише» некоторое логическое противоречие. Благодарю тебя, старина Бернард! Помог, называется!

Я предпринял еще одну попытку убедить своего постоянного заместителя.

— Хамфри, вы ничего не хотите понять, потому что надежно защищены. А я хочу выжить. И не пойду против ПМ!

Я, к немалому удивлению, расслышал в его ответе нотки горечи, хотя он и прозвучал обидно для меня:

— Господин министр, неужели непременно надо всякий раз влезать на вымазанный салом ярмарочный столб?

— Хамфри, — с достоинством сказал я, — вымазанный салом столб очень важен. И на него приходится влезать всякий раз.

— Но почему?

— Хотя бы потому, что он есть.

11 июня

В сегодняшней «Тайме» опубликована возмутительная статья. Явная утечка.

«КОМИССИЯ ХЕНДЕРСОНА ДАЕТ «ДОБРО» ПРОПАНОЛУ!»

Я пришел в ярость и призвал Бернарда к ответу: каким это образом прессе раньше меня стало известно содержание отчета?!

— Очевидно, утечка, — объяснил он.

Глупый мальчишка! Это ясно и без него. Меня интересует: кто? Впрочем, если подумать, он не так уж и глуп. Наверняка знает, просто не хочет говорить.

— На нем же должен стоять гриф «Секретно»! — кипятился я.

- Хорошо хоть не «Для служебного пользования», — вздохнул он.

(Бернард хотел сказать, что материал с грифом «Для служебного пользования» попал бы в газеты еще раньше. — Ред.) На этот раз Бернарду не удастся увильнуть.

- Кто виноват в утечке? — спросил я в лоб. — Хамфри?

— Нет, господин министр. Уверен, это не он.

- Уверены?

- Э-э... скорее всего, не он.

— Не он?

— Полагаю, это мог сделать кто-нибудь еще, — извиняющимся тоном пролепетал мой личный секретарь.

— Утечки — позорное явление! — с пафосом произнес я. — Не понятно, почему все склонны винить в них политиков.

— Видимо, потому, что были прецеденты, — осторожно заметил Бернард.

Я посмотрел на него осуждающе.

— Разве можно сравнить процент наших утечек с теми, что направлены против нас?

Я внимательно перечитал статью. В ней явно чувствовался слог сэра Хамфри: «Воплощение политической трусости...», «У Хэкера нет выбора...» — и так далее, и тому подобное.

Неужели Хамфри всерьез рассчитывает загнать меня в угол... то есть заставить идти у него на поводу?

Что ж, посмотрим!

14 июня

Я получил копию отчета Хендерсона в субботу. Всего-навсего на два дня позже «Тайме».

Что ж, отчет действительно не оставляет мне выбора. Во всяком случае, пока я его не вижу. Авторы утверждают, что пропал — совершенно безвредное вещество.

С другой стороны, статья в «Тайме» меня ни к чему не обязывает. Ведь в ней дается неофициальная информация по проекту отчета.

Первым в списке посетителей сегодня стоял сэр Уолли Макфарленд. Вместе с ним в кабинет вошел сэр Хамфри. Сюрпризы, сюрпризы!

Причем оба выглядели что-то слишком веселыми и жизнерадостными.

Я предложил им сесть, и сэр Уолли без лишних слов приступил к делу.

- Судя по сообщениям прессы, господин министр, комиссия Хендерсона целиком на нашей стороне.

Он, вероятно, думает, что я тоже на их стороне. Нет, вряд ли. Хамфри наверняка его подготовил. Просто он притворяется, что так думает.

— Да, я читал статью в «Тайме». Позавчера, — сказал я ледяным тоном и пристально посмотрел на своего постоянного заместителя.

Он смущенно заерзал.

— Эта комиссия — как дырявое решето.

Так, утечка — его рук дело. Никаких сомнений. А Хамфри, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Господин министр, теперь нам ничто не мешает дать «добро» новому комбинату, не правда ли?

— Не знаю, не знаю. — Я предпочел не отвечать.

В разговор снова вступил сэр Уолли.

— Послушайте, Джим, мы дрались за этот контракт целых два года. Он крайне важен для нас. Я — председатель и несу ответственность... Кроме того, я как химик могу заверить вас — метадиксин абсолютно безвреден.

— Почему вы, специалисты, всегда так убеждены в своей правоте? — холодно поинтересовался я.

— А почему вы считаете, что чем менее вы компетентны, тем более правы? — огрызнулся сэр Уолли.

Да, я не специалист и не претендую на это. Я так прямо и заявил:

— Министры не обязаны быть специалистами. Министрам, если хотите, потому и доверяют руководство, что больше они ни в чем не разбираются...

— Вы не отрицаете этого? — обрадовался сэр Уолли.

Я не заметил расставленной мне ловушки.

— Да, не разбираются в технических вопросах. Обязанность министра — заботиться об интересах нации, и потому я пока не имею права с вами согласиться.

Сэр Уолли вскочил, выйдя из себя (нет, пожалуй, в обратном порядке).

— Да будет вам, Хэкер! Ваше решение ошибочно, вы сами это понимаете. От него за версту разит глупостью и трусостью!

Я тоже рассердился. И тоже встал.

— Я не трус!

— Сядьте! — прошипел он.

Глаза его сверкали, казалось, он вот-вот набросится на меня с кулаками. Вовремя вспомнив, что благоразумие равнозначно доблести, я последовал его совету.

Едва сдерживаясь и брызжа во все стороны (включая мой стол) слюной, сэр Уолли заявил, будто я веду себя так из страха «потерять несколько сот невежественных, недалководных, попросту глупых избирателей».

— Это политика, — спокойно объяснил я ему.

— Вот именно! — презрительно согласился он и направился к

двери. Но на полпути остановился. — Я обращусь к министру промышленности! Я готов подать в отставку, если вы заблокируете проект! — И хлопнул дверью.

Мы с Хамфри молча смотрели друг на друга.

После паузы мой постоянный заместитель светским тоном произнес:

— Каково ваше впечатление от визита, господин министр? Не желая выказывать тревогу, я как можно беззаботней ответил:

— Придется найти другого председателя, только и всего.

— Найти другого председателя? — Сэр Хамфри не поверил собственным ушам. — Другого? Да на эту работу ни один нормальный человек не пойдет! Никто не захочет быть председателем национализированной отрасли. «Позолоченное рукопожатие»* — все, на что они согласятся!

— Найдем кого-нибудь, — беспечно заявил я, хотя внутренне вовсе не был так уверен.

— Ну да, найдете, — фыркнул сэр Хамфри. — Какую-нибудь бездарь или американскую развалину.

— Не обязательно, — возразил я.

— Интересно, каким образом? Как вы собираетесь найти достойную замену сэру Уолли? Кто пойдет на это место, зная, что его предшественника вынудили уйти в отставку, когда он принял разумное деловое решение, а мы заблокировали его из политических соображений?

«Какой смысл снова возвращаться к тому, с чего мы начали?» — подумал я и прямо сказал:

— Просто у меня нет выбора.

Сэр Хамфри попробовал было взять меня лестью.

— Господин министр, — вкрадчиво улыбнулся он, — министр волен делать все, что считает нужным...

— Нет, не волен, — оборвал я его. — Он выполняет волю народа. Я — только лидер и должен вести народ, куда он хочет. У меня чистая совесть и чистые руки.

— Сохранить руки чистыми, когда лезешь вверх по вымазанному салом столбу? Интересно, как это вы себе представляете? — сказал он и гордо удалился.

Сегодня воистину я завоевываю друзей и влияние!

Со мной остался лишь старина Бернард.

После небольшой паузы мы приступили к обсуждению последствий, которых следовало ожидать в свете назревающего скандала. Главное — не дать Уолли поднять шум в прессе. Надо лишить его возможности выступить в «Панораме» с публичным обвинением против меня в политическом вмешательстве.

Да, дилемма не из простых. Если я заблокирую пропаноловый

* Крупная денежная сумма, вручаемая уходящему с поста директору компании и т. п., чтобы он мог и в дальнейшем вести привычный для него образ жизни

контракт, «Тайме» и «Дейли телеграф» завопят о «политической трусости», а если я дам ему «добро», «Дейли миррор» и «Сан» обявят меня «убийцей нерожденных младенцев». Неужели нет выхода?

Вот если бы в отчете Хендерсона была хоть тень сомнения относительно безвредности метадиоксина. Но, увы!.. Я перечитал его дважды.

Но ведь отчет еще никто не читал. Он еще не готов. Это только проект!

Интересная, перспективная мысль. Завтра надо обязательно переговорить с Бернардом. Возможно, лучший, чтобы не сказать — единственный, выход из положения — лично встретиться с профессором Хендерсоном. Пока не поздно.

15 июня

Сегодня утром первым делом спросил у Бернарда, не из Кембриджа ли, случайно, профессор Хендерсон.

Бернард утвердительно кивнул.

— А из какого колледжа? — как можно безразличнее спросил я.

— Из Кингза, — ответил он. — А что?

— Да так, пустяки. Просто подумал, не однокашники ли мы. Ошибка! Досадный промах!

— Разве вы не из ЛЭШа? — удивился Бернард.

— Да-да, конечно, — смущенно пробормотал я.

Научусь ли я когда-нибудь не ставить себя в идиотское положение?! Ничего не оставалось, как попросить его принести досье на Хендерсона и телефонный справочник Кембриджа.

Бернард глубоко вздохнул, очевидно, собираясь с духом, и несколько напряженным голосом сказал:

— Господин министр... вы, без сомнения, понимаете... то есть я понимаю... у вас совершенно иные намерения... но... э-э... мне представляется недопустимым пытаться оказать давление на председателя независимой комиссии...

Я искренне с ним согласился. Конечно, это недопустимо. Более того, немыслимо!

— Просто я вдруг вспомнил, что надо бы повидать своего старинного приятеля, Кричтона — ректора Кингза. Вас не затруднит набрать номер его телефона?

Бернард молча кивнул..

— Ну а там, кто знает? — добавил я. — Вдруг профессору Хендерсону тоже придет в голову заскочить к ректору на чашку чая. Счастливое стечение обстоятельств — иначе ведь не назовешь.

Поразмыслив, Бернард согласился, что это выглядело бы достаточно естественно, поскольку оба они из одного колледжа.

— В случайном совпадении ничего не допустимого- нет, как вы считаете, Бернард?

Его ответ последовал незамедлительно:

- Разумеется, нет, господин министр! Недопустимыми могут а priori быть лишь намеренные действия, а совпадение их исключает.

NB: Надо активнее использовать такие красивые обороты. Желательно с латынью.

18 июня

Провел на редкость приятный и полезный день в Кембридже.

Встречался с Кричтоном. Сейчас он — пэр и ведет размеренную академическую жизнь.

Я заинтересовался, что он ощутил, оказавшись у лордов.

- Будто из фауны попал во флору, — ответил он.

По странному совпадению, на чай был приглашен и профессор Хендерсон. Кричтон представил нас друг другу. Профессор несколько смутился.

- Честно говоря, я никак не ожидал увидеть здесь господина министра, — признался он.

Мы оба согласились, что это — удивительное совпадение.

Кричтон, в свою очередь, был немало удивлен тому, что мы с Хендерсоном, оказывается, знакомы.

— Мы никогда не встречались, — объяснил я. — Но в настоящее время профессор готовит для моего министерства важный правительственный отчет.

— Надо же, какое совпадение! — поразился Кричтон.

Мы с Хендерсоном дружно подтвердили, что совпадение и впрямь поразительное.

За чаем Хендерсон выразил надежду, что я полностью удовлетворен проектом его отчета.

— «Полностью» — не то слово. Я в восторге! — заверил я и добавил, что понимаю, как ему было нелегко.

Профессор с присущей ему скромностью и откровенностью признал: самую трудоемкую часть работы фактически выполнило управление в Вашингтоне.

— А приходилось ли вам раньше готовить правительственные отчеты? — полюбопытствовал я.

— Никогда, — ответил он.

— О, поздравляю вас! Теперь ваше имя войдет в историю: отчет Хендерсона!.. Пожалуй, он принесет вам бессмертие.

Я ему явно польстил. Он довольно улыбнулся и сказал, что никогда над этим не задумывался.

«Пора бить прямой левой», — подумал я и, как бы между прочим, заметил:

— Но если что-нибудь выйдет не так...

И умолк.

Он насторожился.

— Не так? — Маленькие академические глазки за большими академическими очками вдруг часто-часто заморгали.

— То есть если метадоксин окажется не столь безвреден,

как вы утверждаете. Тогда ваша карьера... Вы очень смелый человек...

Профессор Хендерсон заерзал. По-видимому, он не относил смелость к качествам, которыми должен обладать ученый его ранга. И вместе с тем был озадачен, так как не понимал, куда я клоню.

— Позвольте, позвольте, но ведь ни один из стандартных тестов не показал никаких признаков токсичности метадиоксина.

Я выдержал многозначительную паузу. Для большего эффекта.

— Ни один из стандартных тестов. То-то и оно...

Еще одна пауза.

— Что вы имеете в виду?! — выкрикнул он неожиданно высоким срывающимся голосом, мало вязавшимся с его внушительной комплекцией.

Я неторопливо достал свою записную книжку.

— Забавное совпадение. В поезде по дороге сюда я сделал кое-какие записи. Конечно, я не биохимик, но, по имеющейся у меня информации, вашингтонский доклад не дает ответа на ряд важных вопросов.

Он наморщил лоб.

— Э-э... — произнес он и остановился.

— Кроме того, — не давая ему передышки, продолжал я, — ваш доклад не содержит достаточно четких выводов, приведенные в нем данные допускают иные толкования, некоторые принципиальные положения вызывают сомнения.

Хендерсон растерянно смотрел на меня.

— Да, но... иное толкование допускают любые данные...

Я снова перебил его:

— Вот именно! Поэтому более широкое и детальное исследование вопроса на долгосрочной основе может дать иные результаты.

— Ну, безусловно... — начал он.

— Значит, вы понимаете: если хоть что-либо выйдет не так, пусть даже через десять лет, то пресса тут же возьмет на мушку ваш отчет. А если к тому же выяснится, что вы проводили лабораторные испытания для транснациональной фармацевтической корпорации...

Он в ужасе всплеснул руками.

— Но ведь это было пятнадцать лет назад!

— Четырнадцать, — поправил я. (Все-таки личное досье — на редкость полезная штука!) — Впрочем, вы и без меня знаете, что такое пресса. «Нет дыма без огня» и так далее. Даже если ровным счетом ничего не было. В момент накинут петлю на шею.

Видя, что Хендерсон сдается, я усилил нажим.

— Если все же что-либо выйдет не так, газетчики набросятся на вас, как стая голодных шакалов: «Мучительная агония жертв отчета Хендерсона!»

От страха профессор чуть не лишился дара речи. Затем, с трудом собравшись, он залепетал что-то маловразумительное вроде: «Да-да, конечно... видите ли, я... э-э... что же мне теперь делать?»

То есть я не могу изменить отчет. Метадиоксин — безвредное вещество, и в отчете это подтверждается. Как же быть?»

Взгляд его был полон мольбы и отчаяния. Но я удержался от опрометчивого шага. Мне ни к чему загонять себя в ловушку, подсказывая, как надо изменить его независимый отчет.

— Да, сложное положение. По-моему, у вас нет выбора, — посочувствовала я.

Наливая себе чашку чая, я краем глаза увидел, как Кричтон, мой добрый, верный Кричтон, подошел к Хендерсону и предложил ему булочку с маслом.

Я знал, о чем у них пойдет разговор. Он скажет Хендерсону, что переделать надо только заключение. Это единственное, чем интересуются газетчики, на остальное они просто не обратят внимания.

Пока что заключение звучит следующим образом:

«Исходя из полученных данных, комиссия не видит оснований, препятствующих реализации проекта».

Уверен, Кричтон предложит ему отличную формулировку. И, не сомневаюсь, Хендерсон последует его совету.

22 июня

Победа!

Сегодня мне принесли окончательный вариант отчета Хендерсона. В нем ничего не изменено, за исключением последнего абзаца, который теперь звучит так:

«Исходя из полученных данных, комиссия не видит оснований, препятствующих реализации проекта. Вместе с тем комиссия считает необходимым подчеркнуть, что метадиоксин является сравнительно новым компонентом и, следовательно, было бы безответственно отрицать возможность, что в результате дальнейшего исследования его производство может быть признано опасным для здоровья людей».

Я вызвал Бернарда и попросил его подготовить сообщение для печати.

Затем я отменил все запланированные встречи и отправился поездом в Ливерпуль, где должна была состояться очередная демонстрация протеста. Там в присутствии множества людей, а также извещенных заранее представителей радио, прессы и телевидения я победоносно заявил о своем решении не давать согласия на производство пропанола в Мерсисайде.

Теперь уже можно смело утверждать: на следующих выборах эти четыре неустойчивых округа будут наши.

Вечером с удовольствием следил за выступлением сэра Уолли по телевидению. Естественно, ни о какой отставке не было и речи — мы переиграли его по всем статьям.

Он просто сказал: раз комиссия Хендерсона имеет основания сомневаться в безопасности метадиоксина — вопрос о его производстве отпадает сам собой.

23 июня

Никогда не видел сэра Хамфри в большей ярости, чем сегодня.

— Чувствуете себя героем? — неприязненно спросил он.

— А почему бы и нет? — ответил я. — ПМ будет просто в восторге.

— Более нелепое деловое решение трудно себе представить, — злобно ощерился он.

— Более умное политическое решение вряд ли возможно, — уверенно произнес я, пропустив мимо ушей очередное хамство моего постоянного заместителя.

Бернард упорно молчал.

— А что вы думаете по этому поводу, Бернард? — безжалостно спросил я.

Его лицо выражало отчаяние.

— Мне кажется... что, принимая во внимание все обстоятельства... и... э-э... тщательно взвесив... э-э... то есть с учетом возможных последствий и различных точек зрения... я считаю своим долгом отметить, что... э-э... вы очень здорово смотрелись по телевизору, господин министр.

С удовольствием понаблюдав за мучительной попыткой Бернарда выкрутиться из сложного положения, я снова повернулся к сэру Хамфри.

— Да, кстати, нельзя ли как-нибудь поощрить профессора Хендерсона: орден Британской империи или еще что-либо в этом роде?

Мое предложение повергло сэра Хамфри в ужас.

— Ни за что на свете! Он абсолютно ненадежен, у него полностью отсутствует умение делать правильные выводы... Мне досих пор не понятно, почему он так неожиданно изменил последний абзац, чем поставил под сомнение весь отчет!

— Потому что он умеет делать правильные выводы и вдобавок обладает массой достоинств и личным обаянием... — не задумываясь, ответил я и только потом понял, что сказал!

Хамфри тоже все понял.

— Помнится, вы говорили, что никогда с ним не встречались.

— Интеллектуальных достоинств, — моментально нашелся я. Но моего постоянного заместителя не так легко провести.

— А как насчет личных качеств? — иронически заметил он. Я слегка растерялся.

— Он... э-э... он очаровательно пишет, так ведь, Бернард?

— Да, господин министр, — верный чувству долга, подтвердил Бернард.

На сэра Хамфри в этот момент стоило посмотреть.

ЗНАТЬ БЫ, ГДЕ УПАДЕШЬ...

1 июля

С этим ЕЭС просто невозможно иметь дело. Вот уже несколько месяцев мы в МАДе разрабатываем вопрос о централизованном размещении одного большого заказа на компьютерные процессоры для всего Уайтхолла. Это, безусловно, помогло бы избавиться от традиционной расточительной практики индивидуальных заказов отдельных министерств.

Ведь ясно: сделай МАД один централизованный заказ — его сумма была бы настолько велика, что одно это побудило бы английских промышленников вкладывать деньги в развитие компьютерного производства.

От триумфа нас отделяли считанные дни. Затянувшиеся переговоры должны были вот-вот принести долгожданный результат. Я уже готовил обстоятельное сообщение для прессы, воображая броские заголовки: «ХЭКЕР — ЗА КРУПНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В СОВРЕМЕННУЮ ТЕХНОЛОГИЮ!», «ДЖИМ ОБЪЯВЛЯЕТ ВОТУМ ДОВЕРИЯ БРИТАНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ!», «„АНГЛИЯ СПОСОБНА ЭТОГО ДОБИТЬСЯ!“ — ГОВОРИТ МИНИСТР».

Но вот сегодня утром мы получаем очередную чертову директиву этого чертова ЕЭС из этого чертова Брюсселя, где говорится, что все члены Общего рынка должны следовать этим чертовым европейским стандартам. Значит, теперь нам надо отложить все наши планы для согласования их с целой кучей европейских комитетов по ЭВМ на предстоящей Европейской конференции в Брюсселе.

Я созвал срочное совещание и подробно изложил суть дела. Присутствовавшие на нем сэр Хамфри и Бернارد сидели, как истуканы, лишь изредка вставляя: «Да, господин министр», «Совершенно верно, господин министр». Помощники, называется!

Наконец, устав от собственного голоса, я заявил, что требую от них реального участия в обсуждении.

Хамфри тяжело вздохнул.

— Ну что тут можно сказать, господин министр? Боюсь, это неизбежная плата за стремление изобразить из себя европейцев. Поверьте, я полностью разделяю вашу неприязнь к Европе. Мой постоянный заместитель верен себе. Все понял наоборот. Пришлось объяснять ему все снова. Терпеливо и спокойно.

— Хамфри, не путайте меня с собой. Я — за Европу. Я только против Брюсселя. Вы же, как я понимаю, против Европы, но за Брюссель.

Он, как всегда, уклонился от прямого ответа, сделав вид, будто не имеет собственного мнения о ЕЭС. Двуличный бюрократ!

— Господин министр, — напыщенно произнес он, — я не «за» и не «против». Я — лишь смиренный сосуд, который министры заполняют плодами своих раздумий. Но вместе с тем хотел бы отметить: учитывая безусловную абсурдность этой «европейской идеи», Брюссель делает все возможное, пытаясь защитить то, что защитить невозможно, и заставить работать то, что в принципе работать не способно.

Я посоветовал Хамфри не пороть чепухи и заметил — хотя я и не сторонник громких фраз, — что европейский идеал остается нашей главной надеждой на преодоление узконациональных интересов.

— Простите, господин министр, но это никакая не громкая фраза, а просто-напросто неточность, — заявил он.

Я терпеливо разъяснил этому «смиренному сосуду», что Европа являет собой сообщество наций, объединенных высокой целью.

Он рассмеялся, и я попросил его поделиться с нами своей веселостью.

Оказывается, его позабавила фраза о единстве Европейского сообщества.

— Господин министр, — сказал он, — попробуйте взглянуть на вещи объективно. Каждая страна ведет игру исключительно в своих интересах. Так было и будет всегда.

Я не согласился и напомнил ему, что мы вступили в ЕЭС с целью крепить международное братство свободных наций.

Хамфри снова рассмеялся. Что за бестактность! Затем он представил нам с Бернардом теорию вопроса в своем понимании. От его речей уши вянут.

Суть его беспардонных разглагольствований сводится вкратце к следующему. Мы вступили в ЕЭС, чтобы прищемить хвост французам, отколов их от немцев, французы — с целью оградить своих малопроизводительных фермеров от более удачливых конкурентов. Немцы ухватились за идею в надежде очиститься от скверны геноцида и вновь заслужить право принадлежать к человеческой расе...

Какой ужасающий цинизм! К сожалению, мне нечего было ему возразить, так как в глубине души я чувствую (хотя об этом неприятно даже думать), что в его словах есть доля истины. Поэтому я лишь сказал:

- Во всяком случае, маленькие страны трудно упрекнуть в эгоистических устремлениях...

- О, да! — подхватил он. — Люксембург состоит в ЕЭС исключительно из тщеславия. Если, конечно, не принимать во внимание поток иностранной валюты в столицу Сообщества.

- А что, лучшего места для столицы не найти.

Мой постоянный заместитель снисходительно улыбнулся.

- Даже при том, что совещания руководящих органов ЕЭС проводятся в Брюсселе, а парламент заседает в Страсбурге? Хорошо был бы Лондон в качестве столицы, если бы палату общин перенесли в Суиндон, а Уайтхолл — в Кеттеринг!

- Будь все так плохо, — не сдавался я, — другие страны не стремились бы туда попасть.

- Какие, например?

- Какие? Ну, скажем, Греция.

Сэр Хамфри задумчиво откинулся на спинку стула. Затем, как бы размышляя вслух, сказал:

- Честно говоря, я не вижу большого смысла в том, чтобы принимать греков. Я, как вам известно, очень уважительно отношусь к иностранцам. (У меня аж дух захватило от такого беззастенчивого вранья!) Но что может дать Сообщество грекам? Оливковые горы и рециновые* реки? — Он, должно быть, понял, что наговорил лишнего, и начал извиняться: — Простите, господин министр, очевидно, среди греков у вас есть друзья?

Я решил, что с меня довольно, и перевел разговор на реальные проблемы Сообщества.

- Беда Брюсселя не в интернационализме, а в махровом бюрократизме...

Но Хамфри перебил меня:

- Да неужели вы не видите, что бюрократизм Сообщества — прямое следствие интернационализма? Иначе зачем комиссару-англичанину француз — генеральный директор, тому — итальянец заместитель и так далее до самого подножия пирамиды?

Мне ничего не оставалось, как согласиться.

- Это же вавилонская башня! — продолжал он.

Я снова был вынужден согласиться.

- Да что там башня! Намного хуже — Организация Объединенных Наций!

Пришлось согласиться и в третий раз.

Мы оба вдруг замолчали и посмотрели друг на друга. Ну и до чего же мы договорились? Какие проблемы решили? Что дальше?..

Бернард поспешил нам на помощь.

- Э-э... в таком случае... с вашего позволения... очевидно, надо полагать, что вы пришли к соглашению...

- Нет, не пришли! — в унисон возразили мы.

* Рецина — вино с привкусом хвои, производящееся только в Греции.

Что верно, то верно!

— Брюссель — это вредитель! — заявил я, намереваясь развить мысль, как бюрократия подрывает процесс сближения государств. — По общему мнению, среднестатистический функционер Общего рынка обладает организационными способностями итальянца, гибкостью немца и скромностью француза. Не говоря уж о богатом воображении бельгийца, щедрости голландца и сообразительности ирландца... А теперь они, видите ли, хотят зарубить наш прекрасный вариант с процессорами, вариант, который полностью отвечает интересам Англии и моим собственным, — заключил я.

— Что, разумеется, одно и то же! — добавил сэра Хамфри.

Я бросил на него неодобрительный взгляд и выразил надежду, что в его словах нет скрытого сарказма. Впрочем, меня его шпильки не трогают.

— Брюссельские бюрократы безнадежны: они не столько запутались в сложностях управления международной организацией, сколько погрязли в непотребной роскоши...

— Простите? — не понял Бернард.

— В непотребной роскоши, — повторил я, садясь на своего конька. — Шампанское и икра... Ящики виски в каждом офисе... «Мерседесы» с кондиционерами, личные самолеты... Каждый функционер ЕЭС хлебает из этой кормушки, а некоторые просто залезли в нее с головой!

Хамфри, как всегда, тут же встал на защиту бюрократов.

— Нельзя же всех стричь под одну гребенку, господин министр, — с осуждением сказал он. — В Брюсселе немало честных и старательных государственных служащих, которым приходится переносить тяготы утомительных командировок и, прямо скажем, утомительных развлечений.

Страшно утомительных! Еще бы — впихивать в себя столько осетрины горячего и холодного копчения и вливать столько шампанского!

— Кроме того, господин министр, вы в данном случае валите с больной головы на здоровую.

О чем это он? Я, кажется, потерял нить разговора. Слава богу, он объяснил:

— Насколько мне известно, об идее централизованной закупки ЭВМ Брюсселю заблаговременно сообщил один из ваших коллег по кабинету. Этим, собственно, и объясняется столь быстрое появление директивы.

Не удивительно, что я потерял нить: он вернулся к начальной теме нашего спора. Запутать собеседника ему ничего не стоит.

Значит, вот оно что. Меня опять предали! Причем мой же коллега по кабинету! (*А кто же еще? — Ред.*) Мне даже не надо ломать голову: кто? Бейзил Корбет. Сукин сын! При одной мысли о Корбете я с теплым чувством вспоминаю Иуду Искариота.

— Корбет? — спросил я, хотя ничуть не сомневался.

Хамфри слегка наклонил голову, как бы подтверждая, что здесь действительно поработал министр торговли и промышленности.

— Предатель! Скотина! Самолюбивое ничтожество! — завопил я не в силах сдержать негодование.

Сэр Хамфри удивленно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Неверно истолковав его взгляд, я уже спокойнее добавил:

— Прошу простить меня за грубость, Хамфри.

— Наоборот, господин министр, — с улыбкой ответил он, — ваши слова — цветочки по сравнению с тем, что о нем говорит его постоянный заместитель.

И все-таки для меня остается загадкой, почему Корбет так подло меня подставил. Ну да ладно, время покажет!

2 июля

Время действительно показало. Притом очень скоро. Из сегодняшнего номера «Стэндард» узнал важные и внушающие тревогу новости.

«ПЕРЕСТАНОВКИ В КАБИНЕТЕ»

(Наш политический корреспондент)

По имеющимся слухам, еще до окончания нынешней сессии парламента премьер-министр объявит о существенных перестановках в кабинете. Ожидается, что Бейзил Корбет...»

Опять Корбет! Стоит этому сукину сыну очутиться где-нибудь поблизости — у меня возникает ощущение, будто в спину мне вонзили нож.

И почему я узнаю об этом в последнюю очередь? Откуда знаю о перестановках они? Я спросил Хамфри, правда ли это.

Он, естественно, начал вилить.

— Господин министр, я всего лишь скромный государственный служащий, который, увы, не вращается в столь высоких сферах, как кабинет министров и парламентское лобби.

— Это правда? — настаивал я.

- Да, правда.

Прямой ответ! От неожиданности я даже растерялся. Но только на миг.

— Откуда же вам это известно, раз вы не вращаетесь в высших сферах?

— То есть правда, что ходят такие слухи, — пояснил он.

Час от часу не легче. На душе кошки скребут. Перестановки! Последствия могут быть самыми непредсказуемыми. А я ведь не претворил в жизнь и половины задуманного на посту министра МАДа. Можно сказать, даже не приступал.

Сэр Хамфри советует не убиваться раньше времени: даст бог, меня никуда не передвинут. Думаю, он просто хочет меня успокоить. А может, намекает, что нечего даже мечтать о повышении?

Я прямо спросил его об этом.

— О понижении тоже речи нет, господин министр, — последовал уклончивый ответ.

Понижений? Да как у него язык повернулся сказать такое! А может, ответ не такой уж и уклончивый?

— Послушайте, Хамфри, — осторожно начал я, — скажите... по-вашему, у меня... э-э... нормально выходит?

— Да, господин министр, у вас выходит нормально.

Возразить против его слов (собственно, моих слов!) было фактически нечего, однако интонация невольно настораживала. Поэтому я задал тот же вопрос Бернарду, но чуть расширив формулировку:

— У нас нормально выходит, не так ли, Бернард?

— Да, господин министр, нормально.

И это все! Ни слова ободрения или поддержки. Мне вдруг, непонятно почему, захотелось оправдаться.

— Ну конечно, я не достиг на этом поприще выдающихся результатов, но ведь неудачником меня тоже не назовешь, как вы считаете?

— Конечно, не назовешь, господин министр, — с готовностью подтвердил Бернард, хотя, как мне показалось, без особой убежденности.

Я промолчал. Но не в ожидании комплиментов. Избави бог! Наконец Бернард не выдержал.

— Господин министр, у вас... э-э... выходит нормально.

Но действительно ли он имеет это в виду?

И если да, то что именно?

— По большому счету, кое в чем я добился безусловного успеха! И если Мартина передвинут в казначейство, мне в принципе может светить министерство иностранных дел.

Я сделал паузу. Никто не произнес ни слова. Время, казалось, тянется бесконечно. Затем Хамфри, на этот раз с явным сомнением, произнес:

— Хм-м, возможно.

— Что-то я не слышу в вашем голосе уверенности.

Надо отдать ему должное: он не стал отнекиваться.

— У меня в самом деле нет уверенности, господин министр, — сказал он, глядя мне прямо в глаза.

— Почему? Вы что-нибудь слышали? — всполошился я.

— Ничего, ровным счетом ничего, господин министр. Потому у меня и нет уверенности.

Я швырнул эту проклятую газету на пол и с горечью спросил:

— Ну как же так: Боб Карвер из «Стэндард» знает о перестановках все, а мы ничего?

— Может, он близок к ПМ? — предположил сэр Хамфри.

— Что правда, то правда. Все знают, что ПМ держит его в руках.

- В таком случае у ПМ должны быть очень длинные руки, -
вставил Бернард.

Я бросил на него уничтожающий взгляд.

И решил больше не думать об этом. Выкинуть из головы!

Что толку попусту переживать? Да и о чем, собственно говоря?

Во всяком случае, пока.

Поэтому я перешел к вопросу о конференции по ЭВМ в Брюсселе. Мой постоянный заместитель считает, что мы должны принять в ней участие. Но ведь она может состояться до перестановок!

Я спросил у Хамфри, известно ли ему, когда ожидаются перестановки, поскольку от этого в значительной мере зависели мои дальнейшие действия.

Его ответ, как всегда, мало что прояснил.

- Видите ли, господин министр, ПМ не посвящает меня в свои планы перестановок, если, конечно, таковые произойдут, и потому я не в курсе относительно предполагаемой даты, если, конечно, таковая вообще определена. Во всяком случае, мне кажется, вам следует исходить из предположения, что никаких перестановок не будет, и соответственно планировать деятельность — свою или возможного преемника — на случай, если такая кандидатура существует.

Его совет мне не понравился, и я решил отклонить его. Мне уже приходилось видеть всякие заграничные балаганы. Сейчас не время по ним разъезжать. Сегодня тебя нет в своем кабинете, а завтра у тебя нет кабинета.

ВСПОМИНАЕТ СЭР БЕРНАРД ВУЛИ:

«Я хорошо помню тот нелегкий разговор. Хэкер по меньшей мере шесть или семь раз повторил, что перестановки его не волнуют, что переживать по этому поводу просто бессмысленно.

Затем долго грыз ногти.

Когда он стал собираться на заседание палаты, я посоветовал ему не терзать себя по поводу перестановок.

Он возмутился и сказал, что у него и в мыслях не было, он даже думать не желает о перестановках.

Однако уже на выходе из кабинета он вдруг обернулся: «Бернард, я жду вас в шесть часов в палате перестановок... э-э... то есть перета-совок... одним словом, в палате общин».

(На следующей неделе сэр Хамфри Элбли встретился с секретарем кабинета сэром Арнольдом Робинсоном в клубе «Атенеум»; несколько позже к ним присоединился Бернард Вули. Отчет сэра Хамфри об этой встрече мы обнаружили в архивах министерства административных дел. — Ред.)

«Встречался с Арнольдом. Он утверждает, что не мог сообщить подробности о предстоящих перестановках, так как является всего лишь секретарем кабинета, а не политическим редактором «Нью-Стэндрд».

Тем не менее он сообщил мне, что Брюссель интересуется, собираемся ли мы предлагать Хэкера на пост комиссара ЕЭС. Похоже, он им подходит: хороший европеец, ну и все такое прочее.

За кофе к нам присоединился Б. В. (*Бернард Вули. — Ред.*) Арнольд спросил его, как он относится к перспективе иметь другого министра. Бернард выразил сожаление, чем меня очень удивил.

Конечно, личные секретари иногда относятся лояльно к своим министрам, однако не до такой же степени! Нельзя давать волю своим эмоциям! Проявление подобной слабости перед сэром Арнольдом может отрицательно сказаться на карьере Б. В.

Затем, усугубляя свой промах, Б. В. добавил, что всем нам будет не хватать Хэкера, поскольку тот, видите ли, только теперь начинает по-настоящему руководить министерством.

Впоследствии в личной беседе я разъяснил Б. В., по каким принципиальным соображениям производятся перестановки внутри кабинета, и посоветовал крепко их запомнить.

1. Когда министр начинает по-настоящему руководить, он становится помехой, потому что:

- а) спорит по каждому поводу;
- б) требует конкретных фактов;
- в) интересуется, выполнены ли его распоряжения полугодовой давности;

г) когда мы настаиваем на исключительной сложности того или иного вопроса, откапывает старые докладные, в которых мы утверждали, что это очень просто сделать.

2. Если министра смещают, можно спрятать концы в воду и начать новую жизнь с его преемником.

3. Перестановки по душе премьер-министрам — помогают держать всех на коротком поводке.

4. Перестановок панически боятся только министры.

По мнению Б. В., любопытно посмотреть, что было бы, если бы министры оставались на местах, а постоянных заместителей переставляли туда-сюда. Полагаю, — он сказал это исключительно из мальчишеского озорства. Пора ему понять, что подобные идеи подрывают саму основу системы, которая сделала Британию тем, чем она является в настоящее время.

Для вящей убедительности я процитировал три заповеди Уайтхолла:

- Сила в постоянстве!
- Непостоянство ведет к бессилию!
- Ротация — это кастрация!

Кстати, эти мудрые мысли и меня наводят на мысль: не пора ли подыскать Бернарду новое место?»

(На следующий день сэр Хамфри получил от сэра Арнольде короткую записку с исключительно важной информацией. — Ред.)*

10 DOWNING STREET

From the Cabinet Secretary

July 8th

Dear Humphy,

Don't get out the champagne too soon.
If Hacker takes Brussels, I'm sorry to say
that you may get B.C.!

Yours ever,

A.

Дорогой Хампи!

Не спеши открывать шампанское. Не хочу тебя расстраивать, но, если Хэкер отправится в Брюссель, к вам могут назначить Б. К. (Бейзила Корбета. — Ред.)

9 июля

По-прежнему никаких известий о перестановках. Весь вечер корплю над красными кейсами. Сегодня их всего три. Газеты все еще полны намеков на предстоящие перемены в кабинете, Энни спросила, насколько им можно верить. Я признался, что не знаю. Она очень удивилась. По ее понятиям, кому же и знать, как

не мне: ведь я — член кабинета. Но в том-то и дело — мы всегда узнаем обо всем последними!

Энни с присущей ей непосредственностью предложила спросить у ПМ.

Само собой разумеется, этого ни в коем случае делать нельзя. У него может создаться впечатление, будто я не уверен в собственных силах.

Главное же — я до сих пор не знаю, чего ожидать. Хорошего или плохого.

- Не знаю, куда я передвинусь — наверх или вниз, — объяснил я Энни.

- Скорее, как всегда, будешь ходить вокруг да около, — пошутила она.

- А скажи честно, по-твоему, как у меня выходит?

- По-моему, у тебя выходит нормально, — ответила она, немного подумав.

— Да, но достаточно ли?

- Не знаю. А что достаточно?

— Откуда я знаю?

Мы переглянулись. Внезапно меня осенило.

— А может, ПМ просто боится моего успеха? Боится открытого вызова своему лидерству?

Энни удивленно заморгала.

— Твоего?

Собственно, я не имел в виду себя лично, но мне все равно было неприятно, что она была настолько удивлена.

- Не моего, а Мартина. Но при моей поддержке. Так что, если ПМ решил избавиться от конкурентов и не может безболезненно убрать Мартина, а он этого не может — кого угодно, только не министра иностранных дел, — то... главной мишенью бесспорно становлюсь я. Понимаешь? Ему необходимо оставить Мартина в изоляции.

Она спросила, что меня ожидает.

— О, лорд-президент, лорд-хранитель печати, министр искусств, министр спорта, заодно отвечающий за наводнения и засухи... Беспольных, никому не нужных постов хватает. И не надо забывать: на меня ополчился Бейзил Корбет!

- Да он давно уже ополчился на весь белый свет, — заметила Энни.

Так оно и есть.

- Корбет — это красноречивое, бездушное, жестокое, двуличное ничтожество, — стараясь быть объективным, сказал я.

Мои слова ее несколько озадачили.

- Чем же тогда объясняется его успех?

- Именно тем, что он — красноречивое, бездушное, жестокое, двуличное ничтожество, — объяснил я.

К тому же он умеет подать себя, пользуется поддержкой множества рядовых членов партии (хотя рядовые члены парламен-

та все его ненавидят) и каким-то образом сумел убедить общественность в своей искренности.

Его излюбленное оружие — локти. Я должен спихнуть Корбета, иначе он спихнет меня. Локти, объяснил я Энни, — важнейшее орудие в арсенале политика.

— Важнее порядочности?

Давно я так не смеялся. Наверное, с самого детства. До слез. И долго — как минимум минут пять. Мою веселость еще поддерживал забавный вид Энни, которая смотрела на меня во все глаза, будто я спятил.

Не известно, сколько бы еще продолжался этот приступ смеха, если бы внезапно не раздался телефонный звонок. К моему удивлению, звонил Гастон Ларусс из Брюсселя.

- Добрый вечер, господин комиссар, — сказала я.

Он звонил, чтобы узнать, согласен ли я на внесение моего имени в список кандидатур на пост комиссара ЕЭС. Я сказал ему, что для меня это большая честь, что мне надо подумать, что я весьма признателен за его заботу и т. д., и т. п. Затем я поинтересовался, знает ли об этом Номер Десять. Он что-то забормотал, завился, но в конце концов все-таки признался: да, знает.

(Запись этого телефонного разговора много лет спустя была обнаружена нами среди личных бумаг Гастона Ларусса. Из нее можно предположить, что Ларусс «вилять» вовсе не собирался, просто Хэкер, чтобы блеснуть своими познаниями во французском, спросил, знает ли об этом Numero Dix, а Гастон Ларусс не сразу понял, что Numero Dix — это Даунинг-стрит, 10. — Ред.)

Что бы это могло значить?

— Прежде всего — переезд в Брюссель, — высказалась Энни.

Да, но что бы это могло значить? Что за этим стоит? Ловкий ход ПМ с целью избавиться от меня? Простое совпадение? Намек? Может, ПМ дает мне возможность уйти, не «потеряв лица»? Если так, то почему он прямо не сказал мне об этом? Возможно, ПМ и не имеет отношения к инициативе послать меня в Брюссель? К тому же это большая честь, не так ли? И почему моя жизнь всегда полна вопросов, на которые нет ответов? Зато Энни пришел в голову еще один:

— А сама работа ничего?

Я покачал головой.

— Хуже не бывает. Для меня это конец карьеры. Хуже, чем пэрство. Полный и окончательный провал. В такой ситуации вернуться на политическую арену можно, разве только создав новую партию.

Энни поинтересовалась, что, собственно, стоит за этим назначением.

Я начал перечислять:

— Прежде всего — жизнь в самом сердце прогнившей европейской бюрократии, среди всей этой непотребной роскоши: пятьдесят тысяч в год плюс двадцать тысяч на представительские

расходы, шампанское, крабы, бесконечные банкеты, зарубежные вояжи, отели, лимузины с кондиционерами и личные самолеты, послеобеденные сиесты и уик-энды на привилегированных пляжах... И тут только до меня дошло, что я говорю! До чего же мы привыкли говорить, не слыша самих себя, не задумываясь над последствиями своих слов. Уму непостижимо!

— Может, имеет смысл съездить туда и посмотреть своими глазами? — неуверенно предложил я.

— Почему бы и нет? — с надеждой откликнулась Энни. — Знаешь, иногда мне кажется: мы заслужили право быть в числе неудачников.

12 июля

Сегодня утром по дороге в министерство состоялся интересный разговор с Роем. Конечно же, о перестановках мой шофер знал все.

Я наивно полагал, что он, подобно мне, прочитал о них в газетах. Как выяснилось, нет. Он слышал об этом еще две недели назад. Почему же он ничего не сказал мне? Ведь прекрасно знает, что я рассчитываю на него!

Оказывается, Рой был уверен, что я в курсе дела. Все шоферы знали об этом от шофера премьер-министра и шофера секретаря кабинета. Похоже, это была тайна, известная всем.

Я ненавязчиво попытался выведать, что именно известно ему.

— Да пустяки, сэр. Подошла очередь Корбета на повышение, и ПМ не может ее отсрочить. А старину Фреда — простите, сэр, министра занятости — собираются «вышибить наверх».

Он говорил с уверенностью поистине сведущего человека. Я спросил, откуда ему это известно.

— Его шофер получил другое назначение, сэр.

— А что говорят про меня?

— Ничего, сэр.

Ничего? Может, он что-то скрывает? Должны же быть хоть какие-то слухи. Ведь я как-никак член кабинета, черт побери!

— Вот смех-то, сэр! Парни до сих пор ничего не слышали. — Рой лукаво посмотрел на меня в зеркальце. — Но вам, сэр, уж наверняка известно, что вас ожидает?

Он прекрасно знает, что я практически ничего не знаю! Или пытается узнать? Дополнительная информация для торговли и обмена новостями на шоферской бирже.

— М-да, — неопределенно промычал я.

Конечно, надо были сразу оборвать этот разговор, но меня будто кто за язык тянул.

— Про себя говорить, конечно, неловко, вы же понимаете... ну насчет того, как идут дела, хорошо или...

Он не ответил.

Я сделал новую попытку.

— А что ваши парни... э-э...

Он перебил меня и как-то покровительственно бросил:
— Они все уверены, что у вас выходит нормально, сэр.
Опять!

14 июля

Вчера весь день прошел в бесконечных заседаниях: кабинет, комитет кабинета, голосование в парламенте... так что на беседу с Бернардом просто не нашлось времени. А побеседовать надо бы. Бернард всегда меня поддерживает. Он — способный парень и может дать полезный совет.

Сегодня за чашкой чая поделился с ним своими трудностями.

— Кстати, Бернард, к вопросу о перестановках...

Он захихикал. Не понятно почему.

— Ради бога, извините, господин министр. Мне показалось, вы... Нет-нет, пожалуйста, продолжайте.

— В общем, дело приобретает сложный оборот. Только учтите, Бернард, наш разговор носит сугубо конфиденциальный характер. Так вот, у меня спрашивали согласия занять пост одного из британских комиссаров ЕЭС в Брюсселе.

— Как здорово! — обрадовался Бернард. — При перестановках никогда не мешает иметь козырного туза в запасе.

— Так ли здорово? — усомнился я. — Вот в чем дилемма.

Он промолчал. Тогда я спросил, действительно ли он считает, что на посту министра у меня выходит нормально.

В глубине души я надеялся услышать от него что-нибудь вроде «великолепно, господин министр». Но Бернард согласно кивнул и сказал:

— Да, вполне нормально.

Создается впечатление, будто в оценке моей деятельности никто не желает идти дальше, чем ни к чему не обязывающее «нормально». Это страшно деморализует. Разве я виноват, что не смог проявить себя во всем блеске? Ведь Хамфри только и делал, что ставил мне палки в колеса, он никогда не принимал мою сторону.

— Послушайте, Бернард, давайте начистоту. Ведь «нормально» — это «недостаточно хорошо», так?

— Ну-у... «нормально» — это нормально.

Тогда я спросил его, не выудил ли он чего-нибудь интересного из своих неофициальных источников. Про меня.

— Нет, ничего особенного, — ответил он, но затем добавил: — Слышал только о телеграмме британского комиссара ЕЭС в адрес МИДСа и комитета по Европе. Да, и еще — что инициатива назначить вас комиссаром исходит от Брюсселя, хотя само назначение в конечном итоге является прерогативой премьер-министра. Собственно, ПМ уже обсудил вопрос с министерством иностранных дел и секретарем кабинета и разрешил официально обратиться к вам с этим предложением. Поскольку на Даунинг, 10 считают, что вы, скорее всего, не откажетесь от подобной чести, у одного

из ваших коллег спросили, согласен ли он стать вашим преемником в МАДе. — Бернард помолчал и извиняющимся тоном сказал: — Боюсь, это все, что мне известно.

— И не более того? — с мрачной иронией осведомился я.

Мне было крайне важно узнать, кого из моих коллег прочат на мое место. Но этого Бернард не знал.

Больше всего меня мучит неопределенность. Я ни на шаг не продвинулся в выяснении главного вопроса: куда меня переставят — вверх, вниз или... в сторону, если я откажусь от Брюсселя?

15 июля

Ходят упорные слухи о грядущих перестановках. О них активно твердит и пресса. Обо мне по-прежнему ни слова. Очевидно, на этот счет парламентских корреспондентов также держат в полном неведении.

Все это очень действует на нервы. Я просто не в состоянии сосредоточиться на министерских делах. Вопрос о моем будущем — или об отсутствии такового — превратился в навязчивую идею. А с меня вот-вот требуют ответа, согласен ли я на предложение Брюсселя или отказываюсь от него.

Сегодня встречался с сэром Хамфри. Хотел обсудить предстоящую конференцию. Сообщил ему, что решил поехать в Брюссель. Я-то имел в виду «поехать посмотреть», как мы договорились с Энни, однако сэр Хамфри понял меня иначе.

- Неужели вы решили отказаться от министерства?

Казалось, это известие потрясло его. Не скрою, мне было приятно. Видимо, он все-таки более высокого мнения обо мне, чем я предполагал. Надо его успокоить.

- Ну что вы! Я говорю о конференции по ЭВМ.

Он с облегчением вздохнул. А я добавил:

- Кроме того, мне просто необходимо побывать в Брюсселе.

- Почему? — тут же насторожился он.

- Почему бы и нет?

- Действительно, почему бы и нет? — согласился он. — Но все-таки почему?

- Из любопытства.

Затем я сказал Хамфри — своего рода подготовка на случай переезда в Европу, — что его убедительные доводы заставили меня взглянуть на Брюссель другими глазами и, поразмыслив, я признаю некоторую поспешность своих суждений.

Такой ответ его, похоже, не удовлетворил. Более того, мой постоянный заместитель заявил, что, хорошенько поразмыслив над моими доводами, он во многом согласен с критическими замечаниями, которые я высказывал в адрес Брюсселя. Что я слышу? Неужели это сэр Хамфри? Я даже ущипнул себя, не веря, что это не сон.

- Вы открыли мне глаза на царящую там атмосферу коррупции! — воскликнул он.

— Нет, нет! — запротестовал я.

— Да, да! — не уступал он.

Меня вовсе не устраивало, что Хамфри приписывал мне слова о коррупции. Может, я и говорил что-то в этом роде, но теперь уже не уверен (*Мы тоже не уверены, в чем именно не был уверен Хэкер: в том ли, что не хочет ссылок на свои слова о коррупции, или в том, что в Брюсселе царит такая атмосфера.* — Ред.) и поэтому многозначительно заметил, что ему безусловно удалось меня убедить. Сейчас я отчетливо понимаю: в Брюсселе действительно немало честных и старательных государственных служащих, которым приходится переносить тяготы утомительных командировок и, прямо скажем, утомительных «развлечений».

— Шампанское и икра, — осуждающе произнес сэр Хамфри. — «Мерседесы» с кондиционерами и личные самолеты.

Я напомнил ему, что умеренная роскошь смазывает колеса дипломатии.

— По уши в кормушке, — не унимался мой постоянный заместитель.

Я указал ему на неуместность подобного сравнения.

— Простите, господин министр, случайно сорвалось с языка. Ума не приложу, от кого я это слышал.

В заключение я сообщил ему, что на следующей неделе мы все отправляемся в Брюссель на конференцию, как он того хотел.

Уже у дверей кабинета сэр Хамфри вдруг остановился и спросил, действительно ли я изменил свое мнение о Брюсселе под воздействием его доводов.

Естественно, я сказал «да».

Он не поверил.

— А не связано ли это со слухами о вакансии комиссара в Брюсселе?

Догадался все-таки!

— Такие подозрения недостойны вас, Хамфри, — с упреком сказал я. А затем, вспомнив наш разговор с Энни и с трудом удерживаясь от смеха, добавил: — Еще, слава богу, существует такое понятие, как порядочность политического деятеля.

Хамфри смутился.

(Позднее в тот же день сэр Хамфри Элби обедал с секретарем кабинета сэром Арнольдом Робинсоном в клубе «Реформ». Запись этой беседы мы обнаружили в личных бумагах сэра Хамфри. - Ред.)

«Я поделился с Арнольдом своими опасениями относительно возможного назначения Корбета министром административных дел. Лично мне такая перспектива представляется по меньшей мере катастрофой.

Арнольд говорит, что не в его силах это предотвратить, так как членом кабинета назначает только премьер-министр. Я отказался принять такое объяснение: все прекрасно знают, что перестановки — забота секретаря кабинета. О чем я ему и сказал.

Арнольд не отрицал этого, но продолжал настаивать, что, если ПМ

настроился на некий конкретный вариант, секретарь кабинета — хочешь, не хочешь — должен подчиниться.

И все же я убежден, что Арнольд по-прежнему держит руку на штурвале».

(Через несколько дней сэр Арнольд Робинсон и сэр Хамфри Эпльби обменялись нижеприведенными записками. — Ред.)

Дорогой Хампи!

Внимательно обдумал вашу проблему и пришел к выводу, что единственный способ ее решения — отказ Дж. Хэкера от Брюсселя.

DEPARTMENT OF
ADMINISTRATIVE AFFAIRS

From the Permanent Under-Secretary of State

Dear Arnold,

I think he's going to take Brussels. He says he believes in the European ideal! Extraordinary, isn't it? I fear he's been taken in by his own speeches.

Also, I fear he regards himself as not having been a total success at the D.A.A.

HA

19/vii

Дорогой Арнольд!

Боюсь, Дж. Х. склонен принять это предложение. По его словам, он верит в европейский идеал! Непостижимо, не правда ли? Полагаю, он стал жертвой собственных речей. К тому же ему, очевидно, не дает покоя опасение, что он не добился выдающихся успехов в МАДе.

10 DOWNING STREET

From the Cabinet Secretary

July 20^E

Dear Humphry,

It's not been all that hot. Partly
your fault. You've blocked him continually,
albeit in the interests of good government.

I suggest that Hacker has a big success
within the next couple of days.

A.

Дорогой Хамфри!

В том, что он порет горячку, есть и твоя вина. Ты постоянно блокировал его (естественно, в интересах более разумного управления). В ближайшие пару дней Хэкеру нужна какая-нибудь эффективная и успешная акция. Рекомендую помочь ему в этом.

DEPARTMENT OF
ADMINISTRATIVE AFFAIRS

From the Permanent Under-Secretary of State

Arnold —

A big success? In the next two days?
What sort of success?

JA

20/vii

Арнольд!

Эффектная и успешная акция? В ближайшие пару дней?
Какого рода?

10 DOWNING STREET

From the Cabinet Secretary

July 21st

Hamphs,

Anything, my dear chap. Just give me some sort of case to present to the P.M. for keeping Hacker at the D.A.A.

There is one other possibility for Corbett: Dept of Employment. Fred is definitely going, because he keeps falling asleep in Cabinet - I know they all do, but Fred has taken to nodding off while he's actually talking.

A.

Хампи!

Любого, дорогой мой. ПМ должен сам убедиться, что целесообразнее оставить Хэкера в МАДе. Для Корбета у нас имеется другая вакансия — министерство занятости. Фреду, безусловно, придется уйти, так как он спит на всех заседаниях кабинета. Я знаю — не он один, однако Фред уже дошел до того, что засыпает даже во время собственных выступлений.

22 июля

По-прежнему болтаюсь между небом и землей. Неопределенность убивает всякое желание работать.

Утром спросил у Хамфри, нет ли у него новостей. Нет, ответил он. Мне известно, что в конце недели он обедал с секретарем кабинета. И Арнольд Робинсон ничего ему не сказал? Исключено!

— Вам наверняка что-нибудь да известно, Хамфри.

Небольшая пауза. Наконец он соизволил ответить:

— Господин министр, мне известно только то, что о переставудет объявлено в понедельник. А у вас есть новости? Я недоуменно посмотрел на него.

— Относительно Брюсселя, — уточнил он. — Вы принимаете предложение стать комиссаром ЕЭС?

Я постарался объяснить ему двусмысленность своего положения:

— Понимаете, Хамфри, для члена парламента перевод в ЕЭС, безусловно, неприемлем, а для члена кабинета, напротив, он сулит определенные преимущества. Вместе с тем для поборника европейского единства тут есть свои «за» и «против».

Боже мой, что я несу! Очевидно, Хамфри и Бернард думали то же самое, гадая, в каком обличье я выступаю в данный момент.

Хамфри после долгого молчания предпринял отчаянную попытку разобраться в моих чувствах.

— Господин министр, следует ли понимать ваши слова как готовность принять предложение Брюсселя?

— Как вам сказать?.. И да, и нет.

Впервые за последние дни ситуация показалась мне даже забавной.

Очевидно, решив поставить точки над «i», мой постоянный заместитель попросил меня назвать все «за» и «против», чем опять поверг меня в смятение. Я сказал, что не могу это сделать: все зависит от того, как у меня выходит на посту министра.

Хамфри ответил, что, по его мнению, у меня выходит нормально.

Чертовщина! Опять я в замкнутом круге. Если у меня выходит нормально, то есть в прямом смысле нормально, — значит, я остаюсь, потому что тогда все будет нормально. Если же у меня выходит всего лишь нормально и не более того, оставаться для меня было бы ненормально, не так ли?

Тут моему постоянному заместителю пришла в голову интересная идея.

— Господин министр, — сказал он. — Мне кажется, сейчас вам нужен крупный личный успех.

Прекрасная мысль! Очень кстати.

— Даже триумф, — уточнил Хамфри.

— Например?

— Например, реклама одного из ваших гениальных политических решений.

Я крайне возбудился и нетерпеливо ждал продолжения, однако его не последовало. Пришлось самому обратиться к Хамфри:

— Э-э... так что же вы имеете в виду?

— Ничего конкретного, господин министр. Просто так, подумалось...

Только душу растравил!

Может, он хотя бы скажет, что даст мне этот гипотетический

триумф. По мнению сэра Арнольда, объяснил он, если триумф станет реальностью до перестановок, ПМ не сможет переставить меня вниз.

Вне всяких сомнений. Хотя в данной ситуации меня, пожалуй, больше тревожит другое — отсутствие какой-либо перспективы быть переставленным навверх.

Я поделился своими опасениями с Хамфри. Увы, надо быть реалистом, ответил он. У меня есть слабая надежда, что он попросту не отдает себе отчета, насколько оскорбительны его слова.

Все! Вечером же звоню в Брюссель и даю согласие, тем самым опередив ПМ и избежав унижения быть переставленным вниз. Я сообщил о своем решении сэру Хамфри и дал указание Бернарду принести материалы по стандартизации процессоров, которые отныне станут главной моей заботой.

Но тут мой постоянный заместитель вскочил со стула, как ужаленный: его опять осенила идея.

— Одну минуту, господин министр! А что если вы, проигнорировав ЕЭС, опубликуете свой собственный план централизованной закупки процессоров и сделаете крупномасштабный заказ британским промышленникам... немедленно... сегодня... завтра... в общем, не позже понедельника! Тем самым вы дадите нашей стране дополнительные рабочие места, инвестиции, экспортные заказы...

Он выжидательно посмотрел на меня.

Я без особого успеха пытался сообразить, что к чему. Разве не с этого мы начали? Ведь я предлагал этот вариант еще две недели назад, но пришла директива из Брюсселя, и Хамфри убедил меня ей подчиниться. Теперь же оказывается, что эта злополучная директива вовсе не директива, а всего лишь просьба. Ее, видите ли, еще не утверждали на конференции.

- А позволительно ли джентльмену плевать своим партнерам в лицо, вонзая им нож в спину?—задал я риторический вопрос.

- Боюсь, что нет, (господин министр, — заметил ранее молчавший Бернард. — Это просто невозможно.

Надо понимать, это своеобразная поддержка.

Однако чем больше я размышлял, тем яснее мне становилось, что в предложении моего постоянного заместителя есть искра гениальности. Открытый вызов Брюсселю, несомненно, приведет англичан в восторг. А заодно покажет всем, что у меня тоже есть локти.

Я поздравил Хамфри с блестящей идеей.

- Вы принимаете ее? — напрямик спросил он.

Не люблю, когда на меня давят.

- Дайте подумать. Все-таки из-за этого мне придется отказаться от... — Я пытался подыскать слово.

- Кормушки? — подсказал он.

- Нет, Хамфри, я совсем не то имел в виду, — холодно произнес я, хотя, честно говоря, именно то.

Но моего постоянного заместителя не проведешь. Он, как ни в чем не бывало, продолжил:

— Мне кажется, господин министр, родина превыше всего. В целом, пожалуй, с этим нельзя не согласиться.

23 июля

ДЖИМ СТАВИТ ИХ НА МЕСТО! Перед Британией открываются широкие перспективы

Король администрации Джим Хэкер сегодня здорово щелкнул по носу Общий рынок. Своим смелым решением, которое, несомненно, будет с энтузиазмом встречено в стране, он заявляет нашим европейским партнерам, что Англия намерена проводить самостоятельную политику в области информационной технологии.

Мой отказ выполнить просьбу ЕЭС на самом деле стал сенсацией — может, даже триумфом. Особенно благодаря тому, что я дополнил его ура-патриотической речью. Пресса была от нее в откровенном восторге, хотя, боюсь, я тем самым сжег за собой все мосты: теперь вряд ли кому придет в голову предложить мне пост комиссара ЕЭС.

Остается надеяться, что удар попал в цель.

26 июля

Сегодня было официально объявлено о перестановках в кабинете. Фреда, само собой, «выпихнули наверх», в палату лордов,

Бейзилу Корбету отдали министерство занятости, а я остался, где и был — в МАДе.

Заглянул ко мне Хамфри и первым делом сообщил, как он счастлив работать со мной и дальше.

— Возможно, мне не следовало бы это говорить, но лично я, господин министр, был бы искренне огорчен, если бы нам с вами пришлось расстаться.

Я был польщен.

— Да-да, Хамфри, мы действительно привязались друг к другу, не правда ли?.. Как террорист и заложник. Он согласно кивнул.

— А кто из вас террорист? — любопытно спросил Бернанд.

— Он! — в один голос воскликнули мы с сэром Хамфри, указывая друг на друга.

Затем мы все рассмеялись.

— Кстати, — спросил я, когда смех утих, — а кто бы сел на мое место, если бы я уехал в Брюссель?

— Понятия не имею, — безучастно отозвался сэр Хамфри.

Но тут вмешался мой верный Бернанд:

— А по-моему, сэр Хамфри, вы упоминали Бейзила Корбета...

Дружеской атмосферы как не бывало. За все время своего пребывания в МАДе я не видел, чтобы мой постоянный заместитель так смутился. Совсем не удивительно, что он был бы искренне огорчен, если бы ему пришлось расстаться со мной! Я выразительно взглянул на него.

— Бейзил Корбет?

— Да, господин министр, — вздохнул он. И покраснел.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

(В начале сентября сэр Хамфри Элби вступил в переговоры с коммерческим банком, председателем которого являлся сэр Десмонд Глейзбрук. Ранее, в марте того же года, по настоянию Элби Хэкер назначил сэра Десмонда председателем комиссии по партнерству в промышленности во избежание скандала, связанного с проектом «Солхалл».)

Сэр Хамфри решил зарезервировать для себя место члена Совета банка, поскольку года через три-четыре должен был уходить на пенсию. Он до сих пор не стал кавалером ордена I степени. Не удалось ему пока и подыскать себе тепленькое местечко «на потом». В последнее время сэр Хамфри все чаще не находил «общего языка» с сэром Арнольдом Робинсоном, и хотя теоретически Хамфри сохранял определенные шансы на пост секретаря кабинета, вряд ли его теперь можно было считать кандидатом номер один. А поскольку он, кроме всего прочего, имел репутацию убежденного антиевропейца, рассчитывать на пост генерального директора в Брюсселе ему также не приходилось. Вот почему сэр Хамфри так стремился обеспечить себе место в Совете банка сэра Десмонда. — Ред.)

14 сентября

Великолепные — иначе не назовешь — отзывы в утренней прессе о моей вчерашней речи, посвященной проблемам окружающей среды.

Ряд солидных газет поместили статьи под заголовками «ХЭКЕР ПРОТИВ БАШЕН!», «СМЕЛАЯ ПОЗИЦИЯ МИНИСТРА В ВОПРОСЕ О ЗДАНИЯХ ПОВЫШЕННОЙ ЭТАЖНОСТИ!» Правда благодаря последнему я становлюсь похожим скорее на муниципального деятеля, чем на министра Ее Величества. Тем не менее в устах газетчиков «смелый» — высокая похвала.

Но признание элитарной прессы, увы, лишних голосов не приносит. А массовые газеты почему-то обошли мою речь молчанием. Вот уже несколько недель, как они не помещают моих фотографий.

Я решил посоветоваться с нашим пресс-секретарем Биллом Причардом и пригласил его к себе в кабинет.

— Господин министр, газеты с большим удовольствием печат-

тают фотографии красивых девушек, — после небольшого раздумья изрек он.

Браво! Видимо, от его внимания случайно ускользнул тот факт, что я не отношусь к этой категории. Но, оказалось, он советует мне стать председателем жюри конкурса красоты: вручение наград, поцелуй победительницы и т. п. Избитый и, честно говоря, довольно дешевый трюк. К тому же, если мои снимки будут фигурировать в газетах, я хочу, чтобы читатели смотрели на меня.

Тогда он предложил животных и детей. К примеру, из моего завтрашнего визита на городскую ферму можно сделать очень хорошую рекламу. Насколько ему известно, визит должны освещать корреспонденты «Миррор», «Мейл», «Экспресс», «Сан», «Тудей» и даже редакция телепрограммы «По стране».

Это замечательно! Особенно присутствие телевидения. Не говоря уж о том, что посещение столь мирного, можно сказать, невинного объекта, как городская ферма, вряд ли чревато какими-либо осложнениями.

По словам Билла, Сью Лоули из «Сан» собирается взять у меня интервью и сфотографировать в окружении каких-нибудь осликов.

Господь, наверное, лишил Билла разума! Даже если «Сан» и не собирается меня «подставить» (в чем лично я очень сомневаюсь), такой сюжет будет просто подарком для «Прайвита аи»: «ДЖЕЙМС ХЭКЕР В ОБЩЕСТВЕ ДРУГИХ ОСЛОВ, ИЛИ ЗАСЕДАНИЕ ВНУТРЕННЕГО КАБИНЕТА!»

Естественно, я наотрез отказался. Тогда он предложил поросят. Велика разница — ослы или свиньи! Чего доброго, газетчики будут спекулировать на «кормушке».

Я попросил Билла как следует сосредоточиться и предупредил, что согласен сниматься только со Сью Лоули или с каким-нибудь симпатичным пушистым ягненком. Больше ни с кем!

(Политики, как правило, стараются избегать публичных появлений, которые могут дать повод для разных едких острот. Например, в конце 60-х, во времена премьерства Гарольда Вильсона, политические советники отговорили его от посещения комической оперы «Скрипач на крыше» во избежание возможных шуток о методах его руководства. — Ред.)

Во второй половине дня, обсуждая вместе с Бернардом расписание завтрашних встреч, я узнал, что со мной срочно хочет встретиться сэр Десмонд Глейзбрук — этот старый осел, упорно выступающий с нападениями на наше правительство. К сожалению, я сам назначил его председателем комиссии по партнерству в промышленности, но тогда у меня не было другого выхода. *(См. главу 7. — Ред.)*

Глейзбрук добивается разрешения увеличить на несколько этажей планируемый административный корпус его банка, официальная заявка на который скоро поступит к нам.

Сразу видно, он не читал сегодняшних газет!

Именно этого и нельзя допускать. Кто-то должен встать на защиту окружающей среды. И я не побоюсь взять такую ответствен-

юсть на себя. Дело правое и к тому же наверняка принесет мне дополнительную популярность.

(В тот же день Бернард передал сэру Хамфри Элби содержание своего разговора с Хэкером. Он знал, что сэр Хамфри собирается встретиться с сэром Десмондом Глейзбургом на предмет обсуждения вопроса о новом здании банка, и счел себя обязанным проинформировать его о настроениях министра.

Отчет об этом разговоре, равно как и о беседе Элби с Глейзбургом, мы нашли в личных бумагах сэра Хамфри. — Ред.)

«Б. В. доложил мне о намерении министра восхитить прессу своей твердой позицией в вопросе о зданиях повышенной этажности. Надеюсь, от такой высоты у него не закружится голова. Судя по всему, Хэкер готов буквально на все, лишь бы увидеть в газетах собственное фото.

Встретился с сэром Десмондом за чашкой чая. Узнав, что его дело застопорилось, он крайне удивился. Я поинтересовался, читал ли он сегодняшнюю «Файнэншл тайме».

— Я ее вообще не читаю, — ответил он.

Теперь настала моя очередь удивляться: ведь он как-никак банкир.

— Ничего в ней не понимаю, — объяснил он, — слишком много теории.

Я спросил, зачем он тогда ее покупает и все время носит под мышкой,

— Так положено, — пожал он плечами.

По его словам, он тридцать лет положил на экономическую теорию Кейнса, а когда почти освоил ее, все вдруг помешались на новомодных идеях монетаристов и на книгах типа «Хочу быть свободным» Милтона Шульмана.

Полагаю, он имеет в виду «Свободу выбора» Милтона Фридмена, но в целом мне понятны его чувства.

— И почему всех их зовут Милтонами? — недоумевал он. — Вот и Кейнса тоже.

— Кейнса зовут Мейнард, — поправил я.

— Значит, наверняка есть и Милтон Кейнс, — упорствовал сэр Десмонд.

Разговор становился бессмысленным. Я открыл «Файнэншл тайме» и показал ему вчерашнее выступление Хэкера в Ассоциации архитекторов, где он резко обрушился на «небоскребную лихорадку». Его речь вызвала положительный резонанс в массовых газетах, в связи с чем перед нами возникает ряд серьезных проблем.

По мнению сэра Десмонда, новое здание банка нельзя считать небоскребом, хотя проектом предусмотрено тридцать восемь этажей — плюс еще шесть, которые он хочет добавить.

А министр ратует, чтобы максимальная высота новых зданий составляла не более восьми этажей!

К тому же Хэкер, безусловно, считает себя обязанным делать вид, будто стремится выполнить предвыборные обещания. «Положить конец варварскому нашествию небоскребов!» Впрочем, с этим особых хлопот не предвидится. Я объяснил сэру Десмонду, что в таких случаях мы, высшие государственные служащие, обычно предлагаем министрам молчаливое соглашение: они не мешают нам проводить политику, противоречащую их предвыборному манифесту (теперь-то, когда они у власти, им понятно, что она либо нереальна, либо нежелательна), а мы, в свою очередь, не мешаем им делать вид, будто все их помыслы направлены прежде всего на выполнение предвыборных обещаний.

(Нам очень повезло: в силу своего высокого профессионализма сэр Хамфри Элби фиксировал на бумаге практически все события, встречи и беседы, участником которых он являлся. Именно благодаря этому мы имеем возможность узнать о методах, широко использовавшихся государственной службой в 80-е годы, но, естественно, не подлежащих огласке, поскольку они противоречили конституционным нормам. — Ред.)

Десмонд считает, что предлагаемый мной компромисс вполне разумен. Может, оно и так, хотя слово «разум» плохо сочетается со средним министром. *(Хэкер был весьма средним министром. — Ред.)*

Десмонд попытался было оказать на меня давление, намекнув на сотрудничество в перспективе. Я заверил его, что, даже если Хэкер на этой неделе не даст разрешения, я — как бы сложно это ни было — рано или поздно найду способ изменить любое, не устраивающее нас решение.

Десмонд озадаченно нахмурился. — Как же так? — пробурчал он. —

Ведь решение — это решение.

Пришлось объяснить ему, что решение — это решение только тогда, когда оно нас устраивает. В других случаях это всего лишь временное отступление.

Министры — как маленькие дети. Принимают решения чисто импульсивно. Сегодня они горят желанием что-либо сделать, а завтра даже и не вспомнят об этом. Как с рисовым пудингом: сегодня на него и смотреть не хочется, а завтра — сразу два куска. Сэру Десмонду сравнение пришлось по душе.

Он поинтересовался, знает ли Хэкер, что я не одобряю его намерений. Пожилой человек, а так наивен! Наоборот, Хэкер убежден, что его план переполняет меня энтузиазмом. Именно поэтому он и доверил мне его разработку и исполнение».

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.) 15 сентября

Сегодня у меня был сэр Десмонд Глейзбрук. Встреча проходила в теплой, дружеской обстановке и закончилась к полному моему удовлетворению во многом благодаря поддержке сэра Хамфри.

Он забежал ко мне прямо перед визитом и высказал свои соображения относительно возможных аргументов Глейзбрука.

1. В районе уже есть несколько высотных зданий.

2. Международный отдел банка расширяется и требует дополнительных площадей. А международная деятельность банка способствует значительному росту «невидимого» экспорта.

3. Все здания банка должны располагаться в одном месте.

4. Новое здание пополнит городскую казну за счет возросших налоговых поступлений.

На первый взгляд, все вроде логично, но, как я заметил, так думать может только банкир: деньги, деньги, деньги! А окружающая среда? А гармония, а красота?

Мои слова произвели на Хамфри сильное впечатление.

— Вы правы, господин министр. Красота! Безусловно! — Он тут же попросил Бернарда взять красоту на заметку.

— А наши дети? А дети наших детей? — продолжил я, видя, что бью в самую точку.

Он снова согласился и попросил Бернарда не забыть про детей наших детей.

— Кому вы служите, Хамфри, — богу или маммоне?

— Я служу вам, господин министр, — ответил он.

Что тут возразишь?

— Бернард, пригласите, пожалуйста, Глейзбрука, — сказал я.

А Хамфри добавил:

— Господин министр, вам решать, вам одному.

Наконец-то он понял главное — я здесь хозяин!

Десмонд Глейзбрук вошел вместе с каким-то архитектором по имени Кроуфорд. И мы, не теряя времени, приступили к делу. Сэр Десмонд объявил, что официальное прошение поступит к нам несколько позже, а пока он был бы признателен за любые предварительные советы и пожелания.

Ничего нет проще. Я вкратце изложил, почему возражаю против строительства небоскребов.

— Но мы делаем в них деньги, черт побери! — вспыхнул сэр Десмонд. — Еще шесть этажей — и мы выходим на уровень. Без них наши доходы составят каких-то двадцать восемь процентов...

Я смерил его холодным взглядом.

— Доходы — и только-то?

Он немного смутился, но упрямо ответил:

— Не только-то, а доходы!

— Вы когда-нибудь думаете о чем-либо, кроме денег? — спросил я.

Он страшно удивился.

— Нет, а что?

— Например, о гармонии, о красоте?

— О красоте? — Он явно не понимал, к чему я клоню. — Да при чем-здесь красота? Это — контора, а не картина.

— А как насчет окружающей среды? — наступал я.

— Окружающей среды? — переспросил он, бросая беспомощный взгляд на Хамфри, но тот упорно глядел куда-то вдаль (вот молодец!) — Э-э... даю вам слово, господин министр, мы постараемся сделать новое здание частью окружающей среды... то есть, я хочу сказать, иначе и быть не может, раз уж оно существует... По-моему, так.

Все ясно.

— Я — против, — решительно заявил я.

В разговор неожиданно вмешался Кроуфорд.

— Господин министр, я хотел бы только заметить... э-э... если вы помните, в газетах сообщалось, что аналогичное разрешение было дано американскому концессионному банку. Так что... э-э... отказать в том же британскому...

Действительно, мне это и в голову не приходило. Бернард должен был проинструктировать меня более подробно.

Возникла неловкая пауза, которую тут же заполнил сэр Десмонд.

- Значит, все-таки «за», не так ли?
- Нет, не «за»! — огрызнулся я.
- Почему, черт побери?

Сложное положение. С одной стороны, предвыборный манифест и моя широко разрекламированная речь, а с другой — если мы дали разрешение американскому банку, то...

Слава богу, Хамфри подоспел мне на выручку!

— Господин министр обеспокоен тем, что при нынешних темпах строительства небоскребы скоро заслонят небо.

С благодарностью кивнув ему, я многозначительно повторил:

— Да, заслонят!

— Господин министр также обеспокоен тем, — спокойно продолжал мой постоянный заместитель, — что приток новых работников банка существенно увеличит нагрузку на общественный транспорт в районе.

Тут Хамфри повернулся ко мне за подтверждением, и я с готовностью изобразил озабоченность судьбой общественного транспорта. Сэр Хамфри демонстрировал высший пилотаж.

— Кроме того (теперь его уже не остановишь!), по мнению господина министра, ваше здание затемнит спортивную площадку сент-джеймской начальной школы. Вот здесь... — он показал на карте, — а также будет нависать над множеством частных домов, что в принципе можно рассматривать как вторжение в личную жизнь свободных граждан.

— Вот-вот, свободных граждан, — с удовольствием согласился я.

— И наконец, — без зазрения совести фантазировал Хамфри, — как весьма проникательно отметил господин министр, вашему банку практически рядом принадлежит пустующая территория, которую можно и нужно использовать, если вы хотите расширяться.

Сэр Десмонд вопросительно посмотрел на меня.

— Где?

Я наугад ткнул в карту.

— Здесь.

— Да, но это же река! — заявил он, склонившись над столом.

Я нетерпеливо покачал головой, как бы осуждая его за тупость. К счастью, Хамфри снова выручил меня.

— Очевидно, господин министр имел в виду вот это место, — спокойно заметил он.

Сэр Десмонд снова склонился над столом.

— Оно действительно наше?

— Вообще-то, да, сэр Десмонд, — прошептал Кроуфорд.

— И что мы собираемся с ним делать?

— Оно запланировано для третьей фазы.

Сэр Десмонд повернулся ко мне и громко, будто я не слышал Кроуфорда, произнес:

— Оно запланировано для третьей фазы. Кроме того, оно по-

меньшей мере футах в четырехстах от главного здания, членам Совета трудно будет ходить на обед в такую даль. И тем более возвращаться после обеда.

«Пора заканчивать эту бессмысленную болтовню», — подумал я и твердо сказал:

— Я думаю, всем все ясно. Вы, конечно, можете подавать официальную заявку, но мое решение останется неизменным, уверяю вас.

Бернард предупредительно открыл дверь. Сэр Десмонд с видимой неохотой поднялся.

— А если мы сделаем другой рисовый пудинг? — спросил он.

Что это — ранние симптомы старческого маразма?

— Пудинг? — переспросил я.

Хамфри с присущим ему умением разрядил обстановку.

— Э-э... на жаргоне банкиров это означает высотные здания, господин министр.

— Ах так! — с непонятым сарказмом произнес сэр Десмонд. Бедняга!

Когда они ушли, я сердечно поблагодарил Хамфри за оказанную им помощь. Он, по-моему, был очень доволен.

Мне действительно хотелось выразить ему свою признательность. Ведь я знаю, что они с Десмондом Глейзбруком старые приятели.

— Да, мы давно знакомы, господин министр, — подтвердил он. — Но даже многолетняя дружба — ничто по сравнению с обязанностью государственного служащего при всех обстоятельствах поддерживать своего министра.

Безусловно!

Мне пора было на городскую ферму. Я заторопился, однако Хамфри остановил меня и подал на подпись какой-то документ. По его словам, весьма срочный. Административный указ, дающий государственным органам временное право распоряжаться земельными участками — какими именно, я не разобрал. При этом он начал нудно и многословно объяснять, почему требуется моя подпись, а не решение палаты. В общем, очередная бюрократическая возня.

Надо бы ему выговорить, чтобы не подсовывал мне документов, видя, что я опаздываю на важную встречу.

А впрочем, плевать!

ВСПОМИНАЕТ СЭР БЕРНАРД ВУЛИ:

«Сэр Хамфри обвел Хэкера вокруг пальца, да так ловко, что тот ни о чем даже не догадался.

В соответствии с упомянутым указом государственные органы получили временное право распоряжаться пустующими земельными участками, находящимися в ведении местных властей до принятия решения об их застройке.

На вопрос Хэкера, почему требуется его подпись, а не решение па-

латы, сэр Хамфри вполне справедливо ответил, что в палату направляются только законодательные документы. А в данном случае речь шла о простом административном указе, который, в соответствии с подразделом 3 раздела 7 административного закона об окружающей среде, давал министру право издавать такие указы применительно к небольшим пустующим участкам.

Изложив все это ничего не понимающему Хэкеру, сэр Хамфри не без юмора добавил:

- Вам ведь этот указ хорошо известен, господин министр.

По-моему, он обошелся с Хэкером просто по-хамски.

Причем, надо заметить, даже я не сразу осмыслил этот ловкий ход. Не сразу понял, зачем он под предлогом срочности вынудил Хэкера подписать этот документ.

Срочности, естественно, не было никакой, объяснил он мне позднее, все дело в принципиальном подходе. Важен любой документ, отделяющий министров от принятия решений.

Я спросил почему. Он отчитал меня за бестолковость. Переход этой функции de facto к Уайтхоллу способствует отделению государственного управления от политики. По мнению сэра Хамфри, в этом — единственная надежда Британии на выживание.

О срочности же можно говорить только в одном смысле: если требуется подписать у министра что-либо без лишних вопросов, лучше всего подождать, когда он будет очень спешить. Министры наиболее уязвимы, когда им не дают времени сообразить, что к чему.

Вот почему мы всюду стараемся не давать им передышки».

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

Найти тему для выступления совсем непросто. Нам же, политическим деятелям, приходится выступать по несколько раз в день и по самым разным поводам: выборы местных властей, выборы в Большой Лондонский совет, дополнительные выборы, открытия празднеств или домов для престарелых в деревнях — практически каждую неделю в моем избирательном округе что-нибудь да происходит.

Кроме того, в каждом из моих выступлений должно содержаться нечто новое и интересное, но... не слишком новое, ибо тогда об этом прежде надо было бы говорить в палате общин, и... не слишком интересное, ибо в этом случае по радио или телевидению обо всем бы уже объявили. Лично я всегда рассчитываю на своих помощников: уж они обязательно найдут что-то такое, о чем можно смело сообщить общественности и что так или иначе приходится обсуждать в правительстве. Но при этом необходимо внимательно следить за тем, чтобы они в излишнем усердии не допустили какого-нибудь жуткого ляпа. Исходиться-то он будет от меня!

Большинство государственных служащих, как правило, не умеют писать речи, зато они большие мастера найти изюминку. Кроме того, они хорошо чувствуют подводные камни и каждый раз должны предупреждать меня.

На сегодня у меня запланировано выступление общего характера — с такими я часто появляюсь в последнее время, поскольку они нравятся практически всем.

У ворот городской фермы нас — то есть меня, пресс-секретаря Билла Причарда и Бернарда — встретила энергичная дама средних лет, некая миссис Филлипс, заведующая фермой.

Затем нас дважды заставили подъезжать к ферме, чтобы телеоператор Би-би-си мог заснять наше прибытие.

На третий раз он, похоже, остался доволен, и миссис Филлипс произнесла короткую и на редкость бестактную приветственную речь. Что-то вроде: «Я вам признательна... мы обращались к самым разным знаменитостям, но ни у кого не нашлось времени...»

Я повернулся к оператору и потребовал прекратить съемку. Этот наглец и ухом не повел, как ни в чем не бывало, продолжая стрекотать своей камерой. Я еще настойчивей выразил свое требование, затем то же самое приказал ему режиссер — и только тогда он соизволил выключить камеру. Я распорядился немедленно вырезать нелепую речь миссис Филлипс.

— Но... — начал было режиссер.

— Никаких «но», — оборвал я. — Не забывайте о лицензии.

Конечно, это прозвучало как милая шутка, но мы оба знали, что я не шучу. С Би-би-си всегда намного проще иметь дело, когда подходит срок возобновления лицензии.

Похоже, на него произвели впечатление и мой профессионализм, и мое умение в шуточной форме поставить вопрос ребром.

Естественно, я почти ничего не знаю о городских фермах (откуда же?), зато знаю, что люди больше всего любят говорить о себе и своей работе. Потому я обратился к миссис Филлипс (к тому времени уже державшей на руках поросенка):

— Расскажите об этом поподробней.

— Поподробней? Хорошо. Так вот, это — поросенок... — начала она.

Глупая женщина. Есть в ней что-то ослиное. Или, может, лучше сказать «поросинное»? *(Одна из характерных шуточек Хэке-ра. — Ред.)*

Я терпеливо объяснил ей, что меня интересует не поросенок, а городская ферма.

Оказывается, таких ферм что-то около пятидесяти. Они создаются на пустырях, чтобы городские дети, лишенные общения с природой, имели возможность хоть немного приобщиться к сельскому хозяйству.

Очень гуманная идея!

Меня сфотографировали вместе с миссис Филлипс, с персоналом фермы, с детьми и поросятами. Затем настало время самого главного — моего выступления. Когда я обнаружил, что Бернард дал мне не ту речь, меня на какой-то момент охватило смятение. Но я быстро овладел собой.

ВСПОМИНАЕТ СЭР БЕРНАРД ВУЛИ:

«Хэкер здесь не совсем точен. Сначала мы не могли выяснить, у кого выступление: у меня или у него. Я хорошо помнил, что отдал текст ему, но он, очевидно, забыл об этом и потребовал, чтобы я порылся в своем портфеле. Текст действительно лежал там. Хэкер схватил его и, не раздумывая, зачитал:

„Мне доставляет самое искреннее удовольствие быть вашим гостем.

Мы живем в век стремительных перемен. Компьютерные микропроцессоры разительно меняют наш быт. Сейчас на первый план выступает фактор качества жизни: окружающая среда, проблема загрязнения, будущее наших детей и детей наших детей — вот важнейшие вопросы современности!

Растущее беспокойство людей справедливо вызывает наступление небоскребов, в связи с чем я счастлив заверить вас — членов Ассоциации архитекторов — в том, что...»

Короче говоря, Хэкер зачитал речь, которую сам отдал мне после встречи в Ассоциации архитекторов и которую я, естественно, положил в свой портфель.

Последовала неловкая пауза. Я шепотом посоветовал ему посмотреть в карманах. Он сунул руку и тут же обнаружил текст сегодняшнего выступления. Хэкер вытащил листок и стал читать.

К сожалению, это лишь усилило общее замешательство.

„Мне доставляет самое искреннее удовольствие быть вашим гостем.

Мы живем в век стремительных перемен. Компьютерные микропроцессоры разительно меняют наш быт. Сейчас на первый план выступает фактор качества жизни: окружающая среда, проблема загрязнения, будущее наших детей и детей наших детей — вот важнейшие вопросы современности!

Такие фермы, как ваша, заметно скрашивают и обогащают жизнь городских детей. По мнению правительства, они играют важную роль в воспитании подрастающего поколения, поэтому мы, члены правительства, сделаем все возможное для успешного развития этого движения.

С днем рождения!»

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

После выступления Сью Лоули из телепрограммы «По стране» взяла у меня интервью в окружении животных и детей.

Пока съемочная группа расставляла всех по местам, миссис Филлипс, отведя меня в сторонку, спросила, может ли она в самом деле рассчитывать на мою поддержку. Конечно, может, заверил я ее. Тогда она объяснила, что в конце года истекает срок аренды участка под ферму и его необходимо продлить.

Влезать в их дела мне было совсем ни к чему. Мой визит сюда преследовал чисто рекламные цели, да и разбирался я во всем этом недостаточно, чтобы связывать себя конкретными обещаниями. Поэтому, осторожно заметив, что городские фермы находятся вне сферы моей компетенции, я лишь в общих чертах подтвердил свою готовность делать все возможное для успешного развития этого движения как такового.

Перед включением камеры мне на колени водрузили какого-то дурно пахнущего ребенка неопределенного пола с замусоленным леденцом в руке. Я постарался изобразить довольную улыбку, но, боюсь, она походила скорее на гримасу отвращения.

Затем Лоули задала миссис Филлипс первый вопрос:

- Миссис Филлипс, правда ли, что срок аренды вашей чудесной фермы истекает в этом году?

Я ушам своим не поверил, когда услышал в ответ:

— Да, нас это очень беспокоило, но я только что переговорила с господином министром, и он обещал все уладить.

Какая наглость! Я был вне себя от возмущения. Тем более что Сью Лоули тут же повернулась ко мне и спросила, каким образом я намерен уладить проблему с арендой.

Я попытался отделаться ничего не значащими фразами вроде «необходимо внести полную ясность», «видимо, в конечном итоге» и т. д., и т. п., но, боюсь, так и не сумел категорически опровергнуть беспардонное утверждение миссис Филлипс. Вместо этого я с удивлением — как бы со стороны — услышал собственные слова: «Сейчас на первый план выступает фактор качества жизни: окружающая среда, проблема загрязнения, будущее наших детей и детей наших детей — вот важнейшие вопросы современности!»

(По счастливой случайности, нам в руки попали записки, которыми в последующие несколько дней обменялись сэр Фрэнк Гордон, второй постоянный заместитель казначейства, и сэр Хамфри Элби. — Ред.)

H M Treasury

Sir Frank Gordon
Second Permanent Secretary

16/IX

Dear Humpty,

Saw your chap on the television last night, cuddling a rabbit. Apparently sees himself as the St. Francis of Tower Hamlets. Was he after the rodent vote?

Am still desperately concerned about the lack of parking space at Tower House. It's now the major blockage to the recruitment of Inland Revenue inspectors.

Any possibilities?

Yours ever

Frank

Дорогой Хампи!

Вчера вечером видел по телевизору вашего «парнишку» с кроликом в руках. По-моему, он уже начал выступать в роли святого Франциска. Ему что, нужны голоса грызунов?

Меня по-прежнему весьма беспокоит острая нехватка места для стоянки автомашин в Тауэр-хаус. Это очень мешает расширению штата налоговых инспекторов. Есть ли какие-нибудь возможности?

DEPARTMENT OF
ADMINISTRATIVE AFFAIRS

From the Permanent Under-Secretary of State

Dear Frank,

The problem is solved. Two days ago I got the authority to use the 1½ acre local government site behind Tower House. The lease is running out, and there are no utilisation plans.

Official notification will follow in due course — the wheels are in motion.

Yours over

Humpty

16/ix

Дорогой Фрэнк!

Проблема фактически решена.

Два дня назад мне было предоставлено право распорядиться по своему усмотрению участком в 1,5 акра за Тауэр-хаус. Срок аренды участка истекает в конце года, и местные власти на него пока не претендуют.

Официальное уведомление будет направлено в должное время — колеса крутятся.

H M Treasury

Sir Frank Gordon
Second Permanent Secretary

17/11

Dear Humphy,

Do you mean you got an order
under section 7 subsection 3 ?

Frank

Дорогой Хампи!

Ты хочешь сказать, что получил это право в соответствии с подразделом 3 раздела 7?

DEPARTMENT OF
ADMINISTRATIVE AFFAIRS

From the Permanent Under-Secretary of State

Dear Frank,

As our American Allies would say, affirmative.

The site is currently used as a City Farm for schoolchildren. It is the very one visited by St Francis, indeed.

It can be argued that these places are unhygienic, a danger to public health etc.

I suggest you move quickly, before the lease is renewed.

Yours ever

Stump

17/IX

Дорогой Фрэнк!

Как ответили бы наши американские союзники — «утвердительно». В настоящее время этот участок занимает городская ферма для школьников. Та самая, которую недавно посетил «святой Франциск».

Мы можем настаивать на том, что из-за несоблюдения норм гигиены такие фермы угрожают здоровью общества и т. д., и т. п.

Советую предпринять соответствующие шаги уже сейчас, а не ждать, пока будет продлен срок аренды.

H M Treasury

Sir Frank Gardsu
Second Permanent Secretary

20/IX

Dear Humpy,

Very grateful for the help. Won't it put St. Francis in a bit of a spot? Or is that what you wanted?

Frank

Дорогой Хампи!

Искренне признателен за помощь. Но не окажется ли «святой Франциск» в дурацком положении? Или вы этого и хотите?

DEPARTMENT OF
ADMINISTRATIVE AFFAIRS

From the Permanent Under-Secretary of State

Dear Frank,

Yes.

Yours ever

Jimmy

20/ik

Дорогой Фрэнк!
Да.

(Мы также обнаружили короткое послание сэра Хамфри
Элби сэру Десмонду Глейзбруку. — Ред.)

DEPARTMENT OF
ADMINISTRATIVE AFFAIRS

From the Permanent Under-Secretary of State

Dear Desmond,

I think I have found out how I
can get the Minister to eat up
his rice pudding.

Yours ever

J.

20/jk

Дорогой Десмонд!

Кажется, я нашел способ заставить министра съесть рисовый пудинг.

Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

20 сентября

«Стэндард» почему-то не опубликовала на прошлой неделе репортажа о моем визите на городскую ферму.

Зато сегодня мне посвящен целый разворот. Превосходно!

На одной фотографии я снят с утенком, на другой — с темнокожей девочкой. Отличная реклама для меня и... конечно, для министерства.

Утром мы с Биллом Причардом обсуждали перспективы посещения мною аналогичных ферм в других городах — Бирмингеме, Манчестере, Глазго, Ньюкасле, то есть в зонах особого развития *(новый эвфемизм для неустойчивых избирательных округов. — Ред.)*

Нашу оживленную беседу прервал Бернард, сообщивший, что эта треклятая миссис Филлипс заявила в МАД и требует немедленной встречи со мной.

Увидев на моем лице немой вопрос: «Какого черта ей от меня надо?» — Бернард объяснил:

- Сегодня утром она получила официальное уведомление о том, что в связи с истечением срока аренды ферма закрывается, а участок будет передан налоговому управлению казначейства под автостоянку.

Мы сидим на пороховой бочке! Нетрудно себе представить, какими заголовками будут пестреть завтрашние газеты: «СБОРЩИКИ НАЛОГОВ ИЗГОНЯЮТ ДЕТЕЙ И ЖИВОТНЫХ!», «ЗАЧЕМ ОБЕЩАТЬ, ЕСЛИ НЕ МОЖЕШЬ ВЫПОЛНИТЬ? К ВОПРОСУ О ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ ХЭКЕРА НА ГОРОДСКОЙ ФЕРМЕ» и т. д., и т. п.

- Этого ни в коем случае нельзя допустить! — категорически заявил я Бернарду. — Какой идиот санкционировал такое решение?

Он смущенно уставился на собственные туфли.

- Боюсь... э-э... вы, господин министр.

Оказывается, административный указ, который под предложом крайней срочности подсунул мне на подпись Хамфри два дня назад, дает право государственным ведомствам распоряжаться земельными участками, находящимися в ведении местных властей.

Я попросил Бернарда немедленно вызвать сэра Хамфри и добавил, что мы стоим на грани самой страшной катастрофы двадцатого века.

- Если, конечно, не считать двух мировых войн, — пробормотал Бернард, снимая телефонную трубку.

Я велел ему заткнуться. Мне сейчас только до идиотских шуточек! Воевать на побережье — это одно, а выгонять беззащитных детей ради машин налоговых инспекторов — совсем другое. Иная категория.

Едва войдя в кабинет, сэр Хамфри принялся петь мне дифирамбы по поводу удачного телеинтервью на городской ферме. Он что, принимает меня за полного кретина? Я не дал ему договорить и потребовал объяснений.

— Да-да, разумеется, — согласился он. — Казначейство, действуя в соответствии с подразделом три раздела семь закона об окружающей...

— Это надо немедленно остановить, — резко перебил я.

Он покачал головой и вздохнул.

— К сожалению, господин министр, это решение казначейства и не подлежит нашей юрисдикции.

- Я отменю указ!

— Увы, это практически невозможно. Или в высшей степени нежелательно. Или потребует законодательного вмешательства. В любом случае никто не может отменить решение, принятое в период, когда указ оставался в силе.

Пока я обдумывал слова Хамфри, в кабинет с воплем: «Плевать мне, с кем он разговаривает, хоть с самой королевой или папой римским!» — ворвалась миссис Филлипс.

— Иуда! — прошипела она вместо приветствия.

— Успокойтесь, прошу вас, — попросил я.

— Вы обещали помочь нам? — Она сменила шипение на рычание.

— Ну да... э-э... обещал.

— Тогда добейтесь продления срока аренды!

В разговор вмешался сэр Хамфри.

- К сожалению, уважаемая, господин министр не в силах...

Не дослушав его, она продолжала:

— Господин Хэкер, вы дали нам слово. Вы собираетесь его сдержать?

Такая постановка вопроса меня никак не устраивала. «Надо внести ясность», — подумал я и сказал:

— Да, в том смысле, что я... безусловно... э-э... понимаете, я, собственно, не давал слова... то есть я, конечно, буду изыскивать возможности, не пожалею усилий, сделаю все возможное... - Что-то в этом духе.

Миссис Филлипс оказалась не душой.

— Иными словами — нет! — заключила она.

Честно говоря, такая категоричность застала меня врасплох. Я растерянно пробормотал «нет», затем, подумав, что это звучит слишком однозначно, сказал «нет, я имею в виду да», но это показалось мне опасным, поэтому я добавил, что под «нет» я ни в коем случае не имел в виду «нет».

Увы, худшее было впереди.

— Только не говорите, что я вас не предупреждала, — заявила она. — Мой муж — заместитель заведующего отделом в «Экспресс». Завтра утром вас смешают с дерьмом! Все газеты страны будут поджаривать вас живьем!

В кабинете воцарилось гробовое молчание после того, как она с видом победительницы прошествовала мимо нас и вышла, на прощание громко хлопнув дверью. Первым опомнился Хамфри.

— Да, мало кому из смертных удастся в течение двадцати четырех часов побывать и святым Франциском, и святым Иоанном, — ободряюще заметил он.

Ясно было одно: закрытия фермы допустить нельзя. Но как? Ясно и другое: на помощь моего постоянного заместителя рассчитывать не приходится.

21 сентября

Сегодня в «Экспресс» обо мне, слава богу, ни слова. Уже легче! Хотя трудно поверить, что скандальную историю с фермой оставят без последствий.

И точно. В министерстве Бернард первым делом сообщил мне о телефонограмме с просьбой позвонить в эту треклятую бульварную газетенку. А также о желании сэра Десмонда срочно встретиться со мной по неотложному делу. Я хотел назначить ему на следующую неделю, но Бернард сказал, что сэр Десмонд звонил из вестибюля министерства. Потрясающе!

Выхода не было, пришлось его принять. Следом за ним в кабинет, естественно, вошел сэр Хамфри.

Глейзбрук с порога заявил, что у него возникла блестящая идея насчет девяти дополнительных этажей нового здания банка. Я с трудом подавил желание указать ему на дверь. А он с энтузиазмом принялся объяснять, что, имея не шесть, а девять дополнительных этажей, его банк мог бы на семь лет отложить начало третьей фазы, то есть еще семь лет не занимать пустующего участка.

Я не уловил хода его мыслей.

— Ну и что?

— Как что? — удивился он. — Я тут прочитал в «Файнэншл тайме» — вчера или позавчера, точно не помню — о вашем посещении городской фермы. Блестящая идея. Так вот, мне вдруг пришло в голову, что, поскольку этот участок всего в двухстах ярдах от фермы, его можно использовать... вернее, ферму надо будет переместить... э-э... по тем или иным причинам... в общем, там места хватит... Мы даже придумали для нее название — «ПРИЮТ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ ИМЕНИ ДЖЕЙМСА ХЭКЕРА»... (Они с Хамфри обменялись взглядами.) э-э... «приют домашних животных». И к тому же девять этажей — это не так уж много, правда?

Они действовали заодно, это было видно невооруженным глазом. И все же они предлагали единственный реальный выход из тупика: сохранение городской фермы в обмен на разрешение строить банк-небоскреб.

Невероятно, и как только мне в голову могло прийти, что Хамфри способен принять мою сторону против своего старого друга Глейзбрука! Хотя такая привязанность совсем не в духе сэра Хамфри. Похоже, Глейзбрук чем-то его держит... Интересно, чем?

Однако догадки догадками, а разрешению на строительство высотного банка надо было придумать веское оправдание — и побыстрей. Официальное прошение будет подано лишь через несколько дней, но я считал себя морально обязанным «спасти лицо» и найти достойные аргументы именно сейчас, в присутствии Бернарда. К счастью, все с готовностью помогли мне в этом.

— Понимаете, Хамфри, — как бы размышляя вслух, сказал я, —

по-моему, правительство не должно оставаться равнодушным к судьбе мелких предприятий.

— Вообще-то, банк трудно назвать мелким предприятием, — заметил Бернارد.

— Значит, он станет таковым, если мы лишим его простора, — отрезал я. — Кстати, Бернارد, как вы полагаете, изменит ли еще один небоскреб общую картину, раз их и без того хватает?

— Естественно, нет, — поддержал меня сэр Хамфри.

— Тогда надо немедленно объявить о нашем решении, — подытожил я.

Мы все пришли к единодушному выводу, что новое высотное здание выгодно во всех отношениях: оно загородит школу от ветра, увеличит доход общественного транспорта... Что же касается вмешательства в личную жизнь свободных граждан, то владельцам окрестных домов наверняка приятно будет выйти во двор, поднять голову и... посмотреть, что там происходит за окнами банка. Не так ли?

— Ведь ни для кого не секрет, — со значением добавил я, — что время от времени там действительно случаются необычайные вещи, верно, Хамфри?

Мой постоянный заместитель нашел в себе силы улыбнуться.

— Да, господин министр, — согласился он.

ПРОБЛЕМА ЛОЯЛЬНОСТИ

27 сентября

Завтра отбываю с официальным визитом в Вашингтон. Честно говоря, мне совсем не улыбается отсутствовать целую неделю. Кроме того, не вижу в этом особой необходимости. Однако сэр Хамфри убежден в обратном: чем дольше продлится мой визит, тем ошутимее будут дипломатические результаты.

Мне предстоит выступить на международной конференции по проблемам администрации и управления. Питер Уилкинсон, один из помощников Бернарда, подготовил для меня блестящую речь, в которой немало ярких, впечатляющих фраз, таких, например, как: «Британская модель управления может служить образцом эффективности, лояльности и бескорыстного служения долгу... Объявлена непримиримая война бесхозяйственности и расточительству... Мы безжалостно искореняем волокиту, очковтирательство и тому подобные явления — бюрократам пощады нет!.. Англия показывает пример всему миру!» Мощный, динамичный материал.

Тем не менее я на всякий случай спросил у Хамфри, сможем ли мы доказать, что все это правда. Мой постоянный заместитель ответил: «Хорошей речью считается не тогда, когда оратор может доказать, что говорит правду, а тогда, когда невозможно доказать, что он лжет».

Разумно!

Надеюсь, моя речь получит широкое освещение и в лондонской прессе.

ВСПОМИНАЕТ СЭР БЕРНАРД ВУЛИ:

«Я прекрасно помню, как сэр Хамфри старался спровадить Хэкера в какой-нибудь заграничный вояж. В какой угодно — лишь бы подальше и подольше.

По его мнению, Хэкер стал слишком хорошо разбираться в делах министерства. Лично меня это только радовало, но у сэра Хамфри вызывало сильное беспокойство.

Честно говоря, я тоже был не прочь съездить в Вашингтон, однако по настоянию сэра Хамфри министр взял с собой одного из моих помощников, чтобы он «поднабрался опыта и чувства ответственности».

Дней через пять-шесть после отъезда Хэкера сэр Хамфри пригласил меня к себе в кабинет и поинтересовался, как мне работается без министра. «Довольно трудно», — простодушно ответил я. Тут, как говорят, и поскользнулся на ровном месте — сэр Хамфри не преминул мне на это указать. В конце дня я получил от него записку, содержание которой он рекомендовал мне вызубрить наизусть.

«Бернард!

Отсутствие министра желательно прежде всего потому, что появляется возможность выполнять работу спокойно и хорошо. Мы как минимум избавлены от:

- 1) глупых вопросов;
- 2) гениальных идей;
- 3) суесть по поводу высказываний прессы.

Семь дней визита плюс подготовка до и отчет после поездки, не говоря уж о необходимости наверстывать упущенное, означают, что фактически целых две недели он не мешает министерству заниматься делами.

К тому же даже кратковременная отлучка министра может быть использована как отличный предлог, чтобы не давать ему тех или иных сведений. Если же в течение ближайших шести месяцев он вдруг выразит недовольство по этому поводу, можно всегда сослаться, что эти сведения поступили во время его отъезда».

(Продолжение воспоминаний сэра Бернарда Вули. — Ред.)

Для 70—80-х годов вообще характерно значительное увеличение количества совещаний в верхах. Это полностью соответствовало целенаправленной политике Уайтхолла: сконцентрировать всю власть на Даунинг-стрит, 10 и... почта отправляет премьер-министра на встречи с высшими руководителями ЕЭС, НАТО — куда угодно! — чтобы в его отсутствие секретарь кабинета мог управлять страной, как положено.

Мы также обсудили вашингтонскую речь Хэкера, которую написал для него мой помощник Питер.

Я высказал опасение, что речь несколько скучновата, хотя Питер — отличный парень и, безусловно, проделал большую работу.

Сэр Хамфри полностью со мной согласился («От нее даже мухи содохнут со скуки») и добавил, что заранее сочувствует тем, кому придется выслушать ее до конца. «И все же Питер написал отличную речь!» — неожиданно заключил он.

Из дальнейших его слов я понял, что по-настоящему хорошие речи вообще никогда не пишутся для тех, перед кем их произносят. Выступление перед аудиторией — всего лишь формальность, необходимая для сообщения в прессе. «Развлекать людей не входит в нашу задачу, — пояснил он. — Мы не сценарии пишем для комедиантов... во всяком случае, не для профессиональных комедиантов».

По его глубочайшему убеждению, ценность речи в том, что в ней публично высказываются правильные, нужные мысли. Соответственно, как только отклики на нее появились в прессе, министр просто вынужден защищать государственную службу во всех инстанциях, включая межпартийный парламентский комитет.

Тут я встал на защиту господина министра, сказав, что он и так всегда на нашей стороне. Сэр Хамфри сочувственно посмотрел на меня. «О да, все они на нашей стороне... пока дела идут нормально, — заметил он. — Но чуть что не так, первые отдадут свои министерства на закланье».

Вот почему, готовя для министра речь, государственные служащие всегда стремятся пригвоздить к мачте его штаны — не знамя, а штаны, чтобы ему некуда было деваться!

Рассуждения сэра Хамфри, как всегда, оказались верны, однако он не принял в расчет коварства Хэкера».

*(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.) 4
октября*

Сегодня вернулся из Вашингтона. В целом визит прошел вполне успешно, хотя мое выступление, следует признать, не произвело особого впечатления. Вывод: подготовку важных речей нельзя доверять аппарату. Они пишут правильные, нужные вещи, но звучит все это, черт побери, так занудно!

На работе полнейший завал: ряды красных кейсов, гора всевозможнейшей документации, сотни стенограмм, докладных, распоряжений...

Сомневаюсь, что мне удастся когда-нибудь его разобрать. Уже завтра я должен предстать перед межпартийным парламентским комитетом на слушании по вопросу об эффективности работы министерства. А это означает, что мне в срочном порядке необходимо прочитать массу материалов. Причем не просто прочитать, но и осмыслить. Мало того — не только осмыслить, но и удержать в памяти. А поскольку их готовил один из моих помощников, значит, и написаны они, скорее всего, не по-английски, а по-уайтхоллски.

Слава богу, в прессе появились отклики на мою речь, так что хоть с этим все в порядке.

В кабинет заглянул сэр Хамфри — поприветствовать меня и поговорить о предстоящем слушании в комитете.

— Вы, конечно, понимаете всю важность этого мероприятия, господин министр!

— Естественно, понимаю. Там же будут представители прессы!

(Как и большинство политических деятелей, Хэкер, если о нем не писали в газетах, переставал верить в собственное существование. — Ред.)

— Дело не в прессе, — возразил мой постоянный замести- тель. — Там будет решаться судьба министерства. И если члены комитета придут к выводу о нашей некомпетентности или о неоправданно высоких расходах...

Я перебил его.

— А у нас с некомпетентностью и неоправданно высокими расходами все в порядке?

— Ну еще бы! — с пафосом воскликнул он. — Но не надо забывать: среди членов комитета немало враждебно настроенных к нам людей. В особенности эта... от Ист-Дербишира.

Я и не предполагал, что Бетти Олдхэм тоже член комитета. Хамфри вручил мне увесистую папку, из которой торчало множество красных, желтых и голубых закладок.

— Господин министр, рекомендую вам как можно внимательнее изучить эти материалы, — сказал он и добавил, что я могу рассчитывать на него, если возникнут какие-либо затруднения.

Ну, это уж слишком! Я устал, еще не пришел в себя после долгого, утомительного перелета! Хватит с меня и той папки, которую просмотрел в самолете!

— Что в ней было? — спросил Хамфри.

Вопрос поставил меня в тупик. К сожалению, это я припомнить не мог. Объяснил, что в самолете просто невозможно собраться с мыслями: там все время предлагают напитки, показывают мультфильмы, будят...

— Да-да, господин министр, мыслимое ли дело — собраться с мыслями, если тебя все время будят, — посочувствовал он, однако упрямо ткнул пальцем в папку с закладками, уверяя, что в ней я найду ответы на все вопросы, которых следует ожидать от членов комитета, а также тщательно продуманные аргументы и факты в защиту позиции нашего министерства.

— Надеюсь, они абсолютно точны, — заметил я.

— Они абсолютно точно отражают позицию МАДа, господин министр, — дипломатично ответил он.

— Хамфри, учтите, это не шутки. Члены комитета ни в коем случае не должны заподозрить, будто я сознательно пытаюсь ввести их в заблуждение.

— Господин министр, достопочтенные члены комитета этого ни в коем случае не заподозрят.

Его ответ меня насторожил. По-моему, тут что-то не так.

— Скажите, Хамфри, здесь все правда? — Я положил руку на папку.

— Правда, одна только правда, ничего, кроме правды! — торжественно заверил он.

— Вся правда?

— Разумеется, нет, господин министр. — Он нетерпеливо заерзал на стуле.

— Значит, мы даем им понять, что частично скрываем правду? — в замешательстве спросил я.

Мой постоянный заместитель покачал головой и снисходительно улыбнулся.

— Ну, нет!

— Почему?

— Желаящий сохранить тайну да сохранит в тайне, что у него есть тайна, — глубокомысленно произнес он и вышел из кабинета.

Цитата меня очень заинтересовала.

— Кто это сказал? — спросил я Бернарда.

Он недоуменно посмотрел на меня, затем на дверь, через которую только что вышел сэр Хамфри.

— Сэр Хамфри.

(Примечательный факт: Хэкер отнюдь не был возмущен предложением утаить от членов комитета некую информацию или

даже сказать им неправду. В правительственных кругах того времени подобная ложь считалась «ложью во спасение». В ряде вопросов от министра ничего, кроме лжи, и не ожидали: вздумай он сказать правду, его сочли бы глупцом. Например, министр никогда не должен констатировать рост инфляции или девальвацию фунта стерлингов, к тому же он призван постоянно заявлять о стабильности и надежности нашей обороны. — Ред.)

Обессиленный — ночь в самолете и день в МАДе вконец меня доконали, — я сидел за столом и тупо смотрел на увесистую папку.

— И почему только министр не может шагу ступить без всех этих папок, досье, рекомендаций? — вслух посетовал я.

— Наверное, чтоб никогда не быть застигнутым врасплох, — обнадеживающе заметил Бернард.

Он предусмотрительно не назначил на сегодня никаких встреч, так что мы могли спокойно поговорить. Оказывается, в самолете я читал подновленный вариант отчета, который министерство готовило в прошлом году. И в позапрошлом, и в позапозапрошлом — иными словами, каждый год, начиная, вероятно, с 1868-го. Я заметил Бернарду, что желание читать отчет пропадает уже после первой фразы: «В задачу МАДа входят поддержка и обеспечение административной деятельности всех государственных учреждений».

— О нет, господин министр, как раз эта часть довольно интересна, — возразил он.

— Чем же?

— Понимаете, если взять самый первый отчет за тысяча восемьсот шестьдесят восьмой год, когда Гладстон создал наше министерство, то увидите, что вводная фраза звучала несколько иначе: «Министерство несет ответственность за обеспечение экономного и эффективного функционирования правительства».

— Та-а-к, — протянул я. — Вот, значит, для чего оно было создано.

— Совершенно верно. Но такая формулировка со временем стала для нового министерства тяжелой обузой: ведь ему приходилось нести ответственность за все проявления неэффективности и бесхозяйственности. По-моему, Гладстон именно того и добивался. Поэтому, когда в воздухе запахло жареным, наши предшественники прибегли к обычному варианту...

— Что значит «обычный вариант»? — любопытствовал я.

Оказывается, на языке государственной службы «обычный вариант» означает, что сначала надо получить штаты, бюджет и помещение, а потом без лишнего шума изменить формулировку «Положения». Таким образом, в 1906 году вводная фраза стала гласить: «Министерство призвано способствовать эффективному и экономному функционированию правительства». Тем самым снималась ответственность.

В 1931 году задачей министерства было «оказывать помощь

всем государственным учреждениям в их стремлении к эффективному и экономному осуществлению административных функций». В результате ответственность перекадывалась на другие ведомства. А в 1972 году, когда из «Положения» были убраны неудобные определения «эффективный» и «экономный», в задачу министерства уже входили лишь «поддержка и обеспечение административной деятельности всех государственных учреждений». Иначе говоря, потребовалось всего сто четыре года, чтобы избавиться от всякого напоминания об истинной цели создания этого министерства, которое в упомянутый период выросло более чем в сто шест раз.

Теперь я понимаю реакцию Бернарда, хотя меня все равно клонит ко сну уже к концу первого абзаца. Очевидно, из-за разницы во времени. Как бы там ни было, я должен осилить эту чертову папку, тем более что завтра на слушании будут присутствовать корреспонденты. Спасибо Бернарду, он вовремя напомнил мне об этом.

5 октября

Сегодня я на собственной шкуре испытал, что такое слушание в межпартийном парламентском комитете — настоящая экзекуция, иначе не назовешь.

Происходит все в здании палаты общин, в мрачной готической комнате, где сразу же чувствуешь себя провинившимся мальчишкой.

Посреди комнаты — длинный стол, за ним с одной стороны девять членов комитета. Председатель в центре, справа от него — секретарь. В глубине комнаты два ряда стульев для публики и прессы.

Мне разрешили взять с собой Бернарда, который сел чуть позади, а также Питера Уилкинсона и Джиллиан... убей бог, не помню ее фамилию (*помощники личного секретаря. — Ред.*).

Во вступительном слове я добросовестно перечислил все, что почерпнул из папки сэра Хамфри (мне все-таки удалось ее одолеть), а именно: министерство административных дел функционирует на должном уровне и осуществляет поддержку и обеспечение административной деятельности всех государственных учреждений.

Первой к экзекуции приступила миссис Бетти Олдхэм. Она яростно тряхнула рыжей копной волос, ехидно улыбнулась и спросила, говорит ли мне что-нибудь имя Малькольм Роудс.

- Ничего, — признался я.

- Я имею в виду бывшего помощника личного секретаря министра административных дел, — пояснила она.

- Да, но в МАДе работают двадцать три тысячи человек, и упоминать всех, согласитесь...

Не дослушав меня, миссис Олдхэм завопила, что его, видите ли, заставили уйти, что он был вынужден уехать в Америку, стал там консультантом одной известной фирмы и написал книгу...

- Вот, полюбуйтесь! — И вынула из сумки пачку гранок. - Здесь господин Роудс приводит немало примеров вопиющей бесхозяйственности государственной службы, и в частности вашего министерства.

Книга? Это серьезно. Я даже не знал, что и ответить. Надо посоветоваться, иначе попадешь впросак.

- Нам что-нибудь известно об этом? — нервно зашептал я наху Бернарду.

— Надо же, я и не знал, что Роудс написал книгу, — вместо Бернарда удивился Питер.

А Джиллиан добавила — очевидно, чтобы вселить в меня уверенность:

— Боже, боже мой!

— Кто он такой?

- Смутьян, господин министр, — ответила Джиллиан.

— Ненадежный, недобросовестный человек. Позор всего Уайтхолла! — добавил Питер.

- А о чем, собственно, книга? — спросил Бернард, судя по всему, менее информированный, чем Питер и Джиллиан.

- Мы не знаем...

— Ну, и что прикажете делать? — лихорадочно прошептал я, понимая, что упускаю время.

- Поиграйте с ними в дурочку, — посоветовал Питер.

Советчик нашелся! Мне же надо что-то сказать!

— В дурочку? — негодуяще переспросил я. — Что вы хотите этим сказать?

— Поиграть в дурочку — значит, уклониться от ответов на поставленные вопросы, господин министр, — объяснил Бернард.

Да, в трудную минуту толку от этих государственных служащих не добьешься — они становятся беспомощными, словно только что вылупившиеся цыплята.

— Я знаю, что такое «играть в дурочку», Бернард, — сквозь зубы процедил я. — Вы бы лучше объяснили, как вы могли по слать меня навстречу буре, не дав даже зонта!

- В бурю от зонта мало проку, господин министр.

Ему не удалось закончить свою идиотскую мысль, поскольку ко мне обратился председатель.

— Господин Хэкер, полагаю, вы достаточно посоветовались со своими помощниками?

- Более чем достаточно, — буркнул я.

Председатель кивнул Бетти Олдхэм, та довольно ухмыльнулась, снова трянула рыжей гривой и сказала:

- Позвольте ознакомить вас с некоторыми скандальными фактами, приводящимися в книге господина Роудса. — И она зачитала следующий отрывок: «На херефордширской региональной базе номер четыре имеются два бывших ангара. Они используются только как складские помещения, но отапливаются круглосуточно и летом, и зимой». *(Цитируется по Роудсу. — Ред.)*

— Что вы на это скажете? — обратилась ко мне Бетти.

Сказать мне, естественно, было нечего, поэтому я заметил, что такая детализация вопроса предполагает специальную подготовку.

Миссис Олдхэм согласилась с этим аргументом, однако настаивала, что ее интересуют не частности, а принцип.

— Я хотела бы знать, чем объясняется это чудовищное расточительство.

Председатель и члены комитета выжидательно посмотрели на меня.

— Э-э... некоторые материалы, как известно, при низких температурах быстро приходят в негодность. Все зависит от того, что именно там хранится, — наугад ответил я.

Похоже, мой ответ был ей только на руку, поскольку она не замедлила внести ясность:

— Медная проволока. — И торжествующе улыбнулась.

— Ну... в таком случае... э-э... ведь от сырости медь ржавеет, верно? — предположил я.

— Она в пластиковой оболочке, — отрезала Бетти Олдхэм. Все молча смотрели на меня, точно ожидая чего-то. Чего?

— В пластиковой оболочке? — переспросил я. — Это другое дело. Я дам указание досконально разобраться в этой истории.

Что я еще мог им сказать? Увы, это были только цветочки.

— Господин Роудс также утверждает, что по настоянию вашего ведомства ручки, карандаши, скрепки и прочие канцелярские товары закупаются в централизованном порядке, а потом распределяются по всем учреждениям страны.

— По-моему, довольно разумно. Оптовые закупки дают ощутимую экономию, — опасно заметил я.

Мои опасения оказались не напрасны.

— В книге приводятся данные, свидетельствующие о том, что это обходится в четыре раза дороже, чем если бы учреждения сами закупали себе все необходимое, — заявила Бетти.

Я хотел было возразить, что цифрами можно крутить, как угодно, но вовремя передумал. Ведь у него — или у нее — наверняка имеются конкретные факты. К тому же, как показывает опыт моей работы в МАДе, Роудс, скорее всего, абсолютно прав. Поэтому я сказал ей, что нахожу открытие Роудса заслуживающим внимания и буду только рад изменить систему закупок, если расчеты в самом деле окажутся верны.

— Не такие уж мы твердолобые бюрократы, — шутливо добавил я.

Лучше бы я этого не добавлял!

— Не такие? — холодно осведомилась миссис Олдхэм. — А вот господин Роудс, еще будучи работником вашего министерства, приводил эти данные и настаивал на отмене системы централизованных закупок, однако его предложение было отклонено

под тем предлогом, что «всех устраивает существующий порядок». Это ли не твердолобый бюрократизм?

Идиот! Сам подставил челюсть, словно начинающий боксер. Готовых возражений у меня не нашлось, поэтому оставалось только снова посулить, что я дам указание досконально разобраться в этой истории.

Она презрительно улыбнулась.

— Досконально разобраться?

— Да, досконально.

Я еще держал себя в руках, но уже чувствовал, как мною овладевает глухое раздражение.

— Ладно, пойдем дальше, — многозначительно продолжила Бетти Олдхэм. — Выступая на прошлой неделе в Вашингтоне, вы громогласно заявили, что ваше ведомство ведет непримиримую войну с бесхозяйственностью и расточительством и что всем странам есть чему у вас поучиться, так?

Я кивнул. Миссис Олдхэм сделала паузу (очевидно, для большего эффекта), а затем провела нокаутирующий удар.

— Тогда прошу объяснить в свете этого утверждения, по какой статье проходит теплица стоимостью семьдесят пять тысяч фунтов на крыше Управления выплаты дополнительных пособий в Кеттерлинге?

Я лишился дара речи.

А она саркастически спросила, нет ли у меня желания досконально разобраться и в этом. Дальнейшее сопротивление, пожалуй, не имело смысла — меня намертво зажали в углу ринга, — но и выбрасывать полотенце тоже не хотелось, поэтому я начал объяснять им, что министр занимается выработкой политической стратегии, а не административными вопросами (хотя на самом деле это совсем не так). Трудно сказать, чем бы все закончилось, если бы не весьма уместное вмешательство другого члена комитета — Алана Хьюза, не столь враждебно настроенного к МАДу (*то есть надеющегося со временем оказаться в правительстве или получить иное тепленькое местечко. — Ред.*).

Попросив слова, он обратился к председателю:

— Господин председатель, насколько мне известно, на следующей неделе мы должны заслушать постоянного заместителя министра административных дел. Не целесообразнее ли было бы задать эти вопросы ему?

Председатель согласился и попросил секретаря своевременно уведомить сэра Хамфри Элпби, а также ознакомить его с гранками книги Малькольма Роудса.

6 октября

День начался с неприятных известий. В ряде утренних газет появились статьи под заголовками типа:

**«НОВЫЕ ФАКТЫ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ РАСТОЧИТЕЛЬНОСТИ!»**

Придя на работу, я первым делом вызвал сэра Хамфри. Поразительно, он же еще и обвинил меня в том, что я поставил его в неудобное положение.

Я был возмущен до глубины души.

- А в какое положение поставили меня вы? — с трудом сдерживая гнев, спросил я. — Подумать только: в условиях, когда ПМ требует от всех жесточайшей экономии, у общественности создается впечатление, будто я разбазариваю то, что сберегли другие!

Сэр Хамфри посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

— Господин министр, никто ничего еще не сберег. Пора бы вам это знать.

Он не понимает, что дело совсем не в этом. Да, я знаю, и он прекрасно знает, что я знаю, но общественность... общественность-то не знает!

— Неужели вы не могли поиграть с ними в дурочку? — посетовал он.

— Что вы хотите этим сказать? — вспылил я.

— Поиграть в дурочку — значит, слегка затуманить проблему. Что с вами стряслось, господин министр? Ведь вы такой мастер по части напускания тумана. Вы, как никто, умеете представить белое черным, а черное белым... — Очевидно, он увидел в моих глазах что-то недоброе, поэтому тут же поправился: — Клянусь, я не хотел вас обидеть. Умение напустить туману — одно из основных качеств, которыми должен обладать министр, господин министр.

— А какими еще? — холодно осведомился я.

— Оттягивать решения, уклоняться от ответов, жонглировать цифрами, искажать факты, замалчивать ошибки, перекладывать ответственность, — отбарабанил мой постоянный заместитель.

В принципе он, безусловно, прав, хотя я, ей-богу, не представляю, что еще я мог бы сделать вчера.

- Вы могли сделать вид, будто пытаетесь исправить положение, но для этого требуется время. Обычно у вас это совсем неплохо получается.

Я пропустил его оскорбительный выпад мимо ушей, решив вести разговор только на основе конкретных фактов.

— Хамфри, если в откровениях этого Роудса имеется доля истины...

Он не дал мне договорить:

— Если! Вот именно: если! Вы могли, например, удариться в рассуждения о характере истины.

Пора и мне объяснить Хамфри, что к чему!

— Послушайте, межпартийный комитет меньше всего интересуется характер истины: они все — члены парламента.

— Значит, вам следовало прикрыться соображениями национальной безопасности, — не уступал он.

Идиотизм в квадрате!

— С каких это пор карандаши считаются предметом национальной безопасности? — язвительно спросил я.

- Все зависит от того, кто и что ими пишет.

Гениально! Неужели он на самом деле полагает, что такая, позволения сказать, аргументация способна кого-либо удовлетворить?

— Ну, а зачем мы строим теплицы на крышах государственных учреждений? Тоже из соображений безопасности?

— Нет. Здание строилось по проекту одной американской фирмы, которая собиралась его арендовать. Теплицу же на чертежах просто не заметили...

Я даже рот раскрыл от изумления.

— Оплошность, — продолжал он, — незначительная оплошность, которую любой может допустить.

— Незначительная? — Я не верил собственным ушам. — Незначительная оплошность стоимостью семьдесят пять тысяч? Что же тогда, по-вашему, можно считать серьезным упущением?

- Огласку этой оплошности.

Спорить с ним бессмысленно, поэтому я перешел к другому юпросу и спросил, почему мы круглый год отапливаем ангары, в которых ничего нет, кроме медной проволоки.

— Господин министр, хотите знать правду?

Честно говоря, я немного растерялся. Такое мне еще не доводилось от него слышать.

— Если вас не очень затруднит, — пробормотал я, стараясь сохранять невозмутимость.

- Обслуживающий персонал разводит там грибы. Круглый год.

Я был окончательно сбит с толку. Не зная, что сказать, я приказал немедленно прекратить это.

Он печально покачал головой и тяжело вздохнул.

- Но они занимаются этим с сорок пятого года. Грибы — единственное, что хоть как-то скрашивает убогую монотонность их работы.

По-человечески его аргумент вполне понятен, однако для объективности он абсолютно неприемлем.

Затем я спросил Хамфри, почему мы отвергли предложение Ройдса о децентрализации закупок канцелярских принадлежностей.

— Господин министр, — в голосе моего постоянного заместителя явственно послышались злоба и раздражение, — этот человек — смутьян, фанатик. Он в буквальном смысле помешался на эффективности и экономии.

— Допустим, но почему все-таки мы отвергли его предложение? Ведь оно могло дать нам экономию в миллионы фунтов!

— Которые бы только прибавили нам работы.

- Каким образом?

- Пришлось бы увеличить штаты.

— Хамфри, вы же сами понимаете, что это не аргумент, а чушь на постном масле.

- Докажите, — спокойно потребовал он.

— Да, но... это невозможно доказать.

— Вот именно! — торжествующе изрек сэр Хамфри.

Я пристально глядел на него, постепенно начиная соображать.

— Вы ведь все это придумали, верно?

Он улыбнулся.

— Естественно, господин министр.

— Для чего?

Он встал и тоном человека, осознающего свое безусловное превосходство, провозгласил:

— Чтобы показать вам, как надо обращаться с членами межпартийного комитета.

(На следующей неделе межпартийный парламентский комитет в прежнем составе заслушал сэра Хамфри. Ниже приводится выдержка из стенограммы этого заседания, в ходе которого он ответил на вопросы миссис Бетти Олдхэм по поводу откровенной Малькольма Рудса.— Ред.)

Г-жа Бетти Олдхэм: Все это так, сэр Хамфри, однако давайте поговорим о деталях. Например, об отапливаемых складах для медной проволоки.

Сэр Хамфри Элби: Мне понятна озабоченность уважаемых членов комитета. Но зимой в Херефордшире бывает очень холодно, а при минусовой температуре не в состоянии работать даже государственные служащие.

Г-жа Бетти Олдхэм: Речь идет не о государственных служащих, а о мотках медной проволоки в пластиковой оболочке.

Сэр Хамфри Элби: Да, но работникам склада постоянно приходится выходить из помещения.

Г-жа Бетти Олдхэм: Зачем?

Сэр Хамфри Элби: Для приема и отправления грузов, инвентаризации, проверки противопожарных устройств и сигнализации, уборки территории и так далее, и тому подобное.

Г-жа Бетти Олдхэм: Но ведь они могут работать в рукавицах, не так ли?

Сэр Хамфри Элби: В общем, конечно, но это противоречит политике улучшения условий труда.

Г-жа Бетти Олдхэм: Хороша политика, которая обходится налогоплательщикам в миллионы фунтов! (Молчание.) Что ж вы молчите, сэр Хамфри? Нечего сказать?

Сэр Хамфри Элби: Обсуждение политики правительства не входит в мою компетенцию. С этим вопросом вам следует обратиться к господину министру.

Г-жа Бетти Олдхэм: Но ведь вы даете рекомендации министру.

Сэр Хамфри Элби: Полагаю, господину председателю ясно,

что я не имею права раскрывать содержание своих рекомендаций господину министру. Вопросы, касающиеся политики правительства, — его прерогатива.

Г-жа Бетти Олдхэм: Хорошо, хорошо, мы спросим вашего министра. А теперь объясните нам, чем вам не нравятся предложения господина Роудса о децентрализации закупок канцелярских товаров?

Сэр Хамфри Элби: Тем, что реализация их повлекла бы за собой передачу важной государственной функции в руки множества мелких клерков.

Г-жа Бетти Олдхэм: Покупку скрепок вы называете важной государственной функцией?

Сэр Хамфри Элби: Правительство проводит политику строгого контроля за лицами, наделенными правом расходовать государственные средства. Я уверен, никто из вас не будет возражать против того, что это правомерно и разумно.

Г-жа Бетти Олдхэм: Но ведь здравый смысл...

Сэр Хамфри Элби: Здравый смысл не имеет к политике правительства никакого отношения.

Г-жа Бетти Олдхэм: Пусть так, но вам не кажется, что такая политика требует изменений? (Молчание.) Мы ждем ответа, сэр Хамфри.

Сэр Хамфри Элби: Обсуждение политики правительства не входит в мою компетенцию. С этим вопросом вам следует обратиться к господину министру.

Г-жа Бетти Олдхэм: Но ваш министр отсылает нас к вам!

Сэр Хамфри Элби: А я отсылаю вас к господину министру.

Г-н Алан Хьюз: И как долго это будет продолжаться?

Сэр Хамфри Элби: Ровно столько, сколько вы пожелаете.

Г-жа Бетти Олдхэм: Ладно, перейдем к теплице на крыше.

Сэр Хамфри Элби: С удовольствием. Теплица — один из вариантов теплоизоляции, испытываемой в рамках кампании, которую осуществляет правительство в целях борьбы за экономию топлива.

Г-жа Бетти Олдхэм: Теплоизоляция стоимостью семьдесят пять тысяч фунтов?

Сэр Хамфри Элби: Предполагалось, что продажа цветов и овощей окупит расходы.

Г-жа Бетти Олдхэм: Ну и?..

Сэр Хамфри Элби: Предположения не подтвердились.

Г-жа Бетти Олдхэм: Почему же тогда не ликвидировали теплицу?

Сэр Хамфри Элби: Во-первых, какой смысл разрушать то, что уже существует, а во-вторых, она на самом деле служит теплоизолятором. Больше мы таких не делаем.

Г-жа Бетти Олдхэм: Но семьдесят пять тысяч выброшены на ветер!

Сэр Хамфри Элби: Кампания, направленная на экономию

топлива, являлась неотъемлемой частью политики правительства.

Г-жа Бетти Олдхэм: За счет налогоплательщиков! Вы согласны с тем, что эти деньги выброшены на ветер?

Сэр Хамфри Элби: Обсуждение политики правительства не входит в мою компетенцию. С этим вопросом вам следует обратиться к господину министру.

Г-жа Бетти Олдхэм: Послушайте, сэр Хамфри, о чем бы мы ни спросили вашего министра, он заявляет, что это чисто административный вопрос, и ссылается на вас. А вы во всех случаях заявляете, что это политические вопросы, и киваете на своего министра. Как же выяснить реальное положение дел? Посоветуйте, пожалуйста.

Сэр Хамфри Элби: Согласен, некоторое противоречие, безусловно, существует. Но до тех пор, пока ответственность за политику правительства в соответствии с политикой правительства возлагается на министров, а за управление — на государственных служащих, вопросы управления будут вызывать путаницу между управлением политикой и политикой управления, особенно если ответственность за политику управления вступает в противоречие с ответственностью за управление политикой.

Г-жа Бетти Олдхэм: Сэр Хамфри, по-вашему, в этой абракадабре есть какой-нибудь смысл?

Сэр Хамфри Элби: Обсуждение политики правительства не входит в мою компетенцию. С этим вопросом вам следует обратиться к господину министру.

ВСПОМИНАЕТ СЭР БЕРНАРД ВУЛИ:

«Утверждение сэра Хамфри, что министры несут ответственность за политику правительства, теоретически верно. Однако на практике эта ответственность довольно незначительна, поскольку активная жизнь любого правительства продолжается всего около двух лет.

Первый год, как правило, уходит на осознание членами кабинета простой истины: обязательства, принятые в оппозиции, невозможно выполнить, находясь у власти, ибо теперь им приходится решать реальные проблемы в контексте реальной экономики, которая находится либо в «ужасном», либо в «катастрофическом» состоянии. Причем полную картину «вопиющего развала» они могут увидеть, только оказавшись в правительстве: «детали» обычно хранятся в тайне от народа и соответственно от оппозиции.

Частокол сложнейших проблем, неминуемо встающих перед новым правительством, ставит его в зависимость от экономистов и казначейства, что, в общем-то, мало способствует улучшению ситуации. Экономисты вечно пребывают в интеллектуальном смятении и слишком заняты теоретическими спорами друг с другом, чтобы давать дельные советы политикам. Те же, как правило, в экономических вопросах ничего не смыслят. А казначейство с завидным постоянством вот уже шестьдесят лет или что-то около того ошибается в своих экономических прогнозах.

Итак, через год-полтора министры приходят к пониманию ситуации не в теории, а на практике. Затем около двух лет они имеют возмож-

ность действительно править страной, после чего начинается очередная предвыборная гонка. Теперь достижение успеха подчинено завоеванию голосов, вернее, завоевание голосов становится единственным критерием успеха. Последние два года можно сравнить с подготовкой к экзамену. Не до новых знаний — лишь бы сдать.

Говоря об ответственности министров за политику правительства, сэра Хамфри прекрасно понимал, что его утверждение относится в лучшем случае к двум годам из пяти. Упомянутое же слушание межпартийного парламентского комитета проходило в первый год пребывания Хэкера в министерстве.

В связи с этим возникает любопытный вопрос: если министр «делает» политику всего два года из пяти, то кто же «делает» ее в оставшиеся три года? Мы — государственные служащие — заполняем образовавшийся вакуум. Это, в свою очередь, порождает серьезные проблемы и для двух лет «активного правления», которые нередко протекают в междоусобной войне между политикой министра и политикой министерства.

Избежать вакуума удастся только в том случае, если правительство с рабочим большинством переизбирается во второй срок. Однако к началу 80-х годов такого в Англии не случалось на протяжении почти четверти века. Поэтому нелепо было даже пытаться определять Уайтхолл как «лейбористский» или «консервативный» — мы всегда верили в регулярную смену правительства. Только при таком условии мы максимально освобождаемся от контроля министров, которые, останься они у власти на более продолжительный срок, могли бы вообразить, будто знают, **как** управлять страной».

13 октября

Утром прочитал в газетах отчет о слушании Хамфри в межпартийном комитете. Удружил, называется!

В результате нас вместе с ним «приглашают» расхлебывать кашу, которую он заварил.

Я вызвал его к себе для объяснений.

Он попытался оправдаться:

— Я сделал все, что мог, господин министр.

— Для себя? Возможно. Но вы ничего не добились. Послезатра нам снова придется отбиваться от них — на этот раз вместе, бок о бок, и мы должны давать правильные... э-э... во всяком случае, хотя бы одинаковые ответы.

По мнению Хамфри, прежде всего нам следовало выработать общую позицию.

— Очень хорошо, — согласился я. — Давайте проанализируем факты.

Мои слова вызвали у него крайнее раздражение.

- При чем тут факты, господин министр, я говорю не о фактах, а о позиции.

Он прав, ничего не скажешь.

- Ну что ж, излагайте нашу позицию, — разрешил я.

Сэр Хамфри предложил мне на выбор пять типов «стандартных отговорок» государственной службы — по одной на каждое из предполагаемых обвинений.

Впервые слышу об этих «стандартных отговорках». Хамфри, должно быть, здорово перетрусил, если готов даже поделиться со мной секретами Уайтхолла.

Аккуратно записав все отговорки, я озаглавил каждую в соответствии с наиболее известным случаем ее применения.

1. *Отговорка Энтони Бланта*

Всем изложенным фактам можно дать исчерпывающее объяснение, но, увы, сделать это невозможно по соображениям национальной безопасности.

2. *Отговорка средней школы*

Ошибки были допущены из-за значительных бюджетных сокращений и острой нехватки персонала, что привело к неоправданному перенапряжению имеющихся ресурсов.

3. *Отговорка «Конкорд»*

Заслуживающий внимания эксперимент, обогативший нас множеством ценных находок и способствовавший росту занятости. Сейчас уже не проводится.

4. *Отговорка «Мюнхенское соглашение»*

Имело место потому, что не были известны важные факты. Больше не повторится.

(Подразумевается, что не было известно намерение Гитлера завоевать Европу. Вообще-то об этом было известно всем, кроме, конечно, нашего министерства иностранных дел.)

5. *Отговорка «Кавалерийский наскок»*

Самовольные действия одного человека, который понес за это соответствующее административное наказание.

Сэр Хамфри уверяет, что этих отговорок хватает на все случаи жизни. Даже на случай войны. По крайней мере — малой.

Я поставил точку и внимательно просмотрел свои записи. Перечень выглядел довольно внушительно, вот только удастся ли нам найти ему применение? Без Хамфри, понятно, мне этого не осилить.

— Что ж, Хамфри, попробуем. Ведь теперь мы в одной команде, не так ли?

— Один в поле не воин! — не без оптимизма отозвался он.

Я собирался было предложить ему распределить отговорки по вопросам, но тут Бернард напомнил мне, что через десять минут начинается заседание палаты.

— Кроме того, — заметно нервничая, добавил он, — вам звонили с Даунинг, 10. Сэр Марк Спенсер (*советник премьер-министра по экономическим вопросам. — Ред.*) спрашивает, не могли бы вы заскочить к нему «на рюмку коньяка» завтра в любое время. Я ориентировочно договорился на пять тридцать.

Я заметил, поглядев на сэра Хамфри, что звонок этот неспроста. ПМ наверняка потребует объяснений нашего, мягко говоря, неадекватного выступления в межпартийном комитете.

— А может, все-таки просто на рюмочку? — предположил мой постоянный заместитель.

В данном случае оптимизм несколько утопичен.

— Не будьте наивны, Хамфри. На Даунинг, 10 приглашают «на рюмочку» не тогда, когда им хочется выпить.

Перед уходом я предложил Хамфри встретиться завтра, чтобы обделать наше дельце.

— Чтобы выработать нашу позицию, господин министр, — поправил он меня.

— Вот именно, — согласился я, — обделать дельце.

14 октября

Я в полной растерянности.

В 17.30 был у сэра Марка Спенсера.

Для постороннего человека визит на Даунинг, 10 полон неожиданностей. Снаружи это обычное здание в георгианском стиле, большое, но не подавляющее своими размерами. И только попав внутрь и оказавшись в бесконечном вестибюле, ты понимаешь, что находишься во «дворце»!

Трудно себе даже представить, что там резиденция правительства. Снаружи это так мило, так по-английски. Секрет же довольно прост: несколько домов соединены между собой в один «дворец», в котором практически невозможно не заблудиться. Вы поднимаетесь и спускаетесь по узким и широким лестницам самых причудливых форм и незаметно для себя переходите из одного здания в другое, даже толком не зная, на каком вы этаже.

По словам всезнающих шоферов Уайтхолла, эту особенность Даунинг, 10 умело используют в своих интересах государственные служащие, которые, досконально изучив планировку «дворца», выбирают себе кабинеты в таких местах, откуда просматриваются все передвижения внутри резиденции. Ходят слухи, что при каждой смене правительства борьба за комнаты разгорается с новой силой: политический аппарат стремится отвоевать кабинеты поближе к ПМ и задвинуть государственных служащих как можно дальше. Но как только старое правительство покидает Даунинг, 10, государственные служащие используют время до прихода нового премьер-министра, чтобы тут же вернуть себе утраченные стратегические позиции.

На Даунинг, 10 меня встретили внизу и проводили в кабинет сэра Марка — небольшую, темную, плохо обставленную комнатку. Ничего удивительного — иного кабинета постоянные чиновники Уайтхолла и не могли найти для временного советника премьер-министра.

(Сэр Марк Спенсер был директором-распорядителем широко известной и популярной сети магазинов, славившихся высокой производственной эффективностью. ПМ пригласил его в свою команду в качестве личного советника по вопросам экономики и производительности управленческого труда. А пока что сэр Марк

безуспешно пытался решить проблему получения приличного кабинета. Можно с большой долей вероятности предположить, что если бы не личный интерес ПМ к его работе, то сэру Марку выделили бы кабинет где-нибудь в Уолтхэмстоу. — Ред.)

Сэр Марк — очень крупный и очень умный человек с обаятельной улыбкой и мягкой, располагающей манерой говорить (я уже один раз встречался с ним) — принял меня весьма радушно.

— О, Джим, входите, входите. Виски?

Я поблагодарил его.

— Как идут дела? — вежливо спросил он, наливая виски.

Я ответил, что дела идут прекрасно. Просто прекрасно! Конечно, эта бог знает откуда взявшаяся книга Роудса попортила нам нервы, однако сейчас мы полностью контролируем ситуацию.

— Сегодня вечером я встречаюсь с сэром Хамфри и уверен: мы сумеем хорошо подготовиться. ПМ нечего волноваться.

Я надеялся, что мои доводы прозвучат достаточно убедительно для сэра Марка. Правда, судя по его реакции, я убеждал в основном самого себя.

Сэр Марк не произнес ни слова. Просто сидел, глядя на меня в упор. А я продолжал выискивать новые оправдания.

— Что меня больше всего поражает, так это откуда у Малькольма Роудса такая исчерпывающая информация? Ведь большинство фактов, которые он приводит, не имеет никакого отношения к его бывшему отделу. И мне бы очень хотелось узнать, кто так предусмотрительно снабдил Бетти Олдхэм гранками этой чертовой книги. ПМ, должно быть, вне себя от ярости. Моей вины тут, безусловно, нет.

Я замолчал. Впрочем, мне и сказать-то было больше нечего. Очевидно, догадавшись об этом, сэр Марк наконец заговорил.

— Почему вы думаете, что ПМ вне себя от ярости? — озадаченно спросил он.

Меня не меньше озадачил его вопрос. Мне это казалось очевидным. Иначе зачем же я здесь, на Даунинг, 10?

— Давайте рассуждать логически, — неожиданно предложил он.

Я согласился.

Тогда он задал мне несколько вопросов, и поначалу мне было попросту непонятно, куда он клонит.

— Какова, по-вашему, главная цель ПМ в области государственных расходов?

- Конечно же, их всемерное сокращение.

Сэр Марк кивнул.

— Так. Ну а что извечно мешает достижению этой цели? Тут и думать нечего.

— Обструкция Уайтхолла!

— А все ли члены кабинета, по-вашему, искренне привержены политике сокращения государственных расходов?

Я не был уверен, что вопрос не направлен против меня, поэтому осторожно ответил:

- Э-э... полагаю, что да. Я во всяком случае.

Он слегка прищурился (по-моему, я его не убедил).

— Если это так, то почему же практически ни один министр не добился реального сокращения расходов?

- Ну... вы же понимаете, Рим строился не в один день.

- Рим тут ни при чем. Просто министров уже приручили, только и всего.

— Да, но, по-моему... — начал было я, но вовремя остановился.

Разве не я сам только что заявил сэру Марку, что Рим строился не в один день? Стандартный ответ государственных служащих, когда от них требуют конкретных результатов работы! Но меня-то они еще не приручили!

— Увы, государственная служба приручила вас всех, всех до одного, — грустно улыбнувшись, констатировал сэр Марк.

— Возможно, кого-то... но лично я всегда...

Он перебил меня.

— Скажите, Джим, если министр на деле хочет добиться сокращения государственных расходов, то как он должен реагировать на книгу, разоблачающую вопиющую бесхозяйственность правительственного учреждения?

— Ну... э-э... он... — Я вдруг понял, что не знаю, как отвечать. — ...Тут все зависит от... э-э... — Нужные слова, как назло, не шли на ум, поэтому я попросил сэра Марка уточнить, что он имеет в виду.

Он не ответил. Вернее, ответил косвенно.

— Знаете, что говорят о вас в Уайтхолле?

Я нервно дернул головой.

— Что работать с вами — одно удовольствие.

Его слова вызвали у меня сложную гамму различных чувств. Сначала облегчение, затем радость и гордость. И вдруг... до меня дошел их ужасный смысл.

— Точно так же Барбара Вудхаус отзывается о своих спаниелях, когда им присуждают очередной приз, — безжалостно добавил он.

Я подавленно опустил голову, пытаюсь угадать, что же будет дальше. Мысли путались.

А сэр Марк хладнокровно продолжал линчевать меня.

— Я сам слышал, как сэр Хамфри Эплби высказывался, что ценит вас на вес золота. Вам это ни о чем не говорит?

Говорит, и еще как! Я чувствовал себя жалким, раздавленным.

- Вы хотите сказать... я не оправдал надежд?

Сэр Марк взял мой пустой стакан и, наполнив его, заметил, что глоток виски был бы мне весьма кстати.

Я молча отпил из стакана. Он смотрел на меня, явно ожидая продолжения.

- А теперь ПМ, наверное, очень недоволен тем, что в меж-

партийном комитете я не сумел убедительно прикрыть наши хоз-
зяйственные промахи.

Сэр Марк тяжело вздохнул и закатил глаза. По лицу было видно: его терпению приходит конец.

— Наоборот, ПМ очень недоволен тем, что вы их прикрываете слишком убедительно.

Час от часу не легче!

— Вы прикрываете государственную службу. Прикрываете сэра Хамфри Эплби. Мы с премьер-министром делаем все возможное, чтобы устранить причины бесхозяйственности, а вы помогаете Уайтхоллу саботировать политику правительства!

У меня перед глазами поплыли темные круги.

— Я? Неужели я...

Он вдруг улыбнулся.

— Вы, кажется, хотели узнать, кто снабдил Бетти Олдхэм гранками книги Малькольма Роудса и откуда у него столь исчерпывающая информация? — Он помолчал, а затем с сожалением в голосе добавил: — Не догадываетесь?

Боже мой! Все стало ясно как день.

— Вы хотите сказать... ПМ? — почему-то шепотом спросил я.

Сэр Марк искренне возмутился:

— Что за предположение!.. Во всяком случае, не прямо...

— То есть... это вы? — снова прошептал я.

Он улыбнулся.

Вон оно как. Значит, Малькольма Роудса и Бетти Олдхэм «пустил по следу» не кто иной, как личный советник премьер-министра, следовательно, фактически сам ПМ!

Следовательно... следовательно, что? Как мне теперь вести себя в комитете? Чего ожидает от меня Номер Десять?

— Вам остается одно, — загадочно произнес сэр Марк, — абсолютная лояльность.

— Само собой разумеется, — с готовностью подтвердил я, однако вовремя сообразил, что не выяснил главного. — Э-э... а по отношению к кому?

— Решайте сами.

По-моему, я знаю, что от меня требуется.

15 октября

Сегодня мы с Хамфри вместе предстали перед межпартийным парламентским комитетом. Мои ответы вызвали там жуткий переполох — впечатление было такое, будто в голубятню запустили шального кота.

Бетти Олдхэм, естественно, начала с медной проволоки в отапливаемом ангаре. Как мы договорились заранее, сэр Хамфри ответил: это, мол, упущение, и произошло оно из-за незнания некоторых важных фактов, но он ответственно заверяет уважаемых членов комитета — подобное впредь не повторится.

Мой постоянный заместитель обернулся ко мне за подтверждением. И... не нашел его.

— Да, — подтвердил я, — сэр Хамфри дал абсолютно правильный ответ. Правильный официальный ответ. (Он бросил на меня настороженный взгляд.) Но я долго размышлял после нашей прошлой встречи (чистая правда!) и пришел к горькому, но честному выводу: уважаемые члены комитета во многом правы.

Сэр Хамфри изумленно уставился на меня.

— И каковы бы ни были возможные оправдания, уж их-то мы умеем находить, — продолжал я, тщательно подбирая слова. — Наш долг — честно признать: в данном случае, безусловно, имеет место факт бесхозяйственности. Вы убедили меня в ошибочности нашего подхода.

По выражению лица моего постоянного заместителя было видно, что его они отнюдь не убедили. Я собрал все свое мужество.

— К сожалению, министры и их помощники из государственной службы нередко покрывают то, что обязаны вскрывать и искоренять! (Сэр Хамфри находился в состоянии, близком к шоку.) Я беседовал с автором этой бесценной книги Малькольмом Роудсом и заручился его согласием изложить все имеющиеся у него соображения и факты независимой комиссии. (Краем глаза я увидел, как сэр Хамфри схватился за голову.) Да, я намерен создать специальный межведомственный комитет, который осуществит комплексную проверку всех правительственных учреждений, начиная с моего министерства.

Председатель был очень доволен.

— А что по этому поводу думает сэр Хамфри?

Сэр Хамфри попытался было что-то сказать, но не смог вымолвить и слова.

Я поспешил ответить за него:

— Он целиком и полностью согласен. Мы — одна команда, не так ли, сэр Хамфри? (Он обреченно кивнул.) И должен заметить: работать с моим постоянным заместителем — одно удовольствие.

Однако Бетти и не думала сдаваться. Ей очень хотелось укусьить меня, хотя теперь она не знала, с какой стороны подступиться.

— Но, господин министр, ваши слова противоречат тому, что вы заявили в Вашингтоне о беспощадной войне бесхозяйственности и расточительству! — заверещала она.

Я был к этому готов и с чувством собственного превосходства изложил свою позицию.

— Понимаете, Бетти, я — старомодный чудака. Я верю в такую вещь, как лояльность. Что бы я ни говорил своим парням в лицо, мой долг — защищать их в публичных выступлениях. Как вы считаете, сэр Хамфри?

Мой постоянный заместитель посмотрел на меня, как на бешеного пса.

— Да, но в таком случае, — не унималась мисс Олдхэм, — вы сейчас предаете и своих парней, и свою веру!

Я снисходительно улыбнулся.

— О нет, ибо в конечном итоге министр должен быть предан парламенту, предан стране! Это — высшая форма лояльности, которую необходимо соблюдать в первую очередь, при любых условиях, невзирая на обстоятельства. Лояльность же по отношению к собственному министерству и к собственным подчиненным допустима только до определенного предела. Вот почему я считаю себя вправе публично заявить сейчас то, о чем неоднократно говорил в частном порядке. Реформы могут быть и будут проведены, в чем, не сомневаюсь, самую активную помощь окажет мне мой верный союзник сэр Хамфри Элби. Вы согласны со мной, сэр Хамфри?

— Да, господин министр, — сдавленным от ненависти голосом подтвердил мой «верный союзник».

После заседания комитета мы втроем — сэр Хамфри, Бернард и я — неторопливо возвращались в МАД. Стоял погожий осенний день, на чистом небосклоне сияло солнце, с реки дул прохладный ветерок. Чувствовал я себя в целом прекрасно, хотя изнутри меня точила предательская мысль: верно ли я понял слова сэра Марка? Так или иначе, я проявил максимальную лояльность по отношению к ПМ и даже пошел на открытый конфликт со своим постоянным заместителем!

Сэр Хамфри за всю дорогу не проронил ни слова — он был слишком зол. Молчал как рыба и Бернард — он был слишком напуган.

Когда мы пришли в министерство, Хамфри направился за мной в кабинет, явно желая мне что-то сказать.

Я закрыл дверь и вопросительно посмотрел на него.

— Да, вы здорово помогли нам, господин министр, — с горечью произнес он.

— Я сделал все, что мог, — скромно ответил я.

Он пристально изучал меня, стараясь догадаться, чем вызван мой неожиданный демарш. И, должно быть, пришел к заключению, что я попросту сбрендил.

— Все, что могли? — Он обвиняюще ткнул в меня пальцем. — Возможно, для себя. Вот, значит, как вы понимаете «одну команду»! В высшей степени оригинально, должен заметить.

Видя его искреннее огорчение, я почувствовал себя обязанным оправдаться и принялся объяснять, что был вынужден поступить именно так... У меня не было выбора...

Он не пожелал слушать.

— Как вы могли так поступить? Как? Признать все перед членами комитета? Неужели вы не понимаете, в сколь опасное положение вы нас всех поставили?

— Надеюсь, все-таки не себя, — ответил я.

Он покачал головой. Скорее горестно, чем сердито.

— Напрасные надежды, господин министр. Вы настроили против себя все министерство! Люди перестанут вам верить! Что же касается Номера Десять... Мне страшно даже представить себе, как отнесется ПМ к члену своего кабинета, публично признавшему свой провал!

За мучительными размышлениями — не допущена ли тут трагическая ошибка — меня застал Бернад. В руках он держал какой-то конверт.

- Простите, что помешал, господин министр, но вам личное письмо от господина премьер-министра, — сказал он и дрожащей рукой вручил мне конверт.

Сэр Хамфри сочувственно покачал головой. Когда я вскрывал конверт и доставал письмо, до меня донеслись слова Хамфри:

— Я же предупреждал вас... Бернад, по всей видимости, вам придется составить проект прошения об отставке господина министра. Позаботьтесь, чтобы его формулировка давала возможность господину министру «спасти лицо».

Тем временем я прочитал письмо.

«Дорогой Джим!

В последние дни мы совсем не видим друг друга вне кабинета. Не найдется ли у тебя времени для дружеского обеда в Чекерсе в ближайшее воскресенье? И обязательно возьми с собой Энни и Люси.

С нетерпением жду встречи. Посидим, поговорим, обменяемся новостями».

Затем я прочитал письмо вслух. Лицо сэра Хамфри пошло пятнами.

- Как же так... почему... — растерянно пробормотал он. Затем до него дошло: — Заговор! — злобно прошипел он. — Рюмка коньяка с Марком Спенсером!

В ответ я только улыбнулся. Игра стоила свеч. Письмо ПМ — мой безусловный триумф: «В последние дни мы совсем не видим друг друга вне кабинета... дружеского обеда в Чекерсе... С нетерпением жду встречи...»

- Хамфри, вы представляете себе всю ценность этого письма? — не скрывая гордости, спросил я.

- Представляю, господин министр, — тридцать сребреников!

Я с чувством собственного превосходства покачал головой.

— Нет, Хамфри, это награда за лояльность.

— Лояльность? — презрительно фыркнул он. — Лояльность?

- Да, Хамфри, я поддержал вас точно так же, как вы всегда поддерживали меня, не правда ли?

Возразить ему, само собой разумеется, было нечего — он только промычал что-то нечленораздельное.

- Вы что-то сказали, Хамфри? — вежливо спросил я.

- По-моему, — пришел ему на выручку Бернад, — сэр Хамфри сказал: «Да, господин министр».

РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

23 октября

Субботу относительно спокойно провел в своем избирательном округе. На исходе первый год моего пребывания в правительстве. Похоже, дела идут совсем неплохо — ни одного крупного провала (во всяком случае, такого, который не удалось бы вовремя предотвратить). Кроме того, появилось ощущение, что я наконец-то начинаю постигать премудрости административной машины.

Конечно, может возникнуть вопрос: не слишком ли много времени — целый год! — требуется, чтобы «начать постигать» премудрости такого министерства, как, скажем, мое? В политическом смысле, безусловно, много. Однако если бы я, профессиональный журналист и бывший лектор политехнического института, не обладающий опытом управления крупной промышленной корпорацией, был назначен председателем «Империал кемикл индастриз» и всего через год сумел понять ее специфику, меня считали бы выдающимся человеком.

Ведь мы, политики, чувствуем себя в Уайтхолле словно малые дети в дремучем лесу. Нас, никогда ничем не занимающихся, кроме медицинской практики, юридических консультаций или издания политического журнала, вдруг ставят во главе министерства, насчитывающего от двадцати до ста тысяч сотрудников!

И все-таки в целом, мне кажется, у нас выходит нормально. *(Находясь вот в таком состоянии самоуспоения, Хэкер согласился дать интервью Кэтти Уэбб, ученице четвертого класса средней школы в его избирательном округе. — Ред.)*

Впрочем, должен признать, мой энтузиазм по поводу успешной деятельности на посту министра Ее Величества несколько угас после интервью, которое я дал не по годам развитой девчужке для ее школьного журнала.

Она поинтересовалась, как мне удалось добиться столь видного положения. Я кратко перечислил основные этапы своей политической карьеры и скромно добавил, что «ее кульминационный момент настал, когда премьер-министр счел возможным предложить мне пост в кабинете». Я не хотел выглядеть слишком

самодовольным. Как показывает мой опыт, у детей на этот счет особый нюх.

Кэтти спросила, не страшит ли меня «эта жуткая ответственность». Я объяснил ей, что когда человек решает — как, например, я — посвятить свою жизнь служению другим, чувство ответственности становится одним из его неотъемлемых качеств.

В ее глазах светилось нескрываемое восхищение.

— Но бремя власти... — зажмурившись, с благоговением прошептала она.

- Увы, — произнес я тоном человека, давно привыкшего к этому бременю. — Конечно, иногда... Но понимаешь, Кэтти (Я специально обратился к ней по имени, показывая, что ни в коей мере не считаю себя выше своих избирателей, даже потенциальных, то есть детей.), сознание собственной власти учит человека смирению...

Меня перебила стремительно вошедшая в комнату Энни:

— О, смиренный мой, только что звонил Бернард.

Неужели ей не понятно, что в присутствии посторонних такие шуточки по меньшей мере неуместны?! У меня тоже развито чувство юмора, но всему же есть предел!

Оказывается, Бернард просил передать, что партийный центр настоятельно рекомендует мне посмотреть вечернюю телепрограмму по Би-би-си-2.

Я понял, о какой программе идет речь, и твердо решил ее не смотреть.

- О господи! Член парламента Морин Уоткинс — одна из самых неприятных заднекамеечных, фанатичка. Вряд ли на нее стоит тратить время.

Тут я заметил: Кэтти добросовестно записывает мои слова. Пришлось объяснить ей, что это «не для печати» — реалья, которую ей трудно понять. «Слава богу, нам в основном приходится иметь дело с хорошо выдрессированными парламентскими корреспондентами», — с теплым чувством подумал я.

В конце концов Кэтти все-таки вырвала листок из своего блокнота, но, к моему удивлению, встала на защиту Морин.

- А мне она нравится! Вам не кажется, что женщин по-прежнему эксплуатируют? Все мои подруги из четвертого «Б» считают, что их эксплуатируют и на работе, и дома — иначе и быть не может в мире, которым управляют мужчины в своих интересах.

От этого страстного обвинения я, честно говоря, несколько опешил. Как-то не верилось, что она сама... Но умница Кэтти тут же бесстрашно добавила:

- Она тоже так считает.

Признаться, я уже по горло сыт феминистским вздором! В наше время стоит только сделать женщине комплимент по поводу ее внешности, как тебя тут же объявят сексуальным маньяком. Это лесбийское лобби лезет буквально во все дыры!

Решив доказать Кэтти, что она заблуждается, я с отеческой улыбкой произнес:

- Ну-у, те времена канули в вечность, девочка. К тому же в палате общин она, слава богу, не имеет большого веса...

- Естественно, — перебила Энни. — В палате одни мужчины. Я поблагодарил свою дорогую женушку за помощь, еще ласковее улыбнулся Кэтти и спросил, интересуется ли ее что-нибудь еще.

- Всего один вопрос, — сказала она. — Чего вы практически добились как член кабинета министров?

Вопрос доставил мне искреннее удовольствие: он казался легким, и на него приятно было отвечать.

— Добился? — задумчиво повторил я. — Довольно многого. Например, членства в Тайном совете, в партийном комитете по выработке политической стратегии...

Но она тут же уточнила, что ее интересуется мой личный вклад в улучшение жизни других.

Было отчего прийти в замешательство. Иногда дети задают самые немислимые вопросы. «Абсурдные до невозможности», как сказали бы наши американские союзники. До этого, естественно, никому и в голову не приходило задавать мне подобные вопросы.

— В улучшение жизни? — переспросил я.

— Да.

— Других людей?

Я лихорадочно соображал, но нужные слова, как назло, не шли в голову.

— Э-э... понимаешь, Кэтти, — начал я, пытаюсь собраться с мыслями, — в общем, много сделал... ведь для этого меня и назначили... восемнадцать часов в день... семь дней в неделю... без выходных...

Кэтти перебила меня, как только я имел глупость перевести дух. Со временем этот ребенок станет находкой для Би-би-си!

- Не могли бы вы привести несколько примеров? Или хотя бы один, а то моя статья будет скучноватой.

- Примеров? Конечно, могу, — заверил я, но тут же понял, что не могу.

Ее остро отточенный карандаш выжидательно замер над верхней строкой разлинованного блокнота. Затянувшееся молчание становилось угрожающим.

- Видишь ли, Кэтти, — начал я, с трудом подыскивая слова, — не знаю даже, с чего начать. В правительстве многое делается коллективно... мы все вместе... лучшие умы государства... бьемся над решением важнейших проблем...

Мое объяснение ее явно не удовлетворило.

- Да-а, — с сомнением протянула она. — Но о чем вы будете вспоминать, когда придет время оглянуться и сказать себе: «Я сделал то-то и то-то»? Ну как писатель про свою книгу.

Маленькая пиявка!

Я попытался как можно доступнее растолковать ей некоторые особенности политической жизни.

- Дело в том, Катти, что политика — хитрая штука, в ней должно принимать участие множество самых разных людей. Все это требует времени... Рим строился не в один день...

Бросив взгляд на ее лицо, я увидел, как на нем застывало чувство разочарования. *(Поскольку нелепые стилистические фигуры Хэкера нередко позволяют лучше понять туманную логику его мышления, мы решили избавляться от них, только если они грозят еще больше затуманить смысл повествования. — Ред.)* Не сумев ответить на ее вопрос, я тоже почувствовал легкое разочарование. К нему, однако, примешивалось раздражение против этой несносной девчонки за ощущение неадекватности, которое она невольно вызвала во мне. Ладно, все хорошо в меру, пора заканчивать это бессмысленное интервью.

Я искренне посетовал, как быстро летит время, сослался на необходимость поработать над срочными материалами, тепло поблагодарил Кэтти за «милую, приятную беседу» и вежливо выпроводил, предварительно напомнив, что она обещала ознакомить меня со статьей до публикации в своем школьном журнале.

Вернувшись, я устало плюхнулся в свое любимое кресло возле камина. Настроение было хуже некуда.

— Способная девочка, — заметила Энни.

— Все! Чтоб я еще хоть раз согласился дать интервью школьному журналу? Ни за что на свете! Она задавала такие трудные вопросы...

— Да не трудные, а простодушные, — возразила Энни. — Она наивно полагала, что твоя деятельность имеет под собой какую-то моральную основу.

Слова Энни меня сильно озадачили.

- Но она действительно имеет, — возразил я.

Энни рассмеялась.

— Ну не будь дурачком, Джим!

Мне было совсем несмешно. Я мрачно разглядывал красиво сложенные поленья в искусственном камине.

— Что ты вздыхаешь? — спросила Энни.

— Может, она права? Действительно, чего я добился?

- Джим, а если сейчас попробовать? — неожиданно предложила Энни. — Раз уж вы с Кэтти так убеждены, что у тебя в самом деле есть власть.

Моя жена порой не только выдвигает самые нелепые предложения, но и настаивает на них!

— Что я могу? Ведь я всего лишь член кабинета! — огрызнулся я.

Энни сочувственно улыбнулась.

- Да, «бремя власти» и впрямь научило тебя смирению.

При чем тут смирение? О нем вопрос не стоит и никогда не

стоял. Я не способен добиться каких-либо изменений в обозримом будущем — вот в чем вопрос! Изменения требуют проведения законопроектов через парламент, а там на ближайшие два года все забито.

Но Энни не сдвинешь.

- Почему бы тебе, например, не провести какие-нибудь реформы государственной службы? — упрямо гнула она свое.

Ее послушать, так речь идет о пустяке, а не о десятилетиях жесточайшей борьбы. И хотя мне, честно говоря, было интересно, какие именно реформы она имеет в виду, я со знанием дела объяснил ей, что любые мало-мальски серьезные реформы в государственной службе обречены на провал.

- Допустим, я подготовил пятьдесят сногшибательных реформ. А кто должен будет их осуществлять?

Она сразу же все поняла.

- Государственная служба! — хором ответили мы, и Энни сочувственно кивнула.

Но моя жена так просто не сдается.

- Хорошо, — продолжила она, — ну а если не пятьдесят, а всего одну?

— Одну?

- Если ты сумеешь провести одну, всего одну важную реформу государственной службы, это уже будет кое-что.

- Кое-что? Это кое-что войдет в «Книгу рекордов Гиннесса»!

Я поинтересовался, что конкретно она предлагает.

- Заставь их назначать больше женщин на высшие посты государственной службы. Женщины составляют половину населения страны. Почему бы им не составить пятьдесят процентов постоянных заместителей? Сколько женщин среди них сейчас?

Я задумался. Лично я не знаю ни одной.

- Равные возможности! — с пафосом произнес я, с удовольствием вслушиваясь в чеканное звучание этих слов. — Надо попробовать. Почему бы и нет? Это вопрос принципа.

Энни была в восторге.

Ты хочешь сказать, что готов заняться этим из чистого принципа? Я кивнул.

- О, Джим! — В ее голосе слышалось неподдельное восхищение.

- Принципы, — со значением добавил я, — самое лучшее оружие для завоевания голосов.

У Энни вдруг разболелась голова, и она необычно рано отправилась спать. Я хотел было задержать ее, чтобы продолжить эту интересную беседу, но у нее, похоже, пропал весь интерес. Странно!

25 октября

Сегодня имел возможность на практике познакомиться с рав-

ными возможностями — или отсутствием таковых — в системе государственной службы.

По счастливому стечению обстоятельств, ко мне пришла Сара Хэррисон, единственная женщина — помощник постоянного заместителя МАДа.

Сара — яркая, интересная личность. Весьма привлекательна, умна, к тому же ей всего около сорока, что по меркам Уайтхолла совсем немного для такой ответственной должности, как помощник постоянного заместителя. У нее деловая — я бы сказал, мужская — хватка в работе, хотя в остальном она очень женственна и мила.

Сара пришла по поводу письменной жалобы одного из членов оппозиции: что-то насчет особых полномочий местных властей на использование земельных участков в зонах особого развития. Что все это означает? Что я должен делать?

Впрочем, оказалось, мне ничего делать не надо. По ее словам, часть претензий не имела под собой оснований, часть подпадала под действие законодательных постановлений — так что делать мне даже при всем желании нечего.

Вот такая помощь государственной службы на самом деле облегчает жизнь министру. Ни решений, ни даже извинений. Вообще ничего. Великолепно!

Я попросил ее написать ответ, но она тут же протянула мне готовый текст. Надо было только подписать. Я пробежал его глазами — безукоризненно! — и невольно подумал: «Почему бы в государственную службу не брать побольше таких прекрасных работников, как она?» Но эту мысль сменила другая, очень своевременная: «Когда, как не сейчас, узнать реальное положение вещей относительно равных возможностей?!» Поэтому, не откладывая дела в долгий ящик, я спросил ее, сколько женщин занимает ответственные посты в системе государственной службы.

Четкий ответ не заставил себя ждать: в должности постоянного заместителя — ни одной, в должности заместителя постоянного заместителя — четыре из ста пятидесяти или что-то около того.

А я про себя подумал, найдется ли среди них хоть одна, которая не была бы «немножко того». Скорее всего, нет. Во всяком случае, к тому моменту, когда они становятся заместителями постоянного заместителя.

- А помощников постоянных заместителей? — поинтересовался я.

Как и следовало ожидать, она назвала точную цифру — двадцать семь.

«Не так уж плохо», — подумал я и спросил: —
Из скольких?

- Из пятисот семидесяти восьми.

Кошмар! Я был потрясен... в отличие от нее, поскольку она говорила об этом в своей обычной деловой манере, но улыбаясь.

— Вас это не ужасает? — спросил я.

- Да нет. По-моему, это скорее комично. Впрочем, ничего удивительного. Вся государственная служба — сплошная комедия. Верховодят-то в ней мужчины!

Человек, который собирается посвятить себя защите женских прав, должен уметь поставить себя выше подобных обвинений. Я был на ее стороне.

- Что бы вы могли предпринять для исправления положения? — спросил я. (Никакой реакции.) Тогда я задал вопрос иначе: — Что бы Я мог предпринять для исправления положения?

Она бросила на меня холодный испытующий взгляд. У нее восхитительные глаза василькового цвета! И превосходные тонкие духи!

- Вы серьезно, господин министр?

Я молча кивнул.

— Что ж, назначьте на высшие посты в государственной службе самых талантливых женщин из других отраслей — юриспруденции, литературы, торговли, промышленности. Условия им вполне подойдут: хорошая заработная плата, большие отпуска, приличная и не зависящая от инфляции пенсия. Увидите, у вас сразу же появится масса знающих, одаренных людей.

— И они справятся с этой работой?

— Еще бы! — Мой вопрос, казалось, ее удивил. — Скажите, господин министр, почему члена парламента — журналиста в мгновение ока можно сделать министром, а назначить партнера крупной юридической фирмы постоянным заместителем нельзя? *(Следует напомнить: до назначения на пост министра административных дел Хэкер был журналистом и издавал политический журнал «Реформ». — Ред.)* В любом случае для выполнения большей части работы в государственной службе требуется уровень школьника-середнячка, — добавила она.

В это время Бернард напомнил мне об очередном запланированном мероприятии. Сара попрощалась и вышла из кабинета.

— Бернард.

— Да, господин министр? — как обычно, отозвался он.

Вот уж скоро год я пытаюсь установить между нами менее официальные отношения, однако он упорно не желает — такой формалист.

- Бернард, мне бы хотелось, чтобы вы называли меня Джимом. По крайней мере когда мы одни.

Он кивнул.

- Постараюсь, господин министр.

Нет, он безнадежен!

Я потряс листком, который оставила Сара.

- Сара говорит, что эта жалоба не стоит выеденного яйца. И она уже подготовила ответ.

Бернард расплылся в довольной улыбке.

— Отлично! Теперь мы сможем спокойно упрятать все это в кспо?

— КСПО?

— Принятое у нас условное обозначение. Комиссионный склад престарелых обувщиков. — Увидев на моем лице недоумение, он пояснил: — Никому не нужные старые сапожники.

— Бернард! — укоризненно и назидательно произнес я. — Я не государственный служащий! Я придумаю свое собственное условное обозначение.

И размашисто написал на полях: «Отработанный пар».

27 октября

Сегодня беседовал с сэром Хамфри на тему о равных возможностях. Однако, не желая раньше времени открывать карты, попросил Бернарда сказать ему, что речь пойдет о «кадрах».

Сэр Хамфри вошел в кабинет — уверенный в себе, надменный патриций, снисходительно вззирающий на мир у своих ног. Я решил для начала сбить с него спесь. Это всегда полезно.

— Хамфри, я принял принципиальное решение.

Он опустился на стул и замер, обратив ко мне взор приоткрытых от удивления губ. *(Предположительно, Хэкер хотел сказать, что сэр Хамфри смотрел на него, открыв от изумления рот. — Ред.)*

— Принципиальное решение? — Он быстро пришел в себя и даже сделал вид, будто искренне рад этому известию.

— Вот именно, — бодро подтвердил я. — Меня не устраивает количество женщин в государственной службе...

— Но... — он озадаченно нахмурил брови, — неужели их так много...

Бернард поспешил мне на помощь.

— Господин министр считает, что их должно быть больше.

— Намного больше, — решительно подхватил я.

Сэр Хамфри все никак не мог сообразить, куда я клоню.

— По-моему, штат машинисток, уборщиц, буфетчиц полностью укомплектован... — неуверенно произнес он. — Не правда ли, Бернард?

— Э-э... у нас как будто имеется несколько временных ставок технических секретарей, — с готовностью откликнулся мой личный секретарь.

Бернард, конечно, тоже не понял сути моей идеи.

Пришлось объяснить, что я имею в виду постоянных заместителей.

Сэр Хамфри был в полном смысле слова ошарашен. Настолько, что вместо ответа издал какой-то нечленораздельный звук.

— Почему бы нам, например, не взять несколько мандаринов женского пола? — продолжал я.

Мой постоянный заместитель все еще пребывал в состоянии полной прострации — сидел, тупо глядя куда-то в пустоту.

- Вы хотите сказать «мандаринок», господин министр? — с сомнением поправил Бернард, привстав со стула.

Шуточки Бернарда всегда ставят меня в тупик. Что это: тонкий юмор интеллигента или признаки прогрессирующего слабоумия? Я без лишних слов указал ему обратно на стул.

- Сколько постоянных заместителей насчитывается у нас на данный момент? — обратился я к Хамфри.

- Полагаю, сорок один.

Точный ответ!

- Сорок один, — согласно кивнул я. — А сколько среди них женщин?

Память вдруг изменила ему.

- Э-э... вообще-то... не имея под рукой статистических данных... я затрудняюсь точно сказать...

- Хорошо, скажите приблизительно.

- Приблизительно? Э-э... приблизительно — ни одной, — осторожно ответил он.

«Похоже, но не сигара», как сказали бы наши американские союзники. «Точно, ни одной» — вот правильный ответ, и сэра Хамфри его знал. *(Хэкер был прав. Институт постоянных заместителей превратился в своего рода элитарный клуб, хотя и без вывески, — настолько элитарный, что его члены при желании могли забаллотировать даже назначенного уже постоянного заместителя. Достигалось это, конечно, «неформальными» средствами, однако осечки они не давали. — Ред.)*

«Забавная ситуация», — с удовлетворением подумал я и бодровесело продолжал гнуть свою линию.

- Далее. Насколько мне известно, у нас по меньшей мере сто пятьдесят заместителей постоянных заместителей. Вы знаете, сколько из них женщин?

Сэр Хамфри и на этот раз попытался увильнуть от ответа. Либо на самом деле не знал, либо не хотел обнаруживать свою неосведомленность.

- Э-э... трудно сказать, господин министр, — наконец выдавил он из себя.

- Почему трудно? — удивился я.

Бернард снова пришел ему на помощь:

- Наверное, потому, что многие из них хуже старых баб. Я пропустил эту плоскую острогу мимо ушей.

- Четыре, — сообщил я. — Четыре заместительницы постоянных заместителей... из ста пятидесяти трех, если быть точным.

Похоже, цифры произвели на сэра Хамфри сильное впечатление.

- Неужели так много? — У него аж глаза на лоб полезли.

Ладно, повеселились и будет. Пора приступать к делу, пора ознакомить их с решением, которое созрело у меня в голове после первого разговора с Сарой Хэррисон.

- Я намерен в течение четырех лет повысить квоту женщин,

занимающих посты постоянных заместителей и заместителей постоянных заместителей, до двадцати пяти процентов.

Думаю, сэр Хамфри был потрясен, но полной уверенности у меня не было — на лице этого старого воробья не дрогнул ни один мускул.

— Господин министр, целиком и полностью разделяю ваши намерения... — начал он.

— Вот и прекрасно, Хамфри! — поспешно вставил я, так как его реакция меня, естественно, насторожила.

— Конечно же, надо выдвигать больше женщин на руководящие посты... Конечно. Нас всех давно уже беспокоит наметившееся несоответствие. (Я про себя отметил умелое использование слова «наметившееся».) Но такие вещи требуют времени...

- Знаю, поэтому и хочу приступить как можно скорее. — Меня тоже провести трудно.

— Я всем сердцем «за»! — с энтузиазмом откликнулся мой постоянный заместитель. — И предлагаю немедленно приступить к созданию межведомственного комитета...

Он неисправим. Прекрасно знает, что у меня на уме, но все равно хочет заморочить мне голову своей обычной тактикой оттяжек и проволочек.

— Здесь требуется кувалда, — заявил я. — Надо проломить эту бюрократическую трясику!

В разговор снова встрял этот зануда Бернارد:

— Господин министр, простите, но трясику нельзя проломить кувалдой. Она просто... — Он изобразил какое-то чавканье.

У меня было сильное желание, чтобы эта трясику засосала и его.

Замечание насчет кувалды, похоже, задело сэра Хамфри за живое.

— Господин министр, не хотите ли вы сказать, что это я тяну вас в бюрократическую трясику? Если так, то вы не справедливы ко мне. У меня не было ни малейшего намерения...

На всякий случай я извинился — вдруг действительно не было? — и поинтересовался, какие же намерения у него были.

— Позвольте заметить, — пробормотал он уже не таким обиженным тоном, — если мы хотим, чтобы на руководящих постах были женщины, нам необходимо существенно увеличить нормы приема женщин на начальном уровне. Тогда со временем...

— Когда? — перебил я.

Этого вопроса можно было бы и не задавать.

- Ну-у... лет через двадцать пять.

- Мне кажется, вы не понимаете главного, Хамфри, — по-прежнему сохраняя выдержку, сказал я. — Я хочу добиться этого сейчас.

— Сейчас? — ошеломленно произнес мой постоянный заместитель.

Дошло, слава богу!

— Но, господин министр, чтобы сделать что-то сейчас, тоже требуется время.

Удивительно, как быстро эти мандарины умеют приходить в себя. В его тоне уже явственно послышались снисходительные нотки. Да, уже год я слушаю эту заигранную пластинку.

— Знаю-знаю, три заповеди государственной службы: чем быстрее — тем дольше, чем дешевле — тем дороже, чем секретнее — тем демократичнее! Нет, Хамфри, это надо сделать за четыре года. Согласитесь, срок немалый.

Он печально покачал головой.

— Боюсь, господин министр, мы говорим о разных вещах. Я — о реальном времени, а вы — о политическом.

Сэр Хамфри удобно откинулся на спинку стула, помолчал, а затем неторопливо, как бы размышляя, продолжил:

- Государственных служащих возвращают, словно вековые дубы. Это вам не петрушка и не укроп. Они входят в силу постепенно, в положенный срок... (В жизни не слышал такой претенциозной бредятины.) Их выдерживают, как...

— Как вас? — съязвил я.

- Я хотел сказать, их выдерживают, как старый портвейн, — с обидой возразил он.

— «Гримсби»*, например?

Он чуть скривил губы.

- Я не шучу, господин министр.

Ну еще бы! Мало того, что он на полном серьезе заявляет о своей значимости, так еще и пытается увести разговор в сторону от моего нового принципиального решения. (Во всяком случае, я так считаю.) Что ж, будем бить наповал.

— Я хорошо все обдумал и предлагаю решить эту проблему, назначив на высшие должности государственной службы наиболее способных женщин из других областей деятельности.

На моего постоянного заместителя стоило посмотреть: вытаращенные от ужаса глаза, в лице ни кровинки...

— Господин министр... мне кажется... я не совсем... — К тому времени, как он добрался до слова «понимаю», его речь превратилась в невнятное бормотание.

Эта сцена доставила мне огромное удовольствие.

— Слушайте внимательно, Хамфри, — сказал я и медленно, отчетливо, словно логопед своему пациенту, повторил: — Мы... назначим на высшие должности... женщин... из других областей...

Хамфри уставился на меня, как кролик на удава.

Потом, стяхнув оцепенение, бросился в бой.

- Но ведь вся сила нашей системы в ее незапятнанности, кристальной чистоте, в том, что она не подвержена разлагающему воздействию извне!

Бессмысленная, набившая оскомину словесная мишура!

* Дешевый крепкий портвейн.

- Люди переходят с работы на работу во всех сферах деятельности, Хамфри. Почему государственная служба должна быть исключением?

— Потому что она и есть исключение! Наша работа требует тонкости...

— Такта, — подхватил Бернард.

— Преданности, чувства долга...

— Надежности, — добавил Бернард.

— Надежности! — со значением повторил Хамфри. — Верно подмечено, Бернард. Надежности!

Очевидно, мой личный секретарь затронул самую чуткую струну в душе моего постоянного заместителя.

(Бернард Вули не случайно принимал такое живое участие в этом разговоре. Претворение в жизнь намерения Хэкера назначать женщин «со стороны» на высшие посты государственной службы заметно ухудшило бы перспективы служебного роста других чиновников и, следовательно, самого Бернарда. Кроме того, если Уайтхолл гостеприимно распахнет двери женщинам «со стороны», он вынужден будет сделать это и для мужчин. Чего же тогда ожидать Бернарду Вули? — Ред.)

Затем сэръ Хамфри принялся многословно объяснять, что государственные служащие должны обладать «бесконечным терпением», что они должны уметь «менять коней на переправе», поскольку у политиков сегодня одно на уме, завтра другое, а послезавтра вообще не поймешь что. Возможно, я преувеличиваю, но, как мне показалось, слова «на уме» он произнес как бы в кавычках, подразумевая, что ум и политик — несовместимые понятия.

Я поинтересовался, обладает ли всеми этими достоинствами он сам. Сэръ Хамфри скромно пожал плечами.

— Ну... когда человека должным образом...

— Выдерживают? — перебил я. — Как «Гримсби»?

— Готовят, — уточнил он, натянуто улыбаясь.

— Хамфри, посмотрите правде в глаза. Неужели вам самому не ясно, что система государственной службы постоянно дает сбой? Почему в ней там мало женщин — заместителей постоянных заместителей?

— Они все время уходят, — объяснил он. — Им хочется иметь детей... развлекаться...

Ну и объяснение!

— Детей? Когда им под пятьдесят? Как это так?

Сэръ Хамфри заявил, что он понятия не имеет, он тут ни при чем. И все же, несмотря ни на что, он, мол, на моей стороне: безусловно, мы должны иметь больше женщин на высших постах.

- Прекрасно! — обрадовался я. — Признаюсь, у меня нет ни малейшего желания ждать двадцать пять лет. Кстати, Хамфри, насколько мне известно, у нас сейчас открыта вакансия заместителя постоянного заместителя, так ведь?

- Да, — ответил он настороженно.

- Очень хорошо. Отдадим ее женщине. Саре Хэррисон. Хамфри снова окаменел от ужаса. Или возмущения. Или раздражения. Или, по меньшей мере, недовольства. Но сдержал себя, ограничившись простым повторением ее имени. Но каким тоном!

- Саре Хэррисон?

- Да, Саре Хэррисон. По-моему, очень способная женщина. Вы не согласны?

- Да-да, очень... очень способная... для женщины.

- И у нее много оригинальных идей.

- Боюсь, это действительно так, — согласился сэр Хамфри. — Однако, слава богу, она не распространяет их на свою работу.

Я спросил его, что он имеет против Сары. Он заявил, что ничего против нее не имеет — наоборот, он целиком за нее. Она, безусловно, прекрасный работник, поэтому он всегда оказывал ей поддержку и, несмотря на ее молодость, лично рекомендовал на должность помощника постоянного заместителя около года назад.

- Вы согласны, что она великолепно справляется со своими обязанностями? — спросил я.

- Да, — без колебаний подтвердил он.

- Значит, в целом вы «за»?

- В целом? И да, и нет.

Сказал ему, что это не ответ.

- Это обдуманый ответ, — возразил он. И принялся объяснять, что Сара слишком молода и вообще ее очередь еще не подошла.

Я моментально ухватился за этот аргумент, ибо ждал, когда он им воспользуется.

- Вот... вот в чем беда государственной службы — нежелание расстаться с косностью. Надо смелее, при первой возможности повышать лучших...

- Точно, — согласился сэр Хамфри. — Как только подойдет их очередь.

- Ерунда! Наполеон завоевал Европу, когда ему было чуть за тридцать. Александр Македонский покорил мир в двадцать лет.

Сэр Хамфри презрительно пожал плечами.

- Да, но из них никогда не вышло бы заместителей постоянного заместителя.

- Так или иначе, они не ждали своей очереди.

- И что из этого вышло?!

Неужели сэр Хамфри надеется положить меня на обе лопатки? Смешно. И я решил перевести разговор в несколько иную плоскость.

- А смотрите, что происходит у нас! Кто управляет нашей страной? Может, молодые, ищущие, динамичные умы? Какое там — пресыщенные, вялые пятидесятипятiletние пердуны, мечтающие только о спокойной жизни и теплом клозете!

Хамфри холодно посмотрел на меня.

- Вы имеете в виду конкретных лиц, господин министр?

Я улыбнулся.

— И да, и нет, Хамфри.

Однако сэр Хамфри предпочел вернуться к обсуждению более конкретных проблем.

— Господин министр, — подчеркнуто-сухо заявил он. — Сара Хэррисон действительно превосходный работник, в известном смысле очень перспективный. Но она по возрасту самый младший помощник постоянного заместителя, поэтому в настоящее время я не могу и не буду рекомендовать ее на повышение.

Он ясно давал понять, что окончательное решение за ним, а мне, дескать, нечего совать нос в чужие дела.

Я обозвал его женоненавистником.

К моему удивлению, сэр Хамфри не рассмеялся над этой невинной шуткой.

— Господин министр, — тоном оскорбленной добродетели заявил он. — Как вы могли такое сказать?! Я душой и телом за женщин. Они замечательные существа. А Сара Хэррисон — одна из лучших представительниц прекрасного пола. Я искренне восхищаюсь ею. Но к вопросу о выдвижении женщин надо подходить серьезно, действовать осторожно, тактично и с умом. В настоящее время Сара — единственная женщина, реально претендующая на высокий пост в государственной службе. Мы не должны торопить события. Поспешность может только ей навредить. Не следует забывать: женщины с трудом переносят бремя ответственности.

Все-таки он ярый женоненавистник!

- Хамфри, послушали бы вы себя со стороны!

Но он будто оглох и продолжал гнуть свое:

— Ведь если бы женщины могли быть хорошими постоянными заместителями, их уже сейчас было бы гораздо больше, разве не так? По-моему, вполне логично.

Демагогия! Откровенная, беспардонная демагогия!

— Нет, Хамфри, — начал я и замолчал, не зная, что сказать.

А он все говорил и говорил:

- Я люблю женщин. Мои лучшие друзья — женщины. Например, моя жена. (Не слишком ли его занесло?) Сара Хэррисон еще недостаточно опытна, кроме того, у нее двое детей школьного возраста, они могут заболеть свинкой.

Еще один несуразный аргумент! Любой из нас может заболеть, при чем тут дети?

- Если уж на то пошло, Хамфри, вы тоже не застрахованы, скажем, от... лишая.

— Не застрахован, господин министр. Особенно учитывая ваше отношение, — сердито пробурчал он. — Ну а что вы скажете, если она из-за детей будет отсутствовать на работе все время?

Что за глупость? Я подчеркнул, что Сара Хэррисон — лучшая

кандидатура на повышение, и попросил его честно ответить мне на один вопрос: могла бы она достигнуть уровня помощника постоянного заместителя, если бы ее дети непрерывно болели свинкой?

Он не стал возражать, но предупредил:

— Господин министр, ваше решение выдвигать женщин только на том основании, что они — «лучшие кандидатуры», вызовет недовольство всего Уайтхолла.

- Но ведь в Уайтхолле есть и женщины...

— А-а!.. — Сэр Хамфри презрительно махнул. — Их так мало, что этим можно пренебречь.

Замкнутый круг! Может, крылатая фраза «вращаться в кругах» именно это и означает?

(В конце недели сэр Хамфри Эплби встретился за обедом в клубе «Атенеум» с секретарем кабинета сэром Арнольдом Робинсоном и, как всегда, изложил содержание беседы в своем дневнике. — Ред.)

«Арнольд испытывает по отношению к женщинам те же чувства, что и я. Подобно мне — но в отличие от министра — он понимает, что они во многом уступают нам. В частности:

1. Они плохо приспособлены для работы в коллективе: их неадекватная реакция вносит постоянный элемент напряженности.

2. Они слишком эмоциональны: в них мало рационального.

3. Им нельзя сделать замечание: они либо огрызаются и позволяют себе оскорбительные выражения, что делает их малопривлекательными, либо начинают истерично рыдать.

4. Они полны предрассудков.

5. Обожают делать глупые обобщения.

6. У них стереотипное мышление.

Арнольд посоветовал мне, образно говоря, «прожужжать Хэкеру все уши» по поводу этой проблемы, чтобы она ему изрядно надоела и он потерял к ней всякий интерес.

В принципе неплохой вариант, но к Хэкеру не подходит: его так легко не проймешь. Ему все интересно, даже собственная персона. Все они одним миром мазаны. Все, кто с упоением слушает только самого себя.

В любом случае факт остается фактом: у Хэкера завидно высокая сопротивляемость. Он с восторгом читает даже скучнейшие бумаги, которыми мы набиваем его красные кейсы.

Тогда Арнольд порекомендовал еще одну хитрость: сказать министру, что этого не потерпят профсоюзы. (*«Этого» — то есть приглашения женщин «со стороны» на высшие посты государственной службы. — Ред.*) По-моему, мысль стоящая.

Затем мы обсудили чисто женскую сторону вопроса. Его жена (*жена министра. — Ред.*) поддерживает повышение Сары Хэррисон и, насколько я знаю миссис Хэкер, возможно, даже и подала эту идею. Однако ей вряд ли известно, что Хэррисон — такая красавица. Уверен, они никогда не видели друг друга. Очень важный момент.

Я высказал опасение, что кабинет, скорее всего, одобрит предложение Хэкера. Правда, в ходе беседы мы пришли к заключению, что, безусловно, сумеем заставить его членов изменить свою точку зрения. Это не так уж

сложно. Они меняют взгляды, как женщины. И, слава богу, не впадают в истерику по каждому поводу».

(Нам представляется интересным сравнить самоуверенные высказывания сэра Хамфри с мнением сэра Арнольда Робинсона, которое он выразил в своем письменном отчете. — Ред.)

«...Сказал Эплби, что план его министра приглашать женщин «со стороны», несмотря на оригинальность и смелость, не произвел на меня особого впечатления.

(Слова «не произвел впечатления» — типичный образец манеры высших чиновников Уайтхолла изъясняться недомолвками. Читатель может только догадываться о глубине чувств, которые побудили сэра Арнольда употребить такой оборот в официальном документе. Явная враждебность по отношению к инициативе Хэкера сквозит и в слове «смелость», считающемся в государственной службе чем-то вроде анафемы. — Ред.)

Я посоветовал Эплби долго и нудно твердить о нем Хэкеру, пока тому не надоест. Эплби, однако, считает, что это не так легко сделать. Возможно, он прав.

Тогда я предложил ему несколько других вариантов. Например, испытанный прием с профсоюзами: сказать Хэкеру, что они этого не потерпят. Эплби возразил, что профсоюзы с радостью ухватятся за эту идею. Вполне вероятно, но какое это имеет отношение к делу?

Я также порекомендовал ему настроить должным образом жену министра и одновременно позаботиться о том, чтобы план Хэкера не прошел в кабинете. Эплби согласился испробовать все эти варианты. Больше всего меня тревожит, что он сам оказался не в состоянии ничего придумать.

Пожалуй, за ним следует понаблюдать. Не обсудить ли с ПМ вопрос о его досрочной отставке?»

(Сэр Хамфри, естественно, не имел возможности ознакомиться с этим отчетом, поскольку государственным служащим такие документы никогда — кроме чрезвычайных обстоятельств — не показывают.)

Само собой разумеется, что и Хэкер ничего не знал о содержании беседы в клубе «Атенеум».

Вот в такой обстановке секретности и развивается наша демократия. Только в Уайтхолле вместо слова «секретность» предпочитают говорить «сдержанность», считая это главной доблестью. — Ред.)

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

1 ноября

Сегодня утром сэр Хамфри зашел ко мне, уселся и заявил такое, чего я от него еще не слышал.

- Господин министр, я пришел к выводу, что вы правы.

Он бесчисленное количество раз имел возможность убедиться в моей правоте, но только сейчас, без малого через год нашей совместной работы, похоже, начинает принимать меня всерьез.

Я сразу настоужился и попросил его пояснить сзую мысль.

Хотя просить сэра Хамфри пояснить свою мысль нередко означает совершить большую ошибку.

- Господин министр, я целиком и полностью разделяю ваши взгляды и готов приложить все усилия, чтобы претворить их в жизнь. Я положительно против дискриминации женщин и положительно за положительную дискриминацию в их пользу.

Как ни странно, мне удалось выловить суть из этой словесной чепухи.

- Насколько мне известно, — добавил сэр Хамфри, к моему удивлению, — на высшем уровне формируется мнение в пользу такого подхода.

Очевидно, он имел в виду премьер-министра. Добрые вести!

Затем, еще больше удивив меня, он предложил распространить принцип равных возможностей не только на государственную службу, но и на политику. Насколько ему известно, пояснил он, из шестисот пятидесяти членов парламента только двадцать три — женщины. Чуть поколебавшись, я согласился с его доводом о недопустимости такого положения, но добавил, что, увы, с этим ничего уже не поделаешь.

По мнению Хамфри, это соотношение безусловно свидетельствует о дискриминации женщин со стороны политических партий.

- Без сомнения, дискриминация присутствует уже в самом процессе выдвижения кандидатов.

Я инстинктивно встал на защиту политических партий.

- И да, и нет. Видите ли, Хамфри, женщине очень трудно быть членом парламента: долгие, утомительные заседания, дебаты до позднего вечера, постоянные разъезды по стране... Сразу проблемы с домом, с мужем...

- Свинка у детей, — подсказал он.

Я понял: он просто надо мной издевается. И пытается выставить меня женоненавистником. Бред, конечно, о чем я и сказал ему в недвусмысленных выражениях.

После небольшой паузы мы продолжили разговор, но уже о конкретных делах. Я спросил его, с чего мы начнем осуществление нашего плана.

Хамфри заметил, что первым препятствием наверняка станут профсоюзы: они этого не допустят.

«Странно, с чего бы», — подумал я и предложил заранее переговорить с ними.

Сэр Хамфри всполошился.

- Нет, нет, нет, — запротестовал он, — ни в коем случае! Лучше не ворошить это осиное гнездо!

Мне было непонятно почему. Либо мой постоянный заместитель с болезненным предубеждением относится к профсоюзам, либо это просто тактический ход с целью запугать меня. Я подозреваю последнее. *(Как видно, Хэкер уже начал понимать, что у чему. — Ред.)*

Как я ни настаивал, Хамфри так и не объяснил толком, почему

нельзя напрямую переговорить с профсоюзами, и поспешно сменил тему.

- С вашего позволения, господин министр, подойдем к вопросу реалистически...

Я перебил его.

- Реалистически в том смысле, что наш план надо сразу положить под сукно?

- Что вы, вовсе нет! — оскорбился он. — Но, может, имеет смысл сделать небольшую паузу, чтобы перегруппировать силы... передышку, в ходе которой можно трезво оценить ситуацию, обсудить альтернативные пути, поразмышлять и прийти к зрелым выводам...

Я снова его прервал.

- Иными словами, вы все-таки предлагаете положить наш план под сукно.

Это был уже не вопрос. Я без колебаний разрубил этот гордиев узел. Беру штурвал в свои руки и не сверну с избранного пути, о чем и заявил сэру Хамфри.

- Через четыре года мы доведем норму представительства женщин в государственной службе до двадцати пяти процентов. Через четыре года! И для начала я добьюсь назначения Сары Хэррисон на должность заместителя постоянного заместителя.

Мой Постоянный заместитель ужасно расстроился.

- Нет, господин министр! — с отчаянием воскликнул он. — Не делайте этого! Ваше решение ошибочно!

Любопытно слышать это из уст человека, который несколько минут назад начал разговор словами: «Господин министр, я пришел к выводу, что вы правы».

- Меня никто и ничто не заставит изменить решение. Это вопрос принципа, — твердо сказал я и добавил, что в ближайшие дни переговорю со своими коллегами в кабинете. Они наверняка поддержат меня в расчете на голоса женщин.

- Мне показалось, вы настаивали, что это вопрос принципа, а не голосов, господин министр, — язвительно заметил Хамфри.

Умник нашелся! Я разъяснил ему, что имел в виду своих коллег по кабинету. Для меня же это безусловно вопрос принципа.

Очень плодотворная встреча. Вряд ли он сумеет помешать реализации моего гуманного плана.

2 ноября

У меня произошел очень странный разговор с Энни по дороге в партийный центр, куда мы были приглашены на прием.

В 17.30 она заехала за мной в министерство. Однако ей пришлось подождать: последнее совещание закончилось позднее обычного, а потом мне, как назло, надо было подписать множество срочных бумаг.

Кстати, процесс подписания документов сам по себе довольно забавен. Бернارد раскладывает их в три или четыре ряда во всю

длину стола, за которым во время заседания усаживается по двенадцать человек с каждой стороны. Затем я быстро двигаюсь вдоль стола, на ходу ставя свою подпись. Так получается быстрее. Бернард следом за мной собирает подписанные документы и сдвигает на край стола следующий ряд. Ну, и так далее.

Естественно, я не имею возможности не только внимательно читать, но даже бегло просматривать все бумаги. Поэтому полностью доверяю Бернарду. Правда, иногда мне приходит в голову тревожная мысль: при такой спешке я могу подписать все что угодно.

Однако лучше не отвлекаться. Пока мы с Бернардом занимались документами, Энни пила кофе в кабинете у Хамфри. Ужасно милый жест с его стороны — проявить заботу о моей жене вместо того, чтобы преспокойно читать газету в шестичасовом поезде на Хейлсмир. Очевидно, Энни ему нравится. К тому же он наверняка убежден в полезности светских бесед с женой министра.

Но потом, в машине, как я уже отмечал, с Энни происходило что-то неладное. Она держалась холодно, отчужденно и даже не пожелала ответить на мой естественный вопрос, что случилось. Может, она обиделась, что ей пришлось так долго ждать? Да еще в компании с Хамфри, по ее мнению, невыносимо скучным человеком. Что ж, за счастье быть женой преуспевающего политика надо платить!

(Небольшой отрывок из личного дневника сэра Хамфри Элби проливает свет на истинные причины плохого настроения миссис Хэкер. — Ред.)

«Сегодня в конце рабочего дня имел удовольствие побеседовать с миссис Хэкер в своем кабинете за рюмочкой «шерри». Министра задержали срочные дела. И возникли они отнюдь не случайно. Я заранее позаботился, чтобы совещание продлилось дольше обычного.

Я незаметно перевел разговор на тему о предстоящих изменениях в системе государственной службы. Как и следовало ожидать, этот вопрос ее очень интересовал.

Она тут же спросила меня: «Кстати, а как дела с повышением этой женщины, о которой недавно упоминал Джим?»

Я с нескрываемым восторгом принялся рассказывать ей, что у министра исключительный нюх на таланты, а Сара — настоящий талант, к тому же на редкость мила — просто чаровница!

Затем я выразил искреннее восхищение новым поколением женщин в системе государственной службы, особенно в сравнении со старыми гримзами — нашими ветеранами. В заключение я в целях объективности добавил, что хотя большинство представительниц нового поколения, конечно, далеко не так красивы, как Сара, зато уж в женственности им никак не откажешь. Ни одной.

Энтузиазм миссис Хэкер по поводу повышения Сары Хэррисон таял буквально на глазах. Она заметила, что Хэкер никогда не говорил ей о внешности Сары.

Я понимающе рассмеялся и начал уверять ее, что министр,

очевидно, просто не разглядел, хотя поверить в такое было бы, честно говоря, довольно трудно. Я не жалел красок, Сара представляла эдакой Элизабет Тейлор Уйатхолла. Ее красота бросается в глаза, ее нельзя не заметить, особенно господину министру, который проводит с нею столько времени... И будет проводить еще больше, когда ее повысят.

У меня сложилось впечатление, что теперь в этом вопросе министр не найдет поддержки у собственной половины».

(Как мы имели возможность убедиться ранее, сэр Арнольд Робинсон и сэр Хамфри Элпби практически не сомневались, что сумеют «провалить» предложение Хэкера в кабинете, если до этого дойдет дело.

Что давало им такую уверенность? Неофициальные встречи постоянных заместителей, регулярно проводившиеся в 70—90-х годах по средам у секретаря кабинета, причем — забавная, если не сказать «необычная», деталь — без повестки и без протокола.

Постоянные заместители просто «заглядывали» к секретарю кабинета и заодно обсуждали вопросы, представлявшие взаимный интерес. В результате они были всегда прекрасно информированы о проблемах, которые их министрам предстояло решать на заседании кабинета в четверг, то есть на следующее утро. К тому же у каждого из них оставался в запасе практически целый день, чтобы в зависимости от конкретных потребностей настроить своего министра «за» или «против».

В личном дневнике сэра Хамфри мы нашли подробную запись того, что происходило на очередной встрече постоянных заместителей в интересующую нас среду. — Ред.)

«Я проинформировал своих коллег о намерении Хэкера повысить норму представительства женщин на ответственных постах государственной службы до двадцати пяти процентов, а со временем довести ее до пятидесяти. Короче говоря, равенство.

Мои коллеги сочли предложение Хэкера интересным.

(«Интересный» — еще один ругательный эпитет государственной службы наряду с такими, как «оригинальный» или «дерзновенный». — Ред.)

Арнольд с самого начала задал беседе правильный тон, высказав мнение, что стремление относиться к женщинам как к равным справедливо и достойно всяческого уважения. «В принципе мы все должны согласиться с тем, что такие задачи перед собой надо ставить и по мере возможности решать», — заключил он.

Все без возражений согласились, что в принципе ставить и решать такие задачи справедливо и достойно всяческого уважения.

Затем Арнольд по очереди опросил некоторых моих коллег на предмет выяснения их возможностей для претворения в жизнь великолепной инициативы Хэкера в своих министерствах.

Билл (сэр Уильям Картер — постоянный заместитель министра иностранных дел и по делам Содружества. — Ред.) сказал, что он, естественно, целиком и полностью согласен с вышеизложенным. По его убеждению, государственная служба должна пойти на некоторую дискриминацию

в пользу женщин. Однако вместе с тем он вынужден с сожалением констатировать, что по вполне очевидным причинам для МИДДСа это исключено. Ведь не могут же они посылать женщин-послов, например, в Иран или другие мусульманские страны. Откровенно говоря, большинство стран «третьего мира» отстают от нас в вопросе женского равноправия. А поскольку наши дипломаты получают новые назначения каждые три года и к тому же постоянно общаются с представителями исламских государств здесь, в собственной стране, то вывод не вызывает сомнений: предложение Хэкера для МИДДСа, увы, неприемлемо. Вместе с тем он хотел бы еще раз подчеркнуть, что снимает шляпу перед начинанием как таковым.

Йен (сэр Йен Симпсон — постоянный заместитель министра внутренних дел. — Ред.) с энтузиазмом высказался в поддержку этого принципа. По его убеждению, мы все только выиграем от «женского прикосновения». Более того, некоторые проблемы женщины вообще решают лучше, чем мужчины. Он в этом не сомневается. Но, к сожалению, для МВД придется сделать исключение: не женщинам же поручать руководить полицией или управлять тюрьмами. Да вряд ли они и сами захотят этого.

Мы все единодушно согласились, что так оно и есть.

По мнению Питера (*сэр Питер Уэйнрайт — постоянный заместитель министра обороны. — Ред.*), то же самое, увы, относится и к министерству обороны. В самом деле, можно ли себе представить, чтобы женщины командовали генералами и адмиралами? И уж совсем невозможно представить женщину в роли начальника службы безопасности.

«Да, оборона все-таки остается делом мужчин, — согласился Арнольд. — Равно как и промышленность, занятость... Обламывать всех этих профсоюзных баронов, прямо скажем, не женское дело».

А Джон (*сэр Джон Кендрик — постоянный заместитель министра здравоохранения и социального обеспечения. — Ред.*) откровенно порадовал всех, сообщив, что женщины представлены весьма широко в руководстве его министерства. Там работают две из четырех женщин — заместителей постоянных заместителей во всем Уайтхолле.

Ни одна из них, само собой разумеется, не может рассчитывать на должность постоянного заместителя, так как обе являются врачами, ведающими чисто медицинскими вопросами. Вместе с тем женщины составляют восемьдесят процентов технического персонала министерства и работают очень хорошо. Джон также добавил, что в принципе поддерживает прекрасную идею выдвижения женщин на самые высокие посты.

Арнольд подвел итог высказанным точкам зрения: в принципе мы все — безоговорочно! — за равные права для женщин, но при этом считаем необходимым отметить наличие особых условий в ряде отдельных министерств.

Я снова поднял вопрос о нормах представительства и выразил свое несогласие с ними.

Мое возражение встретило немедленную и единодушную поддержку собравшихся. По общему мнению, предложение Хэкера лишено здравого смысла — типичный бред политика.

Я высказал свой главный аргумент: мы должны всегда иметь право выдвигать лучшего человека, невзирая на пол.

Далее я отметил — конечно, выступая с позиций ревностного поборника женского равноправия, — что основная трудность заключается в правильном отборе контингента. Например, замужние женщины с детьми

не способны отдавать себя работе без остатка, в то время как незамужние да еще без детей редко бывают гармонически развитыми личностями и не обладают достаточным пониманием жизненных проблем.

Все дружно согласились, что наличие семьи — важный фактор и что старой деве трудно стать гармонически развитой личностью.

Резюмируя, я высказал вежливое сомнение в возможности найти такую гармонически развитую личность — замужнюю женщину с любящим мужем и тремя детьми, которая бы смогла и захотела посвятить буквально все свое время — день и ночь — делам государственной службы.

Наше обсуждение продлилось довольно долго, что безусловно свидетельствует о внимании Арнольда к данному вопросу. В заключение он попросил всех присутствовавших обеспечить негативное отношение министров к предложению Хэкера в кабинете, прибегнув для этого к ссылкам на «особые условия» каждого отдельного ведомства. Вместе с тем он настоятельно попросил нас всех активно ратовать за принцип равных возможностей на любом уровне.

Я только добавил, что, поскольку мой министр видит в привлечении женщин одно из средств достижения большего разнообразия на вершине государственной службы, моим коллегам следует довести до своих министров простую мысль: говоря объективно, более разнообразных людей, чем мы, трудно найти.

Все единодушно согласились, что мы действительно представляем страну в самом широчайшем смысле».

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

4 ноября

Сегодня состоялось заседание кабинета, завершившееся для меня весьма неожиданно.

Я выдвинул предложение о повышении норм представительства женщин на высших постах государственной службы. Мои коллеги согласились с ним в принципе. Правда, затем все по очереди заявили о его неприемлемости для своих министерств. «В силу особых условий». В конечном итоге меня никто не поддержал.

Что еще более странно: я не ощущаю прежней поддержки со стороны Энни. Не в вопросе о нормах как таковых, а в вопросе повышения Сары Хэррисон. Честно говоря, такой реакции я от нее не ожидал. Стоит только заговорить о Саре, как она тут же замыкается, уходит в себя. Поворот на 180 градусов. Потрясающе!

И все-таки, особенно учитывая мою неудачу в кабинете, повышение Сары Хэррисон — единственное, чего я реально могу добиться в ближайшее время. Мы с Хамфри договорились побеседовать с ней завтра. Я полон решимости довести дело до победного конца.

5 ноября

Крах идеи равных возможностей! На душе горечь досады против всего этого дела в целом и против женщин в частности. Во всяком случае, против одной из них.

Сегодня до встречи с Сарой я сказал сэру Хамфри, что мы

обязаны сделать первый шаг, хотя бы один шагок в этом направлении, зажечь искорку... (Читатель уже знает: 5 ноября — день Гая Фокса. — Ред.)

- Даже факел! — отозвался он.

Что бы это могло значить?

В кабинет вошла Сара. Я в общих чертах изложил ей суть вопроса. У нас в МАДе имеется вакантная должность заместителя постоянного заместителя министра, на которую мы с сэром Хамфри хотим ее рекомендовать, учитывая ее выдающиеся способности и несмотря даже на то, что она моложе всех остальных работников ее ранга.

Реакция Сары показалась нам несколько странной.

— О! — удивленно воскликнула она. — Просто не знаю, что и сказать. — И весело рассмеялась.

«Что тут смешного?» — подумали мы с Хамфри.

— А ничего и не надо говорить, — сказала я.

- Вполне достаточно простого «спасибо», — добавил сэр Хамфри.

Она по-прежнему мило улыбалась, но слова ее прозвучали для меня, словно взрыв бомбы.

— Нет, то есть... я имею в виду... о боже! Послушайте, все получилось как-то нелепо... я думала... то есть я хотела сказать вам об этом на следующей неделе... я уйду из государственной службы...

Я чуть не свалился со стула от изумления. Хамфри, судя по его растерянному виду, тоже.

— Что? — с трудом выдавил я.

— Уйду?.. Из государственной службы?.. — тупо переспросил Хамфри.

— Да, — подтвердила она. — Так что спасибо вам. Нет-нет, на самом деле спасибо.

Придя в себя, Хамфри поинтересовался, все ли у нее в порядке с детьми, в семье.

Бернард пробормотал что-то насчет свинки.

Я попросил его заткнуться.

Сара сказала, что переходит на работу в коммерческий банк. Одним из директоров.

Она будет зарабатывать больше меня. Возможно, даже больше сэра Хамфри!

Я с немым укором посмотрел на нее.

- Ваше решение для нас страшный удар, Сара. Я хочу... точнее, мы с Хамфри хотим, чтобы вы знали: я веду неравный бой за равные возможности для женщин в Уайтхолле, и вы... в общем, вы могли бы стать моим троянским конем, понимаете?

Она объяснила, чем вызвано ее решение.

- Если говорить откровенно, господин министр, то мне нужна работа, где я не тратила бы бесконечные дни на бессмысленное перекалывание с места на место бумажек, на сообщение не

имеющей никакого отношения к делу информации людям, для которых она не представляет никакого интереса. Мне нужна работа, где требуются конкретные результаты, а не процесс сам по себе. Я устала от энергичного ничегонеделания. Мне бы хотелось иметь возможность указать на что-нибудь пальцем и сказать: «Это сделала я!»

Непроизвольная ирония ее слов меня восхитила. Да, кто-кто, а я ее понимаю.

Чего нельзя сказать о сэре Хамфри. С его лица не сходило выражение полного недоумения.

— Мне не понятно... — начал он.

Сара улыбнулась.

- Знаю. Потому и уйду.

Я поспешил заверить ее, что мне-то все понятно, но тем не менее спросил:

— Уж не хотите ли вы сказать, что управлять такой страной, как Британия, — недостаточно важное дело?

— Нет, очень важное. Просто мне пока не встретился человек, который бы действительно занимался этим... А бесконечные интриги?

Я спросил, что она имеет в виду.

— Ну, скажем, вашу идею с троянским конем, — не задумываюсь, ответила Сара. — Признайтесь, вас ведь пытались припугнуть: дескать, профсоюзы горой встанут против моего назначения?

Ну и дела! Неужели опять утечка?

— Откуда вам это известно?

Мой естественный вопрос привел ее в восторг. Она даже не пыталась скрыть своего удовольствия.

— Ниоткуда. Просто знаю, как здесь делаются дела.

Мы оба посмотрели на сэра Хамфри, у которого хватило совести чуть-чуть покраснеть.

После небольшой паузы я предпринял еще одну попытку переубедить ее.

— Послушайте, Сара, неужели вы не понимаете, какую битву мне пришлось выдержать ради вашего назначения?

В ее глазах вспыхнул злой огонек. Она вся как бы подобралась, словно тигрица перед прыжком, и я впервые за время нашего знакомства почти физически ощутил ту внутреннюю жесткость, благодаря которой она так много добилась в жизни. И характер, и чувство собственного достоинства. «Я что-то сказал не так», — мелькнула в голове мысль.

— Вот как? — язвительно спросила она. — Но я ведь не просила вас биться за меня. Мне совсем не хочется быть частью двадцатипятипроцентной нормы. Женщины — не низшие существа и не нуждаются в поощрениях! Боюсь, вы такой же патерналист и шовинист, как и все остальные. Я уйду туда, где ко мне будут относиться как к равной, где меня будут ценить не за принадлежность к полу, а за личные качества!

Конечно же, мои слова ее оскорбили. Я вдруг отчетливо понял: моя борьба обречена на поражение.

- Я могу идти? — вежливо спросила Сара. .

Задерживать ее не имело смысла, поэтому я, извинившись за свою неловкость — хотя мне до сих пор не ясно, как все это получилось, — отпустил ее.

— Ничего странного, господин министр, — она снова улыбнулась. — И... спасибо. Я знаю, вы оба хотели, как лучше.

— Женщины! — извиняющимся тоном произнес я, когда дверь за ней закрылась.

- Да, господин министр, — в тон мне пробормотал сэр Хамфри и печально покачал головой: «А что я говорил!»

(На этом дело отнюдь не закончилось. Как явствует из недавно опубликованных материалов, Хэкер еще долго боролся за свою двадцатипятипроцентную квоту — по крайней мере несколько недель. А неделя в политике — срок немалый! Надеемся, вы помните это изречение сэра Гарольда Вильсона?)

Изобретательность сэра Хамфри в последующих эпизодах борьбы за «равные возможности», как и следовало ожидать, была непревзойденной. В частности, он предупредил Хэкера, что Управление по вопросам расовых отношений по своим каналам узнало о предполагаемой квоте для женщин и если в государственной службе будет установлена норма представительства женщин, то ее придется вводить и для черных.

Энтузиазм Хэкера заметно поубавился. Расистом он, конечно, не был, но как политик отчетливо понимал: если борьба за равные возможности для женщин сулит новые голоса избирателей, то борьба за равные возможности для черных — скорее всего, потерю старых.

Через несколько дней Хэкер вновь поднял вопрос о «группах меньшинств — женщинах, черных, тред-юнионистах и т. п.» (выражение Хэкера).

Сэр Хамфри объяснил ему, что женщины и тред-юнионисты не входят в эту категорию, хотя им также свойственно параноидальное восприятие действительности, отличающее любую группу меньшинства.

В результате Хэкер сам пришел в тому, что предлагал раньше Элби: приступить к созданию равных возможностей для женщин и черных... при приеме на работу практикантов государственной службы.

Хэкер также согласился с необходимостью создания специального межведомственного комитета для изучения вопроса о повышении эффективности методов отбора практикантов для работы в системе государственной службы. Свои рекомендации комитет должен представить через четыре года. Правда, к тому времени Хэкер, скорее всего, не будет министром. — Ред.)

16 ВЫЗОВ

10 марта

Отличные новости! Сегодня утром меня пригласили на Дау-нинг, 10. Прибыв туда, я узнал о грядущих административных изменениях. Речь идет не о перестановке в кабинете, а о реорганизации. Я остаюсь министром административных дел, но теперь в сферу моей компетенции входят еще органы местного управления. Это не шутка!

(Позднее в тот же день Хэкер дал интервью Людовику Кеннеди — ведущему популярной радиопрограммы новостей 70—80-х годов «Мир в час дня». В нашем распоряжении оказалась стенограмма этой беседы. — Ред.)

БИ-БИ-СИ РАДИО

ЛЮДОВИК: Центральным событием сегодняшнего дня, безусловно, является правительственная реорганизация, еще более расширяющая административную империю distinguished Джима Хэкера, члена парламента. Мистер Хэкер, говорят, вы теперь не только «мистер Уайтхолл», но и «мистер Таунхолл»*?

ХЭКЕР: Конечно, лестно, что вы меня так называете, Людо...

ЛЮДОВИК: Это не я вас так называю, господин министр, а «Дейли миррор». Я всего лишь хочу получить подтверждение, что теперь вы — главный бюрократ страны.

ХЭКЕР: Понятно. Что вы, такие слухи — нелепость. Наше правительство — за борьбу с бюрократией.

ЛЮДОВИК: Да, но, по имеющимся у меня данным, только в этом году аппарат министерства увеличился на десять процентов...

ХЭКЕР: Не может быть!

ЛЮДОВИК: Если у вас другие сведения, сообщите, пожалуйста.

ХЭКЕР: Насколько я помню, в последнем отчете фигурировала цифра девять и девяносто семь десятых процента.

ЛЮДОВИК: Существует мнение, мистер Хэкер, что вы стремитесь не столько к сокращению бюрократического аппарата, сколько к его росту.

* Здание городского или районного совета.

ХЭКЕР: Но... но только потому, что нам приходится набирать штаты, чтобы сократить штаты...

ЛЮДОВИК: Простите?..

ХЭКЕР: Так подсказывает здравый смысл: чем больше врачей, тем больше они вылечат больных, чем больше пожарных, тем больше пожаров они затушат, чем больше...

ЛЮДОВИК (перебивает его): Ну а как вы предполагаете бороться с бюрократией органов местного самоуправления?

ХЭКЕР: Что ж, это серьезный вызов, и я принимаю его!

ЛЮДОВИК: Вы согласны с утверждением, что на местах бюрократических издержек даже больше, чем в Уайтхолле?

ХЭКЕР: Э-э... пожалуй, да. В этом и заключается вся сложность поставленной передо мной задачи.

ЛЮДОВИК: И как же вы собираетесь ее решать?

ХЭКЕР: Сейчас еще рано говорить о конкретных мероприятиях. Не забывайте: я сюда прямо от Номера Десять.

Наш основной принцип — беспощадно искоренять бюрократические пережитки, не снижая при этом качества...

ЛЮДОВИК: То же самое говорил ваш предшественник сразу после назначения. Как вы считаете, он потерпел фиаско?

ХЭКЕР: Позвольте мне закончить свою мысль. Здесь не должно быть неясностей. Я хочу быть с вами совершенно откровенным. Суть проблемы заключается в том, что в конечном итоге право... нет, долг законно избранного правительства — следить в палате общин за тем, чтобы политика правительства, то есть его политическая программа, благодаря которой мы были избраны и получили мандат доверия, за которую проголосовал народ, стала политическим курсом, который в результате дележа национального пирога... э-э... позвольте напомнить вам: мы как нация не обладаем безграничными возможностями, мы просто не можем получать больше, чем заработали... э-э... Так в чем, собственно, заключается ваш вопрос?

ЛЮДОВИК: Я спросил вас, согласны ли вы с тем, что ваш предшественник потерпел фиаско в борьбе против бюрократии?

ХЭКЕР: Ни в коем случае! Наоборот! Просто эту задачу саму по себе можно считать... э-э...

ЛЮДОВИК: Вызовом?

ХЭКЕР: Да! Именно вызовом!

(В ближайшие два дня сэр Хамфри Эплби и секретарь кабинета сэр Арнольд Робинсон обменялись записками следующего содержания. — Ред.)

10 DOWNING STREET

From the Cabinet Secretary

March 11th

Dear Humphy,

Heard your chap on the radio yesterday. Sounded as though he wanted to do things about your new Local Government remit. Kept calling it a challenge.

I do want you to be quite clear in your own mind that I wouldn't have given you Local Government if I thought you were going to let Hacker do anything about it.

A.

Дорогой Хампи!

Вчера по радио слушал твоего парнишку. Похоже, у него самые серьезные намерения. Он вроде бы даже считает это вызовом. Советую не забывать: я никогда не доверил бы вам контроля за органами местного самоуправления, если бы у меня были сомнения в том, что ты позволишь Хэкеру предпринять хоть какие-то практические шаги.

DEPARTMENT OF
ADMINISTRATIVE AFFAIRS

From the Permanent Under-Secretary of State

Dear Arnold : —

I'm sure he won't be able to.

Nobody else has.

JA

11/iii

Дорогой Арнольд!

Уверен, у него ничего не выйдет. Во всяком случае, до сих пор еще ни у кого не выходило.

10 DOWNING STREET

From the Cabinet Secretary

9 March 12^E

Dear Humphy,

That's not the point. We have found in the past that all Local Government reforms rebound on us. Whenever anybody finds a way of saving money or cutting staff in Local Government, you will find it works for Whitehall just as well.

If he needs something to keep him busy get him to look into Civil Defence.

A.

Дорогой Хампи!

Суть не в этом. Как показывает опыт прошлого, любые реформы местных органов власти немедленно сказываются на нас. Когда они находят способ сэкономить средства или сократить штаты у себя на местах, мы вынуждены следовать их примеру здесь, в Уайтхолле.

Если ему нечем заняться, надо направить его усилия на гражданскую оборону.

(В тот же день, 12 марта, сэр Хамфри сделал соответствующую запись в дневнике. — Ред.)

«Обменялись записками с А. Р. Он озабочен, как бы Хэкер не переступил черту дозволенного. Я дал ему понять, что знаю свое дело.

Вместе с тем Арнольд подсказал мне блестящую идею: отвлечь

внимание Хэкера от местных советов, направив его усилия на гражданскую оборону, то есть в конечном итоге на противоатомные убежища.

Вот смех-то! Все знают, что гражданская оборона — бесперспективное, безнадежное дело, и поэтому доверяют его тем, на чью неспособность можно смело положиться, — местным органам самоуправления!»

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

15 марта

Сегодня познакомился с доктором Ричардом Картрайтом — новым советником МАДа, очень интересным человеком.

У нас было совещание руководителей служб министерства, и он тоже присутствовал. Кстати, по недосмотру моих помощников нас даже толком не представили друг другу.

Так вот, сразу после совещания, когда все начали расходиться, передо мной вдруг выросла неуклюжая фигура пожилого юноши, который с мягким ланкаширским акцентом попросил разрешения переговорить со мной.

Естественно, я согласился. Он сразу разжег мое любопытство. Чисто внешне доктор Картрайт разительно отличался от большинства чиновников МАДа: мешковатый твидовый пиджак с кожаными налокотниками, мышинного цвета волосики, зачесанные на лоб, и толстые роговые очки. Выглядел он, как пожилой десятиклассник. Если бы меня попросили угадать его профессию, я бы, скорее всего, остановился на учителе математики в средней школе..

— Я хотел обсудить с вами одно предложение, выдвинутое еще до того, как нас перевели в МАД, — высоким мелодичным голоском произнес он.

— А вы?.. — спросил я, еще не зная, кто он такой.

— Я?.. — Он удивленно посмотрел на меня.

— Да, вы... Вы кто?

Он смутился.

— Как?.. (Теперь смутился я.) Я доктор Картрайт.

В разговор вмешался Бернард.

— С вашего позволения, господин министр, я сформулирую ваш вопрос несколько иначе... К чему вы относитесь, доктор?

— Я? К англиканской церкви. — Доктор Картрайт был в полном недоумении.

- Да нет же, господин министр спрашивает, к чему вы относитесь в МАДе, — терпеливо объяснил Бернард.

— Как, вы не знаете? — ужаснулся он.

— Я-то знаю, — успокоил его Бернард. — Но господин министр тоже хочет знать.

Наконец-то разобрались! Трудно поверить, но именно так нередко общаются между собой в коридорах власти люди, облеченные доверием народа.

- Я — экономист, — представился Картрайт. — Директор статистического управления местных советов.

— Значит, вы возглавляли директорат местных советов до того, как вас влили в МАД?

— Ну что вы! — уныло улыбнулся он на мой вопрос. — Нами руководил сэра Гордон Рейд, постоянный заместитель. А я всего лишь его заместитель, и, боюсь, выше мне уже не подняться.

Я спросил почему.

Он снова улыбнулся.

- Увы, я — специалист.

(Интересный штрих: культ гуманитариев широкого профиля настолько укрепился в Уайтхолле, что специалисты без ропота и возражений соглашались на вторые роли. - Ред.)

— Специалист в чем?

— Вот в этом, — скромно ответил он и протянул мне тоненькую папку.

Я только что ознакомился с ее содержанием. Там предложения по контролю за расходами местных властей. Пороховая бочка! Он предлагает не выделять денег на любой новый проект, если его авторы не указывают перечня конкретных условий (Картрайт называет это «регламентом неудач»), при которых реализация данного проекта может потерять практическое значение.

Должен сознаться, до меня вначале не дошел глубинный смысл его предложения, но потом я поговорил с Энни, и она объяснила мне, что это называется «научный подход». Я никогда с этим не сталкивался, поскольку в студенческие годы занимался социологией и экономикой. Похоже, научный подход предусматривает, чтобы до финансирования любого нового проекта устанавливались четкие критерии его успеха или провала и приводились конкретные оговорки типа: «проект не окупится, если его реализация затянется дольше такого-то периода», или если «затраты превысят такую-то сумму», или если «не будут выполнены такие-то условия».

Потрясающе! Так мы и будем действовать. Причем не завтра, а сегодня, сейчас, немедленно! Единственное, чего я не могу понять, — куда мы раньше смотрели?

16 марта

Придя утром в министерство, я первым делом связался по телефону с доктором Картрайтом и задал ему этот вопрос.

Оказалось, и он не знает ответа.

— Мне это тоже не совсем понятно, господин министр. Я много раз подавал наверх свои рекомендации, и они неизменно встречали полное одобрение. Но как только доходило до практического обсуждения, у сэра Гордона всегда находилось что-то более важное или срочное.

Я порадовал его, сказав, что на этот раз он обратился по адресу, и положил трубку.

В кабинет тут же вошел Бернад. Вид у него был крайне оза-

боченный. Он, естественно, слушал наш разговор по своему аппарату.

- Что вы думаете по этому поводу, Бернард? — потирая от удовольствия руки, спросил я.

Последовало красноречивое молчание.

— Вы же читали докладную? Докладную Картрайта?

- Да, господин министр.

— Ну... и что скажете?

- Она... э-э... хорошо изложена, господин министр.

Яснее некуда.

- Бернард, как вы считаете, сэр Хамфри будет доволен? Мой личный секретарь нервно откашлялся.

- Господин министр, он придет к вам по этому поводу завтра утром и, не сомневаюсь, лично выскажет свою точку зрения.

- Вы чего-то не договариваете, Бернард. Выкладываете все начистоту.

— Э-э... Если вы настаиваете... думаю, он скажет, что докладная прекрасно... напечатана, — промямлил он и затем, к моему удивлению, ухмыльнулся.

17 марта

Утром встретился с сэром Хамфри. Он пришел обсудить позицию МАДа по отношению к местным органам самоуправления, однако я ловко повернул разговор на рекомендации доктора Картрайта.

Вначале мы, как всегда, плохо понимали друг друга.

— Так вот, Хамфри, местные власти... — решительно начал я.
— Что нам теперь с ними делать?

— Ничего особенного, господин министр. Бюджет, помещения и штаты — вот чем надо заниматься в первую очередь.

Я похвалил его за прямое попадание.

- Вот именно, Хамфри. Это наша главная проблема.

- Проблема? — удивился мой постоянный заместитель.

— И еще какая! — заверил я его. — В этих чертовых местных советах бюджет, помещения и штаты растут как на дрожжах.

- Да нет же, господин министр, — покровительственным тоном отозвался он, — вы меня не так поняли. Я имею в виду бюджет, помещения и штаты нашего министерства. Они, безусловно, должны быть увеличены, поскольку на нас возложили дополнительные обязанности. Это более чем логично.

Я ответил ему в тон:

- Нет, Хамфри, боюсь, это вы меня не так поняли. В местных органах власти царит чудовищная неразбериха, поэтому меня интересуют меры по исправлению недостатков. Советы должны работать экономнее и эффективнее.

Он испытующе посмотрел на меня и, подумав, решил переменить тактику (это было ясно по выражению его лица).

- Господин министр, новые функции нашего министерства по-

вышают ваш вес, влияние и статус в кабинете, но, согласитесь, было бы глупо взваливать на себя лишние хлопоты.

Слава богу, его льстивые речи на меня больше не действуют. Я настойчиво повторил, что мы должны положить конец этой возмутительной бесхозяйственности и неоправданным расходам.

— Почему? — неожиданно спросил он.

— Как почему? — ошеломленно переспросил я.

— Да, почему?

— Потому что это моя работа... потому что мы — правительство... нас избрали править...

— Господин министр, неужели вы собираетесь нарушить права демократическим путем избранных представителей органов местного самоуправления?

Столь трогательная забота сэра Хамфри о демократии сбила меня с толку. Его аргументация была вполне логична, и я не знал, как отреагировать. Но затем в голове у меня все улеглось: между Вестминстером и органами самоуправления не должно быть никакого соперничества. Вестминстер дает власть местным советам, что и определяет характер их деятельности. Парламент превыше всего. У нас парламентская демократия. Кроме того, я припомнил одно обстоятельство.

— В местных советах демократией и не пахнет, — заявил я. — Демократия на местах — это фарс! Никто толком не знает своего представителя в совете. Большинство избирателей даже не принимает участия в выборах в местные органы власти. Ну а те, кто все-таки голосует, подходят к этому как к опросу о популярности правящей партии. Члены местных советов фактически никому не подотчетны.

Сэр Хамфри принял бесстрастный вид.

— Они — честные, сознательные граждане, бескорыстно жертвующие собой для блага общества.

— Вы сталкивались с ними? — спросил я.

— Крайне редко... когда не было другого выхода, — признался он, очевидно, в приступе откровенности. Иногда это с ним случалось.

— А я — очень часто. По меньшей мере половина из них — чванливые, самодовольные индюки, а другие — корыстолюбцы, рассматривающие совет как дойную корову.

— Может быть, тогда их следует перевести в палату общин? — невинно заметил сэр Хамфри.

Наверное, он правильно понял мой выразительный взгляд, ибо поспешил добавить:

— С тем чтобы показать им, каким должен быть настоящий законодательный орган.

Решив, что мы достаточно походили вокруг да около, я заявил Хамфри о своем твердом намерении навести порядок в местных советах. У меня на этот счет имеется конкретный план.

Он усмехнулся.

— У вас — план?
— Представьте. Я буду настаивать, чтобы любой проект стоимостью свыше десяти тысяч фунтов в обязательном порядке сопровождался «регламентом неудач».

— Простите, чем?
— Перечнем конкретных условий, при которых реализация данного проекта теряет практический смысл. Скажем, если не будут соблюдены установленные параметры или превышены штатные и бюджетные нормы.

В глубине души я надеялся, что мой постоянный заместитель сочтет меня автором этой гениальной идеи. Мечты, мечты...

— Господин министр, — в упор спросил он, — кто внушил Вам эту бредовую и опасную идею?

Лектора Картрайта нельзя ставить под удар!

— Кое-кто из нашего министерства, — поколебавшись, ответил я.

— Господин министр, я же предупреждал вас об опасности частных бесед с сотрудниками министерства. Заклинаю, не связывайтесь с местными советами! Это минное поле... политическое кладбище!

Природа не терпит вакуума, а Бернард — путаных метафор. Настолько, что даже счел возможным вмешаться в наш разговор.

— Сэр Хамфри, ради бога, простите, но, с вашего позволения, минное поле и кладбище несовместимы, так как все трупы... — Он начал жестами изображать что-то вроде взрыва, но моментально осекая, поймав красноречивый взгляд моего постоянного заместителя.

Кстати, интересно, почему Хамфри, ранее хвастливо заявлявший, что именно благодаря его стараниям мне было доверено местное самоуправление, теперь называет это минным полем и кладбищем?

— Хорошо, ну а что в таком случае я должен делать?

— М-м... да. Конечно... э-э... честно говоря, господин министр, по моим предположениям, вы и не должны что-либо делать. То есть... я хочу сказать... вы же до этого никогда ничего не делали...

Пропустив мимо ушей его оскорбительную фразу, я настоятельно потребовал от него конкретных предложений по немедленному осуществлению «регламента неудач». Мне вначале было непонятно, почему он так завелся, но затем дошло: ведь этот регламент вполне применим и к Уайтхоллу!

Я собирался сказать ему об этом, но он опередил меня, заметив, что у него появилась интересная мысль.

— Господин министр, раз вы так настроились на вмешательство в дела местных органов власти, позвольте мне внести одно, как мне представляется, разумное предложение. Не сомневаюсь, оно принесет вам популярность и множество голосов.

Что ж, разумное предложение послушать никогда не лишне.

— Я имею в виду один из важнейших аспектов деятельности местных советов, требующий неотложного вмешательства, — гражданскую оборону, — объявил Хамфри. Глупее не придумаешь! Заниматься противоятомными убежищами! Я еще не совсем из ума выжил. Он, очевидно, угадал мои мысли.

— В настоящий момент, господин министр, вы воспринимаете это как неуместную шутку. Но не забывайте: защита граждан — высший долг любого правительства. А местные власти и ухом не ведут!

— Существует точка зрения, — заметил я, — что строительство противоятомных убежищ только повышает вероятность развязывания ядерной войны.

— Пока существует ядерное оружие, без убежищ не обойтись.

— Пожалуй, вы правы. Но иногда мне приходит в голову мысль: а нужны ли нам вообще ядерные боеголовки?

Сэр Хамфри был поражен.

— Господин министр, вы случайно не из этих... односторонних?

Я честно признался, что иногда меня посещают такие мысли. Он посоветовал мне в таком случае выйти из правительства. Я успокоил его, заверив, что я не настолько привержен этим идеям. А потом добавил:

— К тому же, Хамфри, от русских нас всегда защитят американцы, верно?

— От русских? — переспросил он. — Кто говорит о русских?

— Э-э... доктрина ядерного сдерживания...

Он перебил меня:

— ...ставит своей целью защитить нас от французов.

Я ушам своим не поверил. От французов? Невероятно! Я напомнил Хамфри, что французы — наши союзники, наши партнеры.

— Это сейчас. Но не забывайте: они были нашими заклятыми врагами в течение последних девяти столетий. И до тех пор, пока у них есть бомба, нам ничего не остается, как тоже иметь ее.

Да, все логично. Теперь понятен глубинный смысл его слов. Если бомба защищает нас от французов — это же совсем другое дело. Лягушатникам нельзя доверять, тут двух мнений быть не может!

Далее. Любые попытки хоть как-то успокоить общественность, озабоченную проблемой ядерной угрозы, будут, несомненно, иметь положительный политический резонанс.

Кроме того, говорят, что Людовик Кеннеди готовит на Би-би-си документальный телефильм о гражданской обороне, причем весьма критического толка. Так что если мои решительные шаги станут известны избирателям...

— С чего начнем? — спросил я своего постоянного заместителя.

У него, естественно, уже было готовое предложение:

— За минувший год лондонский Темз-Марш израсходовал на гражданскую оборону меньше, чем любой другой район страны.

Великолепное начало! Темз-Марш — район Бена Стэнли, этого чокнутого троглодита с жиденькими усиками. Пресса ненавидит его.

Я попросил Бернарда подготовить наш визит туда и не забыть проинформировать журналистов.

— Скажите им: я не сплю ночами, беспокоясь о незащищенных гражданах Темз-Марша.

- В самом деле? — спросил Бернард, закрывая блокнот.

— Во всяком случае, начиная с сегодняшнего дня.

23 марта

Сегодня побывал с официальным визитом в муниципалитете Темз-Марша и очень доволен откликами в прессе, особенно фотографиями.

У подъезда нас встречала группа приветствия. Мне представили мэра.

Я пожал ему руку.

— Если не ошибаюсь, господин Стэнли?

Мой заготовленный экспромт очень развеселил репортеров.

Последовавшую беседу за чаем с липкими булочками, конечно, трудно назвать «собранием умов», но не в этом дело. Главное — мне удалось публично высказать свою идею. Не сомневаюсь, пресса ухватится за нее. Кто-нибудь да проболтается. *(Иными словами, Хэкер сам организует утечку. — Ред.)*

Стэнли настроен был враждебно и сразу перешел в наступление. Спросил, почему я считаю возможным являться в Темз-Марш из Уайтхолла и учить его, как управлять районом.

Я в ответ подчеркнуто-вежливо попросил объяснить, по какой причине он меньше других в Британии заботится о защите избравших его граждан.

— По очень простой, — пробурчал он. — Нет денег.

Тогда я предложил ему поискать получше. Стэнли чуть не задохнулся от ярости.

— Гениально! Просто гениально! — Он растянул губы в злобной улыбочке, как ни странно, совсем не вязавшейся с малюсенькими глазами и крошками марципана, застрявшими в подергивающихся усишках. — Прикажете отменить школьные завтраки? Не покупать учебников? Или выгнать на улицу ППВ? *(Пенсионеров преклонного возраста. — Ред.)*

Эта дешевая демагогия районного политика не произвела на меня никакого впечатления. Пенсионеры тут ни при чем.

— Если вам нужны деньги, могу подсказать, где их найти, — невозмутимо произнес я.

- Можете? — саркастически скривился он.

- Да, могу, — подтвердил я и попросил доктора Картрайта ознакомить его с документом, который мы заранее подготовили.

МИНИСТЕРСТВО АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ

Управление статистики

МЕРЫ ПО ЭКОНОМИИ СРЕДСТВ В РАЙОНЕ ТЕМЗ-МАРШ (ЛОНДОН)

1. Отказаться от планов строительства:
 - а) нового выставочного центра;
 - б) искусственного лыжного трамплина;
 - в) циркуляционных ванн.
2. Закрыть:
 - а) феминистский драматический центр;
 - б) еженедельную газету совета;
 - в) ежемесячный журнал;
 - г) отдел совета по изучению прав граждан на социальное обеспечение.
3. Сократить наполовину:
 - а) представительские расходы членов совета;
 - б) представительские расходы управленческого аппарата совета.
4. Продать: второй «даймлер» председателя совета.
5. Отложить: строительство нового здания совета. «туристическую» поездку двадцати членов совета на Ямайку с целью сбора фактического материала.
6. Отменить:

Реализация наших предложений привела бы к экономии двадцати одного миллиона фунтов по статье «капитальные расходы» (за пятилетний период) и семисот пятидесяти тысяч фунтов на текущие расходы (ежегодно).

Стэнли внимательно просмотрел список. Последовало неловкое молчание.

— Глупая затея! — наконец выпалил он.

Я спросил почему.

— Потому что таким способом вы лишаете наших граждан жизненно важных...

— Циркуляционных ванн? — подсказал я.

Поняв, что лед под ним может проломиться, Стэнли тут же изменил тактику.

— В конце концов, мне наплевать, есть у нас деньги на убежище или нет, — заявил он. — Мы — за одностороннее разоружение. Темз-Марш не верит в ядерную войну!

Я попытался его переубедить:

— Господин Стэнли, я тоже не верю в ядерную войну. Ни

один нормальный человек в Англии не верит в нее. Тем не менее обеспечение противоатомных убежищ — одно из основных направлений политики нашего правительства...

- Но не политики Темз-Марша! — парировал он. — Темз-Марш не собирается воевать с СССР!

- При чем здесь СССР? Мы опасаемся Фр...

Я осекся на полуслове. Слава богу, вовремя! Произнеси я его до конца — возник бы крупнейший за последнее десятилетие международный скандал.

- Кого-кого? — насторожился Стэнли.

- Хм, речь идет о Земле Франца-Иосифа...

Боюсь, я не очень остроумно вышел из положения. В тот критический момент больше ничего в голову не пришло. Однако, слава богу, опасность миновала.

Теперь надо было, не теряя времени, заговорить ему зубы. Благо, это совсем нетрудно. Абсурдная мысль, что любой район страны может проводить собственную внешнюю политику, давала прекрасный повод для рассуждений. У нас и без того на это претендуют БКТ, независимые профсоюзы... А теперь еще местные советы? Скоро все они захотят иметь собственные министерства иностранных дел. Как будто у нас мало проблем с уже существующим!

Самое же смешное заключается в том, что в действительности самостоятельную внешнюю политику не может проводить ни один орган страны (государственный или общественный), включая правительство. За этим бдительно следит МИДДС с помощью Вашингтона, НАТО, ЕЭС и Секретариата Содружества.

«Пора показать ему, что он страдает манией величия», — подумал я и саркастически произнес:

— Если русские когда-либо вторгнутся в Англию, надо полагать, они останутся у границы вашего района и скажут: «Стоп. Мы не воюем с лондонским Темз-Маршем. Поворачиваем, товарищи. Будем аннексировать Челси!»

Обстановка накалилась до предела, запахло скандалом. *(Позднее газеты назовут это «откровенным обменом мнениями».* — Ред.)

В этот момент Бернад, извинившись, перебил нас и подсунул мне коротенькую записку. Коротенькую, но на редкость информативную: мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать все ее политическое значение.

Главное сейчас — скрыть от товарища Бена свою радость.

- Эх, господин Стэнли, — сказал я, изо всех сил сдерживая улыбку, — вы так рассуждаете только потому, что лично вам ничего не грозит. Уж вам-то в любом случае не придется приносить себя в жертву...

- Что вы имеете в виду? — набычился он, прекрасно понимая, что я имею в виду.

В переданной мне Бернадом записке сообщалось, что под зданием совета Темз-Марша имеется бомбоубежище, в котором

среди прочих зарезервировано местечко и для мэра. Я спросил его, правда ли это.

Он моментально ушел в глухую оборону.

— Но ведь не мы же строили его.

— Но вы его содержите.

— Оно такое маленькое...

Я перебил его:

— А как насчет местечка лично для вас?

— Я согласился на это с большой неохотой, только после того как меня убедили, что сохранение моей жизни необходимо для блага налогоплательщиков Темз-Марша.

Тогда я поинтересовался, предусмотрены ли там места для тех, без кого в критической ситуации просто не обойтись: врачей, медицинских сестер, пожарных, спасателей, радистов...

— Людей, столь же необходимых, как и члены совета, — ядовито добавил я.

— Один из них фармацевт...

— О, великолепно! Что может быть лучше таблетки аспирина против ядерного кошмара?!

(В конце недели сэр Хамфри Элби обедал с секретарем кабинета сэром Арнольдом Робинсоном в клубе «Атенеум», после чего, как всегда, сделал соответствующую запись в дневнике. — Ред.)

«Арнольд заметил, что мой министр добился в Темз-Марше настоящего триумфа по части саморекламы. Он говорил об этом с видимым удовольствием, что не могло меня не удивить.

Я всегда беспокоюсь, когда мой министр добивается триумфа. Это неизбежно ведет к проблемам: ему начинает казаться, будто он чего-то достиг.

По мнению Арнольда, мы должны только радоваться, когда министрам начинает казаться, будто они чего-то достигли. Это облегчает нашу жизнь, поскольку они на какое-то время перестают суетиться и нам не приходится терпеть их истерические метания из стороны в сторону.

Меня же, напротив, тревожит, что теперь Хэкер, чего доброго, захочет приняться за следующую идею.

Арнольд очень позабавился, узнав о существовании министра, у которого имеются целых две идеи: он давно о таком не слышал.

(Собственных идей у Хэкера, конечно, не было. Одна из них принадлежала Бернаруду, другая — доктору Картрайту. — Ред.)

Арнольд особенно заинтересовался второй идеей моего министра, и мне ничего не оставалось, как рассказать об идиотском предложении Картрайта ввести «регламент неудач» для всех проектов стоимостью свыше десяти тысяч фунтов и возложить персональную ответственность на того, кто санкционировал данный проект.

Само собой разумеется, для Арнольда это была не новость: разговоры о таком «нововведении» велись годами! Но он был уверен (равно как и я), что Гордон Рейд похоронил это нелепое предложение раз и навсегда. По-моему, Арнольд очень недоволен, что Картрайту позволили ознакомить Хэкера со своим планом, хотя лично я, честно говоря, не вижу,

как этому можно было помешать, ведь Картрайта перевели в МАД. Да и передал он свою папку тайком, под видом частной беседы.

Так или иначе, Арнольд категорически настаивает: плану Картрайта ни в коем случае нельзя давать ход. И он абсолютно прав. Стоит только допустить, чтобы цели проекта и лица, ответственные за его реализацию, определялись заранее, — и вся наша система рухнет! Как он выразился, «мы мгновенно окажемся втянутыми в отвратительный мир профессионального менеджмента».

Арнольд также напомнил мне (будто я и без него не знаю!), что мы для того и перемещаем наших работников каждые два-три года, чтобы избежать всего этого идиотизма с персональной ответственностью. А что нам останется делать в случае осуществления проекта Картрайта — перемещать их каждые две недели?

Мы должны открыть Хэкеру глаза на очевидную истину: ему доверили местные органы власти для удовольствия, а не для работы!

Я сообщил Арнольду, что завтра у Хэкера будет возможность повторить свой маленький триумф. Людовик Кеннеди возьмет у него интервью для документального телефильма о проблемах гражданской обороны.

Арнольд, как бы размышляя вслух, предположил, что будет, если подсунуть Хэкеру прелюбопытные материалы о, мягко говоря, оригинальных расходах на гражданскую оборону некоторых местных советов. Я удивленно заметил, что не вижу в этом большого смысла. Но Арнольд был уже одержим своей идеей...

Может, ему пора в министры?»

(Предложение Людовика Кеннеди сняться в документальном телефильме о проблемах гражданской обороны, как известно, привело Хэкера в восторг. Судя по всему, он полагал, что ему дают возможность в очередной раз продемонстрировать успехи своего руководства. Говорят, перед записью он даже шутливо спросил Кеннеди, не следует ли рассматривать этот фильм как изменение политики Би-би-си.)

Ниже мы приводим стенограмму упомянутого интервью, которое, увы, прошло далеко не так, как хотелось Хэкеру. Виной тому, конечно, была идея сэра Арнольда Робинсона. — Ред.)

БИ-БИ-СИ ТВ

ЛЮДОВИК: Господин министр, судя по вашим недавним заявлениям, вы добились определенного успеха во время встречи с местными властями Темз-Марша по вопросу о гражданской обороне.

ХЭКЕР: Да.

ЛЮДОВИК: А не связан ли он скорее с эффектной рекламой, чем с реальными достижениями?

ХЭКЕР: Нет, Людо. Я убежден, местные органы власти вынуждены заниматься гражданской обороной благодаря растущему интересу общественности, который мы вызываем...

ЛЮДОВИК: Значит, вы согласны?

ХЭКЕР: С чем?

ЛЮДОВИК: Но вы же сами только что подтвердили рекламный характер своих успехов.

ХЭКЕР: Что ж... э-э... если вы настаиваете на такой интерпретации — пожалуйста. Но ведь положение в самом деле меняется к лучшему.

ЛЮДОВИК: В Темз-Марше?

ХЭКЕР: А-а, Темз-Марш... У них там, как я уже упоминал в прессе, имеется одно противоатомное убежище, и в нем зарезервировано местечко для господина Бена Стэнли, который не желает строить убежища для других! Вы не находите это вопиющим лицемерием?

ЛЮДОВИК: Но, господин министр, разве не разумно дать преимущественный шанс на выживание нашим избранным представителям? Иначе кто же будет нами управлять?

ХЭКЕР: В случае ядерной катастрофы есть люди поважнее политиков: врачи, медицинские сестры, пожарные. Вот без них действительно не обойтись.

ЛЮДОВИК: Ну а как вы отнесетесь к тому, что, скажем, для премьер-министра и министра внутренних дел также зарезервированы места в правительственном убежище?

ХЭКЕР: Э-э... м-м... э-э... но это же совсем другое дело!

ЛЮДОВИК: Почему?

ХЭКЕР: Так ведь кто-то должен... управлять... вы же понимаете...

ЛЮДОВИК: Но они не умеют оказывать квалифицированную медицинскую помощь или бороться с пожарами! Разве из ваших слов не следует, что их места должны быть отданы врачам и пожарным? Им вы говорили об этом?

ХЭКЕР: М-м... мне кажется, мы должны быть очень осторожны в своих оценках, Людо, чтобы... э-э... чтобы не упрощать этот очень важный вопрос. Кстати, у меня имеется другой, пожалуй, даже более показательный пример. Один местный совет направил за счет налогоплательщиков делегацию в Калифорнию для ознакомления с опытом строительства и содержания противоатомных убежищ. Так вот, когда они вернулись, оказалось, что применить полученный опыт не представляется возможным, поскольку их поездка «съела» бюджет гражданской обороны на три года вперед!

ЛЮДОВИК: Ужасно, не правда ли?

ХЭКЕР: Не то слово!

(В тот же вечер Хэкер изложил впечатления от этого интервью в своем дневнике. — Ред.)

29 марта

В целом интервью с Людовиком Кеннеди прошло хорошо. Правда, он подловил меня на бункере для Бена Стэнли. Я имел неосторожность сказать, что политики не так важна, как врачи, пожарные и так далее. Тогда он поинтересовался моим мнением о местечке для премьер-министра в правительственном убежище. Конечно, мне следовало бы предусмотреть этот вопрос.

Я довольно ловко вышел из положения (хотя не уверен, что ПМ будет в восторге), рассказав Людовику смешную историю о делегации от одного местного совета, которая истратила трехлетний бюджет гражданской обороны на развлекательную поездку в

Калифорнию. Так что, можно считать, все обошлось. Когда фильм выйдет на телеэкран (на следующей неделе), это интервью сделает мне хорошую рекламу.

30 марта

Тревожный день! Похоже, я задел ПМ куда больше, чем ожидал.

И всему виной эта чертова история с поездкой в Калифорнию! Я даже толком не помню, откуда о ней узнал. Кажется, из какой-то справки Управления по делам гражданской обороны, которую Бернард подсунул мне накануне интервью.

Первым разговор об этом завел Хамфри. Причем без всяких объяснений. Просто сказал, что мне лучше знать, что я делаю.

Так он говорит, только когда я допускаю жуткий ляп.

Затем сэр Хамфри все же соизволил объяснить, что упомянутый район входит в избирательный округ ПМ и что инициатором и главой этой треклятой делегации был не кто иной, как руководитель избирательной кампании ПМ.

Сначала я принял слова моего постоянного заместителя за милую шутку. Увы...

- Номер Десять меньше всего хотел, чтобы это выплыло наружу, — добавил он. — Да, видно, шила в мешке не утаишь.

Ну вот еще. Необходимо утаить. Иначе — катастрофа! Это будет выглядеть как личный выпад, а ПМ сейчас очень остро реагирует на любые проявления нелояльности. Я сказал Хамфри, что мы не имеем права выпускать фильм на экран. Иного выхода просто нет.

К моему удивлению, он встал, явно считая разговор оконченным.

— Простите, господин министр, но у меня очень мало времени. К сожалению, я должен идти.

Я чуть не задохнулся от возмущения.

— Вы... как вы можете... важнее этого сейчас нет ничего на свете... я приказываю вам...

- Увы, господин министр, меня зовут ваши дела.

О чем это он?

— Я имею в виду ваше требование немедленно подготовить конкретные предложения по введению «регламента неудач». Это сейчас занимает все мое время. Так что при всем желании... — Он умолк, задумался и после продолжил: — Конечно, если бы не надо было так спешно вводить этот «регламент»...

— То вы могли бы прикрыть передачу?

Сэр Хамфри с осуждением посмотрел на меня.

- Господин министр, мы не правомочно оказывать давление на Би-би-си. Это абсолютно исключено. Хотя... завтра я обедаю с одним из членов Совета Би-би-си, не хотите ли составить нам компанию?

Мне было по-прежнему неясно, почему нельзя просто запретить передачу.

— Нет, господин министр, ни в коем случае, — возразил он. — Мы всегда стараемся убедить их добровольно снять ту или иную передачу, если она, по нашему мнению, не отвечает интересам общества.

— Этот фильм не отвечает моим интересам, а поскольку я — представитель общества, значит, он не отвечает и интересам общества, — твердо заявил я. Хамфри заинтересовался.

— Оригинальный подход! — с улыбкой заметил он. — Такого общественности еще не преподносили.

Иногда у меня складывается впечатление, что мой постоянный заместитель уважает мои взгляды куда больше, чем хочет показать.

31 марта

Сегодня обедал с Хамфри и его знакомым — членом Совета Би-би-си. Фрэнсис Обри оказался невзрачным человеком с озабоченным выражением лица. Что ж, его вполне можно понять.

Поначалу беседа не клеилась. Стоило мне затронуть инересующую нас тему — и он нахмурился еще больше.

— Простите, господин Хэкер, но уступать давлению со стороны правительства не в правилах Би-би-си.

— Не в правилах — так не в правилах, — примирительно сказал сэр Хамфри. — Давайте оставим этот вопрос в стороне

В какой стороне? Мне казалось, что мой постоянный заместитель должен всегда держать мою сторону.

— Как же так? — запротестовал я. — Я настоятельно...

Хамфри перебил меня. На мой взгляд, довольно бесцеремонно.

— Давайте оставим этот вопрос в стороне, — повторил он. — Прошу вас, господин министр.

Пришлось подчиниться. Впрочем, чуть позже я понял, что и тут недооценил своего постоянного заместителя. Он повернулся к Обри и доверительно сказал:

— Фрэнк, я хотел бы по-дружески предупредить вас о растущем недовольстве откровенной враждебностью Би-би-си к правительству.

Обри рассмеялся.

— Что за чепуха?!

— Вы уверены? — спросил сэр Хамфри.

Затем он потянулся к соседнему стулу и открыл стоявший на нем огромный портфель. Не свой элегантный кожаный кейс с выгравированными инициалами Х. Э., а необъятный, битком набитый портфель — такой тяжелый, что пришлось просить шофера поднести его в клуб.

Занятый своими мыслями, я вначале не обратил на портфель внимания. А если бы и обратил, то наверняка подумал бы, что

в нем совершенно секретные документы, которые Хамфри не решает оставить даже в машине.

Оказалось, там были какие-то толстые папки. Хамфри достал одну из них — с жирной ярко-красной надписью «*Предубеждения*» — и протянул Фрэнку.

— Мы фиксируем все случаи тенденциозного подхода Би-би-си в освещении политики правительства.

Фрэнсис Обри отложил вилку и нож, собираясь открыть папку, когда Хамфри вынул еще одну с надписью «*Благоприятные аспекты деятельности правительства, не нашедшие отражения в трансляциях Би-би-си*». Одну за другой он доставал папки из портфеля, попутно комментируя надписи на них.

- «*Одностороннее освещение конфликтных событий в пользу других стран*». Особенно наших врагов по ЕЭС... то есть наших партнеров, конечно, — поправился он. — «*Шутки в адрес премьер-министра*», «*Неоправданно широкий показ антиправительственных демонстраций*». — Последней он вынул самую толстую — намного толще всех остальных — папку с надписью «*Отвергнутые предложения министров Ее Величества по поводу освещения важных начинаний правительства*» и эффектно бухнул ее на стол.

Такая масса обличительных документов, без сомнения, потрясла Фрэнсиса Обри.

— Но... я... я абсолютно уверен, у нас на все это есть исчерпывающие объяснения. — Уверенный голос явно не соответствовал выражению лица.

— Само собой, у Би-би-си есть объяснения, — вмешался я. — Они всегда у вас есть. Глупые, зато на все случаи жизни.

Мой постоянный заместитель занял более умеренную позицию.

— Естественно, у Би-би-си имеются соответствующие объяснения, — миролюбиво сказал он. — Однако я счел необходимым предупредить вас: нам задают вопросы...

— Вопросы? Какие еще вопросы? — дрогнувшим голосом произнес Обри.

Хамфри на секунду задумался.

- Ну, например, не следует ли передать право на трансляцию заседаний парламента компании Ай-ти-ви?

— Вы в своем уме?! — взорвался член Совета.

— Или, — как ни в чем не бывало, продолжал Хамфри, — распространяется ли политика экономии на администрацию Би-би-си? Принимаете ли вы меры по сокращению штатов и производственных площадей? Не следует ли назначить межведомственный комитет для расследования бюджетных расходов компании?

Фрэнсис Обри был близок к панике.

- Но это же откровенное вмешательство...

Их беседа доставляла мне искреннее удовольствие.

- Да-да, — согласно кивнул сэра Хамфри. — Не говоря уж о забронированных ложах в «Ковент-Гардене», на ипподроме в Асоте, на кортах Уимблдона...

Я насторожился. Это что-то новое.

— Ах, это... — смущенно забормотал Фрэнсис. — Мы абонируем их по чисто производственной необходимости... для операторов, режиссеров, технического персонала...

Он не договорил (*скорее, не добормотал*. — *Ред.*), так как Хамфри, весело хмыкнув, пошарил в своем бездонном портфеле и вытащил перетянутую резинкой пачку фотографий и газетных вырезок.

— Вот, взгляните, — сочувственно улыбаясь, сказал он. — Лично у меня складывается впечатление, что все ваши операторы, режиссеры и технический персонал не выпускают из рук бокалов с шампанским, все до одного являются на работу в сопровождении жен или других не менее уважаемых дам и все обладают поразительным сходством с членами правления, директорами и заведующими отделами или их друзьями. Иногда мне даже приходит в голову мысль: не передать ли эти материалы в налоговое управление? Как вы считаете? — И торжествующе вручил пачку Фрэнсису Обри.

Тот сосредоточенно начал рассматривать фотографии. Лицо его все больше вытягивалось.

Когда он почему-то задержался на одном из снимков — прекрасно выполненном групповом портрете, — Хамфри перегнулся через стол и жизнерадостно заметил:

— О, по-моему, вы здесь отлично получились! Лучше всех, вы не находите?

За столом воцарилась гробовая тишина. Бледный как полотно Фрэнсис положил фотографии, взял вилку и машинально отправил в рот кусочек палтуса а-ля меньер. Очевидно, рыба показалась ему горче полыни, потому что он, скривившись, проглотил кусок и снова отложил вилку. Я с интересом наблюдал за происходящим. Действия моего постоянного заместителя были безукоризненны, и я не хотел ему мешать.

А Хамфри тем временем смаковал «Шато Леовиль-Бартон» 73-го года, бутылочку которого он, как истинный ценитель вин, заказал к ростбифу. На мой вкус, вино вполне сносное, хотя не знаю, чем одно красное вино отличается от другого.

— Кстати, Фрэнк, — вновь нарушил молчание Хамфри, — полагаю, мы вполне могли бы не вытаскивать всего этого на свет божий, конечно, при условии, что наши досье не будут пополняться новыми свидетельствами нелояльности вашей корпорации. В связи с этим я и пытаюсь убедить господина министра любовно решить вопрос о фильме Людовика Кеннеди.

На Фрэнсиса было просто жалко смотреть. Он трясущимися руками перевернул свою фотографию и умоляющим тоном обратился к нам:

— Но, поймите, мы не можем подчиняться давлению со стороны правительства!

— Конечно, нет, — с готовностью согласился Хамфри.

Странно. По-моему, именно этого мы и добиваемся. Впрочем, мне самому вскоре стало ясно, что, имея дело с чиновниками Уайтхолла, надо всегда делать поправку на их врожденный талант к лицемерию. Иными словами, сэр Хамфри давал Фрэнсису Обри возможность достойно капитулировать.

Вот как это произошло. Хамфри повернулся ко мне за подтверждением.

- Господин министр, разве мы хотим, чтобы на Би-би-си оказывалось давление со стороны правительства?

— Нет? — осторожно спросил я, не до конца понимая, куда он клонит.

— Ни в коем случае! Речь идет просто о фактических неточностях, допущенных в интервью с Людовиком Кеннеди.

Фрэнсис Обри ухватился за это, как утопающий за соломинку. Он даже повеселел.

- Фактические неточности? Это же совсем другое дело! Я хочу сказать, что Би-би-си не может подчиняться давлению со стороны правительства...

- Конечно, нет, — в один голос согласились мы.

— ...но мы придаем огромное значение фактической точности...

— Безусловно, — подтвердил сэр Хамфри. — Не говоря уж о том, что к моменту выхода интервью в эфир часть информации наверняка безнадежно устареет.

— Устареет? — радостно переспросил Обри. — О, это серьезно. Как вы понимаете, Би-би-си не может поддаваться давлению со стороны правительства...

— Конечно, нет, — согласились мы.

- ...но мы придаем большое значение актуальности нашей информации...

Решив помочь Хамфри, я активно включился в разговор.

— Кстати, просматривая стенограмму своего интервью с Людовиком, я обнаружил в ней несколько замечаний, которые ни в коем случае нельзя выпускать по соображениям безопасности...

- А именно? — спросил Фрэнсис.

Честно говоря, я не ожидал такого вопроса. Мне казалось, он достаточно хорошо воспитан...

Хамфри поспешил мне на выручку.

— Господин министр не имеет права вдаваться в подробности. Безопасность... вы же понимаете.

Фрэнсиса Обри это несколько не огорчило. Наоборот.

— Ну что ж, с безопасностью шутки плохи, что и говорить. Если на карту поставлены интересы обороны королевства, мы обязаны проявлять максимальную бдительность. Иными словами, Би-би-си не может поддаваться давлению со стороны правительства...

— Конечно, нет, — в очередной раз с энтузиазмом согласились мы.

- ...но безопасность... с ней шутки плохи...

- Да, с безопасностью шутки плохи, — подтвердил я.
- Конечно, с безопасностью лучше не шутить, — согласился Хамфри.

А я добавил:

— Главное же — в этом интервью практически нет ничего интересного. Старая песня на новый лад. Скучища!

К этому времени Ф. О. — или милейший Ф. О., каким он мне теперь кажется, — заметно прибодрился: щеки порозовели, в глазах появился живой огонек, он снова обрел способность уверенно рассуждать о принципах и задачах Би-би-си.

- Подводя итоги, должен заявить следующее, — решительно начал он. — Поскольку упомянутое интервью не содержит ничего нового, скучновато, грешит фактическими неточностями и к тому же вызывает сомнения с точки зрения безопасности, полагаю, Би-би-си вряд ли захочет выпускать его на экран... Это же совсем другое дело!

— Совсем другое дело, — радостно повторил я.

— Короче говоря, — резюмировал он, — трансляция этого интервью, безусловно, не в интересах общества. И я хотел бы внести абсолютную ясность в один принципиальный вопрос...

— Да? — заинтересовался сэра Хамфри.

— Недопустима даже мысль, что Би-би-си может подчиниться давлению со стороны правительства! — категорически закончил Фрэнсис Обри.

Полагаю, теперь все будет в порядке.

5 апреля

В конце дня ко мне в кабинет заскочил радостный Хамфри. Ему только что сообщили о решении Би-би-си не транслировать мое интервью с Людовиком Кеннеди. Кажется, они начали проявлять ответственный подход к делу. Наконец-то!

Я поблагодарил его за приятную новость и предложил рюмку «шерри». Несколько минут мы сидели молча. Он смаковал свое «шерри», а я раздумывал о событиях минувших дней. Внезапно мне в голову пришла странная мысль.

— Послушайте, Хамфри, я подозреваю, что меня каким-то образом заманили в ловушку, заставив сказать вещи, которые будут неприятны ПМ.

— Не может быть! — без колебаний возразил мой постоянный заместитель.

— Да нет, боюсь, так оно и есть.

Хамфри назвал мое подозрение смехотворным и поинтересовался, как оно вообще могло у меня возникнуть. Вместо ответа я спросил его, почему он считает смехотворным предположение, что Людо пытался заманить меня в ловушку.

— Кто-кто? — удивился он.

- Людо. Людовик Кеннеди.

Точка зрения сэра Хамфри внезапно изменилась.

- Ах, Людовик Кеннеди! Это он пытался заманить вас в западню? Конечно же. Никаких сомнений.

Мы были единодушны в том, что все работники радио и телевидения дня не проживут без обмана. Им никогда и ни в чем нельзя доверять. Но сейчас, вспоминая наш разговор, я невольно задаюсь вопросом: почему он так удивился, когда услышал имя Кеннеди? Кого еще, по его мнению, я мог подозревать?

Ну да ладно, все-таки он вытащил меня из серьезной переделки, хотя, ясное дело, за это надо платить — неизбежное *quid pro quo* Уайтхолла. Теперь мне ничего не оставалось, как оставить местное самоуправление в покое.

— Следует признать, — великодушно заметил я, — что в целом в местных органах власти работают вполне разумные, ответственные люди, избранные демократическим путем. Нам, в центре, необходимо дважды подумать, прежде чем учить их, как надо работать.

- А «регламент неудач»?

- Полагаю, они могут обойтись и без него, вы согласны?

— Да, господин министр. — Он довольно улыбнулся.

Однако я не намерен ставить на этом деле точку. Я обязательно вернусь к нему... в свое время. Ведь у нас с Хамфри всего лишь молчаливое соглашение, неофициальное перемирие... А можно ли упрекать человека за несоблюдение молчаливого соглашения, неофициального перемирия? По-моему, нет.

ПО МОРАЛЬНЫМ СООБРАЖЕНИЯМ

14 мая

Пишу эти строки не в своей лондонской квартире и даже не дома, в избирательном округе, а в салоне первого класса самолета «Бритиш эруэйз» на пути к Персидскому заливу, в нефтяное княжество Кумран.

Полет продолжается уже более четырех часов, так что где-то минут через сорок пять мы должны пойти на посадку.

Чувствую себя прекрасно, правда, немного возбужден. Раньше я никогда не летал первым классом — это же совсем другое дело: бесплатное шампанское, приличная еда... не то что обычный подкрашенный суррогат.

Да, быть VIP («очень важной персоной». — Ред.) просто здорово: специальный отсек в хвосте самолета, потрясающие стюардессы, шикарный сервис...

Мы летим туда для подписания крупнейшего в истории Великобритании экспортного контракта на Ближнем Востоке.

Но, говоря «мы», я имею в виду не только себя, Бернарда и сэра Хамфри. А ведь я перед путешествием настоятельно просил принять все необходимые меры, чтобы нас не обвинили в разбазаривании общественных денег. И мой постоянный заместитель заверил меня, что состав делегации будет сведен к минимуму. «Господин министр, мы берем с собой минимум-миниморум», — как сейчас помню, сказал он. Подозреваю, у него были веские причины «упрятать» меня в отсек для VIP.

Мои подозрения полностью подтвердились, когда мы вышли из самолета. Такого количества государственных служащих я не мог даже представить. Страшное дело! Оказывается, их было так много, что МАДу пришлось зафрахтовать весь рейс.

Я немедленно заявил Хамфри о недопустимости подобного обращения с государственными средствами. Он посмотрел на меня, как на сумасшедшего, и объяснил, что перевезти такую массу людей обычным рейсом было бы намного дороже.

Тут он прав, разумеется. Но меня интересует, почему их так много?

- Хамфри, кто все эти люди?
- Члены нашей маленькой делегации.
- Но вы же лично заверили меня, что поедет минимум-минимум.

— Так оно и есть, господин министр.

Я снова спросил, откуда все эти люди. Как выяснилось, нас сопровождает «небольшая делегация» министерства иностранных дел. Зачем? Ведь цель поездки — формальное подписание коммерческого контракта, полностью обговоренного между правительством Кумрана и «Бритиш электронике системз». Никаких политических вопросов. Хамфри объяснил, что «они не любят отпускать нас за границу одних».

Кроме того, с нами прилетели делегации министерства торговли, министерства промышленности и небольшая группа из министерства энергетики, поскольку мы имеем дело с нефтяным княжеством. Лично я не вижу никакой связи. Впрочем, даже если бы мы направлялись в Швейцарию, министерство энергетики и тогда бы с пеной у рта доказывало, что шоколад — источник энергии! Прилетели еще постоянный заместитель во главе команды из секретариата кабинета, группа из ЦУИ (*Центрального управления информации. — Ред.*). И наконец, делегация собственно МАДа: пресс-секретарь с сотрудниками, половина моего личного секретариата, работники координационной службы, секретари, готовившие контракт, и те, кто курировал его подготовку... Перечень можно было продолжать до бесконечности.

Какой уж там минимум-минимум! Я напомнил Хамфри (он сидит рядом со мной и клюет носом после бесплатного шампанского, на которое набросился, словно свинья на желуди), что, когда мы отправлялись на переговоры с кумранцами в Мидлсборо, нас сопровождало всего семь человек.

Он многозначительно кивнул.

— Еще бы, господин министр, с дипломатической точки зрения Тиссайд* не так важен, как Кумран.

— Тиссайд представляют в парламенте четыре депутата! — заметил я.

— Кумран контролируют «Шелл» и «Бритиш петролеум», — возразил он.

Тут мне в голову пришел очень интересный вопрос:

— Кстати, а почему вы здесь, Хамфри?

— Исключительно по велению долга, — напыщенно ответил он и поспешил уйти от разговора, вручив мне документ, озаглавленный «Итоговое коммюнике». Нужно было просмотреть и одобрить его.

Я взял тонкую папку, бездумно открыл ее, однако мне по-прежнему не давала покоя мысль о чуть ли не ста пятидесяти нахлебниках. Ведь им за эту поездку еще и платят! А вот когда я спросил, сможет ли Энни сопровождать меня, мне заявили, что для этого

* Промышленный район Великобритании.

требуется специальное разрешение короля Кумрана и что в любом случае мне придется платить из своего кармана за проезд, отель, питание — короче говоря, абсолютно за все!

Эти чертовы ловкачи из государственной службы своего никогда не упустят. А мне приходится выкладывать сотни фунтов, потому что Энни все-таки поехала со мной. Сейчас она сидит напротив и весело болтает с Бернардом. Судя по всему, наше путешествие ей нравится. Слава богу, хоть с этим все в порядке.

Впрочем, лучше не отвлекаться. При первом же взгляде на коммюнике мне сразу бросилось в глаза, что Хамфри написал его до переговоров. Я прямо заявил ему о недопустимости такого подхода.

— Напротив, господин министр, — возразил он. — Итоговое коммюнике нельзя писать после переговоров. Ведь его надо согласовать по меньшей мере с десятком других ведомств, с Комиссией ЕЭС, Вашингтоном, кумранским посольством... Мыслимое ли дело — проверить все это за несколько часов посреди пустыни?!

Просмотрев коммюнике, я заявил Хамфри, что нахожу его беспредметным, чисто гипотетическим и не имеющим прямого отношения к нашим переговорам.

Сэр Хамфри тонко улыбнулся.

— Хорошее коммюнике, господин министр, никогда не имеет прямого отношения к предстоящим переговорам.

— Тогда зачем оно вообще?

— Для прессы. А нам оно служит чем-то вроде выездной визы.

Кстати, совершенно забыл упомянуть, что в самолете по меньшей мере треть пассажиров составляют полупьяные писаки с Флит-стрит... Естественно, все они летят за государственный счет. Все, кроме моей жены, за которую я плачу из собственного кармана!

— Это необходимо, чтобы хоть как-то компенсировать журналистам потерю времени на освещение столь незначительного события, — попытался утешить меня мой постоянный заместитель.

Мой визит в Кумран — незначительное событие! По моему вытянувшемуся лицу Хамфри, очевидно, догадался, что его слова не привели меня в восторг — интересно, кого бы они привели? — и тут же поспешил добавить:

— Я хотел сказать, что поскольку эта поездка может стать вашим личным триумфом, значит, для прессы она a priori — событие незначительное.

Вот тут он абсолютно прав. Газетчики ненавидят писать о чем-либо успехе.

— Да уж, они мечтают только об одном — увидеть меня в стельку пьяным на официальном приеме.

— Ну, на это надежды мало...

- Почему? — спросил я, не сообразив, что выдаю себя с головой.

Однако мой постоянный заместитель — надо отдать ему должное — сделал вид, будто ничего не слышал.

— Там сухо, — мрачно объяснил он.

— Разумеется, ведь это в пустыне, — согласился я, не сразу поняв, что он имеет в виду.

Затем до меня дошло. Исламская страна! Как же я забыл об этом?! Почему заранее не поинтересовался? Почему ни Хамфри, ни Бернард не предупредили меня?

Конечно, мы два-три раза сможем «причаститься» в посольстве. Но официальный прием и обед во дворце! Пять часов... пять долгих часов без единого глотка.

— Может, заготовиться фляжками? — предложил я.

Он покачал головой.

— Слишком рискованно. Единственное, чем мы можем заготовиться, — это терпением.

Ничего не поделаешь. Я снова погрузился в коммюнике, как обычно перенасыщенном общими фразами о дружбе наших двух стран, общих интересах, откровенном и полезном обмене мнениями и тому подобной чепухой. Хамфри тем временем уткнулся в ФТ («*Файнэншл таймс*». — *Ред.*).

«А как быть, если на переговорах речь пойдет совсем не о том, что написано в коммюнике, и мы не сможем подписать контракт? — вдруг подумалось мне. — Или, скажем, на приеме произойдет какой-нибудь дипломатический инцидент? Ведь в таком случае необходимо будет срочно связаться с Лондоном... например, с министром иностранных дел или даже с ПМ. Что если?..»

Я решил поделиться своими соображениями с сэром Хамфри.

— Что если мы организуем пункт срочной связи?.. Там, где будет проходить прием... во дворце шейха... с прямой телефонной и телекной связью с Номером Десять? Мы могли бы пронести туда из посольства спиртное и добавлять в апельсиновый сок. Никому и в голову не придет...

Сэр Хамфри бросил на меня ошеломленный взгляд.

— Господин министр!

Испугавшись, что зашел слишком далеко, я лихорадочно пытался выпутаться из положения, как вдруг услышал:

— Мысль, достойная гения!

Я скромно поблагодарил его и поинтересовался, насколько это реально.

Секунду подумав, он сказал, что пункт срочной связи устраивают только в кризисных ситуациях.

По-моему, пять часов без единого глотка — ситуация достаточно кризисная.

В результате короткого, но плодотворного обмена мнениями мы пришли к следующему выводу: нестабильное положение фунта стерлингов вполне оправдывает просьбу об организации пункта срочной связи.

Хамфри обещал сделать все возможное для претворения моей идеи в жизнь.

(Практическое воплощение рискованной с дипломатической точки зрения затеи Хэкера не вызвало особых проблем. Как видно

из архивных документов британского посольства в Кумране, распоряжение об устройстве пункта срочной связи во дворце было отдано в день приезда делегации. Согласно принца Мохаммеда не заставило себя ждать. И к вечеру того же дня в небольшой комнате рядом с залом для приемов установили всю необходимую аппаратуру: телефоны, телексы, шифрографы и тому подобное.

На следующее утро британская делегация, включая жену Хэкера Энни, прибыла во дворец. Кумранцы не смогли отказать супруге министра в праве присутствовать на приеме, поскольку сравнительно недавно во дворце принимали Ее Величество английскую королеву, тем самым создав соответствующий прецедент.

В самом начале приема, на котором из напитков подавали только апельсиновый сок, Хэкеру торжественно преподнесли золотой кувшин для розовой воды в знак уважения правительства Кумрана к англичанам. — Ред.)

17 мая

Вчера был на большом (безалкогольном!) приеме во дворце принца Мохаммеда, а сегодня с похмелья голова раскалывается.

К сожалению, я не могу точно воспроизвести заключительную часть приема, хотя смутно припоминаю, что Хамфри вроде бы сказал какому-то арабу: мол, господин министр внезапно плохо себя почувствовал и его надо срочно уложить в постель. Что ж, вполне правдоподобно, хотя и не вся правда.

Прием действительно получился грандиозным. Английская делегация оказалась до неприличия многочисленной. Арабов тоже было видимо-невидимо. В самом начале мне торжественно преподнесли великолепный подарок, сопровождаемый цветистыми восточными речами о незабываемости данного момента. Чуть позже, беседуя с одним из арабских гостей, я узнал, что кувшин является редким образцом исламского искусства семнадцатого века. По-моему, так он сказал.

Я, конечно, спросил о назначении подарка. Он начал вдохновенно рассказывать, что в кувшин некогда наливали розовую воду. Пространный и не слишком увлекательный исторический экскурс грозил затянуться, но, по счастью, к нам подошел Бернارد и, извинившись, сказал, что меня вызывают на срочную связь. Видя мое недоумение, он пояснил:

— Извините, господин министр, вам придется пройти в пункт срочной связи. Важное сообщение от господина Хейга.

Я решил, что он имеет в виду генерала Хейга из НАТО.

— Да нет же, господин министр, я говорю о господине Хейге, неужели не помните... такой, с ямочками на щеках*.

Приняв озабоченный, важный вид, я пробормотал:

* «Хейг» — фирменное название шотландского виски; на бутылке имеются небольшие углубления.

— Да-да, конечно, извините меня. — И поспешил за своим личным секретарем.

Должен заметить, Хамфри блестяще организовал дело: телефоны, телексы, два офицера безопасности с портативными радиопередатчиками, холодильник — словом, полный комплект!

На случай, если наши хозяева «нашпиговали» комнату микрофонами, я изъявил желание ознакомиться с сообщением господина Хейга. Один из офицеров немедленно налил виски в мой, бокал с апельсиновым соком. Жидкость приобрела несколько коричневатый оттенок, но догадаться было практически невозможно.

ВСПОМИНАЕТ СЭР БЕРНАРД ВУЛИ:

«Боюсь, официального приема в королевском дворце Кумрана мне никогда не забыть. Одному господу ведомо, сколько усилий мне стоило не допустить дипломатического скандала. Причем речь идет не только о Хэкере. В наш маленький секрет было посвящено еще несколько членов британской делегации, поэтому чем дольше длился прием, тем более коричневато-золотистый цвет приобретали их бокалы с апельсиновым соком.

Добро бы только это! Тот вечер положил начало цепи событий, едва ли не приведших к закату моей карьеры.

Во время одного из походов министра в пункт срочной связи за очередной порцией «наполнителя» госпожа Хэкер — она была единственной женщиной на приеме, поэтому считалась почетной гостьей — заметила, что кувшин для розовой воды будет «ужасно мило смотреться» на маленьком столике в холле ее лондонской квартиры.

И дернуло же меня сказать ей, что это подарок господину министру!

Она с очаровательной улыбкой ответила, что это также и его квартира. Пришлось разъяснить ей, что в данном случае речь идет не о министре как человеке, а о министре как министре и что такие подарки должностным лицам не разрешается хранить дома. В моей памяти были еще совсем свежи воспоминания об аналогичном инциденте с кофейником Тони Кросленда, чуть не закончившемся крупным скандалом всего несколько лет назад.

— Значит, — недовольно спросила госпожа Хэкер, — мы должны вернуть подарок?

— Ни в коем случае, — возразил я. — Это будет воспринято как страшное оскорбление.

Она недоуменно пожала плечами.

— Мы не можем оставить кувшин себе и не можем его вернуть? Что же с ним теперь делать?

Я объяснил, что официальные подарки считаются собственностью правительства и хранятся где-то в подвалах Уайтхолла.

Ей это показалось бессмыслицей. В принципе мне тоже, но, с другой стороны, исходя из высших интересов общества, министрам, безусловно, не следует принимать ценные подарки от кого бы то ни было. В частной же квартире разрешено хранить подарки стоимостью не выше пятидесяти фунтов.

Естественно, последовал вопрос, как определяется стоимость. Услышав, что в подобных случаях проводится специальная оценка, госпожа Хэкер страшно обрадовалась. Короче говоря, она попросила меня «устроить оценку», заметив, что было бы «великолепно», если бы кувшин стоил менее пя-

гидесяти фунтов, поскольку он «ужасно милый». А затем добавила, что я «просто прелесть» и она не знает, что бы они делали без меня. Против такой лести я, каюсь, не мог устоять.

И, как дурак, попался на удочку, обещал сделать все возможное.

Тем временем Хэкер вернулся с очередного «сеанса срочной связи» и во весь голос заявил, что меня ожидает важное сообщение от господина Джонни Уокера. Из Шотландского управления.

Я поспешно повернулся — глоток виски мне бы тоже не помешал, — но меня задержала госпожа Хэкер, в шутку спросив, не найдется ли там какого-нибудь сообщения и для нее.

— Конечно, найдется, дорогая, — великодушно отозвался министр. — Дай ему свой бокал, и он принесет тебе... — Тут он заметил мой предостерегающий взгляд и поправился: — Я хочу сказать, он тебе тоже принесет апельсинового сока.

Я все время старался держаться поближе к Хэкеру, опасаясь, как бы чего не вышло. И недаром: он постоянно делал опрометчивые замечания, которые могли бы привести к непредвиденным последствиям. Достаточно, например, вспомнить эпизод, когда ему вдруг вздумалось «посоветоваться со своим постоянным заместителем» и я повел его на другой конец зала, где сэр Хамфри и господин Росс (из МИДДСа) беседовали с принцем Мохаммедом.

Все трое облачились в национальные арабские одежды — узнать человека со спины было просто невозможно, — и когда сэр Хамфри повернулся, министр не смог скрыть своего раздражения: «Какого дьявола вы устраиваете этот маскарад?» — бесцеремонно спросил он, не обращая никакого внимания на присутствие принца Мохаммеда.

Сэр Хамфри спокойно объяснил, что это традиционная форма любезности по отношению к хозяевам. Росс авторитетно поддержал его, а принц Мохаммед, в свою очередь, добавил, что видит в этом жесте свидетельство добросердечности и искреннее стремление к дружбе. Однако Хэкера это не убедило. Он отвел сэра Хамфри чуть в сторону и, даже не потрудившись понизить голос, заявил:

— Что за чертовщина! Кого вы из себя изображаете? Али-Бабу?

Старина Элпи начал было оправдываться: «Во время пребывания в Риме...» и так далее.

— Мы не в Риме, Хамфри! — с пьяной непреклонностью оборвал его Хэкер. — И не делайте из себя посмешище!

В словах министра, бесспорно, была доля истины, хотя можно понять и сэра Хамфри: кому приятно выслушивать такое!

— А если бы мы были на Фиджи, — не унимался Хэкер, — вы что, нацепили бы набедренную повязку, сплетенную из травы?

— По мнению министерства иностранных дел, — обиженно заметил Элпи, — арабы крайне чувствительны, поэтому нам следует всеми доступными средствами показывать, что мы на их стороне.

— Возможно, для МИДДСа это и новость, но вообще-то предполагается, что вы должны быть на нашей стороне, — язвительно возразил Хэкер.

«Такие разговоры не для посторонних ушей», — подумал я и, перебив их, сказал, что сэра Хамфри срочно вызывает к аппарату господин Смирнофф из советского посольства, а господина министра, который просто изнывал от жажды (это было видно невооруженным глазом), — председатель английской школьной организации «Тичерз».

Они немедленно прекратили спор и с просветленными лицами заторопились в комнату срочной связи.

Ко мне придвинулся принц Мохаммед и сочувственно заметил, что нас всех буквально одолели срочные сообщения. В его взгляде я не уловил и намека на улыбку, а по интонации никак нельзя было понять, что он обратил внимание на подозрительный цвет апельсинового сока в бокалах некоторых членов английской делегации. Я по сей день не знаю, догадался он о чем-нибудь или нет.

Не желая продолжать опасный разговор, я под каким-то благовидным предлогом поспешил ретироваться, но не успел сделать и двух шагов, как лицом к лицу столкнулся с улыбающимся арабом. Когда мы с Энни Хэкер обсуждали проблему кувшина для розовой воды, он находился поблизости от нас. Между нами завязалась интересная беседа, имевшая для меня весьма печальные последствия — в основном из-за них события этого вечера навсегда врезались в мою память.

Улыбающийся араб в национальных одеждах, как выяснилось, превосходно владел английским и недурно знал Запад.

- Простите, эфенди, — обратился он ко мне. — Я стал невольным свидетелем вашего разговора об оценке подарка господину министру. Не могу ли я быть чем-нибудь полезен?

Я был настолько поражен и преисполнен благодарности за готовность помочь мне, что, не задумываясь, спросил его, имеет ли он представление о стоимости кувшина.

Он весело рассмеялся.

— Конечно. Это подлинное произведение искусства семнадцатого века — исключительно ценная вещь.

- О господи! — тяжело вздохнул я, представив себе разочарование Энни Хэкер.

Моя реакция его, естественно, удивила.

- Вы огорчены?

— Мм... и да, и нет. Проблема в том, что, если он окажется слишком ценным, министру не разрешат оставить его себе. Поэтому, откровенно говоря, я надеялся...

Улыбающийся араб понял все с полуслова.

— Да-да, конечно. Как я уже сказал, кувшин — исключительно ценная вещь. Однако поскольку в данном случае речь может идти о копии, правда, прекрасно выполненной, но всего лишь копии, то и стоимость ее должна измеряться категориями иного порядка.

- Какая удача! И сколько он может стоить?

Араб испытующе посмотрел на меня.

- Не сочтите за дерзость, эфенди, а во сколько бы вы сами его оценили?

На редкость догадливый парень!

— Ну, что-нибудь около пятидесяти фунтов? — с надеждой предположил я.

— О-о! — восхищенно воскликнул он. — Вашими устами говорит на стоящий знаток!

Я спросил, не может ли он подписать оценочную квитанцию. Он без колебаний согласился, однако не скрыл своего удивления по поводу «странной логики англичан».

- Вы проявляете крайнюю щепетильность в отношении маленького подарка и вместе с тем позволяете своей «Бритиш электронике системз» платить миллион долларов нашему министру финансов за «помощь в заключении контракта». Разве это не странно?

Его слова прозвучали, как гром среди ясного неба. Я был потрясен!

Шокирован! Едва не лишился дара речи! Единственно, на что я оказался тогда способен, — это пролепетать:

— Э-э... простите, а вы ничего не путаете?

Его улыбка стала еще более ослепительной.

— Конечно, нет. Я сам из министерства финансов и уже получил свою долю.

— За что?

— За то, что держу язык за зубами.

«Теперь его обязательно заставят вернуть деньги», — мелькнула у меня невольная мысль, однако я не стал ее развивать, а торопливо — насколько позволяли приличия — попрощался с ним и бросился на поиски сэра Хамфри.

Когда я наконец нашел его, он оживленно разговаривал с министром. Вот уж совсем некстати! Я смущенно пробормотал какие-то извинения и спросил, не могу ли я побеседовать с сэром Хамфри с глазу на глаз. Однако Хэкер потребовал, чтобы я говорил при нем. Учитывая исключительную важность информации, которую мне предстояло сообщить сэру Хамфри, мне пришлось на ходу придумать верный способ удалить Хэкера на несколько минут.

— Господин министр, — обратился я к нему. — Вас вызывают для срочной связи. Кто-то из ВАТа*... по поводу ваших доходов за шестьдесят девятый год-

Очевидно, Хэкер нагрузился уже весьма основательно, поскольку осоловело посмотрел на меня не в силах понять, о чем идет речь. Пришлось внести ясность:

— ВАТ шестьдесят девять**, — произнес я, на всякий случай понизив голос.

Сообразив, в чем дело, он круто развернулся и... налетел на стоящего рядом толстого араба, выплеснув ему на одежду остатки «апельсинового сока».

Сэр Хамфри взял меня за локоть и поспешно отвел в сторону.

— Бернارد, по-моему, господин министр принял достаточно срочных сообщений. Боюсь, больше ему не выдержать.

Обрадованный тем, что мне удалось остаться с сэром Хамфри наедине, я взволнованно поделился с ним убийственной новостью: контракт достался нам за взятку!

К моему глубокому удивлению, на сэра Хамфри это не произвело ни малейшего впечатления.

— Ничего особенного, — успокоил он меня. — Без взятки здесь контракта не получишь. Ни для кого это не секрет. Главное, чтобы никто ничего не узнал.

Будучи абсолютно уверен, что Хэкер ничего об этом не знает, я предложил ввести его в курс дела.

— Ни в коем случае! — всполошился сэр Хамфри.

— Но раз ни для кого это не секрет...

— Ни для кого, кроме него. Совсем обязательно посвящать министров в то, что не является секретом для всех остальных.

Нашу беседу неожиданно прервали два человека, одновременно подошедшие к нам с противоположных сторон: справа — Его Королевское Вы-

* Налоговое управление Великобритании.

** Марка шотландского виски.

сочество принц Фейсал, слева — достопочтенный Джеймс Хэкер, который уже едва держался на ногах.

- О, Лоуренс Аравийский*! — радостно завопил министр, бросаясь к сэру Хамфри. — Кончайте трепаться, вас ждут на пункте срочной связи... важное сообщение...

- Вот как? — вежливо осведомился сэр Хамфри. — От кого на этот раз?

- От Наполеона! — торжественно провозгласил Хэкер, пьяно хихикнул и... грохнулся на пол».

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

19 мая

Снова в Англии и уже на работе. Из-за разницы во времени плохо соображаю, что к чему, и беспреестанно клюю носом. Иногда мне приходит в голову забавная мысль: способны ли мы, государственные деятели, принимать мудрые решения на благо собственного народа непосредственно после заграничного вояжа?

Сегодня в «Файнэншл тайме» появилась очень неприятная статья.

«Файнэншл тайме», четверг, 19 мая

БЭС ДАЕТ ВЗЯТКУ?

По утверждению «Монд», английская компания «Бритиш электронике система» получила контракт в Кумране за взятку!

В Париже склонны рассматривать это как очередное звено в паутине чудовищной коррупции — наиболее скандальные примеры тому явили в последние годы компании «Локхид» и «Нортроп», — которую тайно плетут некоторые развитые страны Запада и правительства стран «третьего мира», тем самым бросая черное пятно на всю нашу цивилизацию...

Я показал статью Бернарду. Напрасный труд!

— У паутины не бывает звеньев, господин министр, и она не оставляет черных пятен, — тут же возразил он.

— Что-что?

— Пауки не выделяют черной жидкости, понимаете? Только некоторые виды головоногих моллюсков...

Может, он сошел с ума? Пауки выделяют головоногих моллюсков! Чуть какая-то. Иногда у меня складывается впечатление, будто он нарочно порет чепуху, чтобы не отвечать на мои вопросы. *(Еще один признак постепенного прозрения Хэкера. — Ред.)*

Тогда я прямо спросил его, что он думает об этих беспочвенных обвинениях в адрес БЭС.

— Это ужасно, — промямлил он и беспрекословно согласился со мной, что отвратительные явления «бакшиша», «подмазывания» и «взятки» абсолютно чужды нашей природе.

* Лоуренс Томас Эдуард (1888—1935) — английский разведчик в арабских странах.

- Естественно! Мы же британцы! — воскликнул я. Бернард с готовностью подтвердил, что мы — британцы. И все-таки в его поведении было что-то подозрительное. Я решил докопаться до истины.

— Но, с другой стороны, «Файнэншл тайме» — достаточно солидный орган, чтобы печатать такую липу. Что-нибудь за всем этим да стоит, верно, Бернард? Что?

Он вскочил со стула и склонился над газетой.

— По-моему, спортивные новости, господин министр.

Итак, я не ошибся. Бернард все знает, но ему велели держать язык за зубами! Завтра первым делом серьезно поговорю с самим Хамфри. Я твердо намерен разобраться в этой истории.

20 мая

Дал Хамфри прочесть статью в «Файнэншл тайме» (хотя Бернард, не сомневаюсь, уже ввел его в курс дела) и сказал ему, что хочу знать правду.

— Я в этом не уверен, господин министр...

— Опять увертки, Хамфри! Вы будете отвечать на прямой вопрос?

На какой-то момент он смутился.

— Господин министр, я настоятельно рекомендую вам не задавать прямого вопроса.

— Почему?

— Он может спровоцировать прямой ответ.

— Такого на моей памяти еще не случалось...

Вчера Бернард был не до конца откровенен со мной. Поэтому сегодня я решил заставить его высказаться в присутствии Хамфри, чтобы он не мог говорить своему министру одно, а начальнику по государственной службе — другое. (*Хэкер, сам того не подозревая, нацупал ахиллесову пятаю личных секретарей Уайтхолла. — Ред.*)

— Бернард, что вам известно об этом? Только честно!

Он посмотрел на меня, как кролик на удава, затем перевел затравленный взгляд на сэра Хамфри, который (подобно мне) напряженно ждал ответа.

Бернард пребывал в явной растерянности, и я утвердился в своих подозрениях: он в курсе каких-то темных делишек, но говорить боится.

— Понимаете, господин министр... э-э... ходят слухи, то есть... э-э... мне сказали...

Хамфри резко перебил его:

— Мало ли что говорят! Сплетни! Бездоказательные слухи...

Я остановил его.

— Продолжайте, Бернард.

— Э-э... видите ли... один из кумранцев сказал мне, что получил... то есть ему заплатили...

— Бездоказательные слухи, господин министр! — с негодованием повторил сэр Хамфри.

Я выразительно повел глазами в сторону Бернарда.

— Бездоказательные слухи?

— Да, господин министр. (Хамфри в настойчивости не откажется.) Бернард слышал об этом.

Ясно, больше из Бернарда ничего не вытянуть. Впрочем, он уже сказал мне все, что я хотел знать.

— Значит, вы не отрицаете, Хамфри, что БЭС получила контракт, дав взятку?

Он болезненно скривился.

— Господин министр, я просил бы вас не употреблять слова «взятка».

Может, ему больше по душе выражения типа «представительский фонд», «политическое пожертвование» или «особые расходы», поинтересовался я. Нет, оказывается даже эти невинные определения дают «крайне тенденциозное и ошибочное представление» о том, что, по убеждению моего постоянного заместителя, является не чем иным, как «конструктивным подходом к деловым переговорам»!

— Это общепринятая практика, господин министр, — закончил он,

Я спросил, отдает ли он отчет своим словам. Ведь я подписывал контракт с чистой совестью. И даже заверил прессу, что Англия добилась успеха в честной борьбе!

— Да-а, — задумчиво протянул он. — Меня это, признаться, очень удивило.

- А теперь вы сообщаете, что мы получили его за взятку?

- Ни в коем случае, господин министр! — решительно возразил он.

Я сразу почувствовал облегчение: в конце тоннеля, кажется, забрезжил свет.

— Значит, обошлось без взятки?

- Господин министр, этого я не говорил.

— А что в таком случае вы говорили?

— Я сказал, что не говорил вам, что мы получили контракт за взятку.

Софистика чистейшей воды! Похоже, свет в конце тоннеля мне только померещился. Или же, как вошло в поговорку, это был свет несущегося на меня поезда.

- Хорошо, тогда скажите, как вы квалифицируете выплаты, о которых упоминал Бернард.

- Вы имеете в виду, как они квалифицируются в контракте? - уточнил он, подчеркивая, что лично он не намерен давать никаких оценок. Ни при каких обстоятельствах.

Короче говоря, с разрешения сэра Хамфри мой личный секретарь ознакомил меня со специальной инструкцией, регламентирующей такого рода выплаты. Совершенно секретный документ, в той или иной форме существующий во всех крупнейших транснациональных корпорациях.

- 1 До 100 000 фунтов
 - Оплата специальных услуг
 - Персональные пожертвования
 - Особые скидки Текущие расходы
- 2 До 500 000 фунтов
 - Дополнительные выплаты Текущие расходы
 - Выплаты «в благодарность» Оплата посреднических услуг Политические пожертвования Выплаты, не обусловленные контрактом
3. Свыше 500 000 фунтов
 - Гарантийные взносы
 - Комиссионные расходы
 - Административные издержки
 - Авансирование будущих доходов

Лично мне эта шкала коррупции показалась еще отвратительнее, чем сама коррупция. *(Реакция в духе Хэкера: он, бесспорно, был против коррупции, но... только если она принимала особо крупные размеры. Что вскоре подтвердилось развитием событий с кувшином для розовой воды. — Ред.)*

Я поинтересовался, как на практике осуществляются такие выплаты.

— Начиная от зашифрованного счета в швейцарском банке и кончая пачкой банкнотов, подсунутых под дверь кабинки мужского туалета, господин министр.

Он говорил об этом так спокойно, так бесстрастно, словно речь шла о чем-то обыденном. Неужели он не понимает всей чудовищности происходящего? Судя по его реакции — нет.

Я попытался было напомнить Хамфри, что взяточничество уголовно наказуемо, что это грех. Однако он, снисходительно усмехнувшись, перебил меня:

— У вас провинциальные взгляды, господин министр. В других частях света на эти вещи смотрят совершенно иначе.

— Грех, Хамфри, не имеет к географии никакого отношения!

— Имеет, господин министр, причем самое непосредственное, — возразил он и принялся объяснять, что в странах «третьего мира» размер «не обусловленных контрактом выплат» является прежде всего демонстрацией «серьезности намерений», а крупное «политическое пожертвование» транснациональной корпорации свидетельствует лишь о том, что она рассчитывает получить солидные прибыли.

(Здесь, пожалуй, уместна аналогия с авансом издателя автору: тот, кто предлагает больший аванс, получит большие доходы от продажи книги. — Ред.)

— Уж не хотите ли вы уверить меня, что поощрение коррупции является политикой нашего правительства?

— О нет, господин министр. Как вы могли подумать такое! Поощрение коррупции не может быть политикой правительства. Только его практикой...

Двойные стандарты моего постоянного заместителя не перестают меня удивлять!

В разгар этого беспрецедентного обсуждения (*такого ли уж беспрецедентного?* — *Ред.*) позвонили из пресс-секретариата с просьбой сделать официальное заявление в связи с публикацией в «Файнэншл тайме». Я обратился за советом к Хамфри.

Он с готовностью откликнулся:

— Уверен, пресс-секретариат вполне в состоянии сам придумать что-нибудь достаточно убедительное и... достаточно бессмысленное. В конце концов, именно за это им и платят.

Я упрекнул его за откровенный цинизм. Он воспринял справедливый упрек как комплимент, заметив, что «циник» — это всего лишь термин, придуманный идеалистами для определения реалистов.

Меня невольно насторожила характеристика пресс-секретариата: может, он надеется, что в случае чего я их прикрою? Абсурдное предположение! Но, кажется, я нашел выход.

— Я скажу всю правду!

— Господин министр!.. Что вы задумали?

— Я был в полном неведении! Почему я должен защищать то, на что никогда не давал согласия?

Он, как всегда, ударился в голую демагогию: контракт означает тысячи новых рабочих мест... миллионы экспортных долларов... дескать, мы не имеем права лишать британцев всего этого из-за какой-то ерунды...

Я, насколько мог, терпеливо разъяснил ему, что речь идет не о «какой-то ерунде», а о коррупции!

— Вы ошибаетесь, господин министр, всего лишь о несущественных, но очень нужных авансах...

Довольно! Пришлось напомнить ему: правительство существует не только для бесконечного улаживания дел. Оно руководствуется прежде всего моральными соображениями!

— Да-да, конечно, господин министр, моральными соображениями. Я ни на секунду не забываю об этом, уверяю вас.

— Так вот, имейте в виду, — непреклонно заявил я, — если этот вопрос будет поднят в парламенте или прессе, я немедленно объявлю о расследовании.

— Отличная идея! — неожиданно согласился он. — Мне доставит искреннее удовольствие возглавить его.

Я сделал глубокий вдох.

— Нет, Хамфри, не внутреннее расследование — настоящее. Его глаза расширились от ужаса.

— Господин министр! Надеюсь, вы шутите?

— Настоящее расследование, Хамфри, — снова отчеканил я.

— Нет-нет, не делайте этого, умоляю вас!

— Моральными соображениями, Хамфри, нельзя без конца поступаться!

Да, только так. Вопросы морали надо раз и навсегда сделать центральными для нашего правительства. И начало этому положу именно я!

ВСПОМИНАЕТ СЭР БЕРНАРД ВУЛИ:

«Вскоре после того, как Хэкер пригрозил «настоящим расследованием» кумранской сделки, я зашел за министром на его лондонскую квартиру — нам предстояло вместе отправиться в Суонси, где он должен был выступить на митинге в центре регистрации транспортных средств. Поездка была вызвана срочной необходимостью поднять моральный дух жителей района, поскольку внедрение там трудосберегающих компьютеров привело к таким простоям, что для ликвидации возникшего хаоса пришлось нанимать тысячи дополнительных работников. Похоже, проблему можно решить только с помощью еще более трудосберегающих компьютеров: они хотя и потребуют огромного расхода общественных средств, но зато, с одной стороны, помогут поставить ситуацию под контроль, а с другой — дадут возможность избежать увольнения тысяч дополнительно нанятых работников. Поскольку же создание новых рабочих мест составляло основу нашей стратегии в зонах особого развития (*то есть в неустойчивых избирательных округах.* — *Ред.*), нам, естественно, меньше всего хотелось лишать парней работы. Конечно, само по себе выступление Хэкера вряд ли могло радикально изменить ситуацию, однако, по мнению сэра Хамфри, подобный «визит доброй воли» продемонстрировал бы нашу заботу о населении (*об избирателях.* — *Ред.*) и готовность искать конструктивный выход из положения.

Короче говоря (*слишком поздно!* — *Ред.*), я ждал, пока министр оденется, в прихожей его лондонской квартиры, мило беседуя с его супругой. Заметив стоящий на столике в углу кумранский кувшин для розовой воды, я высказал восхищение, как гармонично он вписывается в интерьер квартиры, воздав тем самым должное вкусу госпожи Хэкер. Она восторженно закивала и, сияя от счастья, доверительно поведала мне, что утром к ней забегала приятельница и тоже обратила внимание на кувшин.

— Неужели? — притворно удивился я.

— Да. И знаете, кто? Дженни Гудвин... из «Гардиан».

Ее слова произвели на меня впечатление разорвавшейся бомбы.

— Из «Гардиан», — ошеломленно повторил я.

— Да, она еще спросила, откуда у нас эта вещица.

— Журналистка... — в ужасе пробормотал я.

— Что? А-а, понимаю... но ведь это же «Гардиан». Дженни также спрашивала, сколько он стоит. Я сказала: «Что-то около пятидесяти фунтов».

— Вы так сказали?

Сердце провалилось куда-то в желудок, меня бросало то в жар, то в холод, язык будто прилип к пересохшей гортани...

— Да, а что?.. Представляете, — госпожа Хэкер бросила на меня по дозорительный взгляд, — ей показалось, что это подлинник.

- ...это подлинник, — эхом откликнулся я.

- Что с вами, Бернард? Вы повторяете за мной, словно заигранная пластинка.

Я извинился.

Затем госпожа Хэкер сообщила мне, что эта журналистка, Дженни Гудвин, попросила у нее разрешения позвонить в кумранское посольство, чтобы узнать стоимость кувшина.

- ...стоимость кувшина...

Она пристально посмотрела на меня.

- Бернад, но это же копия, не так ли?

Едва не подавившись неизвестно откуда взявшимся комом в горле, я принялся сумбурно объяснять ей, что, дескать, насколько мне известно, то есть как меня авторитетно заверили и тому подобное... Трудно сказать, чем бы все это закончилось, если бы не вошел министр. На какое-то время я был спасен. Но только на время, ибо теперь знал: топор занесен, моя голова на плахе, и завершить свою карьеру мне придется, скорее всего, где-нибудь в Бюро по трудоустройству.

Честно говоря, оставалось надеяться только на то, что министр не оставит меня в беде. В конце концов, я всегда старался сделать для него как лучше. Что же касается сэра Хамфри, то хотя на его помощь или сочувствие рассчитывать не приходилось, но скрыть от него назревающий скандал я бы никогда не посмел».

(На следующее утро Бернад Вули попросил сэра Хамфри о срочной встрече, после которой верный себе сэр Хамфри Эпблби сделал соответствующую запись в дневнике. — Ред.)

«Б. В. испросил моего согласия выслушать некую чрезвычайно срочную и важную информацию. Я сказал, что готов его выслушать, однако он не произнес ни слова. Тогда я напомнил ему, что уже сказал «да», но он продолжал хранить упорное молчание.

Лоб Б. В. покрылся испариной, хотя в тот день было довольно прохладно. Чувствовалось, что он находится в состоянии несвойственного ему душевного смятения.

Тогда я задал несколько наводящих вопросов, предположив, что он, очевидно, направил министра не на тот обед, или подсунул ему не ту речь, или, чего доброго, показал ему документы, с которыми мы совершенно не собирались его знакомить.

Он отрицательно покачал головой. Приняв во внимание крайнюю необычность поведения Б. В., я указал ему на стул, и он с облегчением уселся.

Постепенно выяснилось, что проблема в золотом кувшине, подаренном министру кумранским правительством. По словам Бернада, этот диковинный сосуд очень понравился жене министра. Ничего удивительного! Когда же Б. В. разъяснил ей существующие правила, она ужасно расстроилась. (Все они одинаковы.) Затем госпожа Хэкер спросила Б. В., может ли кувшин стоить больше пятидесяти фунтов, и добавила, как чудесно было бы, если бы это оказалось не так. И бедняга Вули, похоже, согласился «помочь».

Мне, конечно, понятны его мотивы, но... золотой кувшин семнадцатого века? Это уж слишком!

Из сбивчивых объяснений Б. В. выяснилось, что ему подвернулся «ужасно любезный кумранский бизнесмен», который и оценил кувшин не как подлинник, а как копию в 49 фунтов 95 шиллингов. Очень удобная цена.

На мой вопрос, поверил ли он этому «ужасно милому человеку», Бернад растерянно залепетал:

- Я... э-э... то есть он сказал, что прекрасно разбирается... понима-

ете, он так блестяще говорил по-арабски, что я... э-э... принял на веру. Разве ислам — недостаточно убедительная вера?

На мой взгляд, недостаточно убедительное оправдание весьма рискованной авантюры. Ему здорово повезло, что никто этим не заинтересовался. Во всяком случае, пока. И слава богу.

Я собирался прекратить разговор, ограничившись письменным замечанием в своем отчете, когда он сообщил мне о журналистке из «Гардиан», которая обратила внимание на кувшин в прихожей лондонской квартиры министра и узнала от госпожи Хэкер, что это — копия. Так что теперь повышенного интереса, боюсь, не избежать.

Патологическая подозрительность прессы к подобного рода вещам, конечно, до нелепости смешна, и все же я счел своим долгом предупредить Б. В., что, видимо, придется рассказать обо всем министру — иного выхода нет».

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

23 мая

В пятницу Хамфри явился с «вхождением». (Напоминает китайскую церемонию, не правда ли?) Другими словами, он представил рекомендации, как замять потенциальный скандал с кумранской взяткой.

Естественно, я не собираюсь из кожи лезть вон, чтобы предать дело огласке, но все же мне не понятно, почему я должен оказываться в положении человека, пытающегося скрыть мусор в углу. Поэтому, если дело дойдет до вопросов, я твердо намерен объявить о проведении независимого расследования под руководством королевского адвоката.

Выслушав все это в самом начале беседы, Хамфри попытался переубедить меня:

— Кумранский проект стоит триста сорок миллионов фунтов, господин министр!

— Не давите на меня цифрами, Хамфри, — сказал я и напомнил ему о моральных соображениях. — Даже если контракт стоит триста сорок миллионов фунтов, моя должность мне дороже.

Тут Хамфри заметил, что у Бернарда имеется для меня важное сообщение. Я вопросительно посмотрел на него. Бернард тяжело вздохнул, откашлялся и, запинаясь, сказал:

— Господин министр... речь идет... э-э... о кувшине, который вам подарили в Кумране...

— О чем? Ах, о кувшине! Как же, как же, он стоит у нас в прихожей. Милая вещица.

Он страдальчески скривился, однако нашел в себе силы продолжить:

— Я дал понять госпоже Хэкер, что она... что вы можете... взять кувшин себе, так как он стоит менее пятидесяти фунтов. Но я не уверен... э-э... человек, который оценил его, был ужасно любезен... я сказал ему, что госпожа Хэкер в восторге от кувшина... понимаете, возможно, он просто хотел... э-э... угодить...

Не видя особых причин для волнения, я попросил его успоко-

иться, так как все равно никто ничего не узнает. Мало того — даже похвалил его за находчивость!

Очень скоро мне пришлось горько пожалеть об этом.

— Да, но понимаете... сегодня утром госпожа Хэкер сказала мне, что у нее побывала журналистка из «Гардиан» и заинтересовалась кувшином.

Кошмар! Я потребовал оценочную квитанцию. Представляете, она была написана на... обратной стороне меню! (*Обычно казначейство не приходит в восторг, получая финансовые документы, написанные на обратной стороне меню. — Ред.*)

Прочитав в моих глазах немой вопрос, сэр Хамфри со знанием дела сказал:

— Если это копия, то оценка приблизительно верна. Но если это подлинник, он стоит не менее пяти тысяч.

А я взял его себе!

Будь у меня в запасе день-другой — никаких проблем. Нам не составило бы особого труда придумать убедительное объяснение, которое отвело бы удар и от Бернарда, и от меня.

В этот момент в кабинет влетел — даже не постучавшись! — Билл Причард, наш пресс-секретарь. Час от часу не легче!

Ему только что звонили из «Гардиан». Они связались с кумранским посольством и спросили, действительно ли подаренное мне бесценное произведение искусства семнадцатого века всего лишь копия, как утверждает моя жена. Правительство Кумрана крайне возмущено предположением, будто они могли оскорбить англичан, подарив мне дешевую вещь. (Хотя какой смысл дарить мне ценную вещь, если ее все равно навеки упрячут в какой-нибудь сейф?) Затем Биллу позвонили из МИДДСа и предупредили, что дело пахнет крупным дипломатическим скандалом.

Казалось бы, для одного дня плохих вестей вполне достаточно. Так нет же! Бросив на меня испуганный взгляд, Билл добавил, что в приемной сидит Дженни Гудвин из «Гардиан» и требует немедленной встречи со мной.

Помнится, Энни всегда называла Дженни Гудвин своей подругой. Хороша подруга! Журналистам вообще никогда нельзя доверять. Отвратительные хищники, вечно рыскающие в поисках свежатинки!

Бернард устремил на меня взгляд, полный немой мольбы. Да, ему не позавидуешь.

— Что ж, мой долг не оставляет мне выбора! — произнес я голосом Черчилля.

- Не оставляет выбора? — повторил Бернард, глядя на меня, словно загнанный зверь.

Не оставляет, подтвердил я. Ведь моя жена не просила его лгать о цене подарка. Не просила, признал он. Мне, разумеется, понятно, что Бернард действовал из самых лучших побуждений, но оправдать фальсификацию документа невозможно.

Бернард, чуть не плача, возразил, что лично он ничего не

фальсифицировал, хотя это уже не суть важно... никому не нужная казуистика.

Беда в том, что я никогда не могу вовремя остановиться. Казалось бы, сказал главное и хватит. Так нет, меня потянуло на нравоучения. Сначала я заявил Бернарду, что не имею морального права допустить, чтобы хоть у кого-нибудь возникла мысль, будто я просил его «устроить» оценку кувшина. Затем довел до сведения сэра Хамфри, что не желаю, чтобы хоть у кого-нибудь возникла мысль, будто я намерен терпеть взяточничество и коррупцию в наших деловых отношениях с другими странами. Сам того не сознавая, я с упорством идиота продолжал рыть себе могилу.

— И если журналистка станет задавать мне прямые вопросы, придется сказать ей всю правду. Исходя из моральных соображений.

Осел! Ведь по совершенно невозмутимому, самоуверенному виду моего постоянного заместителя легко было догадаться: у него припрятан козырной туз. С него он и пошел.

— Вы меня убедили, господин министр. Моральными соображениями следует руководствоваться во всем, абсолютно во всем. Давайте поэтому уточним: кто расскажет прессе о пункте срочной связи — вы или я?

Шантаж! Чудовищно, невероятно, но факт. Вопрос сэра Хамфри не оставлял сомнений: если я свалю вину (которой на мне нет) за кумранскую взятку и за кувшин для розовой воды на него, на Бернарда или на кого-либо еще (если до этого дойдет), он без колебаний отдаст меня на растерзание газетчикам.

Я ошеломленно уставился на Хамфри. И этот человек смеет говорить о моральных соображениях! Лицемер! Подлый шантажист! Ползучий гад!

— Но ведь пункт срочной связи — это совсем другое дело, — попытался я образумить его. — Алкоголь не имеет ничего общего с коррупцией...

Однако сэр Хамфри даже не выслушал меня до конца.

— Господин министр, — заявил он. — Мы обманули кумранцев. Честно говоря, меня до сих пор мучит чувство вины, осознание того, что мы нарушили священные законы ислама в их собственной стране. И рано или поздно придется положить руку на сердце признать, что идея о пункте срочной связи целиком и полностью принадлежала вам.

— Нет, не мне! — в отчаянии выкрикнул я.

— Нет, вам, — хором подтвердили сэр Хамфри и Бернард.

Конечно, я мог от всего отказаться, но что стоит слово какого-то политика против слова постоянного заместителя или личного секретаря?!

А сэр Хамфри продолжал давить.

— Сколько за это полагается ударов плетью — пятьдесят или сто? — спросил он у заметно ожившего Бернарда.

Последовала невыносимо томительная пауза. Я лихорадочно

обдумывал имеющиеся у меня варианты. Но странное дело: чем больше я над ними думал, тем меньше их оставалось, пока не осталось фактически ни одного. Наконец Билл прервал мои бесплодные размышления, сказав, что журналистку лучше принять поскорее, иначе она такое напишет...

Я безвольно кивнул. «Есть только один способ защиты — нападение! — подумал я. — Это непререкаемый закон, по крайней мере когда имеешь дело с прессой».

Что ж, мне не привыкать. Уж обращаться с газетчиками-то я как-нибудь научился.

(В те времена роль министра в основном сводилась к тому, чтобы достойно представлять свое министерство перед средствами массовой информации. — Ред.)

Я понял, с кем имею дело, едва она переступила порог кабинета: приятный голос, слегка неряшливый вид, брюки... короче говоря, именно то, чего и следовало ожидать от «Гардиан», — типичная дерганая либералка а-ля Ширли Уильяме.

Пока она суетливо усаживалась на любезно предложенный сэром Хамфри стул, у меня в голове созрела примерная линия поведения: быть обаятельным, сдержанным, а главное — показать свою занятость и отсутствие времени для второстепенных разговоров. С журналистами по-другому просто нельзя, иначе они начинают мнить себя важными персонами или тут же подозревают что-то неладное.

Поэтому я с ласковой деловитостью семейного врача спросил ее:

— Ну-с, и что же вас беспокоит?

И ободряюще улыбнулся.

- Два вопроса, — не раздумывая, ответила она. — И не только меня, но и общественность.

Как у нее язык поворачивается говорить от имени общественности, которая ни о том, ни о другом ничего не знает и — уж я приложу все силы — никогда не узнает!

Не обманув моих ожиданий, она начала с публикаций, обвиняющих БЭС в коррупции, то есть в получении контракта за взятку.

— Абсолютная чепуха! — отрезал я.

В случае сомнений лучше всего прибегать к абсолютному отрицанию. А если уж врать, то с высоко поднятой головой.

- Но в газетах приводятся данные о выплатах официальным лицам...

Я изобразил на лице благородное негодование и тяжело вздохнул.

- Ну сколько можно! Возмутительно просто. Английская компания из кожи вон лезет, стремясь получить заказ, который сулит стране валютные поступления и новые рабочие места, тысячи новых рабочих мест, а пресса... вместо поддержки пресса начинает подрывную кампанию!

— Но если был факт взятки...

Я не дал ей договорить:

- Ни о какой взятке не может быть и речи. По моему требованию было проведено внутреннее расследование. Все эти так называемые «выплаты» полностью обоснованы.

- Например? — спросила она уже менее уверенно.

Хамфри счел необходимым прийти мне на помощь.

— Например, комиссионные, административные издержки... — поспешно начал перечислять он.

— Текущие расходы, гарантийные взносы... — подхватил я.

Бернард тоже не остался в стороне:

- Оплата специальных услуг, личные пожертвования...

— От нашего внимания не ускользнул ни один конверт... — не давая ей опомниться, затараторил я. Но вовремя поправился: - То есть ни одна статья расходов, и все оказалось в полном порядке.

— Понятно, — упавшим голосом протянула она.

А что ей оставалось? Не имея никаких доказательств, она была вынуждена поверить мне на слово. По-моему, ни один нормальный журналист не рискнет прогневать министра Ее Величества небоснованными предположениями и обвинениями.

(Подобно многим политикам Хэкер, судя по всему, обладал завидной способностью верить в то, что черное — это белое, если он так говорит. — Ред.)

Развивая свой успех, я с пафосом заявил, что рассматриваю эти бездоказательные предположения как симптомы тяжело больного общества, причем немалая доля вины, несомненно, лежит на средствах массовой информации.

— Почему, например, вы хотите поставить под удар тысячи новых рабочих мест в Британии? — тоном обвинителя спросил я.

Она промолчала. *(Естественно, ей не хотелось ставить под удар тысячи новых рабочих мест в Британии. — Ред.)*

В заключение я выразил намерение обратиться в Совет по печати* с требованием принять меры к газете, допустившей чудовищное нарушение профессиональной этики.

— Совет и тем более палата общин не останутся равнодушными, узнав о безответственном, лишенном моральных соображений поведении инициаторов этого позорного инцидента, и, уверен, найдут способ положить конец бульварным публикациям такого сорта!

Дженни была потрясена. Как я и ожидал, мое контрастное заявление застало ее врасплох.

Заметно нервничая, она поспешила перейти ко второму вопросу. И я не без злорадства отметил, что вся ее агрессивная самонадеянность куда-то улетучилась.

* Создан в 1953 году. Состоит из 20 профессиональных журналистов и 10 представителей неправительственных организаций. Регулирует деятельность органов печати, рассматривает поступающие на них жалобы, публикует статистические данные о периодических изданиях и т. п.

— Господин министр, меня также интересует кувшин для розовой воды, который вам подарили в Кумране...

Я с угрозой посмотрел на нее.

— Да? И что же именно вас интересует?

— Дело в том... — она на секунду замешкалась, но затем все-таки овладела собой. — Я видела его в прихожей вашего дома.

— Совершенно верно, — глазом не моргнув, подтвердил я. — Мы временно храним его у себя.

— Временно?

— Конечно. Не забывайте, это очень ценная вещь.

— Но госпожа Хэкер уверяла меня, что это — копия!

Я весело рассмеялся.

— Ну, а вы как думали? Неужели мы будем каждому встречному сообщать, что это подлинник! А вору? Нет уж, пока мы не избавимся от него...

— Как... избавиться? — растерянно спросила Дженни.

— Очень просто. Я собираюсь передать его в музей моего избирательного округа. Мы будем там в субботу. Оставить его дома я не имею права — собственность правительства, как вы не понимаете? — Я выдержал небольшую паузу и провел нокаутирующий удар. — Так что же именно вас интересует?

Сказать ей было решительно нечего. Она в замешательстве пробормотала: «Все в порядке, все отлично» — и вскочила со стула. Я поблагодарил ее за «доставленное удовольствие» и проводил до двери.

На лице сэра Хамфри было написано откровенное восхищение.

— Великолепно, господин министр!

А на лице Бернарда была написана бесконечная признательность.

— Спасибо, господин министр, большое спасибо!

— Пустяки! — великодушно отмахнулся я. — В конце концов, не давать друзей в обиду — наш святой долг. К сожалению, мы часто недооцениваем значение лояльности, так ведь?

— Да, господин министр! — дружно согласились они, но благодарности в их голосах я уже не ощущал.

18 ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ

(Политики называют август «пустым сезоном». Это время, когда большинство избирателей находится в отпусках, а газеты, ориентируясь на вкусы отдыхающих, публикуют в основном развлекательные сплетни или бытовые сенсации. Это также время парламентских каникул, когда правительство имеет прекрасную возможность проводить новые или «смелые» решения. Ведь палата не может опротестовать их, пока не соберется на свое первое заседание, то есть в октябре, а к тому времени события, происшедшие в августе, будут рассматриваться средствами массовой информации как «безнадёжно устаревшие».)

Отсюда логически следует, что в августе члены кабинета неизбежно теряют привычную бдительность. В условиях, когда их фактически никто не контролирует, никто не ставит в тупикковыристыми вопросами, министры Ее Величества, не опасаясь перестановок в кабинете или достаточно серьезного интереса со стороны прессы, нередко позволяют себе расслабиться сверх меры.

Очевидно, именно этим объясняется кризис транспортной политики правительства, поставивший карьеру Хэкера на грань катастрофы: ему хотели поручить одну из самых непрестижных работ в Уайтхолле, и этого удалось избежать только благодаря мудрому вмешательству сэра Хамфри Эплби, а также, безусловно, собственному возросшему политическому мастерству Хэкера.

Ближе к середине августа на Даунинг-стрит, 10 состоялась беседа между советником премьер-министра по экономическим вопросам сэром Марком Спенсером и секретарем кабинета сэром Арнольдом Робинсоном. В личных бумагах сэра Марка никаких ссылок на эту встречу не оказалось, что совсем неудивительно, поскольку его карьера развивалась вне государственной службы. Однако созревание интриги против Хэкера четко прослеживается в дневнике сэра Арнольда Робинсона, обнаруженном нами в архивах государственной службы в Уолтхэмстоу. — Ред.)

«...Обедал с сэром Марком Спенсером. Похоже, ПМ не терпит приступить к практическому осуществлению единой транспортной политики.

Я предложил кандидатуру Хэкера, поскольку он совершенно не разбирается в проблемах транспорта, они для него — terra incognita. Министр транспорта, который уже поднаторел в своем деле, наверняка будет сторониться этого нововведения, как черт ладана. Мы с сэром Марком пришли к единодушному выводу, что эту работу можно смело считать «ложем из гвоздей», «терновым венцом», «миной-сюрпризом», поэтому я, собственно, и упомянул о Хэкере.

«Он идеально подходит для данной работы. Здесь требуется особый талант: умение проявлять кипучую активность, не достигая осязаемых результатов», — объяснил я сэру Марку.

Правда, М. С. беспокоится, что трудно будет уговорить Хэкера. Ничего трудного. Надо представить дело так, чтобы предложение выглядело большой честью.

Главное — заручиться согласием Хэкера, прежде чем об этом узнает сэр Хамфри Элби, ибо старый лис мгновенно заподозрит неладное. «Timeo Danaos et dona ferentes»*, — наверняка произнесет старина Хампи. Хотя ему, пожалуй, придется сказать это по-английски, поскольку Хэкер учился в ЛЭШе.

Итак, было ясно: вопрос надо решать немедленно, тем более что не позднее завтрашнего дня я должен отбыть во Флориду на конференцию «Правительство и участие». *(В 70–80-е годы высшие государственные чиновники, как правило, направляли сами себя — разумеется, за государственный счет — на различные симпозиумы или конференции, особенно если они проводились в августе на известных курортах. — Ред.)*

Мы встретились с Хэкером в тот же день. Предварительно условившись с сэром Марком действовать лестью: когда имеешь дело с политиками, это — надежное оружие.

Я также позаботился, чтобы Хэкер не узнал о цели нашей встречи раньше времени. Во-первых, не хотелось давать ему возможность обсудить вопрос со стариной Хампи, а во-вторых, пусть поволнуется немного: зачем это его вызывают на Даунинг, 10? Тревожное ожидание наверняка сделает его более покладистым.

В результате все вышло так, как я и предполагал. Будучи полным профаном в области транспорта, Хэкер изо всех сил изображал из себя знатока, был откровенно польщен, когда мы интересовались его мнением и в конечном итоге согласился «взяться за единую транспортную политику».

Хорошо, что я улетаю во Флориду сегодня вечером, прежде чем все это станет известно старине Хампи».

(Интересно сравнить впечатление от встречи сэра Арнольда Робинсона с рассказом о тех же событиях самого Хэкера. — Ред.)

11 августа

На редкость удачный день. Воистину мне есть чем гордиться. Меня неожиданно пригласили к Марку Спенсеру на Даунинг Стрит, 10. Естественно, я был немного встревожен, зная о недовольстве ПМ недавней историей с кумранским кувшином (хотя в конечном итоге все кончилось как нельзя лучше). Честно говоря, я не сомне-

* Бойся данайцев, дары приносящих (лат.).

вался, что меня ожидает «маленький нагоняй», особенно когда на Даунинг, 10 меня встретил не сэр Марк, а сам секретарь кабинета сэра Арнольд Робинсон.

Слава богу, мои опасения оказались напрасными. Меня собираются повысить!

Арнольд с самого начала объявил, что у них имеется для меня почетное назначение. Я похолодел от ужаса, решив, что меня хотят «вышибить наверх», в палату лордов. Однако, как вскоре выяснилось, он имел в виду руководство новой транспортной политикой.

Разумеется, их очень интересовала моя точка зрения на проблемы транспорта. Таковой у меня не было (да и не могло быть), но, по моему, они ни о чем не догадались. Я ловко перекинул мяч на их сторону, попросив уточнить, что именно их интересует. Скорее всего, они подумали, что я просто не желаю раньше времени открывать карты.

— Мы тут обсуждали единую транспортную политику правительства... — начал Арнольд.

— Что ж, вопрос достаточно серьезный, — осторожно заметил я.

— Значит, вы «за»? — тут же спросил Арнольд.

Очевидно, от меня ждали утвердительного ответа, но поскольку я не до конца понимал, о чем речь, то на всякий случай принял загадочный вид. Думаю, они поверили в мою компетентность, так как сэр Марк счел возможным доверительно заметить:

— К сожалению, недовольство национализированным общественным транспортом приобретает массовый характер, что, естественно, не может не вызывать серьезной озабоченности правительства...

Он замолчал, как бы приглашая меня продолжать.

Понимающе кивнув, я вежливо попросил его продолжать.

— Нам нужна четкая политика, — продолжал он. — То, чем мы занимаемся сейчас — по очереди обвиняем то транспортников, то профсоюзы, — отнюдь не способствует решению проблемы.

В разговор снова вступил сэр Арнольд.

— К тому же, как вам, очевидно, известно, в последнее время они объединились и теперь в один голос винят во всем правительство. По их мнению, транспорт плохо работает из-за отсутствия единой политики.

— Это что-то новое. Мне всегда казалось, что у нас есть какая-то политика. Я точно помню: утверждая предвыборный манифест, мы договорились не проводить никакой политики в области транспорта. В этом, собственно, и состоит наша транспортная политика.

Сэр Марк согласно кивнул.

— Но, как бы там ни было, сейчас ПМ убежден в необходимости позитивной транспортной политики.

Что же он раньше-то молчал! Ладно, еще не поздно. Слава богу, понимать с полуслова меня учить не надо.

— А-а, ПМ... понятно. С этим трудно не согласиться. Честно говоря, я и сам всегда так думал.

Мои слова доставили сэру Арнольду и сэру Марку явное удовольствие. Я же, признаться, искренне недоумевал: какое отношение все это имеет ко мне? Ведь транспортом должно заниматься МТ (*министерство транспорта. — Ред.*).

Однако сэр Арнольд рассеял мое заблуждение.

— Министр транспорта, конечно, был бы только счастлив, если бы ему поручили эту миссию, но, боюсь, ему трудно быть достаточно объективным.

— За деревьями не видит леса, — пояснил сэр Марк.

— Короче говоря, здесь требуется открытый, ничем не обремененный ум, — добавил сэр Арнольд.

— Надеюсь, теперь вы понимаете, почему ПМ решил создать надведомственный орган для разработки и проведения в жизнь единой транспортной политики, — заключил сэр Марк.

Надведомственный орган! Неужели ПМ остановил свой выбор на мне? Благородные рыцари дружно кивнули. Такой поворот событий, не скрою, вызвал у меня чувство радостного возбуждения, законной гордости и даже некоторого умиления. А поток славословий в мой адрес не утихал.

— По общему мнению, у вас самый открытый ум из всех претендентов, — заявил сэр Марк.

— И самый необремененный, — добавил сэр Арнольд.

Казалось, они задались целью перещегоолять друг друга в изысканных комплиментах.

Само собой разумеется, я не торопился с ответом. Во-первых, у меня не было ни малейшего понятия, в чем, собственно, будет состоять моя новая миссия, а во-вторых, никогда не следует сразу говорить «да», если на тебя такой спрос. Поэтому я поблагодарил их за доверие, согласился с их выводом о крайней важности и ответственности данного предприятия и только потом спросил, в чем конкретно оно заключается.

— В оказании помощи согражданам, — изрек сэр Марк.

Сэр Арнольд начал было витиевато намекать, что, оказывая помощь согражданам, всегда выигрываешь в борьбе за голоса, но я решительно напомнил ему, что для меня главное — чувство долга. Гражданского долга!

В ходе дальнейшей беседы постепенно выяснилось, что они имеют в виду: отсутствие единой, логически обоснованной транспортной политики порождало и порождает массу несуразных нелепостей (*тавтология. — Ред.*). Сэра Арнольда и сэра Марка — то есть ПМ — серьезно беспокоили следующие проблемы:

1. *Проектирование автомобильных дорог.* Существующие автомобильные дороги прокладывались без учета железнодорожных коммуникаций. В результате многие шоссе на десятки миль тянутся вдоль железнодорожных путей.

2. *Единые билеты.* В настоящее время, если вы, к примеру,

хотите попасть из Хенли* в Сити, вам придется купить билет на поезд до Паддингтона**, а оттуда — еще один билет на метро.

3. *Расписание поездов*. Отсутствие какой бы то ни было увязки между расписанием поездов и автобусов.

4. *Изолированность аэропортов*. Например, одна из линий «Бритиш рейлуэйз»*** проходит менее чем в миле от аэропорта Хитроу, однако они никак не сообщаются друг с другом.

Кратко обрисовав суть проблем, сэр Арнольд и сэр Марк добавили, что, очевидно, аналогичные трудности существуют и вне Лондона, хотя по вполне понятным причинам они не очень хорошо с ними знакомы.

Все это на самом деле выглядит многообещающе и заманчиво. Я высказал намерение посоветоваться с сэром Хамфри. Однако они в один голос заявили, что их интересует мое мнение и мое согласие. Наконец-то до них дошло, что я — не марионетка. В отличие от некоторых министров, я держу бразды правления в своих руках!

Потом мне сообщили, что через тридцать минут ПМ отправляется в аэропорт: ему предстоит длительный зарубежный вояж — конференция в Оттаве, открытие Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, встреча в Вашингтоне...

Я в шутку спросил, кто же будет управлять страной в течение следующей недели.

Сэр Арнольд только поморщился, а сэр Марк поспешно сказал, что по дороге в Хитроу он хотел бы порадовать премьер-министра моим согласием.

Я великодушно разрешил ему сделать это.

12 августа

Утром на заседании сообщил сэру Хамфри, что есть хорошие новости.

— Я получил новое назначение.

— Да-а? Поздравляю. Нам будет искренне жаль расстаться с вами, — любезно заметил он.

Даже слишком любезно.

Я объяснил, что не собираюсь уходить из МАДа. Просто по просьбе ПМ принимаю дополнительные обязанности по разработке и осуществлению единой транспортной политики правительства. Мой постоянный заместитель, похоже, не очень обрадовался. Даже слегка нахмурился.

— Понятно... — кивнул он. — Ну а в чем же заключаются хорошие новости?

Решив, что он неправильно меня понял, я повторил все снова.

* Город на Темзе, в графстве Оксфордшир.

** Лондонский вокзал, а также пересадочный узел метро.

*** Сеть национализированных железных дорог. Создана в 1947 году после национализации частных железнодорожных компаний.

- Господин министр, — сухо осведомился он, — в таком случае осмелюсь спросить: как вы себе представляете плохие новости? Я попросил его выразаться яснее.

Он тяжело вздохнул.

- Господин министр, вы отдаете себе отчет, каковы будут последствия, если вы согласитесь на это?

- Я уже согласился.

- Что? Что?..

- Я дал согласие. Это большая честь, Хамфри. К тому же нам действительно позарез нужна единая транспортная политика...

- Если вы имеете в виду Великобританию, возможно, это и так, не спорю. Но если под «нами» вы имеете в виду себя, меня и министерство, то, должен заметить, единая транспортная политика нужна нам, как *arertura cranium*, то есть как дырка в голове. Не говоря уж о том, что это назначение, поверьте, станет для вас «ложем из гвоздей», «терновым венцом», «миной-сюрпризом».

Вначале я не понял, чем вызвана столь резкая отповедь моего постоянного заместителя: желанием подурачиться, ленью или какими-либо иными мотивами. Конечно, у него прибавится административных хлопот — это понятно, но Хамфри всегда радовался любому расширению своей империи.

- Нет, господин министр, дело не в этом. Если кому и угрожает реальная опасность, так только вам. Я не принимаю решений, в мою задачу входит лишь оберегать ваш трон. Кстати, вы никогда не задумывались, почему у нас до сих пор нет единой транспортной политики?

- Действительно, почему?

- Да потому, что такая политика отвечает интересам всех, абсолютно всех, кроме министра, который взялся бы за ее осуществление!

Сэр Хамфри сделал паузу и задумчиво уставился в потолок.

- Есть ли такие слова, которые дошли бы до вашего сердца? — вслух спросил он самого себя.

Я молча ждал. Берnard тоже.

- Так, кажется, нашел, — довольно пробормотал мой постоянный заместитель и, повернувшись, пристально посмотрел мне в глаза. — В конечном итоге это приведет к потере голосов!

- К потере голосов? — ошеломленно переспросил я.

- Несомненно, — жестко отрезал Хамфри. — Почему, как вы думаете, этим не занимается сам министр транспорта?

Я хотел было объяснить ему, что министру транспорта трудно быть объективным, что он за деревьями не видит леса... Однако сэр Хамфри опередил меня.

- Очевидно, ему трудно быть объективным... за деревьями не видит леса... Так ведь они сказали вам? — язвительно заметил он.

- А вам, Хамфри, полагаю, истинная причина известна? — не в силах скрыть раздражение огрызнулся я.

- Господин министр, задумывались ли вы над тем, почему

министр транспорта предложил на этот пост лорда-хранителя печати? Почему лорд-хранитель печати предложил канцлера герцогства Ланкастерского, а тот — лорда-председателя Тайного совета? Я был вынужден признать, что не имею ни малейшего понятия.

— Ну а как вы объясняете вызов на Даунинг, 10 без моего ведома?

Снова был вынужден признать, что объяснить этого не могу.

— Так вот, господин министр. — В его голосе послышались зловещие нотки. — Последние три недели это губительное назначение крутится в Уайтхолле подобно гранате с выдернутой чекой!

Возможно, он и прав. По части слухов мой постоянный заместитель, надо отдать ему должное, информирован на редкость. Однако и я не собирался сдавать своих позиций. К тому же я почувствовал, что мое назначение вызвало у сэра Хамфри чувство досады — досады на то, что мне оказали большую честь, а с ним не посоветовались — ни они, ни я.

— Если я сумею воплотить в жизнь задуманное, мне будет чем гордиться.

Сэра Хамфри мой довод несколько не убедил. По его мнению, если даже у меня и получится, новая политика начнет давать плоды не ранее чем через десять лет. А к тому времени ни его, ни меня здесь уже не будет. Нас либо повысят, либо понизят, либо отправят на покой.

- И не забывайте; господин министр, любая политика предполагает наличие альтернативы. Сделав свой выбор, вы доставляете радость одним, но неизбежно приводите в бешенство остальных. В результате на каждый приобретенный голос вы потеряете десять других. Если вы дадите работу автотранспортникам, то Совет железных дорог вместе с профсоюзами поднимут такой вой — чертям тошно станет. Но попробуйте решить вопрос в пользу железных дорог — автотранспортники разорвут вас на части. Если вы, к примеру, вознамеритесь урезать плановые капиталовложения «Бритиш эруэйз», они в тот же день проведут разгромную пресс-конференцию, где сотрут вас в порошок. Увеличивать же бюджет вам все равно никто не позволит, поскольку казначейство помешано на тотальной экономии.

Я высказал робкую надежду, что надведомственный статус придаст достаточную силу моим решениям.

Хамфри даже не считал необходимым скрыть презрительную усмешку.

— Боюсь, надведомственные набобы сродни мандаринам государственной службы, господин министр. Вы моментально приобретете множество смертельных врагов: работников управлений по связям с общественностью, тред-юнионистов, членов парламента... А их не надо учить, как использовать в своих интересах телевидение и прессу. Можете мне поверить: каждый день кто-нибудь из них будет на всю страну предавать анафеме то или иное решение

Хэкера с телеэкрана или со страниц центральных газет, сравнивая вас с чумой или другим национальным бедствием.

Его грустная демагогия вывела меня из себя. Я довольно резко напомнил ему, что инициатива моего назначения исходит от самого премьер-министра и что не в моих правилах уклоняться от выполнения долга перед страной. Более того, по мнению сэра Марка, новая стратегия встретит безусловную поддержку и одобрение избирателей. А раз так — незачем глядеть дареному коню в зубы. — Иногда не мешает и заглянуть, уверяю вас. Особенно если конь троянский, — загадочно произнес сэр Хамфри.

Не совсем поняв, куда он клонит, я осторожно спросил:

— Уж не хотите ли вы сказать, что внутри этого дареного коня полно троянцев?

Бернард попытался было внести свое обычное уточнение, но, увидев мой выразительный взгляд, раздумал. Вместо ответа сэр Хамфри неожиданно предложил провести предварительное обсуждение вопроса с руководителями МТ — начальниками управлений автомобильного, железнодорожного и авиационного транспорта.

— Надеюсь, вы поймете, с чем вам придется столкнуться.

— Проводите, если хотите. Но имейте в виду: я не отступлюсь. В случае удачи единая транспортная политика может стать моими Фолклендскими островами!

— Да-да, конечно, — подхватил сэр Хамфри. — А вы — генералом Галтиери*.

15 августа

Войдя сегодня утром в свой кабинет, обнаружил на письменном столе странную до нелепости записку от Бернарда.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

Г-ну министру. Строго конфиденциально

12 августа

В связи с Вашим нежеланием глядеть в зубы дареному коню в виде единой транспортной политики, высказанным Вами во время сегодняшней беседы с господином постоянным заместителем, Вы поинтересовались, не обнаружим ли мы, что внутри этого дареного коня, если он окажется троянским (а, по мнению сэра Хамфри, скорее всего, так оно и будет), полно троянцев.

При всем почтении к Вам считаю своим долгом обратить Ваше внимание на следующее: если бы Вы заглянули внутрь троянского коня, то обнаружили бы, что там полно греков!

Данное утверждение основывается на общеизвестном факте, что троянского коня подарили троянцам греки. Таким образом, в строгом смысле слова тот конь не был троянским — он был греческим. Отсюда и широко известное изречение «Timeo Danaos et dona ferentes», которое, как Вы пом-

* Министр обороны Аргентины в период захвата англичанами Фолклендских (Мальвинских) островов в 1982 году, являющихся спорной территорией между Великобританией и Аргентиной.

ните или, без сомнения, вспомнили бы, если бы не учились в ЛЭШе, часто не совсем точно переводится как «Бойся греков, дары приносящих».

С уважением
Б. В.

Я немедленно продиктовал ответ Бернарду, подчеркнув, что при всей увлекательности греческих изречений, особенно для чистых гуманитариев, они не имеют прямого отношения к делам правительства.

В заключение я добавил, что в современной интерпретации — во всяком случае, для стран ЕЭС — это изречение логичнее было бы перевести так: «Бойся греков, излишки оливкового масла приносящих».

(По-моему, очень остроумно. Не забыть бы процитировать, когда придется выступать с речами против ЕЭС!)

К своему изумлению, просматривая вечером содержимое красных кейсов, я нашел там еще одну записку от Бернарда.

Он поистине неутомим в своем стремлении к бессмысленному педантизму.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

Г-ну министру. Строго конфиденциально

15 августа

При всем почтении к Вам считаю своим долгом обратить Ваше внимание на безусловную ошибку, допущенную Вами в ответе на мою записку от 12 августа с. г., где изречение «Timeo Danaos et dona ferentes» названо греческим.

Хотя троянский конь был греческим, изречение, которое Вы приписываете грекам, на самом деле принадлежит латинянам. Это очевидно уже потому, что греки вряд ли стали бы предостерегать кого-либо против самих себя. Далее. Упомянутое изречение латинского, а не греческого происхождения не потому, что timeo оканчивается на «о», ибо первое лицо в греческом языке также оканчивается на «о» (здесь, позволю себе несколько отклониться, имеется также греческое слово «timao», означающее «оказываю честь»), но вследствие того факта, что в греческом окончание «os» указывает на единственное число именительного падежа второго склонения, тогда как в латинском — на множественное число винительного падежа.

Кстати, Danaos, если Вам это интересно, означает «греки» не только на греческом, но и на латинском языке.

С уважением
Б. В.

Я постараюсь навечно сохранить все памятные записки Бернарда: они наглядно демонстрируют, как блеск престижного академического образования ослепляет и вводит в заблуждение тех, кто отбирает перспективных молодых людей для работы в системе государственной службы.

(Через день состоялась обещанная встреча Хэкера с начальни-

коми трех управлений министерства транспорта. Сэр Хамфри и Бернард Вули, само собой разумеется, также присутствовали на ней. — Ред.)

17 августа

Сегодня состоялась весьма необычная встреча с начальниками трех управлений МТ — та самая, которую Хамфри обещал устроить для предварительного обсуждения вопроса о единой транспортной политике.

Я толком не запомнил их имен, но это не суть важно. Они представляли три ключевых управления МТ: автомобильное, железнодорожное и авиационное. К сожалению, беседа с самого начала приняла характер бескомпромиссной борьбы. Ни один не желал уступать. В чем они были единодушны, так это в опровержении моих рассуждений.

Первым боевые действия открыл начальник автотранспортного управления — кажется, Грэм или что-то в этом роде. Он предложил правительству считать автомобильный транспорт основным средством перевозки грузов. Однако его тут же перебил человек с морщинистым раздраженным лицом (Ричард?). Ничего удивительного: непрерывная, на протяжении многих лет борьба с «Бритиш рейлуэйз», НПЖ* и ОПМК** за модернизацию английских железных дорог кого хочешь доконает.

- С вашего позволения, господин министр, я хотел бы отметить, что если говорить по большому счету, не вдаваясь в излишние детали, то такой подход нельзя назвать иначе, как недопустимо близоруким. Серьезная, дальновидная государственная политика в области грузовых перевозок должна исходить из приоритетного развития железнодорожного транспорта и...

Ему не дал договорить Пирс (из управления авиационного транспорта). Обычно спокойный, выдержанный человек (во всяком случае, так его охарактеризовал сэр Хамфри), он так торопился не отстать от других, что даже счел возможным обойтись без галантерейных преамбул вроде «если вы любезно согласитесь уделить мне несколько минут...» или «я не хотел бы злоупотреблять вашим драгоценным временем, но...»

- Господин министр, при всем уважении к присутствующим я считаю своим долгом заявить, что оба предложения ведут к катастрофе. Долгосрочные национальные интересы, особенно в условиях неуклонно растущего спроса, требуют всемерного расширения и укрепления прежде всего воздушных перевозок.

Грэм грохнул карандашом по столу (кстати, стол — под красное дерево).

- Что ж, — раздраженно заметил он, — если господин министр готов до бесконечности наращивать бюджет...

* Национальный профсоюз железнодорожников.

** Объединенный профсоюз машинистов и кочегаров.

— Если господина министра не пугает перспектива длительной и бескомпромиссной забастовки железнодорожников... — подхватил Ричард (железные дороги).

— Однако если правительство не боится взрыва массового недовольства населения... — не уступал Пирс.

Настала моя очередь перебить их всех. Я решительно поднял руку. Они умолкли, хотя и продолжали испепелять друг друга взглядами.

— Пойдите, пойдите, — сказал я, — мы же все представляем правительство, не так ли?

— Если вы имеете в виду лично себя, то безусловно, господин министр, — вмешался сэр Хамфри.

— Значит, мы все заодно? — продолжал я, стремясь достигнуть конструктивного соглашения.

— Само собой разумеется, кто спорит, нет сомнений, — не очень уверенно, но хором ответили Грэм, Ричард и Пирс.

— А раз так, главная цель нашей встречи — поиск решения, лучше всего отвечающего интересам Британии.

Пирс попросил слова. Я ободряюще кивнул.

— С вашего позволения, господин министр, — начал он, — мне трудно себе представить, каким образом смертельный удар по воздушным перевозкам может лучше всего отвечать интересам Британии.

Итак, перемирие длилось не более двадцати секунд.

— Мне тоже не понятно, каким образом сознательный развал железных дорог может помочь спасению Британии, — горько посетовал Ричард.

Не отстал от них и Грэм, саркастически заметивший, что не видит какой-либо пользы для страны в «фактической ликвидации автомобильного транспорта».

Я снова призвал их к молчанию и еще раз напомнил о цели встречи — обсудить различные варианты единой транспортной политики правительства. Я ведь специально пригласил сюда авторитетных, знающих людей, надеясь услышать от них позитивные, конструктивные предложения.

Напрасные старания. Их позитивные, конструктивные предложения было совсем нетрудно предугадать. Ричард немедленно потребовал отдать приоритет железным дорогам, Грэм — резко увеличить капиталовложения в развитие автомобильного транспорта, а Пирс — расширить объем воздушных перевозок.

Я считал своим долгом довести до их сведения, что единая транспортная политика, помимо всего прочего, предусматривает общее сокращение расходов.

— В таком случае, — криво усмехнулся Ричард, — остается только один возможный путь.

— Это уж точно, — мрачно согласился Грэм.

— Вне всяких сомнений, — ледяным тоном подтвердил Пирс.

Теперь неприязненные взгляды, которыми они непрерывно об-

менивались друг с другом, были устремлены на меня. Беседа зашла в тупик. Слава богу, сэр Хамфри был на посту.

— Ну что ж, прекрасно! — бодро произнес он. — Что может быть лучше общего согласия. Благодарю вас, господа.

И недовольным господам ничего не оставалось, как откланяться и покинуть мой кабинет.

В официальных коммюнике беседы подобного рода обычно называют «откровенным обменом мнениями», при этом, видимо, подразумевается, что на следующее утро уборщице приходится смывать с пола кровь.

ВСПОМИНАЕТ СЭР БЕРНАРД ВУЛИ:

«Упомянутая беседа с руководителями МТ, безусловно, разочаровала Хэкера. Причиной тому его неспособность до конца понять роль государственной службы в процессе принятия решений.

Ведь на этой встрече каждый из начальников руководствовался интересами своего управления и потому готов был всячески препятствовать любым изменениям транспортной политики, если таковые неблагоприятно скажутся на его клиентуре.

В 80-х такая практика была вполне в духе государственной службы. Собственно говоря, все ведомства Уайтхолла, теоретически коллективно представлявшие правительство в глазах общества, всячески пытались оказать давление на правительство, поскольку каждое министерство фактически контролировалось теми, над кем оно было призвано осуществлять контроль.

Почему, например, в Англии было введено единое среднее образование? Кто хотел этого: ученики, родители? Вряд ли.

Самое мощное давление оказывал Национальный профсоюз учителей. А поскольку этот профсоюз являлся основным клиентом МОНа (*министерства образования и науки.—Ред.*), то МОН и принял решение об образовании системы единых средних школ.

Любое ведомство в своей деятельности исходило из интересов прежде всего тех, с кем оно имело наиболее тесные контакты. Так, министерство занятости интриговало в пользу Британского конгресса тред-юнионов, в то время как министерство промышленности всячески пеклось о предпринимателях. Это была довольно своеобразная система «противовесов»: министерство энергетики заботилось об интересах нефтяных компаний, министерство обороны — о вооруженных силах, министерство внутренних дел — о полиции... и так далее. А по сути, вся деятельность государственного аппарата была направлена на то, чтобы не дать кабинету проводить свою собственную политику. Что ж, кто-то ведь должен был это делать!

Таким образом, единая транспортная политика могла получить право на существование, только преодолев мощное сопротивление всей государственной службы и ряда других заинтересованных групп.

Попутно хотел бы отметить: само существование такой системы «сдержек и противовесов»* — как назвали бы ее наши американские

* Имеется в виду действующий в США политико-правовой принцип разделения властей, реализуемый через систему «сдержек и противовесов», который предполагает организационную независимость трех «ветвей» государственной власти — законодательной, исполнительной, судебной — и разграничение между ними соответствующих функций.

союзники — делает нелепым заезженный миф о якобы правом уклоне государственной службы. Или левом. Или любом другом. Например, министерство обороны, защища интересы армии, как того и следовало ожидать, принадлежало к правому крылу, а министерство здравоохранения и социального обеспечения, клиентами которого являлись в основном больные, престарелые и обездоленные, — к левому; министерство промышленности, ориентировавшееся на предпринимателей, принадлежало к правому крылу, а министерство занятости, занимавшееся безработными, — к левому; МВД, безусловно, принадлежало к правому крылу, поскольку в сферу его забот входили полиция, тюрьмы и эмигранты, а МОН, как уже упоминалось, — к левому.

Меня могут спросить: «А министерство административных дел?» Охотно отвечу: мы не относились ни к правым, ни к левым! Поскольку наш единственный клиент — сама государственная служба, мы видели свою главную задачу в защите ее интересов от любых посягательств со стороны правительства.

Строго говоря, конституция предписывает государственной службе обеспечивать выполнение желаний правительства. Так оно фактически и происходит, если, конечно, эти желания практически осуществимы. То есть если мы считаем их практически осуществимыми. Да и как иначе это можно определить?»

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

19 августа

Сегодня утром мы с Хамфри обсудили итоги встречи с руководителями МТ.

Теперь мне окончательно ясно: я попал в тяжелый переplet, из которого надо как можно скорее выбираться. Пусть кто-нибудь другой тешит свое честолюбие громким статусом «надведомственного набоба»!

Я сказал Хамфри, что мы должны найти способ воздействовать на ПМ.

— Говоря «мы», вы имеете в виду нас с вами или, подобно надведомственным набобам, только себя самого?

Он торжествует, злорадствует! Пришлось разъяснить ему реальную ситуацию: я имел в виду нас обоих, если он, конечно, не хочет, чтобы министерство — и соответственно он, сэр Хамфри, — по уши увязло в транспортных проблемах.

Поскольку мой постоянный заместитель не очень представлял себе, как можно оказать воздействие на премьер-министра, я подал ему идею. Самое уязвимое место политика — его избирательный округ.

Затем я попросил Бернарда принести карту и справочник избирательного округа ПМ. Хамфри недоуменно посмотрел на меня, как бы спрашивая: «А это еще зачем?» Я подумал, что в таких делах лучше всего изъясняться эвфемизмами, и сказал:

— Мне нужен ваш совет, Хамфри. Как вы считаете: может ли случиться, что практическое осуществление единой транспортной политики потребует определенных жертв, так сказать, «местного

значения»? Естественно, необходимых в интересах всей страны, но весьма болезненных для тех, кому не повезет.

Он понял все с полуслова. И заметно оживился.

— Потребует жертв? Да, безусловно, господин министр. Более того — они просто неизбежны!

— Ну а если пострадавший округ представлен в парламенте влиятельным членом правительства... весьма влиятельным... самым влиятельным членом правительства?

— Скандальная ситуация, господин министр, в высшей степени скандальная ситуация... — пробормотал Хамфри, и глаза его весело засветились.

Тем временем Бернард принес карту и справочник избирательного округа ПМ. Оставалось только сделать выбор.

Мы начали с парка. Хамфри обратил внимание на его близость к железнодорожному вокзалу и напомнил мне, что в соответствии с требованиями единой транспортной политики автобусные станции должны располагаться как можно ближе к вокзалам.

Увы, он прав. Ничего не поделаешь. Тяжело вздохнув, я сформулировал нашу первую рекомендацию: *Разместить автобусную станцию в парке Королевы Шарлотты*. Интересы страны требуют жертв.

Перелистывая справочник, мы наткнулись на крупную авторемонтную мастерскую и подумали, что было бы намного рациональней объединить ее с ремонтной службой железнодорожного депо — безусловно, весьма ощутимая экономия. Таким образом, наша вторая рекомендация гласила: *Закрывать авторемонтную мастерскую*.

Тут мне в голову пришла интересная мысль: ведь основным средством сообщения в избирательном округе ПМ являются пригородные поезда, которые, как известно, в целом убыточны. Они активно используются только в часы пик, а это означает, что фактически мы их субсидируем.

— Справедливо ли это? — спросил я Хамфри.

Он без колебаний согласился, что это несправедливо вообще и в особенности по отношению к тем, кто не пользуется пригородными поездами. Отсюда и наша третья рекомендация: *Сделать пригородные поезда экономически рентабельными*.

Конечно, плата за проезд теперь вырастет как минимум в два раза, но... разве можно приготовить омлет, не разбив яиц?! (*Изречение прусского короля Фридриха II. — Ред.*)

— Господин министр, взгляните-ка! — Хамфри ткнул пальцем в справочник. — Оказывается, тут и железная дорога, и метро. В связи с этим хотелось бы напомнить, что, по мнению ряда авторитетных специалистов, такие районы практически не нуждаются в автобусном обслуживании... во всяком случае, в вечернее время.

Что ж, логично и убедительно. Четвертым пунктом мы записали: *Отменить автобусное движение в округе после 18.30*.

Неожиданно Бернард заметил, что после строительства новой автобусной станции в парке останется много неиспользованной территории.

Он прав. Мы совершенно упустили это из виду. Надо исправлять положение.

— Мне кажется, логическим продолжением автобусной станции была бы стоянка для контейнеровозов. Особенно в ночное время, — снова помог нам Бернард.

Гениально! Так и запишем: *Строительство стоянки для контейнеровозов рядом с автобусной станцией в парке Королевы Шарлотты.*

Однако, более внимательно изучив расположение парка, мы с сожалением обнаружили, что стоянка безусловно потребует капитальной реконструкции подъездных путей. Может быть, даже придется засыпать пруды в западной части парка? А что делать?

Провести капитальную реконструкцию подъездных путей к стоянке контейнеровозов — такова была наша шестая и последняя рекомендация.

Мы еще раз внимательно просмотрели весь список. Наши рекомендации, естественно, не имели никакого отношения лично к ПМ — они являлись не самой приятной, но неизбежной частью общенациональной транспортной стратегии.

Тем не менее я решил подготовить и отослать на Даунинг, 10 соответствующую информационную записку. Премьер-министр наверняка захочет узнать, какие последствия новая транспортная политика будет иметь для его избирательного округа. И я, по-настоящему лояльный министр и верный коллега по кабинету, считаю себя обязанным предоставить ему такую информацию.

Хамфри обратил мое внимание еще на одну серьезную проблему:

— Господин министр, а вы представляете, что произойдет, если об этом узнает пресса? Ведь аналогичные последствия грозят и многим другим округам. Такое начнется!..

Я спросил, насколько, по его мнению, реальна такая угроза.

— Гм-м... — задумчиво произнес он. — На такие вещи у журналистов просто собачий нюх... Утаить что-либо от них практически невозможно. Особенно если существуют копии документа.

Отличная мысль! Всегда бы так. Когда идет нормальная работа, Хамфри просто невыносим, но стоит дойти делу до драки — лучшего союзника, пожалуй, не найти.

— Черт побери! — раздосадованно чертыхнулся я. — Действительно серьезная проблема. Ведь копии моей записки должны быть разосланы всем членам кабинета... Их избирательные округа, естественно, тоже не останутся в стороне...

Хамфри поддержал эту мою решимость, философски заметив, что в нашем положении остается только надеяться... Если утечка и произойдет, то при таком количестве копий никто не догадается, кто ее допустил. К тому же, как выяснилось, сэр Хамфри

сегодня обедает с Питером Мартеллом из «Тайме». Какое совпадение!

Все это выглядит очень обнадеживающе.

Я попросил Хамфри не делать того, чего бы в аналогичной ситуации не сделал я. Он заверил меня, что на него можно положиться.

Интересно, чем закончится их обед.

(Отчет сэра Хамфри Элби об упомянутой встрече с Питером Мартеллом был обнаружен в его дневнике. — Ред.)

«...Обедал с Питером Мартеллом из «Тайме»...

Когда я вскользь упомянул о единой транспортной политике, на его лице появилось выражение откровенной скуки — вполне естественная реакция! Однако он мгновенно оживился, узнав о неминуемых отрицательных последствиях, таких, например, как:

1. Сокращение рабочих мест в результате объединения конечных железнодорожных и автобусных станций.
2. Сокращение рабочих мест в результате слияния ремонтных мастерских.

3. Сокращение рабочих мест в результате оптимизации услуг.

4. Снижение интенсивности движения поездов и автобусов — то есть дальнейшее сокращение рабочих мест.

Интерес Питера заметно возрос, когда он узнал, что больше всего, судя по слухам, пострадает избирательный округ самого ПМ. Откуда берутся все эти слухи — ума не приложу!

Убедившись в «неординарности ситуации», Питер, видимо, решил написать громкую статью и потребовал достоверных фактов. Я укоризненно взглянул на него, однако он стоял на своем, утверждая, что газета — не правительство: помещая материал в номер, она должна иметь конкретные доказательства его достоверности.

Я также пресек его попытку выудить из меня сведения о возможной публикации Белой или Зеленой книги*. Впрочем, я был вынужден признать факт существования конфиденциальной записки Хэкера премьер-министру и двадцать одной копии, направленной всем без исключения членам кабинета.

— Ну, тогда все в порядке! — обрадовался Питер. — Вы сами мне ее дадите или лучше связаться с кем-либо из ваших коллег?

Я довольно резко выговорил ему, напомнив о недопустимости разглашения секретных документов... не говоря уж о передаче их журналистам.

Единственная возможность заполучить такой документ — если его случайно где-нибудь оставят... Впрочем, вероятность такой халатности практически исключена».

(Сэр Хамфри даже в своем дневнике старался изложить упомянутую беседу таким образом, чтобы отвести от себя малейшие подозрения. Однако появление статьи Питера Мартелла — не далее чем через день после обеда с сэром Хамфри, — где под-

* Зеленая книга — официальный правительственный документ, содержащий предложения относительно будущей политики правительства; представляется парламенту для обсуждения.

ообнейшим образом излагалось содержание секретной записки Хэкера, позволяет предположить, что сэр Хамфри Элби случайно оставил свой личный экземпляр. — Ред.)

22 августа

Хамфри поработал на славу. В субботней «Тайме» опубликована моя программа из шести пунктов относительно избирательного округа премьер-министра. Не скрою, мне это доставило большое удовольствие. Ровно в 10.30 последовало ожидаемое приглашение на беседу с Марком Спенсером (сам ПМ все еще за границей).

Не успел я войти в кабинет на Даунинг, 10, М. С. сразу же перешел к делу.

— Не считаю нужным скрывать от вас, что ПМ не слишком всем этим доволен. — Он сердито потряс «Тайме».

Я охотно согласился с ним.

— Да-да, возмутительно. Мне тоже все это не очень...

— Без утечки здесь не обошлось, — пробурчал он, глядя мне прямо в глаза.

Кошмар! Моим коллегам по кабинету ничего нельзя доверять.

Столь безоговорочное согласие, кажется, застало его врасплох.

— Кого-нибудь конкретно имеете в виду? — заинтересованно спросил он.

Понизив голос, я ответил, что не хотелось бы называть имен, хотя кое-кто из членов кабинета... И замолчал. Иногда взгляд красноречивей любых слов.

Мои намеки его, конечно, не удовлетворили.

— Так, а конкретнее?

Я тут же пошел на попятную. Мне стало ужасно весело.

— Сами понимаете, полной уверенности в этом быть не может. А вдруг они ни при чем? Ведь я направил записку сюда, на Даунинг, 10.

Сэр Марк не увидел в моих словах ничего смешного.

— Ваш намек по меньшей мере неуместен. В резиденции премьер-министра утечек не бывает, — сухо заметил он.

— Да-да, несомненно, — поспешно согласился я. — Действительно нелепое и неуместное предположение.

Конечно, утечки бывают у всех. Именно потому мы с утра до вечера не можем отбиться от парламентских корреспондентов.

— Однако тревожит не только и не столько сам факт утечки, каким бы прискорбным он ни был, — продолжал сэр Марк. — ПМ серьезно обеспокоен последствиями ваших предложений.

— Ну еще бы! — с готовностью подтвердил я. — Потому мы и сочли необходимым проинформировать его. Единая транспортная политика объективно требует жертв.

Он выразил решительное несогласие со мной, настаивая на том, что транспортная политика не должна требовать жертв.

— Нет, должна! — возразил я.

— Нет, не должна! И не будет! — категорически заявил он. Вот какие интеллектуальные разговоры ведутся в коридорах центральной власти!

— А вы сами ознакомились с содержанием моей записки? — тактично поинтересовался я.

— Все будет иначе, — не отвечая на мой вопрос, отрезал он. И добавил, протягивая мне какую-то газету (как оказалось, еженедельник избирательного округа ПМ): — Взгляните-ка...

«ПМ СТАВИТ ХЭКЕРА НА МЕСТО

Норман Поттер

Тревожные слухи о предстоящих сокращениях рабочих мест и услуг в нашем избирательном округе не получили подтверждения. Очевидно, ПМ дал твердые указания...»

Вот так сюрприз!

— Но ПМ не давал мне никаких указаний! — протестующе воскликнул я.

— Считайте, что дал. (Довольно оригинальный способ получения директив от премьер-министра!) Думаю, эта утечка, от кого бы она ни исходила, раскрывает содержание секретной записки, продиктованной ПМ в Оттаве. Так что, похоже, единая транспортная политика потребует серьезного пересмотра, вы согласны?

Ловкий ход, ничего не скажешь. Я попытался было доказать сэру Марку, что пересмотр любой политики, особенно такой, как транспортная, — дело исключительно сложное, но он бесцеременно перебил меня:

— По мнению ПМ, которое я полностью разделяю, министры для того и существуют, чтобы решать сложные задачи. Конечно, исходя из предположения, что они хотят оставаться министрами.

Круто, но предельно ясно.

Я поспешил заверить его в своей готовности пересматривать единую транспортную политику до тех пор, пока она не будет пересмотрена так, как надо.

Перед уходом я поинтересовался, каким образом информация попала в местную газету... в газету избирательного округа ПМ. Сэр Марк с улыбкой заявил, что понятия не имеет, и при этом подчеркнул, что резиденция премьер-министра абсолютно вне подозрений.

— Хотя все это на самом деле возмутительно, — добавил он. — Я полностью с вами согласен: в наше время никому нельзя доверять.

23 августа

Утром встречался с Хамфри. Снова обсуждали транспортную политику. Похоже, мы вернулись к тому, с чего начали.

Я чувствовал себя несколько подавленно, надо мной по-преж-

нему, словно дамоклов меч, висела эта треклятая корона транспортного короля. К моему удивлению, Хамфри, наоборот, был в отменном расположении духа.

— Все идет как нельзя лучше, господин министр, — радостно сказал он. — Теперь мы озадачим их нереальным, невыполнимым предложением.

Я спросил, что он имеет в виду.

— Предложение, полностью лишённое здравого смысла, — объяснил он. — Мы предложим создать Всебританское транспортное управление с региональными и районными отделениями, местными представительствами, координационным центром... в общем, весь комплекс с миллиардным бюджетом и штатом по меньшей мере в восемьдесят тысяч человек.

— Казначейство хватит удар!

— Вот именно. Они тут же вернут все на круги своя, то есть в министерство транспорта. Никаких сомнений.

Гениально! Я попросил его как можно скорее подготовить мне подробный проект с указанием штатного расписания и примерного бюджета новой организации.

Я, безусловно, недооценил своего постоянного заместителя. Торжествуяще улыбнувшись, он вынул из папки готовый документ и протянул его мне.

— Краткое резюме дается на первой странице.

Что ж, у него есть все основания торжествовать.

Я похвалил его за мудрую предусмотрительность.

— Пустяки, господин министр, — скромно ответил он.

Я бегло просмотрел проект. Отличная работа!

— Боже мой, — невольно вырвалось у меня. — Представляю, что началось бы, попади этот документ в прессу!

Хамфри загадочно улыбнулся.

— Скоро придется создавать очередную комиссию по расследованию утечек...

— Не может быть! — заволновался вдруг Бернارد.

— Другого выхода нет.

— Но... ведь это грозит скандалом!

Оказывается, Бернارد просто не знаком с правилами игры. Удивительно, но факт. Скандалом тут и не пахнет, поскольку правилами предусмотрено только создание комиссий по расследованию утечек, но никак не их работа. Те, кого в них назначают, собираются в лучшем случае один раз, да и то скорее в целях личного знакомства. А уж о выводах таких комиссий никто вообще не слышал.

— Бернارد, вы можете сказать, сколько комиссий по расследованию утечек выявили виновных? — поинтересовался я.

— Хотя бы приблизительно, — уточнил сэр Хамфри.

Бернارد задумчиво нахмурился.

— Ну, если приблизительно, то... — Он снова задумался. — ...Ни одной.

Правильный ответ. Они и не могут назвать виновных. По двум причинам:

1. Если утечку допустил государственный служащий, то публично обвинять его считается неправомерным. По неписаным законам Уайтхолла упреки такого рода могут быть высказаны только в адрес политических деятелей. Для этого они, политические деятели, и существуют.

2. Если же утечку допустил политик, то публично обвинять его не безопасно: он немедленно вспомнит другие утечки своих коллег по кабинету.

Я с удовольствием объяснил все это Бернарду.

— Но существует и третья причина. Самая важная, — добавил сэр Хамфри. — Публиковать выводы таких комиссий не рекомендуется еще и потому, что большинство утечек исходит от Номера Десять.

Хамфри, бесспорно, прав. Поскольку чаще всего утечку организовывает сам ПМ — как в данном случае, — доказать это невозможно, а если и возможно, то обнаружить доказанное обойдется себе дороже.

В то же утро, вскоре после нашего разговора с Хамфри, по случайному стечению обстоятельств — я бы сказал, просто удивительному — ко мне зашел какой-то журналист (я даже толком не понял, что ему от меня надо). Хамфри предусмотрительно «забыл» на стуле свой экземпляр нашего гениального проекта, я же по натуре ужасно рассеян: никогда не помню, что где лежит. Так или иначе, после ухода репортера эта злополучная копия нового проекта будто в воду канула. Потрясающе!

25 августа

День окончательных решений!

Сегодня меня и Хамфри — на этот раз вместе — вызвали на Даунинг, 10. Нас провели к секретарю кабинета. В глубине кабинета за столом восседали сэр Арнольд и сэр Марк. Наверное, они хотели поставить нас в положение просителей, но не на тех напали.

Бодро поздоровавшись, я демонстративно сел в кресло за кофейным столиком у окна. Учитывая мой статус министра Ее Величества, они являлись (во всяком случае, номинально) моими подчиненными, а значит, не могли заставить меня вести беседу через стол. Таким образом, им ничего не оставалось, как последовать моему приглашению и сесть в уютные кресла рядом со мной. Но тон разговору задал все-таки сэр Арнольд.

— Итак, снова утечка! — обвиняюще сказал он. — Положение становится просто угрожающим.

— Да, снова утечка, — с готовностью подтвердил я. — Откуда? Кто? Ума не приложу. В утренних газетах чуть не полностью приводятся наши предложения по созданию Всебританского транспортного управления.

Сэр Хамфри разделил наше опасение: положение становится просто угрожающим.

— Боюсь, дело идет к дисциплинарным мерам. — Сэр Арнольд осуждающе покачал головой.

— Да-да, это было бы ужасно! — не раздумывая, поддакнул я. — Вы согласны, Хамфри?

— Безусловно! Если бы можно было найти виновных, им бы не поздоровилось.

В разговор вступил сэр Марк. Он охотно предложил свою помощь и сказал, что готов употребить все свое влияние, чтобы узнать у «Тайме», откуда они получили информацию о проекте.

Я заставил Хамфри поволноваться, вызвавшись поучаствовать в этом.

— Вот как, господин министр? — В голосе моего постоянного заместителя прозвучало недвусмысленное предостережение.

— Безусловно, Хамфри! Я просто уверен, что докопаюсь, откуда прессе стало известно о недовольстве ПМ нашими первоначальными замыслами... Ведь если окажется, что утечка произошла в резиденции премьер-министра, дело примет куда более серьезный оборот... Это ведь сердце страны, а не просто кабинет какого-нибудь министра. По-моему, так. Не говоря уж о соображениях безопасности...

Я не окончил фразу, предоставив им додумать самим.

— О-го-о... — протянул сэр Марк.

Последовала напряженная пауза. Чувствуя, что инициатива за мной, я первым нарушил молчание.

— Возможно, нам следует привлечь полицию или даже МИ-5: ведь последствия утечек на Даунинг, 10 могут оказаться исключительно серьезными...

Арнольд попытался нанести ответный удар.

— И все-таки главная задача — расследовать последнюю утечку, — потребовал он.

Я замотал головой.

— Нет, нет и нет! Нам прежде всего необходимо разобраться с утечкой, затрагивающей репутацию резиденции премьер-министра!

Против столь убийственного аргумента трудно было что-либо возразить. Сэр Арнольд и не пытался. Он мрачно молчал, пристально изучая меня. Итак, выиграв битву за «комиссию по утечкам», я счел возможным перенести разговор на транспортную политику.

— Однако теперь, как вы понимаете, реакция общественности на все эти утечки фактически сводит на нет мои усилия по выработке единой транспортной политики в рамках МАДа.

Сэр Хамфри энергично подхватил:

— Да-да, время не подошло, условия не созрели, атмосфера не благоприятствует...

— И к тому же, — добавил я, — два единственно реальных

подхода, боюсь, при нынешней ситуации окончательно заблокированы.

Снова воцарилась тишина. Сэр Арнольд и сэр Марк еще долго не сводили с меня глаз. Затем переглянулись. Их растерянный вид говорил о неизбежном поражении. И сэр Арнольд решил признать его. Но при этом не забыл сделать хорошую мину при плохой игре.

— Я вот что подумал, — глубокомысленно обратился он к сэру Марку. — А не разумнее было бы вернуть все это в министерство транспорта?

Я немедленно ухватился за это предложение.

— Гениальная мысль, Арнольд!

— И как это мне не пришло в голову?.. — сокрушенно произнес сэр Хамфри.

Итак, согласие было достигнуто.

Правда, у сэра Марка оставались кое-какие сомнения.

— Да, но мы не решили вопроса об утечках, — напомнил он.

— Вы правы, — охотно отозвался я. — Ведь проблема утечек, по-моему, заслуживает самого пристального разбирательства. В связи с этим у меня есть конкретное предложение.

— Неужели? — искренне удивился сэр Арнольд.

Не обращая внимания на его реакцию, я заявил:

— Не могли бы вы передать ПМ нашу рекомендацию незамедлительно создать специальную комиссию по расследованию утечек?

Тут сэр Арнольд, сэр Марк и сэр Хамфри проявили редкостное единодушие.

— Да, господин министр! — в унисон воскликнули трое рыцарей.

«ПЬЮЩИЙ ПАДРЕ»

4 сентября

Мне только что сообщили чрезвычайно важное и тревожное известие! Сегодня воскресенье, и мы с Энни решили пораньше вернуться из Ист-Бирмингема в свою лондонскую квартиру.

Не успел я войти в дверь, как раздался телефонный звонок. Незнакомый, назвавший себя офицером британской армии, настаивал на срочной встрече. Он хотел поделиться со мной важной информацией, но категорически отказался говорить об этом по телефону.

Мы условились встретиться вечером, попозже. Энни читала воскресные газеты, а я — одну из своих любимых книг «Глухие годы» Уинстона Черчилля. Загадочный незнакомец задерживался, и я, грешным делом, начал беспокоиться, не случилось ли с ним чего такого... Кроме того, у меня сильно разыгралось воображение — очевидно, из-за Черчилля.

— Энни, ты помнишь, как во время своих «скитаний» Черчилль получал от армейских офицеров информацию о военной машине Гитлера и о слабостях нашей обороны? Так вот, он искусно организовывал утечки для прессы, чем неизменно ставил правительство в неловкое положение. Может, мне тоже так?..

Еще не высказав свою мысль до конца, я понял, что выбрал не те слова, поэтому слегка смутился, когда Энни с осуждением сказала:

— Ты ведь сам в правительстве!

Неужели ей не ясно, что я имел в виду?!

Наконец таинственный посетитель явился: худощавый человек лет сорока, одетый в слегка обтрепанный, мешковатый темно-синий костюм в тонкую полоску. Как и большинство этих армейских, он выглядел словно пожилой старшекласник.

— Майор Сондерс, — представился он.

Назвать его интересным собеседником при всем желании было довольно трудно, хотя, возможно, он просто не привык находиться в обществе крупных государственных деятелей моего калибра.

Я представил его Энни и предложил ему выпить.

- Благодарю, — поблагодарил он.
- Виски?
- Благодарю.
- Прошу садиться.
- Благодарю.

Я заметил, что совсем необязательно так много благодарить.

— Благодарю, — сказал он, но тут же поправился: — То есть простите.

Энни сказала, что можно вполне обойтись и без извинений.

- Простите, — сказал он. — То есть благодарю... то есть...

Бедняга! Мое величие явно подавляло его.

Энни хотела оставить нас вдвоем, но Сондерса почему-то устраивало ее присутствие. Во всяком случае, он попросил ее остаться и, обратившись ко мне, спросил, не возражаю ли я.

— Ну что вы! У меня от Энни нет секретов. Я делюсь с ней всем, абсолютно всем.

— Причем по несколько раз, — пошутила она.

Ее остроты иногда меня раздражают. Я-то понимаю, что она шутит, но ведь люди могут и всерьез принять!

Однако не буду отвлекаться. Прежде всего надо было выяснить у майора, в чем причина таинственности, которой окутана наша встреча.

— Вы хотите сообщить мне что-нибудь секретное? — спросил я.

— Да... пожалуй, — нервно ответил он.

В этом «пожалуй» была легкая традиционно британская недоговоренность.

— Включим радио? — предложил я.

— Зачем? Там что-нибудь интересное? — удивился он.

И чему их только в армии учат?! Я терпеливо объяснил ему, что обычно радио или телевизор включают, когда опасаются подслушивания.

— У вас могут быть «жучки»? — насторожился он.

«Кто знает», — подумал я, но тут Энни напомнила мне, что, поскольку МАД несет прямую ответственность за организацию электронной слежки, вероятность установки «жучков» в нашей квартире не очень велика.

Сондерс несколько успокоился, но тут же возразил против того, чтобы я делал письменные заметки, даже если сочту нужным (а я наверняка сочту). Он заявил, что намерен говорить со мной как с частным лицом.

Я поинтересовался, - как он себе это представляет: точность определений имеет для меня большое значение.

— Я говорю с вами как с частным лицом, — повторил он, — а не как с министром административных дел.

Его желание в принципе понятно, но, с другой стороны, я же не могу перестать быть министром административных дел. Вопрос надо прояснить до конца.

- Конечно, вы министр, я знаю, — согласился он. — Но я говорю с вами в роли журналиста.

- Вы — журналист? — удивился я. — Мне казалось, вы — армейский офицер.

- Нет, это вы — журналист.

- Я — министр!

— Да, конечно, но... вы ведь были журналистом до того, как стали министром?

Ладно. Поняв наконец, чего хочет Сондерс, я во избежание недоразумений изложил его мысль простым и ясным языком:

— Значит, вы хотите сказать, что то, что вы хотите мне сказать, — хотя пока еще я, собственно, не знаю, что именно вы хотите сказать, — вы говорите мне как бывшему редактору журнала «Реформ», так?

— Так точно... Вы были отличным редактором, господин Хэкер.

— Ну, я бы не сказал... — скромно сказал я.

— Ты всегда это говорил, — вмешалась Энни.

Опять она со своими шуточками! И как ей не надоест!

Поскольку мы до сих пор не решили, в каком качестве я буду получать секретную информацию, мне, само собой разумеется, хотелось внести полную ясность в этот щепетильный вопрос.

— Ну а как нам сохранить в тайне от министра то, что вы сообщите бывшему журналисту?

Лично мне было непонятно, может ли министр не знать того, что знаю я.

— По-моему, господин Сондерс имеет в виду, что все дело в шляпе, дорогой, — заметила Энни. — То есть в шляпе того, кого ты в настоящий момент представляешь.

Шляпе? Конечно же, дело в шляпе! Как же мне, черт побери, самому это не пришло в голову?!

— Хорошо, — с трудом скрывая досаду, сказал я. — Сегодня на мне нет шляпы министра. Однако... (Тут он, без сомнения, должен был почувствовать всю значимость моего положения.) хочу предупредить вас, что, если я сочту необходимым сообщить самому себе то, что услышу от вас, я без колебаний выполню свой долг и позабочусь, чтобы я был должным образом проинформирован.

— Согласен! — согласился майор Сондерс.

Похоже, мы наконец-то решили главную проблему, и я с нетерпением приготовился слушать.

Он сделал большой глоток виски, с грохотом поставил бокал на кофейный столик и вылупил на меня глаза.

— Кто занимается продажей английского оружия иностранцам?

— Хэкер, ЛЭШ... — начала было Энни, но тут же осеклась, поймав мой гневный взгляд.

Я молча ждал от Сондерса продолжения: в конце концов, он пришел сюда рассказывать, а не задавать вопросы.

Сондерс, видимо, понял, что мяч по-прежнему на его стороне.

— В одной из своих статей вы писали о продаже британского оружия нежелательным иностранным покупателям...

Да, я хорошо помню эту статью. Она называлась «Торговля страхом», и в ней (как и во многих моих статьях) проводилась следующая мысль: насколько патриотично и благородно производить оружие для защиты Англии или даже для защиты наших союзников (хотя некоторые из них этого и не заслуживают), настолько же непатриотично и недопустимо продавать британское оружие правительствам нацистского толка — диктаторам. Я пересказал суть своих аргументов Сондерсу. Он согласно кивнул.

— Или террористам.

— Или террористам, — убежденно подтвердил я.

Он снова кивнул. Так опытный следователь умело ведет свою жертву... к гильотине. О, если б я знал, что ждет меня впереди!

— Как вам известно, — продолжал он, — несколько дней назад я вернулся из Рима. (По телефону он сказал мне, что был в Италии в составе делегации НАТО.) Так вот, мне там показали любопытную вещь, найденную во время рейда в штаб одной из террористических групп, — компьютерное взрывное устройство. Новейшей конструкции, совершенно секретное и потрясающе эффективное.

— Кто вам его показал?

— Простите, но... — Майор выразительно развел руками. — Я дал слово...

Тогда я попросил его рассказать о самом устройстве.

— С удовольствием, — почему-то обрадовался он. — В компьютер вводят данные о весе и росте жертвы, скорости машины, ну, и тому подобное, чтобы наверняка... понимаете? Мало того, программу можно дополнять или изменять по радио...

— Ого! — не выдержал я. — Неужели итальянцы способны на такую совершенную технологию? Не может быть.

— Конечно, не может, — подтвердил Сондерс. — Оно было сделано здесь.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы до конца осознать значение его слов.

— Здесь?

— Да... У них контракт с нашим министерством обороны. Я не поверил своим ушам. Невероятно! Чудовищно! Британское оружие на службе у итальянских террористов!

Я спросил Сондерса, как оно попало к итальянцам.

— Я тоже хотел бы это знать! — воскликнул он.

Я спросил, с кем еще он говорил об этом.

— Ни с кем, — ответил он. — Если бы я доложил в официальном порядке, мне пришлось бы раскрыть источник. А это

исключено. Вот я и подумал, что мне стоит обратиться к человеку, близкому к верхушке...

- Принадлежащему к ней, — решительно поправил я его. Подумав, он кивнул, затем продолжал свою мысль. По его мнению, такой человек мог бы выяснить, как британское оружие попадает в Италию и кто несет за это ответственность. Ведь расследование надо начинать здесь, в Англии... и на очень высоком уровне.

Интересно, как он представляет себе мою роль в этом деле. Тем более что разговор наш носит частный характер. Будто прочитав мои мысли, Сондерс сказал:

- Понимаете, сейчас вы знаете обо всем как частное лицо, и хотя как официальное лицо вы не знаете этого, но можете использовать свою личную осведомленность, чтобы начать нечто вроде официального расследования: делать запросы, подтверждать или отвергать возникающие подозрения и так далее, тем самым превращая информацию, так сказать, частного порядка в официальную.

Год в правительстве меня многому научил. Сейчас мне уже не составляет особого труда понять смысл таких монологов. Возможно, через год я и сам смогу их произносить.

- Вы, случайно, не родственник сэру Хамфри Эплби? полушутя-полусерьезно спросил я.

Оказалось, нет. Впрочем, неважно. Такой талант по наследству не передается. Этот язык — надежное оружие правящих классов в их извечном стремлении сидеть одновременно на двух стульях.

Сондерс испустил вздох облегчения, допил свое виски и заметил, что ему нужно было «с кем-нибудь поделиться».

- Несомненно, — понимающе кивнул я. — Что ж, теперь я знаю... как частное лицо.

Двое — это уже команда. Можно начинать игру.

— Отлично! Собираетесь что-нибудь предпринять? — обрадованно спросил он.

- Конечно... Да-да, безусловно.

- Не откладывая в долгий ящик?

— Немедленно!

- Простите, а что именно вы собираетесь предпринять?

Честно говоря, я не ожидал такого прямого вопроса. Какое ему дело? Он исполнил свой долг — проинформировал меня, и всего хорошего! Неужели же министр Ее Величества обязан отчитываться перед армейским офицером? Мало нам заднескамеечников в палате общин и других зануд, вечно пытающихся узнать, чем занимается правительство!

Однако, поскольку не только Сондерс, но и моя жена с явным интересом ожидала ответа, мне надо было хоть что-нибудь им сказать.

- Ну, прежде всего я обдумываю то, что вы мне сообщили.

(Похоже, мои слова не произвели на них особого впечатления.)
И немедленно!

- А потом?

Вот прицепился!

- А потом я рассмотрю возможные варианты действий...
Не откладывая в долгий ящик.

Сондерсу и этого оказалось мало. Он требовал уточнений.
Или же хотел загнать меня в угол.

— Вы собираетесь немедленно приступить к делу?

— Я собираюсь немедленно рассмотреть возможные варианты действий.

По-моему, в таких вопросах надо с самого начала ставить точки над «i».

— А ты, случайно, не родственник сэру Хамфри Эплби? — спросила вдруг Энни.

Я решил быть выше мелких обид, пропустил ее остроумие мимо ушей и предложил Сондерсу еще виски. Он отказался, встал и, прежде чем уйти, выразил надежду, что на меня можно положиться и что дело будет доведено до конца. Естественно, он может на меня положиться.

Когда Сондерс ушел, я поинтересовался мнением Энни о неожиданном визитере и вообще обо всем этом.

Вместо ответа она также выразила надежду, что я всерьез займусь этой загадочной историей.

Безусловно! Если сведения верны. Хотя трудно в это поверить. Нет, такого просто не может быть! Не может и не должно. А если и может, то все равно не может. Однако же...

Я прослушал последний абзац еще раз. Может, мы с Хамфри все-таки в родстве?

5 сентября

Сегодня состоялся серьезный разговор с сэром Хамфри. Возможно, самый серьезный за все время нашего сотрудничества (если это можно назвать сотрудничеством). Я даже не исключаю, что такого разговора вообще больше не будет.

И тем не менее у меня нет полной уверенности, что он даст какие-либо результаты.

В понедельник Хамфри всегда приходит ко мне в самом начале рабочего дня, чтобы согласовать текущие дела на неделю. Мы быстро разобрались с обычными проблемами. Затем я изменил тон в соответствии с предстоящим разговором.

- Хамфри, мне надо вам кое-что сообщить. Это «кое-что» очень меня тревожит. И поверьте, важность того, о чем я собираюсь сказать, переоценить трудно.

Он слегка нахмурился и спросил, что я имею в виду: поправку к административному указу о содержании казенного имущества в государственных учреждениях или административные процедуры

по изменению прав местных органов власти на аренду земельных участков в зонах особого развития?

Вот уровень его представлений о жизни. Дальше собственного носа ничего не желает видеть!

- Нет, Хамфри, — терпеливо возразил я. — Меня интересует куда более важный вопрос — вопрос жизни и смерти.

— Простите, господин министр, но нельзя ли отложить это до конца рабочего дня? Вы же видите, я сейчас занят...

— Это тоже относится к работе.

— Что вы говорите? — искренне удивился мой постоянный заместитель. — Тогда, конечно... прошу вас, продолжайте.

Я спросил его, каким образом осуществляется продажа британского оружия иностранцам. Он тут же объяснил мне всю систему. Производитель должен получить экспортную лицензию в министерстве торговли... Оружие за границу продают как государственные организации, так и частные компании... Обычно они продают его иностранным правительствам, но иногда и посредникам — так называемым третьим лицам. Иначе говоря, некий человек из Манчестера закупает партию от имени некоего лица с Нормандских островов, которое имеет официальный контракт с неким лицом из Люксембурга, и так далее.

На мой естественный вопрос, существует ли какой-нибудь контроль за тем, к кому в конечном итоге попадает оружие, Хамфри уверенно ответил, что такой контроль, само собой разумеется, существует. Посредник должен иметь специальный документ, известный под названием «сертификат конечного потребителя». А на сертификате должна стоять подпись этого конечного потребителя, одобренного правительством Ее Величества.

«Да, — подумал я, — а можно ли считать «сертификат конечного потребителя» надежной гарантией? Интересно, удивился бы сэр Хамфри, если бы, например, британский авианосец обнаружился где-нибудь в Центральноафриканской Республике?»

(Сэр Хамфри, безусловно, очень бы удивился, впрочем, как и любой другой на его месте, поскольку Центральноафриканская Республика расположена за тысячу миль от побережья. — Ред.)

По утверждению сэра Хамфри, «официально этого не может быть», то есть экспортируемое оружие не может оказаться у нежелательных лиц.

— Для этого предусмотрены строгие меры безопасности, инспекции на местах, исчерпывающие процедуры контроля, — пояснил он.

Официально не может быть! Мне слишком хорошо известно значение этой фразы, то есть все это не более чем ширма.

Услышав мое мнение, Хамфри снисходительно усмехнулся. — Господин министр, вам не кажется, что лучше не вдаваться в подробности?

Я наотрез отказался играть в его игры.

— Нет, не кажется. Мои опасения полностью подтвердились. Вчера вечером из заслуживающего доверия источника я получил информацию, что британское оружие продается террористам в Италии.

Мой постоянный заместитель принял серьезный вид.

- Ясно. Могу я поинтересоваться вашим источником?

Я был потрясен.

- Хамфри! Я же только что сказал, что информация получена мною в конфиденциальной беседе.

Мое негодование, казалось, нисколько его не задело.

- О, простите, господин министр, я полагал, что вы собираетесь мне о нем рассказать.

Я замолчал. Наблюдая за ним, обратил внимание на его безмятежный вид. Судя по всему, информация не произвела на него никакого впечатления. Оказалось, так оно и есть.

— Такие вещи — обычное явление, господин министр. Это не наша проблема, — спокойно заявил он.

— Грабежи и насилие — тоже обычное явление, Хамфри. Вас это не волнует?

— Нет, господин министр. Это должно волновать министерство внутренних дел.

Я чуть не лишился дара речи. Неужели чиновник убил в нем гражданина? Конечно, являясь моим помощником по административным проблемам, он обязан носить эту шляпу, но ведь существуют и вопросы высшего порядка... моральные соображения, наконец!

- Мы снабжаем террористов смертоносным оружием! — возмущенно заявил я.

- Не мы.

Его уверенность сбила меня с толку.

- Не мы? Тогда кто?

- Не знаю. — Он пожал плечами. — Министерство торговли, министерство обороны, МИДДС — кто угодно.

Так, никаких сомнений, он сознательно морочит мне голову.

- Мы, Хамфри, — британское правительство! Британское оружие ставит под угрозу жизнь невинных людей! Задумайтесь над этим, Хамфри!

— Так ведь итальянцев, а не англичан.

- А английские туристы? — спросил я, позволив себе временное отвлечение от более широкой проблемы.

(Под более широкой проблемой Хэкер подразумевал известную точку зрения: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если Волной снесет в море береговой утес, меньше станет Европа, и также, если смоем край Мыса или разрушит Замок твой или Друга твоего; Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда,

по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе» (Джон Донн). - Ред.)

- Британские туристы? Проблема МИДДСа.

Нет, это бессмысленно — перекидываемся словами, как мячиками!

— Послушайте, Хамфри, мы должны что-то сделать.

— При всем уважении к вам, господин министр... (Похоже, он решил снять белые перчатки.) мы не должны ничего делать.

Послушаешь его, так можно подумать, будто ничего не делать означает активно что-то делать. Естественно, я попросил его объяснить, что он имеет в виду.

Хамфри охотно согласился.

— Продажа оружия за границу является одной из сфер деятельности правительства, к которой не следует проявлять слишком пристальное внимание.

Такой подход меня никак не устраивал, о чем я и сообщил ему, добавив, что теперь, зная все, считаю себя обязанным уделить этому вопросу самое пристальное внимание.

— А вы говорите, что ничего не знаете, — как ни в чем не бывало, посоветовал он.

— Вы что же, предлагаете мне заниматься брехней? — нахмурившись, спросил я, желая уточнить, правильно ли понял его слова относительно того, что мне следует говорить.

- Вам? Ни в коем случае. Наоборот, — загадочно ответил он.

- Наоборот? Как же я, по-вашему, должен себя вести?

- Как спящая собака, господин министр.

Круг снова замкнулся.

Спорить с моим постоянным заместителем — все равно что бить кулаком по тарелке с кашей... Мне ничего не оставалось, как заявить ему о своем твердом намерении заняться расследованием этого темного вопроса, поскольку меня не удовлетворяют аргументы и гарантии сэра Хамфри.

У него сразу упало настроение. Конечно, не из-за бомб и террористов, не из-за невинных жертв, а из-за расследования.

— Ради бога, господин министр, заклинаю вас!

Я промолчал, давая ему возможность высказаться до конца. Может, хоть теперь я услышу что-нибудь дельное. И услышал. Но не то, что ожидал.

- Господин министр, позвольте напомнить вам о двух основных принципах руководства: первое — никогда не заниматься чем бы то ни было без особой нужды и второе — никогда не затевать расследования до тех пор, пока не будут заранее известны его выводы.

Потрясающе! Речь идет о моральных проблемах чрезвычайной важности, а он ничего не желает знать, кроме каких-то там правил!

— Хамфри, как вы можете? Ведь речь идет о проблемах добра и зла!

— А-а, пусть об этом голова болит у англиканской церкви, — отшутился он.

Мне было совсем несмешно.

- Нет, Хамфри, это наша боль. Мы говорим о жизни и смерти!

— Вы, возможно, и говорите, но не я. Я не могу себе позволить так злоупотреблять служебным временем.

Он шутит, решил я. Оказалось, нет. Мой постоянный заместитель был более чем серьезен.

- Неужели вы не видите, — взмолился я, решив воздействовать на него эмоционально, — что продажа оружия террористам аморальна? Неужели не видите?

Нет, не видит.

- Оружие можно либо продавать, либо не продавать, — последовал холодный, рациональный ответ. — Если продавать, то оно неизбежно окажется у тех, кто в состоянии за него заплатить.

Сильный аргумент, ничего не скажешь. И тем не менее надо всеми способами постараться лишить террористов возможности получать оружие.

Хамфри счел эту задачу смехотворной и/или практически невыполнимой.

— Что ж, давайте наклеим на приклады автоматов предупредительные ярлыки «НЕ ДЛЯ ТЕРРОРИСТОВ», — снисходительно усмехнувшись, предложил он. — Или еще лучше: «ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ: ЭТОТ АВТОМАТ МОЖЕТ ПРИЧИНИТЬ СЕРЬЕЗНЫЙ ВРЕД ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ». Думаете, поможет?

Я даже не улыбнулся. Лишь выразил свое удивление и возмущение тем, что он может так легкомысленно относиться к такому важному вопросу. Я обвинил его в стремлении закрыть глаза на столь несправедное дело, каким является продажа оружия террористам, и потребовал прямого ответа — так это или нет.

Он вздохнул. Затем, с трудом сдерживая раздражение, ответил:

— Раз вы так упорно настаиваете на моем участии в обсуждении моральных проблем, позвольте мне прежде всего отметить, что любое дело либо справедливо, либо несправедливо. Оно не может быть столь несправедливым.

Я попросил его не жонглировать словами.

- Господин министр, правительство не обязано заниматься проблемами морали, — заявил он, не обращая внимания на мою просьбу.

- Да? А чем оно обязано заниматься?

— Стабильностью. Обеспечением нормального течения жизни. Предотвращением анархии. Защитой общества...

- Но для чего и во имя чего? — перебил я.

Хамфри непонимающе уставился на меня. Пришлось разъяснить свой вопрос.

— Разве не главная, конечная цель правительства — творить добро?

Для моего постоянного заместителя это понятие было слишком расплывчатым.

— Правительство не оперирует понятиями добра и зла, его категории — порядок и хаос.

Мне понятна логика Хамфри. Я знаю: всем нам, политикам, время от времени приходится делать то, во что мы не верим, голосовать за то, что считаем негодным. Я — реалист, а не романтик-бойскаут. Иначе мне бы никогда не достигнуть уровня члена кабинета Ее Величества. Я не наивен и прекрасно понимаю, что каждое правительство действует исключительно в собственных интересах. Но... всему же есть предел! Допустимо ли, чтобы итальянские террористы получали британские детонаторы, да еще с компьютерным устройством?

По-моему, абсолютно недопустимо. Но еще больше меня расстраивает полнейшее равнодушие сэра Хамфри. Я прямо сказал ему об этом.

Его ответ был на удивление прям и прост:

— Эмоции — не мое дело, господин министр. Для этого существуют политики. Мое дело — претворять в жизнь политику правительства.

— Даже если вы убеждены в том, что она неверна?

— Неверна практически любая политика правительства, господин министр, — доброжелательным тоном заметил он, — но кто-то же должен претворять ее в жизнь.

Мне всегда претила манера камуфлировать мысль красивыми словами. Я почувствовал непреодолимое желание докопаться до сути важнейшей моральной проблемы. Логика типа «мы только выполняем приказы» приводит к концентрационным лагерям. С этим надо разобраться... раз и навсегда.

— Хамфри, вы можете привести хоть один пример, когда бы государственный служащий подал в отставку по принципиальным соображениям?

Теперь он был шокирован.

— Немыслимо! Что за предположение!

Как интересно: это был единственный эпизод нашей беседы, не оставивший равнодушным моего постоянного заместителя. Я в задумчивости откинулся на спинку стула. Он тоже молчал, скорее всего, ожидал очередных идиотских, с его точки зрения, вопросов.

— Мне впервые пришло в голову, Хамфри, — медленно протянул я, — что вас совершенно не интересует цель... только средства.

— Что касается меня и моих коллег, господин министр, мы никогда не разграничиваем цель и средства.

- С такими убеждениями все вы попадете в ад; Наступило долгое молчание. Вначале мне казалось, он размышляет о характере зла, служению которому он вольно или невольно себя посвятил. Отнюдь. Через некоторое время, поняв, что я жду от него ответа, он с легким удивлением сказал:

- Господин министр, я прежде не замечал за вами склонности к теологии.

Мой благородный порыв, мои возвышенные аргументы не произвели на него никакого впечатления.

- Вы — моральный вакуум, Хамфри, — сообщил я ему.

Он вежливо улыбнулся и слегка наклонил голову, как бы благодаря за учивый комплимент.

- Если вы так считаете, господин министр... Все это время Бернард находился в кабинете и — я обратил внимание — практически не делал заметок. Но что еще более необычно для него — не произнес ни слова. Поэтому я чуть не вздрогнул от неожиданности, услышав его голос:

- Господин министр, вам пора на встречу.

Я повернулся к нему.

- Вы держитесь в тени, Бернард. А как бы вы себя повели в этом деле?

- Я бы держался в тени, господин министр.

Разговор снова зашел в тупик. На этот раз окончательно. Я бросил Хамфри в лицо все оскорбления, на которые только был способен, а он воспринял их как комплимент. Создается впечатление, что он начисто лишен морали. Нет, не аморален — просто у него отсутствуют моральные соображения. Он вежливо прервал мои печальные раздумья:

- Господин министр, полагаю, на вопросе о продаже оружия мы теперь можем поставить точку?

- Нет, не можем! — отрезал я и добавил, что намерен продолжить этот разговор с премьер-министром, поскольку его такие вопросы наверняка интересуют. Кого, как не его?! Затем я попросил Бернарда договориться об аудиенции у ПМ.

Сэр Хамфри со мной не согласился.

- Ошибаетесь, господин министр, именно о такого рода делах ПМ предпочел бы никогда не знать, уверяю вас.

— Посмотрим, — сказал я и отправился на встречу.

ВСПОМИНАЕТ СЭР БЕРНАРД ВУЛИ:

«Я хорошо помню свое крайне угнетенное состояние после того знаменательного разговора — из головы не выходила тревожная мысль: а вдруг министр прав? Настолько тревожная, что я даже поделился своими опасениями со стариной Хамфри. «В высшей степени мало вероятно, — ответил он. — А вы о чем, собственно?»

Объяснил ему, что меня беспокоит проблема цели и средств. А вдруг я тоже со временем стану моральным вакуумом? Ответ сэра

Хамфри, признаться, удивил меня. «Хотел бы надеяться, — сказал он. — Если, конечно, не пожалеете для этого сил».

Его слова расстроили меня еще больше. Понимаете, в те времена я искренне полагал: нельзя проводить в жизнь политику правительства, не веря в нее.

Сэр Хамфри только покачал головой и вышел из кабинета. Позднее в тот же день я получил от него памятную записку. Вот она:

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

От: Постоянного заместителя

Кому: Б. В.

5 сентября

Всесторонне обдумав Ваш вопрос, настоятельно рекомендую принять к сведению нижеследующее соображение.

За тридцать лет моего пребывания в Уайтхолле сменилось одиннадцать правительств. Если бы я верил во все политические линии, мне пришлось бы попеременно становиться:

- 1) ярым приверженцем вступления в Общий рынок;
- 2) ярым противником вступления в Общий рынок;
- 3) убежденным сторонником национализации сталелитейной промышленности;
- 4) убежденным сторонником денационализации сталелитейной промышленности;
- 5) убежденным сторонником ренационализации сталелитейной промышленности;
- 6) ревностным адептом сохранения смертной казни;
- 7) ревностным адептом отмены смертной казни;
- 8) почитателем Кейнса;
- 9) почитателем Фридмена;

- 10) приверженцем классической школы;
- 11) ниспровергателем классической школы;
- 12) фанатиком национализации;
- 13) фанатиком денационализации;
- 14) безнадежным шизофреником.

Х. Э.

На следующий день он пригласил меня к себе, чтобы лично убедиться, насколько хорошо я усвоил его наставление и готов ли ему следовать.

Конечно, его доводы неопровержимы, что и говорить. И все-таки на душе у меня по-прежнему было тоскливо.

- Мне надо во что-нибудь верить! — пожаловался я Эплби.

- Так давайте оба верить в необходимость того, что премьер-министра следует оградить от информации Хэкера, — предложил он.

В его правоте, увы, не приходилось сомневаться. Узнай обо всем этом ПМ — и расследования не миновать. А в результате — нечто вроде Уотергейта, когда расследование банальной политической акции вело к одному чудовищному откровению за другим и завершалось падением президента. «Не открывай банку с червями» — вот извечное золотое правило, которого всегда следует придерживаться!

- В жизни все взаимосвязано. Знаете, кто это сказал, Бернад? — спросил он.

- Очевидно, секретарь кабинета? — предположил я.

Сэр Хамфри улыбнулся.

- Почти угадали. Вообще-то их сказал Ленин.

Затем он поставил передо мной конкретную задачу — не допустить разговора Хэкера с ПМ.

Мне было неясно, как это можно сделать. И я — наивный мальчишка! — поделился своими сомнениями с сэром Хамфри, за что немедленно получил нагоняй.

- Так пошевелите мозгами! — отрезал он. — Нам нужны птицы высокого полета, а не бескрылые исполнители, которые держатся в воздухе только благодаря случайным порывам ветра.

«Настал решающий момент моей карьеры», — почему-то подумалось мне. Я вернулся в свой кабинет и начал «шевелить мозгами». После мучительных раздумий я пришел к выводу: ни я, ни сэр Хамфри, ни мои друзья в аппарате на Даунинг, 10 не в состоянии собственными силами оградить премьер-министра от информации Хэкера.

Значит, необходимо было искать поддержку, так сказать, с политической стороны. Нам, то есть мне, нужен был кто-то, кто смог бы напугать Хэкера.

Эврика! Все встало на свои места. Есть только один человек, в задачу которого входит нагонять страх на членов парламента и министров, — главный Кнут!

Я тщательно обдумал свою стратегию. Схематически интрига выглядела приблизительно так:

а) Хэкер просил меня связаться с личной канцелярией ПМ и договориться о встрече;

б) значит, если бы сэр Хамфри переговорил с секретарем кабинета, тот мог бы переговорить с личным секретарем ПМ, а затем они все вместе встретились бы с главным Кнутом;

в) главный Кнут, можно не сомневаться, сразу же поймет суть проблемы. Когда Хэкер явится на Даунинг, 10, он встретит его и скажет, что ПМ занят и поручил ему переговорить с Хэкером.

Я немедленно поднялся к Эплби и поделился своими соображениями. Он одобрительно кивнул. Тогда я поднял трубку телефона.

- Что вы собираетесь делать, Бернард? — удивился он.

- Мне показалось, вы хотите переговорить с секретарем кабинета, сэр Хамфри, — невинно объяснил я.

Он взял у меня трубку и набрал номер. Я молча слушал. Закончив разговор, Эплби откинулся на спинку стула и устремил на меня испытующий взгляд.

— Послушайте, Бернард, считаете ли вы себя обязанным, являясь личным секретарем министра, информировать его об этом разговоре?

- О каком разговоре? — не моргнув глазом, спросил я.

Сэр Хамфри предложил мне «шерри», поздравил и выразил надежду, что со временем я все-таки стану моральным вакуумом.

Пожалуй, именно тогда я, впервые по-настоящему поверил в свое будущее, в то, что когда-нибудь меня сделают главой британской государственной службы».

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

8 сентября

Весь день не могу отделаться от ощущения какой-то вины — какой? — и... собственной глупости. Не поставил ли я под угрозу

свое будущее? Остается только надеяться, что Вик Гульд (*главный Кнут. — Ред.*) представит меня ПМ в благоприятном свете, когда речь пойдет о серьезных вещах.

Все-таки сегодня я оказал ему большую услугу. Однако Вик — странный парень и, возможно, смотрит на все иными глазами.

Кстати, его я меньше всего ожидал увидеть. Утром должна была состояться моя встреча с ПМ в палате общин, но когда я вошел в его кабинет, там сидел Вик Гульд.

Внешне Вик производит впечатление умудренного опытом государственного мужа — копна седых волос, величественная осанка, хищное лицо, но манера поведения выдает в нем до мозга костей партийного деятеля. Он то обаятелен и даже сентиментален, то через мгновение вульгарен и груб.

Вик сказал — как мне почудилось, нарочито небрежным тоном, — что ПМ занят и поручил ему переговорить со мной.

Я почувствовал себя слегка уязвленным. Вик мне не начальник. Даже если в его обязанности входит следить за партийной дисциплиной, он всего лишь один из моих коллег, такой же, как и я, член правительства! Между прочим, я даже не предполагал, что он настолько близок к ПМ. А может, не настолько. Может, он просто убедил премьер-министра (который не знал, почему я попросил о встрече), что моя проблема носит не политический, а скорее партийный характер? Но не понятно, откуда Вика известно, чего я хочу. И чем руководствовался ПМ, посылая? Вместо себя главного Кнута? От таких вопросов можно превратиться в настоящего параноика.

Впрочем, как оказалось, все это, может быть, даже к лучшему у если Вика можно верить. Но можно ли? Можно ли вообще кому-либо верить?

Вначале я отказался сообщить Вика о цели своего визита. Мне было непонятно, какое отношение главный Кнут может иметь к продаже оружия итальянским террористам.

Он бесцеремонно отмел мои возражения.

- Премьер-министр попросил меня провести с вами предварительную беседу и доложить ему основные соображения... в целях экономии времени.

Против такой постановки вопроса трудно было что-либо возразить, поэтому я рассказал Вика о полученной мной конфиденциальной информации и о том, что итальянские террористы получают совершенно секретные детонаторы для бомб, изготовленные в нашей стране. На государственных предприятиях!

- И вы считаете обязательным сообщать об этом премьер-министру?

Его вопрос поразил меня. Ведь на ПМ возложена ответственность за безопасность страны. Какие могут быть сомнения?.. Странно, но Вик придерживался иной точки зрения.

- По-моему, вряд ли стоит обременять премьер-министра ин-

формацией подобного рода, — сказал он. — Давайте-ка лучше забудем обо всем этом, согласны?

- Вы что, в самом деле считаете, что можно ничего не предпринимать?

Вик кивнул: да, он это рекомендует, причем весьма настоятельно.

Я выразил категорическое несогласие с его мнением. Он сердито нахмурился и сказал:

- Разговор с ПМ почти автоматически означает официальное расследование.

Чего я и хотел. Чего и добивался!

Однако как раз этого не хотел Вик.

- Расследование может вскрыть факты поставок британского оружия целому ряду нежелательных и даже враждебных нам правительств, — объяснил он.

Его циничное замечание в буквальном смысле слова шокировало меня. Но не столько фактической стороной вопроса, сколько предположением, что на подобные вещи следует закрывать глаза.

- Вы это серьезно? — спросил я.

- Я сказал «может». Соответственно это может поставить в неудобное положение наших с вами коллег по кабинету: министра иностранных дел, министра обороны, министра торговли... И лично премьер-министра.

- Правое дело может причинять неудобства, но это еще не повод, чтобы отказываться от него, — не сдавался я.

Вик пропустил мои слова мимо ушей.

- А вам известно, что мы уже продаем оружие таким странам, как Сирия, Чили, Иран? — неожиданно спросил он.

— Да, известно... Но с официального разрешения.

- Верно, — согласился Вик. — И вас приводит в восторг, как оно используется?

- Ну... не совсем...

- Да поймите вы, оружие можно либо продавать, либо не продавать, — с неумолимой логикой отрезал он.

И тут я дал волю чувствам. Большая ошибка! Выказывать эмоции имеет смысл на публике (или даже в палате общин, когда того требуют обстоятельства), но перед своими коллегами — особенно такими тертыми, как Вик Гульд, — эти номера не проходят.

- Если торговля оружием ставит нас в один ряд с преступниками и убийцами, надо ее прекратить. Это аморально! — заявил я.

Теперь вышел из себя Вик.

- О, великолепно! Потрясающе! — гневно прорычал он.

У меня было ощущение, что он искренне презирает меня, недоумевая, как такого бойскаута допустили в кабинет. И вообще в политику.

- А лишать работы сто тысяч честных британцев — мораль-
чо? А выбрасывать на ветер два миллиона фунтов в год экспорт-
ных поступлений — это морально? А голоса избирателей? Где,
по-вашему, правительство размещает все эти заказы на оружие?

— Как где? В неустойчивых округах?

- Вот именно, — подтвердил он, — *quod erat demonstrandum**.

Мне ужасно не хотелось признавать себя побежденным.

- Поймите меня правильно, Вик: раз я знаю обо всем этом,
мой прямой долг — сообщить ПМ.

— Зачем?

«Зачем?» Его вопрос поставил меня в тупик. Лично мне это
казалось очевидным.

- Если вы подцепили какую-то заразу, вы что, считаете своим
долгом награждать ею других?

Пока я обдумывал ответ — или, вернее, досадовал про себя на
отсутствие такового, — Вик как бы ненароком повернул настольную
лампу в мою сторону. Она не слепила мне глаза в буквальном смысле
слова, однако я не мог отделаться от смутного ощущения, что ко мне
применяют третью степень.

И его следующий вопрос только усилил впечатление, что
меня допрашивают по подозрению в нелояльности.

- Вам нравится быть членом кабинета? — доверительно пони-
зив голос, спросил он.

— Да-да, конечно!

- И вы хотели бы в нем остаться?

Мое сердце ушло — нет, прыгнуло — в пятки, язык прилип к
гортани. Значит, они все-таки сомневаются в моей лояльности. О
боже! Я удрученно кивнул.

- В таком случае... — Он замолчал, явно чего-то ожидая.

Я мгновенно покрылся противным липким потом. В глазах
потемнело, голова пошла кругом. Все обернулось совсем не так, как
мне хотелось. Я планировал непрерывно атаковать, а вместо этого
ушел в глухую оборону. Неожиданно под угрозой оказалось... мое
политическое будущее!

А я, глупец, не желал уступать! Представляете? Сам не знаю
почему. Наверно, потому, что голова шла кругом, иначе не объяснишь.

— Существует такое понятие, как чувство долга, — донеслись
до меня мои собственные слова. — Бывают моменты, когда необ-
ходимо поступать так, как подсказывает совесть!

Вик снова взорвался. И понятно: напоминать главному Кнуту о
совести — все равно, что размахивать красной тряпкой перед
быком.

Причем на этот раз взрыв был термоядерным. Передо мной
разверзлась Скандальная Глотка, которой он славился на весь
Вестминстер.

* Что и требовалось доказать (*лат.*).

— Какого хрена! — заорал он, вскочив и уже не сдерживаясь.

Вик, словно танк, надвинулся на меня — мы стояли чуть ли не нос к носу. Выпученные глаза горели гневом...

— Какого хрена вы бахвалитесь своей личной чистоплюйской совестишкой?! Хотите показать, что она есть только у вас? А за правительство ваша душа не болит?..

— Конечно, болит, — пролепетал я после небольшой паузы, когда шквал, казалось, временно утих.

Он отошел удовлетворенный, что услышал от меня хоть один правильный ответ.

— Подумать только, премьер-министр вот-вот подпишет международное соглашение по борьбе против терроризма, а...

Я перебил его:

— Но я ничего не знал об этом.

— Вы еще очень многого не знаете, — презрительно отрезал Вик.

(В том, что Хэкер не знал о грядущем международном соглашении, нет ничего удивительного. Насколько нам известно, такового вообще не существовало. Скорее всего, Вик Гульд выдумал его под влиянием момента. — Ред.)

Он снова подошел ко мне и сел рядом, стараясь быть спокойным. Вернее, делал вид, будто старается быть спокойным.

— Неужели вам надо разжевывать азбучные истины? Мы должны заниматься принципиальными вопросами государственного управления, а не ловить за руку мелких сошек — торговцев оружием, террористов...

Такая аргументация представляла дело совершенно в ином свете. Более того, я интуитивно почувствовал, что только в таком свете его и надо видеть. И поскорее, иначе Вик будет орать на меня весь день.

— Да, теперь мне ясно — речь идет о горстке террористов.

— Которые могут убить не так уж много людей, — подхватил Вик.

— Пожалуй, нет, — согласился я и виновато улыбнулся, как бы прося снисхождения за проявленную наивность.

Но Вик, оказывается, не исчерпал запаса своих оскорблений.

— А вы, как выяснилось, готовы пустить под откос наш поезд в угоду тщеславному угрызениям совести.

Весь его вид свидетельствовал, что ничего отвратительней тщеславных угрызений совести он в жизни не встречал. Я почувствовал себя раздавленным.

Вик тяжело вздохнул и... предложил мне сигарету. А затем преподнес мне сюрприз. Да еще какой!

— Да-а, — протянул он, как бы сомневаясь, стоит ли мне говорить. — А ведь ПМ серьезно рассматривает вашу кандидатуру на пост министра иностранных дел.

Он снова ошеломил меня. Я всегда об этом мечтал. Конеч-

но, после того, как Мартина «вышибут наверх», в палату лордов. Но я понятия не имел, что ПМ тоже об этом известно.

Я отказался от предложенной сигареты. Вик прикурил свою и с удовольствием откинулся на спинку стула.

— Впрочем, — он сочувственно пожал плечами, — если вам дороже венец мученика — валяйте, настаивайте на расследовании, ставьте под удар все, за что мы вместе боролись все эти годы, не стесняйтесь...

Я поспешил объяснить, что ни в коем случае не хочу этого. Хотя сам по себе факт продажи секретных британских детонаторов итальянским террористам, конечно, ужасен, но, как совершенно справедливо заметил Вик, существует более важное понятие — «верность общему делу», умение широко мыслить и смотреть вперед...

Вик согласно кивнул. Затем, видимо решив подсластить пилюлю, сказал:

— Конечно, если бы вы возглавляли министерство обороны или министерство торговли, тогда...

Я перебил его:

— Вот именно! Совершенно верно! Проблема министерства обороны... проблема министерства торговли! Теперь-то мне ясно. (Разве не то же самое пытался внушить мне сэр Хамфри?!)

Мы оба замолчали, уверенные, что нашли решение. Затем Вик поинтересовался, не считаю ли я в таком случае возможным забыть обо всем этом — хотя бы на некоторое время, — чтобы не расстраивать премьер-министра и не ставить его в затруднительное положение.

— Ну, естественно, — подтвердил я и, подумав, добавил, что сожалею о своей наивности.

— С кем не бывает, — по-отечески заметил Вик.

Не думаю, чтобы он иронизировал, хотя с нашим главным Кнотом никогда не знаешь...

10 сентября

Вторую половину недели Энни провела дома, в моем избирательном округе, поэтому я не имел возможности переговорить с ней о происшедшем.

Не то чтобы мне очень нужен был ее совет — сейчас я уже точно знаю, как поступить, — но... Сегодня вечером за стаканчиком виски с содовой я объяснил ей ситуацию.

— Хорошенько все взвесив, я, как лояльный член правительства, пришел к выводу, что самое лучшее — не будить спящую собаку. В высших интересах общества. Нет никакого смысла открывать банку с червями.

Энни, конечно, принялась возражать:

— Но ведь речь идет о террористах! Майор ясно сказал.

У меня язык не повернулся упрекнуть ее в наивности.

В конце концов, даже я ошибался, пока обстоятельно все не обдумал.

- Да, но вспомни, мы бомбили Дрезден. Каждый из нас по-своему террорист, ты согласна?

- Нет, не согласна! — твердо ответила она и так посмотрела на меня, что мне сразу расхотелось с ней спорить.

Я знал, что слегка переборщил. Поэтому попытался хоть как-то исправить свой промах.

- Да-да, конечно, но... э-э... в иносказательном смысле все-таки это так. Видела бы ты нашего главного Кнута... уж он-то точно...

Однако Энни не желала (или не могла?) понимать, что решение вопросов, подобных этому, требует более тонкого подхода и учета высших интересов страны.

- Ведь кто-то в Британии снабжает террористов бомбами! - твердила она.

Я поправил ее:

- Не снабжает, а продает.

- Ну-у, это меняет дело! — саркастически заметила она.

Я посоветовал ей быть серьезнее и не спешить с выводами. Затем добавил, что расследование может вскрыть нежелательные факты...

- А-а, понятно. — Она грустно улыбнулась. — Расследование хорошо, когда будет пойман один преступник. Но если их много...

- Совершенно верно, это недопустимо, — продолжил я ее мысль. — Особенно если они — твои коллеги по кабинету!

Энни тяжело вздохнула и покачала головой. Она все поняла — это было очевидно, — но почему-то не желала согласиться. А мне очень хотелось убедить ее, услышать слова одобрения.

- Государственное управление — крайне сложный процесс, Энни, ты неизбежно сталкиваешься с дилеммой вроде...

- Вроде того, как поступить: по совести или против?

Я вышел из себя. Интересно, как бы она посоветовала мне поступить. Энни посоветовала поступить по совести. Я сказал, что уже пробовал. «Значит, слишком быстро отступился», — возразила она. Я поинтересовался, что, по ее мнению, можно еще сделать. Она порекомендовала пригрозить отставкой. «Ее тут же примут», — сказал я.

Хлопнешь дверью — назад не вернешься.

Насколько мне известно, никто никогда не подавал в отставку из принципиальных соображений, за исключением нескольких самоубийц. Подавляющее большинство прошений об отставке, про которые говорят, что они вызваны принципиальными соображениями, на деле продиктовано конъюнктурным политическим расчетом.

- Возможно, отставка ублажит нашу с тобой совесть, но не остановит продажу оружия террористам, — объяснил я Энни.

- Может, и остановит, — заупрямилась она, — если ты пригоришь рассказать все, что тебе известно!

Я на секунду задумался. Ну а что, собственно, мне известно? Да ничего! Во всяком случае, ничего такого, что я смог бы доказать. У меня нет неопровержимых фактов. Я и сам верю в правдивость этой истории только потому, что никто ее не опроверг, но это ведь еще не доказательство.

- Да-а, кажется, я попал в серьезную переделку, — пожаловался я Энни.

- По-моему, ты даже не представляешь, насколько серьезную, — загадочно сказала она и протянула мне письмо, — Оно пришло сегодня. От майора Сондерса.

*12 Рэндольф Кресен,
Майда-Вейл,
Лондон*

Уважаемый господин Хэкер!

Благодарю Вас за приятную беседу в прошлый понедельник.

Вы не представляете, какое облегчение я испытал, рассказав Вам все, что знал об этой отвратительной истории с продажей британского оружия итальянским террористам.

Уверен, Вы, как и обещали, примете необходимые меры. Надеюсь, скоро буду иметь возможность убедиться в этом лично.

Искренне Ваш Дж. Б.
Сондерс (майор)

Катастрофа! Теперь майор Сондерс сможет доказать, что он информировал меня о скандальных фактах, а я ничего не сделал. К тому же письмо было явно отксерокопировано — оригинал хранится у него. И отправлено оно заказной почтой. Значит, я не смогу отрицать, что получил его.

Я в ловушке! И не выберусь из нее, если только Хамфри или Бернард что-нибудь не придумают.

72 сентября

Бернард нашел-таки выход, слава богу!

В понедельник утром в самом начале совещания он предложил прибегнуть к «родезийскому решению».

Хамфри был в восторге.

- Отлично, Бернард, просто отлично! Вы превзошли самого себя. Конечно же, родезийское решение! Лучшего не придумать, господин министр.

Поймав мой недоумевающий взгляд, сэр Хамфри напомнил о скандале в связи с экономическими санкциями ООН в отношении Родезии.

- Одному из членов кабинета тогда стало известно, что некоторые британские компании действуют в обход введенных санкций...

— И как он поступил? — нетерпеливо спросил я.
— Он сообщил об этом премьер-министру, — с хитрой усмешкой ответил Бернارد.

- И что же премьер-министр?
Сэр Хамфри довольно улыбнулся.

— О, упомянутый министр сказал об этом премьер-министру таким образом, что тот его не услышал.

Не услышал? Как это понимать? Как они предлагают мне действовать: пошептать ПМ на ухо в кулуарах палаты общин? Или что-нибудь в этом роде?

Очевидно, недоумение на моем лице было заметно невооруженным глазом, так как Хамфри поспешил внести ясность:

- Надо написать записку, господин министр.

— Бесцветными чернилами или неразборчивым почерком? Скажите же толком, Хамфри, ради бога!

— Все гораздо проще, господин министр. Вы пишете записку, содержание которой допускает различное толкование.

Так, кое-что проясняется. Спасительный свет в конце тоннеля. Но как ее написать?

- Э-э... я не знаю, как ее писать, — признался я. — Это не так-то просто. Не напишешь же: «Уважаемый господин премьер-министр! Мне стало известно, что совершенно секретные британские детонаторы попадают в руки итальянских террористов. Не могли ли Вы истолковать данную информацию как-нибудь иначе?»

— Да, так нельзя, — согласился Хамфри. — И не надо. Здесь требуется более... тонкий подход. — Он тщательно подбирал слова. — Вы должны всячески избегать любого упоминания о бомбах, террористах...

Сама идея, конечно, была мне понятна, но практически... Короче говоря, я не знал, с какого конца начинать. Зато сэру Хамфри это не составило особого труда. Тем же вечером в одном из красных кейсов я нашел готовый проект моей записки ПМ. Великолепно!

(Мы обнаружили этот документ в архивах кабинета министров на Даунинг-стрит, 10 после снятия с них секретности в соответствии с Законом о государственных тайнах. — Ред.)

МИНИСТЕРСТВО АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ

От министра

Кому: премьер-министру

12 сентября

Уважаемый г-н премьер-министр!

Из частных источников я получил информацию, допускающую возможность определенных отступлений от раздела 1 Закона об импортно-экспортных операциях и таможенном контроле в отношении оборонной продукции 1939 года.

При отсутствии доказательств в пользу противного данная информа-

ция позволяет сделать предположение о целесообразности выяснения, существует или нет необходимость дальнейшего расследования.

Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что упомянутая информация является неполной, в силу чего представляется крайне затруднительным установить достоверные факты с удовлетворительным уровнем надежности.

Искренне Ваш
Джеймс Хэкер

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

Да, письмо написано мастерски. Глубокий смысл этой записки очевиден. Во-первых, суть вопроса излагается в такой форме, что к ней трудно придаться, во-вторых, логически следует, что заниматься всем этим должен не я, а кто-то другой, и, в-третьих, последняя фраза ясно дает понять: ни о каком расследовании не может быть и речи. Ну а если расследование когда-либо и состоится, я все равно ни при чем — все будут думать, что премьер-министр в силу исключительной занятости, возможно, не до конца понял значение моей записки. Я, не раздумывая, подписал ее.

13 сентября

Сегодня утром первым делом поблагодарил Хамфри за отличную работу, сказав, что записка вышла на редкость невнятной. Он был польщен.

Оказывается, у него до мелочей продуман план дальнейших действий. Мы не будем спешить с отправлением записки. Надо подгадать, чтобы она пришла на Даунинг, 10 накануне отъезда ПМ на какую-нибудь важную международную встречу. Такой ход внесет большие сомнения относительно того, кто читал записку: сам ПМ или исполняющий обязанности ПМ? И, конечно, ни тот, ни другой толком ничего не вспомнят.

Что называется, последний штрих, благодаря которому проблема наверняка сведется к банальному «испорченному телефону». Все будут ни при чем и смогут спокойно заниматься своими делами.

Включая итальянских террористов.

Боюсь, я уже слегка пьян, иначе никогда бы не позволил себе надиктовать такую чудовищно удручающую фразу.

Я также сформулировал теорию принципов управления. Настоящую, практическую теорию! Не теоретическую галиматью, которую преподают в университетах.

Член правительства должен стремиться всегда поступать правильно. Но при этом необходимо позаботиться, чтобы его не поймали за подобным занятием. Потому что поступать правильно — очень неправильно, правильно?

Правительство руководствуется правилом. А правило гласит: не раскачивай лодку. Потому что в противном случае из нее выпа-

дут наши маленькие симпатичные угрызения... Нам надо держаться друг за дружку, иначе нас перевешают поодиночке. Я не хочу висеть поодиночке. Я... я просто повешусь, если меня повесят...

Долг политиков — помогать другим. То есть и террористам тоже! Почему нет? Они ведь тоже другие, разве нет? Просто они — не мы, только и всего.

Надо всегда следовать велению совести. Но, с другой стороны, надо точно знать, куда она тебя заведет. Поэтому далеко не всегда удается следовать совести, так как вам может быть не по пути...

В том-то все и дело!

Прослушал сегодняшнюю запись. Боюсь, я тоже превращаюсь в моральный вакуум.

14 сентября

Чувствую себя прескверно. Не знаю даже, чем это вызвано: алкогольным или эмоциональным перенапряжением? Так или иначе, с утра у меня болела голова, слегка тошнило и не давал покоя депрессивный синдром.

Но зато Энни... Энни вела себя как настоящий друг — не только сварила крепкий кофе, но и нашла нужные слова.

У меня было противное ощущение, что я мало чем отличаюсь от сэра Хамфри и всей его шайки в Уайтхолле. Энни выразила свое категорическое несогласие.

- Он напрочь лишен совести, — убежденно сказала она. — У тебя же она еще сохранилась.

- Неужели сохранилась? — простонал я.

- Да, безусловно. Только... надо почаще вспоминать о ней. Тебя, скорее, можно назвать «пьющим падре»*. Ты хотя бы каешься, когда поступаешь против совести.

Она права. Я действительно «пьющий падре». И даже если у меня нет морали, я не аморален. К тому же быть «пьющим падре», особенно если это ассоциируется с чем-то вроде «беспутства молодости», как у Грэма Грина, — совсем неплохо.

Или плохо?..

* Герой романа Грэма Грина «Сила и слава» — священник, преступающий каноны, но в душе сохраняющий верность христианским идеалам.

20

МАЛЕНЬКИЕ СЛАБОСТИ СРЕДНЕГО КЛАССА

24 сентября

Утром сразу же после традиционного приема избирателей — раньше я проводил такие приемы каждую вторую субботу, но, став министром, уже не имею возможности делать это регулярно — отправился на футбольный матч с участием нашей местной команды «Астон Уондерерс».

Зрелище оказалось довольно убогим: огромный, наполовину пустой стадион, заляпанный грязью, без интереса играющие футболисты, общая атмосфера сырости, серости, распада.

Меня сопровождали член местного совета, председатель комиссии по делам искусств и досуга Брайан Уилкинсон и председатель спортивного клуба «Астон Уондерерс» Гарри Саттон — лысоватый бизнесмен, весьма преуспевающий на ниве, «импорта-экспорта», как он сам это называет. Оба — партийные бонзы.

После матча они пригласили меня зайти в правление клуба — пропустить по маленькой. Я с энтузиазмом принял их приглашение, испытывая естественную потребность «согреться» после чуть ли не двух часов сопротивления изнуряющему холоду в директорской ложе.

Удобно расположившись в шикарном кабинете Гарри Саттона, я поблагодарил его за доставленное удовольствие.

- Что ж, пока мы себе это можем позволить, — ответил он и, помрачнев, добавил: — Пока.

Еще не зная, в чем дело, я на всякий случай заметил, что «Уондерерс» выходил и не из таких переделок.

— То было раньше, сейчас все иначе, — вздохнул Брайан Уилкинсон.

Поняв, что приглашение носило не только дружеский характер, я внутренне собрался. Они чего-то от меня хотят. Чего? Саттон перевел взгляд на Уилкинсона.

- Лучше сказать ему сразу, Брайан.

Уилкинсон отправил в рот горсть соленых орешков, сделал большой глоток виски и повернулся ко мне.

— Я буду говорить открытым текстом, Джим. Вчера вечером

состоялось заседание финансовой комиссии... похоже, клубу придется вызывать судебного исполнителя...

Невероятно! То есть, конечно, для меня не было секретом, что футбольные клубы нередко оказывались в тяжелом финансовом положении, но это известие застигло меня врасплох.

- Банкротство?!

Гарри кивнул.

- Финальный свисток. И нужно-то всего полтора миллиона фунтов, Джим.

— На орешки, — произнес Гарри.

— Нет, спасибо, — поблагодарил я и только потом понял, что он имеет в виду карманные расходы.

— Правительство выбрасывает на ветер такие деньги каждые тридцать секунд, — добавил Брайан.

Как член правительства, я почувствовал себя обязанным встать на его защиту.

— Зря ты так... Мы осуществляем жесточайший контроль за расходами.

Явно неудачный аргумент. Они оба согласно закивали и язвительно заметили, что, видимо, этот жесточайший контроль касается даже расходов на проезд, раз я не приехал на церемонию награждения в школе короля Эдуарда.

— В тот день мне пришлось отвечать на парламентские вопросы, — мгновенно сообразив, оправдался я.

— Да? А твой секретарь сказал, что ты на заседании какого-то комитета.

Может, и на заседании. Неужели я должен держать в голове каждую мелочь? Еще один неверный шаг.

— А знаешь, что по этому поводу думают многие из твоих избирателей? — спросил Гарри. — Они говорят, что иметь депутата — члена кабинета — гиблое дело. Лучше найти местного парня, у которого хватало бы времени на собственный избирательный округ.

Обычный упрек. И до обидного несправедливый! Не могу же я одновременно быть в шести местах! Никто не может. Но я не обиделся. Я предпочел отшутиться, назвав это обвинение абсурдным.

Брайан спросил почему.

— Потому что, когда депутат — член кабинета, избирательный округ получает огромные преимущества.

- Странно, что-то мы их не замечаем, правда, Гарри?

Гарри Саттон помотал головой.

— Интересно, какие?

- Ну... прежде всего... — начал я и тяжело вздохнул. (Разве можно в своем избирательном округе ждать чего-нибудь иного? Они не упустят случая поставить тебя на место, напомнить, что избирают-то они.) — Прежде всего это благоприятно сказывается на делах округа. Чем плохо иметь высокопоставленных друзей?..

Влияние в высших сферах? Короче говоря, если нужно, всегда есть к кому обратиться. Гарри довольно ощерился.

— Очень хорошо, друг, сейчас нам позарез нужны полтора миллиона фунтов.

Они что, ждут от меня решения своих финансовых проблем? Невероятно! За этим и позвали? Я недоумевающе посмотрел на них.

— Не пора ли употребить влияние в высших сферах, чтобы помочь нам? — продолжал Гарри.

«У них в корне неверное представление о жизни, — подумал я. — Но разъяснять им это надо дипломатично, не подрывая своего авторитета».

— Понимаете, — начал я, тщательно подбирая слова, — под влиянием в данном случае следует понимать нечто... э-э... неосознаваемое, то есть... э-э... иначе говоря, внешне незаметное участие в политическом процессе с учетом интересов своего избирательно-го округа...

— Иначе говоря, ты не сможешь? — перебил меня Гарри.

Я терпеливо объяснил, что готов сделать для них все возможное... так сказать, в общем плане. Все, что в моих силах. Однако мне вряд ли удастся выбить полтора миллиона фунтов для футбольного клуба.

Гарри повернулся к Брайану.

— Он говорит «нет»!

Брайан Уилкинсон не спеша отправил в рот очередную горсть орешков (Как это ему удастся оставаться таким тощим?), отхлебнул виски и с набитым ртом обратился ко мне:

— Ты не представляешь, сколько у тебя прибавится голосов, Джим. Все восемнадцатилетние парни. Ты станешь героем округа: Джим Хэкер — человек, который спас «Астон Уондерерс»! Депутатский мандат на всю жизнь.

— О да, — согласился я. — Этим, естественно, заинтересуется пресса. И оппозиция. И судья...

Они удрученно смотрели на меня, как бы спрашивая: куда девалась та власть, о которой ты с таким упоением говорил несколько минут назад? Даже не знаю, как бы подходчивей объяснить. Дело в том, что власть (определенного рода) у меня, конечно же, есть и немалая, но... не для конкретных дел.

Гарри, как ни странно, подумал, что я чего-то недопонял.

— Джим, неужели тебе не ясно: если клуб вылетит в трубу, это будет катастрофа? Мы же — гордость округа! Посмотри...

Мы все с грустью обвели взглядом кабинет: стеллажи вдоль стен были заставлены кубками, вазами, вымпелами, фотографиями.

— Кубок ФА, чемпион лиги, одна из первых команд, побеждавших в Европе... — начал перечислять он.

Я вовремя его остановил.

- Мне все это известно, Гарри. Но, честно говоря, это вопрос местных властей. Не в компетенции министерства. — Я повернулся к Уилкинсону. — Брайан, ты же председатель комиссии по делам искусств и досуга. Неужели ты не можешь что-нибудь придумать?

Нападение всегда лучший способ защиты. Уилкинсон тут же стал оправдываться.

Ты шутишь! Вчера я полдня доставал семьсот одиннадцать фунтов, чтобы починить трубу на хлебной бирже, где сейчас находится галерея искусств.

— В этой убогой развалюхе? — удивился я. — Да пусть себе падает.

Брайан ничего не имел против, но, оказывается, если она упадет на кого-нибудь, то отвечать придется муниципалитету, так как хлебная биржа — в его ведении. И что самое обидное — этот участок многие готовы купить в любой момент. Например, в прошлом месяце очередное предложение поступило от дирекции супермаркета...

Он еще не до конца высказал свою мысль, а у меня уже родилась идея. Фактически на пустом месте. Сладкий плод неожиданного озарения. Она была так потрясающе проста, что у меня и сейчас не выходит из головы вопрос: неужели я придумал это сам, без чьей-либо подсказки? Да, придумал! Из песни слова не выкинешь.

Идеи такого калибра вознесли меня на вершину и, не сомневаюсь, вознесут еще выше.

Но вначале надо было кое-что уточнить.

- Сколько они предлагают за участок?

Брайан Уилкинсон пожал плечами и вытер ладони о брюки.

— Кажется, около двух миллионов.

Тут я им и выдал:

— Значит, продав картинную галерею, вы могли бы спасти футбольный клуб!

Они ошарашенно посмотрели на меня, затем — друг на друга лихорадочно соображая, нет ли тут подвоха.

— А давайте-ка съездим туда, — предложил я. — Мне хочется самому взглянуть на участок.

Мы выехали из Астон-парка. Болельщики уже разошлись конная полиция разогнала или арестовала хулиганов, улицы были пусты, так что мы буквально через несколько минут добрались до хлебной биржи. Часы показывали 17.40. Галерея уже закрылась.

Мы вышли из «роллс-ройса» Гарри и в полном молчании засыпали перед своей мишенью. По правде говоря, я никогда не обращал внимания на биржу. Викторианский монстр из красного кирпича с витражами, башнями, бойницами... огромный, темный и мрачный.

- Чудовище, иначе не скажешь, — сказал я.

- Да уж, — согласился Брайан. — Но учти: оно занесено в реестр.

А вот это действительно проблема.

25 сентября

Сегодня мы с Брайаном и Гарри снова приехали к галерее. К счастью, по воскресеньям она открыта. Утром Энни чуть со стула не упала, услышав, что я собираюсь в картинную галерею. Впрочем, это совсем неудивительно — я не ходил на выставки даже в Италии, где мы с ней были два года назад. У меня так устают ноги...

Галерея была абсолютно пуста. Мы без особого труда нашли зрителя — приятную краснощекую женщину средних лет и мило побеседовали с ней. Она была ужасно рада видеть нас и, конечно, даже не догадывалась о цели нашего визита. Я постарался представить дело таким образом, будто зашел в порядке проявления отеческой заботы о своем избирательном округе.

На мой вопрос о популярности галереи она убежденно воскликнула: «Да, очень популярна!» — и улыбнулась.

- Вы хотите сказать, что сюда приходит много людей?

- Я бы не сказала, что очень много, — честно призналась она. — Но среди тех, кто приходит, галерея очень популярна.

Весьма уклончивое объяснение. Тогда я поинтересовался какими величинами измеряется средняя посещаемость, скажем, в день.

- О, двузначными! — заявила она таким тоном, будто имела в виду жуткое количество.

- Ну, например?

- Мм... в среднем — одиннадцать, — поколебавшись, сказала зрительница и с чувством добавила, что все они — настоящие ценители искусства.

Мы поблагодарили ее за помощь и отправились смотреть картины. У меня сразу же заныли ноги.

Вернувшись в кабинет Гарри, мы спокойно обсудили ситуацию. Одиннадцать человек в день на выставке — пятнадцать — двадцать тысяч каждую неделю на стадионе «Астон Уондерерс»! Мы должны действовать в интересах общества, в этом нет сомнений.

А план наш гениально прост! Закрывать галерею, продать участок дирекции супермаркета, а вырученные деньги предоставить «Астон Уондерерс» как беспроцентную ссуду.

Правда, у Гарри были некоторые опасения.

- Джим, нам не избежать специальной инспекции... Изменение функционального назначения. Галерею искусств — в супермаркет.

Ничего страшного! Наше решение вызовет здесь огромный интерес. Конечно, будут и вопли протеста — когда их не бывает? Но любители искусств не являются сколь-нибудь значимой груп-

пой давления, особенно в сравнении с клубом болельщиков «Астон Уондерерс». На вопрос Брайана Уилкинсона, как быть с картинами — он ведь председатель комиссии Совета по делам искусств и досуга, — я предложил пустить их с молотка — если, конечно, кто-нибудь захочет купить.

ВСПОМИНАЕТ СЭР БЕРНАРД ВУЛИ:

«Хэкер поделился со мной своими соображениями насчет спасения футбольного клуба в его избирательном округе, и я, признаться, сразу не придал этой информации серьезного значения. Мне казалось, что этот вопрос носит чисто локальный характер и не входит в сферу его министерской компетенции.

Каково же было мое удивление, когда мне неожиданно позвонил сэра Хамфри и потребовал детального отчета о намерениях нашего политического хозяина.

Я довольно бестактно поинтересовался, откуда ему об этом известно, и тут же горько пожалел о сказанном. «К сожалению, не от вас, Бернад, — холодно отозвался он. — Надеюсь, вы сочтете нужным дать мне соответствующие объяснения. Жду от вас подробную записку».

Я немедленно изложил суть дела и в заключение позволил себе высказать предположение, что данное мероприятие будет с восторгом встречено жителями округа. Вскоре от сэра Хамфри пришел ответ, который я храню до сих пор. В нем отчетливо прослеживается ориентация государственной службы в вопросах искусства».

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

От: Постоянного заместителя

Кому: Б. В.

28 сентября

По вашему мнению, план министра снести картинную галерею будет встречен с одобрением. Безусловно, вы правы. Более того, он будет популярен. До отращения популярен.

Рекомендую вам научиться более широко смотреть на вещи и всегда учитывать возможные последствия:

1. Угроза переизбрания министра

С точки зрения интересов нашего ведомства нам абсолютно все равно, переизберут министра или нет, поскольку для нас не имеет значения, кто будет министром.

2. Угроза вкладам в развитие культуры

Допустим, в затруднительном финансовом положении оказались клубы собачьих бегов. Должны ли мы субсидировать собачьи бега, если делаем это для футбольных команд? Если нет, то почему? Вы говорите, что этого хотят люди. К сожалению, вы неверно представляете себе истинные цели субсидирования. Субсидии существуют для искусств. Для культуры. Их дают не на то, чего хотят люди. Их дают на то, чего люди не хотят, но должны иметь. Когда люди чего-то действительно хотят, они с удовольствием заплатят сами. Первейший долг правительства — субсидировать образование, просвещение, то есть способствовать духовному росту страны, а не вульгарному времяпрепровождению простого люда. План министра чреват серьезными опасностями. Он создает чудовищный прецедент. Ему ни в коем случае нельзя позволить воплотиться в жизнь.

Как можно скорее организуйте мою встречу с министром, скажем, для обсуждения вопроса о назревающей реорганизации министерства.

Х. Э.

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)
29 сентября

Сегодня утром Бернард вставил мне в календарь внеочередную встречу с сэром Хамфри.

Мой постоянный заместитель хотел лично предупредить меня о назревающей реорганизации.

Естественно, я слегка разволновался. А вдруг это намек на неустойчивость моего положения? Это не болезненная подозрительность: просто я не уверен — вернее, не знаю, — в каком свете главный Кнут представил меня ПМ в деле о детонаторах для итальянских террористов.

Хамфри успокоил меня. Оказывается, он имел в виду ведомственную реорганизацию. Он также предупредил, что, возможно, на нас будут возложены дополнительные обязанности.

Да зачем они нам нужны?! Лично мне хватает и того, что есть. Более чем! Однако Хамфри придерживается иного мнения.

— Нельзя отказываться ни от каких обязанностей, если только они влекут за собой расширение штатов и увеличение бюджета. Именно масштабность обязанностей придает вес и значимость нам, то есть вам, господин министр. О чем вы невольно думаете, когда речь заходит о внушительных зданиях, колоссальных штатах, астрономических бюджетах?

— О бюрократии, — сказал я.

— Нет, господин министр, вы невольно думаете, что на вершине этой пирамиды, должно быть, находятся незаурядные, полные величия и достоинства люди, которые держат весь мир в своих руках и шагают по жизни, гордо подняв голову.

Так бы и говорил, теперь все понятно.

— Вот почему, — с восторгом продолжал Хамфри, — важно не только ревностно оберегать уже имеющиеся, но и, не раздумывая, брать на себя любые новые обязанности. Это целиком и полностью в ваших интересах, господин министр.

Тут он явно переборщил. Может быть, и в моих интересах, но не целиком и полностью. Он что, полагает, я вчера родился на свет?

Я поблагодарил сэра Хамфри за ценную информацию и разрешил удалиться. Сейчас не то, что раньше, сейчас я вижу его насквозь.

Перед тем как уйти, он неожиданно для меня завел разговор о картинной галерее в здании хлебной биржи — неожиданно, поскольку это не имеет ни малейшего отношения к делам министерства, — и, к моему большому удивлению, отозвался о нашем гениальном плане как об очень «смелом», даже «дерзновенном».

«Интересно, что он может иметь против», — подумал я и предложил ему высказаться.

Сэр Хамфри вернулся от двери к моему столу.

— Э-э... просто это решение кажется мне не совсем дальновидным.

Я спросил почему.

— Это здание — историческая достопримечательность, — от ветил он.

— А на мой взгляд, страшилище.

Хамфри слегка подправил формулировку:

— Историческое и достопримечательное страшилище, и, помимо всего прочего, в нем хранится ценная коллекция британских полотен.

Его явно ввели в заблуждение. В галерее нет ценных полотен — третьесортные пейзажи девятнадцатого века и несколько современных рисунков, настолько ужасных, что Тейт* отказалась бы хранить их даже в запасниках.

- Значит, ценная коллекция третьесортных британских полотен, — настаивал сэр Хамфри. — Источник духовного роста местных жителей.

— Они там не бывают, — заметил я.

— Их вдохновляет сам факт существования галереи, — заявил он.

Мне было непонятно, куда он клонит, какое отношение все это имеет к сэру Хамфри Эплби и что вообще он может знать о коллекции. Ведь, насколько мне известно, он никогда не бывал севернее Поттерсбара.

Решив перевести разговор в принципиальную плоскость, я напомнил ему, что это дело местных властей, оно касается только совета округа и меня как его депутата в парламенте — не как министра! — и ни сэр Хамфри Эплби, ни МАД, ни Уайтхолл не имеют к нему никакого отношения.

Он лишь поджал губы. Тогда я поинтересовался, почему это его так интересует. К моему удивлению, он объявил это принципиальными соображениями.

Потрясающе! На протяжении всего нашего спора о детонаторах для итальянских террористов он чуть ли не с религиозной убежденностью доказал, что принципы его совершенно не волнуют. Я напомнил ему об этом.

— Да, господин министр, не отрицаю. Однако, как вы сами не устаете повторять, принципы — это то, на чем зиждется правительство.

Я был в недоумении.

* Галерея в Лондоне, основана в 1897 году Генри Тейтом. Имеет богатое собрание картин английских мастеров начиная с XVI века и зарубежных художников XIX—XX веков, особенно импрессионистов и постимпрессионистов, а также большую коллекцию скульптуры.

- О каких принципах можно говорить в данном конкретном случае?

- О принципе перераспределения общественных фондов на искусство в пользу футбола или тому подобных вещей. Футбольный клуб является чисто коммерческим предприятием, и нет никаких оснований субсидировать его, если он по каким-либо причинам оказался на мели.

Похоже, он думает, что привел неопровержимый аргумент.

- Почему нет? — поинтересовался я.

- Чего нет?

- Почему нет оснований? Ведь футболом интересуется куда большей людей.

— Главная цель субсидий — способствовать сохранению нашего культурного наследия, — возразил сэр Хамфри.

Но для кого? Кому это выгодно? Образованным средним классам? Иными словами, людям, подобным Хамфри, чтобы они могли наслаждаться своей оперой, концертами, Шекспиром по более дешевой цене. По его мнению, вся страна должна субсидировать удовольствия среднего класса, желающего иметь доступные театр, оперу, балет...

— Культура и искусство, — открытым текстом сказал я ему, — это маленькие слабости среднего класса, который, фактически управляя страной, использует общественные средства на ублажение своих личных потребностей.

Он был шокирован. На этот раз, кажется, искренне.

- Как вы можете так говорить, господин министр? Искусство служит образовательным и воспитательным целям, помогает нам удерживаться на вершине цивилизации! Вы этого не находите? — с сарказмом добавил он.

Я попросил его обойтись без нравоучений и напомнил, что тоже верю в образование — как-никак окончил Лондонскую экономическую школу.

- Приятно узнать, что даже ЛЭШ не чужда идее образования, — заметил он.

Я решил быть выше этого типично оксфордского снобизма и, в свою очередь, обратил его внимание на важность развития спорта. Спорт давно субсидируется самыми разными организациями и также выполняет образовательно-воспитательную функцию.

Эта констатация вызвала у сэра Хамфри новый прилив сарказма.

- Дело не только в воспитании, — заявил он, очевидно, забыв, как две минуты назад утверждал, что все дело именно в нем. - В конце концов, у нас есть и половое воспитание... Что ж теперь, субсидировать секс?

- А это возможно? — оживился Бернард.

Хамфри выразительным взглядом приказал ему замолчать. Наша интеллектуальная пикировка доставляла мне большое удовольствие, тем более что тон задавал именно я.

Послушайте, Хамфри, а не логичнее было бы определять, что и когда субсидировать, в зависимости от общественных запросов?

По-моему, вполне здравая идея. Во всяком случае, демократичная.

Обычно, если речь не идет о принципиальных решениях, мой постоянный заместитель попросту игнорирует мои попытки вызвать его на прямой ответ, но на этот раз он изменил своим правилам. Видимо, для него было важно, чтобы я принял его элитарную точку зрения.

— Господин министр, — произнес он страдальческим тоном, — это же первый шаг к гибели, неужели вы не видите? Какая судьба ждет, например, Королевский оперный театр — жемчужину наше го искусства?..

Жемчужину? У меня на этот счет иное мнение. И если уж говорить начистоту, то что, собственно, составляет славу «Ковент-Гардена»? Вагнер и Моцарт, Верди и Пуччини. Немцы и итальянцы! Нашей культурой там и не пахнет. А с какой это стати мы должны субсидировать культуру «оси Берлин — Рим»?

— Королевский оперный театр, — сказал я, — получает ежегодную дотацию в девять с половиной миллионов фунтов. За что? Рядовые граждане не в состоянии платить по тридцать — сорок фунтов, чтобы попасть на гала-представление, и даже если бы были в состоянии, то не могли бы достать билеты — их просто нет в продаже. Практически все места в «Ковент-Гардене» скуплены крупными бизнесменами, управляющими банков и нефтяных компаний, чиновниками транснациональных корпораций... и людьми вроде вас, Хамфри. Королевский оперный театр существует для сильных мира сего! И на каком основании, скажите мне, рабочий человек с трибуны стадиона должен субсидировать восседающую в ложах знать, которая и без того вполне способна оплатить собственные развлечения?

От изумления он лишился дара речи. Я терпеливо ждал. Бернард сосредоточенно изучал чистую страницу блокнота. Наконец сэр Хамфри заговорил. Подчеркнуто-спокойно:

— Господин министр, честно говоря, я в ужасе. Это же дикость! Варварство! Слышать такие слова от министра Ее Величества! Конец цивилизации в нашем понимании! И грубейшее искажение истины.

Ого! Мой постоянный заместитель возбужден. Он даже говорит эмоционально. Да, сэр Хамфри Эплби действительно не на шутку расстроен. В отличие от меня.

— Искажение, говорите? — весело переспросил я.

- Да, безусловно. Искусство не в состоянии выжить без общественных дотаций.

— Скажите, а Шекспир тоже получал общественные дотации? — поддел я его.

- Конечно, получал.

— Ошибаетесь, Хамфри, ничего он не получал. Его поддерживали меценаты, а это разные вещи. Одно дело — когда свои собственные деньги тратит богатый человек, и совсем другое — когда некий комитет тратит общественные деньги! Почему театр сам не может что-нибудь придумать? Почему искусство должно зависеть от официальных лиц и комитетов? В этом нет никакой необходимости.

У сэра Хамфри вырвался какой-то непонятный булькающий звук. Я царственным жестом приказал ему заткнуться.

— И раз уж вы так упорствуете с субсидированием искусства, то как насчет кинофильмов? Фильмы — тоже искусство. И тоже играют воспитательную роль. Кроме того, кино пользуется огромной популярностью. Во всяком случае, большей, чем опера. Почему же истэблишмент не желает субсидировать кинофильмы?

Он открыл было рот, но я не дал ему высказаться. Не мог отказать себе в этом удовольствии.

— Я сам вам скажу, Хамфри. Только потому, что люди вроде вас предпочитают оперу...

Видимо, этого Хамфри уже не мог вынести. Даже прервал меня на полуслове, что случилось с ним крайне редко.

— Господин министр, кино — это коммерция! — произнес он с презрением человека, живущего за государственный счет в высокой-превысокой башне из слоновой кости...

Он встал, не дожидаясь, пока я закончу беседу, как того требует протокол. С меня достаточно, говорил он всем своим видом.

— Простите, господин министр, я просто не имею возможности продолжать этот ужасный разговор. Мне надо сегодня пораньше уйти.

Я поинтересовался, куда это он так спешит.

— Э-э... да так...

Такая демонстрация собственной независимости меня не устраивала. Я настоятельно попросил его остаться. Во-первых, не так уж часто приходится видеть Хамфри в удрученном состоянии, и, во-вторых, надо было недвусмысленно дать ему понять, что дела моего избирательного округа его совершенно не касаются. Кроме того, у меня возникли кое-какие подозрения...

Услышав мое требование, Хамфри явно занервничал.

— К сожалению, господин министр, я не имею возможности продолжать этот бессмысленный разговор, — сказал он и беспечно взглянул на часы. — Мне надо успеть переодеться... э-э... я хотел сказать...

Он зашнуровался и посмотрел на меня, словно нашкодивший щенок. Я понимающе ухмыльнулся.

— Переодеться? Так куда же вы все-таки собираетесь, Хамфри? — как можно безразличнее спросил я.

Мой постоянный заместитель оскорбленно выпятил грудь.

— Вообще-то, это мое личное дело, господин министр, но раз вы так настаиваете... в «Ковент-Гарден».

- Наверное, очередное гала-представление?
- Мм... да, если вас это интересует.
- Полагаю, там будет немало постоянных заместителей?
- Кое-кто, безусловно.
- Ну что ж, не смею задерживать, — милостиво сказал я. —

Мне бы не хотелось стать причиной вашего опоздания на столь важное мероприятие.

В его сузившихся глазах читалась откровенная ненависть. Я мило улыбнулся ему.

- Вполне вас понимаю, Хамфри... Кстати, что сегодня дают?
- «Летучего голландца».
- О, еще один европейский партнер!

Сэр Хамфри стремительно повернулся и не менее стремительно выскочил из кабинета. Даже не попрощавшись. В жизни не получал такого удовольствия, как от сегодняшней беседы с моим постоянным заместителем. По-моему, Бернارد тоже.

(Вечером сэр Хамфри Эплби во время антракта встретился в баре «Ковент-Гардена» с постоянным заместителем министра окружающей среды сэром Йеном Уитвортом. Запись их беседы мы обнаружили в личном дневнике сэра Хамфри. — Ред.)

«...Антракт мы с Йеном У. провели в баре. Выпили джина с тоником и закусили превосходными бутербродами с осетриной горячего копчения.

У него что-то не ладится — нет, не с самим министром, которого удалось приручить быстро и без особых хлопот, — с Джэйлсом Фрименом, парламентским заместителем министра.

Обсудили неминуемую проверку контракта по продаже участка хлебной бирже. Я дал ему понять, что нам крайне важно получить правильные выводы и рекомендации.

Йен напомнил мне об абсолютно независимом статусе инспекторов и о недопустимости любых попыток оказать на них давление. По-своему он, безусловно, прав.

Но если бы он дружески посоветовал инспектору, подсказал наиболее перспективное направление проверки и разъяснил общую картину, чтобы тот мог более объективно и компетентно оценить отдельные аспекты проблемы, такой подход, убежден, не вызвал бы никаких нареканий. Йен согласился.

Затем он спросил, чего конкретно ему добиваться. Я объяснил: речь идет о предполагаемом сносе старинного здания, занесенного в реестр. Не сразу поняв мои истинные намерения, он бодро заверил меня, что ему не составит труда устроить все, как надо: такие здания десятками сносятся по всей стране.

Узнав, что мы, наоборот, хотим не допустить осуществления этого варварского плана, он очень удивился. Поэтому пришлось раскрыть карты: если участок будет продан, вырученные деньги пойдут на спасение местного футбольного клуба от банкротства.

Йен был потрясен. К сожалению, мы не смогли продолжить разговор. Прозвенел звонок, оповещающий о конце антракта.

Никогда не спрашивай, по ком звонит колокол — он звонит по... комиссии по делам искусств».

(На следующий день сэр Хамфри Эплби получил срочную записку от сэра Йена Уитворта. — Ред.)

30 сентября

Дорогой Хамфри!

Мне трудно себе представить, у кого могла родиться столь абсурдная идея. До чего мы докатимся, если позволим отнимать деньги у искусства и пускать их на потребу простому люду?

Твой хозяин и господин, наверное, млеет от одной только мысли о трудящихся массах. Я же убедительно прошу тебя сделать все возможное, чтобы не допустить осуществления этой бредовой авантюры.

Ведь никогда не знаешь, к чему это может привести. Сегодня местную картинную галерею приносят в жертву футбольному клубу, а завтра дотацию Королевского оперного театра отдадут на модернизацию стадиона Уэмбли!

Со своей стороны, я также приму все необходимые меры. Как тебе известно, на инспекторов нельзя оказывать давление — это недопустимо. Однако, кажется, дело только выиграет, если я назначу инспектором парня, который ожидает повышения.

Проведу соответствующий инструктаж. Он должен отчетливо понимать, что в данном случае, по сути, решается вопрос — цивилизация или варварство.

Всегда твой
Йен.

(В тот же день сэр Йен Уитворт получил ответ сэра Хамфри Эплби. — Ред.)

30 сентября

Дорогой Йен!

Я целиком и полностью разделяю твою точку зрения на эту скандальную историю. Рад слышать, что ты принимаешь необходимые меры.

Мыслимое ли дело — пускать деньги, предназначенные искусству, на потребу массового спорта?! Это равносильно бездумному потаканию низменным вкусам и инстинктам.

Если раньше не доведется, увидимся на «Травиате» через несколько дней.

Твой Хамфри

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

3 октября

Прекрасно зная, что с утра мне всегда некогда, Бернард тем не менее настоятельно попросил уделить ему несколько минут.

- Господин министр, хотел бы кое-что предложить вам. Толь-

ко, ради бога, не подумайте, что я слишком много на себя беру...

- Берите, Бернард, не стесняйтесь.

Оказывается, по его мнению, мне ни в коем случае не следует «ввязываться в эту историю с футбольным клубом и картинной галереей». Я сказал ему, что он слишком много на себя берет.

- Лучше взять на себя слишком много, чем спокойно смотреть, как вы загоняете себя в угол, господин министр.

Бернард положительно мне симпатичен. В Уайтхолле он только зря теряет время.

Из его дальнейших объяснений я понял — для меня это, признаться, новость, — что по неписаным правилам Уайтхолла член парламента должен избегать любого вмешательства в дела, связанные с куплей-продажей земельной собственности в своем избирательном округе.

— Поскольку местные проблемы, за редким исключением, типичны для всей страны, — сказал Бернард, — можно невольно задеть целый ряд избирательных округов.

Что ж это получается: куда ни кинь — всюду клин? Никаких шансов? Как с единой транспортной политикой?

- Особенно опасно ввязываться в местные дела, если за ними стоит мощная КВАНПО, — добавил Бернард.

Все, что Бернард говорил, теоретически было вполне логично и разумно, и я был искренне признателен ему за заботу и готовность помочь. Однако в данном конкретном случае у меня совсем не было уверенности, что местные проблемы настолько типичны для всей страны.

Поэтому я сказал ему:

- На моей стороне будет все население округа, возможно, за исключением кучки длинноволосых, нечесаных любителей искусств.

Бернард все понял и не стал настаивать. Вместо этого он предложил обсудить календарь моих встреч на утро.

10.15 — генеральный секретарь Совета по делам искусств (самая крупная КВАНПО). 10.45 —

Ассоциация исторических памятников. 11.00 — Национальный грест.

11.15 — Национальная ассоциация землевладельцев. 11.30

— Совет защиты деревенской Англии. 11.45 —

Национальный совет народного творчества. Я в замешательстве наугад ткнул пальцем в календарь.

— Деревенская Англия?

— Да, — сказал мой личный секретарь и неопределенно кивнул в сторону окна. — Там ее предостаточно.

— Что все они от меня хотят?

- Хлебную биржу, — терпеливо объяснил он. — Они из архитектурной мафии.

- И Совет народного творчества?

- Нет, у этих своя мафия. Очень влиятельные люди... По-

сыплются письма в «Тайме», оскорбительные статьи в воскресных газетах. Вас обвинят в вандализме... Им не составит труда организовать мощную кампанию протеста по всей стране, не говоря уж о вашем избирательном округе, господин министр.

У меня появилось неприятное ощущение. Наверное, в чем-то он прав. Но я все равно полон решимости бороться до конца. Эту схватку можно и должно выиграть!

- Каким образом все эти люди оказались в моем календаре? Разве я просил вас?.. О чем вы думали, Бернард?

- О сэре Хамфри, господин министр. Он просил об этом.

- Так вот, Бернард, учтите, от своих слов я не отступлюсь.

Остаток дня прошел в скучнейших дебатах с различными группами давления. Казалось, им не будет конца. К вечеру я чувствовал себя совершенно вымотанным.

4 октября

Сегодня мой личный секретарь продемонстрировал сообразительность и деловую хватку, которой я от него, честно говоря, не ожидал.

Убедившись в непоколебимости моего решения довести дело с картинной галереей до победного завершения, он попросил меня ознакомиться с документом под названием «Поправка № 2 к Положению о субсидиях органам местного самоуправления». Собственно, Бернард принес его мне на подпись.

- Что это? — спросил я.

Он начал обстоятельно рассказывать о назначении документа.

- Это — подзаконный акт, подлежащий утверждению палатой общин. Поскольку органы местного самоуправления формально входят в вашу компетенцию как министра административных дел, вы, господин министр, должны официально подтвердить, что пересмотренный пункт номер пять поправки номер два к Положению о субсидиях от тысяча девятьсот семьдесят первого года входит в силу с восемнадцатого марта будущего года, тем самым делая недействительным пункт номер семь Положения о субсидиях органам местного самоуправления от тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года...

Я опять ничего не понял.

Похоже, Бернард предвидел это, поскольку тут же протянул мне «Пояснительную записку», в которой была выделена фраза: «Данное Положение также предусматривает порядок и размер материальной компенсации членам местных советов в зависимости от времени, затраченного ими на общественные дела...»

- Ну и что? — спросил я, внимательно прочитав записку до конца.

- Как что? — удивился Бернард. — Простите, господин министр, но, мне кажется, это дает вам редкую возможность продемонстрировать всем, что в результате ваших усилий как министра Ее Величества члены местных органов самоуправления

смогут получить больше денег за посещение заседаний своих советов.

Так вот куда он клонит! Я снова уткнулся в пояснительную записку. Конечно же! Здесь все написано черным по белому. Простым английским языком: «...Порядок и размер материальной компенсации членам местных советов...» Как же я сразу не догадался?!

Отличная мысль и отличная работа! Действительно редкая возможность продемонстрировать благородную щедрость по отношению к скромным труженикам местных советов!

Бернард прервал мои размышления.

- Простите, господин министр, но я считаю своим долгом проинформировать вас. Мне совершенно случайно стало известно, что сэр Хамфри и сэр Йен Уитворт специально встречались по этому вопросу.

- Йен Уитворт?

Бернард кивнул.

- Да, постоянный заместитель министра окружающей среды. Здание хлебной биржи занесено в реестр, поэтому проверку будет вести один из его инспекторов. А он, насколько я понимаю, получит от сэра Хамфри и сэра Йена руководящие указания — неофициальные, конечно.

Неофициальные указания? Очень подозрительно. Что бы это значило?

- Собственно, в указаниях ничего предосудительного нет, — осторожно заметил Бернард. — Каждый следует указаниям в своей работе.

- А я-то полагал, инспекторы должны быть беспристрастны.

Бернард весело захихикал:

- Верно подмечено, господин министр. Так оно и есть! Поезда тоже беспристрастны, но... следуют туда, куда их направляют рельсы.

- Но это несправедливо!

- Это политика, господин министр.

- Но Хамфри не должен заниматься политикой! Он — государственный служащий. Политика — мое дело...

Тут до меня дошел весь смысл его слов, и я замолчал. Бернард понимающе кивнул. По выражению его лица было видно, что он горит желанием подсказать мне, какое политическое решение следует принять. Я спросил, как Хамфри и Йен будут оказывать давление на инспектора.

Он с готовностью объяснил:

- В принципе у реестровых инспекторов своя собственная, относительно независимая иерархия. Поэтому главное здесь — найти инспектора, который мечтает о повышении.

- Зависит ли что-нибудь от министра?

- Министры — наши хозяева и господа, господин министр. Предельно точный ответ. То, что мне надо. Джайлс Фримен,

парламентский заместитель министра окружающей среды, — мой старинный приятель. Я решил объяснить ему ситуацию и попросить вмешаться. Он мог бы, например, настоять, чтобы нам дали инспектора, которого не интересуют повышения, скажем, ему скоро на пенсию. Возможно даже, в своей работе такой человек будет исходить из интересов общества.

- Соедините меня с Джайлсом Фрименом, — попросил я Бернарда.

На что он, к моему глубочайшему изумлению, ответил:

— Его личный секретарь сказал, что господин Джайлс готов встретиться с вами после вечернего голосования в палате.

Должен заметить, это произвело на меня большое впечатление. Я даже спросил Бернарда, не думал ли он когда-нибудь заняться политикой. Он отрицательно помотал головой.

- Почему?

- Понимаете, господин министр, я как-то наткнулся на определение политики в «Тезаурусе»...

- Ну и что там сказано?

- «Махинации, интриги, закулисные сделки, обман, демагогия, взятничество...» Боюсь, я не обладаю для этого нужными качествами.

- Никогда не следует недооценивать себя, Бернард, — посоветовал я ему.

(Три дня спустя сэр Хамфри Эплби получил еще одну срочную записку от сэра Йена Уитворта. — Ред.)

1 октября

Дорогой Хамфри!

Плохие новости. Похоже, ваш министр нашел общий язык с нашим парламентским заместителем министра Джайлсом Фрименом, этим чудовищем в человеческом обличье. Он настоял на замене моего инспектора человеком, который почти наверняка будет действовать в интересах Хэкера.

Мягко говоря, я весьма обеспокоен. Возникла реальная угроза самостоятельных действий нового инспектора.

Кроме того, не исключено, что проект Хэкера встретит массовую поддержку в его избирательном округе.

Какие будут соображения?

Йен.

(Нам не удалось найти письменный ответ на этот отчаянный крик о помощи. Зато мы обнаружили в личном дневнике сэра Хамфри Эплби довольно подробный отчет о его беседе с сэром Йеном Уитвортом и секретарем кабинета сэром Арнольдом Робинсоном за обедом, который состоялся в следующий понедельник. — Ред.)

«Сегодня во время обеда с Арнольдом и Йеном я совершил великий переворот.

Йен хотел срочно переговорить со мной о предстоящей проверке законности продажи здания хлебной биржи. Я счел необходимым пригласить Арнольда, прекрасно понимая, что в конечном итоге ключ к решению проблемы находится именно у него.

Изложив вкратце суть вопроса, я перевел разговор на тему о ведомственной реорганизации, которая ожидалась на следующей неделе, и предложил Арнольду расширить компетенцию Хэкера на сферу искусств.

«Хэкер — полнейший профан в искусстве», — возразил Арнольд. Такая реакция меня, признаться, удивила. Он явно не понял главного. Ни для кого не секрет, что наш министр промышленности не способен отличить трактор от экскаватора, министр образования совершенно безграмотен, а министр занятости являет собой идеал безработного, поскольку вообще ничего не умеет делать.

Став ответственным за дела искусств, Хэкер вряд ли начнет свою деятельность в новом качестве с закрытия картинной галереи. Вот — суть моей мудрой идеи.

Йен вначале тоже был против. По его мнению, не следует превращать реорганизацию в перестановки. Пришлось разъяснить, что речь идет не о перестановках, а всего лишь о функциональных передвижках: искусства и телевидение «передвигались» в компетенцию МАДа.

Правда, в моем плане есть маленький изъян, так сказать, определенная непоследовательность, а именно сведение вместе искусств и телевидения. У них нет ничего общего... Более того, они — полные противоположности.

Впрочем, Арнольда, как и Йена, больше волновало усиление моей власти и влияния. Он признался, что не хотел бы порождать очередного административного спрута, и напомнил, что мы и так уже подмяли под себя органы местного самоуправления.

На мой взгляд, искусство и местное самоуправление прекрасно сочетаются. И то и другое сродни плутовству. Они улыбнулись моей шутке. И поскольку ни у того, ни у другого не было готовых контрпредложений, как призвать Хэкера к порядку, им пришлось согласиться с моим планом.

«В тебе тоже пропадает артист», — сказал Арнольд, поднимая бокал за мое здоровье».

II октября

Новости, новости... Как всегда, хорошие и плохие. В целом-то больше хорошие, однако не обошлось и без накладок.

На десять часов утра у меня была назначена встреча с членами совета моего избирательного округа для окончательного решения вопроса о галерее и футбольном клубе. Буквально за несколько минут до этого в кабинет неожиданно зашел сэр Хамфри. Я сразу предупредил его, что решение уже принято и все разговоры бесполезны.

— И все же, господин министр, у меня есть сообщение, которое, полагаю, вас очень и очень заинтересует, — перестановки.

Перестановки? С какой стати? Ведь всего две недели назад речь шла просто о реорганизации.

— Не просто о реорганизации, господин министр, а о *реорганизации*. Которая, кстати, сделает вас еще более сильным и влиятельным. Теперь в вашу компетенцию будет входить и искусство.

Приятная новость, ничего не скажешь. Странно только, почему

сэру Хамфри сообщили об этом раньше меня. Очевидно, сразу после принятия решения он встречался с секретарем кабинета.

Я от души поблагодарил его за приятные новости, предложил в конце дня отметить это событие и сказал, что мне пора начинать совещание.

— Да-да, конечно. Э-э... надеюсь, при обсуждении конкретного вопроса вы примете во внимание изменившиеся обстоятельства.

Какое отношение, черт побери, могут иметь дела футбольного клуба к моим новым обязанностям? Но ведь сэру Хамфри зря говорить не будет. Затем до меня дошло: министр по делам искусств начинает свою деятельность со сноса картинной галереи! Скандал!

Я попросил Бернарда извиниться перед членами совета и задержать их еще на несколько минут. Мне нужно было собраться с мыслями.

Затем я сказал Хамфри, что тщательный анализ изменившейся ситуации заставляет меня пересмотреть отношение к картинной галерее. Это, безусловно, важный очаг культуры, к тому же расположенный в историческом здании. Его надо обязательно сохранить.

Он понимающе кивнул и согласился, что я попал в сложное положение. В это время Бернард ввел участников совещания во главе с Брайаном Уилкинсоном.

Честно говоря, я понятия не имел, что им сказать. Поэтому попросил Хамфри остаться.

— Мой постоянный заместитель, — представил я его.

— А этот что, всего лишь временный? — спросил Брайан, указывая на Бернарда.

Такие шуточки вполне в духе Уилкинсона. Его бестактность — как, например, сейчас в отношении Бернарда — порой граничит с настоящим хамством.

Я собрался было сообщить им об изменившихся обстоятельствах, но Брайан опередил меня. Он с энтузиазмом заявил, что все идет как по маслу: наш план поддержали все политические партии и совет графства. Дело только за разрешением моего министерства использовать деньги, полученные от продажи картинной галереи, как ссуду футбольному клубу.

— Э-э... все это, конечно, так, — неуверенно произнес я, — но... э-э... тут есть одна загвоздка...

Брайан удивился.

— Какая еще загвоздка? Ты же сам утверждал, что не будет никаких проблем!

Что я мог ему ответить? В голове, как назло, все перемешалось.

— Э-э... видите ли... в силу некоторых обстоятельств... — неуверенно начал я. Но тут мне пришла спасительная мысль — отфутболить их к Хамфри. — Впрочем, полагаю, мой постоянный заместитель сможет объяснить вам более компетентно.

Все повернулись к сэру Хамфри.

— Да... просто это невозможно, — сказал он и замолчал.

Я со страхом подумал, что он этим и ограничится. Однако к нему, слава богу, пришло вдохновение, и он продолжил:

- Потому что картинная галерея — доверительная собственность. Посмертный дар. Или что-то в этом роде.

Я подхватил эстафету.

- В том-то и вся загвоздка! Доверительная собственность. Придется нам, видимо, поискать другое здание под снос. Школу... церковь... больницу. Что-нибудь да найдется, — с оптимизмом добавил я.

У Брайана Уилкинсона от изумления отвисла челюсть.

- Значит, ты отказываешься от собственного слова? Так и передать избирателям? — с угрозой произнес он.

— Не я, — жалобно ответил я, — а закон.

- Почему же мы узнаем об этом только сейчас?

Возразить было нечего. Дело принимало скверный оборот. При одной только мысли о следующих выборах меня бросило в жар. Трудно даже представить, как развивались бы события, если бы не Бернард. Мой верный добрый Бернард.

Он как бы ненароком подвинул ко мне свою пояснительную записку. Я взглянул на нее и вдруг понял: вот оно, мое неожиданное спасение. Деньги для членов местных советов!

Снова обретая уверенность, я улыбнулся и сказал:

- Послушай, Брайан, давай говорить откровенно. Конечно же, я смог бы довести наш план до победного конца. Но это потребует много времени. И...

Уилкинсон нетерпеливо перебил меня:

- Ну и пусть! Мы столько ждали — подождем еще.

- Да, безусловно, — согласился я. — Но, кроме того, придется пожертвовать чем-то другим. А это другое — чем, кстати, я занимаюсь в настоящее время — увеличение материальной компенсации членам местных органов власти. И, как ты сам понимаешь, я не могу разорваться на две части.

Я замолчал. Никто не произнес ни слова. Все выжидательно смотрели на меня.

- Я хочу сказать, что, если вы настаиваете, можно забыть о компенсациях и вплотную заняться юридическими препятствиями...

Снова последовало молчание. Я терпеливо ждал, пока кто-нибудь его нарушит.

Наконец Уилкинсон не выдержал.

- Хитрая штука — эти юридические препятствия, — неопределенно заметил он.

Было ясно: он отлично понял меня. Сэр Хамфри тоже.

- А в данном случае хитрее не придумаешь, — со значением добавил он.

Та-ак... — задумчиво протянул Брайан. — И никаких гарантий, что в конце концов их удастся преодолеть?

- Абсолютно никаких, — подтвердил я.

Уилкинсон обвел взглядом своих товарищей. Никто не возражал.

Члены совета были поразительно единодушны. Я ударил их по самому чувствительному — по кошельку!

— Что ж, ничего не поделаешь. Раз так, пусть стоит, — со вздохом согласился он. Но тут же добавил, явно желая довести дело с клубом до победного конца: — Может так случиться, что нам в конце года придется закрыть начальную школу на Едж-Хилл-роуд. Этот участок тоже даст нам парочку миллионов фунтов...

Совещание закончилось ко всеобщему удовлетворению. Кризис миновал. Брайан согласился официально заявить в округе, что нам не удалось преодолеть юридические препятствия.

Перед уходом он пожелал мне успешной работы на благо местных органов власти.

Как только за ними закрылась дверь, сэр Хамфри рассыпался в любезностях:

— Ловкий удар, господин министр, чувствуется рука мастера. Вам остается только повидать премьер-министра, чтобы он официально уведомил вас о новых обязанностях. Ну а я, с вашего позволения, должен пойти переодеться...

— Очередной выход в свет?

— О да, — сказал он, явно не испытывая никакой неловкости.

Тут мне впервые пришло в голову, что «Ковент-Гарден» теперь входит в сферу моей компетенции. А я там практически не бывал!

- Э-э... послушайте, Хамфри, могу я составить вам компанию?

- Да, господин министр! Конечно! — воскликнул он с искренней теплотой.

Должен признаться, мы отлично провели вечер: хорошая музыка, великолепные голоса, изысканная публика, потрясающие бутерброды с осетриной горячего копчения...

Может, я все-таки был не совсем прав? Разве средний класс не имеет права на маленькие слабости? По-моему, имеет!

СКЕЛЕТ В ШКАФУ

10 ноября

Сегодня во время очередного совещания, на котором присутствовал и мой старый друг доктор Картрайт, неожиданно возникла довольно-таки интересная ситуация.

Совещание было посвящено проблемам местного самоуправления и в целом протекало на редкость скучно. Как и предсказывал сэра Хамфри, наше министерство растет не по дням, а по часам, соответственно увеличиваются его штаты и бюджет. Мой постоянный заместитель не скрывает удовольствия — он в своей стихии. Но почему же не прибавляется принципиальных решений -моего кровного дела? Вот в чем вопрос.

Мы без особых хлопот разделились с первыми шестью пунктами повестки — ничего интересного, за исключением, разве что, лингвистических уточнений Бернарда, от которых он просто не в силах удержаться. Иногда это становится похожим на манию.

— Итак, пункт семь, — прочитал я. — В чем суть?

— С вашего позволения, господин министр, — начал сэра Хамфри, — я сделаю краткое резюме...

Бернарду явно не терпелось что-то сказать.

— Да, Бернард?

— Э-э... я хотел только заметить... в порядке уточнения, что в принципе нельзя сделать резюме, если вопрос даже не начали обсуждать...

Сэр Хамфри (он вообще не терпит, когда его кто-либо поправляет, тем более такая мелкая сошка, как личный секретарь) холодно поблагодарил Бернарда и продолжил свою фразу, давая ему понять, что подобное уточнение излишне и недопустимо.

- Благодарю вас, Бернард, что бы мы без вас делали?.. Господин министр, вкратце резюмируя итоги нашего последнего заседания, а также содержание ряда сопутствующих материалов — их вы, несомненно, получили в красных кейсах, — я, с вашего позволения..,

— Да-да, конечно.

И тут я понял, что толком не знаю, о чем идет речь. Эпизод с Бернардом меня не только позабавил, но и отвлек от обсуждения

К тому же они ежедневно заваливают меня бумагами. Не могу же я, черт побери, всего упомнить!

Пришлось спросить Хамфри, что именно он имеет в виду.

— Мы вынесли решение о принятии дисциплинарных мер к совету графства Дербишир, — разъяснил он.

За что? На каком основании? Суть проблемы по-прежнему оставалась мне неясна, но... не признаваться же в этом перед своими подчиненными. Пусть думают, будто я в курсе. Лучше прибегнуть к помощи Бернарда.

Оказывается, упомянутый совет не прислал в министерство квартального статистического отчета.

Я поинтересовался, как принято поступать в подобных случаях. Сэр Хамфри предложил на выбор несколько вариантов:

— Выговор, официальное осуждение в прессе, лишение различных субсидий и дотаций или даже, как вам, без сомнения, хорошо известно, господин министр...

— Да-да, — одобрительно закивал я.

— Прекрасно, — сказал он и замолчал.

Почему он остановился? Я же понятия не имею, что он собирался мне сообщить. Но Хамфри явно ждал от меня ответа.

— Э-э... мне хорошо известно... что?

- Что?

— Что мне хорошо известно?

— Трудно себе представить... — Видимо, поняв свою оплошность, он поспешно добавил: — Я имею в виду, трудно себе представить, что вам может...

— Вы говорили, — подсказал я, стараясь не выказывать смущения (все-таки мою растерянность и неуверенность видели семь официальных лиц различного ранга), — вы говорили: «Или даже, как вам, без сомнения, хорошо известно...»

— Ах да, господин министр, конечно... Или даже вызов совета в суд.

— Неужели нарушение сроков подачи отчетов настолько серьезный проступок? — удивился я.

Все семь чиновников пришли в ужас.

— Не просто серьезный, а граничащий с преступлением! — категорически заявили они.

Сэр Хамфри немедленно рассеял мое недоумение:

— Если местные власти не будут вовремя представлять нам отчетность, статистическая информация правительства потеряет смысл, ибо будет неполной...

Я заметил, что правительственная статистика и без того не имеет смысла. Никто этого не отрицал, хотя Бернард высказал предположение, что сэр Хамфри, видимо, намеревался подчеркнуть ее полную бессмыслицу. Чем заслужил поистине испепеляющий взгляд своего патрона.

Они хотят сделать козлом отпущения графство, которое, как известно, контролирует наша партия!.. Очевидно, догадавшись, о чем

я подумал, сэр Хамфри высказал свои соображения. В ответ я предложил выбрать в качестве наглядного примера любой местный совет, находящийся под контролем оппозиции.

Мое предложение не встретило энтузиазма. Не понятно почему. Во всяком случае, сэр Хамфри враждебно поджал губы, а остальные молча уткнулись в свои блокноты. Чего они от меня ждут?

Тогда я напрямик спросил, чем их так прогневал совет Дербишира. Они сразу оживились.

- Дербишир постоянно задерживает и крайне небрежно заполняет синие формы, — заявил заместитель постоянного заместителя. (По-моему, синие формы — это что-то связанное с финансами.)

- Они прислали сведения об этническом составе совета на обороте министерского циркуляра, — пожаловался помощник заместителя постоянного заместителя.

А его коллега — очень привлекательная молодая особа была в ужасе, так как до сих пор не получила от совета «Пересмотренный анализ деятельности работников социальной сферы» за минувшие два квартала.

- Им совершенно нельзя доверять, — патетически заключила она. — Просто кошмар!

Забавная характеристика кошмара — небрежное заполнение синих форм.

- Да-а, просто не понятно, как они там еще существуют, в этом Дербишире, — иронически заметил я.

Сэр Хамфри принял мое замечание за чистую монету.

- Вот именно, господин министр, по части некомпетентности им нет равных.

- Может, у них все-таки имеются веские оправдания? — предположил я.

Мой добрый друг доктор Картрайт поднял руку.

- Кстати, следует отметить, что...

Мой постоянный заместитель бесцеремонно прервал его.

- Итак, будем считать, мы договорились о необходимости соответствующих дисциплинарных мер...

Доктор Картрайт сделал еще одну попытку высказать свое мнение:

- За исключением того, что господин министр мог бы...

Хамфри снова перебил его.

- Вы согласны, господин министр?

Все это выглядело довольно подозрительно. Я решил не давать окончательного ответа.

- Вопрос не из простых, Хамфри. Речь идет о наших друзьях.

- Заблуждаетесь, господин министр, о врагах... врагах эффективного управления.

Не желая уступать столь откровенному давлению, я потребовал время на размышление.

- Мне нужно двадцать четыре часа. Надо уладить дела с партийным руководством. Организовать приглашение председателя

к Номеру Десять — для неофициальной беседы за рюмкой коньяка или что-нибудь в этом роде. Одним словом, смягчить удар.

Поскольку возразить им было нечего, мы перешли к следующему пункту.

После совещания доктор Картрайт задержался, видимо, желая переговорить со мной наедине, однако сэр Хамфри мягко, но настойчиво взял его под руку.

— Нужен ваш совет, Дик. Не уделите мне минутку? — И вы проводил его из кабинета.

Хорошенько обдумав все на досуге, я решил завтра поподробнее расспросить Бернарда.

17 ноября

День интересных открытий.

Придя на работу, первым делом вызвал Бернарда.

— Интуиция подсказывает мне: нам не следует принимать дисциплинарные меры против совета Дербишира, — сказал я. — Кроме того, доктор Картрайт, похоже, хотел мне что-то сообщить. Надо к нему заглянуть.

- Мне кажется, этого не следует делать, господин министр, - возразил он, пожалуй, чересчур поспешно.

- Почему?

— Дело в том... э-э... принято считать, что, если министру понадобится какая-либо информация, ему предоставят ее. Если министры примутся сами отыскивать информацию, они могут... э-э... они могут...

— Ее найти?

— Да, — покорно признался Бернард.

Я заметил, что, даже если «это принято», лично я так считать не собираюсь.

— Кроме того, — собравшись с духом, продолжал Бернард, — сэр Хамфри категорически против того, чтобы министры, как он говорит, «ходили в народ».

Не вижу в этом ничего плохого. Даже королева «ходит в народ». Он со мной не согласился.

— Она вряд ли заглядывает к постоянным заместителям. Во всяком случае, не в ведомстве сэра Хамфри.

Я решил не отступать и настойчиво спросил, где находится кабинет доктора Картрайта.

Бернард в буквальном смысле вытянулся по стойке «смирно».

- Господин министр, хочу посоветовать не делать этого...

Я не дал ему договорить.

- Совет принят, Бернард. Номер кабинета?

- Комната сорок-семнадцать. Этажом ниже, второй коридор налево.

На прощание сказал ему (в шутку, конечно), что если меня не будет через сорок восемь часов, то он может высылать поисковую группу.

ВСПОМИНАЕТ СЭР БЕРНАРД ВУЛИ:

«Я хорошо помню тот день, когда Хэкер «ходил в народ». Такие ситуации высвечивают всю сложность и двусмысленность положения личного секретаря. С одной стороны, от меня требовалась безусловная лояльность по отношению к министру (образно говоря, один шаг в сторону автоматически перечеркнул бы всякие надежды на будущее), но, с другой, если я хочу успешно продолжать карьеру государственного служащего в течение ближайших тридцати лет, мне надо было проявлять такую же лояльность и по отношению к сэру Хамфри.

Достигнуть вершин государственной службы, как это удалось мне, можно, только обладая умением выбирать верную линию поведения в конфликтных ситуациях.

Как только министр вышел из кабинета, я позвонил Грэму Джоунсу, личному секретарю сэра Хамфри, и дал ему понять, что Хэкер «пошел в народ». Впрочем, иначе я поступить не мог. Буквально накануне получил от сэра Хамфри строжайшее указание «не поощрять (*то есть не допускать.* — *Ред.*) подобную практику».

Интересная деталь: положив трубку, я вслух начал считать до десяти. На счет «десять» в кабинет вошел сэр Хамфри — настолько точно я знал расстояние между кабинетами.

Он с порога спросил, что случилось. «Господин министр покинул пределы своего кабинета», — осторожно ответил я. И больше ничего.

Сэр Хамфри остался явно недоволен, что Хэкер, как он выразился, «шатается по министерству», и спросил, почему я не задержал его.

Поскольку одной из моих важнейших обязанностей являлась защита интересов моего министра — даже от шефа нашего ведомства, — я довел до сведения сэра Хамфри, что: а) пытался отговорить Хэкера и б) он все-таки является министром, а закона, запрещающего министру встречаться со своими подчиненными, не существует.

Само собой разумеется, он хотел знать, с кем собирается встретиться министр. Я, как того требовал долг (Хэкер вряд ли хотел посвящать в это сэра Хамфри), уклонился от ответа.

- Может, ему просто не сидится на месте... — помнится, сказал я.

- Если ему не сидится на месте, пусть ходит кормить уток в парк Сент-Джеймс, — раздраженно бросил сэр Хамфри и снова спросил, с кем у министра встреча.

Я снова ответил уклончиво, хотя и чувствовал, как стужаются надо мной тучи: министр, дескать, имеет право встречаться с кем угодно.

Насколько большое значение мой патрон придавал этому вопросу, стало ясно из его последующих слов: «Кстати, Бернад, скоро конец года, и мне предстоит составить отчет о вашей деятельности. Полагаю, вам не хотелось бы, чтобы я делал это в дурном расположении духа».

Затем он снова спросил меня, к кому отправился министр.

Я понял, что в защите интересов своего министра дошел до грани, переступить которую отнюдь не безопасно. Но пойти на попятную надо было таким образом, чтобы о предательстве не могло быть и речи. Для таких маневров в Уайтхолле имелось испытанное средство: я попросил разъяснений у самого Хамфри.

- Сэр, я целиком и полностью согласен с необходимостью информировать вас о встречах господина министра с посторонними лицами, но... э-э... мне совершенно не понятно, почему это надо делать, если господину министру вдруг захочется, предположим, выяснить что-либо... э-э... скажем, у доктора Картрайта...

- Благодарю вас, Бернард, — перебил он меня и вышел из кабинета.
- Комната сорок-семнадцать! — крикнул я ему вдогонку.

Почему бы и нет?

Я с честью вышел из этого нелегкого испытания. С одной стороны, исполнил свой долг по отношению к министру и ничего не сказал сэру Хамфри открытым текстом, а с другой — дал своему шефу по государственной службе возможность узнать все, что он хотел.

Чисто гипотетический пример всегда был и остается исключительно эффективным средством решения подобного рода проблем».

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

Я, безусловно, не зря сходил к своему другу доктору Картрайту. Узнал по-настоящему интересные детали. Картрайт был искренне рад меня видеть и откровенно сказал, что вчера на совещании меня ввели в заблуждение. Любопытно!

— Значит, все эти упреки и обвинения в адрес совета Дербишира необоснованны, так?

— Почему же? Скорее всего, обоснованны.

Я спросил, как следует понимать его слова. И, к удивлению, тут же получил прямой ответ. Теперь мне ясно, почему Картрайту вряд ли грозит повышение.

- Осмелюсь утверждать, что, несмотря на отмеченные недостатки, совет графства Дербишир можно считать самым эффективным органом местного самоуправления в стране, — сказал он, посмотрев на меня сквозь круглые, как луна, очки.

Мягко говоря, я был ошарашен.

— Самым эффективным? Странно. А меня убеждают в необходимости принять против него дисциплинарные меры... Говорят, он самый неэффективный.

Тогда он привел цифры.

Уже этот факт вызывает удивление: разве Хамфри и его коллеги не уверяли меня, что Дербишир не присылает в МАД требуемую отчетность?

— Так оно и есть, — рассеял мое недоумение Картрайт. — Однако они умолчали, что совет ведет собственную статистику, причем на очень хорошем уровне, и нам ничто не мешает пользоваться ею в любое время.

Цифры, которые показал мне доктор Картрайт, поистине впечатляли. Оказывается, в графстве Дербишир самый низкий в Мидлендсе уровень прогулов, самые низкие в стране расходы на содержание муниципальных зданий, прекрасное санитарное состояние медицинских учреждений, несмотря на относительно небольшое количество штатных крысоловов (*морильщиков грызунов. — Ред.*).

И это еще не все. Судя по статистическим данным, практически все дети в графстве умеют читать и писать вопреки стараниям учителей дать им «прогрессивное образование».

- И наконец, — добавил в заключение Картрайт, — там меньше работников социальной сферы, чем в любом графстве Великобритании.

Я удивился.

- Вы считаете, это хорошо?

- О да, очень хорошо. Верный признак эффективности. Закон Паркинсона, понимаете? Количество социальных проблем возрастает в соответствии с увеличением числа занятых их решением.

Он не успел договорить, так как в кабинет ворвался — иначе не скажешь — сэр Хамфри. Полагаю, его неожиданное появление здесь было отнюдь не случайным.

Между нами состоялся довольно-таки забавный диалог.

- О, господин министр! Как интересно!

- Привет, Хамфри.

- Приветствую вас, господин министр.

- Какое совпадение!

- О да, конечно. Просто сюрприз!

- Да.

- Да.

Сам не знаю, почему я почувствовал себя виноватым и начал оправдываться:

- Я просто... э-э... проходил мимо...

- Проходили мимо?

- Да, проходил мимо.

- Проходили мимо, понятно. — Он на секунду задумался. -

А куда?

Вопрос Хамфри застиг меня врасплох. Я понятия не имел, что еще находится на этом этаже.

- Э-э... никуда. Собственно... просто шел... мимо, — сказал я, будто «мимо» означало какое-то конкретное место. — Мимо двери... кабинета Ричарда Картрайта... Дика... и подумал: а вдруг он там сидит...

Я понимал, что мои объяснения звучат ужасно неубедительно, но мне ничего не оставалось делать.

- А что вы подумали потом? — безжалостно продолжал сэр Хамфри.

- Ну... я подумал: зачем просто проходить мимо двери, можно же ее и открыть.

- Очень логично, господин министр. Для того двери и существуют.

- Вот именно. — Я собрался с духом и решил сказать ему все, как есть. — К тому же мне захотелось кое-что выяснить.

- Прекрасно. Что?

Я возмутился: с какой стати он требует у меня отчета, заставляет чувствовать себя виноватым, выясняет, что сказали мне работники МАДа?! Короче говоря, ведет себя так, будто они — его подчиненные, а не мои. *(Так оно и было. — Ред.)*

Но, с другой стороны, как не ответить на прямой вопрос?

- Так, несколько пустяковых деталей, — наконец ответил я, сделал неопределенный жест.

Он помолчал, видимо, ожидая продолжения. Затем переспросил:

- Несколько пустяковых деталей?

- Да.

- Пустяковых?

- Ну, не настолько... У нас вчера было совещание, так ведь?

Мой постоянный заместитель, по всей видимости, устал от словесного поединка.

- Господин министр, могу я переговорить с вами?

- Конечно, Хамфри. Как только мы с Ричардом...

Он перебил меня:

- Нет, сейчас, господин министр, сейчас.

Кажется, настала моя очередь заставить его чуть-чуть смутиться. «Не захочет же он говорить со мной о серьезных вещах в присутствии своего подчиненного», — подумал я и сказал: Тогда валяйте.

- Наверху, господин министр, в вашем кабинете.

- Зачем? По-моему, Ричард не будет возражать...

- Наверху, господин министр. Уверен, доктор Картрайт не будет возражать.

Картрайт, видимо, принял все за чистую монету. Во всяком случае, он любезно улыбнулся и заверил нас, что, конечно же, нисколько не возражает.

Сэр Хамфри открыл дверь, и я, словно провинившийся школьник, вышел из кабинета.

Интересно, как он узнал, что я у Картрайта. Бернард сказать ему не мог, значит, кто-то случайно увидел меня в коридоре и поспешил ему доложить. Я должен обрести свободу, но для этого необходимо выиграть психологическую войну с Хамфри. А пока ему всякий раз каким-то образом удается вызвать у меня чувство вины и неуверенности.

Найти бы хоть трещинку в броне Хамфри — тогда ему несдобровать!

Оказывается, наш маленький спарринг в присутствии Картрайта был только прелюдией к настоящему бою. И он разгорелся через несколько минут в моем кабинете, после того как мы, храня ледяное молчание, поднялись на лифте и миновали бесконечный лабиринт коридоров.

Едва за нами закрылась дверь, Хамфри заявил мне, что я не должен просто так шататься по министерству, и выразил искреннюю надежду, что «подобное больше не повторится».

Я не поверил своим ушам и, естественно, потребовал у него объяснений.

- Господин министр, как я могу давать вам правильные советы, не зная, кто кому что говорит? Я должен быть полностью в курсе происходящего. У вас не может быть сугубо частных бесед с сотрудниками министерства. А если вам передадут ложную информацию?

- Если она окажется ложной, вы внесете соответствующие коррективы.

- Но она может быть и не ложной...

- В таком случае... — торжествующе начал я.

Он перебил меня:

- То есть не совсем ложной. Вводящей в заблуждение. Допускающей превратное толкование.

Я решил спросить его в лоб:

- Все дело в том, что вы пытаетесь скрыть от меня информацию, не так ли, Хамфри?

Он возмутился:

- Конечно, нет, господин министр! Как вам могло такое прийти в голову? Мы должны вести документальный учет всего, что здесь происходит. Ни вы, ни мы не вечны. Через несколько лет для кого-то может оказаться жизненно важным знать, что именно вам сказали сегодня. Предположим, Картрайта завтра уберут отсюда — как нам тогда проверить достоверность вашей информации?

Явно надуманный аргумент.

— Завтра Картрайта не уберут, — заявил я.

— Не будем загадывать, — последовал многозначительный ответ.

Наш спор прервал заглянувший в кабинет Бернард. Алекс Эндрюс из «Мейл» интересуется, смогу ли я завтра его принять. Я, само собой разумеется, согласился и попросил Бернарда зайти, чтобы застенографировать нашу беседу с Хамфри. Мой постоянный заместитель высказал свою точку зрения на частные встречи министра. Теперь пусть выслушает мою.

Прежде всего я повторил то, что узнал от доктора Картрайта. По его мнению — а это мнение разделяют все, кто хоть как-нибудь разбирается в проблемах местного самоуправления, — совет графства Дербишир — самый эффективный в стране.

— Уверен, вы хотели сказать «самый неэффективный», господин министр.

— Эффективный, Хамфри, очень эффективный. И самый экономичный. Просто их не особенно интересуют синие формы Уайтхолла.

— Господин министр, речь идет не просто о синих формах, а о формах государственной отчетности.

Кажется, они все-таки должны присылать эти чертовы синие формы. По словам Хамфри, того требует закон. Даже если всем прекрасно известно, кому он нужен, этот закон.

Но ведь в каких-то случаях можно и закрыть глаза, можно сделать исключение, не настаивать слепо на применении закона. Поэтому я спросил Хамфри, что случится, если совет Дербишира не пришлет синих форм. Работает-то он хорошо, это очевидно.

Хамфри, как часто с ним бывает, совершенно не понял (или не захотел понять) мою мысль.

- Если они не будут присылать нам требуемую отчетность и прочую документацию на утверждение, то для чего же тогда здесь мы?

Отличный вопрос!

- Вот именно, для чего?
- Чтобы сопоставлять поступающие сведения, проверять исполнение, давать разрешения на субсидии, отказывать в них...

- А если бы мы всего этого не делали? — перебил я.

Он уставился на меня, будто я с луны свалился.

- Простите, господин министр, я вас не понимаю.

— Если бы мы всего этого не делали... — повторил я. — Если бы нас вообще не было, что бы тогда произошло?

— Простите, господин министр, мне кажется, вы меня плохо поняли.

Вся беда Хамфри в том, что его заботят только средства, но не цель.

(Многие государственные служащие того периода, когда речь заходила о целях и средствах, легкомысленно заявляли, что единственно возможная цель администрации — это полное отсутствие цели. Конечно, если администрацию рассматривать в вакууме, так оно и есть. Цели у администрации не может быть по определению, потому она и вечна. Ныне, и присно, и во веки веков. Аминь! — Ред.)

- Хватит, устал я от бесконечных споров и не намерен применять дисциплинарные меры против самого эффективного совета во всей стране. Я же буду выглядеть последним идиотом, если соглашусь.

- Это ваша обязанность, — заявил сэр Хамфри.

Думаю, мой постоянный заместитель имел в виду обязанность принимать меры, а не выглядеть идиотом, но не уверен... Он добавил, что у меня нет выбора, никакие исключения тут недопустимы и к тому же на дисциплинарных мерах настаивают казначейство и кабинет.

(Под кабинетом сэра Хамфри, естественно, подразумевал не премьер-министра, а секретаря кабинета. Сказать об этом открыто он, конечно, не мог: необходимо было всячески поддерживать миф, что Британией правят министры. И это они дают указания государственным служащим, а не наоборот. — Ред.)

Видя, что его доводы меня не убеждают, сэр Хамфри сказал:

— Господин министр, мне кажется, вы чего-то недопонимаете. В данном случае решать не вам и не мне. Этого требует закон.

На том мы и расстались. Я чувствовал себя, словно пес, которого силой тащат на прогулку, он скулит, упирается лапами, а его волокут на поводке...

Должен же быть какой-нибудь выход! Чем больше я думаю обо всем этом, тем меньше мне хочется применять меры против совета Дербишира... Если, конечно, выбора действительно нет.

И еще, чем больше я думаю об этом, тем больше мне кажется, что все-таки Бернارد сообщил Хамфри о моем намерении побеседовать с Картрайтом.

18 ноября

Вчера у меня не нашлось времени потолковать с Бернардом наедине. Сегодня же утром во время разбора корреспонденции я напрямик спросил его, откуда Хамфри узнал о моем визите к Картрайту.

- Пути господни неисповедимы, — серьезно ответил он.

- Послушайте, Бернард, давайте-ка сразу внесем ясность: сэра Хамфри — не господь бог. Договорились?

Бернард кивнул.

- Господин министр, а кто ему скажет об этом — вы или я?

Очень остроумно! Пришлось повторить свой вопрос: откуда Хамфри узнал, где меня искать?

К счастью, как выяснилось позднее, я забыл выключить диктофон, поэтому сейчас имею возможность документально запечатлеть ответ Бернарда в своем дневнике.

— Между нами, господин министр, все, что вы мне говорите, остается строго между нами. В равной мере — и я уверен, вы оцените это, хотя под словом «оцените» я, собственно, имею в виду не столько «оцените», сколько «поймете», — все, что мне говорит сэра Хамфри, тоже остается строго между нами. И конечно же, все, что я говорю вам и соответственно сэру Хамфри, тоже остается строго между нами...

— Ну и?..

— Ну и, строго между нами, господин министр, я уверен, вы понимаете, что для меня хранить все, о чем я говорю с вами и соответственно с сэром Хамфри, означает, что все мои разговоры с ним должны быть доверительными, как, безусловно, доверительны наши разговоры с вами, и... с вашего позволения, я хотел бы встретить Алекса Эндрюса, который, полагаю, уже пришел на беседу.

Таков был его ответ. Слово в слово. И что я мог из него понять? Ровным счетом ничего.

Я был лично заинтересован в беседе с Алексом Эндрюсом из «Мейл». Сам попросил Бернарда устроить встречу как можно скорее, надеясь на очерк или что-нибудь в этом роде. Мои ожидания, увы, не оправдались. Правда, жалеть о встрече не приходится: я оказал ему добрую услугу. Мне это ничего не стоило, а он, возможно, когда-нибудь отплатит тем же.

Алексу нужна была моя помощь, чтобы разобраться в одном интересном деле, на которое он наткнулся совершенно случайно.

- Господин министр, вы в курсе намерения вашего правительства даром, в буквальном смысле за так, отдать некоему частному предпринимателю участок с расположенными на нем зданиями, портовыми сооружениями, взлетной полосой и так далее... общей стоимостью сорок миллионов фунтов?

Я подумал, он меня разыгрывает.

— Сорок миллионов?

— Клянусь честью!

Не знаю почему, но я вдруг испугался.

- А почему вы спрашиваете меня? Я что, имел к этому отношение?

(На первый взгляд сомнения и страх Хэкера, конечно, могут показаться странными. Если он имел к этому отношение, то должен помнить. Однако в реальной жизни от имени министра делается столько вещей, что о многих из них он либо имеет очень смутное представление, либо вообще не имеет такового. — Ред.)

Алекс понимающе улыбнулся и попросил меня не волноваться. Слава богу!

Затем он поведал мне прелюбопытную историю. Началась она давно. Около тридцати лет назад министерство обороны арендовало один из шотландских островов. Там были построены казармы, порт, штабной комплекс, аэродром и даже стадион. Теперь срок аренды истек, и все эти постройки перешли в собственность первоначального землевладельца. А он собирается развернуть там туристический центр... и загрэбать деньги лопатой.

Я слушал с открытым ртом.

- Но это невозможно! Закон гласит...

Эндрюс перебил меня:

- Вы имеете в виду английские законы, а контракт заключался в соответствии с законами шотландскими. Какой-то идиот даже не понял этого существенного различия.

Я облегченно вздохнул. Слава богу, «Мейл» не сможет обвинить меня в причастности к ляпу, допущенному в пятидесятых годах. Хотя, будь у них какая-нибудь зацепка, уверен, они с восторгом ухватились бы за нее. Но почему Эндрюсу понадобился я? Сюжет и кое-какие детали у него уже имеются — правда, почти тридцатилетней давности, хотя для Флит-стрит сойдет и это.

Алекс объяснил мне, что статья уже готова и будет помещена в завтрашнем номере, но редакция не намерена останавливаться на этом.

- Мы хотим докопаться до сути, поэтому нам нужно порыться в соответствующих документах, чтобы точно выяснить, как такое стало возможным.

— Зачем?

— Как зачем? — удивился он. — Чтобы извлечь урок на будущее. А если повезет, то найдем и конкретного виновника.

— Какой смысл? — спросил я. — В любом случае этим занимался чей-нибудь помощник... мелкая сошка.

Алекс кивнул.

- Скорее всего. Но прошло тридцать лет. Вдруг он стал важной птицей, может, даже постоянным заместителем — руководит каким-нибудь министерством и распоряжается миллиардами общественных денег.

На мой взгляд, крайне маловероятное предположение. Эти газетчики обожают из мухи делать слона.

Да, маловероятное, согласился он, но все-таки настаивал на необходимости «порыться в документах».

«С этими газетчиками надо держать ухо востро, да и раздавать направо-налево секретные досье тоже не дело», — подумал я и на всякий случай посоветовал Алексу обратиться в государственный архив. Поскольку речь идет об аренде тридцатилетней давности, ему наверняка выдадут все, что нужно.

Алекс усмехнулся.

— Естественно. Такого ответа следовало ожидать. Я уже заказал их в архиве, но мне нужна гарантия, что я получу требуемые материалы. Все до единого.

Ненавижу, когда от меня требуют гарантий. По-моему, это не совсем порядочно. Да и кто их может дать? Поэтому я сказал, готовя почву для достойного отступления:

— Но документы, связанные с министерством обороны, как правило...

Эндрюс не дал мне договорить.

- Только, ради бога, не прикрывайтесь секретностью. Военными тайнами здесь и не пахнет. Послушайте, вы ведь давали предвыборное обещание не скрывать от избирателей никаких фактов? Считайте дело об аренде пробным шаром. Например, можете вы гарантировать, что из досье не будет изъят ни один документ?

Не видя оснований для отказа в такой гарантии, я согласился и, забыв об осторожности, добавил:

- Никаких проблем.

— Обещаете?

— Конечно, — сказал я и в подтверждение своих слов обещающе улыбнулся.

- На самом деле, не как в предвыборном манифесте?

До чего же все-таки подозрительны эти журналисты, сил нет!

— Ваша беда, Алекс, в том, что вас не устраивает, даже когда вам говорят «да».

- Потому что иначе, — продолжал он, будто не слыша моих слов, — мы напишем о министрах, которые плюют на собственные предвыборные обещания.

Теперь мне не отвертеться. Придется сдержать слово. Хорошо еще, что это полностью совпадает с моими намерениями.

(На следующий день «Мейл» опубликовала статью, о которой Алекс Эндрюс упоминал в беседе с Хэкером...)

«40 МИЛЛИОНОВ ФУНТОВ ИЗ КАРМАНА НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОШИБКА — ВСЕ, ЧТО НАДО ДЛЯ ПРОЦВЕТАНИЯ ЧАСТНЫХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ

Алекс Эндрюс

Элементарная ошибка, допущенная тридцать лет назад мелким государственным служащим, обойдется британским налогоплательщикам по меньшей мере в сорок миллионов фунтов...»

В тот же вечер сэр Хамфри Эплби сделал в своем дневнике соответствующую запись. — Ред.)

«Кошмарное потрясение!

Статья в сегодняшней «Мейл» о военно-морской базе на острове Глен-Лох.

Прочитал ее в утреннем поезде по дороге на работу. Меня сразу охватило чувство, которое враги называют «паническим синдромом»: мгновенно вспотели ладони, сдавило грудь... перехватило дыхание. Я встал и несколько раз прошелся взад-вперед по проходу. Кажется, это слегка насторожило моих постоянных попутчиков. Впрочем, может, мне только так показалось: дает себя знать синдром.

К счастью, у меня с собой был валиум — без него я вряд ли смог бы продержаться весь день. Перед сном приму еще.

Стараюсь сам себя убедить: никому и в голову не придет связывать этот досадный инцидент со мной... слишком древняя история, и ее детали вряд ли кого могут заинтересовать...

Вполне логичные и убедительные доводы, но почему-то меня они не убеждают.

Почему, ну почему эта история всплыла сейчас, через столько лет, когда я уже был уверен, что ее предали забвению?

И абсолютно не с кем поделиться...

О боже!»

(Продолжение дневника Хэкера. — Ред.)

21 ноября

Прочитал в сегодняшней «Мейл» статью Алекса Эндрюса. Довольно занятно.

22 ноября

Самый счастливый день в моей жизни.

Господь услышал мои молитвы!

Утром, закончив очередное производственное совещание, я спросил Хамфри, читал ли он статью в «Мейл».

— Какую, господин министр? — нахмурился он.

Странно. Не может быть, чтобы никто не обратил его внимания на такую статью.

— Про жуткий ляп, который государственная служба допустила тридцать лет назад с арендой на шотландский остров, — напомнил я.

Сейчас, когда я проигрываю в памяти нашу беседу, мне кажется, будто при словах «жуткий ляп» сэр Хамфри даже вздрогнул. Так или иначе, он вспомнил.

— Да-да, кажется, я ее просмотрел.

— Должен заметить, все это довольно забавно: сорок миллионов коту под хвост. Кто-то здорово опростоволосился, вы не находите?

Он молча кивнул и изобразил подобие улыбки.

— Надеюсь, в вашем ведомстве такое произойти не могло? — полушутя спросил я.

- Нет, — твердо ответил он. — Конечно, нет... никогда.

- Интересно бы узнать, кого за это благодарить?
- Этого нам, господин министр, никогда не узнать.

Как так? Ведь все, абсолютно все фиксируется на бумаге. Он сам не устает мне об этом напоминать.

Где-нибудь, конечно, зафиксировано, согласился мой постоянный заместитель, но на поиск могут уйти столетия. Да и дело, по его мнению, яйца выеденного не стоит. Кому это интересно?

— Вот тут вы ошибаетесь, Хамфри. Как только истечет срок секретности документации — а это вот-вот случится, — «Мейл» собирается всерьез заняться скандальной историей с островом Глен-Лох и опубликовать серию статей. Я обещал им свободный доступ ко всем досье.

Сэр Хамфри отшатнулся, будто увидел перед собой гремучую змею.

— Господин министр!

Его реакция меня насторожила. Что это — гнев? Трудно сказать.

— Вы не согласны? — обеспокоенно спросил я.

Все-таки это был гнев.

— Согласен? Согласен? Нет, господин министр, не согласен!

Почему нет? Это невозможно и немислимо, заявил он. Такое объяснение меня не устраивало, что я и довел до его сведения.

- Глен-Лох — совершенно секретный объект, господин министр.

- Десяток казарм и стадион?

— Но там размещались секретные военно-морские сооружения, противолодочные системы, радарные установки...

Я резонно заметил, что эти детали ему не могут быть известны. Он тут же согласился, но добавил — по-моему, не очень уверенно, — что все островные базы ВМС оборудованы приблизительно одинаково.

Слабый, несерьезный аргумент.

- Все военное оборудование будет демонтировано, — сказал я.

— Но в документации имеются точные данные...

- Которые безнадежно устарели.

— Так или иначе, — с видимым облегчением произнес Хамфри, — нам придется согласовать все это... получить разрешение...

Еще несколько месяцев назад такого возражения было вполне достаточно, чтобы мой постоянный заместитель загал меня в угол. Но сейчас я стал чуть старше и мудрее.

— От кого, Хамфри?

Он бросил на меня растерянный взгляд и залепетал что-то маловразумительное:

— МИ-5, МИ-6... иностранных держав... союзников... военного руководства... ЦРУ, НАТО, СЕАТО, Москвы!

- Хамфри, — осторожно спросил я, — с вами... все в порядке?

— Нет, не Москвы. Конечно же, я не имел в виду Москвы, — спохватился он.

У меня сложилось впечатление, что он произносит первые попавшиеся слова. «Москва» вырвалась у него просто по ассоциации.

Видя, что его доводы меня не убедили, сэра Хамфри в отчаянии добавил:

— Там может быть информация, которая нанесет ущерб ныне здравствующим людям.

Его, в отличие от меня, это не на шутку беспокоило.

— Тот, кто готовил этот контракт, должен получить по заслугам. Особенно если он здравствует и поныне!

— Да-да, конечно, виновных никто покрывать не станет. Но ответственные министры...

Я не дослушал его. Какое мне дело до министра, на котором лежала ответственность за сделку, совершенную тридцать лет назад? Но другие-то, те, кто помоложе, занимают посты и сейчас! А это может быть забавным.

Интересно, есть ли объяснение упорному нежеланию сэра Хамфри открыть доступ к досье Глен-Лоха. Я прямо спросил, чем он так обеспокоен.

Хамфри откинулся на спинку стула и подчеркнуто-небрежно закинул ногу на ногу.

— Я ничуть не обеспокоен, господин министр. Нисколько. То есть лично я. Но меня не может не беспокоить сам принцип... прецедент... политика, наконец!

Политика? Не много ли он на себя берет?

- Вы забываетесь, Хамфри. Политика — мое дело! — напомнил я и, прежде чем он успел что-либо возразить, добавил: — К тому же раз я обещал, значит, это должно быть выполнено.

Хамфри сосредоточенно уставился в пол, видимо, решая, отвечать или нет. Затем тяжело поднялся и, ни на кого не глядя, вышел из кабинета.

Он выглядел усталым, лицо посерело и сделалось каким-то безжизненным.

Присутствовавший при разговоре Бернард, как всегда, терпеливо ждал продолжения.

Бросив невольный взгляд на дверь, которую плотно прикрыл за собой мой постоянный заместитель, я спросил:

- Что это с ним? (От Бернарда не последовало никакого ответа.) Я что-нибудь не так сказал? (Снова молчание.) Тогда в чем дело?

Мой личный секретарь глубокомысленно изучал что-то на полке. Такой взгляд бывает у телки, жующей сено.

- Бернард, я что, сам себе это говорю?

Он повернулся в мою сторону.

- Нет, господин министр, я вас слушаю.

- Тогда почему не отвечаете?

- Простите, господин министр, мне казалось, вы задаете чис-

то риторические вопросы. По-моему, у сэра Хамфри нет особых причин для беспокойства.

Беспокойства, беспокойства... Стоп! У меня вдруг с глаз спала пелена.

Как же я сразу не догадался? Слепец! Ведь ответ лежит на поверхности — только руку протянуть. Хотя... признаться, трудно поверить...

— Нет особых причин, — задумчиво повторил я, — если только... Скажите, Бернард, вы думаете то же, что и я?

Он недоуменно уставился на меня.

— Не думаю, господин министр, — осторожно произнес он, а затем в приступе непонятной откровенности добавил: — Я вообще ни о чем не думаю.

— А я думаю. И знаете, что? Здесь что-то нечисто.

— Да? Может, пригласить уборщицу?

Мне не хотелось вот так сразу выкладывать свои подозрения, надо действовать наверняка. Поэтому я для начала спросил, сколько времени сэр Хамфри служит в министерстве административных дел.

— По-моему, с момента основания, господин министр.

— Значит?..

— С шестьдесят четвертого. Оно образовалось одновременно с министерством эконо... — Пораженный внезапной догадкой, он умолк на полуслове. Затем, придя в себя, задумчиво протянул: — Кажется, теперь я думаю то же, что и вы.

— Итак?

— Вы думаете, где он находился до шестьдесят четвертого?

Похоже, мой личный секретарь тоже не хотел ошибиться. Я кивнул.

— Это должно быть в «Кто есть кто», — пробормотал Бернард и бросился к книжному шкафу из красного дерева рядом с мраморным камином. — Скорее всего, его «отловили» в каком-нибудь министерстве, когда создавали МАД. (*«Отловом» в МАДе называлась «охота за мозгами» в других ведомствах. — Ред.*)

Бернард достал справочник, лихорадочно зашелестел страницами.

— Вот... О боже! — внезапно осипшим голосом произнес он. Я молча ждал.

— С тысяча девятьсот пятидесятого по пятьдесят шестой сэр Хамфри являлся помощником министра по делам Шотландии. Мало того, он был прикомандирован туда министерством обороны и занимался региональными контрактами.

Итак, жертва определилась. Мелким чиновником, который пустил коту под хвост сорок миллионов государственных денег, оказался не кто иной, как сэр Хамфри Эплби, ныне здравствующий постоянный заместитель министра административных дел, кавалер орденов Бани и Королевы Виктории, магистр искусств (Оксфорд).

— Это ужасно! — трагическим тоном произнес Бернад, но глаза его заблестели.

— Кошмар! — подтвердил я, тоже с трудом сдерживая улыбку. — А срок секретности истекает буквально через несколько недель.

Я вдруг почувствовал себя непомерно счастливым. Настолько, что попросил Бернарда немедленно вернуть сэра Хамфри. Бернад снял трубку и набрал номер.

— Алло, Грэм? Это Бернад. Господин министр просил узнать, не сможет ли сэр Хамфри встретиться с ним. В любое время в течение ближайших двух дней...

— Немедленно, — уточнил я.

— Собственно, господин министр имел в виду в любое время сегодня...

— Немедленно, — повторил я.

— Точнее, в любое время в течение ближайших шестидесяти секунд.

Бернард выслушал ответ, поблагодарил Грэма, положил трубку.

— Он уже идет.

Мы молча посмотрели друг на друга, изо всех сил стараясь не рассмеяться. У Бернарда от напряжения подрагивали губы.

— Это очень серьезно, Бернад.

— Да, господин министр, — простонал он.

Не в силах сдерживаться я закрыл лицо носовым платком.

— Здесь нет ничего смешного, Бернад.

— Да, господин министр, ничего смешного, — донесся до меня его прерывистый, всхлипывающий голос.

Наконец мы кое-как пришли в себя.

— Теперь весь вопрос в том, как нам действовать.

— Господин министр, по-моему...

— Вопрос был чисто риторическим, Бернад.

Тут дверь открылась, и в кабинет заглянуло утомленное, сморщенное лицо с тревожно бегающими глазками.

Это был сэр Хамфри Эплби. Но не тот Хамфри Эплби, которого я знал. Не колосс, не бог, величественно обходящий свои владения, а жалкий, загнанный хорек, испуганно озирающийся по сторонам.

— Вы хотели переговорить со мной, господин министр? — спросил он, все еще наполовину скрытый дверью.

Я радостно приветствовал его, взмахом руки пригласил войти и — не без сожаления — отпустил Бернарда. Тот не заставил себя ждать: пулей выскочил из кабинета, издавая странные хрюкающие звуки.

Усадив Хамфри напротив себя, я сказал ему, что мне не дает покоя скандальная история с шотландским островом.

Он пренебрежительно скривился, но меня это не остановило.

— Послушайте, а вам не приходило в голову, что этот чиновник может все еще состоять на государственной службе?

— В высшей степени мало вероятно, — категорически заявил Хамфри, полагая, в надежде отбить у меня охоту докапываться до истины.

Напрасные хлопоты! Мне доставило искреннее удовольствие развеять его иллюзии.

— Почему? Тогда ему было, видимо, лет двадцать пять — двадцать шесть, значит, сейчас — где-то за пятьдесят. Может, он даже стал постоянным заместителем.

— Я... мне... вряд ли, — растерянно пробормотал он.

— Дай-то бог! — Я с сомнением покачал головой. — Во всяком случае, я искренне надеюсь, что человек, допустивший столь чудовищный ляп, никогда не смог бы стать постоянным заместителем.

Хамфри согласно кивнул, но у него было такое выражение, будто ему вырвали зуб без анестезии.

— Ведь это было очень давно, — запричитал он. — Теперь и концов не найти...

Я пошел на добивание. О, долгожданный час отмщения! Вот уж не думал, что он наступит так скоро после моего унижения у Картрайта.

— Почему не найти? «В государственной службе все, абсолютно все скрупулезно фиксируется на бумаге и тщательно хранится веками...» — разве это не ваши собственные слова? Надеюсь, вы не собираетесь отказываться от них? Тем более что речь идет о государственных документах, еще не утративших юридической силы.

Хамфри вдруг вскочил и умоляющим тоном — такого с ним никогда еще не бывало — произнес:

— Господин министр, ну зачем делать из мухи слона... из-за ничтожной оплошности, совершенной тридцать лет назад, губить, возможно, блестящую карьеру? Да и сумма не так уж велика...

Потрясающе!

— Сорок миллионов?

— Ну и что? — с жаром воскликнул он. — Это же сущие пустяки по сравнению с «блю-стриками», «трайидентами», «конкордами», муниципальными небоскребами, «Бритиш стил», «Бритиш лейланд», «Бритиш рейлуэйз», государственной программой ядерной энергетики или Сассекским университетом!

(В определенном смысле аргумент, конечно, неопровержимый. — Ред.)

— Все так, — спокойно ответил я. — Но, с другой стороны, это по меньшей мере в сто раз больше того, что упомянутый чиновник мог бы заработать за всю жизнь... — Тут меня снова осенило, и я добавил: — Хамфри, прошу вас лично заняться этим делом и найти виновного, договорились?

Шах и мат!

Очевидно, поняв это, он снова сел, тяжело вздохнул и, глядя себе под ноги, пробормотал:

- Господин министр, я хотел бы сообщить вам... э-э... полагаю, вам необходимо это знать...

Я незаметно сунул руку в ящик стола и включил свой портативный диктофон. Исповедь сэра Хамфри должна быть полностью запечатлена для потомков. Почему бы и нет? Все, абсолютно все должно скрупулезно фиксироваться и тщательно храниться. Порядок есть порядок.

Вот что он мне сказал, слово в слово:

- Личность упомянутого государственного служащего, гипотетическая ответственность которого за предполагаемую промашку стала в последнее время предметом всякого рода домыслов и кривотолков, отнюдь не скрыта столь непроницаемым покровом таинственности, как вам могло показаться в свете некоторых, с позволения сказать, откровений. Короче говоря, упомянутым чиновником, хотя, возможно, вас это очень удивит, является человек, которого ваш покорный слуга обычно идентифицирует при помощи личного местоимения...

— Простите?

Последовала мучительная пауза.

— Это был я, — мрачно произнес он.

— Хамфри! Не может быть! — воскликнул я, изображая глубокое потрясение.

У моего постоянного заместителя был такой вид, будто он вот-вот зарыдает. Затем его прорвало.

- На меня давили! Подгоняли! Мы работали без выходных! Надо было успеть до обсуждения в парламенте! — Он затравленно посмотрел на меня, как бы в поисках поддержки. — К тому же я тогда совершенно не разбирался в юридических тонкостях... иначе мне бы никогда не поручили такую работу... *(Утверждение сэра Хамфри соответствовало действительности. То были времена всеобщего преклонения перед гуманитарными знаниями, когда считалось вполне разумным и логичным поставить, скажем, лингвиста во главе юридической службы, а историка назначить руководителем статистического отдела. — Ред.)* Да, так уж вышло, ничего не поделаешь. Но ведь тридцать лет назад, господин министр, тридцать лет! Никто из нас не застрахован от ошибок.

У меня не хватило жестокости продлевать его мучения.

- Ладно, Хамфри, — произнес я отеческим тоном. — Не убивайтесь. Я дарю вам прощение.

Он буквально рассыпался в благодарностях — настолько горячих и неумеренных, что мне даже стало неловко.

Поэтому я перебил его, выразив удивление, почему он сразу не сказал мне об этом.

- Хамфри, разве у нас есть друг от друга секреты?

Похоже, он не уловил в моих словах никакой иронии. Но и честного ответа я от него тоже не дождался.

— Вам об этом судить, — сказал он.

— Не только мне, — возразил я.

Как бы там ни было, Хамфри находился в состоянии смиренной признательности и был готов на любые уступки. Я решил, что настал самый удобный момент предложить *quid pro quo*.

— Ну и что же мне теперь делать? Я обещал Алексу Эндрюсу из «Мейл» свободный доступ ко всем материалам Глен-Лоха. Нарушить слово? Но ведь меня изжарят живьем... — Я пристально посмотрел ему в глаза. — Хотя... если бы на мне не висела еще одна серьезная проблема, конечно, можно было бы что-нибудь придумать.

Мой прозрачный намек не вызвал у сэра Хамфри ни удивления, ни возмущения. Еще бы, сколько раз не без его участия точно так же выкручивали руки мне!

— Можно оказаться изжаренным живьем за принятие дисциплинарных мер против наиболее эффективного в Британии органа местного самоуправления.

Ответ Хамфри не заставил себя ждать. Вот что он сказал мне после секундного колебания:

— Господин министр, я тоже много думал об этом. Отменить сам по себе закон мы, естественно, не можем, но отнестись к совету Дербишира с пониманием вполне в наших силах...

В результате мы оба сочли возможным ограничиться частной беседой с ответственным секретарем совета и порекомендовать ему сделать соответствующие выводы.

Итак, оставалось решить главную проблему: как быть с обещанием Алексу Эндрюсу?

— Господин министр, я лично уделю этому вопросу самое пристальное внимание, — заверил меня Хамфри.

На том мы и расстались. Надеюсь, он придумает что-нибудь стоящее. Да нет, просто не сомневаюсь в этом! И с нетерпением ожидаю завтрашнего дня.

23 ноября

Утром, едва я появился в министерстве, Бернард предупредил меня, что сэр Хамфри просил сразу же сообщить ему о моем приходе...

Не успел он договорить — дверь распахнулась, и в кабинет торопливо вошел сэр Хамфри собственной персоной. Выглядел он уже более уверенным, чем вчера. В руках он держал тонкую папку.

- Итак? — Я вопросительно посмотрел на него.

- Господин министр, я счел необходимым посоветоваться с работниками личной канцелярии лорда-канцлера. Вот как мы обычно поступаем в таких случаях.

Он протянул мне папку, на обложке которой было написано «Полный комплект имеющейся в наличии документации, за исключением:

а) небольшого числа секретных документов;

- б) ряда материалов, не потерявших юридической силы;
- в) части официальной переписки, утерянной во время наводнения 1967 года;
- г) части архива, утерянного во время перевозки в Лондон;
- д) некоторых документов, утерянных в ходе реорганизации военного министерства в министерство обороны;
- е) материалов, изъятых в соответствии с установленной процедурой, публикация которых может дать повод для клеветнических измышлений и/или утраты доверия либо поставить в неудобное положение дружественные нам правительства».

(Прямо скажем, довольно трудная для Великобритании зима 1967 года была на редкость удачной с точки зрения государственной службы. Именно тогда оказались утерянными многие «опасные» документы. — Ред.)

Я с нескрываемым удовольствием ознакомился с этим исчерпывающим перечнем. Затем открыл папку — она была... пуста. Абсолютно пуста. Без единого листика.

- Хамфри, и это все, что осталось?
- Да, господин министр.

Художественная

Джонатан Линн и Энтони Джей

ДА, ГОСПОДИН МИНИСТР
Из дневника члена кабинета министров
достопочтенного Джеймса Хэкера,
члена парламента

Редактор *Т. Б. Романова*

Оформление художника *А.Я.Михайлова*

Художественный редактор *С. С. Водчиц*

Технический редактор *Е. Б. Голова*

Корректор *А. В. Федина*

ИБ № 1349

Сдано в набор 15.03.89. Подписано в печать 26.06.89. Формат 60 X 90
1/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31,00. Усл. кр.-отт. 31,00 Уч.-изд. л. 35,72. Тираж 100 000
экз. Заказ № 192. Цена 3 р. 90 к. Изд. N» 28-И/88

Издательство «Международные отношения»

107078, Москва, Садовая-Спасская, 20

Ярославский полиграфкомбинат Госкомпечати СССР. 150014

Ярославль, ул. Свободы, 97